

На основе анализа разнообразных источников усилиями историков, социологов, специалистов в области языка, литературы, изобразительного и музыкального искусства раскрыта сложная и неоднозначная роль, которую сыграли в истории Карелии XX века Финляндия и финская культура, «финский фактор» – соседство с Финляндией и присутствие в Карелии финской диаспоры. Книга может быть интересна широкому кругу специалистов гуманитарного профиля и всем тем, кто интересуется историей России и Финляндии XX века.

Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века

Финский фактор

В истории
и культуре
Карелии

XX
века

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

**ФИНСКИЙ ФАКТОР
В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
КАРЕЛИИ XX ВЕКА**

Гуманитарные исследования

Выпуск 3

Петрозаводск
2009

УДК 940(450)+908 (470.22)
ББК 71.1
Ф59

Р е ц е н з е н т ы :

д. и. н., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН А. И. Рупасов;
к. и. н., старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН З. И. Строгальщикова

Сборник статей подготовлен к публикации при поддержке программы
Отделения историко-филологических наук РАН
«Русская культура в мировой истории»

Перевод с финского языка статей Туулиikki Курки, Пекки Суутари, Микко Юликангаса выполнила А. Е. Беликова.

Ф59 Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 465 с.

На основе анализа разнообразных источников усилиями историков, социологов, специалистов в области языка, литературы, изобразительного и музыкального искусства раскрыта та сложная и неоднозначная роль, которую сыграли в истории Карелии XX века Финляндия и финская культура, «финский фактор» – соседство с Финляндией и присутствие в Карелии финской диаспоры. Книга может быть интересна широкому кругу специалистов гуманитарного профиля и всем тем, кто интересуется историей России и Финляндии XX века.

ISBN 978-5-9274-0381-3

© Карельский научный центр РАН, 2009
© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2009

Предисловие

Изучение контактных зон, результатов межкультурных взаимодействий – одна из популярнейших тем современных гуманитарных исследований. Ожидания конкретных результатов связаны с обращением к локальным зонам приграничья, отдельным регионам, каким является Карелия. На протяжении столетий географическое соседство русских, карел и финнов, разносторонние межэтнические контакты были постоянным фактором их исторического развития. В динамичном XX в., отмеченном крупными социальными сдвигами и трансформациями, оформлением советско-финляндской государственной границы, характер и результаты контактов этносов-соседей приобрели новое политическое, экономическое, социальное и художественное наполнение.

Основная идея этой книги заключается в том, чтобы рассмотреть далеко не новую в историографии тему под единым углом зрения (но, безусловно, с сохранением индивидуальной исследовательской оптики) и по возможности целостно и рельефно, насколько это возможно в рамках сборника статей, раскрыть ту сложную и неоднозначную роль, которую сыграли в истории Карелии XX в. Финляндия и финская культура, показать разные стороны меняющейся, динамичной модели контактирования культур в их разнообразных проявлениях, включая каналы и сферы распространения финского влияния.

Проект «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX в.» получил поддержку программы Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории». Основную часть авторского коллектива составили сотрудники Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН. Однако создание полноценной картины, представляющей тему достаточно широко, было бы невозможно без участия наших коллег из Петрозаводского государственного университета, а также исследовательских центров Москвы, Хельсинки и Йёнсуу. Выражаю искреннюю признательность всем, кто откликнулся на предложение участвовать в подготовке этой книги. Надо полагать, международный проект, объединивший академических и университетских исследователей, способствовал интеграции академической и вузовской науки. Хочется надеяться также, что публикация этого сборника послужит если не сближению разных научных школ и направлений, то, по крайней мере, улучшению взаимопонимания между их представителями.

Среди авторов статей – историки, социологи, исследователи языка, литературы, изобразительного и музыкального искусства. Многие из них внесли заметный вклад в развитие данного направления историографии, опубликовав монографии и защитив диссертации по истории Карелии и Финляндии, экономическим и культурным связям этих сопредельных территорий¹. Наряду с традиционными для исследуемой проблематики сюжетами, углубленными и развитыми в ряде статей этого сборника, в книге также представлены новые и малоизученные темы. Так, сквозь призму лингвистического анализа рассматривается практика языкового моделирования в Карелии 1920–1930-х гг., освещается музыкальное творчество финских иммигрантов, раскрывается целый ряд демографических характеристик финской диаспоры в Карелии. Статьи на «старые» сюжеты опираются на не использовавшиеся ранее источники, постоянно развивающуюся историографию вопроса; ряд из них отличает новый ракурс прочтения уже известных фактов. Так, по-новому звучала тема военного противостояния, освещенная с позиций «устной истории».

Российская Карелия с давних времен входила в состав русского государства. Начиная с XII–XIII вв., когда карельские земли оказались в зоне политических, экономических и идеологических интересов Великого Новгорода, сюда проникает и утверждается православие, определяя в дальнейшем судьбу древнего народа. Часть карельского этноса существовала по другую сторону границы – в Финляндии, на протяжении нескольких веков являвшейся шведской провинцией и лишь в начале XIX в. получившей национальную автономию в виде Великого княжества Финляндского, уже в составе Российской империи.

¹ Отметим лишь некоторые работы по данной проблематике: *Бирин В. Н.* Финны Олонецкой губернии. Препринт доклада. Петрозаводск, 1991; Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. Сб. статей и докладов / Ред. Клементьев Е. И., Бирин В. Н. Петрозаводск, 1992; *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006; *Дубровская Е. Ю.* Из истории национально-демократического движения в Карелии в начале XX в. // Новое в изучении истории Карелии XX века. Петрозаводск, 1994. С. 68–85; Прибалтийско-финские народы России / Ред. Клементьев Е. И., Шлыгина Н. В. М., 2003; *Сойни Е. Г.* Русско-финские литературные связи начала XX века. Петрозаводск, 1998; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия / Ред. И. Такала. Петрозаводск, 1999; *Ylikangas M.* Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004; *Kauppalä P.* Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments. (Diss.). Freiburg, 1992: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/> и др.

В 1809–1917 гг., когда Российскую Карелию и Финляндию разделяла лишь таможенная граница, в приграничных районах активно развивалась торговля, сопровождавшаяся установлением родственных связей и упрочением культурных контактов. В статье, открывающей данный сборник, Марина Витухновская и Пекка Кауппала рассматривают специфику экономических моделей двух соседних регионов, имевших, казалось бы, одинаковые природные, климатические и сырьевые предпосылки для своего развития. Авторы опираются на классический труд Дитера Сенгхааза¹, давшего обстоятельный анализ «финляндского чуда», привлекают разнообразные источники. Проведенное исследование показывает, что в начале XX в. российские власти не воспользовались теми преимуществами, которые давало для развития Карелии соседство с Финляндией, успешно двигавшейся по пути модернизации. В качестве одного из ярких подтверждений раскрывается ситуация в дорожном строительстве: создание в приграничье новых путей сообщения, способных дать выход в развитую систему дорог княжества, блокировалось с целью изоляции карел от Финляндии.

М. Витухновская и П. Кауппала подчеркивают, что «различия в сельскохозяйственных системах и были основной причиной, с одной стороны, экономического отставания Российской Карелии, а с другой – соответствующего подъема Финляндии в XIX в.» Тему аграрного развития двух регионов продолжает статья Вадима Баданова и Николая Кораблева. Предметом их рассмотрения является вопрос о заимствовании финляндского агрохозяйственного опыта Олонецким губернским земством. Авторы отмечают, что реальные предпосылки для применения в Карелии отдельных передовых форм организации сельского хозяйства возникли в период столыпинских преобразований. Анализ многочисленных публикаций в местной прессе, прежде всего в земском издании, позволил выявить основные сферы деятельности, в которых заимствования финляндского опыта по интенсификации сельскохозяйственного производства дали конкретные, хотя и ограниченные, результаты. Таковыми являлись внедрение мелиорации, травосеяния, осуществление мероприятий по улучшению племенного состава крупного рогатого скота (включая приобретение в соседней стране экземпляров животных улучшенной породы), создание земских пунктов маслоделия с использованием закупленного в Финляндии оборудования. Статья содержит также любопытный вывод о том, что эффект столыпинской реформы, в целом не достигшей

¹ *Senghaas D. Von Europa lernen. Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen. Frankfurt am Main, 1982.*

по ряду причин своей главной цели в Олонецкой губернии, ошутимее проявился в ее западных, карельских уездах, крестьянское население которых было более осведомлено об опыте хозяйствования финляндских фермеров. В. Баданов и Н. Кораблев констатируют, что состояние российско-финляндских отношений в начале XX в. провоцировало взаимное недоверие и мешало развитию устойчивых и тесных контактов между аграриями двух стран.

Ситуация 1905–1907 гг., когда Российская Карелия становится все более очевидным объектом интересов России и Финляндии, а карельский вопрос стал «достоянием общественности»¹, раскрыта в статье Марины Витухновской. Автор рассматривает тему сквозь призму финского влияния на национальную мобилизацию карел. Конспективно прослеживая значение Карелии и ее культуры в формировании в XIX в. финского национального мифа, М. Витухновская отмечает значение карелианизма – интереса финских национальных романтиков к Карелии – для формирования идеи Великой Финляндии и зарождения движения, получившего в российской прессе начала XX в. название «панфиннизм». Торговцами-коробейниками Беломорской Карелии к этому времени был создан своего рода «культурный мост», который использовали финские активисты, стремившиеся к культурной и идеологической экспансии в Российскую Карелию. Первая в истории Карелии национальная организация – Союз беломорских карел – была создана в Финляндии в 1906 г. Причем, как подчеркивает Марина Витухновская, в ее составе преобладал «финский компонент». Излагая способы борьбы российских властей с так называемой «панфинской пропагандой», среди которых центральное место занимали полицейские меры, автор отмечает, что тем самым «болезнь не лечилась, а загонялась вглубь, ибо не были решены те коренные проблемы края, которые определяли тягу карел к Финляндии».

Столкновение российско-финляндских интересов в Карелии охватывало различные сферы, включая религию и образование. Предметом рассмотрения в одной из статей этого сборника является состояние народного просвещения в крае и некоторые попытки его модернизации по финскому образцу. Ситуация в сфере образования Карелии конца XIX – начала XX в. показывает, как в очередной раз

¹ См., в частности: *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 202; *Соломещ И. М.* «Карельский вопрос» в контексте геополитических изменений конца XIX – первой половины XX вв. // Доклады Вторых петербургских кареевских чтений по новистике. СПб., 1999. С. 385–388.

вступали в противоречие дискурсы о российской самобытности и заимствовании западных образцов. Российские власти опасались, что в условиях идеологического противостояния культурно-просветительная экспансия из Финляндии могла привести к формированию профинского карельского национального движения, к отрыву карел от России. «Лютеранский поход» в Карелию и борьбу православной церкви против финского влияния характеризует Юрий Шикалов. Он отталкивается от сформулированного М. Витухновской тезиса о том, что «процессы формирования национального самосознания, движения к „национальному самоопределению“ заразительны, они имеют свойство распространяться, как цепная реакция»¹. Автор затрагивает вопрос о языке богослужений — один из самых болезненных в деятельности русской православной церкви в Беломорской Карелии. Анализируя масштабы миссионерской работы финских активистов, исследователь отмечает отсутствие единой точки зрения на эту проблему у современных историков. В рассуждениях по данной теме Ю. Шикалов опирается в основном на материалы российской и финляндской периодической печати.

Карельское национальное движение, сформировавшееся под влиянием Финляндии и тесно связанное с нею, всё активнее проявляло независимость. События в постреволюционной Карелии показали, что к этому времени в условиях новой политической ситуации российские карелы были готовы отстаивать собственное видение перспективы национального развития края.

В начале XX в., когда доля финнов в составе населения Карелии была невелика², финское культурное влияние шло главным образом из Великого княжества Финляндского. После 1917 г. ситуация прин-

¹ *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы... С. 21.

² По данным В. Н. Бирина, миграция финнов в Россию началась после присоединения Финляндии к России в 1809 г. и носила волнообразный характер. В Олонекской губернии первые финские колонисты появились в 1830-е гг., спасаясь от голода после очередного неурожая. Во второй половине XIX в. их число быстро росло: 1858 — 365 чел., 1865 — 991 чел., 1883 — 2622 чел. К концу XIX в. численность финнов Олонекской губернии достигала 3 тыс. чел. и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 г. (ок. 1 % всего населения). Основная масса переселенцев проживала в Петрозаводском (35 %), Олонекском (24 %) и Вытегорском (20 %) уездах и была занята в промышленности, ремеслах, на строительных работах и лесозаготовках. В конце XIX в. 90 % олонекских финнов были мигрантами первого поколения, среди которых преобладали выходцы из Выборгской, Куопиоской и Улеаборгской губерний. Благодаря близости Финляндии и постоянным контактам с родиной, иммигранты практически не ассимилировались. Переселение в Олонекскую губернию для большинства финнов оказалось временным явлением: в 1917—1918 гг. они вернулись в Финляндию. См. подробнее: *Бирин В. Н.* Финны Олонекской губернии. Петрозаводск, 1990.

ципиально изменилась: в Карелии сформировалась влиятельная финская диаспора, основу которой составили революционеры-иммигранты — красные финны. Ирина Такала в своей статье обобщает результаты собственных многолетних изысканий и дает обстоятельную характеристику «финского периода» в истории советской Карелии, уделяя первоочередное внимание вкладу финнов в развитие Карелии. Она отмечает, что еще в 1918–1920 гг. Эдвардом Гюллингом были сформулированы предложения об организации «особой Карельской коммуны», что позволяло решить важнейшие политические задачи большевиков: удовлетворить национальные интересы карельского народа, лишиться Финляндии оснований претендовать на Восточную Карелию и создать плацдарм «для революционирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии». Совпадение предложений Гюллинга с большевистскими принципами национальной политики того времени предопределило политическую судьбу Карелии, а после карельского восстания 1921–1922 гг. московское руководство сделало ставку на красных финнов.

Лидеры диаспоры находились во главе республики и в значительной мере определяли стратегию ее развития, проводили идею строительства на границе с Финляндией образцового советского общества. При этом, как показывает Ирина Такала, в 1920-е гг. ошеломляющие успехи Карелии в экономической сфере в значительной мере стали результатом разумного заимствования финляндского опыта, хотя публично об этом, разумеется, не говорили. Миграционная политика красных финнов повлияла на складывание «национальной карты» Карелии: в начале 1930-х гг. расширился приток рабочих-финнов из Северной Америки. Составляя к 1933 г. немногим более 9 % населения республики, финны внесли большой вклад в ее развитие даже в неблагоприятных условиях периода «социалистического штурма». Особый интерес представляет предпринятый И. Такала анализ архивных материалов, проливающих свет на проблему непростых отношений финнов-иммигрантов и жителей Карелии, на роль прессы в формировании имиджа иностранных переселенцев.

Финский язык и финская культура в 1920–1930-е гг. играли огромную роль в жизни КАССР. Приграничное положение Карелии, ее меняющаяся роль во внешнеполитических планах советского руководства — все это наложило глубокий отпечаток на особенности политического, социально-экономического развития края того времени и спустя десятилетия остро проявилось, в частности, в языковой ситуации конца XX в., в спорах вокруг создания литературного карельского языка, долгие годы испытывавшего значительное влияние со сто-

роны языка финского. Карельская национальная литература также формировалась во многом под влиянием финской литературы. Широкий спектр вопросов о роли финского фактора в развитии культуры советской Карелии, обозначенных Ириной Такала, получил более детальное рассмотрение в статьях Е. Клементьева, А. Беликовой, Е. Сойни и П. Суутари.

В 1920–1930-е гг. наряду с крупными изменениями в политике и народном хозяйстве страны менялись и взгляды руководства Советского Союза на проблему выбора языка делопроизводства, обучения и культуры, функции которого передоверялись то финскому, то карельскому, то русскому языку. Александра Беликова, с учетом опыта предшественников, предпринимает попытку определить, в какой степени и каким образом языковая политика отразилась на структуре финского языка, прежде всего, на лексике. Место финского языка в Карелии можно назвать уникальным в том смысле, что из всех языков, используемых в качестве государственных за пределами СССР, только он получил статус официального в одной из советских республик. Политическим руководством перед лингвистами ставились определенные цели, в результате чего язык становился не только средством, но и объектом политики. С одной стороны, власти пытались предотвратить опасное расширение влияния финских иммигрантов, для чего считали необходимым ввести в употребление заимствованную из русского языка лексику, соответствующую новым советским реалиям и отличающуюся от неологизмов буржуазной Финляндии. С другой стороны, язык должен был оставаться понятным для финского пролетариата, на которого возлагались надежды в деле экспорта революционных идей.

Языковая политика и языковая ситуация тесно коррелировали с процессом становления литературы в Карелии. Финское руководство делало серьезную ставку именно на развитие финноязычной литературы. В 1931 г. из 44 членов Карельской ассоциации пролетарских писателей 27 были финнами. Рассматривая вклад финнов в литературное движение Карелии, Микко Юликангас признает, что «их ведущая роль оказала деструктивное воздействие на литературный процесс республики», имея в виду, в частности, невысокий в целом художественный уровень финноязычной литературы, поставленной на службу политике.

В статьях Елены Сойни и Пекки Суутари рассматривается творчество финских иммигрантов – рабочих и представителей художественной интеллигенции, в котором проявились их эстетические вкусы и пристрастия. По мнению Елены Сойни, поэтизацией труда финские

поэты-иммигранты развивали одну их традиций финской литературы. В их произведениях со всей очевидностью обнаружилось в значительной мере утопические политические идеалы.

«Финский компонент» в музыкальной жизни республики рассматривается в контексте общего «художественного процесса». Пекка Суутари не только характеризует роль финских иммигрантов в организации музыкальной жизни, становлении музыкальных коллективов. В его статье открывается особая, малоизвестная сторона городской повседневности Карелии 1920–1930-х гг., дается представление о мелодиях, которые создавали музыкальную атмосферу того времени, выливались на улицы из стен ресторанов, клубов и музыкальных площадок Петрозаводска.

В 1935 г. вместе с началом борьбы с «финским буржуазным национализмом» в истории советской Карелии заканчивается и «финский период». Две трети всех финнов Карелии стали жертвами последовавших репрессий, а около 4 тыс. были расстреляны. В это трагическое время зловеще-пророческое звучание приобрели написанные в 1929 г. Людвигом Косоненом (1900–1938) строки: *«Суть не в одном человеке, суть в миллионах... Они исполняют то, о чем мечтает, что провозглашает человек за трибуной»*¹.

Специальный раздел книги – «Память о войне» – отражает периоды военного противостояния, когда жители Карелии и Финляндии по воле политиков оказывались воюющими сторонами. Особенностью современной историографии является все более пристальное рассмотрение темы с позиций исторической памяти и устной истории. В небольшой статье Елены Дубровской о событиях Гражданской войны и иностранной интервенции 1918–1920 гг. в карельской глубинке использованы свидетельства мемуаристов, собранные в основном в 1930-х гг. Автор показывает, как психологическая атмосфера войны меняла взаимовосприятие этносов-соседей. В общих чертах в статье обозначено такое перспективное направление исследований, как трансформация исторической памяти, смещение акцентов и оценок в зависимости от целого ряда факторов.

На биографических материалах, но уже периода Второй мировой войны основана статья Татьяны Никулиной и Ольги Киселевой. Авторы анализируют «народную репрезентацию» памяти в ее соотношении с официальной версией событий. Обширный фактический материал рассматривается ими с учетом важного с психологической точки зрения травматического опыта, приобретенного поколениями, про-

¹ Фрагмент стихотворения «Человек за трибуной», в переводе Е. Сойни (*Kosonen L. Marssimme eteenpäin. Leningrad, 1932. S. 18*).

шедшими войну. Также принимаются во внимание особенности личных интерпретаций событий представителями разных этнических групп. Сюжет, раскрывающий характер гендерной составляющей в политике финских оккупационных властей, представлен в статье Алексея Голубева. Исследователь, в частности, показывает, что созданный финнами образ «новой» карельской женщины, использовавшийся с целью визуальной пропаганды, реконструировал ценности традиционного общества. Автор делает заключение о том, что идеологические шаблоны не работали там, где отсутствовал контроль, и в этом случае отношения между финскими мужчинами и женщинами, жившими на оккупированных территориях, могли развиваться по традиционным социально-психологическим схемам.

Очередной цикл национальной политики в Карелии разворачивался в условиях новых реалий послевоенного времени. Решающим внешнеполитическим фактором было принципиальное изменение отношений СССР и Финляндии, а внутривнутриполитический контекст определялся повысившимся с 1940 г. статусом республики, переведенной в ранг союзной. В результате перемещения в Карелию тысяч ингерманландских финнов (перепись 1959 г. зафиксировала максимальную для всего XX в. численность финнов в Карелии – 27,8 тыс.), изгнанных с родных земель, финская составляющая в культуре Карелии приобрела новое наполнение. Важными социальными аспектами этнокультурного взаимодействия в эти годы являлись процессы адаптации финнов-ингерманландцев к условиям полиэтничной среды, изменение статуса финского языка и сужение сферы его использования. Соотношение финского и русского факторов в процессе национального строительства в Карелии в первые послевоенные десятилетия все более менялось в пользу второго.

Лариса Захарова в своей статье справедливо отмечает, что национальный профиль Карелии послевоенных лет не в последнюю очередь определялся наследием национальной политики довоенного времени. Послевоенная волна коренизации, сориентированная на финскую языковую основу, постепенно стихала, наталкиваясь на тотальный дефицит кадров и целый ряд прочих проблем, включая бесперспективность получения школьного образования на финском языке для социальной мобильности конкретного человека. Дальнейшая судьба финского языка в Карелии второй половины XX в. (начиная от времени его функционирования преимущественно в пределах внутриэтнической среды вплоть до «языкового бума» 1990-х гг.) стала предметом детального анализа в статье Евгения Клементьева и Александра Кожанова.

Состояние национальной литературы, кровно связанной с проблемами языковой политики, Тууликки Курки анализирует и оценивает сквозь призму локальности, понимаемой как «многоголосый концепт»: с одной стороны – своеобразное «обрамление повседневности», с другой – как результат социального конструирования. Статья охватывает различные этапы в развитии финноязычной литературы Карелии, вплоть до начала XXI в. Новейшему периоду истории также посвящено исследование Елены Марковой, предпринявшей попытку рассмотрения феномена становления «женской» литературы Европейского Севера России и Финляндии.

Появление и развитие новых официально санкционированных направлений культурных связей между Карелией и Финляндией в 1950–1970-е гг. прослеживает Людмила Вавулинская. Ею выявлены основные формы сотрудничества в сфере культуры, образования, туризма, а также сложности, обусловленные идеологическими установками в области развития побратимских связей.

Социально-демографический состав финского населения Карелии охарактеризован в статьях карельских этносоциологов. Виктор Бирин очерчивает основные тенденции развития брака и семьи у финнов Карелии, раскрывая их своеобразие. Его коллега Евгений Клементьев обстоятельно анализирует социально-профессиональную структуру, выявляет специфику профессиональной занятости финнов и уровня их образования, показывает особенности межпоколенной социальной мобильности. В сферу внимания Светланы Яловицкой попадает новый для конца XX в. аспект в финском влиянии – миссионерская деятельность евангелической церкви Финляндии, которая изучается в контексте межконфессиональных отношений. В этот период усилились экономические и культурные связи Республики Карелия с Финляндией и соседняя страна стала играть заметную роль в развитии экономики, в сфере образования, науки и искусства, в религиозной жизни Карелии.

Последнее десятилетие XX в. – период возрождения национального самосознания финнов-ингерманландцев Карелии – является одним из наиболее сложных для исследования. Истоки процесса этнической мобилизации ингерманландских финнов, проблемы их политической реабилитации, идеология и организация финского национального движения в Карелии представлены комплексом документов, изданных недавно Институтом ЯЛИ¹. Авторы сборника отмечают во введении, что геополитический фактор обусловил как

¹ Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006.

затяжной характер репрессий в отношении ингерманландцев, так и сложность, длительность и другие особенности процесса их реабилитации. Эта публикация, также осуществленная в рамках проекта «Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века», дает в руки исследователей корпус материалов, позволяющих представить этапы этнической мобилизации, а вместе с тем проследить и весь ход реабилитационного процесса.

Очевидно, что история Карелии прошедшего столетия представляет широкую панораму многоплановых проявлений сложного процесса взаимоотношений культур в различных социально-политических условиях. Изучение разнообразных аспектов этой обширной темы важно не только для выявления реалий конкретно-исторического процесса, но и для развития теоретической базы междисциплинарных гуманитарных исследований, углубленного понимания форм сосуществования культур, способных в зависимости от конкретных условий приобретать характер противостояния, столкновения, контактирования или взаимодействия.

Ольга Илюха

Финляндия и Российская Карелия

в годы внутриимперского соседства:
связи и параллели

Пекка Кауппала
Марина Витухновская

Финляндия и Российская Карелия накануне революции: две социально-экономические модели развития

«До каких же пор Олонецкая губерния будет производить почти исключительно одни дрова?» – на этот вопрос, заданный разгневанным Олонецким губернатором М. И. Зубовским на сессии губернского земства в 1915 г., присутствующие не знали ответа¹. В нем сконцентрировалась главная экономическая проблема Российской Карелии и, более того, всего Севера Европейской России накануне революции. В тени расцветающего соседа – Финляндии, которая тоже входила в состав Российской империи, территория, заселенная карелами, испытывала огромные трудности с модернизацией.

Все возраставший разрыв в экономике обоих регионов тем более интересен, что их природно-географические условия были почти идентичны². Это обстоятельство не осталось незамеченным современниками. В одном из земских трудов, например, отмечалось: «Невольно является вопрос – в чем же кроется причина такого печального положения народного хозяйства в Олонецкой губернии? Вопрос, так сказать тем более законный, что соседка ее Финляндия, в отношении естественных условий представляющая почти полное тождество с Олонецкой губернией, стоит неизмеримо выше ее в хозяйственном и вообще культурном отношении»³.

¹ Цитата и описание из: *Балагуров Я. А.* Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии, 1861–1917. Петрозаводск, 1968. С. 41. К сожалению, Я. А. Балагуров не указывает источника этой цитаты, однако его работа полностью заслуживает научного доверия.

² Сравнительный анализ природных условий Российской Карелии и Финляндии дан в статье: *Linkola K.* Kasvisto ja kasvillisuus Itä-Karjalassa // Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. Suomalaisten luonnon- ja kielentutkijain kuvaamina. Toim. Nomén Theodor. Helsinki, 1918. S. 120–127.

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 424. В целом экономико-политическая ситуация в Финляндии и Российской Карелии сравнивается в следующих работах: *Жербин А. С.* О развитии промышленности в Финляндии и Карелии в XIX в. // Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. Материалы V советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории 9–11 октября 1978 г. Л., 1981. С. 115–117; Беломорский край и Финляндия // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее – ИАОИРС). 1910. № 3. С. 1–6; *Кузницкий С.* Финляндия. Ее население и

Авторы этой статьи ставят перед собой задачу найти ответ на неоднократно задаваемый земскими деятелями вопрос: почему при наличии тех же природных и климатических предпосылок, того же набора сырьевых источников Финляндия энергично модернизировала свои социально-экономические структуры, а Российская Карелия испытывала на этом пути непреодолимые трудности? Наконец, обладала ли предреволюционная Карелия необходимыми резервами для сокращения того огромного отставания в развитии, которое сложилось к 1917 г.?

В нашем исследовании мы будем опираться на классический труд Дитера Сенгхааза (Dieter Senghaas) о Финляндии XIX и XX вв., давшего наиболее глубокий анализ «финляндского чуда»¹. Сенгхааз характеризовал финляндский путь в XIX и XX вв. как наиболее яркий пример «скандинавского пути развития», предполагающего противление тенденции к периферизации. По мнению Сенгхааза, в тогдашней Европе именно Скандинавские страны сумели решить проблемы «догоняющего развития» особенно убедительно, с соблюдением социального равенства, и при этом избежать участи стран третьего мира. Ядром финляндского «экономического чуда» Сенгхааз считал удачное соединение лесного и сельского хозяйства – в Финляндии лесное хозяйство было источником доходов крестьян, давая тем самым стартовый капитал для модернизации сельского хозяйства, которое, в свою очередь, стимулировало модернизацию в других областях экономики.

Одной из предпосылок модернизации экономики Финляндии стал широкомасштабный экспорт леса, что дало возможность массированно ввозить в Великое княжество капиталы и пускать их

культура в цифрах (Краткий статистико-экономический очерк сравнительно со Швецией и Русским Севером) // ИАОИРС. 1911. № 17. С. 398–409; № 21. С. 731–740; № 23. С. 865–876; Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 77–384; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края; Архангельская Карелия. Архангельск, 1908; Олонечкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. См. также: *Kauppalä P.* Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments. (Diss.). Freiburg, 1992: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/>; *Кауппала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 308–337; *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 54–107; *Kauppalä P., Vituchnovskaja M.* Ost-Karelien am Vorabend der Großen Russischen Revolution. Immobiler Staatsmonopolismus und innere Einmauerung // *Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat*. Hrsg. Naumann H., Plaggenborg S. Frankfurt am Main u. a., 1994. S. 42–70.

¹ *Senghaas D.* Von Europa lernen. Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen. Frankfurt am Main, 1982. S. 113–146.

в оборот. В Финляндии развивалась сеть дорог (включая железнодорожную), умножилось число банков (первый банк здесь был открыт в 1862 г.), была введена собственная валюта (в 1865 г.) и осуществлен переход к золотому денежному обращению (в 1879 г.)¹. И все же нельзя не напомнить, что этот резкий экономический рывок был бы попросту невозможен, если бы финский крестьянин не владел большими лесными угодьями, правом распоряжаться ими и продавать лес в любых желаемых объемах — но и с соответствующими обязательствами. Таких возможностей крестьяне, проживавшие в Российской Карелии, были лишены.

История

Регион проживания карел был впервые решительно поделен границей на две части в 1323 г. в результате Ореховецкого мирного договора, заключенного между Швецией и Новгородом. Территории к востоку от границы, ставшие ядром Российской Карелии, на протяжении последующих шестисот лет находились под властью сначала Новгорода, затем Московского государства, а позже — Российской империи. К западу от границы шведские короли напористо обращали язычников-финнов в католическую веру, а после Реформации здесь распространился протестантизм. На востоке православие продвигалось все дальше на север. При этом православное миссионерство действовало более мягко по сравнению с католическим и тем самым позволило сохраниться традиционным проявлениям карельского язычества.

Основные экономические структуры Российской Карелии до XVIII в. были в целом аналогичны финско-шведским, и лишь после шведской земельной реформы, так называемого Большого передела (*isojako*, по-шведски *storskifte*), между обеими территориями стали возникать и углубляться различия. Эта реформа, начавшаяся с закона 1757 г., имела своей целью замену традиционной чересполосицы компактными поселениями хуторского типа, которые включали в себя как земельные наделы в виде полей и лугов, так и лесные площади. Каждый отдельный крестьянин получил право требовать проведения реформы в своей общине, благодаря чему реформирование осуществлялось быстро. После создания хутора крестьянин, как правило, строил дом посреди своего земельного владения. Эта новая структура

¹ См. об этом, например: Suomen talous- ja sosiaalhistorian kehityslinja. Toim. Jutikkala Eino. Porvoo; Helsinki, 1968. S. 211.

поселений оказалась в северных природных условиях крайне эффективной¹.

В 1808–1809 гг., ко времени завершения этого проекта, Финляндия была завоевана Россией и включена как автономное Великое княжество в состав Российской империи. Однако Финляндия и Российская Карелия были по-прежнему разделены политической и таможенной границей. Как ни странно, именно в тот период, когда они принадлежали к одному государству, их экономики развивались весьма различно. Российская Карелия стагнировала, в то время как Финляндия начала выходить из бедности. Эти разнонаправленные процессы продолжались и после 1917 г.: в Российской Карелии после короткой передышки НЭПа, а в Финляндии модернизация экономики не прекращается и в наши дни. Приведем лишь некоторые цифры: в 1897 г. плотность населения в Российской Карелии составляла 1,4 жителя на кв. км, что было в шесть раз меньше, чем в Финляндии с ее плотностью населения 8,2 жителя на кв. км. Кроме того, в Российской Карелии 80 % населения было неграмотным, что свидетельствовало об ее огромном культурном отставании по сравнению с Финляндией, где всего лишь 2 % взрослых не умели читать и писать². Однако наиболее красноречивые факты дает сопоставление экономической ситуации в Российской Карелии и Финляндии.

В этой статье под Российской Карелией (в Финляндии этот регион называется также и Восточной Карелией) мы понимаем территорию, которая в царское время не была официально определена. Она соответствует территории КАССР в границах 1923 г. и в значительной мере совпадает с карельскими районами, располагавшимися к востоку от границы с Финляндией. К карельским территориям примыкали некоторые чисто русские районы, которые также являлись частью КАССР³. Так, очерченная нами территория Российской Карелии имеет довольно четкую культурно-географическую восточную границу. К востоку от нее открываются обширные, до сих пор совершенно не обжитые, почти не имеющие дорог, заболоченные и лесные терри-

¹ О роли Большого передела в экономике Финляндии см., например: *Haataja K. Maanjaot ja talojärjestelmä*. Helsinki, 1949. S. 53–91; *Kauppara P. The Russian North. The Rise, Evolution and Current Condition of State Settlement Policy*. Helsinki, 1998.

² *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по результатам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 91–118; *Tietosanakirja. Osa 9. Toim. Castrén Jalmar*. Helsinki, 1917. S. 1208–1210. В 1910 г. неграмотность в Финляндии составляла лишь 1,1 %.

³ Речь идет о Пудожском уезде, а также о Беломорском побережье. Смешанных районов было мало, и почти исключительно в Петрозаводском уезде. Правда, при определении границы Карельской Трудовой Коммуны (КТК), основанной в июне 1920 г., еще более четко соблюдали этнический принцип.

тории. В административном отношении территория Российской Карелии накануне революции состояла из уездов Олонецкой (Олонецкий, Петрозаводский, Пудожский, Повенецкий) и Архангельской (Кемский) губерний.

Экономика¹

Оба региона – и Российская Карелия, и Финляндия – были богаты лесом², однако форма собственности на лесные угодья была разной. В Российской Карелии преобладало государственное крестьянство при почти полном отсутствии помещиков. В результате крестьянской реформы 1861 г. крестьяне в правовом отношении стали свободными, однако при этом они получили мало лесной площади в общинную собственность. Поэтому на Европейском Севере России государство фактически оказалось монопольным собственником на лес. А так как лес представлял собой экономическое богатство региона и, как правило, именно в лесной зоне располагались полезные ископаемые, экономика Севера имела сильный государственный характер, который с развитием производительных сил обнаруживал тенденцию к усилению³.

¹ Авторы считают своим приятным долгом выразить горячую благодарность Н. А. Кораблеву за многочисленные и компетентные консультации по экономике Карелии, а также за написанные им главы коллективных монографий, оказавшие большую помощь в нашей работе: «История Карелии с древнейших времен до наших дней» (Петрозаводск, 2001), «История экономики Карелии. Кн. I. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого русского государства до Февральской революции, конец XV – начало XX веков» (В. Г. Баданов, Н. А. Кораблев, А. Ю. Жуков. Петрозаводск, 2005).

² В Финляндии площадь лесов в 1912 г. составляла 45,6 % от всей площади Велико-го княжества. В Российской Карелии лесистость была выше – около 80 % (Фаас В. В. Леса и лесная торговля Финляндии. Отчет по командировке 1912 г. СПб., 1914. С. 5; *Он же*. Леса Северного района и их эксплуатация. Труды Северной научно-промышленной экспедиции ВСНХ. Вып. 15. Москва; Петроград, 1922. С. 5–6). В других источниках можно встретить несколько иные цифры. Например, в одной из статей лесистость Олонецкой губернии определяется в 70 % (см.: Д-ко А. К вопросу о колонизации севера // Вестник Олонецкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1916. № 20. С. 6), а в другой работе тот же показатель приближается к 78 % (см.: Кищенко И. Значение лесоохранительного закона для Олонецкой губернии // ВОГЗ. 1913. № 1. С. 6). По сведениям последнего автора, Олонецкая губерния по лесистости занимала второе место в Европе.

³ Некоторые севернорусские интеллектуалы понимали, что наиболее типичный для Российской Карелии характер собственности являлся ядром «северного вопроса». Этот вопрос в начале нашего столетия оживленно обсуждался, особенно на страницах серьезного журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». См.: Журавский А. В. Европейский Север. К вопросу о прошлом и грядущем его быта. Архангельск, 1911; *Он же*. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса. Архангельск, 1908. Сравните также: Норман А. И. Почему необходимо заселение Архангельской губернии. СПб., 1909.

Эта тенденция особенно ярко была выражена в карельских регионах. В 1914 г. в государственном владении здесь было 61 850 кв. км лесной площади, что составляло 82,1 % от всей площади лесов. Наивысшим был этот показатель в Кемском уезде — 99,6 %. Он превышал даже средний показатель по Архангельской губернии — 95,8 %. В карельских уездах Олонецкой губернии было в среднем 77,8 % государственных лесов, причем доля государства повсюду составляла больше половины лесной площади¹.

Как свидетельствуют многочисленные источники, государству удивительно хорошо удавалось охранять свои леса от нелегального использования. В Кемском уезде в результате решительного запрета 1850 г. было практически ликвидировано подсечное хозяйство, которое до этого существовало нелегально благодаря толерантности местной власти². В Олонецкой губернии государственные леса также оберегались от беспощадных хищнических рубок лучше, чем леса крестьянских общин или частные леса, состояние которых, по свидетельствам современников, было особенно плохим. Их владельцами были в первую очередь дворяне, как правило обедневшие и деморализованные³. Они безоглядно организовывали сплошные рубки на самых благоприятных в транспортном отношении площадях и совершенно не заботились о лесовосстановлении⁴. Такая картина имела место в Вытегре и Лодейном Поле (не включаемых нами в регион «Российская Карелия»), а также, очевидно, и в немногих частных лесах Петрозаводского уезда⁵. Состояние дворянских лесов показывает, что

¹ Гораздо ниже был процент государственных лесов в таких населенных русскими уездах Олонецкой губернии, как Лодейнопольский и Вытегорский. Здесь существовали крупные дворянские вотчины, и объем государственных лесов составлял явно меньше половины общей лесной площади. Из 156 кв. км негосударственных лесов Кемского уезда 84,86 % были общинными, 0,03 % — частными и 15,11 % — прочими, как правило, церковными. См.: *Фаас В. В.* Леса Северного района и их эксплуатация. С. 175.

² Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 225, 210; Толкование закона о том, что вся земля, которая не принадлежит дворянству, является государственной собственностью, было дано в 1865 г.

³ Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск, 1907. В соответствии с этим источником (с. 249) потомственные дворяне имелись главным образом лишь в Вытегорском и Лодейнопольском уездах. Богатые помещики не жили в своих имениях и не могли дать новых импульсов сельской экономике, которая без единого исключения базировалась на примитивном зерновом хозяйстве. Высокие доходы получались лишь за счет продажи леса. Остальные дворяне часто жили как обычные крестьяне и даже иногда ходили в лаптях.

⁴ Там же. С. 249; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 312—314; Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 246.

⁵ Согласно единственной, но очень устаревшей статистике по дворянам, в 1820 г. из 365 дворян Олонецкой губернии 57 были родом из Петрозаводского уезда, 12 — Олонецкого уезда и 1 — Повенецкого уезда. Из этих 70 дворян в своих поместьях проживало 6. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии. С. 247.

далеко не всегда экономические проблемы можно решить путем простой приватизации; решение экономических вопросов должно быть комплексным.

Леса крестьянских общин содержались значительно лучше, но их состояние тоже было далеко от идеала. Они должны были использоваться для собственных нужд крестьянских хозяйств, однако крестьяне не имели права свободно продавать свой лес. Земское издание писало: «...в отличие от прочих местностей, где крестьяне являются полными хозяевами своих лесов, олонецкие крестьяне имеют только условное право на лесные материалы из своего леса. Имея право брать для своих нужд — постройки, топливо — сколько требуется, имея право продать часть леса на сруб, они лишены права получения на руки вырученных от продажи леса денег. Деньги вносят в казначейство и могут быть получены оттуда крестьянами лишь в том случае, если на это даст согласие присутствие по крестьянским делам»¹.

Впрочем, во многих местностях ограничения оставались лишь на бумаге, и зачастую, особенно в Повенецком уезде, крестьянские общины отдавали свои самые лучшие леса лесопильным заводам по заниженным ценам, и там беспрепятственно производились сплошные рубки. Эта практика представляется особенно нерациональной, если учесть, что полученные деньги вряд ли использовались для модернизации экономики, как предусматривал закон, а расходовались для погашения задолженностей по платежам или для потребления².

Лучше всего охранялись, но в то же время и меньше всего использовались государственные леса. В результате они не давали казне серьезных доходов, при этом львиная доля от этих незначительных средств в Олонецкой губернии перечислялась земству. Главная проблема, таким образом, заключалась в том, что государство ничего не делало для организации системного и масштабного использования лесных богатств, хотя именно в его руках находились все необходимые для этого рычаги. По свидетельству многих авторов, частные лесопильные заводы получали от государства права на аренду лесов, при этом, однако, отсутствовала система отбора используемых пло-

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 307. См. также: *Окинчич Ф.* Крестьянские леса // ВОГЗ. 1913. № 17. С. 13–16; № 18. С. 10–12; № 19. С. 8–10. Деньги, полученные крестьянами за лес, расходовались, как правило, на уплату текущих сборов, погашение недоимок, выкупных платежей, покупку семян и продовольственного хлеба, общественную торговлю, устройство дорог, осушку болот и т. п.

² Особенно интересна в связи с этим вопросом работа *Ф. Окинчича* «Крестьянские леса» (см. выше). *Балагуров Я. А.* Указ. соч. С. 41 и далее; *Itä-Karjala ja Kuolan Lappi*. S. 247–251.

шадей, вложения в инновации были недостаточными, а организация труда плохой¹.

Результатом сложившейся ситуации стало медленное развитие лесного дела в Российской Карелии. Помимо описанной выше системы землепользования и малой активности государства в развитии лесодобычи, к причинам отставания лесной промышленности относились неразвитость транспортной системы, малые запасы рабочей силы — т. е. редконаселенность края, а также недостаток капиталов и слабая техническая вооруженность.

В 1913 г. на территории Олонецкой губернии действовало всего 18 лесопильных предприятий с 65 пилами, на них было произведено 386 тыс. кубометров пиломатериалов², общая стоимость продукции предприятий лесной промышленности составляла 1,3 млн руб.³ Однако до уровня интенсивности и объемов Финляндии здесь было далеко: в Финляндии в 1910 г. было произведено 3,6 млн кубометров лесопильной продукции на 123,4 млн марок, что составляло 47,5 млн руб.⁴ Причем, в отличие от Финляндии, лесное дело в Российской Карелии имело ярко выраженный сырьевой характер⁵.

Причиной интенсивного развития финской лесной промышленности являлась, прежде всего, система собственности на лес: в Финляндии большая часть лесных запасов страны в результате «большого передела» находилась в руках крестьян, которые были вольны использовать их по своему усмотрению. По сведениям 1911 г., из всей

¹ См., в частности: *Балагуров Я. А.* Указ. соч. С. 45. Согласно обнаруженному им архивному материалу, фабричный инспектор на этих основаниях подтвердил «печальную бесперспективность всего лесного хозяйства в Олонецкой губернии» в своем докладе в конце 1890-х гг. Плохая рабочая одежда, хибары для жилья, плохая еда и плохой инструмент во время зимних работ способствовали, кроме того, частым заболеваниям вальщиков леса и сплавщиков такими болезнями, как цинга, тиф, бронхит, плеврит и ревматизм. См.: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 303—314; *Itä-Karjala ja Kuolan Lappi*. S. 246.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 312.

³ Рассчитано по: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 242—244.

⁴ *Корнилов Г. Д.* Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX в. Л., 1971. С. 27.

⁵ Число лесобрабатывающих предприятий в Олонецкой губернии по статистике 1910 г. колебалось между 10 и 13 (Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 241), а в 1912 г. выразилось цифрой 18 (*Фаас В. В.* Леса северного района и их эксплуатация. С. 105). Почти все предприятия были лесопильными заводами, и только две фабрики вырабатывали древесный картон. Ср. со статистикой по Выборгской губернии Финляндии, где в 1905 г. было 85 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий (см.: *Hämynen T.* Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen maailmansotaan // *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Toim. Nevalainen Pekka, Sihvo Hannes.* Helsinki, 1998. S. 189).

лесной площади Финляндии¹ казенные леса составляли 35,1%, а остальная часть лесов находилась в частном владении. Капиталы, получаемые крестьянами за продажу своих лесов, вкладывались в модернизацию крестьянских хозяйств, наращивание экстенсивности их использования. Иными словами, именно лес в большой степени питал финское сельское хозяйство и, таким образом, стал важнейшим источником развития промышленности Финляндии.

Если лесная промышленность в Российской Карелии только зарождалась, то имевшая здесь давнюю традицию металлургическая промышленность к концу XIX – началу XX в. пришла в почти полный упадок. Мощная конкуренция со стороны Урала и Донбасса привела к закрытию мелких олонеецких железорудных заводов, последний из которых вынужден был приостановить свое производство в 1907 г.² Характерна оценка, данная металлургической промышленности Олонеецкой губернии в источнике 1910 г.: «Нам приходится писать о горнозаводской промышленности Олонеецкого края в исключительно тяжелый период: строго говоря, таковой не существует в настоящее время. Все предприятия по добыче и переработке местных ископаемых, за исключением нескольких незначительных по добыче мела и красок, прекратили свое существование»³. Это было некоторым преувеличением – оставался казенный Александровский завод, а также несколько железоделательных предприятий, перерабатывавших привозной металл на простейших инструментах⁴. Но даже крупный государственный Александровский завод переживал трудности. Весь описываемый период, вплоть до начала Первой мировой войны, завод, оснащенный устаревшим оборудованием и почти лишенный заказов, вынужден был бороться с опасностью закрытия, работая в убыток⁵.

Земцы, анализировавшие ситуацию, объясняли промышленный кризис несколькими причинами: низким качеством местной руды, трудностью добычи и доставки сырья, техническим несовершенством оборудования и, что крайне важно, отсутствием удобных путей сообщения. Это последнее обстоятельство было ключевым: никакое

¹ Приблизительно 13 млн 900 тыс. десятин (десятина равна 1,092 гектара, т. е. площадь лесов Финляндии составляла 15 млн 178 тыс. 800 гектаров).

² Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 38: «Карьеры полны воды, ценные заводские здания в упадке».

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонеецкого края. С. 192.

⁴ Это были, например, в карельских районах железоделательные заводы Воронова на р. Мегреге и Куйтежский завод Куттуева (Материалы по статистико-экономическому описанию Олонеецкого края. С. 223).

⁵ Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 34–38.

промышленное развитие в Российской Карелии не было возможно при существовавшей неудовлетворительной транспортной сети. На этом фоне расцветающая промышленность Финляндии выглядела особенно выгодно. Целенаправленная политика индустриализации, толчком к которой послужило изменение промышленного законодательства (например, в 1861 г. сенат отменил запрет на создание паровых лесопильных заводов), а также введение собственной валюты и переход к золотому денежному обращению дали свои плоды – за десятилетие с 1889 по 1898 г. выплавка чугуна увеличилась в 1,8 раза, выделка железа – в 1,9, а производство стали – в 14 раз. С 1884 по 1906 г. производство гвоздей выросло в 4 раза, а мануфактурного железа – в 6 раз¹.

Если в индустрии Российской Карелии технологическое и инфраструктурное отставание было налицо, то еще более наглядным было отставание в области сельского хозяйства. Можно сказать, что на территории края существовал своего рода музей под открытым небом, посвященный истории финского сельского хозяйства. В то время как Финляндия уже переориентировалась с земледелия на товарное животноводство (экспорт масла из Финляндии с 1890 по 1913 г. вырос в 1,8 раза²), и здесь развивались мелиорация и травосеяние, к востоку от границы еще всюду занимались раскорчевкой лесов и работали орудием, а животноводство продолжало оставаться на примитивном уровне. Несмотря на впечатляющее поголовье крупного рогатого скота (количество коров в расчете на жителя в Олонии было в 1,8 раза выше, чем в Финляндии), масло производилось в небольших объемах и только для своих нужд, а сыра не изготавливали вовсе. Во всей дореволюционной Российской Карелии не было ни одного молокозавода (правда, к 1914 г. два находились в стадии строительства)³.

Губернатор Н. Д. Грязев в своем отчете за 1911 г. писал: «Казалось бы Олонецкая губерния при обилии земли, вполне пригодной под

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 223.

² Если в 1890 г. из Финляндии вывозили 7 194,815 кг масла, то к 1913 г. экспорт достиг 12 640 кг (*Grotenfelt G. Vanhanaikainen suomalainen maitotalous. Helsinki, 1916. S. 8*).

³ *Grotenfelt G. Op. cit. S. 212*. Автор отметил, что в Российской Карелии все еще часто используются все описанные им использовавшиеся в Финляндии в старину, неэкономичные методы производства и хранения молока. Технический уровень был еще ниже, чем в самых отсталых районах Финляндии. Почти аналогичный, хотя не настолько примитивный уровень он обнаружил в районах проживания так называемых лесных финнов на границе между Швецией и Норвегией. Возможно, слишком жесткие суждения Гротенфельта нельзя отнести ко всей Российской Карелии, так как в его материале преобладают данные по Повенецкому уезду.

культуру, должна была бы утопать в молоке и снабжать столицу массой молочных продуктов, как это делают соседняя Финляндия и Вологодская губерния; в действительности — наоборот, масло в Петрозаводск привозят из Петербурга, и это не в виде исключения, а постоянно»¹. Энергичное развитие сельского хозяйства в Финляндии привело к тому, что по благосостоянию финские крестьяне намного обогнали своих восточных соседей. Годовой доход в среднем финском хозяйстве также был вдвое выше, чем в олонецком: у среднего финна он в целом составлял 262 руб., у олончанина — 135 руб., а зажиточный финн был в три раза богаче зажиточного жителя Олонецкой губернии².

Вероятно, именно различия в сельскохозяйственных системах и были основной причиной, с одной стороны, экономического отставания Российской Карелии, а с другой — соответствующего подъема Финляндии в XIX в. Очень поздно экспортированная на Север из центральной и южной России система крестьянских общин оформилась там окончательно лишь в середине XIX в.³ Эта система, наряду со своими слабостями и социальными преимуществами, известными уже по опыту центральной России, имела чисто местный недостаток: население концентрировалось, в противоположность Финляндии, в более или менее крупных, компактных деревнях, которые возникали чаще всего на удобных для рыбной ловли местах. А плодородная земля, чаще всего в виде полос, находилась на большом удалении от деревень, так что ее возделывание, особенно в интенсивных формах, было крайне затруднительным и неэффективным. Поэтому легче всего было использовать части обширных лесных угодий для уже упомянутого подсечного земледелия, которое является самой экстенсивной формой сельского хозяйства. Кроме того, незначительное и ограниченное правами пользования лесовладение не позволяло аккумулировать капитал для модернизации сельского хозяйства по финскому образцу, даже если бы культурно-психологические и прочие обстоятельства и позволяли использовать для этих целей гипотетические доходы от продажи леса.

В результате в структуре доходов карельских крестьян сельское хозяйство, как правило, было отодвинуто на четвертое место после

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 1, оп. 66, д. 1/14, л. 2об.

² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 419.

³ Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 187–240. Ср. также: *Ahtia E. Piirteitä Aunuksen ja Vienan Karjalan historiasta // Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. Toim. Härkönen Iivo. Porvoo, 1910. Osa I. S. 165–211.*

разносной торговли, рыбного промысла и охоты¹. При этом в особенно бедном Кемском уезде, даже в «зажиточных» семьях, регулярно ели горький и вредный для здоровья хлеб из древесной коры, в то время как в Финляндии этот хлеб (*hätäleipä, pettu*) употребляли в пищу лишь на самых отдаленных хуторах, в дремучих лесах общины Суо-муссалми, граничившей с Кемским уездом, и то исключительно в период осеннего и весеннего бездорожья². Собственный урожай, собранный на мелких общинных участках кемских карел, покрывал потребность в зерне лишь в течение одного–двух месяцев в году, а привозимый издалека хлеб был чрезвычайно дорог. Молочное хозяйство также было лишено условий для развития из-за недостатка хороших, доступных сенокосных лугов. Из-за плохого корма коровы большую часть года почти не доились. При этом в крае существовали благоприятные условия для развития кормовой основы животноводства – это были или расположенные далеко от жилья сенокосные луга, или болота, которые при осушении могли бы стать отличной кормовой базой³. Однако в молочном хозяйстве Российской Карелии экстенсивная форма оставалась более доступной для крестьян, чем интенсивная.

Для самых северных волостей Кемского уезда – Кандалакши, Оланги и Кестеньги – дополнительным и надежным источником доходов было оленеводство, которое, однако, по своей природе является консервативным и маловосприимчивым к модернизации видом деятельности. Здесь, на южной границе зоны оленеводства, можно было содержать лишь очень ограниченное число оленей, поэтому оно и не смогло стать основным источником доходов для крестьян⁴.

Российская Карелия не была в экономическом отношении однородным регионом. Если относившийся к Архангельской губернии

¹ *Ahtia E. Aunuksen elinkeinoista // Karjalan kirja. Toim. Iivo Härkönen. Porvoo, 1920. Osa II. S. 58–59.* Правда, Теодор Хомен выражает мнение, что торговля в разнос перестала занимать первое место в числе наиболее прибыльных промыслов (см.: *Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 235*). Хомен обосновывает это тем, что в результате конкуренции в начале 20 века торговля в разнос пришла в упадок, и одновременно приобрело большее значение морское рыболовство и несколько расширились масштабы сельского хозяйства. Однако он не мог дать четкого ответа на вопрос, что же теперь было главным источником дохода карел карельских районов Кемского уезда. Скорее всего, Ахтия, который сам бывал в Олонии, все-таки прав, в частности потому, что он понимал под торговлей не только торговлю в Финляндии.

² *Tietosanakirja. Osa. 3. Helsinki, 1911. S. 757–759.*

³ Теодор Хомен указывает на то, что восточнокарельские болота для сельского хозяйства были пригодны даже лучше, чем финские из-за более высокого содержания извести.

⁴ *Голубцов Н. Кемский уезд // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. Архангельск, 1912. С. 101; Архангельская Карелия. С. 28.*

Кемский уезд (Беломорская Карелия) являл собою безрадостную картину, то карельские районы Олонецкого уезда были экономически более развитыми, хотя и отнюдь не благополучными. Ситуация с сельским хозяйством здесь отличалась в лучшую сторону: если в Кемском уезде на крестьянский двор приходилось лишь 5 десятин полевых угодий и 0,5 десятины расчисток, то в Олонецкой Карелии на двор приходилось в среднем 7,2 десятины земли, используемой в хозяйственных целях (усадебная, постоянная и подсечная пашня, сенокос)¹. Малоземелье усугублялось в Кемской Карелии неурегулированностью земельного вопроса. Если в Олонецкой губернии пореформенное межевание хоть поздно, но было проведено, то в Кемском уезде по указу 1870 г. выдача владенных записей была отложена на неопределенный срок. Отличалась и ситуация с подсечным земледелием: если в Кемском уезде оно было совершенно запрещено, то в обширных общинных лесах Олонецкой губернии разрешалось производить подсеки, причем при низкой плотности населения такой способ ведения хозяйства не обязательно приводил к перегрузке экосистемы.

Состояние молочного хозяйства у повенецких карел Олонецкой губернии также было хоть и ненамного, но лучше, чем в соседнем Кемском уезде, обладавшем аналогичными природными условиями. Энергичное повенецкое уездное земство прилагало здесь много сил к модернизации сельского хозяйства, но дело тормозилось трудными транспортными условиями и общей технологической и агрокультурной отсталостью. Например, на сельскохозяйственной выставке в Ребольской волости, отнюдь не самой бедной из всех, в 1913 г. с досадой отмечалось, что все крестьяне привезли на выставку свое масло в неочищенном состоянии, хотя в волости и имелась общественная центрифуга. Несмотря на просветительскую работу в области огородничества, лишь два или три крестьянина представили на эту выставку, кроме традиционного турнепса, и другие виды овощей².

Самые плодородные почвы во всей Российской Карелии были в Олонецком уезде, с его обширными, обжитыми еще с древних времен равнинами на северном побережье Ладожского озера. Благоприятное географическое положение региона, торговые связи с Петербургом и Финской Карелией могли бы стать реальной предпосылкой для осуществления здесь экономической модернизации. Но, как ни удиви-

¹ Подсчитано по: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 249.

² *Фаворитский И.* Сельскохозяйственная выставка в селе Реболы Повенецкого уезда // ВОГЗ. 1913. № 21. С. 15–17.

тельно, модернизация обходила стороной и этот край. Сельское хозяйство здесь не могло полностью прокормить даже собственное население, не говоря уже о том, чтобы стать источником для аккумуляции капитала¹. Еще меньше успехов было в худшем по природным условиям, но лучше обеспечиваемом земством центральном Петрозаводском уезде, хотя в окрестностях Петрозаводска сумели пробиться некоторые ростки современного сельского хозяйства².

Слабость сельского хозяйства толкала крестьян на поиски побочных доходов и видов пропитания. В отличие от финских крестьян, карелы не могли прокормить себя исключительно земледелием и скотоводством. По статистическим данным за 1910 г., в структуре годового дохода финского крестьянина доходы от земледелия составляли 54 %, а доходы от скотоводства – 41,6 %. У олончанина (уже не говоря о жителе Беломорской Карелии) ситуация была принципиально иной – доходы от земледелия составляли 40,7 %, доходы от скотоводства – всего 10,7 %, но зато доходы от промыслов – 31,7 % всех его прибылей³. Таким образом, крестьянское производство не могло прокормить олонецкого (а тем более – кемского) крестьянина, ибо совокупный доход от земледелия и скотоводства составлял только половину доходной статьи его бюджета. В начале XX в. 95 % всех крестьянских семей Повенецкого уезда и 96,8 семей Петрозаводского уезда были так или иначе задействованы в побочных промыслах⁴.

Традиционными видами побочных промыслов населения в Российской Карелии были охота и рыбная ловля: обширные леса и болота, а также многочисленные озера и Белое море создавали наилучшие предпосылки для этих видов деятельности. Охота на медведей и волков позволяла уплачивать подушную подать, введенную земством. Кроме того, охота на этих диких животных способствовала улучшению животноводства, так как упомянутые многочисленные хищники, особенно на севере, часто задирали крестьянский скот. Однако к рубежу XIX и XX вв. доля охоты в занятиях населения неуклонно падала. Если в конце 1850-х – начале 1860-х гг. в Олонецкой губер-

¹ *Ahtia E. Aunuksen elinkeinoista. S. 59.*

² Там же. С. 59. Определенные рыночные успехи, наряду с собственным потреблением, были достигнуты в нескольких ограниченных районах Олонецкого уезда, а также на очень плодородном полуострове Заонежье, разделявшем Петрозаводский и Повенецкий уезды. В Олонце дело ограничивалось продажей овса, в то время как все другие сорта зерновых приходилось ввозить из центральной России. Из всего импорта Повенецкого, Петрозаводского и Олонецкого уездов доля ржи составляла даже 2/3 (*Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 213.*)

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 418–419.

⁴ Там же. С. 409.

нии добывали ежегодно от 200 до 300 тыс. звериных шкур и не менее 1,4 млн штук дичи, то на рубеже XIX–XX вв. ежегодно добывалось лишь 125 тыс. шкур и 200 тыс. штук дичи. По Кемскому уезду обнаруживаем столь же характерные цифры – в середине XIX в. добывалось 30,7 тыс. штук шкур и 80 тыс. штук дичи, а в конце столетия соответственно 11,7 тыс. шкур и 74 тыс. штук. Уже в конце XIX в. олонеккий губернатор М. Д. Демидов констатировал, что охота как промысел «бесспорно находится на пути к окончательному упадку»¹.

С подобными же проблемами сталкивался и рыбный промысел. К началу XX в. роль рыболовства как статьи дохода уже не была существенной, по доходности оно занимало лишь девятое место в числе других крестьянских промыслов². Рыбные богатства края истощались вследствие хищнического способа добычи. Земские издания утверждали, что рыбный промысел, как и охота, «безусловно близится к полному упадку»³.

В результате роста населения и истощения поголовья дичи и запасов рыбы все большее значение приобретала мелкая торговля, чаще всего в форме торговли в разнос (коробейничество): на протяжении нескольких веков карелы Кемского уезда и нескольких северо-западных волостей Олонеккой губернии вели разносную торговлю на территории Финляндии, торгуя в разное время разными товарами, а также продавали закупленную в Финляндии продукцию в российских деревнях и городах. Правда, к концу XIX в. и здесь наблюдалась тенденция к ухудшению, с расширением сети магазинов рентабельность мелкой торговли постоянно снижалась. Кроме того, торговля в разнос в Финляндии, имевшая важное значение для кемских торговцев, была запрещена законом, что усилило полицейский контроль и вынуждало торговцев уходить во все более отдаленные окраинные районы Финляндии⁴.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 265.

² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонеккого края. С. 407.

³ *Мардарьев Ив.* Почему в Олонеккой губернии стало меньше рыбы, дичи и зверья // ВОГЗ. 1914. № 3. С. 10–11.

⁴ О коробейничестве и его истории см.: *Joustela K.* Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla w. 1809–65. Historiallisia Tutkimuksia LXII. Lahti, 1963; *Naakka-Korhonen M., Keynäs M.* Halpa hinta, pitkä matka. Vienan-karjalainen laukkukauppa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 491. Helsinki, 1988; *Hämynen T.* Raja ei erottanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // Kainuussa ja Vienassa. Näkökulmia naapurusten elämään. Studia Carelica humanistica 10. Joensuu, 1997. S. 55–75; *Bazegski D.* Vienan karjalaisten laukkukauppa. Venäjän ja Suomen kauppa-suhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // Ibid. S. 77–89; *Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.

Самой яркой иллюстрацией той безысходной нищеты, в которой существовали кемские карелы, была участь карел-коробейников. Большинство молодых мужчин, проживавших к западу от линии Кондока – Кестеньга, в холодную часть года должны были уходить в Финляндию и торговать там в разнос. При этом они страдали от постоянных унижений со стороны финнов, которые чаще всего называли их русаками-мешочниками (laukkuryssät). Нередкими были угрозы и побои со стороны финских полицейских. После длительных переходов в чужой стране с тяжелым грузом в 30–40 кг, часто без возможности получить кров и в постоянной опасности быть ограбленными, они получали довольно скудные доходы. Все это делало промысел коробейников тяжелым испытанием.

Интересно, что карелы-коробейники чаще всего торговали товарами, приобретенными оптовыми продавцами, и очень мало продавали изделий местных кустарей. Трудно объяснить, почему кустарная промышленность у архангельских и повенецких карел была развита столь слабо. Очевидно, важную роль здесь играли сложности приобретения и доставки материалов: дорог в Кемской Карелии практически не было.

В отличие от карел Кемского уезда, их соплеменники из более южных районов и вепсы торговали собственными кустарными изделиями. Для них главной областью сбыта был Санкт-Петербург и его окрестности. В этом регионе они действовали как полноправные граждане страны, занимающиеся легальной деятельностью, и, несомненно, испытывали гораздо меньше неудобств, чем их северные собратья, торговавшие в Финляндии. Нам не известны случаи, когда южные карелы торговали бы в Финляндии, и причиной была, видимо, не только география: ведь юго-запад Олонецкого уезда, например, тоже мог быть идеальным плацдармом для торговли с Финляндией. Препятствием, скорее всего, наряду с запрещением торговли, было и сильное различие между финским языком и говором олонецких карел. Язык кемских карел был, наоборот, весьма близок к финскому, а хорошее знание русского было здесь редкостью¹.

Как видим, хороших возможностей дополнительного заработка для российских карел было немного. В этой ситуации жизненно важной для них стала возможность получать рабочие места в быстро рас-

¹Голубцов Н. Указ. соч. С. 93.

ширявшихся с конца XIX в. предприятиях лесной промышленности. Именно эта отрасль могла спасти Российскую Карелию с ее быстро растущим населением от угрожающего краю экономического коллапса. Однако и лесная промышленность не могла быстро развиваться из-за транспортных проблем, и олонекское земство справедливо определяло именно эти проблемы как самые насущные и неотложные для развития губернии¹.

До Первой мировой войны в Российской Карелии не было железной дороги, а число грунтовых дорог было весьма ограниченным. Решение о строительстве давно запланированной железнодорожной линии Петербург – Петрозаводск – Мурманск было принято только после начала Первой мировой войны и диктовалось оно не экономическими, а стратегическими задачами. С помощью французского капитала и благодаря труду многочисленных пленных удалось менее чем за три года построить железную дорогу от Петербурга до Мурманска, которая означала для экономики Карелии открытие новой эры. Но когда в декабре 1916 г. дорога была пущена в эксплуатацию, ее заказчик – имперские власти – находились в агонии².

В отличие от Российской Карелии, Финляндия со второй половины XIX в. активно развивала свою дорожную и прежде всего – железнодорожную сеть. Уже начиная с 1870-х гг. действовала железнодорожная линия из Риихимяки в Петербург через Коуволу и Выборг (она была продолжена от Риихимяки до Хельсинки). К 1894 г. была протянута ветка в Северную Карелию, сначала до Сортавалы и Йёэнсуу, а к 1911 г. дорога была доведена до более северного Нурмеса³. Разветвленная дорожная сеть сыграла огромную роль в развитии экономики страны.

Политико-экономическое управление Карелией

Мы уже упоминали, что экономическая ситуация в карельских районах Олонецкой губернии была значительно лучше, чем в Беломорской Карелии. Основной причиной этого отличия было отсутствие земства в Архангельской губернии. Пример соседних губерний,

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 427.

² Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 43–46. Ср. также: *Nachtigal R.* Die Murmanbahn: Die Verkehrsanbindung eines Kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen. Grunbach, 2001.

³ См.: *Hämynen T.* Karjalan yhteiskunta ja talous... S. 184.

³ Там же.

таких, как Олонецкая и Вологодская, показал, что руководимое местной интеллигенцией земство сумело сделать очень много и без участия дворянства или крупной буржуазии¹. Местные государственные деятели, такие, как губернаторы Архангельской губернии А. П. Энгельгардт и его преемник И. В. Сосновский, понимали это и активно выступали за введение земства в своей губернии. Однако как в 1898–1899, так и в 1908 гг., когда губернаторы доводили свои предложения о введении земства до самых верхов, реформа наталкивалась на противодействие Государственного совета².

Государственный совет выдвигал такие аргументы, как низкая плотность населения края, его якобы низкий культурный уровень, а также почти полное отсутствие здесь дворянства и частных землевладельцев³. В результате край был лишен деятельных и компетентных органов самоуправления, которые могли бы двинуть вперед экономику и гуманитарную ситуацию. С особой горечью писал о безвыходном положении Архангельского Севера А. П. Энгельгардт, совершивший множество поездок по территории губернии: «При первом, даже лишь поверхностном, знакомстве с местными условиями и нуждами Русского Севера, составляющего Архангельскую губернию и обнимающего огромное пространство от границ Норвегии до Тобольской губернии вдоль берегов Северного океана и Белого моря, нельзя не заметить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширного края находится в полном застое и как бы в летаргическом сне. Между тем, по своему географическому положению и своим естественным богатствам, край этот обладает всеми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояние местного населения, но служить на пользу всего государства»⁴.

Губернатор И. В. Сосновский с горечью отмечал в своем отчете, что без земства «все местное хозяйство ведется устарелыми административными учреждениями — губернским и уездным распорядительным комитетами и приказом общественного призрения с больничны-

¹ Сафонов М. Земство на Севере // ИАОИРС. 1911. № 16. С. 329–337; Иванов А. Север и земство // ИАОИРС. 1913. № 5. С. 674–690, 721–738. Особенно высокий уровень Олонецкого земства отмечал также видный деятель Карельского просветительского общества (Karjalan sivistysseura — KSS) В. Кейняс: *Keinäsen W. Venäläistä kirkko- ja koulupolitiikkaa Itä-Karjalassa* // Karjalan historiaa. Historian ystävän liitto. Historian aitta VIII. Juväskylä, 1938. S. 77–88. Об Олонецком земстве в целом см.: Бузин В. История Олонецкого земства. Часть 1. Петрозаводск, 1917.

² Иванов А. Указ. соч. С. 721–724; Петров М. Вопрос об Архангельском земстве в законодательных палатах // ИАОИРС. 1913. № 5. С. 291–304.

³ Иванов А. Указ. соч. С. 724.

⁴ Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. С. 1.

ми советами»¹. Без земства власти Архангельской губернии были не в состоянии справиться с тем обилием проблем, которые скопились в Кемском уезде. Архангельская губерния по площади была самой большой в Европейской России, и регион, населенный карелами, располагался на ее западной периферии. Карелы составляли лишь пять процентов всего населения губернии², и естественно, что у губернских властей не доходили руки до этого отдаленного уголка.

Значительно лучше обстояло дело в Олонецкой губернии с его энергичным, работоспособным земством, которое занималось образованием, здравоохранением, помощью сельскому хозяйству, дорожным делом, статистикой, благотворительностью и еще целым рядом важнейших дел и во всех этих областях жизни добивалось больших или меньших сдвигов. Проехавший в 1913 г. почти всю Карелию учитель М. И. Бубновский констатировал: «В настоящее время Олонецкая Карелия, благодаря земству, имеет хорошие трактовые и проселочные дороги, больницы, фельдшерские, акушерские и ветеринарные пункты, много благоустроенных школ, агронома и т. п., одним словом, Олонецкая Карелия развивается и процветает, между тем Архангельская Карелия находится в том же болотном состоянии, что и в седую старину»³. Приведем несколько примеров. Если в карельских районах Олонецкой губернии лишенными дорог оказалось в среднем 55 % всех селений, то в Кемской Карелии потребность края в дорогах была удовлетворена лишь на 12 %. «За исключением северного участка устроенной в 1879 году Олонецким земством грунтовой почтовой дороги с города Повенца на посад Суму, в Кемском уезде до 1908 года не было никаких других колесных летних трактов», — констатировало местное издание⁴.

В населенных карелами уездах Олонецкой губернии (Петрозаводском, Повенецком и Олонецком) в 1907 г. одна школа приходилась на 506 жителей, а в карельских волостях Кемского уезда одна школа обслуживала почти вдвое больше — 964 человек. В карельских районах Олонецкой губернии один фельдшерский пункт приходился в среднем на 2300 человек, а в Кемской Карелии на весь край с населением в 25 тыс. чел. имелось только три фельдшера и две повивальные бабки. Единственная вакансия врача Кемского уезда годами оставалась незаполненной.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 194, 1909, д. 82, л. 23.

² В Архангельской губернии в 1913 г. проживало всего 483 500 чел., число карел было чуть больше 25 тыс.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1914. № 13. С. 402.

⁴ Архангельская Карелия. С. 40.

Однако даже у олонецкого земского самоуправления нередко опускались руки, ибо неповоротливая экономическая система, отставание в области поземельных отношений, мелочная государственная опека, а также инерция отставания тормозили многие его начинания. В упоминавшемся уже земском издании 1910 г. с горечью отмечалось: «На всей губернии лежит отпечаток какой-то заброшенности, безжизненности. Особенно резко это выступает в пограничных с Финляндией местах. Переехали вы границу и вы точно переселились куда-то далеко, в другую страну. Вместо бесконечных необитаемых лесных пространств, среди которых там и сям разбросаны людские поселения, вы видите обработанные поля, постройки хуторов, а кое-где и заводскую трубу. Вы едете по хорошей грунтовой, а иногда и шоссированной дороге, к вашим услугам почти повсюду имеется телефон <...> Несколько десятков верст вглубь страны и вы пересекаете железную дорогу <...> Ладожское озеро, которое в пределах Олонецкой губернии поражает своей безжизненностью, имеет совсем другой вид в пределах Финляндии – оно живет бойкой жизнью...»¹.

Реальное и возможное влияние Финляндии на экономику Карелии

В предыдущей части статьи мы показали, как во второй половине XIX – начале XX в. оформились и углубились различия между уровнем социально-экономического развития Финляндии и Российской Карелии. Активно модернизовавшаяся экономика Финляндии все более опережала в развитии соседний регион, и причиной этого прежде всего следует считать различие в социально-экономических стратегиях властей. В Российской Карелии, тем не менее, была возможность развития экономики и шанс наверстать упущенное при помощи соседней Финляндии, используя исходившие от нее модернизационные импульсы. Влияние Финляндии на экономику приграничных районов Российской Карелии усиливалось с ростом финского экономического потенциала и стало особенно заметным в западной, приграничной части региона. Именно здесь, в Кемском уезде Архангельской губернии и прилегающих к границе волостях Олонецкой Карелии, «силовое поле» Финляндии вовлекало хозяйство карел в свою орбиту. Это проявлялось и в активизации торговых связей с Финляндией: жителям приграничных районов было намного выгоднее и дешевле приобретать продукты и товары первой необходимости

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 424.

в соседних финских селах, чем везти их за десятки верст по негодным дорогам из российских торговых центров. Министерство финансов сообщало: «...согласно уведомлению олонецкого губернатора, карельское население <...> поставлено, ввиду отсутствия удобных путей сообщения, в полную экономическую зависимость от Финляндии»¹.

Лесная промышленность Финляндии медленно, но верно распространялась и на карельские территории, принося выгоду обеим сторонам. Финляндия стала к началу XX в. одним из главных импортеров олонецкого леса. Примером выгодной для карел экономической кооперации с Финляндией стала приграничная Ребольская волость, единственная из всех карельских волостей, связанная с Финляндией непосредственными водными путями. Здесь лесной промысел давал стабильную и хорошо оплачиваемую работу местным крестьянам: они получали приблизительно в два раза больше, чем российские, действовавшие в других частях олонецкого края². Этот пример наглядно показывал, насколько полезной могла быть хозяйственная кооперация с Финляндской Карелией. Однако такая перспектива наталкивалась на нежелание и сопротивление как местных, так в еще большей степени и общероссийских властей.

Лишь Олонецкое губернское земство, имевшее дело с конкретной ситуацией на местах, избежало этого странного ослепления. Активно занимаясь развитием сельского хозяйства, оно понимало, насколько важен пример финского хозяйствования, и часто ссылалось на него³. Российская Карелия была слабо заселена, и земство понимало необходимость широкой колонизации края. По его мнению, все попытки развить экономику края были обречены на крах до тех пор, пока здесь не возникнет достаточно густая дорожная сеть. В свою очередь, обеспечить финансирование и в дальнейшем рентабельность этому проекту было невозможно при существовавшей низкой плотности населения⁴.

Очевидно, некоторые земцы понимали, что источником колонизационного потока могла бы стать именно Финляндия, однако эти соображения не афишировались. Так, например, в уже упомянутом

¹ Мероприятия, предпринятые Олонцом губернатором... // НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 128.

² Рабочие на лесных и сплавных работах получали от 1,3 до 1,65 рубля в день (Жуков Ю. А., Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 12).

³ ВОГЗ. 1907. № 18. С. 16–18; Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1913. № 1. С. 83; Доклады Олонецкой губернской земской управы Губернскому земскому Собранию сессии чрезвычайной 10 августа и 43 очередной сессии 4–20 декабря 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 178.

⁴ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 428.

земском издании 1910 г. подробно описывалась отсталость Олонецкой губернии по сравнению с Финляндией. После этого вступления шел пассаж о необходимости колонизации, в котором неожиданно предлагались в качестве новопоселенцев эстонцы и латыши как хорошие подходящие к северным климатическим условиям¹. Как нам представляется, здесь в завуалированной форме имеются в виду скорее финны: ведь они, естественно, еще лучше подходят для климатических условий Российской Карелии, чем эстонцы и латыши. Кроме того, закономерен вопрос, что же должно было привлечь эстонцев и латышей в необжитую и чужую Российскую Карелию, если они уже нашли в соседних губерниях достаточно запустевших лесных земель? И, напротив, в Финляндии в начале XX столетия имело место высокое, взрывоопасное в социальном отношении (в 1918 г. этот взрыв в форме гражданской войны фактически произошел) сельское перенаселение. Небольшая часть финских крестьян уже была вынуждена к тому времени переселиться в Америку².

Однако в начале XX в., в обстановке активного противостояния властей «панфинскому и лютеранскому походу финляндцев в Российскую Карелию», как писали в тогдашней правой прессе³, идея о переселении сюда финнов совсем не была популярна, и поэтому автор упомянутой статьи не осмелился высказать ее открыто. В описываемый период российские власти демонстрировали, напротив, стремление ограничить финское влияние в Карелии. Наиболее показательным нам кажется финско-российское противостояние в области транспортной политики, которое приводило к искусственной изоляции карельских районов от Финляндии. Положение с дорогами в карельских районах было намного хуже, чем в русских⁴, причем

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 425.

² *Haataja K. Geschichtliche Grundzüge des finnischen Bodenrechts // Festschrift Justus Wilhelm Hedemann zum sechzigsten Geburtstag am 24. April 1938. Jena, 1938. S. 224.* В книге сообщается, что в 1901 г. в финском селе было 207 тыс. семей без какого-либо занятия по сравнению с 260 тыс. сельскохозяйственных собственных или арендных предприятий. Вообще 1900–1914 гг. явились пиком переселения во всей финской истории, при этом ежегодно переселялось за границу, в преобладающем большинстве случаев в Северную Америку, в среднем 15 тыс. человек. См.: *Otavan iso tietosanikirja. Encyclopaedia Fennica. Osa 7. Helsinki, 1964. S. 1395.*

В начале 30-х гг. правительству Советской Карелии удалось побудить более 6 тыс. финских переселенцев в Северной Америке к новому переселению в Российскую Карелию.

³ См. об этом: *Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006.*

⁴ Приведем статистику по уездам, населенным карелами: в Повенецком уезде из 402 селений было лишено дорог 252, или 62,9 %, в Петрозаводском — 370 из 636, или 58,1 %, а в Олонецком уезде на 534 селения приходилось 229, или 43,7 %, бездорожных (см.: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 143).

бездорожье усиливалось именно в пограничных с Финляндией районах. Разветвленная финская железнодорожная сеть уже к началу XX в. дотягивалась почти до границы с Российской Карелией, однако встречного движения со стороны России не было, хотя соединение с финской дорожной сетью сильно облегчило бы жизнь приграничных карел.

Известны случаи, когда именно с целью изоляции карел от Финляндии российская власть отказывалась от дорожных проектов. Так, когда повенечское земство в 1910 г. обратилось к олонекскому губернскому земству с просьбой выделить кредит в 200 рублей на окончание постройки дороги от села Лендеры до границы с Финляндией, губернская земская управа ответила отказом. Председатель управы Н. А. Ратьков заявил, что, «хотя дорога от Лендер к Финляндии с экономической точки зрения и может быть полезна для крестьян, но нужно иметь в виду и общегосударственные интересы, в особенности при тех отношениях Финляндии к России, которые имеют место в последнее время». Конечно же, и Ратьков, и председатель собрания выразили уверенность, что экономические интересы карел «должны быть подчинены интересам государственным», и 200 рублей на постройку дороги не было выделено.

Если бы российская власть на самом деле, как она и декларировала, относилась к Финляндии как к одному из рядовых регионов империи, описанные попытки изоляции карел не имели бы никакого смысла. Напротив, вызовы модернизации требовали создания разветвленной транспортной сети, соединения дорогами всех самых отдаленных районов. Описанные явления отражали страх перед финским влиянием и, таким образом, выявляли отношение к Великому княжеству как к некоему чужеродному телу в империи. Финская политика, проводимая в годы правления Николая II, была направлена на уничтожение автономного статуса Финляндии, но не отличалась последовательностью: например, была сохранена таможенная граница — главным образом, видимо, из-за опасения конкуренции для петербургских промышленных предприятий, а также собственно финская валюта и гражданство. Следствием подобной политики стало ухудшение отношений между Великим княжеством и метрополией, а традиционно сильная харизма царя в Финляндии поблекла. При этом Россия не достигла заметных военных или экономических преимуществ.

В этой новой парадигме российско-финских отношений крылась причина описанной нами политики, при которой империя почти шизофренически пыталась отделить одну свою часть от другой, несмотря на значительные потери для экономики и благосостояния подданных.

Финско-карельская трагикомедия показывает, что ответственные за принятие решений лица в центральных властных структурах, осознанно или неосознанно, в определенной степени списали Финляндию со счетов, смирились со своей будущей потерей и, как следствие, стремились «спасти», по крайней мере, Российскую Карелию. Эта политика в отношении к Карелии была и неудачной, и контрпродуктивной, ибо лишала этот регион возможности воспользоваться плодами стремительного экономического развития финской автономии. Следование этим гибельным курсом привело к тому, что экономическое будущее Российской Карелии было принесено в жертву прямолинейно и односторонне понятым русским национальным идеям. Экономически отсталый край, который мог бы получить помощь и стимул к экономическому рывку от западного соседа, был отгорожен от него «китайской стеной».

И все же имперская власть в Российской Карелии пришла к концу. Причиной ее краха стали не описанные нами просчеты и ошибки, а цепь роковых событий в центре страны. Карельская ситуация оставалась достаточно стабильной до самого конца. Выкристаллизовавшаяся после нескольких смутных лет новая система господства Советов (в период НЭПа) во всех важных сферах не уступала или даже превосходила уровень имперского периода. Однако в сталинское время программа великорусской унификации Российской Карелии была осуществлена вновь, но уже не так медленно и не с тем человеческим, хотя и довольно наивным, лицом, как ранее, а железной волей и принесенными в жертву тысячами человеческих жизней.

Вадим Баданов
Николай Кораблев

Использование агрохозяйственного опыта Финляндии Олонецким земством в начале XX века

Краеугольным звеном экономической программы российского правительства после революционных событий 1905–1907 гг. стала аграрная реформа, инициатором которой выступил Председатель Совета министров Петр Аркадьевич Столыпин. Она была призвана ускорить буржуазную модернизацию сельского хозяйства страны и стабилизировать социально-политическую обстановку в многомиллионной российской деревне. В качестве главной цели, особенно на первых порах, реформа предусматривала разрушение общины и форсированное создание в деревне широкого слоя мелких земельных собственников.

Юридической основой новой аграрной политики стал указ Николая II от 9 ноября 1906 г., который после одобрения его III Государственной Думой 14 июня 1910 г. обрел статус закона. Реформа включала целый комплекс мероприятий, главными из которых являлись: выход крестьян из общины с закреплением за ними наделной земли в собственность; создание на укрепленной земле участковых (хуторских и отрубных) хозяйств; проведение землеустроительных работ без выделения из общины; организация переселения крестьян на окраины империи. Большое внимание уделялось также агротехнической стороне сельскохозяйственного производства.

Общеизвестно, что аграрная реформа П. А. Столыпина в одних регионах страны проходила успешно, в других, напротив, шла с трудом. Более активно она осуществлялась в районах, где не было аграрного перенаселения (Нижнее Поволжье, Новороссия, Сибирь), а также в местностях, граничивших с территориями, где уже господствовала частная собственность на землю (Белоруссия, Новгородская, Псковская, Смоленская и некоторые другие западные губернии).

Карелия, имевшая протяженную границу с Великим княжеством Финляндским, испытала на себе влияние западного соседа, которое, правда, в силу различных причин не стало определяющим. Но несмотря на то, что «фермеризация» не получила в крае в ходе столыпинской реформы широкого распространения, предпосылки для дальнейшего продвижения по этому пути тогда все же были

заложены. Не случись Первой мировой войны, развитие крестьянского хозяйства фермерского типа в Карелии пошло бы, по всей видимости, успешно, как наиболее целесообразная форма аграрного производства в северных почвенно-климатических условиях.

Свойственный советской историографии крен в сторону изучения социально-политической направленности аграрной реформы П. А. Столыпина в ущерб ее хозяйственно-экономическому и собственно агротехническому аспектам не позволил исследователям обратить внимание на позитивную организационно-техническую, агрономическую и культурно-просветительную деятельность земских учреждений Олонецкой губернии. А ведь они, по существу, выступали в роли катализатора перехода сельскохозяйственного производства в крае на интенсивный путь развития. Земства в немалой степени способствовали осознанию крестьянами выгоды рационального ведения хозяйства на собственной земле.

К концу XIX – началу XX в. в сопредельной Финляндии был накоплен весьма богатый опыт интенсификации сельскохозяйственного производства в сходных с Карелией природно-климатических условиях. Первую попытку привлечь внимание местных властей и земской общественности Олонецкой губернии к достижениям финских крестьян предпринял в 1881 г. только что назначенный министром государственных имуществ России М. Н. Островский (родной брат знаменитого драматурга А. Н. Островского). Посетив сельскохозяйственную выставку в г. Або (Турку), он поделился своими впечатлениями и размышлениями об увиденном с олонецким губернатором Г. Г. Григорьевым. Министра особенно поразили успехи финнов в деле развития животноводства и, в частности, в селекционной работе по выведению высокопродуктивных пород крупного рогатого скота. «Пример Финляндии, – отмечал М. Н. Островский, – показывает, что скотоводство вообще на Севере России, изобилующем лугами, могло бы достигнуть цветущего состояния, но в настоящее время во многих северных губерниях, между прочим, и в Олонецкой, скотоводство находится далеко еще в неудовлетворительном состоянии». М. Н. Островский особо подчеркнул, что «для северных местностей, с развитием скотоводства тесно связано и улучшение сельского хозяйства вообще»¹. Сановник предложил губернатору вступить в сношение с земскими органами для выработки мероприятий по улучшению породности скота и, в частности, по закупке племенных животных и бесплатному размещению их у надежных хозяев².

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 12, оп. 2, д. 5/13, л. 230–231.

² Там же, л. 231.

Однако в отличие от другой северной губернии – Вологодской, где усилиями выдающегося энтузиаста-одиночки Н. В. Верещагина уже в 70–90-е гг. XIX в. было создано весьма сильное маслодельческое производство, продукты которого не только не уступали, а подчас даже и превосходили финляндские¹, животноводство и молочное хозяйство в Олонии не получили тогда сколько-нибудь устойчивого развития и роста. Хотя губернатор Г. Г. Григорьев довел до сведения земских органов предложения министра М. Н. Островского, однако никаких заметных шагов с их стороны по реализации этих предложений не последовало. Во-первых, это объяснялось тем, что в то время финансовые средства олонецкого земства были направлены на ликвидацию последствий неурожая 1880–1881 гг., а также на активное распространение начального образования и сельской медицины, которые рассматривались местными деятелями как первоочередные задачи. Во-вторых, земство не располагало еще тогда необходимыми организационно-кадровыми ресурсами для работы в аграрной сфере (отсутствовала агрономическая и зоотехническая службы, необходимая инфраструктура). Лишь с середины 1890-х гг. с изменением кадрового состава земских учреждений после контрреформы 1890 г. и под воздействием тяжелого продовольственного кризиса 1891–1892 гг. в центральной России земцы карельского края начали регулярные отчисления из своего бюджета на сельскохозяйственные нужды, прежде всего на привлечение специалистов-агрономов и ветеринаров.

Приступив к радикальному реформированию аграрного сектора российской экономики, Председатель Совета министров России П. А. Столыпин дважды обращался с циркулярными телеграммами в земские органы с просьбой активно поддержать начинания правительства. В первый раз это произошло сразу после издания указа от 9 ноября 1906 г., другой – в 1910 г., когда социально-политический фактор реформы уже исчерпал себя, и руководство страны перешло на путь проведения исключительно агротехнических мероприятий. Земства с пониманием отнеслись к просьбе премьер-министра и взяли на себя значительную часть работы не только по пропаганде

¹ В частности, на I Всероссийской молочнохозяйственной выставке в Санкт-Петербурге в 1879 г. вологодские маслоделы получили 45 наград, обойдя финских мастеров, которые до этого считались лучшими. В столичной прессе отмечалось: «Вологда с ее экспозицией – совершенное для нас открытие, которое обнаруживает наше полное неведение собственной производительности. Не одни только финляндцы и немцы способны к представительству, но и русские, да еще жители лесов и тундр – вологжане». Государственный архив Вологодской области, ф. 18, оп. 71, д. 2934, л. 2об.; ф. 34, оп. 1, д. 14/81, л. 2–3.

аграрной реформы, но и по оказанию практической помощи селянам¹. Не являлись исключением в данном отношении и земские учреждения карельского края, значительно увеличившие финансирование села.

Динамику расходов земских учреждений Олонецкой губернии можно проследить по табл. 1².

Таблица 1

	Расходы (тыс. руб.)						
	1900 г.	1905 г.	1906 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
Средства на содержание агрономического персонала	5,9	20,2	23,6	57,2	60,7	85,1	100,4
Средства на содержание ветеринарных врачей и фельдшеров	15,3	26,1	31,0	35,3	36,5	37,6	42,9
Средства на мероприятия по улучшению производства в сельском хозяйстве	15,3	59,9	69,9	41,8	52,3	62,7	80,7
Пособия сельскохозяйственным обществам	0	0,40	0,70	0,95	1,47	1,95	3,22
Расходы на содействие экономическому благосостоянию	22,1	83,3	97,1	111,1	118,3	153,1	187,8
Всего расходов на экономическое обустройство села	56,6	189,9	222,3	246,35	269,27	340,45	415,02

Как мы видим, за время подготовки и проведения столыпинской реформы ассигнования со стороны земств на хозяйственные нужды олонецкой деревни выросли в 7,1 раза, причем активный рост наблюдался по широкому спектру производственных, кадровых и организационных мероприятий.

В период столыпинских преобразований возникли реальные объективные предпосылки для восприятия в Карелии опыта модернизации сельского хозяйства, накопленного в Финляндии. В целях пропаганды реформы олонецкие земцы стали активно ссылаться на достижения финских аграриев. Так, председатель Повенецкого уездного земского собрания Е. А. Богданович, выступая в 1906 г. с докладом по

¹ Герасименко Г. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 36–37.

² Бюджет губернского и уездных земств Олонецкой губернии за 1868–1916 гг. Петрозаводск, 1917. С. 196–199, 206–207, 210–211, 212–213, 215–217, 218–219.

вопросу о поднятии благосостояния крестьян уезда, особо подчеркивал преимущества и большую пригодность к местным условиям усадьбного (хуторского) ведения хозяйства. Он заявил, что «на такой же самой почве, как и у нас, финляндец чуда делает»¹. Позднее Е. А. Богданович, повторив свой доклад уже на сессии губернского земского собрания, добавил, что с принятием закона 9 ноября 1906 г. о выходе из общины «путь к поднятию благосостояния крестьян открыт». На той же сессии губернский агроном К. К. Вебер в качестве главной причины убогости и отсталости аграрного производства Олонии также указывал на условия общинного владения землей, «когда временный владелец ведет хозяйство так, чтобы земля только не лежала впусте»². А один из земских гласных свидетельствовал: «В нашей местности, чтобы привести землю в такое состояние, чтобы получать высокие урожаи, требуются десятки лет и огромная трата труда и денег, и хозяин только тогда решится затрачивать труд и капитал, когда тот участок будет собственностью, и плод его трудов достанется хоть не ему, так его детям»³. В результате дебатов губернское земское собрание вынесло резолюцию, в которой говорилось: «Переход к подворному владению является единственным средством к подъему благосостояния крестьян»⁴.

Впоследствии земский агроном Олонецкого уезда Н. А. Бодалев отмечал, что в осознании местным населением необходимости перехода к частному землевладению большую роль сыграла Финляндия, где, бывая по своим торговым и другим делам, крестьяне видели, «как можно на скале развести цветущий сад, если право собственности на нее будет предоставлено одному человеку»⁵.

На страницах начавшего выходить с 1907 г. журнала «Вестник Олонецкого губернского земства» систематически публиковались материалы об аграрной реформе и о финском опыте интенсификации сельского хозяйства⁶. С 1907 по 1914 г. губернское и уездные земства

¹ Обзор постановлений очередного губернского земского собрания. Вопрос об общинном и подворном землепользовании // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 4. С. 26.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 28–30.

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Труды VIII агрономического совещания при Олонецкой губернской земской управе. Петрозаводск, 1913. С. 195.

⁶ См. например: *Комаровский М.* Поездка в Финляндию // Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 18–22; *Вебер К.* Первые шестинедельные курсы по молочному хозяйству, маслоделию и скотоводству, при Повенецкой ферме // Там же. 1910. № 12. С. 25; *Гагман А.* Проект премирования образцовых крестьянских хозяйств // Там же. 1911. № 9. С. 29; *Гультман Г.* Деятельность контрольных союзов Финляндии в 1915 г. // Там же. 1916. № 18. С. 119–120.

организовывали ежегодные специальные экскурсии для своих аграриев в страну Суоми. Экскурсионную группу возглавлял земский агроном, в ее состав обычно входили 5–6 крепких хозяев из крестьян и переводчик (иногда его заменял местный финский специалист, владевший русским языком). Экскурсанты осматривали передовые фермерские хозяйства, знакомились с устройством в них скотных дворов, кормопроизводством, селекционной работой. Они также знакомились с деятельностью финских кооператоров, посещали артельные маслодельни, торфо- и мохоперерабатывающие предприятия, прокатные пункты сельхозинвентаря, объекты мелиорации. Особое впечатление на олончан производила тщательная селекционная работа финнов (наличие особых племенных книг со списками быков и продуктивных коров, существование особых «контрольных и бычьих союзов», постоянное проведение конкурсов и выставок с премированием хозяев – владельцев племенного скота)¹.

Любопытно, что карельские экскурсанты обращали внимание даже на примечательные стороны хозяйственно-семейного быта, связанные с особой ролью животноводства у финских хуторян. Так, один из крестьян Олонецкого уезда, побывавший на экскурсии в Выборгской губернии в июне 1911 г., рассказывал затем земскому агроному К. К. Веберу: «Что нас удивило – это то, что там каждый хозяин знает, сколько у него какая корова съела корма, на какую сумму, сколько она дала за год молока, и даже когда отелилась, а у нас, смотри, немного хозяев, знающих, сколько у них коров в хлеву, не спрося хозяйку»².

С учетом финляндского опыта Олонецкое губернское земство еще в период подготовки столыпинской реформы разработало план деятельности по подъему сельскохозяйственного производства, который окончательно был утвержден в конце 1906 г. Краеугольным камнем модернизации отрасли, как и в Финляндии, было признано развитие молочного животноводства. Основной упор делался на расширение кормовой базы путем распространения травосеяния и проведения мелиоративных работ, а также на улучшение породности скота и организацию товарного маслоделия. Другой важной задачей признавалось повышение культуры земледелия за счет ознакомления крестьян с прогрессивными агротехническими методами, новыми машинами и орудиями.

¹ Вебер К. Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 21. С. 14–17; № 22. С. 23–26; Олонецкие губернские ведомости (далее – ОГВ). 1910. 19 июня; 1914. 4 июля.

² Вебер К. Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 22. С. 24.

Внедрение травосеяния земские органы начали с раздачи крестьянам семян травяных культур. В 1902–1903 гг. только губернское земство закупило и бесплатно распространило среди крестьян 78 пудов семян клевера и тимофеевки. Однако к началу 1910-х гг. земские агрономы убедились в недостаточности такой формы работы в крае, где, как образно выразился один из них, «повинуясь злему року, крестьяне косят лишь осоку», и перешли к закладке показательных полей с травосеянием и многопольными севооборотами. Стабильно высокие урожаи трав на показательных полях стали достаточно наглядным аргументом. Постепенно у крестьян зарождался интерес к возделыванию травяных культур как выгодной статье хозяйства. К 1917 г. площадь сеяных трав в карельских уездах Олонецкой губернии составила 154 га (0,3 % всей посевной площади края)¹.

Укрепления кормовой базы животноводства земство пыталось достичь также за счет приобщения крестьян к мелиорации, как известно, широко практиковавшейся в Финляндии. В 1903 г. Олонецким губернским земством был образован специальный мелиоративный фонд для разработки заболоченных участков. Из него выдавались средства для проведения исследовательских работ по изучению перспективных для мелиорации участков и их последующего обустройства². Эта инициатива олонецких земцев обратила на себя внимание Николая II. На отчете губернатора Н. В. Протасьева за 1908 г., там, где речь в тексте шла о начатых на средства казны и земских учреждений исследованиях «многочисленных озер и речек с целью понижения уровня озер и осушения болот для обращения, по примеру Финляндии, осушенных пространств в луга», император собственноручно начертал резолюцию «полезно»³.

В 1911 г. губернская земская управа приняла на службу специалиста по осушке болот и луговодству К. И. Виганда, а в дальнейшем при всех уездных земствах появились также инструкторы по культуре болот⁴. К 1914 г. в карельских уездах Олонецкой губернии было заложено 42 показательных полосы по разработке болот и 45 показательных участков по улучшению суходольных сенокосов⁵. Наиболее активно на земские инициативы откликнулись жители самого северного в губернии Повенецкого уезда, где недостаток в сенокосах ощущался

¹ Социалистическая индустриализация Карельской АССР. Л., 1935. С. 22.

² НА РК, ф. 12, оп. 1, д. 4/53, л. 8.

³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 106/1, л. 191.

⁴ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 2/13, л. 37.

⁵ Олонецкая губерния: Стат. справочник / Стат. бюро Олонец. губерн. земской управы. Петрозаводск, 1913. С. 334–335.

особенно остро. Если в 1905 г. здесь разрабатывало болота под травосеяние 4 крестьянина, то в 1910 г. — уже 45 крестьян¹. Широкую известность и признание в уезде получила практика таких хозяев, как И. С. Гайдин (с. Шуньга) и И. Д. Федотов (д. Покровская Мяндусельгской волости), которые благодаря систематическому проведению мелиоративных работ успешно обеспечивали скот кормами даже в самые неурожайные годы. Губернский земский журнал отмечал, что они «достигнутыми на своих болотах результатами подбили к подражанию в этом деле не только более смысленных крестьян-односельчан и соседних деревень, но и крестьян более отдаленных деревень той же волости, которые, убедившись, что полученный с такой разработанной пожни урожай с лихвою вознаграждает затраченные средства и труд... сами взялись под разработку болот под пожни»². Указом Николая II от 6 декабря 1913 г. передовые хозяева И. С. Гайдин и И. Д. Федотов были награждены серебряными медалями «За усердие» на Станиславской ленте³.

Начиная еще с 1902 г. земства по примеру соседней страны стали создавать в уездах случные пункты по улучшению породы крупного рогатого скота. Особенно активизировалась эта работа в период проведения аграрной реформы. На пособия Главного управления землеустройства и земледелия России в Финляндию командировались земские специалисты для закупок быков-производителей восточнофинской породы как наиболее подходящих для Олонецкой губернии. Преимущество при этом отдавалось районам Восточной и Северной Карелии в Куопиоской губернии, которые по своим климатическим и почвенным условиям, рельефу местности, обилию озер и болот были весьма схожи с российской Олонией. Так, например, зоотехник С. А. Виноградов в 1912 г. был командирован на сельскохозяйственную ярмарку в г. Йоэнсуу для приобретения партии быков, предназначенных для открытия случных пунктов в районах единоличного землеустройства. К 1913 г. в карельских уездах Олонецкой губернии имелось 43 случных пункта, в которых насчитывалось 46 быков, в том числе 35 восточнофинских и 11 полукровных (помесь восточнофинской и местной породы). Молочное стадо в районах данных пунктов насчитывало около 2,5 тыс. голов⁴. Земствами стали регулярно проводиться выставки молочного и рабочего скота с премированием

¹ Отчет губернского земского агронома за 1911 г. Петрозаводск, 1912. С. 66–67.

² Земская агрономическая помощь в Олонецкой губернии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 1. С. 8.

³ ОГВ. 1913. 26 декабря.

⁴ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 336.

хозяев, представивших лучшие экземпляры коров и лошадей. Однако это было лишь только начало кропотливой селекционной работы, так как, по данным специального земского обследования, элитные быки восточнофинской породы к 1913 г. составляли в крае лишь 7 % поголовья быков-производителей¹.

По примеру финских хозяев многие крестьяне в качестве утепленной подстилки для скота начали применять мох, заготавливая его на зиму. А общее собрание Крошнозерского сельскохозяйственного общества (Ведлозерская волость Олонецкого уезда) 19 декабря 1912 г. даже возбудило ходатайство перед Главным управлением землеустройства и земледелия об оказании помощи в постройке небольшого торфо-мохового завода для приготовления подстилки. Известно, что уездное земское собрание сразу же выделило на постройку завода 50 рублей.

По инициативе земств на базе некоторых передовых хозяйств по финляндскому образцу стали создаваться специальные контрольные пункты племенного скота, в которых фиксировались экстерьер животных, количество и вид потребляемых ими кормов (грубые, сочные, сильные и проч.) за определенный период времени, прирост живого веса, удои молока. Интересно, что в Олонецком уезде один из первых таких пунктов открыл сразу же по возвращению из экскурсии в Финляндию в 1911 г. крестьянин-карел из д. Спиридон-Наволок Ведлозерской волости Андрей Иванович Законов². Он также просил уездную управу направить на экскурсию в соседнюю страну и своего племянника, которому собирался в будущем передать хозяйство. А. И. Законов утверждал: «Тогда только мы друг друга поймем на хозяйстве и то, что я теперь буду вводить, прочно разовьется»³.

Одним из наиболее результативных направлений по внедрению финского опыта стали земские пункты маслоделия. Характерным примером в данном плане может служить история одного из первых таких пунктов – в с. Вешкелицы Сязозерской волости Петрозаводского уезда. В марте 1901 г. земством сюда была направлена оборудованная сепаратором, закупленным в Финляндии, передвижная мастерская, которой заведовала В. Попова – выпускница школы знаменитого маслодела Н. В. Верещагина. К июню 1901 г. вокруг мастерской в селе сложилась маслодельная артель, объединившая 32 домохозяина. К концу первого летнего сезона на маслодельном

¹ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 238.

² Об агрономических мероприятиях Олонецкого уездного земства // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 24. С. 15.

³ Вебер К. Осмотр олончанами хуторских хозяйств в Финляндии // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 22. С. 26.

пункте было выработано свыше 43 пудов сливочного масла. Сбыт продукции осуществлялся в Петрозаводске через уездный земский склад, а также частично в Петербурге. Доходы крестьян-артельщиков от животноводства благодаря маслоделению увеличились почти в три раза. К 1902 г. число постоянных участников артели возросло до 65, кроме того, время от времени излишки молока на маслодельню сдавали еще до 40 человек. Сыграв важную роль в пропаганде маслоделия, артель в Вешкелицах распалась в 1907 г. в связи с появлением частных маслоделен. К этому времени в селе и его округе имелось уже 6 сепараторов и дело получило прочное основание¹.

Другой земский маслодельный пункт, открытый в 1903 г. в д. Спиридон-Наволоок Олонецкого уезда, в конечном итоге послужил основой для образования Крошнозерского сельскохозяйственного общества, в котором в 1913 г. насчитывалось 30 сепараторов и было выработано 260 пудов масла². Полученные на маслодельнях с помощью сепараторов партии сливочного масла высоких сортов – парижского, голштинского и сладкосливочного находили хороший сбыт в Петрозаводске и Петербурге. На столичном рынке, по отзывам современников, олонечкое масло продавалось «по очень высокой расценке (до 20 рублей парижское)»³.

Благодаря помощи со стороны земства товарное маслоделие прочно укоренялось в хозяйственной жизни карельской деревни, о чем свидетельствуют статистические данные. Если в 1902 г. в целом по Олонецкой губернии насчитывалось всего 5 сепараторов, а в 1905 – 17, то в 1912 г. – уже 268⁴. Весьма примечательно, что по количеству сепараторов с большим отрывом лидировал пограничный с Финляндией Повенецкий уезд, где в 1912 г. сосредоточивалось более половины всех сепараторных установок губернии – 143⁵. По оценке губернского земского агронома К. К. Вебера молочное хозяйство в Повенецком уезде «достигло размеров, обращающих на себя внимание»⁶.

¹ ОГВ. 1901. 10 мая, 28 июля, 23 октября; 1902. 19 октября; *Молосовкин И. С.* Сообщения из уездов. Вешкелицы // Вестник Олонецкого губернского земства. 1908. № 16. С. 20.

² НА РК, ф. 12, оп. 1, д. 4/48, л. 51.

³ Обзор Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902. С. 6; ОГВ. 1901. 23 июня; III агрономическое совещание // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 12. С. 19.

⁴ *Бузин В., Виноградов С.* Материалы по исследованию животноводства в Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1914. С. 24.

⁵ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 336.

⁶ *Вебер К.* Первые шестинедельные курсы по молочному хозяйству, маслоделению и скотоводству, при Повенецкой ферме // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. №12. С. 25.

В целях приобщения крестьян к новинкам агротехники по примеру Финляндии создавались специальные выставочные экспозиции, где экспонировались усовершенствованные сельскохозяйственные орудия и машины с демонстрацией их практического применения. К 1912 г. в каждом уезде были развернуты земские зерноочистительные обозы, общий парк которых насчитывал 53 машины (веялки, сортировки, триеры). При губернском, а также Олонецком и Пудожском уездных земствах функционировали прокатные пункты сельхозинвентаря¹.

Один из местных деятелей, в 1911 г. оценивая результаты агротехнических мероприятий, реализованных земством, на примере Петрозаводского уезда, писал: «Где раньше приходилось бесплатно навязывать травяные семена, там теперь крестьяне покупают такие по заготовительной стоимости... Раньше никто не хотел работать на бесплатных плугах, а теперь их ежегодно продается 30–50 штук, и большинство жителей некоторых селений перешло к плужной обработке почвы (с. Ивины, Бесовец), то же можно сказать про веялки-сортировки, которых ежегодно продается 20 штук. Особенно крупный шаг сделан в маслоделии. Со времени учреждения должности разъездного инструктора-маслодела, число крестьянских маслоделен (если можно их так назвать) быстро возросло, а в настоящее время в уезде работают 70 сепараторов, принося хозяевам весьма осязаемый доход. Но не только этим важно маслоделие, оно еще вселяет в крестьянина какое-то собственное стремление к улучшению всего хозяйства, как-то: к травосеянию, улучшению и лучшему кормлению скота и проч. Если кто-либо внимательно следил за развитием деревни и сравнил бы теперешнюю деревню с деревней лет 15-ти тому назад, то думаю, нашел бы крупные перемены»².

Все же, несмотря на определенные результаты в развитии крестьянских хозяйств, главная цель столыпинской реформы – создание широкого слоя фермеров, в Олонецкой губернии за тот краткий срок, который отвела история для реализации новой аграрной политики, не была достигнута. Об этом можно судить по официальным статистическим данным за 1914 г. (табл. 2)³.

¹ Олонецкая губерния: Стат. справочник. С. 335–336.

² *Зиадинъ Ф. И.* Несколько слов о 15-летней деятельности агрономии в Петрозаводском уезде // Вестник Олонецкого губернского земства. 1911. № 20. С. 32.

³ *Наймарк И.* Обзор агрономической помощи хозяйствам единоличного владения Олонецкой губернии за 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 7.

Таблица 2

Уезд	Общая площадь земли (тыс. десятин)	Площадь надельной земли (тыс. десятин)	Число крестьянских хозяйств	Из них земле- устроенных
Петрозаводский	1438	814	11 393	8
Повенецкий	3721	604	4559	176
Пудожский	1853	683	6562	12
Каргопольский	1955	956	15 185	193
Вытегорский	1049	446	10 185	153
Лодейнопольский	885	338	9388	107
Олонецкий	853	411	7768	318
Всего по губернии	11 754	4252	65 040	967

Таким образом, по Олонецкой губернии на 1914 г. доля владельцев хуторов и отрубов (967 землеустроенных дворов) составила лишь около 1,5 % ко всей массе крестьян-домохозяев (общинников и подворников). Данный показатель был примерно в 8 раз ниже среднего по Европейской России в целом¹. Нельзя, однако, при этом не отметить, что самый высокий удельный вес участковых хозяйств в крае отмечался в двух западных, карельских уездах губернии — Олонецком (4,1 %) и Повенецком (3,9), крестьянскому населению которых опыт хозяйствования финских фермеров был наиболее известен.

Процесс создания частных крестьянских хозяйств в Олонецкой губернии тормозился по ряду причин. Вследствие практического отсутствия дворянского землевладения аграрный вопрос в крае сводился к взаимоотношениям между крестьянами и государством и не стоял столь остро, как в «помещичьих» регионах. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что основную часть денежных доходов местные крестьяне получали вовсе не от земли, а от разнообразных промысловых занятий. Для Карелии с ее суровыми природными условиями были характерны слабый уровень развития аграрного капитализма и укорененность общинных традиций, способствовавших выживанию крестьянского двора в экстремальных ситуациях. В среде местного крестьянства все еще бытовала некая психологическая, мировоззренческая и даже религиозная установка на общину как на особую ценность, данную свыше.

Само общинное землевладение в Карелии имело осложненную, запутанную структуру вследствие преобладания здесь в ходе реализации реформы 1866 г. группового землеустройства. Около 90 % бывших казенных и горнозаводских приписных селений получили по

¹ См.: Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 367–368.

владенным записям общие (однопланые) земельные дачи с другими деревнями¹. При этом нередко существовал разнорядностью во владении пахотными, сенокосными, подсечными и лесными частями надела. Разверстка угодий в таких условиях была крайне затруднена и требовала значительных затрат со стороны государства. По данному поводу олоонецкий губернатор Н. В. Протасьев в письме Председателю Совета министров П. А. Столыпину 16 августа 1910 г. писал: «Большим тормозом стремлению крестьян в этом отношении служит неудовлетворительность работ, произведенных в свое время при наделении государственных крестьян землею. Далеко не редкое исключение в Олоонецкой губернии составляет группировка 40–100 селений, владеющих наделными землями по одному владенному акту, причем в этом наделе находятся земли единственного владения каждого селения и общего владения как нескольких селений, так и общего владения всех селений, поименованных во владенном акте. Борьба с этим порядком владения составляет насущную задачу крестьянских учреждений Олоонецкой губернии»².

На ход «фермеризации» сельского хозяйства в Карелии определенное влияние оказало и непростое состояние российско-финляндских отношений в тот период. С одной стороны, после революции 1905–1907 гг. правительственные круги России осуществляли «поход» на финляндскую автономию, а с другой – в Великом княжестве активизировались агрессивные-националистические круги, выступавшие под флагом панфиннизма³. Данная ситуация провоцировала взаимное недоверие и мешала развитию устойчивых и тесных контактов между аграриями двух стран. Даже в земской среде, в целом позитивно относившейся к финляндской аграрной практике, звучали оценки, расходившиеся с официальной линией руководства. Так, например, деятель, скрывшийся за инициалами А. Г., в 1910 г. писал в губернском земском офицозе: «В пример нам ставится Финляндия: там все хорошо, цветущая страна, все там в образцовом порядке, хутора бесподобные и проч. А много ли их? Нет ли там и совершенно безземель-

¹ См.: *Першин П. Н.* Земельное устройство в дореволюционной деревне. Воронеж, 1928. Т. 1. С. 302.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/1, л. 217об.–218.

³ См.: *Дубровская Е. Ю.* Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX вв.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64; «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX – начало XX вв.). Сост. и вступ. статья Мусаева В. И. // *Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы.* № 10. Финно-угорские народы России. Проблемы истории и культуры. СПб., 2007. С. 47–71.

ных, торпарями называемых? Сколько она от нас муки покупает, да нам же и продает, выдавая за свою... Пусть уже, наконец, в ней все прекрасно, но она не может служить примером для Олонии. Хотя она и рядом с нами, но там климат умеряется морем, в ней растут вишни и сливы, а в Олонии яблока хорошего нет. По производству масла, скоро одна Вологодская губерния сравняется с Финляндией. Не бывать, кажется Олонии житницей»¹. В то же время сам автор не предлагал каких-либо собственных практических рекомендаций по подъему аграрной отрасли. Ясно, что создавшаяся обстановка не благоприятствовала эффективному восприятию позитивного аграрного опыта Финляндии в соседней Российской Карелии.

¹ А. Г. Когда что будет? // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 22. С. 16.

Марина Витухновская

Финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии (1905–1917)

Российская Карелия с древнейших времен входила в состав русского государства, сначала эта территория была частью Киевской Руси, потом Новгородской республики, затем России. Вторая часть карельского этноса существовала по другую сторону границы со Швецией и сыграла важнейшую роль в процессе формирования финской нации, который стремительно развернулся в XIX в. Этот процесс был тесно связан с поиском национальной идентичности и культурно-исторических корней, что, в свою очередь, вывело на авансцену общественного внимания «карельский вопрос».

Профессор Ханнес Сихво, обстоятельно проанализировавший роль Карелии в формировании финского национального мифа¹, отмечает, в частности, что растущий в среде финских ученых с начала XIX в. интерес к карелам и их территории был частью общего стремления финнов узнать больше о своей истории и культурных корнях. Именно в это время произошло «открытие» древней Карелии и ее идеологическая маркировка как «Золотого века» финской истории. Главную роль в этом сыграло, конечно, обнаружение карельско-финских эпических рун, которые позже Элиас Лённрот переработал в знаменитую «Калевалу», вышедшую отдельным изданием впервые в 1835 г. Знаменательно, что полное название первого издания «Калевалы» было «Калевала, или Старые руны Карелии о древних временах финского народа». Название отнюдь не случайно – основная часть рун «Калевалы» была собрана на территории Российской Карелии, и их напели Лённроту карельские сказители. Карелы были хранителями эпоса, роль которого в становлении финского национального мифа оказалась цементирующей. Так, именно карельский по происхождению эпос дал основу для создания мифической истории финнов и карел, и именно мифическая страна обитания героев эпоса – Калевала – была трактована как общая прародина обоих народов.

¹ *Sihvo H. Karelia: a source of Finnish national history // National history and identity – Approaches to the writing of national history in the North-East Baltic region nineteenth and twentieth centuries. Studia fennica ethnologia 6. Toim. Branch Michael. Helsinki, 1999.*

В среде финских интеллектуалов бытовало убеждение, что карелы являются одним из двух племён, образующих финский народ, и что «воображаемое Отечество» у карел и финнов общее. Поэтому финские национальные деятели традиционно относились к российским карелам как к будущей составной части финской нации. Сформировался интерес финских национальных романтиков к культуре Карелии, которая казалась им неким идеальным хранилищем финской древней традиции, краем, где надлежит искать свою национальную идентичность и культурные корни. К концу XIX в. оформилось явление, получившее в литературе название «карелианизм». Ханнес Сихво определяет это явление таким образом: «Карелианизм – идеология, основанная на предположении о едином языке и культуре, которая появилась в середине XIX века как стремление финского национального движения преобразовать культурную идентичность в политическую. Она была сконструирована учёными-лингвистами и этнографами, поэтами и писателями»¹.

Сихво отмечает в карелианизме две составляющих – культурную и политическую. В течение двух десятилетий карелианизм развился в полноценное политическое течение, «подкрепленное чувством моральной обязанности помочь угнетенному родственному народу» и развить в нем национальное самосознание². Именно карелианизм стал важнейшей основой для формирования идеи Великой Финляндии, в которой, как и во всяком гиперациональном проекте, существенное место занимало представление о необходимости объединения родственных народов под эгидой «старшего» – в данном случае финского³. Одним из таких народов, по мнению финских идеологов, были их этнические «братья» – карелы, которых особенно сближали с финнами общие национально-исторические корни, языковое и культурное родство, а главное – острое ощущение финнами Российской Карелии как «ирреденты» (*irredenta*), оторванного куска Великой Финляндии.

Во второй половине XIX в. обычным явлением стали поездки финских активистов в Российскую Карелию. Они преследовали как научные и культурные цели, так и задачу по сближению с «братским народом», приближению ирреденты к метрополии. От чисто теоретических построений сторонники идеи были готовы перейти к повсе-

¹ *Sihvo H.* Op. cit. S. 195.

² *Ibid.* S. 196.

³ О формировании идеи «Великой Финляндии» см.: *Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyhtykset Suomen ulkopoliitikassa vuosina 1918–1920. Porvoo; Helsinki, 1961. S. 21–67.

дневной конкретной работе по воплощению своих идеалов в действительность. Финские активисты, такие, например, как писатель из Оулу Аугуст Вильгельм Эрvasti, обнаружили, что русское влияние в Карелии усиливается и может стать угрозой для воплощения мечты о единении братских народов¹. Сторонники идеи Великой Финляндии пришли к выводу, что для ее реализации требуется серьезная повседневная работа с целью привлечения российских карел на свою сторону. Так зародилось то движение, которое позднее в российской прессе получило название «панфиннизм».

До первой русской революции открыто вести «панфинскую пропаганду» в Карелии было сложно, однако попытки финского культурного десанта осуществлялись. Как правило, свои усилия объединяли финские энтузиасты и представители нарождавшегося карельского национального движения, которое начало формироваться в конце XIX в. Ядро националистического движения составляли карельские торговцы-коробейники, являвшиеся живой связкой между карельскими регионами и Финляндией, впитавшие в себя как традиции карельской крестьянской культуры, так и культурные основы финского социума. Путешествуя из одного финского населенного пункта в другой, коробейники наблюдали за модернизирующейся Финляндией, сопоставляли уровень жизни финских и карельских крестьян, — и чаще всего эти сравнения были не в пользу их родных мест. Обнаруживая резкий контраст между экономическим развитием, уровнем жизни и общественным устройством Финляндии и своей родины, коробейники одновременно входили в самый непосредственный контакт с финскими национальными активистами, вливались в их ряды, усваивали идеи «Великой Финляндии» и становились их пропагандистами в Российской Карелии.

В 1880-х гг. из массы коробейников стали выделяться карельские купцы, происходившие, как правило, из деревень Беломорской Карелии, начинавшие как коробейники, но позже правдами и неправдами (часто путем женитьбы на финках) перебиравшиеся на постоянное жительство в Финляндию, где они обычно продолжали торговую деятельность. Эти люди не прекращали своей связи с родными местами, где, как правило, у них оставалось много родни и близких. Их живо волновала судьба родины, положение которой выглядело особенно несчастливой в сравнении с процветающей Финляндией. Вместе с тем эти люди ощущали себя частью финского социума, овладевали

¹ Результатом поездки Эрvasti в Российскую Карелию стала его работа «Воспоминания о поездке в Беломорскую Карелию летом 1879 года»: *Ervasti A. W. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Oulu, 1880.*

финскими культурными традициями и, таким образом, оказывались людьми с как бы двусторонней, финско-карельской ментальностью. Именно эти карельские купцы, жившие в Финляндии, и стали основной пружиной, мотором зарождавшейся национальной деятельности российских карел¹.

Показательна в этом смысле непосредственная связь между идеологами «панфинской идеи» и карельскими национальными деятелями. Примером может послужить непосредственное участие уже упомянутого финского активиста Аугуста Вильгельма Эрвасти в формировании личности «отца» карельского национального движения, ухтинского крестьянина, впоследствии – коробейника и купца Павла Афанасьева (Пааво Ахава). В 1885 г. тринадцатилетний Афанасьев в родном селе Ухта (Uhtua; с 1962 г. – Калевала) встретился с двумя купцами, рассказывавшими о Финляндии и давшими мальчику для прочтения книгу Эрвасти «Воспоминания о поездке в Русскую Карелию». По воспоминаниям самого Ахавы, он в это время уже начинал осознавать родство финнов и беломорских карел, однако книга Эрвасти дала важный толчок его идейному формированию как национального деятеля, вселила страх перед русификацией Карелии. С этих пор началась совместная работа Эрвасти и Ахава², их поездки по карельским районам, доставка в Беломорскую Карелию финских книг³. Очевидно, именно их усилиями в 1889 г. в селе Ухта была основана на средства отдельных карел (скорее всего, коробейников) финская библиотека⁴. Библиотека, правда, смогла продержаться всего одно лето – уже осенью местные власти признали ее «опасной» и закрыли.

Финские активисты и карельские национальные деятели в конце XIX в. организовали еще несколько предприятий, направленных на финско-карельское культурное сближение. В деревнях Беломорской Карелии открывались школы, в которых детей обучали финской азбуке и письму. Предпосылкой для их создания являлась прежде всего потребность самих карел знать финскую грамоту – особенно в приграничных с Финляндией местностях. Из других известных нам

¹ История и содержание этого движения изложены в исследовании: *Ranta R. Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997.*

² Один из сподвижников Эрвасти, Хьяльмар Базильер вспоминал, как однажды тот прислал к нему в Петербург Афанасьева с такой запиской: «Позаботься о мальчике. Сделаем-ка из него ухтинского писаря!» (*Basilier Hj., Sananen A. W. Ervastista ja hänen matkoistaan // A. W. Ervasti. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879 / Toim. P. Laaksonen. Helsinki, 2005. S. 12.*)

³ См. об этом: *Nygård T. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Jyväskylä, 1980. S. 27.*

⁴ См. об этом: *Karjalan kirja / Toim. I. Härkönen. Porvoo; Helsinki, 1932. S. 698.*

совместных финско-карельских мероприятий можно назвать создание в 1898 г. частного почтового сообщения между карельским Вокнаволоком и финским Суомуссалми¹.

История зарождения карельского национализма типична для истории национализмов так называемых «молодых наций»². Знакомясь с тем, как шло оформление белорусского, украинского, литовского и других национальных движений, мы каждый раз обнаруживаем, что питательной средой для них являлись национальные центры и деятели соседних «старых наций», противостоявших русскому имперскому центру. Так, белорусские национальные деятели были тесно связаны с Польшей и зачастую являлись выходцами из польской шляхты; «воображаемым Отечеством» для них было Польско-Литовское государство. Первые газеты на белорусском языке выпускались в Вильно³. История складывания белорусского национализма вообще, на наш взгляд, наиболее близка аналогичным карельским сюжетам — как по замедленным темпам развития и незначительной интенсивности, так и по отношению к ним имперской власти, склонной до поры до времени целиком игнорировать соответствующие «вопросы». Петербург, как отмечает Теодор Викс (Theodore R. Weeks), «не уделял белорусам особенного внимания, поскольку почти всегда белорусский вопрос заслоняли более жгучий еврейский и польский вопросы»⁴. Так же и «карельский вопрос» постоянно находился в тени финского.

Деятельность финских и собственных карельских агитаторов в Российской Карелии не имела бы успеха, если бы не попала на готовую экономическую почву. Контраст между быстро развивавшейся, благополучной Финляндией и экономически пробуксовывавшей Российской Карелией стал одним из важнейших обстоятельств, катализировавших национальные процессы в регионе. Более развитая, быстро модернизирующая свое хозяйство Финляндия стала играть все более важную роль в жизни прилегающих к ней областей Российской Карелии, влияя главным образом на ситуацию в западной, приграничной части региона. Именно здесь, в Кемском уезде Архангельской губернии и

¹ Karjalan kirja. S. 698.

² Об этом термине и описываемых процессах см., например: *Канпелер А.* Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 166—170.

³ Из неопубликованного доклада А. Д. Гронского «Белорусский национализм начала XX в.: попытка анализа явления», на Международной научной конференции в Казани «Имперские национальные модели управления: российский и европейский опыт», 12—13 мая 2006 г.

⁴ *Викс Т. Р.* «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863—1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / Сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 590.

прилегающих к границе волостях Олонецкой Карелии, «силовое поле» Финляндии отразилось на эволюции карельского национализма и развитии национальных взаимоотношений¹.

Роль Финляндии в экономике приграничных районов Российской Карелии была огромна. Западная соседка стала для прилегающих к ней карельских областей источником дохода, объектом постоянного пристального наблюдения и образцом для подражания. Недаром в многочисленных публикациях местных изданий, в земских пособиях рефреном проходит мысль о необходимости ориентироваться на Финляндию, учиться у нее. Именно из-за западной границы ввозились в карельские районы усовершенствованные орудия труда, сепараторы, скот улучшенной породы, предметы обихода. Торговые связи карел с Финляндией стали важным фактором, усугублявшим их зависимость от соседнего княжества. Жителям приграничных районов было намного выгоднее и дешевле приобретать продукты и товары первой необходимости в соседних финских селах, куда они доставлялись по железной дороге, чем переправлять за многие десятки верст те же самые покупки из далеких российских селений. Протянувшаяся к имперской границе финская железнодорожная сеть становилась еще одним важным проводником финского экономического и культурного влияния на Российскую Карелию².

Важное значение железной дороги для воздействия на российских карел ясно осознавалось финскими национальными деятелями. Газета «Raja-Karjala» («Пограничная Карелия») в 1907 г. писала: «Железные дороги везут не только товары и сельскохозяйственные продукты, но и понятия и взгляды. Железная дорога принесет в пограничную Карелию с запада идеи о национальной общности, свяжет ее железными путями с остальной Финляндией, включит ее в теплые объятия родины – Финляндии. Из приходов Пограничной Карелии это чувство панфиннизма распространится и на наших соплеменников по ту сторону границы – олончан, которые хотя и того же финского

¹ Российская Карелия не была однородным регионом ни в экономическом, ни в культурно-языковом отношении. Если кондопожские карелы были в большой степени экономически ориентированы на Петрозаводск, восточная и южная части Олонецкой Карелии – на Петербург, то приграничные районы Олонецкой и Архангельской губерний были теснейшим образом связаны с Финляндией. Именно эти регионы стали колыбелью карельского национализма.

² Об усилившейся экономической зависимости приграничных карельских районов от Финляндии см., в частности, статью настоящего сборника «Финляндия и Российская Карелия накануне революции: две социально-экономические модели развития» или гл. 2 монографии М. Витухновской «Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917» (СПб., 2006).

племени, что и мы, однако сами не сознают еще этого»¹. Расширение железнодорожной сети в приграничье, задуманное и последовательно осуществлявшееся в Финляндии, должно было наращивать финское присутствие в регионе. Сейм Финляндии рассматривал несколько подобных проектов – о проведении железнодорожной линии от Сортавалы на Койриноя и Суоярви, а также линий от Улеаборга (Оулу) до Суомуссалми и от Нурмеса до Кухмо². В случае создания этих железнодорожных веток было бы еще легче протянуть железную дорогу из Суоярви до Петрозаводска через карельские регионы Олонецкой губернии или из Кухмо через Ухту к побережью Белого моря.

Важнейшую роль в приобщении карел к финской экономике играла лесная промышленность, ибо Финляндия стала к началу XX в. одним из главных экспортеров олонецкого леса. Особенно активно проникали финские лесопромышленники в карельские волости, расположенные вдоль западной границы. Здесь возникла некая модель возможной экономической кооперации российского северо-запада и Финляндии. Одним из наиболее ярких примеров была Ребольская волость, хозяйство которой было ориентировано на приграничные финляндские районы и «подстегнуто» близостью финляндской ветки железной дороги³. Между Реболами и Финляндией и прежде существовал активный товарообмен, но особенно сблизились оба региона на основе лесного промысла. В Реболах с 1890-х гг. лесозаготовки вела известная финская фирма «Гутцайт и К°». Лес сплавлялся через систему рек и озер в Финляндию. Лесной промысел давал стабильную и хорошо оплачиваемую работу местным крестьянам, причем рабочих рук не хватало, и в Реболы тянулись даже лесные рабочие из Финляндии. Местный житель писал: «Леса <...> продается ежегодно так много, что далеко не хватает местных рабочих рук, и из Финляндии являются и наводняют волость сотни финнов – возчиков, рубщиков и сплавщиков»⁴.

Реболы стали как бы опытным полигоном, неким подобием «экономической зоны», на примере которой карелам было наглядно показано, насколько полезной была бы хозяйственная кооперация с Финляндией, а то и слияние с ней. Тесное взаимодействие с финским бытом, влияние финской культуры, осознание высокого уровня

¹ Raja-Karjala. 1907. N 5. Цит. по: *Шекснин*. Финляндские железные дороги по границе с Имперскою Карелиею // Финляндская газета. 1912. № 64. С. 3.

² Там же.

³ Истории Ребол целиком посвящено издание: Aunuksen Repola / Toim. Tarma Heikki Joensuu, 2001.

⁴ Ibid. S. 10–12.

экономического развития Финляндии – всё это приводило к тому, что местные карелы все более ощущали себя «этническими братьями» финнов и стремились к сближению с ними. Идея «Великой Финляндии», подкрепленная естественным стремлением примкнуть к более богатому и сильному соседу, подспудно и неосознанно проникала в сознание карел. Весь уклад жизни ребольцев становился постепенно финским. В волости ходила финская монета, многие крестьяне владели финской грамотой, притом что мало кто умел читать по-русски, по финским образцам осуществлялась мелиорация земель и создавались хуторские хозяйства, даже одевались ребольцы на финский лад и по внешнему виду мало отличались «от соседа финна»¹. Не случайно после революции, в 1918 г., именно жители Ребольской волости приняли решение присоединиться к Финляндии на условиях самоуправления, и их примеру позже (в 1919 г.) последовала сходная по экономическому положению Поросозерская волость².

В 1908 г. олонецкий губернатор Н. В. Протасьев совершил поездку через карельские волости Повенецкого уезда с юго-востока на северо-запад, и на всем протяжении пути отмечал постепенное усиление финского экономического и культурного влияния на карел. Вот фрагменты из его рапорта: «За 110 верст от гор. Повенца в селе Паданах впервые встречаются финляндские товары, ввозимые контрабандой, но как внешний облик карел, так и характер построек, домашней утвари, упряжи, предметов обихода – всё русского типа <...> Постепенно изменяя русский тип, финская культура уже совершенно ясно выдвигается в характере построек, во внутреннем обиходе домашней жизни, в платье женщин, в упряжи и т. д., в селе Ругозере, отстоящем еще на 115 верст на северо-запад от села Падан, и затем уже достигает полного своего развития в селе Реболах и к югу вдоль всей финляндской границы...»³.

Российское чиновничество прекрасно отдавало себе отчет в том, что финское экономическое притяжение в сочетании с бедственным положением российских карел являлись важнейшими стимулами для роста карельского национализма, связанного с «панфинской» идеей. Архангельский губернатор И. В. Сосновский одним из первых обратил внимание на тесную связь плачевного положения карел Кемского

¹ Жуков Ю. А., Корблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 10–14.

² О выделении Ребол: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920. Helsinki, 1965. S. 143–145.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 7.

уезда с тем всплеском национального движения, которое было зафиксировано здесь впервые в ходе революции 1905–1907 гг. В своем всеподданнейшем отчете за 1908 г., явившемся результатом его инспекторской поездки по Беломорской Карелии, он писал, что вынес из личных наблюдений «заключение, что существующее тяготение карелов к Финляндии объясняется исключительно причинами экономического, а не политического характера...»¹.

Олонецкий губернатор Протасьев, обосновывая необходимость проведения железной дороги от российских центров в карельские районы, высказывался еще более определенно: «Этот искони русский край (Повенецкий уезд. — М. В.) несомненно тяготеет к Финляндии — с нами существует только искусственная связь. Тамошняя культура находится в 40 верстах, а наша на расстоянии 400 верст»². Ту же мысль более лаконично выражали сами крестьяне, говорившие так: «Без Финляндии жить не можем», «Кабы не Финляндия — с голоду бы пропали»³.

Как тяготение части карел к Финляндии, так и стремление финских активистов к культурной и идейной экспансии в Российскую Карелию сформировались к концу XIX в., однако импульсом к практической национальной деятельности стал подписанный 17 октября 1905 г. Николаем II манифест о введении в стране свободы совести, слова, собраний и союзов. Финские активисты и карельские националисты незамедлительно воспользовались представившимися возможностями.

Уже в декабре 1905 — январе 1906 г. в Ухте, Кестеньге, Вокнаволоке и многих других деревнях Беломорской Карелии прошли собрания и съезды. Душой и ядром нарождавшегося движения были карельские купцы, проживавшие в Финляндии. Так, председателем съезда был Иван (Ииво) Митрофанов (впоследствии — Каукониemi), уроженец Ухты, постоянно живший в финском городе Рованиemi, а секретарем — ухтинский купец Василий Еремеев (впоследствии — Ряйхя). Симптоматично, что в состав выбранного в Ухте комитета вошли многие из проживавших в Финляндии карельских купцов — такие, например, активисты движения, как Павел Афанасьев, К. Ремшуев, Иван Митрофанов, Максим Софронов (Тимонен), Иван Дорофеев (Ииво Аланко) и другие. Как видим, и здесь выходцы из Финляндии играли ведущую роль⁴.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 194, 1909, д. 82, л. 27.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 24.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1915. № 1. С. 17.

⁴ Об этих событиях см.: Ranta R. Karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. S. 22–29.

Образование первого в истории Карелии национального союза также осуществилось в Финляндии. 3–4 августа 1906 г. в Таммерфорсе (Тампере) на съезде, где присутствовало около ста участников, был создан Союз беломорских карел. Съезд проходил в очень торжественной обстановке, настроение у всех присутствовавших было взволнованным. Звучали песни и стихи о Карелии. Участников съезда благословили финские национальные активисты — доктор Рейо Ваара, магистр Илмари Кианто, профессор Й. Миккола, доктор Ханнес Гебхарт. Одним из организаторов съезда был доктор О. А. Хайнари, который произнес речь в духе идей «Великой Финляндии». Он отметил, что финский народ исторически оказался разделенным и подчиненным двум различным властям, но теперь карелы, долго пребывавшие в апатии, оживились и принялись «мостить мост для соединения себя с нами». Финские активисты, продолжал Хайнари, двинутся им навстречу и будут считать своей великой заслугой перед отечеством, если им удастся присоединить к себе 160–200 тысяч карел¹. Для решения этой задачи, для помощи российским карелам было решено основать Союз беломорских карел, в который сразу записалось 50 членов. Как всегда в карельских национальных мероприятиях, первые роли играли проживавшие в Финляндии карельские купцы и их родственники².

Состав Союза беломорских карел весьма красноречиво говорит о преобладающем в нем финском компоненте. В первый год в Союз вступило 627 членов, из них 494 человека постоянно проживали в Финляндии и только 133 — в Российской Карелии. Большинство членов Союза были купцами (120 человек, или 19,1 %); довольно значительный процент составляла интеллигенция — как карельская, так и финская (97 человек с академическим образованием; писателей, журналистов, композиторов — 43 человека; учителей — 41). Финских членов в Союзе было почти в четыре раза больше, чем карельских жителей (соответственно 78,8 и 21,2 %). Совсем незначительным было

¹ Финны и карелы // Финляндская газета. 1906. 2 сентября. С. 2.

² Как это часто бывает в зарождающихся национальных движениях, карельских активистов нередко объединяли родственные отношения. Например, Евдокия Дорофеева была сестрой Ивана Софронова, а ее дочь Анна Дорофеева стала женой Ивана Митрофанова (впоследствии — Ииво Каукониеми). Брат Анны Дорофеевой Иван Дорофеев (впоследствии — Ииво Аланко), также активист движения, был женат на тетке Ивана Митрофанова. В движении участвовал брат Ивана Дорофеева Сакари. У Ивана Софронова было помимо сестры несколько братьев — Николай, Владимир, Симон и Максим. В национальном движении, а впоследствии и в Союзе беломорских карел участвовало одиннадцать представителей семьи Афанасьевых (Ахава), десять Сергеевых и семеро Ремшуевых. Этот список можно было бы продолжить (составлено по: *Ranta R. Vianap karjalaisten liitosta Karjalan sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997. S. 27, 34, 45.*)

число крестьян — 16 человек, или 2,5 %¹. Как видим, состав Союза свидетельствует о его элитарном характере — самый широкий слой населения Карелии, крестьянство, почти не был в него вовлечен. Впрочем, эта особенность, как утверждает Мирослав Хрох, свойственна всем национальным движениям на первых двух этапах их развития: как созданием национальной идеи, так и ее первоначальным распространением занимается всегда небольшая группа образованных людей². В данном случае во главе движения стояли представители не только карельского, но и финского образованного класса.

Вполне естественно, что в своей деятельности Союз беломорских карел стремился стать прежде всего проводником финского просвещения в Российской Карелии. Например, в основу изданного в 1907 г. карельского букваря «Маленький начальный учитель для беломорских карел»³ был положен финский язык. Авторы букваря совершенно не ориентировались на местный диалект карельского (в этот период карельской письменности практически еще не существовало)⁴. В Беломорской Карелии должно быть открыто несколько — максимум пять — передвижных школ, в которых должны были обучать финскому языку. Школы должны были быть расположены в Вокнаволоке, Ухте, Кестеньге, Тихтозере и Юшкозере, каждая школа должна была быть рассчитана на 30 учеников минимум. Однако организационные сложности и прежде всего — нехватка учителей не давали всему делу развернуться. Осенью 1906 г. была основана только одна школа — в д. Поньгагуба, в которой обучалось 30 учеников; учителем был местный крестьянин. Еще одна передвижная школа существовала в Тихтозерской волости. Как сообщали российские источники, учителем был крестьянин Петр Терентьевич Фёдоров, находившийся «под влиянием жены-финки»⁵. Кроме того, с начала 1907 г. в двух деревнях Ухтинской волости детей обучал письму, чтению, счету и ручному труду местный карел Василий Павлович Дорофеев (впоследствии — Ваара), закончивший учительские курсы в России.

¹ Сведения о составе Союза взяты мною из: *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta...* S. 42–44.

² См.: *Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations.* Cambridge, 1985.

³ *Pieni Alku-opastaja Vienan Karjalaisille. Vienan Karjalaisten Liiton toimittama.* Porvoo, 1907.

⁴ Немногочисленные книги на карельском языке, изданные в России в XIX — начале XX в., использовали кириллицу, хотя латиница больше приспособлена для передачи особенностей карельского языка.

⁵ Государственный архив Архангельской области (далее — ГА АО), ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 69об.

Фигура Василия Дорофеева — один из характерных типов нарождавшейся карельской национально мыслящей интеллигенции. В 1907 г. ему было лишь 17 лет. Происходил Дорофеев из бедной семьи, отец его был коробейником и почти постоянно проживал в Финляндии, откуда периодически наведывался в родное село. Дорофеев владел как русской, так и финской грамотой, ибо он был выпускником сначала Ухтинской церковно-приходской школы, а затем — Островлянской второклассной школы. После окончания школы он некоторое время жил у Павла Афанасьева в Куусамо, в Финляндии. Связь Дорофеева с Афанасьевым подтверждается и их перепиской, и тем, что именно Афанасьев пригласил Дорофеева преподавать в школе. Платили ему из денег Союза 20 рублей в месяц, которые были для него значительным подспорьем¹. Однако как Дорофеев, так и другие учителя-карелы (стипендиаты Союза Дарья Афанасьева в Ухте и Иисакки Пирхонен в деревне Каменное Озеро) проработали недолго, так как уже в 1907 г. русские власти начали закрывать все финские передвижные школы.

В то же время была закрыта и созданная Союзом в Ухте столярно-токарная мастерская, оснащенная хорошими финскими инструментами, приобретенными при посредстве Павла Афанасьева, и руководимая жившим здесь финном Александром (Сантту) Вепсяляйненем. В 1906 г. в мастерской работало до десяти молодых крестьян разных возрастов — от 12 до 20 лет. По данным местных властей, Вепсяляйнен получал ежегодно за руководство школой 365 рублей, а также часть выручки за продукцию. Мастерская служила также и местом для молодежных сборищ². Открывались в Беломорской Карелии и библиотеки и избы-читальни, книги и газеты для которых собирались по всей Финляндии. Вскоре их число достигло двадцати двух, с общим числом годовых комплектов газет и журналов 286. Книги получали в дар от руководителей издательств, являвшихся членами Союза. Библиотека в Ухте состояла из приблизительно тысячи связок книг³. Их постигла та же участь, что и передвижные школы.

Российские власти обнаружили опасность так называемой «панфинской пропаганды» в 1906 г. По их мнению, культурно-просветительная экспансия из Финляндии могла привести к формированию профинского карельского национального движения, к отрыву карел от России. Усилия местных и центральных властей были, таким обра-

¹ ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 69. Кроме того, информация о Дорофееве содержится в протоколе его допроса: ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 4, д. 315, л. 16, 20–21.

² ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 3, д. 1336, л. 68об.—69.

³ *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta...* S. 72.

зом, направлены на изоляцию карельских районов России от финского воздействия, а также на истребление слабых ростков местного национального движения. Разрабатывались разнонаправленные стратегии — экономические, просветительские, церковные, культурные. Однако наиболее действенными оказались полицейские меры, включавшие в себя пресечение контактов карел с финскими агитаторами и миссионерами, изъятие всех вызывающих малейшее подозрение печатных изданий и расследование путей их попадания в карельские селения, аресты карельских активистов, усиление полицейской охраны и таможенного режима в карельских регионах. В вину карельским национальным деятелям вменялись связи с финскими активистами — в них видели прежде всего проводников финского влияния в Карелии¹.

Приведем несколько примеров репрессий против карельских активистов. В начале сентября 1907 г. были арестованы и препровождены в г. Кемь три ухтинских крестьянина — Василий Иванович Еремеев, Федот Родионович Ремшуев² и упомянутый уже Василий Павлович Дорофеев. Арестованные обвинялись в противоправительственной и антирелигиозной пропаганде среди карел Кемского уезда, а именно — в участии в Союзе беломорских карел и связях с финскими активистами. Ухтинцы выступили в защиту односельчан, причем сообщили, что арестованы они по ложному доносу и стали жертвами мести со стороны волостного писаря Павла Кукшиева и волостного старшины Григория Афанасьева. Несмотря на то что никакой «противоправительственной и антирелигиозной пропаганды» арестованные не вели, двоих из них, Ремшуева и Еремеева, приговорили к административной высылке в Уральскую область. Там Василий Еремеев заболел чахоткой и скончался.

Василий Дорофеев был освобожден из тюрьмы по причине молодого возраста. Однако спустя небольшое время после освобождения губернатором Сосновским он был выслан в Финляндию. Уже перебравшись туда, Дорофеев продолжил свою преподавательскую

¹ Различным стратегиям российских властей по борьбе с карельским национальным движением посвящена монография: *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы...

² Василию Ивановичу Еремееву (Ряйхя) было 23 года, он принадлежал к зажиточному слою, имел свою мелочную лавку, а до этого служил приказчиком в Финляндии. Федот Родионович Ремшуев (Мокруся) был самым старшим из арестованных, ему было 32 года, и он, как и Дорофеев, относился к беднейшему слою ухтинцев. В отличие от своих более молодых товарищей по несчастью, Ремшуев не владел русским языком и слабо владел финской грамотой (см.: Дело по обвинению крестьян с. Ухты Василия Еремеева, Федота Ремшуева, Василия Дорофеева в революционной и антирелигиозной пропаганде среди карел Кемского уезда // ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 4, д. 315, л. 1–122).

деятельность — в частности, начиная с 1908 г. преподавал на курсах народного училища в Куусамо, где учились в том числе и дети из Российской Карелии¹.

Жертвами доносов, прежде всего местных священников, стали и другие карельские активисты. Так, почти одновременно с Еремеевым, Ремшуевым и Дорофеевым был арестован псаломщик Юшкозерского прихода Кемского уезда Мелетий Синцов. Поводом к его аресту послужил донос местного священника Павла Лыскова, сообщавшего полиции о том, что Синцов занимается «противоцерковной, противорелигиозной, противоправительственной и противогосударственной пропагандой» и тайно принадлежит к социал-демократической партии. В ходе следствия выяснилось, что вина Синцова заключалась в том, что он был одним из организаторов подготовки к открытию в селе финского училища. Судьба псаломщика, впрочем, сложилась более благополучно, чем Еремеева и Ремшуева, — 10 февраля 1908 г. он был освобожден из тюрьмы под залог.

Сюжет с арестом Синцова дает редкую возможность обнаружить документальное свидетельство массового крестьянского выступления националистического характера. Юшкозерские крестьяне были сильно раздражены неблагоприятной ролью священника в деле Синцова; они утверждали, что батюшка и до этого активно занимался доносительством². Чуть позже отец Павел жаловался протоиерею Кемского собора: «...еще один родственник Митрофанова, <...> Николай Тарасов, <...> возмущает народ против меня и церковного старосты Адриана Яковлева тем, что будто бы мы раскрыли все это политическое-панфинское движение и будто бы по нашему указанию еще арестуют многих в Юшкозере, почему народ и волнуется, а так как сторону Тарасова держит и местный староста Гавкин, то и движение принимает против нас характер общественного с той целью, чтобы нас совсем удалить <...> из Юшкозера»³. Подобные свидетельства массовых настроений единичны; после же 1907 г., когда и преследование «панфиннизма» со стороны государства стало усиливаться и ужесточился политический режим в целом, ни о каких «общественных» движениях в карельских деревнях уже не было речи.

¹ Ranta R. Vienen karjalaisten liitosta... S. 98.

² Например, в марте 1907 г. Лысков обнаружил в библиотеке для народного чтения при Юшкозерском училище две предосудительные по его мнению книги — «Партии и крестьянство в Государственной Думе» и «Гарантии личной свободы в Англии». По этому поводу местный исправник был вынужден производить дознание, однако оставил книги в библиотеке (ГА АО, ф. 1, оп. 4, т. 2, д. 193, л. 109, 109об.).

³ НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/1, л. 13.

Наконец, еще одной жертвой «бдительности» священника стал ухтинский учитель Петр Лежев¹, на которого в начале 1908 г. написал жалобу местный батюшка Иоанн Чирков. Священник жаловался, что Лежев был вместе с другим местным священником Изюмовым инициатором составления приговора о необходимости проведения церковной службы на финском языке. «Учитель Лежев, — писал Чирков, — как один из руководителей панфинского движения не должен оставаться в селе, необходимо немедленно его уволить от учительской деятельности кроме того как человека, неспособного преподавать в русской церковно-приходской школе»².

Дело Лежева разбиралось, его допрашивали, и созданная вокруг него атмосфера была настолько гнетущей, что он был вынужден уволиться из Ухты и переехать с семьей в Финляндию. Иоанн Чирков достойно завершил свою «комбинацию» и обнаружил поразительную двуличность, дав ему при увольнении сверхположительную характеристику. «Учитель сей школы Петр Александрович Лежев, — писал он, — состоит в сей должности с 10 сентября 1902 года, с аккуратным знанием преподавания школьных предметов и отлично-безукоризненным поведением. Удостоверение выдается <...> для представления при прошении об определении учителем в Финляндии...». Характеристика датирована 24 мая 1908 г.; Лежев отбыл в Финляндию летом того же года³.

В сравнении с другими районами России карельские репрессии, конечно, выглядели незначительными, однако для местного законопослушного населения их было достаточно. Немногочисленные карельские активисты были запуганы. Все это привело к установлению в карельском крае атмосферы страха, взаимной подозрительности и доносительства. С 1908 г. Союз беломорских карел осуществлял свою деятельность только в пределах Финляндии⁴, которая была защищена особым законодательством и таким образом выводилась из-под

¹ Учитель Ухтинской церковно-приходской школы Петр Александрович Лежев, или Пекка Лесоев, был беломорским карелом по рождению и закончил Сортавальскую учительскую семинарию, которая считалась «рассадником» панфинских идей. По сведениям Каарло Мерикоски, Лежев был весьма активен, читал в Ухте лекции, сопровождаемые диапозитивами, проводил беседы и насаждал в среде односельчан финско-национальные идеи (см.: *Merikoski K. Taistelua Karjalasta. Piirteitä venäläistämistyöstä Raja-Karjalassa tsaarinvallan aikoina.* Helsinki, 1939. S. 1–43). О личности и деятельности Лежева в Ухте см. также: *Илюха О. П. Школа и просвещение в Беломорской Карелии во второй половине XIX — начале XX в.* Петрозаводск, 2002. С. 31–32.

² НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/4, л. 1.

³ НА РК, ф. 180, оп. 1, д. 1/9, л. 2–2об.

⁴ *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta... S. 100.*

юрисдикции российских полицейских органов. Олонецкий губернатор М. И. Зубовский, вступивший в должность в 1913 г., свидетельствовал в своем отчете, что с 1909 г. «панфинская» агитация «совершенно прекратилась». «В настоящее время, — сообщал губернатор, — здесь никакого карельского вопроса, можно сказать, не существует». По его мнению, в крае быстрыми темпами шла русификация, под влиянием русской школы и всеобщей воинской повинности карельский язык постепенно вытеснялся русским, и «полное слияние олонекских карел с господствующей народностью» было только вопросом времени¹.

Однако изгнание «панфинской» пропаганды из Российской Карелии не только не означало решения проблемы, но даже и не приближало его. Болезнь не лечилась, а загонялась вглубь, ибо не были решены те коренные проблемы края, которые определяли тягу карел к Финляндии и о которых мы говорили ранее. В приграничных регионах, экономически, социально и культурно ориентированных на Финляндию, сохранялась почва для карельского национализма профинского направления. Если активисты из Финляндии потеряли возможность вести свою деятельность на территории Российской Карелии, то у карел оставалась возможность бывать в Финляндии. В ноябре 1907 г. в Хельсинки на тайно проводившемся на квартире активиста Союза беломорских карел доктора О. Хайнари собрании была разработана новая программа деятельности. Было решено в приграничной зоне организовывать школы и курсы, рассчитанные как на местных, так и на российских карел. Усилиями Союза беломорских карел и университетского Северно-Эстерботнического землячества² зимой 1908 г. в Куусамо открылись курсы народного училища. Они были рассчитаны на 75 слушателей, из которых 37 прибыли из Беломорской Карелии (из Ухты, Кестеньги и Тихтозера /Pistojärvi/). Обучение и поездку российским карелам оплачивал Союз³.

Программа курсов представляла собою смесь гуманитарных и практических дисциплин — изучалась история финских народов, финская история, фольклор и литература, обществоведение, а также народное хозяйство, география, природоведение, сельское хозяйство

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, л. 120/40, л. 32–34.

² Северо-Эстерботническое землячество (Pohjois-Pohjalainen osakunta) было одним из студенческих землячеств Хельсинкского университета, которые принимали участие в «панфинской» деятельности (к Северной Эстерботнии в тот период причислялись волости Каянского региона (Kainuu), пограничные с северной частью Российской Карелии).

³ *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta... S. 97–98.*

и медицина. Получив хорошие отзывы о первом годе обучения, организаторы курсов решили сделать их ежегодными, и они действовали вплоть до начала войны¹. Наряду с курсами в Куусамо с 1906 г. функционировал народный университет в Импилахти, куда тоже приезжала для обучения карельская молодежь из России. Свидетельства об этом встречаются в отдельных публикациях. Например, «Финляндская газета» за 1913 г. писала: «28 октября проехали через г. Сердоболь две девушки из Архангельской Карелии, направлявшиеся в Импилахти для поступления в финский народный университет. Деньги на это дальнее и утомительное путешествие были собраны их родственниками и друзьями»². Отправлялись карельские дети учиться и в приграничные финские школы.

Итак, «финский фактор» в карельской национальной жизни продолжал подспудно существовать. И не случайно, как только в 1917 г. политические условия в стране изменились и имперский прессинг был снят, сразу же стали очевидны потаённые до поры до времени национальные устремления. Практика, оказавшаяся и здесь критерием истины, показывает, что, несмотря на победные реляции имперских деятелей предреволюционного периода, притягательность финляндского проекта в нескольких карельских регионах была очень велика. В Беломорской Карелии организационно оформилось карельское национальное движение, наиболее ярко проявившееся в требовании самоопределения Российской Карелии и создания так называемого Временного управления Беломорской Карелией.

Однако основная часть карел не торопилась становиться частью «Великой Финляндии». Если сильно финнизированные Ребольская и Поросозерская волости приняли решение о присоединении к Финляндии, то Беломорская Карелия, приняв решение о независимости своего региона от России, воздержалась решать вопрос о присоединении к Финляндии до проведения референдума. Сформировавшееся в Беломорской Карелии под явственным финским влиянием карельское национальное движение проявило независимость. В июле 1919 г. в Ухте был образован Временный комитет Беломорской Карелии, лидеры которого высказались за самоопределение карельского населения к западу от Мурманской железной дороги. Комитет подготовил Ухтинский съезд делегатов беломорских карел (21.3–1.4.1920 г.), которым было принято решение об отделении от России девяти

¹ *Ranta R. Vienan karjalaisten liitosta...* S. 95, 99.

² *Ловатинский. Отзвуки панфинской пропаганды в Архангельской Карелии // Финляндская газета. 1913. № 248. С. 1.*

волостей Беломорской Карелии¹. Причем ухтинские делегаты не приняли решения о присоединении к Финляндии, напротив, вопрос о присоединении к той или иной державе был ими отложен на будущее. В качестве важного условия присоединения куда бы то ни было выдвинуто автономное положение Карелии².

И, наконец, в Олонецкой Карелии хотя и было образовано Временное олонецкое правительство, большая часть олонецких карел была настроена против присоединения к Финляндии. Всё же около тысячи олончан вступило в финские войска³.

Как видим, финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии было чрезвычайно значительным. Движимые своими национально-романтическими идеалами и представлениями, финские активисты помогли сформироваться первому национальному карельскому союзу, активно участвовали в его деятельности, воспитывали молодых карельских национальных деятелей. Однако оформившийся карельский национализм, связанный еще тысячей нитей с породившей его Финляндией, начал все активнее проявлять независимость. События в послереволюционной Карелии показали, что российские карелы, освободившиеся от имперского прессинга и получившие свободу выбирать свою судьбу, были готовы выстраивать независимые национальные стратегии. Висевшую в воздухе идею карельской автономии подхватили большевики, под эгидой которых 7 июня 1920 г. была создана Карельская Трудовая Коммуна (КТК).

¹ Отделиться от России должны были Ухтинская, Вокнаволоцкая, Кондокская, Тихтозерская, Юшкозерская, Кимасозерская, Кестеньгская, Вычетайбольская и Олангская волости.

² Дубровская Е. Ухтинские события 1920 г. // *Rajamailla II / Toim. Julku Kõysti. Rovaniemi, 1996. S. 11–29.*

³ См.: *Vahtola J. Nuorukaisten sota: Suomen sotaretki Aunukseen 1919. Helsinki, 1997.*

Ольга Илюха

Финский фактор в развитии школьного дела в Российской Карелии в начале XX века

Стержнем процесса национального пробуждения Финляндии в XIX в., формирования национального самосознания стало просвещение народа, развитие образования. Идеолог феннофильского движения Йохан Снельман опирался на мысль о том, что «маленькая Финляндия не в состоянии добиться чего-либо силой, поэтому ее единственное спасение заключено в образовании»¹. Развивавшаяся в составе России, но имевшая свое законодательство, Финляндия к началу XX в. значительно ушла вперед в отношении народного образования, чем вызывала зависть у русских либералов. За период с 1875 по 1905 г. число сельских начальных школ в княжестве выросло с 285 до 2400, а количество учащихся — с 11,4 тыс. до 100,4 тыс. Численность студентов в Финляндии относительно общей численности населения трехкратно превышала показатели по империи в целом². Перепись населения 1897 г. показала, что каждый второй житель Финляндии является грамотным, тогда как в соседней Олонецкой губернии — лишь каждый пятый³.

На российском официальном уровне успехи финской школы оценивались не столько как образец для подражания в других частях империи, сколько воспринимались как угроза русским интересам в Финляндии⁴. Вместе с тем публикации учителей и других авторов в российской центральной и провинциальной печати, имевшие пеструю политическую окраску, так или иначе знакомили читателей в разных уголках империи с состоянием школьного образования в Финляндии⁵. Одно из таких описаний было опубликовано в литературном

¹ Цит. по: *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 72.

² *Кузницкий С.* Финляндия. Ее население и культура в цифрах // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 17. С. 406–407.

³ *Кузницкий С.* Указ. соч. С. 407.

⁴ *Расила В.* Указ. соч. С. 104.

⁵ *Анушин В.* наброски о Финляндии (Путевые заметки) // Сибирские отголоски. 1910. № 41–42; *Кузницкий С.* Указ. соч.; *Народная учительница.* Кое-что о Финляндии (Финляндия как культурная страна) // Архангельские губернские ведомости. 1910. № 189; *Онин Д.* Народные школы в Финляндии // Финляндская газета. 1910. № 161; *Шекснин.* Отношение финляндцев к русской школе в Карелии // Финляндская газета. 1911. № 110; *Сибирский Ф.* Расплата за культуру (Финляндия и Россия в культурном отношении) // Уральский край. 1911. № 164; Из школьной жизни епархии (финляндской) // Православный финляндский сборник. 1910. № 4. С. 37–50 и др.

приложении к журналу «Нива» за 1902 г. Его автор – учитель школы в карельском селе Кимасозеро И. В. Оленев, неоднократно путешествовавший в 1890-х гг. по Финляндии. По стечению обстоятельств во время одной из своих поездок он оказался в финской сельской воскресной школе. Восхищенный постановкой дела, Оленев писал: «Я был поражен этой картиной и забыл, что мне необходимо скорее ехать вперед. Для меня, русского, родившегося и много лет прожившего в деревне, все тут было необыкновенно: и воскресная школа в деревенской глуши, и крестьянский батрак-учитель, и праздничное времяпровождение финских детей. Здесь все грамотны...»¹. Прекрасный педагог-практик, И. В. Оленев не мог не обратить внимания на то, что умение читать и писать в крестьянской среде является достоянием отнюдь не только младшего поколения. Потомственная грамотность крестьян создавала благоприятные условия для развития школьного дела. И. В. Оленев констатировал: «В народную школу дети поступают уже грамотными: читать и писать они учатся у матери. Финская поговорка гласит, что когда работает финская женщина, у нее заняты голова, руки и ноги: одной ногой она качает колыбель, другой – самопрялку, левая рука управляет пряжей, а правую – трудолюбивая мать показывает буквы и картинки своему учащемуся сыну»².

Крестьяне западных районов Российской Карелии также могли получить собственное представление об условиях обучения и состоянии народных школ княжества. Приграничные территории этого региона – Олонецкий, Петрозаводский и Повенецкий уезды, а также населенные карелами волости Кемского уезда Архангельской губернии на протяжении длительного времени были зоной постоянных контактов карельского и финского населения. Карелы-коробейники нередко осваивали во время своих продолжительных торговых поездок и походов умение читать и писать по-фински. Говорили, что финскую грамоту, как и товар, «приносят на себе». Однако отсутствие статистики не позволяет оценить масштаб этого явления.

Именно коробейники сыграли ключевую роль в создании школ на финском языке в Карелии. В 1876–1878 гг. неграмотный крестьянин Алексей Лесоев с помощью своих сыновей, обучившихся читать и писать по-фински у коробейников, устроил подобие школы в родной деревне Каменное Озеро (Кивиярви), где по воскресеньям крестьянские дети выводили углем буквы на деревянных дощечках. Финский язык, близкий к северокарельскому наречию, имел экономическое

¹ Цит. по: *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 19.

² Там же.

значение, поскольку обеспечивал свободу коммуникации, а значит, и возможность заработка. Крестьяне отдавали детей в финноязычную школу, видя в этом экономический смысл. После закрытия в 1878 г. школы, устроенной Лесоевым, ее работа возобновилась лишь десять лет спустя, но уже с более широкой программой: теперь здесь учили не только чтению и письму, но и счету, а также пению. Учительницами были местные грамотные девушки, а материальное содействие шло от местных коробейников и купцов из Финляндии. Однако и это учебное заведение уже через год было закрыто российскими властями, опасавшимися финского влияния. Дети Алексея Лесоева – сын Пекка (Петр) и дочь Елена (Олена) одними их первых получили специальное образование в Финляндии и стали учительствовать на родине¹.

В той же деревне Каменное Озеро, расположенной в непосредственной близости от Финляндии, на рубеже веков вновь была предпринята попытка организации школы, где обучение велось на родном языке. Инициатором стал Ииво Марттинен (урожденный Иван Мартынов), долгое время торговавший в Финляндии. Учебные принадлежности для школы, располагавшейся в обычном крестьянском доме, также приобрели по ту сторону границы. В 1902 г. школа была закрыта российскими властями, поспешившими найти средства и быстро построить специальное здание для русской школы².

За неимением учебного заведения в своей деревне карельский крестьянин мог отдать детей на учебу в соседнюю Финляндию. Там же нередко получали и специальное образование. Молодежь Беломорской Карелии училась в Сортавальской учительской семинарии, Высшем народном училище в Импилахти, народном училище Куусамо и др.³ Побывав в хорошо обеспеченной финской школе, карелы, по свидетельствам русских учителей и чиновников, предъявляли более высокие требования и к обустройству школы на родине. Если была возможность выбора, то они охотнее отправляли детей в образцовые училища министерства народного просвещения, нежели в бедные земские школы. Не случайно русские инспектора с досадой отмечали, что для карела важна «казовая», т. е. внешняя сторона школы⁴.

¹ *Vuoristo V.* Vuokkiniemen pitäjän Kivijärven kylän kouluoloista vuodesta 1850 vuoteen 1919 // *Karjalan heimo.* 1971. N 1–2. S. 7; *Nevalainen P.* Oppia kansan kielellä. Vuokkiniemen koululaitos kansallisen heräämisen aikana // *Tupenkolahuttajien mailla. Vukkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan.* Mustasaari, 2006. S. 256–257.

² *Nevalainen P.* Op. cit. S. 257.

³ *Vuoristo V.* Ikävä omia maita. Muisteluksia vanhasta Vienan-Karjalasta. Keuruu, 1983. S. 187, 194–195.

⁴ Краткая записка о развитии состояния грамотности в Повенецком уезде за 27-летний период времени с 1867 по 1893 г. Повенецкой уездной земской управы. Петрозаводск, 1896. С. 17.

Первые известные нам официальные заимствования финляндского опыта организации школы в Олонецкой губернии относятся к концу XIX в. В январе 1895 г. Олонецкое губернское земское собрание приняло решение о разработке и постепенном осуществлении плана всеобщего начального обучения в губернии¹. Пытаясь найти наиболее экономичный способ обеспечения школами редконаселенного края, олонецкие земцы обратили внимание на Финляндию, где эффективно работали передвижные школы. Переезжая из селения в селение, учитель такой школы успевал за 2–3 месяца добиться определенных результатов в обучении учеников. Эксперименты с организацией подобных школ с кратким сроком обучения в Карелии успеха не принесли, поскольку обучение здесь велось на русском языке, а карельские дети поступали в школу, не зная по-русски ни одного слова².

В то же время были сделаны конкретные шаги для использования финляндского опыта по обучению школьников рукоделию, а также по созданию школьных хоров. Как одна, так и другая меры должны были, по замыслу чиновников, способствовать повышению привлекательности школы. В 1901 г. дирекцией народных училищ Олонецкой губернии была разработана специальная школьная программа по рукоделию. Петрозаводское уездное земство в 1900–1903 гг. не только организовало специальные курсы для учительниц по кружевному мастерству и ткачеству, но и создало передвижной класс, пригласив для этих целей мастерицу Лайтинен из Финляндии. Ставилась задача организации при каждой школе детского хора, способного петь в церкви и таким образом «возвысить школу в глазах народа»³.

В годы первой русской революции особым обстоятельством в развитии школы Карелии стало усиление «финляндского фактора». Заброшенная, спокойная окраина России в этот период привлекает к себе внимание и вызывает озабоченность правительства. Рост в соседней Финляндии антироссийских настроений сопровождался повышением интереса к соплеменникам-карелам, поиском общих финно-угорских корней, объединяющему прошлому и, как представлялось, общему будущему.

¹ *Левитский С. А.* Исторический очерк вопроса о введении в Олонецкой губернии всеобщего обучения. Петрозаводск, 1905. С. 2–6.

² *Попов Г. А.* Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1903 г. Петрозаводск, 1904. С. 32.

³ *Попов Г. А.* Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902. С. 19; *Он же.* Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1903 г. С. 13–14.

Опасения российских властей вызывала угроза проникновения идей панфиннизма — идеологии, выражавшей стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «Великой Финляндии». Воспользовавшись уступками, на которые самодержавие было вынуждено пойти в годы первой русской революции, в Российскую Карелию отправляются финские лютеранские миссионеры и проповедники. Просветительскую работу в Карелии организует Союз беломорских карел, основанный в 1906 г. в г. Тампере переселившимися в Финляндию беломорскими карелами¹.

Для осуществления своей программы в области школьного дела Союзом было создано специальное школьное правление. С осени 1906 г. Союз беломорских карел начал создавать в Архангельской Карелии передвижные школы с преподаванием на финском языке, библиотеки и читальни, укомплектованные книгами из Финляндии. Первой открылась школа в районе Вокнаволока, позже — школы в Ухте и волости. По плану эти учебные заведения должны были работать не менее двух месяцев в каждом населенном пункте. Преподавание осуществлялось по безрелигиозной программе: 30 часов в неделю отводилось занятиям чтением, письмом, арифметикой, ручным трудом или пением. В ухтинской школе также работал ремесленный класс². Школы с финским языком пользовались поддержкой населения. Вокнаволоцкие крестьяне Сафрон Ремшу и Федор Семенов отвели в своих домах помещения для занятий школьников³.

Эта деятельность не ускользала от внимания русских властей, для которых все более актуальным становился поиск ответа на вопрос: с кем карелы, с Россией или с Финляндией, насколько они верны и преданы царю и Отечеству? В борьбе за православие и «русскую идею» на этой северной российской окраине использовались различные средства в сфере политики, экономики, культуры. Особая роль в их осуществлении наряду с церковью отводилась школе. Уже в августе 1906 г. на втором съезде инспекторов Олонецкой губернии были выработаны меры «для возвышения и правильной организации школ, пограничных с Финляндией». Наряду с планами открытия новых школ и преобразования ряда из них в школы повышенного типа был определен принципиально важный ориентир, задававший равнение

¹ О деятельности Союза беломорских карел см. статью Марины Витухновской в данном сборнике.

² Merikoski K. Uhtualainen kansanopettaja // Viena-Aunus. 1936. N 1—6. S. 6—10.

³ См. подробнее: Iljuha O. Rahvas opintiellä: Vuokkiniemen koululaitos 1800- ja 1900-luvulla // Tupenkolahuttajien mailla. Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan. Mustasaari, 2006. S. 234—255.

на финскую школу: «...всесторонне изучить состояние низшего начального образования в Финляндии с тем, чтобы воспринять лучшее и ввести в наших школах»¹. Этот подход вполне соответствовал общей направленности в модернизаторской деятельности олонецкого земства, ориентировавшегося на достижения Финляндии во многих сферах, пропагандировавшего финский опыт в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, лесопользовании и т. д. Православной по духу школе в Российской Карелии следовало догнать и перегнать по своему благоустройству финскую лютеранскую школу, чтобы выиграть сражение за «души» учеников.

В более жесткие формулировки были облечены решения съезда православного духовенства Олонецкой епархии, состоявшегося в Видлицах в январе 1907 г. Съезд, занявший решительную русификаторскую позицию, выдвинул идею создания «щита из церковно-приходских школ» на границе с Финляндией. Характерно, что и православно-оборонительная тактика деятелей церкви не обошлась без заимствований опыта враждебной стороны: для усиления миссионерской деятельности было предложено по финляндскому образцу ввести институт катехизаторов, которые бы осуществляли постоянную работу в каждой деревне². Съезд считал необходимым внести изменения в план всеобщего обучения: на границе с Финляндией открывать церковно-приходские школы, а не земские. Уже имеющиеся школы предлагалось преобразовать в церковно-приходские, создав таким образом заслон проникновению лютеранства³.

В этом решении проявилось желание, воспользовавшись ситуацией, укрепить падающий авторитет ЦПШ. Планы, не согласованные с Дирекцией народных училищ, вызвали ее возмущение и протест по-венецкого уездного земства⁴. Так называемая «панфинская пропаганда» обнажила подспудно назревавший конфликт между светской и духовной школами, претензии духовенства на первенство в деле образования народа. Инцидент получил огласку в прессе, и лишь вмешательство губернатора Н. В. Протасьева смягчило возникшую напряженность в отношениях представителей гражданского и церковного ведомств, чей союз в школьном вопросе составлял заслугу и предмет

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 28.

² *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб., 2006. С. 146.

³ *Попов Г.* О панфинской пропаганде и мерах для борьбы с нею. Петрозаводск, 1907. С. 4–5.

⁴ Там же; НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 58–59.

гордости олонекского губернского земства¹. В дальнейшем светская и церковная школы губернии выступили единым фронтом в борьбе против лютеранского влияния, в организации защиты границы школами.

В Архангельской губернии были сделаны шаги в том же направлении. Еще в декабре 1906 г. на собрании представителей духовенства Архангельской епархии в Ухте обсуждались меры для улучшения постановки школьного дела в Беломорской Карелии². Предлагалось организовать в Ухте школу со вторым классом и миссионерским курсом обучения, которая готовила бы учителей для карельских приходов подобно Сортавальской семинарии. Намечалось также поднять жалованье учителям, приобрести дополнительные школьные принадлежности, чтобы русские школы стали привлекательнее финских.

В сентябре 1907 г. состоялся съезд «русских деятелей» в Кеми, в котором участвовали представители православного духовенства Архангельской и Финляндской епархий, чиновники школьного ведомства. Съезд принял решение просить Святейший Синод об открытии новых церковно-приходских школ в селениях, «каковые подвержены опасности со стороны панфинского движения». Был сделан акцент на необходимости религиозно-нравственного воспитания детей, поскольку «школы и училища карельского края помимо своего общеобразовательного значения должны иметь особенно важное миссионерское значение». Учителям школ, удаленных от приходских храмов, рекомендовалось собирать учащих в праздничные дни в часовнях и приписных храмах для совершения богослужения. Постановление съезда также предписывало учителям всемерно сближать школу с семьей, «входить в более близкое общение с родителями учащих путем устройства школьных праздников, местных кружков ревнителей православного просвещения под руководством приходских священников, народных чтений, организации кружков трезвости, особенно среди молодежи»³.

В условиях информационной войны, развернувшейся в прессе между сторонниками панфиннизма и деятелями православных просветительских организаций великодержавного толка, в газетах публиковались невероятно высокие цифры о числе школ, открытых Союзом беломорских карел⁴. В действительности за 1906–1907 гг. в передвижных

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 37, 58, 59, 68.

² Подробнее о съездах духовенства см.: *Витхунговская М. А.* Российская Карелия и карелы... С. 137–148.

³ НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 3/27, л. 38–44.

⁴ Laatokka. 1907. N 42.

школах, где преподавали Архип Гаврилов, Дарья Афанасьева, Исаак Пирхонен, Василий Дорофеев (Ваара), прошли обучение около 200 карельских детей¹. Учительствовали в школах в основном выходцы из Карелии, получившие образование в учебных заведениях Финляндии, в частности – в Сортавальской учительской семинарии. Впоследствии российские власти уже не принимали их на учительские должности как скомпрометировавших себя служением «панфинской идее»².

Получившим известность преподавателем русской школы в Ухте был выпускник Сортавальской семинарии уже упоминавшийся П. А. Лежев (Пекка Лесоев). Здесь стали популярными организованные Лежевым вечера, где его лекции сопровождалась хоровым пением и, что особенно привлекало публику, демонстрацией световых картин с помощью «волшебного фонаря». Лекции имели идеологически нейтральную тематику, однако читались на карельском языке. Вскоре Лежев получил предупреждение от исправника из Кеми о том, что вечера на карельском языке проводить не следует. Значительно большее раздражение властей вызывала пропагандистская работа Лежева среди населения, объяснявшего ухтинцам во время доверительных бесед, что они «не русские, а финны».

1 января 1906 г., вскоре после создания местного отделения конституционно-демократической партии, в Ухте по инициативе Лежева состоялось массовое шествие под красным флагом, на котором были написаны буквы КДП («Конституционно-демократическая партия»). С утра в шествии приняли участие дети, а вечером – взрослые. В том же году, чтобы избежать неминуемого ареста, П. А. Лежев вынужден был уехать в Финляндию³.

В сентябре 1907 г. по распоряжению архангельского губернатора неофициальные финские школы в Беломорской Карелии были закрыты, а некоторые члены Союза, активно участвовавшие в просветительской работе, арестованы⁴. Их деятельность воспринималась российскими властями как попытка «олютеранить» и «офинить» ка-

¹ Ranta R. Vienan Karjalaisten Liito ja rajantakainen koulukysymys 1906-10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 123–125; Первый отчетный год с 17 февр. 1908 г. по 1 авг. 1908 г. деятельности Архангельского Православного Беломорско-Карельского Братства во имя св. Архангела Михаила. Архангельск, 1908. С. 11–12; Новые данные о панфинской и лютеранской пропаганде в Беломорской и Олонецкой Карелии // Московские ведомости. 1907. 20 апр.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 32.

³ Merikoski K. Uhtualainen kansanopettaja. S. 6–10.

⁴ Ranta R. Op. cit. S. 132.

рел с целью отторжения Карелии от России¹. Деятели церкви также не сомневались, что просветительская деятельность учителей, получивших образование в Финляндии, пронизана лютеранским духом и может нанести непоправимый вред населению православных приходов. Союзу пришлось изменить тактику и приемы своей работы. В новых условиях ставка была сделана на привлечение карельских детей в школы Великого княжества Финляндского, расположенные вблизи границы.

Осенью 1907 г. на общем собрании Союза беломорских карел в Инко (Нюландской губернии) постановили брать в школы Финляндии на полный пансион мальчиков и девочек из Карелии, чтобы определить их потом в финские семинарии и университет². В финских школах карельские дети обеспечивались бесплатным питанием, нуждающиеся получали обувь и одежду. Размещались дети в финских семьях, им обеспечивался бесплатный проезд с родины. Для этих целей собирались пожертвования не только в Финляндии, но и в других странах, привлекались средства финских просветительских обществ³. 1 апреля 1908 г. при народном училище в Куусамо Союзом беломорских карел были открыты курсы с довольно специфической, но идеологически «прозрачной» программой. Кроме обучения рукоделию курсантам предстояло слушать лекции по следующим предметам: «...предыстория родственных финнам племен; история Финляндии, определенным образом объединенная с историей Карелии; фольклор финнов; очерки истории литературы Финляндии; обществоведение и народное хозяйство, а также география и естествознание, сельское хозяйство и гигиена»⁴. В перерывах планировалось заучивание и пение национальных песен. Первый набор учащихся составил 75 чел., из них 37 прибыли из Беломорской Карелии⁵.

Ухтинский священник И. Чирков так характеризовал ситуацию: «Село Ухта – центр Кемской Карелии и на него главным образом обращено внимание пропагандистов из Финляндии, имеющих целью объединение с карелами и отделение Карелии от России... С запрещением в селе Ухте и окрестностях нелегальных финских школ и

¹ Подробнее об этом: *Илюха О. П.* Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64–87.

² Laatokka. 1907. N 42.

³ Kansallisarkisto, ККК, Hd 102. Записка, подготовленная в канцелярии генерал-губернатора Финляндии о панфинской пропаганде. 28 дек. 1913 г.

⁴ *Ranta R.* Op. cit. S. 136.

⁵ *Ibid.* S. 136, 138.

ремесленных мастерских финские общества теперь действуют другим путем: устраивают на границе Финляндии школы для карельских мальчиков, а для девиц — школы рукоделий и домоводства, принимают на себя все дорожные расходы и по содержанию в интернатах школ; агитируют в составлении приговоров о необходимости совершения в приходском храме богослужений и треб на финском языке»¹.

Для отпора стремлениям «офиннить» и «лютеранить» карел деятелями русской церкви при поддержке государственной власти 17 февраля 1908 г. в Архангельске было учреждено Православное беломорско-карельское братство во имя св. архангела Михаила. Одним из основных каналов укрепления позиций православия в крае Братство считало школу, поэтому уделяло ее развитию первостепенное внимание². Совет Братства принял на финансирование церковно-приходские школы в Контокки, Кестеньге и Тихтозере, содержавшиеся прежде на средства Архангельского епархиального комитета православного миссионерского общества³.

Для выработки «правильных» мер по борьбе с «панфинской пропагандой» архангельский губернатор И. В. Сосновский летом 1908 г. лично посетил Беломорскую Карелию. Губернатор поставил вопрос о постройке шоссейных дорог, которые бы связали этот край с внутренними районами страны, стал ходатайствовать об увеличении здесь школ с общежитиями при них, об усилении преподавания в них ручного труда и сельского хозяйства, об увеличении числа врачей, учреждении новых должностей агрономов и улучшении экономического положения православного духовенства⁴. Из всех планировавшихся мероприятий наибольшие результаты были достигнуты именно в школьной сфере.

В 1909 г. школы Министерства народного просвещения были во всех карельских волостях Кемского уезда, за исключением трех — Маслозерской, Подужемской и Тихтозерской, где имелись только церковно-приходские школы⁵. Всего в 1908/09 учебном году занятия шли в 26 школах: 10 церковно-приходских, 15 одноклассных сельских училищах и одном двухклассном (в Ухте), находившихся в подчинении Архангельской дирекции народных училищ. Среди сельских училищ 7 значились «министерскими», а 9 — «общественными»⁶.

¹ Св. Иоанн Чирков. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские Епархиальные Ведомости (АЕВ). 1908. № 7. С. 208—209.

² Первый отчетный год с 17 февр. 1908 г. по 1 авг. 1908 г. ... С. 6.

³ АЕВ. 1908. № 18. С. 6.

⁴ Финляндская газета. 1913. № 241.

⁵ Там же; Обзор Архангельской губернии за 1909 г. Архангельск, 1910. С. 128.

⁶ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 86.

Двухклассные училища открывались только по просьбе крестьянских обществ, заявлявших в своих приговорах о потребностях сельского населения в повышенном образовании. Во втором десятилетии XX в. открылись двухклассное училище в селении Летнеконечное и училище в Кестенге, состоявшее только из второго класса (продолжительность учебы во втором классе составляла три года). В разные годы во вторых классах этих училищ обучались от 3 до 9 учеников. Дети из соседних сел не могли учиться здесь из-за отсутствия общежитий¹.

В 1907 г. затраты на содержание одного ученика в Беломорской Карелии составляли в училищах Министерства народного просвещения 32,4 рубля, а в школах ведомства православного исповедания — 14,8 рубля в год². Значительная разница объясняется отчасти тем, что расходы на учителей ЦПШ были меньшими, для этих школ родители учеников предоставляли дрова, свечи и керосиновые лампы, помогали в уборке и ремонте помещений.

Внимание, которое уделялось в начале XX в. светской школе, вызвало недовольство церкви. Священники, немало сделавшие для развития системы образования, для создания заслона проникновению лютеранства из Финляндии, чувствовали себя незаслуженно обиженными. Они пророчили неизбежное «падение нравственности» карел, поскольку Закон Божий в училищах Министерства народного просвещения подчас преподавали учителя, не имевшие богословского образования, многие из которых вовсе не бывали с учениками в церкви. Пытаясь перетянуть на церковную школу куцее финансовое «одеяло» российского просвещения, священники, не скрывая раздражения, рассуждали: «Думские миллионы сыплются исключительно облюбованному „министерству“, а церковной школе, которая кроме обучения осуществляет и цели воспитания, не перепадает от думцев даже и крох <...> Чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить православным карелам стояние в вере предков, нужно рядом с каждым „министерским“ училищем открывать и церковную школу, а в противном случае все училища по глухим деревням передать церковному ведомству...»³.

Власти Олонецкой губернии использовали шум, поднятый вокруг «панфинской пропаганды», как беспроегрешный аргумент в добыва-

¹ НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 6/66, л. 18.

² Архангельская Карелия. С. 80.

³ Нужды и утешение северной окраины. К вопросу о школьном просвещении беломорских карел Кемского уезда // Православный финляндский сборник. 1910. № 2. С. 103.

нии средств на развитие школы. Истерия в местной и центральной печати вокруг вопроса об опасности панфиннизма способствовала быстрому получению казенного кредита на создание сети школ в карельских уездах. При вмешательстве лично П. А. Столыпина уже осенью 1907 г. на эти цели были отпущены необходимые средства. В дальнейшем приграничные школы остаются в зоне пристального внимания властей¹. Министерство внутренних дел в своем отношении от 19 февраля 1908 г. обратилось в Министерство народного просвещения с предложением об открытии новых училищ в Карелии на границе с Финляндией и об упорядочении существующих². В эти годы доминировавшие прежде экономические аргументы распространения грамотности и просвещения (предполагалось, что крестьянин, получивший даже минимальное образование, будет более рационально вести хозяйство) сменяются мотивами идеологическими.

Полученный государственный кредит позволил к 1909 г. завершить устройство школьной сети в карельских уездах Олонецкой губернии (в 1909 г. здесь имелось 350 училищ различных ведомств, одна школа приходилась на 45 детей школьного возраста³), тогда как в губернии в целом формальные условия для всеобщего начального обучения (необходимое количество ученических мест) были созданы лишь в 1913 г. За два года в трех приграничных уездах были открыты 62 новые школы. Первоначально вновь открытые школы размещались в арендованных крестьянских избах. Осенью 1907 г. во многих карельских деревнях кипела работа по подготовке таких зданий к учебному году (нужно было вовремя отчитаться в использовании государственного кредита): прорубались дополнительные окна и двери, переносились стены, клались печи, белились потолки, оклеивались обоями стены, изготавливались парты⁴. Лишь со временем новые школы получали специально построенные здания.

По мнению властей, школы в пограничных волостях не должны были уступать школам Финляндии не только в отношении организации учебного процесса и уровня обучения, но и по внешнему облику и материальной оснащенности. В то же время Петрозаводская уездная земская управа признавала, что «все школы, ныне существующие в местностях с карельским населением, далеки от идеала и, наверное,

¹ *Попов Г.* О панфинской пропаганде и мерах для борьбы с нею. Петрозаводск, 1907. С. 11.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 298–305.

³ Там же; Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1912 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 10.

⁴ НА РК, ф. 335, оп. 2, д. 4/59, л. 23–25.

во многом уступают народным школам Финляндии... Они бедны своей обстановкой, в особенности своими помещениями»¹. С 1907 г. активизировалось строительство школьных зданий, по большей части для земских училищ. В 1912 г. школы, имеющие собственные помещения, составляли 1/3 их общей численности, тогда как подавляющее большинство школ вплоть до 1917 г. размещалось в наемных помещениях, чаще всего – в крестьянских домах².

Еще хуже было состояние учебных зданий в Беломорской Карелии. В 1908 г. лишь половина школ этого региона размещалась в собственных домах, остальные находились в приспособленных помещениях, 10 из 26 учебных заведений края не имели специальной школьной мебели. По впечатлениям чиновника того времени, «нанятые под училища помещения большей частью холодны, угарны, сыры, без вентиляции, плохо ремонтируемы, расположены в неудобном месте и пр., только особые обстоятельства заставляют пользоваться такими помещениями...». Нередко сельские общества из экономии средств арендовали далеко не самые хорошие помещения, отказывались обеспечивать школы отоплением и освещением³.

Те школы, которые располагались в специальных помещениях, производили благоприятное впечатление, нередко это было лучшее здание в деревне. В путевых заметках учителя М. И. Бубновского (1913 г.) есть описания некоторых школ. По его мнению, здание школы в Юшкозере представляло собой «великолепный особняк», а школа одного из лучших училищ в крае – Панозерского – выглядела на фоне почерневших домов деревни «как дворец»⁴. Интересно также сделанное путешественником описание внутреннего устройства школ. Например, о Костомукшском училище он писал: «Здание училища не хуже Мининского. Большой класс, просторная для интернов спальня, столовая, кухня, широкий длинный теплый коридор (служащий рекреационным местом). Для учащего (учителя. – *О. И.*) – две комнаты. Везде чисто, выкрашено, свету „хоть отбавляй“. Много учебных наглядных пособий, порядочная – в качественном отношении – ученическая библиотека. Аптечка, волшебный фонарь <...> Для учащего выписываются два педагогических журнала»⁵.

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, л. 102/2, л. 44.

² Школьная статистика. Вып. 1. С. 14; Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1915–16 учебный год. Вып. 4. Петро-заводск, 1917. С. 1.

³ Архангельская Карелия. С. 75–78.

⁴ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии. Архангельск, 1914. С. 29, 65.

⁵ Там же. С. 38.

К 1 января 1914 г. «иностранческие» школы составляли ровно четверть всех школ Олонецкой губернии. Здесь имелись 564 русские школы и 187 «иностранческих», для детей карел и вепсов. Эти пропорции соответствовали этническому составу населения. В волостях с «иностранческим» населением к 1914 г. имелось также 12 школ повышенного типа (двухклассных и второклассных). Несмотря на уплотнение сети школ, продолжали появляться приговоры сельских обществ об открытии учебных заведений: крестьяне хотели иметь «свою» школу, чтобы избежать дополнительных расходов, которые возникали при обучении детей «на стороне». Власти также не были удовлетворены положением в сфере народного образования. О необходимости открытия новых школ в Карелии писал в 1912 г. и генерал-губернатор Финляндии Ф. А. Зейн министру просвещения Л. А. Кассо: «В Финляндской Карелии раскинута целая сеть народных финских школ, причем значительное их число расположено на самых границах Олонецкой и Архангельской губерний. Последнее обстоятельство ведет <...> нередко к тому, что проживающие в пределах Империи карелы за отсутствием в близости их местожительства русских низших училищ отдают своих детей за пограничную черту Финляндии в указанные финские школы. Наилучшим противовесом этому прискорбному явлению могло бы служить, по моему мнению, возможно широкое развитие русского школьного дела в приграничных с Финляндией местностях помянутых губерний»¹. Министерство обещало принять все меры для скорейшего обеспечения школами карельской местности². Активная работа по созданию русских школ была развернута в населенной карелами юго-восточной части Финляндии. В 1911 г. дирекция одной из таких школ, расположенной в Оружъярви (Северное Приладожье), ходатайствовала о строительстве общежития в связи с притоком учеников из соседних приходов Российской Карелии³.

Лексика документов о состоянии школ в карельском приграничье, подготовленных для Министерства народного просвещения, в полной мере отражала идеологическую направленность школьной работы в регионе, идею создания форпоста, оборонного рубежа, «щита из школ», высказанную на Видлицком съезде. «Пограничные школы» (это понятие уже вошло в обиход) сгруппированы в отчетах в две

¹ Kansallisarkisto, ККК, Hd 102. Копия письма Ф. А. Зейна Л. А. Кассо. 1 июня 1912 г.

² Ibid., Hd 32 (2). Материалы канцелярии. 1912 г.

³ Kansallisarkisto, ККК, С 1. Журналы заседаний СовеЩательного комитета по делу русских училищ в Финляндии. Протокол от 22 октября 1911 г.

«линии», держащие идеологическую оборону. Передовая линия включала 8 школ, следующая – 5¹.

Укрепление позиций русской школы сопровождалось попытками перетягивания в них учеников-карел и даже православных финнов из соседних деревень княжества. Не ослабевали усилия и противоположной стороны. Школьники в пограничных волостях нередко прерывали обучение на родине и доучивались в Финляндии, видя в этом больший практический смысл. В 1913 г. журнал Союза беломорских карел «Karjalaisten Pakinoita» («Карельские разговоры») констатировал: «В настоящее время многие из карел отдали своих детей в народные школы Финляндии», попутно также отмечалось, что Союз предложил родителям из Финляндии и Беломорской Карелии «обменяться детьми школьного возраста»². Наиболее ярким примером борьбы «за души» учеников является ситуация в деревне Рая-Сельга, разделенной границей на две части. Одна часть относилась к Олонецкой губернии, другая – к Выборгской, в той и другой имелись школы. Ученики «перетекали» из одной в другую, а конкурировавшие учебные заведения вынуждены были всеми доступными средствами повышать привлекательность школы. Такое соперничество, вызывавшее раздражение властей по обе стороны границы, стимулировало прогресс в материальном обеспечении и благоустройстве школ³.

Страх российских властей перед идеологической экспансией из Финляндии способствовал развитию школы в карельских районах. Парадоксально, что в школе, провозглашавшейся щитом православия на российской окраине, с оглядкой на лютеранскую Финляндию пересматривались содержание школьной работы и устройство учебного быта, ставилась задача «поднять школу до уровня финской», чтобы у карел не возникало соблазна обучать своих детей в школах княжества. В борьбе за «чистоту православия» окреп модернизационный вектор в школьной работе. Дискурсы о российской самобытности и использовании западных образцов вновь вступали в противоречие.

¹ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 6/98, л. 2–4.

² Karjalaisten Pakinoita. 1913. N 10.

³ Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы... С. 252–253.

Юрий Шикалов

Деятельность финской лютеранской церкви в Беломорской Карелии в начале XX века

В последний год XX столетия группа финских студентов-этнографов проходила полевую практику в деревне Панозеро, расположенной в самом сердце Беломорской Карелии. По окончании практики на пути домой группа сделала остановку в деревне Юшкозеро, где на берегу реки строилась новая церковь. За строительством наблюдал молодой священник. Один из студентов спросил его, получают ли местные жители помощь от финской церкви? Реакция батюшки на вопрос была неожиданной и бурной. «Какое дело финнам до здешних карел? — звенел раздраженный голос святого отца. — Эта земля всегда была, есть и будет землей российской православной церкви!» И еще в течение четверти часа в духе пламенной проповеди.

Молодой священник был прав, но лишь отчасти. Если бы он ознакомился подробнее с прошлым Беломорской Карелии, то обратил бы внимание на то, что положение русской православной церкви в этих местах далеко не всегда было устойчивым и безоговорочно авторитетным. Одним из самых кризисных периодов для православной церкви в Российской Карелии было время реформ 1905–1907 гг. Реформы обнажили истинное состояние православной церкви в карельских областях и заставили церковное руководство задуматься о дальнейшей судьбе православия в Карелии. Особенно остро кризис проявился в приходах Беломорской Карелии, где в борьбу за «души карел» включилась финская лютеранская церковь.

От фенномании — к панфиннизму: предыстория «карельского вопроса»

Беломорская или — как ее еще называли — Архангельская Карелия являлась задворками Российской империи. В свете национальной политики России, основывавшейся в конце XIX — начале XX в. на принципах русского этноцентризма, карелы представлялись типичными «инородцами». Оторванность от промышленных центров, отсутствие путей сообщения, незнание русского языка, самобытная культура — все это делало обитателей Беломорской Карелии «полудикими» в глазах русского обывателя. Русская православная церковь

считала этот край особенно проблемным, поскольку население его было сильно «заражено» расколом, да и считавшиеся православными прихожане-карелы в массе своей относились весьма прохладно к церковной жизни. По всей видимости, приходы Беломорской Карелии так и остались бы «забытыми Богом» местами ссылки для спившихся семинаристов и священников, если бы не события 1905 г., показавшие, что православие в карельских селах отнюдь не находится в безопасности. Угроза пришла с запада, из Финляндии.

Интерес финнов к «братьям по крови», российским карелам, появился не вдруг, а формировался постепенно в течение всего XIX столетия на фоне общеевропейских событий. В первой половине XIX в. в Европе, приходящей в себя после потрясений Наполеоновских войн, наблюдается пробуждение национального самосознания народов. Так, например, в среде славянских народов возникают «славянофильские» идеи, провозглашавшие единство всех славянских народов¹. Националистические течения не обошли стороной и Финляндию. В первой половине XIX в. для пробуждающегося финского национального самосознания основной идеей становится идея «единого финского племени», так называемая фенномания, тождественная идее панславизма в восточноевропейских национальных движениях. Основателем фенномании считается финский государственный деятель, философ и писатель Йохан Вильгельм Снельман. Идеологами объединения всех финских племен становятся литераторы Сакариас Топелиус и Август Алквист. Если в идеях Снельмана еще отсутствуют экспансивные настроения, то в произведениях Алквиста уже открыто звучал призыв к созданию единого «Финского государства», отделенного от России и объединяющего в своих пределах все «финские племена»².

М. А. Витухновская, изучившая национальную политику России в отношении карельского народа, пишет в своей монографии, что «процессы формирования национального самосознания, движения к „национальному самоопределению“ заразительны, они имеют свойство распространяться, как цепная реакция»³. Во второй половине XIX в. в связи с возросшим национальным самосознанием финские националисты уже не ограничивались пределами своего государства, а стремились распространить идею «Великой Финляндии» за счет «братьев по племени», проживавших за пределами восточной

¹ *Sihvo H.* Karjalan kuva. Helsinki, 1973. S. 117.

² *Ibid.* S. 117, 119–120.

³ *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 21.

границы Великого княжества. В свою очередь имперская политика России не допускала и мысли о том, чтобы «инородцы» остались вне сферы влияния российских светских и духовных властей. Таким образом, беломорские карелы оказались вовлеченными в круговорот националистической борьбы.

Особенно остро эта борьба проявилась в 1905–1907 гг. в религиозных кругах. В финских газетах и журналах начинают появляться статьи с призывами идти на помощь «к братьям-карелам, блуждающим во тьме культурного и религиозного невежества». В статьях подчеркивалось, что карелы – это «родное племя финнов» и финны, как старшие братья, обязаны наставлять их на путь истинной веры¹. Призывы финской печати дали свои результаты – в деревнях Беломорской Карелии начали появляться финские проповедники. Финская лютеранская церковь перешла к активным формам борьбы за «карельские души», что, в свою очередь, вынудило российскую общественность и православную церковь организовать деятельность по защите Карелии от «угрозы панфиннизма»².

Почва для деятельности финских проповедников готова

Нельзя сказать, что жители Беломорской Карелии были совсем не знакомы с лютеранской верой до начала XX в. Зависимость этого региона от Финляндии была настолько велика, что влияние западного соседа прослеживалось во всех сторонах жизни беломорских карел – от экономики до духовной культуры. Особенно это влияние усилилось во второй половине XIX столетия, когда хозяйственная деятельность беломорских карел претерпевала значительные изменения. Запрет подсек и стремление русского правительства перевести хозяйства карельских крестьян на полевое земледелие привели к тому, что многие карелы попросту отказались от попыток выращивать свой хлеб на скудных полях и обратились к другим формам ведения хозяйства, в первую очередь торговле. Бывшая и ранее весьма распространенной в Беломорской Карелии разносная торговля в Финляндии теперь приобрела огромное значение в экономической жизни карельских крестьян. Особенно это проявляется в западных и центральных районах Беломорской Карелии. К началу XX в. здесь трудно было найти семью, мужчины которой не ходили бы торговать в Финляндию. Нередко торговцы приводили домой и жен из финских семей.

¹ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 402–412.

² Витухновская М. А. Указ. соч. С. 129.

Это было естественно, поскольку молодые карелы проводили много времени в Финляндии, и, кроме того, брак с финской подданной давал определенные выгоды в торговых делах¹.

А. В. Эрvasti во время своего путешествия в Беломорскую Карелию встретился в деревне Ювалакша с вдовой, бывшей родом из Финляндии. Женщина эта вышла замуж за карельского торговца и ко времени описанной встречи прожила в Карелии уже около 15 лет, приняв православие. Эрvasti предполагает, что случай этот был не единственным². Действительно, некоторые финские женщины, переселившись в Российскую Карелию, меняли вероисповедание. Тем не менее переход из лютеранства в православие был скорее исключением, чем правилом. В этом не было никакой особой необходимости, поскольку русская православная церковь допускала заключение браков православных с лицами других христианских конфессий³. Не удивительно, что по данным церковных книг 1900 г. в приходах Беломорской Карелии насчитывалось 90 жителей лютеранского вероисповедания, из которых 88 были финские женщины⁴.

Финские жены-лютеранки не представляли, однако, никакой опасности для православной церкви в Беломорской Карелии. Гораздо опаснее в этом отношении было то, что карелы, ходившие торговать в Финляндию, отлично понимали финский язык и поэтому проповеди, проводимые лютеранскими пасторами, были им, несомненно, более понятны, чем богослужения на старославянском языке в церквях родных деревень. Как отмечал анонимный автор из Вокнаволоцкого прихода, «необходимость подолгу жить в Финляндии приводит карел к тому, что знание финского языка является для них насущной потребностью, ибо без знания финского языка карел в Финляндии не может заработать даже одного пенни. Ввиду такой нужды в знании финского языка местные карелы рано берут детей из школы и отдают в финскую, часто не православную и с нерусским направлением. Употребление финского языка... является настоятельно необходимым для удовлетворения религиозно-нравственных нужд прихожан... Богослужения по-славянски здешние карелы вовсе не понимают»⁵.

¹ Chikalov J. Karjalan Paavon Karjala. Исследование на соискание степени лицензиат философии. Рукопись. Университет г. Йюэнсуу, 2001. С. 135–137.

² *Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879.* Helsinki, 2005. S. 219.

³ См. например: Устав Духовных Консistorий. 1874. С. 379–380.

⁴ Chikalov J. Kuinka Vienassa uskottiin Jumalaan? // Karjalan heimo. 2000. N 7–8. С. 96.

⁵ N. Вокнаволоцкий приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 5. С. 139–140.

Несколько другого мнения на счет языка был священник Иоанн Чирков из Ухтинского прихода, центрального в Беломорской Карелии. Он писал, что «в глазах самих финляндцев, когда они отрешаются от политики, православные карелы, живущие как в пределах Империи, так и в пределах Финляндии, настолько по языку отличаются от финнов, что финские книги им непонятны, а книги, написанные на карельском языке, должны быть отпечатаны для них русскими буквами». Чирков ошибался, как, впрочем, ошибались и те финские деятели, на мнение которых священник опирался в своем заключении. Тем не менее и ухтинский священник бил тревогу по поводу «офинения» карел, отмечая, что «если стремления к офинению карела ведут его и к лютеранству, то, для удержания карел в православии, ни под каким видом нельзя допускать между ними ни финских школ, ни богослужения»¹. А псаломщик Михаил Ручьев писал из Тунгудского прихода, что прихожане, побывавшие в Финляндии, к православию относятся «рассеянно», а отдельные личности «с роду ездившие в Финляндию» и вовсе «не признают постов, святых и даже отрицают бытие Бога»².

Действительно, как можно было ожидать глубокой привязанности к православию в приходах, где прихожане не понимали ни слова из богослужений, а церкви напоминали, скорее всего, заброшенные сараи, чем храмы. Вот, например, описание Вокнаволоцкой церкви: «маленькая, с прогнившей крышей, покосившейся главой... В храме теснота достигает, кажется, своего предела, а холод повсюду напоминает заброшенную, старую часовню». Автор этой безрадостной картины совершенно справедлив в своих умозаключениях: «Можно ли после этого ожидать, чтобы совершаемое в храме богослужение производило на народ должное впечатление? Можно с достоверностью показать, что впечатления благоустроенной лютеранской кирки, с могучими звуками церковного органа, легко получают преобладание в ряду религиозных впечатлений, получаемых корелом, и последний невольно задумается, да не выше ли и в самом деле вера лютеран»³.

Да и сами священники, служившие в приходах Беломорской Карелии, были далеки от идеала духовного пастыря. «Архангельские Епархиальные Ведомости» давали им следующую характеристику: «Дети священно-церковнослужителей, присматриваясь к жизни своих ро-

¹ Св. Иоанн Чирков. Съезд окружного духовенства Карельских приходов // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 19. С. 644.

² Псаломщик М. Ручьев. Тунгудский приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 15. С. 501.

³ Н. Вокнаволоцкий приход. С. 140.

дителей, по окончании духовной семинарии, мало идут по стопам отцов... Крайняя необеспеченность духовенства, вот по нашему мнению причина, препятствующая принимать на себя священный сан. ... Идут в духовное звание всего лишь 2–3 из кончивших семинарию, и места священнические большею частью замещаются недоучками из псаломщиков или дьяконов, пробившими себе дорогу теми или иными средствами»¹. Упомянутый выше священник Иоанн Чирков на съезде окружного духовенства Карельских приходов в 1908 г. с горечью сообщал, что «весь наличный состав приходских священников Беломорской Карелии к 1 июля 1908 года представляется в таком виде: окончивших полное семинарское образование – 3, остальные 12 – низшего образования и три места не заняты. ... Главное значение имеет знание местного языка, но достоинство это принадлежит двум-трем мало-мальски знакомым с карельским языком, большинство же не знает ни карельского, ни финского языка, несмотря на то, что некоторые священники служат по двадцати и более лет в одном приходе»². Нежелание священников освоить карельский язык объяснялось очень просто. Редкий священник попадал в приходы Беломорской Карелии по своему желанию, сюда либо направляли в качестве наказания, либо привлекали к работе семинаристов, изгнанных из семинарий, как правило, за пьянство³.

Отсутствие общего языка, нищие и безграмотные священники, недостаток и запущенность храмов – такова была, в общих чертах, картина православной церкви в карельских приходах Архангельской губернии. В то же время по другую сторону границы карелы видели ухоженные храмы, священников, говорящих на понятном им языке и ведущих примерный образ жизни. Не удивительно, что финская лютеранская церковь нашла в Беломорской Карелии удобный плацдарм для своей миссионерской деятельности.

Представители лютеранской веры начинают проявлять активный интерес к «братьям по крови» уже в 1870-х гг. В это время в селах Беломорской Карелии начинают проповедовать представители одного из наиболее радикальных течений финской лютеранской церкви – лестадиане. Это течение, известное своей простотой и глубокой религиозностью, быстро распространилось в западных и центральных

¹ С. А. Р. Еще к вопросу о материальном обеспечении духовенства // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1911. № 7. С. 420.

² Св. Иоанн Чирков. Съезд окружного духовенства... С. 643–644.

³ Шикалов Ю. Г. О метрических книгах карельских приходов Кемского уезда второй половины XIX – начала XX в., а также о священниках, их составлявших // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 3. СПб., 2003. С. 315–316.

приходах Беломорской Карелии. Вот как описывает священник Иоанн Чирков их появление в своем приходе: «Секта появилась в Ухтинском приходе в 1876 году, занесена финляндцами — плотниками Карлом, Давидом и Иоанном Тауриайнен, первоначально она не имела большого влияния на ухтян, но в девяностых годах приобрела до 60 человек явных адептов и до 100 человек последователей т. н. „свободно-мыслящих“»¹. Российские власти вначале обеспокоились и даже провели несколько арестов среди «сектантов», однако в начале 1900-х гг. интерес российских чиновников к деятельности этого лютеранского «движения пробуждения» угасает, поскольку исследования показали, что лестадиане отнюдь не являлись сектантами, а их учение основывалось на глубоко моральных общехристианских принципах².

Было бы, однако, преувеличением говорить о том, что все беломорские карелы стремились к «финской» вере. Не следует забывать, что этот регион находился под влиянием старообрядчества. Старообрядцы бежали в карельские леса еще во времена Никона. Особенно широко старая вера была распространена в восточных районах Карелии, граничащих с Поморьем, где старообрядческие традиции имели мощные корни. Кроме того, влияние старой веры было очень высоко на северо-западе и юго-востоке Беломорской Карелии, в местах, где до середины XIX столетия действовали Топозерский и Выгорецкий скиты³.

Старообрядцы не могли допустить и мысли о преимуществе «финской» веры. Не удивительно, что священник Логоваракского прихода, на территории которого располагался Топозерский скит, писал: «Нужно заметить, что крестьяне не скрывают своего нерасположения к затеям деятелей панфинства, желают русских школ, не уступают своих старых обычаев и против богослужения на финском языке. В приходе только трое пропагандистов из молодежи, сочувствующих офинению карел и получающих соответствующую литературу, но масса еще дорожит привязанностью к России и прежнему строю жизни. ... Логоваракские карелы, как издавна приверженные к старообрядчеству, очень религиозны, особенно пожилые мужчины и женщины»⁴. А священник Кестенгского прихода отмечал в 1907 г., что

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 7. С. 204–207.

² *Шикалов Ю.* Карельские хиххулиты — лестадианство в Беломорской Карелии в конце XIX — начале XX в. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2003. С. 137–149.

³ *Shikalov Y.* Tuhkaiset, saarelaiset sekä muut Kemin kihlakunnan vieroniekat — vanhauskoisuus Vienan Karjalassa // Minun Bysanttini kaukana ja lähellä. Jyväskylä, 2005. S. 175–191.

⁴ *Н. Логоваракский приход* // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1910. № 3. С. 95–96.

склонность местных карел к старообрядчеству может послужить защитой против увлечения рационалистическими учениями. По данным священника во время «панфинского» движения кестенгские прихожане к нему не проявляли никакого интереса¹. По сведениям священника Ладвозерского прихода, расположенного в непосредственной близости от границы Финляндии и тоже известного своими старообрядческими настроениями, его прихожане были «крепко убеждены, что помимо православной церкви нет спасения, а потому на финских проповедников не обращают внимания». Священник писал, что «такое настроение прихожан представляет отрадное явление, особенно если принять в расчет пограничное положение прихода, близость соседей лютеран и заработки среди них»². Подобных примеров, отражающих весьма прохладное отношение старообрядцев к деятельности финских проповедников и активистов, довольно много³.

Такова была, в общих чертах, картина религиозной жизни в Беломорской Карелии к началу реформ первой русской революции. Старообрядцы здесь уживались с представителями одного из самых радикальных течений лютеранской церкви, а древние пережитки языческой веры соседствовали с христианскими иконами. И все это на фоне весьма слабого авторитета официальной церкви. Не удивительно, что финские активисты увидели в Беломорской Карелии обширное поле для миссионерской деятельности, а реформы 1905–1906 гг. открыли путь для этой миссии.

«Лютеранский поход в Карелию»

Революция 1905 г. заставила правительство России изменить конфессиональную политику. «Высочайший указ об укреплении начал веротерпимости», или, иными словами, «Манифест о веротерпимости», обнародованный 17 апреля 1905 г., в корне изменил положение православной церкви в России⁴. До этого указа переход из православного вероисповедания во всякое иное был запрещен государственными законами, и «совратившихся» в другие веры православная церковь считала «заблуждающимися», которые непременно должны были быть возвращены в лоно православия. Апрельский указ отменял этот

¹ *N.* Кестенгский приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 18. С. 630–631.

² *N.* Ладвозерский приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 20. С. 676–677.

³ *Витухновская М. А.* Указ. соч. С. 155–156.

⁴ История России. М., 2001. С. 348–349.

запрет. Основная мысль указа заключалась в следующем параграфе: «Отпадение из православной веры в другое христианское вероисповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»¹. Таким образом, манифест о свободе вероисповеданий ослаблял официальный приоритет Русской православной церкви в Беломорской Карелии и давал финской лютеранской конфессии шанс в борьбе за души карельских крестьян. Финские проповедники получили возможность вести миссионерскую работу в среде «братьев по крови», чем они незамедлительно и воспользовались. Начался «лютеранский поход в Карелию».

Финские газеты начинают активную кампанию, содержащую призывы к проведению миссионерской деятельности среди «братьев-карел». По словам учителя М. Бубновского, совершившего путешествие в Беломорскую Карелию в начале XX в., финские газеты опубликовали призывы следующего содержания: «Карелы вверены нам, мы их ближние, какой другой народ обязан послать к ним евангелистов, как не мы – их родное племя. Да воистину будет стыдно нам, если другие, а не мы, финны, отправимся с проповедью в Карелию»².

Необходимо, однако, отметить, что целью этой кампании провозглашалось вовсе не переманивание карел из православной веры в лютеранскую, а, в первую очередь, разьяснение карелам сути христианской веры. Как писал в газете «Kotimaа» («Отечество») один из активистов финского национализма, лектор Сортавальской учительской семинарии Бокстрём, «Карелия нуждается в духовном пробуждении», однако «опыт показывает, что для лютеранской церкви нет никакой ни выгоды, ни чести в тех „обращенных“, которые меняют церковь без истинной нужды в вере и духовной потребности, а лишь по общественным либо иным причинам». По его мнению, проповедникам, целью которых было переманивание карельских крестьян из православной в лютеранскую веру, не следует даже появляться в Карелии, поскольку главная цель миссионерской деятельности заключалась в несении истинной веры в Господа, а не в смене вероисповедания. Посему проповедникам следовало действовать не от имени какой-либо церкви или секты, а «от имени Иисуса»³. Таким образом, можно сказать, что опасения православной церкви о «переманивании» при-

¹ Булгаков С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 1009–1010.

² Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 403.

³ В. В. Karjalan lähetys // Kotimaа. 1906. N 145.

хожан в лютеранскую веру были, в общем, напрасны. Однако не следует забывать, что все преимущества финской лютеранской церкви (язык, проповеди, понятные карелам, ухоженные храмы и т. п.) были настолько явными, что они наверняка заставляли задумываться некоторых карел о смене вероисповедания даже без прямых призывов.

Являлась ли эта миссионерская деятельность финских активистов организованной и масштабной? Некоторые из современных исследователей пишут, что «сотни лютеранских и лэстадианских проповедников буквально наводнили маленькую Беломорскую Карелию»¹, однако это не соответствует действительности. Нигде в литературе не упоминается о «сотнях проповедников», обычно речь идет лишь об отдельных случаях появления лютеранских миссионеров, как правило, в приграничных карельских деревнях. М. А. Витухновская, подробно осветившая этот вопрос в своей диссертационной работе, указывает, что вся миссионерская деятельность ограничивалась поездками в Карелию небольших групп финских проповедников². Так, например, по сообщению священника из Войницкого прихода, расположенного на границе с Финляндией, приход в 1907 г. «подвергался опасности лютеранской проповеди»: в апреле и июне 1907 г. в село приходили три лютеранских проповедника, «которые собирали карел слушать объяснение Евангелия и для пения псалмов»³.

В период 1906–1907 гг. финские миссионеры еще могли свободно перемещаться по Российской Карелии. Однако уже в конце лета 1907 г. во всех населенных пунктах Карелии был объявлен запрет на всякую политическую пропаганду и начались преследования проповедников. Их ловили и высылали обратно в Финляндию, а некоторые из них попадали под арест⁴. Скорее всего, арестовывали лишь тех проповедников, которые вели себя слишком вызывающе. Вот пример одного такого случая. В финской газете «Suomen Viikkolehti» («Финский еженедельник») в 1907–1908 гг. был опубликован подробный отчет о путешествии финских миссионеров Каарло Валесмаа и Пекки Латту в Беломорскую Карелию летом 1907 г. Во время своего путешествия эти проповедники проводили религиозные собрания в карельских деревнях. В Ухте проповедники были задержаны, и им было объявлено, что в Карелии запрещено проводить собрания даже русским,

¹ *Белобородова И. Н.* «Сектантство» в Архангельской Карелии // Свеча-99. Архангельск, 1999. С. 33.

² *Витухновская М. А.* Указ. соч. С. 126.

³ *Н. Войницкий приход* // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 19. С. 651.

⁴ *Витухновская М. А.* Указ. соч. С. 275–277.

а проповеди Евангелия имеют право проводить только священники. Затем был составлен протокол, и финнам было предписано отправиться домой, в Финляндию. Миссионеры, однако, поступили весьма хитрым образом. Они добрались до границы и, утешая себя тем, что одно путешествие закончено и предписание полиции выполнено, немедленно повернули обратно в Карелию. Так они вновь пропутешествовали, проповедуя, через всю центральную часть Карелии и добрались до уездного города Кеми, где и были вновь задержаны уже знакомыми им полицейскими чиновниками. Чиновники были немало удивлены такой наглостью проповедников и в этот раз отправили их домой через Архангельск и Петербург¹.

Деятельность финских проповедников была направлена, прежде всего, на западные и центральные регионы Беломорской Карелии, жители которых были тесно связаны с Финляндией как торговыми, так и родственными узами. В этих районах был самый большой процент «коробейников», самое лучшее знание финского языка и самое большое количество смешанных браков². Как уже упоминалось, жители восточных старообрядческих регионов Беломорской Карелии весьма прохладно относились не только к «финской», но и к официальной русской церкви, и их не интересовали финские пропагандисты. Кроме того, крестьяне восточных районов Беломорской Карелии экономически больше зависели от Российского Поморья, чем от Финляндии, и поэтому больше тяготели к России, чем к «братьям по крови». Учитель Бубновский подразделял Архангельскую Карелию «в силу этнографического и экономического положения» на две части – западную, или Финскую, и восточную, или собственно Беломорскую Карелию. Бубновский был совершенно прав в своих наблюдениях и отмечал, что жители «Финской Карелии» почти не понимали русского языка и знали финский язык «не хуже своего», в то время как жители восточных регионов Архангельской Карелии практически все говорили или понимали русский язык³.

Центром деятельности финских миссионеров становится село Ухта, негласная «столица» Беломорской Карелии, известная своими тесными связями с Финляндией. Вот как описывал деятельность «финских пропагандистов» ухтинский священник Чирков: «Село Ухта – центр Кемской Карелии и на него главным образом обращено

¹ К. V. Veljeskansaa katsomassa // Suomen Viikkolehti. 1907. N 43; 1908. N 9.

² Лютеранский поход в Карелию // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1906. № 21. С. 656–657.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13, С. 412; № 15. С. 462–463.

внимание пропагандистов из Финляндии, имеющих целью объединение с карелами и отделение Карелии от России. В Финляндии для этого образовалось, как известно, общество „Союз Беломорских карелов“, издающий печатный орган „Карельские разговоры“, рисующий деятельность православного карельского духовенства и русских деятелей в весьма мрачных красках, несогласных с действительностью. Свыше десяти финских изданий высылается сотнями экземпляров бесплатно во все карельские деревни...»¹.

Союз беломорских карел, упомянутый Чирковым, как известно, был создан в 1906 г. профински настроенными финскими и карельскими активистами и представлял собой националистическую организацию. В уставе Союза говорилось, что основной задачей деятельности этой организации является «подъем духовного и материального состояния карел»². Союз раздражал местную церковную администрацию, хотя, по мнению деятелей русской церкви, это «культурно-просветительное движение» беломорских карел не затрагивало особенно интересов православия. Опасность, тем не менее, существовала, поскольку «религиозное развитие» беломорских карел оценивалась как весьма низкое, а их вера характеризовалась как «открытая для всяких влияний». Святые отцы били тревогу, поскольку видели, что в лютеранских кругах ситуация с религиозностью беломорских карел была оценена как весьма благоприятная для проведения миссионерской деятельности³. А организации, подобные Союзу беломорских карел, еще больше склоняли карельское население к финскому образу жизни. Поэтому православная церковь вынуждена была начать борьбу «за души карел». Как писал учитель Бубновский, последствия финской миссионерской деятельности могли бы быть «крупными» и «реальными», если бы не «дружный отпор, который проявило при содействии гражданских властей и полиции православное карельское духовенство»⁴.

Православная церковь в борьбе против финского влияния

После уступок 1905–1906 гг. российские власти спохватились и начали принимать решительные меры по пресечению деятельности

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Ухтинский приход... С. 208–209

² *Ranin R.* Vienan Karjalaisten Liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997. С. 18–20, 25, 32–40.

³ Лютеранский поход в Карелию. С. 659–661.

⁴ *Бубновский М. И.* Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 403.

финских миссионеров в Карелии. Как уже отмечалось, проповедники, замеченные в нарушении запрета «проповедей Евангелия», преследовались и выслались за пределы Карелии. Некоторые из них, особенно упорные в своей деятельности, объявлялись лицами вне закона, и им запрещалось проживание в Архангельской и Олонецкой губерниях¹. Не отставало от полиции и местное церковное руководство. «Опасность велика. На наших глазах сотни православных карел изменили уже святым заветам православной церкви и отпали от молитвенного общения с нами, и Бог знает, будет ли конец этим отступлениям, если не подоспеет скорая и сильная помощь» — так писало Карельское Православное Братство в своем обращении в 1908 г.²

Полное название Карельского Православного Братства звучало как Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила. Постановление о создании в Карелии православной «миссионерско-просветительской» организации было принято на съезде представителей Олонецкой и Финляндской епархий в январе 1907 г. в Видлице, в «противовес лютеранской пропаганде в Финской, Архангельской и Олонецкой Карелии» и «для приобщения к православию взрослых прихожан». Эта организация была учреждена в феврале 1908 г.³ Создание Братства было ответом православной церкви на создание Союза беломорских карел.

В этот период обнажились противоречия, существовавшие между руководителем православной епархии Финляндии архиепископом Сергием и епископом Архангельским и Холмогорским Иоанникием, в ведении которого находились приходы Беломорской Карелии. Разногласия между Сергием и Иоанникием возникли по поводу устава Карельского Братства. Иоанникий хотел поставить Братство под контроль Архангельской епархии, в то время как Сергей считал, что подобное требование затруднит деятельность Братства в связи со сложностью коммуникаций и сведет на нет всю идею организации, направленную, в первую очередь, на оперативную деятельность. Между этими двумя архипастырями были и другие разногласия, касающиеся «инородческой» политики. В результате на свет появились два церковных братства: в декабре 1907 г. в Кемии было открыто отделение Георгиевского Православного Карельского Братства, а в феврале 1908 г. в Архангельске учреждено Архангельское Братство во имя

¹ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 277–278.

² Обращение Карельского Братства // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 1. С. 8–9.

³ Merikoski K. Taistelu Karjalasta. Helsinki, 1939. S. 145.

св. Михаила. Первое действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а второе – на территории Архангельской епархии¹.

В Обращении Карельского Братства говорилось: «Православно-русские деятели всех трех Карелий откликнулись на... вопиющие нужды Карелии и, веря, что в единении сила, решили объединиться в особый союз, под названием „Православного Карельского Братства во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия“... Братство ставит своей целью воспитание карел в твердой преданности православной церкви и неразрывном единстве со св. Русью. По мере своих сил и средств оно будет оказывать поддержку бедным Карельским церквям и приходам, содействовать поднятию и улучшению церковного пения, издавать, переводить на карельский язык и распространять среди карел св. Писание, вероучительные брошюры и молитвенники, поддерживать существующие школы и открывать новые, содержать катехизаторов и книгонош, содействовать облегчению острой материальной нужды бедных карел пособием погорельцам, круглым сиротам, учреждением домов трудолюбия, приютов, богаделен, яслей и пр.»² Как видно из этого обращения, на первое место ставились именно поддержка и укрепление карельских приходов, в стремлении сделать православную веру близкой и понятной для местного населения. Одним из основных вопросов в этом плане был вопрос о языке богослужений.

Вопрос это, как уже говорилось, был одним из самых больных в деятельности русской православной церкви в Беломорской Карелии. Любопытно, как быстро менялось отношение к финскому языку в среде священников. Наиболее ярким примером в этом служит иеромонах Киприан, являвшийся одной из ведущих личностей в борьбе против «лютеранского нашествия» в Карелии. Еще в самом начале периода реформ в декабре 1906 г. в Ухте состоялся съезд духовенства Архангельской и Финляндской епархий. На этом съезде была впервые произнесена проповедь на финском языке, который был близок и понятен жителям Ухты. Иеромонах Киприан тогда горячо поддерживал сторонников богослужений на финском языке. Однако уже во время своего обратного пути со съезда он ознакомился со свежими русскими газетами и понял, что политика вновь меняет курс к русификации. После чего Киприан становится ярким противником финского языка³. Едва ли это было минутным «озарением», скорее всего

¹ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 165–167.

² Обращение Карельского Братства. С. 8–9

³ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 138–142; Merikoski K. Op. cit. S. 139–144.

Киприан увидел, путешествуя по Карелии, что попытка перевода богослужений на финский язык вряд ли укрепит позиции российского православия в Карелии, скорее наоборот — может привести к обратным последствиям. После этого иеромонах Киприан становится ярким ревнителем русификации карельского населения и не сходит со своих позиций до самой смерти, последовавшей в 1914 г. Для «фенноманов» фигура Киприана превратилась в символ реакции и гнета российской церкви¹.

По всей видимости, после поворота российской администрации от реформ к реакции пастыри карельских приходов находились в полном недоумении. «Было бы лучше, если бы установилось нечто определенное к данному вопросу. Если ставить цели обрусения карел и сближения их с коренным русским населением, что было прежде, тогда нужно побольше школ и в них тоже держаться одного направления, поскорее соединить Карелию дорогами с Поморьем и выработать другие меры для усиления русского влияния на карел; если совершать богослужение по-карельски, то необходимо, волей неволей, допустить и финский язык, и литературу на нем, и в школах знакомить с этим языком, а употребляющих язык и защищающих его употребление не преследовать», — так писал в своем рапорте священник из села Кестенги. Этот священник, хорошо знавший карельский язык и проводивший на нем «понятные народу поучения», отказался от дальнейшего употребления языка, «заслышав о тех печальных последствиях, которыми сопровождалось новаторство в области богослужебного языка в Ухтинском приходе»². Таким образом, реформы так и не смогли осуществиться в приходах Беломорской Карелии.

Представители приходов Беломорской Карелии вновь собрались на съезд в июле 1908 г. Вот как описывает это событие священник Иоанн Чирков: «15 июля сего года во 2-м Кемском благочинии, состоящем исключительно из карельских приходов, состоялся первый съезд окружного духовенства, на который собралось из 9 наличных настоятелей приходов — 7 и 4 псаломщика из 10-ти. ... Но на таком съезде не только желательно, но и необходимо было бы участие, если не всего состава Карельского братства, то, по крайней мере, его представителя. ... Главнейшие постановления окружного съезда заключаются в пожеланиях: 1) чтобы отделение карельского братства находилось внутри самой Карелии, а не в городе Кеми, отдаленном от

¹ *Merikoski K.* Op. cit. S. 174–178.

² *N. Кестенгский приход.* С. 630–631.

границ Финляндии. Местное карельское духовенство знает действительные нужды карел и потребность религиозно-нравственного просвещения их; оно могло бы приносить вовремя необходимую помощь и привлекать карел принять участие в деле, служащем для блага их. 2) чтобы противосектантский миссионер имел постоянное жительство в селе Ухте, как центральном пункте Беломорской Карелии и зараженном сектантами „Ушковайзет“ (фин. „uskovaiset“ или „верующие“ – так называли себя лестадиане. – *Ю. Ш.*), для противодействия которым специально учреждена и должность особого миссионера: ввиду частого появления в карельских приходах лютеранских проповедников, местные священники, по неопытности в полемике с ними, а также по дальности расстояний приходов, не имеют возможности дать противнику надлежащий отпор»¹. Эти пожелания отчасти были выполнены. К примеру, в 1910-х гг. в Архангельской епархии и, в частности, в карельских приходах весьма активно действовала «епархиальная миссия против расколо-сектанства», отчеты которой регулярно публиковались в местной печати.

Мы не станем останавливаться подробно на других аспектах деятельности русской православной церкви и российской администрации в Беломорской Карелии, направленных на борьбу с финским влиянием. Такие вопросы, как организация школ и развитие экономики края, требуют отдельного рассмотрения. В заключение приведем цитату из статьи священника Юшкозерского прихода, опубликованной им в 1912 г.: «Как и все карелы, прихожане – народ сметливый, но малоразвитый, и в то же время обладающий изумительной способностью к изучению языков. Через год проживания в Финляндии почти каждый карел вполне усваивает финский язык и отчасти шведский... Учащиеся на второй год обучения удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски ... Можно надеяться, что уже скоро и русский язык в нашей Карелии получит право гражданства, совершится важный шаг по пути обрусения, особенно же ускорит этот процесс ожидаемая дорога, и тогда финские сепаратисты уже не найдут почвы мечтать о слиянии с карелами»².

Приведенные строки хорошо характеризуют дальнейшую политику России в отношении беломорских карел. Русскоязычные школы, развитие российской экономики в регионе, развитие коммуникаций – таким видели путь русификации Карелии российские политики и

¹ *Св. Иоанн Чирков. Съезд окружного духовенства...* С. 643–644.

² *А. П., св. Юшкозерского прихода. Юшкозерский приход, Кемсаго уезда // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1912. № 5. С. 133.*

руководители церкви. Вспыхнувшая в 1914 г. мировая война и последовавшие за ней события лишь ускорили процесс «обрусения» карел, одновременно отодвинув далеко на задний план борьбу церковей за «карельские души». Молодой русский священник, строящий церковь в Юшкозере в конце XX в., вряд ли знал, что он повторяет мысли иеромонаха Киприана, однако он хорошо знал позицию русской православной церкви в этом регионе. События начала XX в. показали, что позиция эта отнюдь не всегда была незыблемой.

**«Финский период»
советской Карелии**

Ирина Такала

Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов)

Период с 1920 по 1935 г. в истории советской Карелии, когда автономную республику возглавляли бывший член финляндского парламента от Социал-демократической партии Финляндии доктор философии Эдвард Гюллинг и видные деятели СДПФ и КПФ из числа красных финнов-иммигрантов, в западной историографии принято называть финским периодом¹. Действительно, составляя в начале 1920-х гг. менее одного процента, а в 1933 г. лишь 3,2 процента от всего населения края, финны занимали высокие должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями вроде МОПРа и Осоавиахима, работали в области культуры, образования, науки. Многие становились кадровыми военными – значительную часть рядового состава и почти весь офицерский корпус Карельской егерской бригады составляли военнослужащие финской национальности. В отечественной исторической литературе лишь в последнее десятилетие стали уделять серьезное внимание этому феномену², причем оценки деятельности финнов в республике в 1920-е и начале 1930-х гг. даются самые противоречивые. В настоящей статье нам хотелось бы сосредоточиться на том вкладе, который финские иммигранты внесли в развитие советской Карелии.

Финны советской Карелии

С 1918 по 1935 г. было три больших эмиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических

¹ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена и И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 123–160; *Кангаспуро М.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000.

² В семье единой...; Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998; *Килин Ю.* Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007.

причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции. По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских эмигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии связана с поражением там рабочей революции в мае 1918 г. Тысячи участников событий и членов их семей, спасаясь от преследований, покинули страну. Часть эмигрантов бежала в Швецию и другие государства, но большинство предпочло искать убежища в советской России. Весной 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. беженцев¹. Политэмигранты и их семьи продолжали прибывать в Россию вплоть до начала 1930-х гг. В Карелию, например, ежегодно в среднем прибывало 100–120 человек². Являясь наиболее активной в политическом отношении частью диаспоры и будучи в большинстве своем членами ВКП(б) и номенклатурными работниками, люди эти постоянно перебрасывались с места на место по воле партийных органов, что чрезвычайно затрудняет подсчеты. В общей сложности численность этой группы иммигрантов, по различным подсчетам, могла достигать 10–13 тыс. чел.³

В Карелию первые политэмигранты прибыли уже в 1918 г., хотя численность их сначала была невелика, не более 500 чел. за 1918–1920 гг. Главным образом это были деятели СДПФ и КПФ, которые должны были оказать помощь в создании Карельской Трудовой Коммуны и установлении советской власти в национальных районах. Карельская автономия строилась и укреплялась усилиями таких известных людей, как Эдвард Гюллинг, Иоганн Ярвисало, Сантери Нуортева, Густав Ровио, Яакко Мяки и др. В начале 1920-х гг. приток красных финнов в республику нарастает, и к 1926 г. численность финской диаспоры Карелии увеличилась до 2,5 тыс. чел. (0,9 % от всего населения края). Основными местами расселения политэмигрантов были Петрозаводск и Петрозаводский уезд (49 % всего финского населения республики, причем половина из них в самом Петрозаводске), а также крупные национальные карельские районы – Ухтинский (20,4 %) и Олонецкий (13,2 %) ⁴. Политическая активность красных финнов использовалась советским руководством в самых различных сферах –

¹ *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 103.

² Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 3. Петрозаводск, 1935. С. 16–17.

³ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 20; *Saarela T.* Suomalaisten kommunismin synty 1918–1923. Tampere, 1996. S. 27.

⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926. М., 1928. Т. 1. С. 178–181.

в управлении и производстве, образовании и культуре. Они составили и политическую элиту республики. В 1923–1924 гг., например, среди членов ЦИК Карелии финны составляли около 26 % и около 21 % – в уздных исполнительных комитетах¹.

На начало 1930-х гг. приходится две других крупных эмиграционных волн. Уже в 1920-е гг. в Россию начинают прибывать первые группы переселенцев, эмигрировавших ранее из Финляндии в США и Канаду, однако массовый характер эмиграция финнов из Северной Америки приобретает в начале 1930-х гг.

В 1931 г. руководство Карелии с разрешения Москвы начинает широкомасштабную вербовку квалифицированных рабочих кадров среди этнических финнов Америки. За счет иммигрантов республиканское руководство планировало повысить производительность труда в основной отрасли – лесозаготовках и завершить процессы формирования национальных рабочих кадров. Вербовке, которую проводили специально созданные для этого организации (Комитет технической помощи Карелии в Америке, Переселенческое управление в Петрозаводске), предшествовала широкая пропагандистская кампания, развернутая финноязычной левой прессой США и Канады. Большинство переселенцев искренне верили в возможности нового общества «освобожденного труда», а экономический кризис, захлестнувший Европу и Америку, только укреплял эту веру. Финны надеялись обрести в Карелии работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма. Трудовой договор заключался с переселенцами на два года, однако многие собирались обосноваться в России навсегда. Они ехали с семьями, везли с собой технику, оборудование, валюту. Всего за 1931–1934 гг. в Карелию из США и Канады переехало свыше 6 тыс. чел. (треть из них женщины и дети). Трудились североамериканские финны в лесном комплексе республики, а также в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, культуре. Самые крупные американские колонии были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах².

Еще одна крупная эмиграционная волна явилась следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Начиная с 1930 г. большие группы людей, спасаясь от голода и безработицы, переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и пропагандистская кампания,

¹ Статистический обзор 1923–1924 гг. Петрозаводск, 1925. С. 46, 48.

² Подробнее см.: *Такала И. Р.* В поисках Эльдорадо. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 91–110; *Kero R.* Neuvosto-Karjalaa rakentamassa. Helsinki, 1983.

развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров. По различным оценкам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло от 12 до 15 тыс. чел.¹ Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда, после проверки, людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерей). После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, финперебежчики оказались в самых худших условиях, мало отличимых от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покинуть место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах².

К середине 1930-х гг. численность финнов в Карелии достигла примерно 15 тыс. чел. (с учетом реэмиграции), две трети из них составляли иммигранты из Финляндии³. Данные таблицы позволяют в определенной степени судить о том, в каких отраслях хозяйства республики прежде всего были заняты переселенцы.

Финны — члены профессиональных союзов (процент к общему количеству учтенных членов данного союза)⁴

Профессиональные союзы	1926	1928	1930	1933
Работники просвещения	8,2	11,1	15,5	30,9
Печатники	3,4	14,3	3,9	30,2
Работники искусств	—	Нет сведений	—	24,5
Работники бумажной промышленности	—	—	14,5	20,9
Работники коммунального хозяйства и транспорта	1,7	3,0	1,1	18,6
Строители	Нет сведений	2,9	2,6	14,0
Сельскохозяйственные и лесные рабочие	1,5	7,4	5,3	12,5
Работники общественного питания	—	—	6,2	9,4
Горнорабочие	7,0	6,7	4,0	7,5

¹ *Kostiainen A.* Loikkaarit: suuren lamakauden laitton siirtolaisuus Neuvostoliittoon. Helsinki, 1988. S. 57–64, 83; *Takala И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 158.

² См.: *Takala I.* Loikkareiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // Kahden Karjalan välillä Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994. S. 173–180.

³ Подробнее см.: *Takala И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы. С. 150–175.

⁴ Составлена по: АКССР. Ежегодник. 1929. Петрозаводск, 1931. С. 87; АКССР. Краткий статистико-экономический справочник. 1923–1933. Петрозаводск, 1933. С. 93. В таблицу включена лишь та группа профсоюзов, где численность финнов была наибольшей.

Многие иммигранты, прежде всего те, которые были членами коммунистических или социал-демократических партий Финляндии и Северной Америки, вступали в ВКП(б). К 1933 г. число финнов – членов партии большевиков достигло 1,5 тыс. чел. (10 % от общей численности республиканской парторганизации)¹.

Таким образом, своеобразие этнической и политической ситуации в Карелии в 1920-е – начале 1930-х гг. заключалось в том, что у руля в республике с русским и карельским населением (причем карелы даже не составляли большинства, хотя и дали название автономии) находилась небольшая группа финнов политэмигрантов, на плечи которых и было возложено строительство только что созданной автономии. Подобная ситуация могла сложиться только при условии полного одобрения, до поры до времени, политики красных финнов в республике со стороны руководства страны. Как только отношение московских властей к приграничной автономии и деятельности правительства Гюллинга меняется, приходит конец финскому периоду в истории Карелии.

Становление автономии

Точнее финский период в истории советской Карелии было бы датировать 1923–1935 гг. Образование Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г. было обусловлено, как известно, несколькими факторами, самыми важными из которых стали события в Беломорской Карелии и политическое давление Финляндии на Россию в ходе тартуских мирных переговоров. В сложной политической ситуации правительство советской России принимает предложения, сформулированные Эдвардом Гюллингом в ряде заявлений и документов 1918–1920 гг. Суть предложений сводилась к тому, чтобы посредством образования «особой Карельской коммуны, границами которой были бы Белое море, Онежское озеро, финляндская граница и Ледовитый океан» разрешить главные проблемы: удовлетворение национальных интересов карельского населения, лишение Финляндии оснований претендовать на Восточную Карелию и создание плацдарма для «революционирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии»². По мнению Гюллинга, эта поистине «революционная стратегия» должна

¹ Подсчитано по: Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984. Петрозаводск, 1985. С. 72.

² Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrolа // Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–258.

претворяться в жизнь теми, кто хорошо понимает суть карельского вопроса, а именно: красными финнами. Вопрос о Карелии рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина, и 7 июня 1920 г. ВЦИК «в целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии» принял постановление об образовании из местностей Олонецкой и Архангельской губерний, населенных карелами, автономного областного объединения – Карельской Трудовой Коммуны¹. Для проведения всей организационной работы был назначен временный орган власти – Карельский Комитет (позднее Карельский революционный комитет – Карревком), в состав которого вошли финны Эдвард Гюллинг, Яакко Мяки и карел Василий Куджиев.

Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 4 августа 1920 г. территория КТК включала 18 волостей Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого уездов Олонецкой губернии и 19 волостей Кемского уезда Архангельской губернии, а также города Кемь, Олонец и Петрозаводск, ставший административным центром нового образования². Территориальный вопрос дебатировался долго. В конечном итоге в целях создания «наиболее благоприятных объективных условий для всестороннего политического, экономического и культурного развития всех народов области» в состав Коммуны были включены и районы с русским населением. Это, впрочем, не повлияло на первых порах на соотношение в национальном составе республики: титульная нация – карелы – составляли в ней большинство (60 %) ³.

Однако уже через два года территория КТК была значительно увеличена за счет смежных с ней районов РСФСР. В сентябре 1922 г., в связи с упразднением Олонецкой губернии, Коммуне были переданы Повенецкий (8 волостей и г. Повенец) и часть Пудожского (5 волостей и г. Пудож) уездов. Население увеличилось почти на 58 тыс. человек, из которых русские составляли около 99 %, карелы 0,5 %, финны 0,1 %. В результате этих (временных, как говорили тогда) территориальных приобретений национальный состав республики необратимо изменился – удельный вес русских возрос до 55,7 %, карел же снизил-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 53. Ст. 232; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 537. Постановление вступило в силу после его опубликования – 8 июня 1920 г., поэтому именно эта дата считается официальной датой создания КТК.

² Красная Карелия: Сборник материалов официального характера... Петрозаводск, 1925. С. 18–19.

³ Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922. Петрозаводск, 1923. Вып. II, ч. 1. С. 12–13.

ся до 42,7 %¹. Известно, что инициатива включить эти районы в состав КТК исходила во многом от населения этих мест и районного руководства². Гюллинг и его сторонники выступали против их присоединения, поскольку эти бедные отдаленные русские территории ни в экономическом, ни в национальном отношении не были нужны автономии. Однако это присоединение было жизненно важным для районов, все транспортные связи которых были замкнуты исключительно на Петрозаводск³. В 1923 г. к Кемскому уезду были присоединены принадлежавшие ему ранее пять поморских волостей Онежского уезда Архангельской губернии, также населенные преимущественно русскими.

К лету 1923 г., когда республика была преобразована в Карельскую АССР, ее территория возросла до 144,6 тыс. км², а население – до 210,2 тыс. чел.⁴ В 1924 г. к Карелии отошли Ладвинская и большая часть Шелтозерско-Бережной волости Лодейнопольского уезда Ленинградской губернии с населением в 12 тыс. чел., из них около 9 тыс. (75 %) вепсов⁵. Тогда же республике были переданы острова Белого моря, прилежавшие к Кемскому уезду. В результате всех этих преобразований к концу 1924 г. площадь КАССР составляла 146,3 тыс. км² и на этой территории проживало около 233 тыс. чел. – примерно 54 % русских, 40,6 % карел, 3,8 % вепсов, 0,5 % финнов.

На протяжении последующих 14 лет территория республики оставалась неизменной, лишь в 1927 г. на смену уездно-волостному делению пришло районирование, разделившее Карелию на 26 районов.

В процессе создания КТК вопрос об основных принципах автономии остался нерешенным, и шла острая борьба между красными финнами и руководством продолжавшей существовать Олонецкой губернии, считавшим автономию временным образованием, своего рода дипломатическим шагом советской России в ходе тартуских мирных переговоров с Финляндией. Борьба усугублялась конфликтами в

¹ Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922. С. 12–13; АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск, 1925. С. 6–10.

² См., например: Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. Р-550, оп. 1, д. 1/15, л. 186–208.

³ Интересна трактовка этих событий Пеккой Кауппала, который считает, что с присоединением Пудожья и Заонежья КТК достигла своих оптимальных восточных границ. Реальная же русификация Карелии происходит намного позже и по другим причинам (*Кауппала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 325–326).

⁴ АКССР. Статистический обзор 1923–24. С. 10. См. также: *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 33.

⁵ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 181.

самом руководстве КТК, персонифицировавшимися в противостоянии Гюллинга и Куджиева, а также разногласиями внутри финляндской эмиграции¹. Решающим же фактором в определении судьбы карельской автономии стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной политикой большевиков. Разногласия, существовавшие в московском руководстве относительно статуса и уровня карельской автономии², не помешали, тем не менее, принять принципиальное решение о создании автономной республики. При этом была сделана ставка на внешние силы – финских политэмигрантов, поскольку ни петрозаводское, ни архангельское руководство само не проявляло никакого интереса к карельскому вопросу, а в среде местных карельских националистов (Временный комитет Беломорской Карелии) не было большевиков.

В первые два года существования КТК Карревком, находившийся в конфликте со всеми региональными властями и раздираемый внутренними противоречиями, фактически не располагал никакими реальными рычагами власти. Истинное закрепление за красными финнами их руководящей роли в КТК происходит после карельского восстания 1921–1922 гг., заставившего центр осознать необходимость действенной помощи своему проекту. В конце января 1922 г. в Петрозаводске состоялась внеочередная конференция финских коллективов РКП(б) Карелии. Доклад Гюллинга «Общеполитическая сторона карельского вопроса» был посвящен итогам развития коммуны за полтора года и планам на будущее. Председатель Карревкома констатировал, что Коммуна не выполнила тех задач, которые возлагались на нее весной 1920 г. Главная причина этого – отношение к Карелии как к обычной русской губернии. «Только под воздействием бандитизма, – сказал Гюллинг, – высшие партийные органы стали понимать, что карельский вопрос и финляндский рабочий вопрос тесно связаны. Карелия и финляндская революция влияют друг на друга». После восстания следует показать населению, «что КТК является их государством, что нападение осуществила финляндская буржуазия, которая помешала строить карелам жизнь». По мнению Гюллинга, для этого следовало ввести карельский язык во всех учреждениях коммуны, а затем преобразовать ее в советскую республику, строя-

¹ Подробнее об этой борьбе см.: *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // *Общественно-политическая история Карелии XX века*. Петрозаводск, 1995. С. 24–50; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Porvoo; Helsinki, 1970. S. 164–173; *Kangaspuro M.* *Op. cit.* S. 70–99.

² *Каунтала П.* Указ. соч. С. 318; *Килин Ю.* Указ. соч. С. 77–87.

щую свои отношения с советской Россией на основе двустороннего договора. До его подписания Карелия должна быть провозглашена автономной республикой, обладающей большими правами, чем другие автономные республики РСФСР. «Если сейчас не привлечь карел к строительству коммуны, — резюмировал Гюллинг, — и не проводить принципиально иной политики, то идеи, проявившие себя столь мощно, вновь заявят о себе и с еще большей силой»¹.

Таким образом, Гюллинг настойчиво старался проводить в жизнь свою концепцию автономии и при этом несколько откорректировал взгляды на языковой вопрос. Противоречия в Карревкоме в значительной степени возникли из-за языковой проблемы. Гюллинг и Мяки выступали в первые месяцы существования КТК за введение финского языка в качестве национального для всех карел. Олонецкий карел Куджиев, поддерживаемый большей частью русской бюрократии Петрозаводска, выступал за русский в качестве литературного языка для всех карел, кроме беломорских, для которых в виде исключения он предлагал допустить использование карельского или финского языков². К моменту образования КТК литературного карельского языка не существовало, хотя в конце XIX — начале XX в. появляется достаточно много литературы, главным образом церковных текстов, на карельских диалектах. Теоретически у руководства коммуны было три перспективы: брать за основу литературный финский, литературный русский или разрабатывать литературный карельский язык. Однако при отсутствии единого карельского языка и наличии нескольких сильно отличающихся друг от друга диалектов создание литературного карельского языка могло быть лишь весьма долгосрочной перспективой. Тем не менее после восстания в Беломорской Карелии Гюллинг уже говорит о введении в делопроизводство республики карельского языка, точнее, финны предлагали двуязычие («карело-финский» и русский языки) в администрации и образовании, что, по их мнению, должно было сблизить местное население с советской властью³.

Московское руководство в конечном итоге поддержало линию Гюллинга. В 1922 г. в Карелию начинают поступать первые существенные финансовые вливания и в широком объеме возобновляются

¹ Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 46–47.

² Кауппала П. Указ. соч. С. 322–323; Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 294–298.

³ О равноправии карело-финского и русского языков на территории республики говорилось в пункте 6 постановления ВЦИК и СНК СССР «Об Автономной Карельской Советской Социалистической республике» (Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 59–61).

лесозаготовительные работы, которые помогли быстро справиться с массовым голодом и безработицей. Летом 1922 г. Олонецкая губерния была ликвидирована со всеми своими институтами, главные оппоненты красных финнов Василий Куджиев и Петр Анохин были переведены на другую работу. В Карелии были сформированы единые органы власти и партийная организация, которую возглавил Иоганн Ярвисало. Окончательное утверждение политическая линия Гюллинга получила на второй областной партийной конференции осенью 1922 г. Информировав Сталина о ее итогах, секретарь Северозападного бюро ЦК РКП(б) Б. Позерн отмечал, что она помогла установить надуманность фактов финнизации и «злостную агитацию... небольшой кучки обрусевших карел», хватавшихся за прежние разногласия и разочарованных утратой власти¹. Закономерным результатом изменений, происшедших в 1922 г., стало преобразование в июле 1923 г. КТК в Автономную Карельскую ССР.

Сохранение Восточной Карелии в составе советской России и создание карельской автономии, таким образом, в значительной степени являлись результатом деятельности Гюллинга и его сторонников, активных деятелей созданной в 1918 г. в Москве Коммунистической партии Финляндии. Недаром секретарь Коминтерна красный финн О. В. Куусинен назвал создание АКССР «важным итогом нашей общей работы»². Советской Карелии в качестве «образцового общества на границе с Финляндией» было предназначено «подготовлять в идейном отношении почву для Финляндской революции»³.

Вклад финнов в развитие экономики Карелии

В начале 1920-х гг. экономика автономной Карелии находилась в катастрофическом состоянии. И без того отсталое хозяйство было подорвано гражданской войной, деревни опустели – после восстания 1921–1922 гг. свыше 1/3 населения Беломорской Карелии эмигрировало в Финляндию, край остался практически безлошадным, голод повсеместно стал реальной действительностью⁴. Руководству КТК предстояло поднимать республику из руин, и в этих условиях опыт Гюллинга, доцента статистики Хельсинкского университета, профессионального экономиста, специалиста по крестьянскому вопросу, трудно переоценить.

¹ Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 49.

² Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. С. 59.

³ Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrola. С. 258.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 1, д. 80, л.79.

Еще в 1920 г. были разработаны долгосрочные экономические планы развития промышленности, энергетики, транспорта и подготовлено их финансовое обоснование¹. В апреле 1921 и 1922 гг. по настоянию Гюллинга СНК РСФСР принимает постановления о срочных работах по развитию народного хозяйства Карелии, в которых были определены первоочередные задачи подъема экономики КТК. Краеугольным камнем всей концепции было предоставление республике особых бюджетных прав, которых не имели другие автономии. Карелия получила право самостоятельно формировать свой бюджет, освобождалась от уплаты общероссийских налогов вплоть до 1924 г. и получала от государства значительные долгосрочные ссуды, в частности для строительства бумажной фабрики и электростанции в Кондопоге, развития горной промышленности, закупки продовольствия для населения. Кроме того, республиканские власти получили исключительные права распоряжаться 25 % доходов от экспорта карельского сырья для закупки за границей необходимых товаров и оборудования². Следствием этих решений было быстрое экономическое развитие края, начавшееся уже в 1922 г.

В основе экономического подъема Карелии были лесозаготовительные работы, масштаб которых к концу 1920-х гг. вырос по сравнению с 1914 г. почти в 4 раза³. Осенью 1922 г. был создан трест карельского подчинения Кареллес, продукция которого шла в основном на нужды автономии и Мурманской железной дороги⁴. Лесозаготовки не только пополняли государственную казну, но и обеспечивали работой и дополнительным заработком крестьян, которые не в состоянии были прокормиться только сельским хозяйством. К концу НЭПа крестьянские лесные владения увеличились примерно в полтора раза⁵.

Помимо увеличения лесозаготовок, удалось добиться и реального подъема обрабатывающей промышленности благодаря строительству бумажного комбината и затем целлюлозного завода в Кондопоге. Источником энергии для них стала электростанция, начавшая работу в 1929 г.

В период с 1923/24 до 1928/29 гг. доля промышленности в валовом продукте Карелии выросла с 7 до 62 %. Одновременно происходило и

¹ Афанасьева А. И. Начало // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 9–10.

² Красная Карелия: Сборник материалов официального характера. Петрозаводск, 1925. С. 27–29, 45–46.

³ Кауттала П. Указ. соч. С. 329.

⁴ Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921–1925). Петрозаводск, 1955. С. 48.

⁵ Кауттала П. Указ. соч. С. 329.

восстановление сельского хозяйства, которое в тот же период достигло уровня 1913 г. Реальный валовой рост производства в республике в 1920-е гг. в среднем составлял более 10 % в год, что было выше финских показателей того же периода¹. Бюджетные доходы в расчете на душу населения выросли с 34 рублей в 1924/25 гг. до 136 рублей в 1930 г.²

Большое значение для роста экономики и стабилизации ситуации в республике имела так называемая «пограничная политика» Э. Гюллинга. Одним из важнейших факторов развития экономики края он считал обеспечение условий для того, чтобы карельский крестьянин смог «перейти со стадии первобытного крестьянского хозяйства на более рациональные формы товарного производства»³. Суть «пограничной политики» заключалась в предоставлении целого ряда льгот национальным пограничным районам Карелии с целью «подтягивания» их до уровня экономического и культурного развития центральных русских районов автономии. В пограничной полосе снабжение населения отдельными дефицитными товарами производилось по более высоким нормам, чем в остальных районах республики: по чаю примерно на 20–25 %, коже – 30–40 %, мануфактуре – 100 %. Поставки хлеба превышали общереспубликанские нормы на 50 %. Для предотвращения контрабанды из Финляндии завозились товары, спрос на которые был особо велик: сапоги мягкой кожи особой выделки для лесозаготовок, особый род серого сукна финского производства, фланель, кофе и т. д.⁴ В целом план экономического развития пограничной полосы предусматривал целый ряд серьезных мероприятий:

- 1) максимальное увеличение объема лесных разработок;
- 2) сооружение вблизи финляндской границы крупных предприятий бумажной промышленности;
- 3) усиление геологоразведочных работ;
- 4) организация железорудных разработок и чугуноплавильного дела;
- 5) сооружение железнодорожных путей;
- 6) усиленная сельскохозяйственная электрификация и рост предприятий мелкой промышленности;
- 7) организация кустарных промыслов⁵.

¹ Кауппала П. Указ. соч. С. 327–329.

² Гюллинг Э. Героическое десятилетие // Карело-Мурманский край. 1930. № 7–8. С. 4.

³ Гюллинг Э. Бюджетные права Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 7–8. С. 10.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 23.

⁵ Там же, л. 2.

К началу 1930-х гг. в сфере действия «пограничной политики» находились все населенные карелами административные районы в полосе от Мурманской железной дороги до советско-финляндской границы с населением около 100 тыс. чел.¹

В целом суть концепции экономического развития Карелии, которую предлагали красные финны, заключалась в быстром и пропорциональном развитии всех отраслей хозяйства края на основе рационального использования ее богатых природных ресурсов, прежде всего лесных — их эксплуатация составляла фундамент всей экономики республики. При этом Гюллинг считал, что планы хозяйственного развития должны «рассматриваться детально и обсуждаться на местах»². На первом этапе средства для осуществления намеченных планов предполагалось получать из центра в виде ссуд, впоследствии следовало перейти на самофинансирование, используя значительные экспортные ресурсы республики. В качестве модели развития Карелии был избран пример соседней Финляндии, достигшей значительных успехов также на основе использования лесных ресурсов³. Заимствование финляндского опыта прослеживается во многих направлениях экономического развития, в частности в планах железнодорожного строительства в пограничных районах⁴, однако публично об этом не говорили⁵.

К сожалению, далеко не всем планам Гюллинга суждено было сбыться. Особые бюджетные права, предоставленные автономии, носили более ограниченный характер, чем планировали ее руководители. Переход на самофинансирование полностью осуществлен не был, центральные наркоматы имели право контролировать деятельность хозяйственных органов республики⁶. В подчинении центральных властей осталась Мурманская железная дорога, которой вскоре была передана значительная часть территории Карелии для экономического освоения и колонизации.

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 1.

² Гюллинг Э. Плановые задачи Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1925. № 1—3. С. 1.

³ *Autio S.* Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928—1941. Helsinki, 2002. S. 318—319.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 9.

⁵ Как заявил в январе 1926 г. на закрытом заседании пленума обкома партии Иоганн Ярвисало, «говорить об этом где-либо, в особенности говорить о равнении нашего хозяйства и т. д., с политической точки зрения нельзя, так как это будет им на руку, в особенности в Финляндии» (*Левкоев А. А.* «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940). Сыктывкар, 1996. С. 26).

⁶ Подробнее см.: *Baron N.* Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920—1939. London; New York, 2007. P. 63—74.

В июне 1927 г. президиум Совета Национальностей ВЦИК СССР заслушал доклад Гюллинга об итогах развития республики за весь период автономии. Председательствующий на заседании А. Енукидзе должен был констатировать, что экономическая политика, проводимая в Карелии, «вполне себя оправдала и дала великолепные результаты». КАССР уверенно занимала первое место среди всех автономных республик РСФСР. Главную причину достижений республики Гюллинг видел именно в экономической самостоятельности, предоставленной ей правительством, хотя срок действия особых бюджетных прав Карелии не был четко установлен (первоначально он был ограничен 1924 г., а затем по ходатайствам республиканских властей ежегодно продлевался). В своем заключительном слове он говорил, что экономическая система, определенная этими правами, в Карелии только сложилась и только начинает действовать в полную силу — все ее преимущества окончательно проявятся в предстоящем пятилетии. Тогда по докладу Гюллинга было принято решение о продлении экономической самостоятельности Карелии, однако 1927 г. оказался высшей точкой ее развития¹.

Курс, взятый руководством страны на форсированную индустриализацию и плановое развитие хозяйства, предполагал усиление в экономике роли государства, что несло в себе серьезную угрозу национальному самоопределению советских республик и автономий в экономическом отношении. Подавляющее большинство наркоматов становится всесоюзными, и хозяйственное развитие окраин даже на уровне республик начинает определяться центром. Принятие первого пятилетнего плана и подчинение Карельской парторганизации Ленинградскому областному комитету ВКП(б) в 1928 г. означали фактический конец экономической автономии и постепенное исчезновение ее «типично финских характеристик»². Формально особые бюджетные права сохранялись за Карелией до конца 1930 г., однако на деле они были сильно ограничены включением республики во всесоюзные планы уже в рамках первой пятилетки. Карелия становится поставщиком сырья для советской промышленности. Объемы лесозаготовок в 1929–1930 гг. возросли в 8 раз по сравнению с 1922–1923 хозяйственным годом³, при этом с конца 1925 г. по предписанию Москвы трест Кареллес — важнейший источник доходов республики —

¹ *Афанасьева А. И.* Первая среди равных. 20-е годы: республиканский хозрасчет в Карелии // Ленинская правда. 1990. 10 января.

² *Autio S.* Op. cit. S. 318.

³ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт доклада. Петрозаводск, 1992. С. 16.

начал экспорт леса по убыточным ценам¹. В сентябре 1930 г. Кареллес был присоединен к общесоюзному тресту Союзлеспром², и республика окончательно теряет экономическую автономию.

Начавшаяся в стране коллективизация положила конец «пограничной политике» Гюллинга — раскулачивание в пограничных районах «ввиду их близости с Финляндией» проводилась независимо от процента коллективизации. Впервые о «кулацкой опасности» в республике заговорили в 1928 г. Карельская специфика коллективизации и раскулачивания заключалась в том, что земледелие здесь носило натурально-потребительский характер и играло подсобную роль в народном хозяйстве. Колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки. Большинство трудоспособных мужчин и рабочего скота были заняты в лесу и на сплаве, а в сельском хозяйстве главной рабочей силой стала женщина³. Вынужденные выполнять установки центра, карельские власти на первых порах все же сумели несколько смягчить методы проведения коллективизации. В 1930 г. уровень коллективизации в республике был 15 %, т. е. в 4 раза ниже, чем средний по СССР, и одним из самых низких среди национальных районов⁴. Лишь после нажима центра и усиления репрессий Карелия стала «догонять» другие регионы.

В целом период с 1930 по 1935 г. ознаменовался затяжной и в конечном итоге безуспешной борьбой карельского руководства за сохранение хотя бы части из достижений экономической автономии. Общесоюзные наркоматы не были заинтересованы в экономическом развитии периферийной республики, требовавшем повышенных капитальных затрат. Если план первой пятилетки был выполнен хотя бы в отношении объемов заготовки леса, то вторая пятилетка потерпела крах почти во всех отношениях⁵, в чем правительство Гюллинга было обвинено уже в самом начале пятилетки, в мае 1933 г. В 1934–1935 гг. республиканским властям удалось несколько улучшить кризисную социально-экономическую ситуацию в Карелии, явившуюся следствием «социалистического штурма» в стране⁶. Однако использование в экономическом планировании опыта соседней страны и

¹ *Кангаспуо М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 129.

² Сборник важнейших постановлений за 1929 — январь 1931 гг. по Карельской АССР. Петрозаводск, 1931. С. 55.

³ *Никитина О. А.* Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск, 1997. С. 116.

⁴ Там же. С. 117

⁵ См.: *Килин Ю.* Указ. соч. С. 132–139; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 508–513; *Baron N.* Op. cit. P. 156–163.

⁶ НА РК, ф. Р-689, оп. 5, д. 26/183, л. 70.

недостаточные темпы коллективизации позволили центру обвинить республиканские власти в ориентации на Финляндию и «подсовывании» в качестве оздоровления и восстановления сельского хозяйства Карелии совершенно недопустимых «финских крупнокапиталистических кулацких принципов»¹. В дальнейшем обвинения красных финнов в «неспособности обеспечить хозяйственное развитие КАССР» стали одним из поводов для отстранения их от руководства республикой.

Миграционная политика красных финнов

После потери права экономического самоопределения единственным обоснованием существования автономии оставались ее национальные и культурные особенности. Однако и они оказались под угрозой в результате обусловленной индустриализацией широкой миграции населения.

Перемены, происходившие в стране, еще острее обозначили давнюю проблему республики – острую нужду в квалифицированной рабочей силе. В слабо населенной сельской Карелии формирование рабочих кадров шло в значительной мере за счет широкомасштабной вербовки – в республику активно привлекались промышленные кадры из соседних областей РСФСР и из-за рубежа. Производственные задания по лесозаготовкам постоянно увеличивались, ввоз же сезонных рабочих – а это ежегодно были десятки тысяч человек – оказался мероприятием дорогостоящим и малоэффективным. Карельское правительством неоднократно обращалось к руководству страны с просьбой разрешить ему коренным образом пересмотреть кадровую политику. В одном из таких обращений в Совнарком РСФСР, например, говорилось: «Быстрые темпы социалистического строительства и реконструкция народного хозяйства Карелии, ее переустройство в район промышленного значения требуют такого количества рабочей силы, что удовлетворить эту потребность за счет имеющегося населения является абсолютно невозможным. Положение усугубляется крайней дефицитностью квалифицированной рабочей силы и отсутствием в Карелии не только собственных национальных пролетарских кадров, но даже и основного ядра, вокруг которого можно было бы их организовать»².

При этом, чтобы ослабить опасность дальнейшей «денационализации» Карелии, красные финны в предлагаемой миграционной поли-

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 1, л. 3–4.

² Там же, ф. Р-690, оп. 1, д. 15/163, л. 46–47.

тике делали ставку на родственные финнам народы России и финнов из-за рубежа. В частности, выход из положения виделся республиканским властям в расширении переселенческих мероприятий и в увеличении притока рабочих-финнов из Северной Америки. В 1930 г. в США и Канаде насчитывалось около 173 тыс. финляндских иммигрантов¹. Лучшие из этих людей, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики.

Поначалу предложения Карелии категорически отвергались верховными властями. ОГПУ СССР, Наркомат иностранных дел и Совнарком РСФСР мотивировали свои отказы тем, что «использование иностранных рабочих в советских условиях неэффективно»². Решения XVI съезда ВКП(б), вошедшего в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», коренным образом изменили ситуацию. Постановление съезда о «расширении практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашении иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР»³ стало правовой основой для широкомасштабной вербовки в Карелию североамериканских финнов.

Осенью 1930 г. в Карелию прибыла первая небольшая группа лесорубов из Канады. Тогда же был, наконец, согласован с московским руководством вопрос о массовом переселении квалифицированных рабочих-финнов из Северной Америки. Отметим, что вопрос решался на самом высоком уровне, Гюллинг лично обговаривал его со Сталиным и Молотовым⁴. Так же как и в определении судьбы карельской автономии, решающим фактором в возможности проведения переселенческой политики стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной и экономической политикой советского правительства.

В течение 1931–1932 гг. последовал целый ряд постановлений СНК СССР, РСФСР и Карелии, определявших количество привлекаемых на лесоразработки иностранных рабочих⁵, и массовое переселение финнов из Северной Америки в Карелию началось. Всего, как

¹ Андриайнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 184.

² НА РК, ф. Р-690, оп. 1, д. 17/181, л. 14–15, 17–18.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 2. С. 589.

⁴ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926–1941. Петрозаводск, 1984. С. 8.

⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 5. д. 276, л. 50–53.

уже отмечалось, в 1930–1935 гг. в республику переехало примерно 6,5 тыс. североамериканских финнов. Свыше трети из них составляли не занятые на производстве женщины и дети.

Помимо вербовки иностранных рабочих-финнов, ставка делалась на тверских карел, вепсов и ингерманландцев. Так, в постановлении Карельского СНК о контрольных цифрах по промпереселению на 1932 г. говорилось следующее: «Определить как минимум завоз постоянных кадров в порядке промпереселения в количестве 12.600 человек, в том числе за счет иностранной рабочей силы (Америка, Канада, Швеция) 5.000 чел.; из областей СССР в количестве 7.600 чел., из них тверских карел и ингерманландцев до 6.000 чел.»¹ Однако многие крупные предприятия и тресты, переданные в ведение общесоюзных органов, проводили самостоятельную вербовочную политику, совершенно не считаясь с постановлением Совнаркома о том, чтобы не менее 75 % завербованных из-за предела республики были национальными кадрами. Как следствие, в 1932 г. в Карелию на постоянное местожительство переселилось 64 813 чел., среди них было 38 вепсов (0,06 %), 1218 карел (1,9 %) и 7649 финнов (11,8 %, ингерманландцев среди них было 164 чел.²); доля русских в этом потоке составила 68,7 % (44 526 чел.), прочих – 17,6 % (11 382)³.

Всего же к 1933 г. «пришлого» население республики составляло 122,1 тыс. чел., из них 10 тыс. – временно пребывающие. Среди тех 112 тыс. человек, которые переселились на постоянное жительство, карелы составляли лишь 2,2 %, вепсы – 0,1 %, финны – 9,1 %, русские – 74,5 %, прочие – 14,1 %⁴.

Несмотря на свою малочисленность, финны многое сделали для экономики Карелии даже в неблагоприятный период первых пятилеток.

Иммигранты трудились в различных отраслях промышленности. Наиболее значимым был их вклад в развитие строительной отрасли (председатель Каржилсоюза Антон Уотинен, начальник Кондопожской стройконторы Калле Экман) или таких крупных предприятий, как Петрозаводская лыжная фабрика (директор Илья Туомайнен, технический директор Виктор Снельман), Кондопожский бумагоделательный комбинат (директор Ханнес Ярвямяки) и целлюлозный завод (зам. директора Ээро Антонен).

¹ Рабочий класс Карелии... С. 10.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 783, л. 4.

³ Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935. С. 16–17, 47.

⁴ Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. С. 16–17, 47.

Вообще Кондопожский район благодаря развернутому там широкомасштабному строительству оказался одним из главных мест расселения финнов-иммигрантов. Летом 1923 г. в соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона (1921 г.) в Карелии была организована строительная организация «Кондострой» для возведения на реке Суне гидроэлектростанции и строительства бумажной фабрики. Иммигранты в строительстве Кондопоги внесли огромный вклад. Многие из них были квалифицированными рабочими, некоторые имели специальное техническое образование, что позволило им успешно трудиться на самых разных участках производства. К 1933 г. в поселке Бумфабрики (Кондопожский поселковый совет) проживало уже 744 финна (19,4 % жителей); столь высокой концентрации финского населения не было нигде в республике. Появляются к середине 1930-х гг. в районе и населенные пункты, где финны составляли больше 80, а порой и все сто процентов жителей (Кондопожский сельский совет). В д. Сюръги, например, финны образовали сельскохозяйственную артель «Mullistaja», их усилиями создавался и Сунский совхоз¹.

В становлении лесопромышленного комплекса республики велика роль американских финнов, 60 % которых трудились в системе Кареллеса. Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитых лучковой пилы и канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда — все это имело большое значение для развития отрасли². На средства североамериканских финнов для Карелии было приобретено, по неполным подсчетам, машин, оборудования и инструментария на сумму более чем 500 тыс. долларов США, или 1 миллион рублей в золотой валюте³. Вырастают новые лесные поселки — Матросы, Вилга, Интерпоселок, Лососинное, население которых на три четверти было финским. Правда, появляются тогда в Карелии и финские лесные поселки другого рода (Керсонь, Падун, Сергиево, Железное), где на лесозаготовках в совершенно иных условиях работали под надзором органов безопасности перебежчики.

Американские финны стали в Карелии пионерами колхозного строительства. В 1922 г. в Олонецком районе ими была основана

¹ Такала И. Р. Финны в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 211–214.

² Подробнее см.: Бекренев Н. Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1933; Тонкель И. Канадские лесорубы в Советской Карелии. Л., 1934; Kero R. Op. cit. S. 109–137.

³ Андриайнен А. И. Указ. соч. С. 194; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России... С. 36–37.

первая сельскохозяйственная коммуна «Säde». Затем, в начале 1930-х, появляются другие финские коллективные хозяйства: «Hiilisuo» (Совхоз № 2), Сунский и Ильинский совхозы¹.

Национальный и языковой вопросы

Несомненно, значимым оказался вклад финнов в развитие образования в республике, хотя до сих пор серьезные споры вызывает языковая политика, проводившаяся финским руководством Карелии в 1920-е и в первой половине 1930-х гг. Действительно, история карельского языкового планирования представляет собой очень пеструю картину: за короткий срок, менее чем в 20 лет, был испробован целый ряд разных вариантов для решения языковых проблем карел. Такая непоследовательность была обусловлена не только диалектной и территориальной разобщенностью карельского языка, но и во многом политическими, в том числе внешнеполитическими, причинами.

До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя, как уже отмечалось, предпринимались попытки создания алфавита и издания брошюр на карельском языке. В приграничных волостях Повенецкого уезда Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии отходнические промыслы и коробейничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка.

С начала 1920-х гг. в советской Карелии, наряду с русским, начинает активно использоваться финский язык. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и у финского руководства Карелии². Впрочем, осуществление республиканскими властями национальной политики в Карелии не слишком отличалось от генеральной линии партии. Решение языкового вопроса и придание официального государственного статуса двум языкам – русскому и финскому – шли в русле решений ЦК РКП(б), Оргбюро которого еще в марте 1922 г. предписало руководству КТК ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский³.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственно-карельском наречии.

¹ Подробнее см.: *Петров И. А.* Коммуна «Сяде». Петрозаводск, 1930; *Kero R.* Op. cit. S. 137–153.

² *Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой... С. 208.

³ НА РК, ф. Р-682, оп. 1, д. 1/5, л. 97.

Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и люди-ков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х гг. начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным окраинам Советского Союза. Согласно принципам этой политики, принятым на XII партийном съезде в 1923 г., важнейшей задачей партии стало преодоление фактического неравенства народов. Под равенством понимались не только экономическая развитость, но и управление национальных территорий коренными силами. Титульные народы каждой «национальной» территории должны были быть пропорционально представлены в аппаратах партии и государства, языком управления и преподавания должен был стать «национальный язык» и т. д. Десяткам малых народов начинают создавать свой литературный язык.

В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 20-х гг. переводилось на финский язык. В результате к 1929/30 учебному году из 448 школ первой ступени лишь 198 (44 %) «обслуживали», как писали тогда, «русскую народность»; остальные 250 школ «обслуживали карело-финскую и чудскую народности», причем на русском языке из них работало только 59, остальные 191 – на финском. В Кестеньгском, Ухтинском, Кемирецком, Ругозерском, Ребольском и Видлицком районах не работало в том году ни одной русскоязычной школы¹. В 1932 г. уже 99,6 % детей карел обучались на финском языке². Школьная политика шла в русле всей национальной политики, проводимой финским руководством республики вплоть до середины 1930-х гг.

Столь же активным было использование финского языка в работе по ликвидации неграмотности среди взрослого карельского населения. В 1929 г. на нем обучался 21 % взрослых карел, а в 1932 г. уже

¹ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931. С. 40–41.

² *Афанасьева А. И.* Народное образование в Советской Карелии в 1920–1930-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 59.

70 % от всего обучавшегося в школах ликбеза взрослого карельского населения¹.

Впрочем, непременным условием «карелизации» выступало и использование местных диалектов. В соответствии с постановлением ЦИК АКССР 1924 г. «О национальной политике в Карелии» карельские диалекты следовало употреблять в устной форме деятельности органов советской власти, в школах и судах карельских местностей республики. Без этого трудно было бы обойтись — с населением надо было разговаривать на понятном ему языке. Во второй половине 1920-х гг. более чем в 50 % первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка².

И в целом в 1920-х гг. введение финского языка не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики А. Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов»³. Объективно это могло способствовать складыванию уникальных предпосылок для консолидации карельских диалектов, устраняя рамки, ограничивавшие функции карельского языка тесным миром бытового общения. Однако при этом практически отрицался иной, противный движению к финскому языку, способ решения языкового вопроса в национальных районах республики.

В начале 1930-х гг. в прессе вспыхнула так называемая «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка, во многом провоцируемая Москвой. Дело в том, что создание в 1930 г. карельской письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в советской Карелии. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык стал тогда профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Д. В. Бубрих добивался последовательного соблюдения победоносных принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность

¹ *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

² *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 12–14.

³ *Нуортева А.* Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке, и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников¹. Противостояние усугубило постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г., обязывавшее руководство Карелии приступить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы².

И все же требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 г. Карельский обком ВКП(б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка и результатами проведенного в 1920-е гг. референдума, в котором большинство якобы выступило в поддержку финского языка³. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступило Политбюро ЦК ВКП(б), отменившее в июне 1931 г. решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР⁴. При этом из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений».

Провоцируя ускорение «коренизации» в республике, московское руководство фактически проводило в жизнь политический принцип «разделяй и властвуй». В результате в начале 1930-х гг. происходит серьезная трансформация политики «карелизации», которая привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение

¹ См.: Бубрих Д. В. Какой язык — тверским карелам. Л., 1931; Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 560, л. 83—107.

³ Вестник ЦИК АКССР. 1932. № 3. С. 10—11.

⁴ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928—1940. Петрозаводск, 1989. С. 48; Punainen Karjala. 1931. 7 joulukuun.

финского языка становится самоцелью¹. Усиление финнизации наряду с экономическими трудностями и переменами в политической жизни обостряли напряженность между властью и населением, что дало возможность Москве уже в 1933 г. начать критику и национальной политики руководства Карелии.

Тем на менее трехлетняя форсированная финнизация не смогла затушевать основных достижений в деле национально-культурного развития края. В 1920 г. грамотность среди карельского населения едва достигала 24 %², национальной интеллигенции не было вообще. Создание национальных школ, ставшее одной из первоочередных задач республиканского руководства, потребовало значительных усилий по подготовке учительских кадров. Уже в 1920 г. в Петрозаводске был открыт финский педагогический техникум, куда съезжалась молодежь со всей республики и где преподавали такие известные люди, как профессиональный педагог и блестящий лингвист Хейно Раутио (директор техникума в 1921–1930 гг.), историк Лаури Летонмяки, биолог Вяйне Такала, естествовед Лео Мякелин, филологи Ханнес Пулकिनен, Урхо Туурала и другие. Наркомы просвещения иммигранты Иивар Ласси, Юрье Сирола, ингерманландец Иван Вихко вместе со своими коллегами Вяйне Кангасом, Виктором Сало, Айно Форстен и другие сумели многое сделать для развития в Карелии системы народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 г. в республике работало свыше 500 школ (половина из них – национальные), полтора десятка техникумов, Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа.

В 1931 г. начинает свою деятельность первое академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого стал председатель СНК Эдвард Гюллинг. На первых порах в институте было всего 8 штатных сотрудников. Историко-революционную секцию возглавил Ээро Хаапалайнен, объединивший усилия немногочисленных в то время энтузиастов-исследователей для написания первых профессиональных трудов по истории Карелии и Финляндии. Этнографо-лингвистической секцией руководил по совместительству доцент пединститута Виктор Сало. Отлич-

¹ Подробнее см.: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 18–22; *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е – 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой...* С. 21–26; *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 129–138; *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 211–214.

² От всего населения. Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922 г. Вып. II, ч. I. Петрозаводск, 1923. С. 14–15.

ный лингвист, он изучил карельские диалекты и вепсский язык и стал одним из первых фольклористов и диалектологов Карелии¹.

К 1933 г. уровень грамотности карел возрос до 46 %, почти половина из них (48 %) владела финской грамотой или русской и финской одновременно². Постепенно складывались предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции и, что очень важно, предотвращалось безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Объективно политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъему национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность.

Финны и национальная культура Карелии

Пожалуй, еще более значимым был вклад финнов в культурное развитие автономной республики. Успехи в экономике позволили в конце 1920-х гг. инвестировать в культуру и образование 12 % всех бюджетных расходов края. Это было в два раза выше, чем в среднем по СССР³.

Финны-иммигранты стояли у истоков национальной карельской литературы. В 1926 г. в Петрозаводске была создана первая писательская организация – Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), лидирующую роль в которой играли финны (в русской секции организации было 9 членов, в финской – 35). Это вполне закономерно, большинство литераторов-финнов начали писать и публиковались уже в Финляндии и Америке⁴. Свыше десяти лет руководителем республиканской писательской организации (с 1934 г. – карельское отделение Союза советских писателей) был поэт Ялмари Виртанен. Члены финской секции организации – Хильда Тихля, Оскари Иоганссон, Рагнар Руско (Нюстрем), Эмиль Паррас, Лаури

¹ Подробнее см.: *Такала И. Р.* Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (К 115 годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография (От античности до современности). Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 187–193; *Takala I. Ihmiskohtalo // Karjalan Sanomat.* 1992. 21, 23 huhtikuu.

² От всего населения. Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Петрозаводск, 1934. С. 18, 40–41.

³ *Кауппала П.* Указ. соч. С. 330.

⁴ *Юликангас М.* «Равняйте ряды!». Писатели и власть в Советской Карелии в 1920–1930-х годах // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 417–418; *Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940.* Helsinki, 2004. S. 152–153.

Летонмяки, Вейкко Эрвасти и др. – сумели объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке¹. В 1920–1930-е гг. начинают свой творческий путь те, кто впоследствии составил гордость карельской литературы: Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев. К 1933 г. в республике было 43 писателя и 6 литературных критиков, 75 % из них (37 человек) были финнами или карелами².

Выпуском художественной литературы на финском языке, наряду с политической, научной, учебной, занималось издательство «Kijä», основанное иммигрантами в 1923 г. в Петрограде (Карельский филиал создан в 1927 г.). В 1934 г. в Петрозаводском отделении издательства печатались две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке³. По числу названий и общему тиражу издаваемых книг «Kijä» занимала четвертое место среди национальных издательств России.

Издательское дело и финноязычную журналистику в Карелии развивали Теему Термяля, Хейно Раутио, Лаури Летонмяки, Калле Венто, Юрье Кому, Лююли Латукка, Кости Клемола, Матти Тенхунен и многие другие. Уже с ноября 1920 г. в Петрозаводске начала выходить областная газета «Karjalan kommuni», переименованная после образования КАССР в «Punainen Karjala». Тираж газеты постоянно возрастал: в 1923 г. он составлял 1350 экз., в 1928 – 3 тыс. экз., в 1931 – 14,5 тыс. экз.⁴ В начале 1930-х гг. газеты на финском языке издаются уже в большинстве северных национальных районов.

В 1920-е гг. в Карелии появляются первые национальные творческие коллективы. В 1921 г. при народном театре драмы была образована национальная труппа, возглавил которую бывший актер и руководитель любительских театров Финляндии Виктор Линден. Дело этого коллектива продолжил любительский театр «Karjalan näyttämö» («Карельская сцена») под руководством Санни Нуортева. В начале 1930-х гг. ряды актеров пополняются любителями, эмигрировавшими из Америки (труппа Кууно Севандера), и осенью 1932 г. открыл свой первый сезон Карельский национальный драматический театр. Художественным руководителем и режиссером театра до 1937 г. был профессиональный актер, педагог, писатель, сценарист Рагнар Нюстрем

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 210, л. 4–7.

² Юликангас М. Указ. соч. С. 429; *Ylikangas M.* Op. cit. S. 157.

³ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. С. 137; Аitto Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 16–19.

⁴ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.). С. 44.

(литературный псевдоним Руско)¹. В репертуаре театра были пьесы драматургов Финляндии, а также финноязычных писателей Карелии и переводы советских авторов. Пьесы для театра писали и переводили Ялмари Виртанен, Лаури Луото, Эмели Паррас, Матти Хусу, Карло Халме, Леа Хело, Люли Гренлунд и др. Актеры часто гастролировали по республике, что способствовало развитию драматического искусства в национальных районах.

По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы – театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. В 1933 г. республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых являлись национальными². Во многих случаях, а в национальных районах повсеместно организаторами и руководителями этих коллективов были финны. Широкий резонанс, например, имел например лыжный поход актеров финского театра в северные национальные районы республики в феврале – марте 1936 г. За месяц 8 человек дали 43 выступления, на которых побывало 6 тыс. зрителей, оказали помощь 21 драматическому кружку, еще в 22 местах помогли организовать кружки художественной самодеятельности³.

Многое для пропаганды искусства делал образованный в 1931 г. в Петрозаводске Радиокomitee (Отто Вильми, Ханна Кангасниemi, Иоганн Лумивуокко). По радио звучали стихи и проза финноязычных писателей, передавались постановки национального театра. В 1933 г. был создан Симфонический оркестр Радиокomitee, возглавил который Леопольд Теплицкий. Однако вполне справедливо говорить о том, что у истоков профессиональных музыкальных коллективов, появившихся в Карелии в начале 1930-х гг., стояли американские финны. Среди североамериканских переселенцев было много людей, получивших за океаном музыкальное образование. Много было и любителей, и все привезли с собой любимые инструменты. В 1931 г. при Доме народного творчества в Петрозаводске был создан небольшой симфонический ансамбль, организатором и дирижером которого стал профессиональный музыкант Калле Раутио. Эмигрировавший в 1922 г. из США композитор, дирижер, педагог, собиратель фольклора,

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 7821–7822; ф. 2872; *Никитин П.* Становление театра: К 90-летию со дня рождения Рагнара Нюстрема // Север. 1988. № 8; *Nyström R.* Johdatus näyttämötaiteeseen. Petroskoi, 1929.

² Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 202.

³ *Туорила С.* Театр на лыжах // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 284–289.

Раутио стал одним из основателей композиторской школы Карелии¹. В его ансамбле из 15 участников было 11 американских финнов. В Симфоническом оркестре при Радиокomitee Раутио становится вторым дирижером, а в составе оркестра играют 15 американских финнов². К числу организаторов Союза композиторов республики следует отнести и композитора, альтиста Лаури Йоусинена.

В 1936 г. был организован Государственный ансамбль песни и танца «Кантеле», который сразу же завоевал признание публики. В числе солистов были кантелистки и певицы Кертту Вильянен и Милдред Лингстрём. Позже солисткой ансамбля стала Сиркка Рикка, которую прозвали по всему Советскому Союзу «карельским соловьем»³.

К 1930-м гг. относится становление профессиональной художественной культуры края. И здесь, наряду с такими известными живописцами, как Вениамин Попов, можно назвать имена талантливых иммигрантов – скульптора, работавшего с деревом, камнем, гипсом, Юрье Раутанена и живописца, художника театра Фредрика Линдхольма, много сделавшего для развития национальной сценографии⁴.

Финны во многом способствовали развитию физической культуры в республике – среди иммигрантов оказалось немало хороших спортсменов, защищавших честь Карелии на общесоюзных соревнованиях или становившихся тренерами, организаторами массового спорта. Можно вспомнить имена легкоатлетов Эрнеста Нива, Юджина Карху, Суло Никула, лыжников Джорджа Хилтунена, Аате Питкянена, пловчих Айру Хуусконен, Виолу Сандрос, Алису Вялима. Североамериканские финны научили Карелию играть в бейсбол: в 1933 г. в республике было пять мужских и две женские команды⁵.

Весьма существенным было влияние финнов-иммигрантов на повседневную жизнь, на культуру труда и быта населения Карелии.

Культурный шок, испытанный иммигрантами по прибытии в отсталую, бедную Карелию, особенно это касается американских финнов, заставлял их еще активнее пытаться в невыносимых условиях воссоздать вокруг себя хоть какое-то подобие уюта и комфорта, к ко-

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 9122; *Тимонен А., Лапчинский Г.* Композитор К. Э. Раутио. Петрозаводск, 1964.

² Фамилии многих из этих музыкантов названы в книге Мейми Севандер «Скитальцы» (*Севандер М.* Скитальцы. О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск, 2006. С. 109–112).

³ См.: *Гаврилов М.* «Кантеле» – государственный ансамбль песни и танца Карельской АССР. Петрозаводск, 1959; *Гаврилов М.* 20 лет «Кантеле» // Север. 1966. №. 3; НА РК, ф. Р-3579, оп. 1, д. 1/1, л. 1–6.

⁴ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 69, 156–159.

⁵ *Севандер М.* Скитальцы... С. 116–119.

тому они привыкли. Особенно страдали женщины, вынужденные из-за отсутствия хороших яслей и детских садов, сидеть дома. «Мы можем ходить в пять мест, — говорили женщины в лесных поселках, — в лавку, за дровами, в баню, на колодец и в уборную. Разве это может удовлетворить живого человека?»¹. Но люди не сдавались. В Кондопоге, например, в 1934 г. только на бумажной фабрике одновременно работали драмкружок и молодежная художественная агитбригада (руководитель — Сильфорс), агитбригада имени ФКП (руководитель — Гунделин), смешанный хор и оркестр (руководитель — Айрола), хореографический кружок (руководитель — Мальми) и физкультурная бригада домохозяек (руководитель — Наусси)².

Директор петрозаводской лыжной фабрики Илья Туомайнен первым в Карелии стал инициатором создания на противоположном берегу Петрозаводской губы в местечке Бараний Берег зоны отдыха для рабочих и служащих. На земельном участке, выделенном фабрике, были построены в 1934–1936 гг. клуб с библиотекой, кегельбан, танцевальная площадка, баня. Остальную часть земельной площади разбили на небольшие участки под строительство личных дач. Дирекция оказывала индивидуальным застройщикам помощь транспортом и содействие в приобретении стройматериалов, моторные лодки фабрики перевозили людей между городом и зоной отдыха³.

Это стремление к чистоте, разумной организации труда и быта, активность, удовлетворение культурных или спортивных потребностей в абсолютно непригодных для этого условиях не могли не повлиять на мировоззрение местного населения. В крестьянской Карелии, которая просто не знала ни дворянского, ни, по сути, городского быта, усилиями иммигрантов зарождается дачная культура, Петрозаводск и рабочие поселки танцуют фокстрот и чарльстон, слушают джаз. Появляется мода на хорошую мебель, одежду индивидуального пошива — среди иммигрантов было много хороших столяров, портних, парикмахеров. Конечно, вся эта индивидуальная трудовая деятельность или джазовые композиции на танцах не афишировались официально, но они постепенно входят в быт Петрозаводска и Кондопоги.

Таким образом, финский фактор оказал существенное влияние на развитие культуры Карелии конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. Это период активного взаимодействия духовных и культурных ценностей русского, карельского и финского народов, что, несомненно, способствовало духовному обогащению всех народов, населявших

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 359, л. 12.

² Там же, л. 16.

³ *Нурминен В. Г.* На лыжной фабрике // На фронте мирного труда. С. 46.

республику, ускоряло культурный подъем края¹. Начавшаяся в республике с середины 1930-х гг. борьба с «финским буржуазным национализмом» нанесла невосполнимый урон финской культуре Карелии.

Финны-иммигранты и жители Карелии: проблемы взаимовосприятия

Отношения между иммигрантами и местным населением складывались в финский период истории Карелии весьма непросто. Во все времена и у всех народов процесс приспособления иммигрантов к новой среде воспринимался обществом как постепенное в нем растворение, протекавшее быстрее или медленнее в зависимости от индивидуальных особенностей приезжих. Стратегии поведения групп и индивидов в условиях новой культурной среды могут быть различными – от быстрой и полной интеграции до сепаратизма и маргинализации, как различным может быть восприятие принимающим населением мигрантов. Представляется, что применительно к первой половине 1930-х гг. говорить о готовности населения республики и иммигрантов полностью принять и понять культуры друг друга, пожалуй, не приходится. Проблема взаимного приспособления оказалась одной из наиболее острых для обеих сторон, и в обоих случаях были избраны на первых порах стратегии сепаратизма².

Как мы уже отмечали в предыдущих исследованиях³, в Карелии 1920–1930-х гг. местным трудящимся населением финские иммигранты воспринимались скорее не как единая этническая группа, а как несколько разнородных волн пришельцев-чужаков, представлявших, как казалось людям, угрозу их жизни и благополучию.

В первые послереволюционные годы население, прежде всего пограничных районов, непосредственно задействованное в событиях гражданской войны и сильно пострадавшее от военных действий и походов в Карелию финляндских добровольческих отрядов, могло вполне сочувственно относиться к сообщениям большевистских газет

¹ Подобные выводы звучали и в последних работах А. И. Афанасьевой. См.: *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.). С. 45–47.

² *Takala I.* North American Finns as Viewed by the Population of Soviet Karelia in the 1930s // North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s. Petrozavodsk, 2008. P. 199–201, 209.

³ *Такала И. Р.* Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 271–280; *Takala I.* Finnish immigrants in the Soviet Karelia in 1920s and 1930s – the study of ethnic identities // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future. Luleå, 2007. P. 57–69.

о «финской опасности» и испытывать вражду по отношению к «белофинским бандитам». Если, конечно, газетные лозунги становились известными крестьянам – большинство жителей Карелии газет тогда вовсе не читало. Однако чем ближе к границе, тем сложнее было убедить население в том, что их главным врагом являются соседи-финны. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди скорее были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу. На этом фоне антисоветская пропаганда, шедшая со стороны Финляндии, во многом оказалась в те годы сильнее и эффективнее, чем агитация большевиков. Доказательство тому – тысячи карельских беженцев, которые опасность для себя увидели не в белофинских отрядах, а в пришедших к власти большевиках и искали спасения в белой Финляндии.

Новая власть поставила задачу «отвлечь внимание карела от Финляндии»¹, и сразу после окончания военных действий, летом 1922 г., в документах органов безопасности появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. Во многих местах эту «контрфинагитацию» вели партийные и советские работники, сами по национальности финны. Правительство Э. Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы красных финнов, полагая, что им легче будет найти общий язык с населением, плохо говорившим по-русски. Однако большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом и безработицей им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только из Финляндии².

В результате в глазах местных жителей красные финны стали олицетворением новой власти и виновниками всех бед, обрушившихся на карел. В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и

¹ Карельская коммуна. 1922. 10 января.

² Закупки продуктов питания для пограничных районов Карелии производились в Финляндии вплоть до середины 1930-х гг.: при отсутствии надежных транспортных коммуникаций это был единственный способ организовать регулярное снабжение хлебом столь отдаленные местности. Согласно решениям Совнаркома СССР товары для нужд пограничного населения ввозились через границу беспощинно (СЗ СССР. 1924. № 14. Ст. 145; СЗ СССР. 1925. № 66. Ст. 494).

политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниям типа: «У нас сидят пришельцы – финны, от них все беды», «Почему все финны занимают должности, а карелы нет», «Финны живут как в раю – все начальники и господа. Погибла Карелия»¹.

Резкое национальное противостояние между финским руководством районов и местным населением вызывала и политика «карелизации». Карельское население во многих местах пыталось сопротивляться введению в школах финского языка. Осенью 1925 г. в целом ряде мест Паданского и Ухтинского уездов, около 95 % населения которых составляли карелы, были зафиксированы весьма резкие антифинские высказывания. В селе Кимасозеро к концу сентября из 50 учащихся в школе осталось не более 10–12, а родители открыто заявляли: «школу с преподаванием финского языка можете закрыть». В Поросозере крестьяне на собрании жителей говорили: «Мы экономически связаны с Россией и если наши дети научатся только финскому языку, то не смогут иметь связь с Россией...». Детей в школу не пускали, мотивируя это тем, что «все равно ничему не научатся»².

К концу 1920-х гг. страсти вокруг финнизации школ несколько поутихли³, но недовольство по поводу карелизации советского и хозяйственного аппарата не угасало. Людей не устраивали порядки на местах («Почему все финны занимают должности в дистанции Карел-леса, а карел не допускают?»), и обобщения иногда выглядели очень опасно с точки зрения властей. Некоторые возвращавшиеся домой карбеженцы, например, говорили о том, что в Финляндии к ним относились очень хорошо, в то время как здесь «всем руководят финны, жизни от них нет», и призывали: «Прочь красных подлецов из Карелии»⁴. Подобного рода недовольство высказывалось и рабочими на предприятиях, которыми руководили финны: отмечалась дискриминация русских по сравнению с карелами и финнами в оплате труда, а также замкнутость финнов, их желание отдалиться, «держаться своей национальной группы». На Кондопожской бумфабрике рабочие говорили: «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный русские и карелы, это надо изжить пока не поздно»⁵.

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 39, 41; ф. П-35, оп. 1, д. 39, 99–102; ф. Р-689, оп. 1, д. 28/325, л. 47.

² Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 15/145, л. 79, 118; ф. П-11, оп. 5, д. 29, л. 12.

³ Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 39.

⁴ Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 5/52, л. 78.

⁵ Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 11; д. 15/145, л. 87, 91–92; ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 16, 62.

Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, евреи. Так, жители карельских волостей Кемского уезда говорили: «В Карелии одна революция была, но придется сделать вторую, т. к. к нам нагнали много русских совработников», а рабочие Медвежьегорского лесозавода заявляли о «еврейском засилии», поскольку «руководящие должности заполнены преимущественно евреями»¹. Насаждаемый властями образ белофинна-завоевателя причудливым образом экстраполировался населением на местных руководителей. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, страдавший, как писали газеты того времени, «под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом, и именно они порой воспринимались жителями Карелии как «господа», мечтающие лишить карел их родины, а то и просто как «пятая колонна»². Этот образ «чужого» этнически был окрашен очень слабо, зато часто сливался с представлениями о буржуазной жизни — привилегии, которыми пользовались номенклатурная верхушка из политэмигрантов и североамериканские переселенцы, способствовали этому.

С началом массового переселения североамериканских финнов в Карелию республиканская пресса активно включилась в формирование положительного образа иммигрантов у населения. Республиканские и районные газеты печатали восторженные отзывы самих иммигрантов о стране Советов и рассказывали о трудовых подвигах приезжих. Газеты пестрели заголовками «Заимствовать опыт американцев», «Канадские рабочие в Карельских лесах», «Канадские лесорубы приветствуют обращение Обкома», «Ни один из нас не вернется обратно в Америку!», «Не рабы, а хозяева», «Мы приехали помочь»³. Однако в обществе сразу начинает формироваться совсем иной образ иммигрантов — слишком уж велики были различия в культурных приоритетах и ценностных ориентациях уже во многом урбанизированных североамериканцев и жителей бедной крестьянской Карелии. Американские финны воспринимались полуголодным местным населением так же не как этническая группа, а как «иностранцы», «нахлебники» и «буржуи», отнимающие у них права и работу.

¹ НА РК, ф. П-12, оп. 1, д. 365, л. 65; ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 26, 68.

² Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 16, 39, 41, 62; ф. П-35, оп. 1, д. 39, 99–102; ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 11; д. 15/145, л. 87, 91–92; д. 28/325, л. 47; д. 5/52, л. 78.

³ Красная Карелия. 1931. № 41, № 123, № 291; 1932. № 8, № 54, № 73.

Покидая Америку, иммигранты надеялись помимо всего прочего и на то, что они едут в страну, где царит равенство, нет кризисов и безработицы, все живут одной большой дружной семьей, вместе работают и отдыхают¹. В действительности они оказались в стратифицированном обществе, основанном на политическом и экономическом неравенстве различных социальных слоев. Однако теперь именно они оказались на одной из высших ступеней этого общества. Иммигранты были освобождены от обложения единым сельскохозяйственным налогом на десять лет и подоходным налогом на три года, имели право первоочередного получения жилья и поступления в учебные заведения, дополнительное снабжение и т. д.²

Сами американские финны прекрасно понимали особенность своего положения: «Мы были не какими-нибудь перебежчиками, а легальными иммигрантами, приехавшими по приглашению, работавшими по контракту. Мы имели особые права и особые привилегии»³. Иммигранты считали эти привилегии само собой разумеющимися: «Мы находились на особом положении, у нас была своя продовольственная норма <...>. Если бы не это, ни один из нас не смог бы прожить здесь в Карелии и недели»⁴. И им было совсем не понятно, как могло выжить местное население на столь нищенскую заработную плату, не получая никакого дополнительного снабжения: «В магазинах Инснаба покупали продукты только американские финны <...>. К тому же у нас были свои, особые нормы снабжения. Но как выжили русские люди, не имеющие таких надбавок, я не могу понять до сих пор»⁵.

Естественно, что льготы, которые имели иностранные переселенцы, были предметом зависти и поводом для ненависти со стороны местного населения. Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится»⁶.

На многих предприятиях заработная плата американских финнов была значительно выше, чем у местных рабочих, и не всегда это было обусловлено более высокой квалификацией приезжих. Так, например, средняя зарплата иностранного рабочего на Онежском заводе составляла 180 рублей, в то время как местного — лишь 100 рублей⁷.

¹ См., например: *Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä*. Helsinki, 2000. S. 41–45.

² НА РК, ф. Р-685, оп. 1, д. 2/16, л. 3.

³ *Ranta K.* Op. cit. S. 36.

⁴ *Tuomi K. Isänmattoman tarina*. Amerikansuomalaisen vakoojan muistelmat. Porvoo, 1984. S. 43.

⁵ Интервью с Э. Раутио. 25 мая 2002 г.

⁶ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123.

⁷ Там же, ф. Р-685, оп. 1, д. 13/150, л. 73.

Рабочих возмущало то, что приезжим сразу устанавливали высокие оклады и что их ставили на выгодные работы в ущерб местным: «Мы работаем по пять лет, получаем по 204 рубля в месяц, а тут берут финнов, которые раньше не работали, и тоже с окладом в 204 рубля. <...> Где же справедливость?», «У нас в мастерской не любят русских, на все хорошие работы ставят американцев, а нас почти всех перевели работать поденно, зато мы так и работаем – в столовую, курилку, да в уборную»¹.

Сложные, нередко конфликтные взаимоотношения между иммигрантами и местным населением были обусловлены не только конкуренцией за ограниченные экономические ресурсы. Большое значение имела этнокультурная дистанция (различие в системе социальных ориентиров, ценностей и представлений о желательном порядке вещей), которая разделяла людей.

Приезжие очень многого не понимали и не принимали в окружающей их действительности. Если говорить о производстве, то наиболее острой была реакция иностранцев на несправедливость и обман при расчетах, на дезорганизованность работ, простои и постоянную штурмовщину, а также на бюрократизм и инертность руководства разного уровня. В отличие от русских рабочих, которые многое принимали как должное, иностранцы требовали от администрации нормальной организации труда, ликвидации простоев, высокой зарплаты, правильных расчетов, регулярного отпуска, хороших жилищных условий и т. д. В конфликтных ситуациях они нередко использовали те же методы, что и на капиталистических предприятиях: прекращение работы, забастовки, ультиматумы². Подобные действия вызывали недоумение и раздражение со стороны местных рабочих, а властями расценивались как полное непонимание иностранцами «практических вопросов нашего строительства, трудностей переходного периода и особенно тактики партии»³.

Разжиганию розни между населением и иностранными рабочими способствовала и неграмотная политика местных властей. Решения партийных и государственных органов о необходимости обеспечить достойные условия жизни и работы промпереселенцам на местах порой претворялись в жизнь самым абсурдным образом. Это выражалось и в необоснованно завышенных расценках заработной платы для

¹ НА РК, ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 32; оп. 2, д. 9, л. 35.

² Это было характерно для всех иностранных рабочих, трудившихся в СССР. См.: Журавлев С. Производственные конфликты с участием иностранных рабочих на советских предприятиях 1930-х гг. Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB3/zhuravlv.htm>.

³ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 10.

иммигрантов, и в обеспечении жильем, в распределении продуктовых пайков и т. д. Документы начала 1930-х гг. пестрят свидетельствами того, что многие вспыхивавшие тогда конфликты между населением и иммигрантами были спровоцированы даже не столько действиями, сколько высказываниями местных чиновников, такими, например, как: «Продукты не для вас, а для американцев, а вы и так обойдетесь»¹ или «Вам нужно жилье? Я это знаю. У меня хотя и есть нормальное жилье, но вам я его не дам. Мы ждем квалифицированных иностранных рабочих, жилье бережем для них. А вы, что? Так, чернорабочие. Не можем же мы чернорабочим тоже давать жилье»².

Подливали масла в огонь и сами финны. Политэмигранты на местах, занимая те или иные номенклатурные должности, порой начинали вести себя как мелкие удельные князья (что было характерно, собственно, для всей советской системы управления), а многие североамериканские переселенцы весьма цинично и презрительно относились к местному населению, считая русских отсталыми, не способными к порядку и прогрессу людьми³. Находясь на ответственных должностях, они прежде всего старались помочь своим землякам, и делалось это порой в ущерб местным рабочим⁴. Было и немало случаев прямого сокрытия неприглядных поступков соотечественников. В документах встречаются жалобы рабочих, например, такого рода: «Иностранцы постоянно пьянствуют, прогуливают по 3 дня, администрация все знает, но мер никаких не принимает, тогда как нас, русских, за один день прогула выгоняют с завода, отбирают карточки и выселяют с квартир»⁵.

Очень непросто складывались отношения с местным населением и в быту, где еще ярче выявлялись этнокультурные различия. В Америке и в Финляндии те условия жизни, в которых оказались иммигранты, являлись нищенскими, убогими, в Карелии же они считались «богачами», «буржуями». Вещи, которые привозили иммигранты, были в диковинку местному населению, многого никогда прежде не видевшему. Одежда приезжих также сильно отличалась от того, в чем ходили местные жители. Стремление финнов даже в чудовищных условиях барачной жизни создать хоть какое-то подобие уюта и чистоты воспринималось соседями как мешанство и мелкобуржуазность.

¹ НА РК, ф. Р-685, оп. 2, д. 12/147, л. 25.

² *Аленкин Г.* Не хочу стать дезертиром // Красная Карелия. 1932. 17 сентября.

³ *Kotulainen E.* A Grave in Karelia. New-York, 1995. P. 24, 64; *Такала И. Р.* Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.). С. 276.

⁴ НА РК, ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 22.

⁵ Там же, ф. П-1230, оп. 7, д. 6, л. 76.

Особенно остро эти различия ощущали женщины. Советские женщины, трудившиеся до изнеможения наряду с мужчинами, не понимали, как можно сидеть дома с детьми, и называли финок «ту-неядками», «лентяйками», привыкшими в своей буржуазной стране жить «за чужой счет». Те в свою очередь презирали соседок за вечно грязные полы, неухоженных детей, запущенный двор¹. Власти фиксировали и эти конфликты: «Жены иноробочих, оторванные от производства, не знающие языка, ведут изолированный образ жизни и зачастую поддаются нездоровым настроениям на почве бытовых неполадок»².

Активность финнов – создание драматических кружков, хоровых студий, спортивных секций, организация собственного оркестра, различные мероприятия – вызвала открытое непонимание местного населения. Соседи просто не могли поверить, как в такое сложное время, не имея нормальных средств к существованию, можно заниматься какой-то добровольной деятельностью. Зачастую рождались подозрения, что американцы помимо инснабовского снабжения получают от финского руководства еще дополнительные средства, иначе, почему они могут петь, играть, заниматься спортом в то время, когда все голодают.

Важной причиной, затруднявшей процессы интеграции и провоцировавшей конфликты, был языковой барьер. Нежелание учить русский язык, что было свойственно многим иммигрантам, особенно женщинам, обуславливалось не только широким распространением в республике в первой половине 1930-х гг. финского языка. Это свидетельствовало и о том, что Карелия не стала для первого поколения иммигрантов родиной, и они продолжали ощущать себя здесь временными постояльцами. Полное неприятие окружающей действительности выливалось в крайне негативное отношение к русскому языку и нежелание знакомиться с местной культурой. «Как только мама видела русский алфавит, – вспоминала Мейми Севандер, – у нее тут же начиналось головокружение»³. Во многих случаях единственным связующим звеном с окружающим русскоязычным миром становились дети, которые гораздо быстрее и легче адаптировались в новых условиях.

Понятно, что большинство производственных и бытовых конфликтов были вызваны сложными причинно-следственными связями. За малозначительным, на первый взгляд, поводом (таким, например, как

¹ Интервью с Э. Леметти. 28 февраля 2002 г.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 20.

³ *Sevander M. They took my father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1991. P. 49.*

проигрыш русскими финнам в шахматы¹) нередко прослеживается целый ряд существенных скрытых причин. Чаще всего при изучении конкретного конфликта выявляется постепенное накопление и наложение разнородных факторов, приводящих к срыву, — от конкретных недостатков на производстве и бытовых неурядиц до специфики восприятия иностранцами всех аспектов советской действительности и серьезных культурно-ментальных различий. Для населения Карелии все в приезжих было чужое — и манера работать, и инструменты, и образ жизни, и одежда, и поведение в быту, и реакция на окружающую действительность. Поэтому на все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ зачастую был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуйам нечего здесь делать!»².

Зато на бесправных перебежчиках население и администрация мест, где их заставляли работать, отыгрывались сполна. Здесь «господами» были местные жители, а финны низводились до положения рабов. При этом, как и американцам, на любую жалобу им отвечали: «Вы приехали есть наш хлеб, хотя у нас самих мало. Надо было оставаться в Финляндии, раз дома лучше»³.

В создавшейся ситуации вполне понятно стремление иммигрантов самоизолироваться, замкнуться в тесном мире себе подобных. Обычно иностранцы селились компактно, старались работать отдельными коллективами, как можно меньше соприкасаясь с местными рабочими, администрацией и соседями. Отдыхать и общаться они также предпочитали в своей среде. Изоляционизм финнов, который впоследствии послужил одним из поводов к обвинению всех иммигрантов в буржуазном национализме, был формой самосохранения.

По мере того как изменялась обстановка (отмена инснабовских норм, уравнивание в правах, реэмиграция самых недовольных, совместная трудовая деятельность, улучшение условий жизни и т. д.), менялось и отношение населения к иммигрантам. В новой ситуации, когда в республике начинает набирать обороты борьба с «финским буржуазным национализмом», местное население постепенно осознает, насколько приезжим, привыкшим к совершенно другим условиям жизни, тяжелее, чем им самим. С конца 1933 г. в документах практически перестают появляться свидетельства о конфликтах местного населения с иммигрантами. Наоборот, в архивных материалах сере-

¹ НА РК, ф. П-6153, оп. 3, д. 253, л. 113.

² Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123.

³ Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 12–16. Подробнее см.: *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 33–61.

дины – второй половины 1930-х гг., так же как в воспоминаниях и интервью самих финнов, можно отыскать свидетельства сочувствия к гонимым и примеры многочисленных случаев взаимопомощи, когда местные старались поддержать иммигрантов в критической ситуации¹. Именно тогда, как вспоминает одна из приехавших, «мы чувствовали, что постепенно начинаем понимать друг друга. Хотя мы еще совсем плохо знали язык, но могли как-то договориться, что-то обсудить. Мы, дети, часто переводили родителям то, что говорили русские»².

Вместо заключения

В современной литературе периодически возобновляются дебаты о так называемых «панфинских» амбициях красных финнов и Эдварда Гюллинга³. Представляется, что мнение о Гюллинге как о финском националисте и апологете «Великой красной Финляндии»⁴, базирующееся в основном на очень немногочисленных его высказываниях начала 1920-х гг., является ошибочным, никак не соотносящимся с действительными намерениями верхушки красных финнов, оказавшихся в Карелии. Весьма показательной в этом плане является трактовка разными исследователями цитированного выше письма Гюллинга к Юрье Сиrolа, написанного в марте 1920 г.⁵ На наш взгляд, этот документ со всей очевидностью свидетельствует как раз об обратном: политическая риторика и реальное поведение Гюллинга и верхушки красных финнов в первые годы становления карельской автономии определялись не финским национализмом, являвшимся

¹ См., например: *Miettinen H., Jогanson K.* Petettyjen toiveiden maa. Saarijärvi, 2001. S. 31; Интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 г.

² Интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 г.

³ *Баданов В.* Панфиннизм в Карелии // Петрозаводск. 1992. № 64. С. 10; № 65. С. 11; *Соломещ И., Такала И.* Еще раз о панфиннизме // Петрозаводск. 1993. № 5. С. 10; *Соломещ И.* Панфиннизм и Советская Карелия: была ли «Великая Финляндия» мечтой «красных финнов»? // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). Сыктывкар, 1996. С. 18–22; *Кангаспуро М.* Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20–30-х годах // Там же. С. 29–39; *Барон Н.* Указ. соч. С. 279–307; *Кауппала П.* Указ. соч. С. 309–337; *Такала И. Р.* Красные финны – панфиннисты или пролетарские интернационалисты? // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции в 2 ч. Ч. 1. Москва; Архангельск, 2008. С. 277–279.

⁴ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 132; *Kangaspuuro M.* Op. cit. S. 43–46, 94–99; *Барон Н.* Указ. соч. С. 281–282, 290; *Мусаев В. И.* Указ. соч. С. 378–379.

⁵ См.: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 4–5; *Кишин Ю.* Указ. соч. С. 41–42; *Барон Н.* Указ. соч. С. 280–282.

продолжением идеологии «правых финских патриотов»¹, а исключительно политическими императивами. Идея мировой социалистической революции и вера в близость ее владели тогда умами не только российских большевиков. Кроме того, Восточная Карелия могла стать укрытием для финляндских политических беженцев и их семей. Для Гюллинга автономная Карельская коммуна, предназначением которой являлось «подготовлять в идейном отношении почву для Финляндской революции», должна была безусловно при этом оставаться «частью Советской республики великой России не только политически, но и экономически и относительно обороны»². Следует учитывать и то, что во многом политическая риторика Гюллинга — реалиста, ученого и опытного политика — была обусловлена и необходимостью убедить Москву в целесообразности создания КТК³.

По мере того как таяла уверенность в скорой победе мировой революции и менялась ситуация в самой России, менялись поведение и риторика карельских властей. Продолжая работу по развитию республики, политическая верхушка красных финнов все больше сосредоточивалась (особенно после 1929 г.) на внутренних проблемах КПФ, о чем свидетельствует, в частности, деятельность в Карелии в начале 1930-х гг. так называемых опорных групп финской компартии, главной задачей которых был подбор и подготовка руководящих кадров для будущей социалистической Финляндии⁴. Происходившие в советском обществе изменения лишь усиливали стремление финских коммунистов полностью сосредоточиться на собственных проблемах. Искушенные в политических играх, они раньше других поняли, что грядут суровые перемены, и попытались сориентироваться в новой обстановке. При этом в диалоге с Москвой, который становился все более напряженным, Гюллинг продолжал использовать все те же понятные центру и ставшие уже традиционными формулировки о Карелии как «форпосте советской власти на севере <...>, на примере которой пролетариат Финляндии мог бы видеть, что рабочий, освободившийся от капитализма, может строить свое государство и социализм»⁵.

¹ Барон Н. Указ. соч. С. 282.

² Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrolа. С. 258.

³ Примерно так же оценивали высказывания Гюллинга Алексей Левкоев и Пекка Кауппала. См.: Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. С. 23; Кауппала П. Указ. соч. С. 332.

⁴ См.: Takala I. Suomen kommunistinen puolue ja Karjala 1930-luvulla // Carelia. 1994. N 9. S. 136–147; Takala I. P. Финны в Карелии и в России... С. 93–107.

⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 5, л. 72–73, 77–80.

Возобладавший в начале 1930-х гг. метод силового решения языкового вопроса, который некоторые исследователи расценивают как яркий пример панфинских амбиций красных финнов¹, на самом деле во многом был спровоцирован высшим советским руководством, взявшим курс на ужесточение политики «коренизации» в республике². Усиление финнизации наряду с экономическими трудностями и переменами в политической жизни обостряли напряженность между властью и населением, что дало возможность Москве уже в 1933 г. начать критику экономической и национальной политики руководства Карелии. В условиях, когда решения о борьбе с «местным национализмом» снова загоняли финских коммунистов в подполье, говорить о «красном панфиннизме» по меньшей мере беспочвенно. Тем более что, в отличие от большинства своих соплеменников, политическая верхушка красных финнов, судя по всему, продолжала идентифицировать себя, прежде всего, как коммунистов и пролетарских интернационалистов и лишь потом как финских патриотов.

«Финский период» в истории советской Карелии закончился в 1935 г., что было обусловлено переменами, происходившими в стране и вызванными целым комплексом внутри- и внешнеполитических причин. В условиях форсированного «социалистического штурма» и осложнявшейся внешнеполитической ситуации тоталитарное советское государство готовилось к тотальной войне и пыталось всюду ликвидировать ненадежные (и даже гипотетически ненадежные) элементы, что происходило и по национальному признаку. Сталинское руководство все жестче старалось поставить под контроль центра все сферы жизни общества. В этих условиях излишняя самостоятельность окраин, особенно приграничных регионов, расценивалась центром уже как угроза целостности государства. Время экспериментов кончилось, и карельская автономия, созданная при помощи красных финнов в эпоху гражданской войны в совсем иной международной ситуации, в середине 1930-х гг. выглядела в глазах Москвы опасной аномалией, а ее финское руководство – пятой колонной.

Борьба с «местным национализмом», в результате которой во многих национальных образованиях СССР было поменено руководство, в Карелии после 1935 г. выливается в борьбу с «финским буржуазным национализмом». Руководство республики было обвинено в «антипартийной националистической деятельности» и «тяготении

¹ *Kangaspuro M.* Op. cit. S. 143–147, 238–241.

² *Takala I.* Neuvostovallan kielipolitiikka Karjalassa 1920–1930-luvulla // *Carelia*. 2004. N 7. S. 125–129.

в сторону буржуазной Финляндии», Гюллинг был отстранен от должности и отозван в Москву. Финнов снимали с руководящих постов, исключали из партии, многие уже в 1935–1936 гг. были арестованы¹. Во время большого террора репрессиям были подвергнуты почти две трети всех финнов Карелии, около 4 тыс. человек в 1937–1938 гг. были расстреляны, в том числе и первый глава карельской автономии Эдвард Гюллинг.

¹ Подробнее см.: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой... С. 161–206.

Евгений Клементьев

Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы

В первые годы советской власти национально-языковая политика оказалась на передних рубежах военной и идейно-политической борьбы России и Финляндии. Состояние и перспективы развития финского языка в Карелии были тесно сопряжены с внешней политикой Советской России, поддерживающей курс на общеевропейскую революцию, защиту территориальной целостности России, национальное и языковое самоопределение ее народов. В современной литературе возникновение Карельской Трудовой Коммуны (КТК) исследователи расценивают как прямой результат этой политики и активности финского руководства КТК¹.

По одному из условий Тартуского мирного договора, заключенного между Россией и Финляндией в 1920 г., «местный народный язык (имелся в виду карельский язык. — *Е. К.*) является языком администрации, законодательства, народного просвещения². Иными словами, этим договором карельский язык возводился в ранг официального языка Восточной Карелии наряду с русским языком. Однако вопрос о разработке карельской письменности в начале 1920-х гг. даже не ставился.

В 1920–1930-е гг. финское руководство Карелии, исходя из того, что финский язык является неперемнным условием экономического прогресса и социально-культурного развития региона, что карелы — это восточная ветвь финского народа, активно решало стратегическую задачу — превратить финский язык в язык для большинства, по крайней мере, карельского населения³.

¹ См. подробнее: В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998; *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт доклада. Петрозаводск, 1992.

² Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. 1–3 июля 1920 г., Первый Всекарельский съезд Советов. 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 255.

³ См., например: *Karjalan Sivistysseura ja Vianan Karjalaisten Liiton toiminta loppuvuosinaan.* Helsinki, 1917; *Gylling E.* Ensimmäinen sosialististen tasavaltain välinen sopimus // *Kommunisti.* 1928.

Энергичному финскому руководству республики не раз удавалось, хотя и приходилось идти на компромиссы, убедить центральные и местные власти, противников внедрения финского языка в карельскую среду в правильности проводимой им языковой политики. В исторической литературе языковая политика 1920–1930-х гг. получила название «финнизация»¹.

В основе этой политики принципу равноправия языков был выдвинут принцип противопоставления «культурных» (русский, финский) и «не культурных» (карельский, вепсский) языков. Такая установка на долгие годы предопределила трудности и зигзаги в реализации языковой политики в республике. Сложности ее реализации обнаружились уже на начальном этапе ликвидации неграмотности.

В резолюции Всекарельского съезда представителей трудящихся Карелии (июль 1920 г.) признавалась «свобода и национальное развитие малых народностей» и одновременно подчеркивалась необходимость открытия возможно большего числа народных школ, где бы преподавание велось на родном языке².

В наказе Карельскому ревкому «Очередные задачи ревкома» съезд признал необходимым: «Для развития народной культуры открыть возможно больше народных школ и чтобы преподавание велось на родном народном языке, русском или финском, по желанию населения, языке». Для этих целей планировалось организовать семинарию для подготовки учителей, открыть сеть библиотек и читален в сельской местности, организовать издание газет на родном языке³.

Только идеологическими соображениями может быть объяснено то, что среди родных языков были названы русский и финский языки, хотя в те годы ни один из этих языков не соответствовал языковому самосознанию карел.

Опрос неграмотных, проведенный Олонецким губернским отделом народного образования (1920 г.) в Олонецком и Петрозаводском уездах, о желаемом языке обучения для карел и вепсов выявил, что ликвидацию неграмотности среди карел целесообразнее вести на русском языке. Этот же вопрос рассматривался и на первой губернской

¹ См. подробнее: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика...; *Он же.* Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии. Петрозаводск, 1994; *Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой... С. 207–222; *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // Там же. С. 123–160; *Вихавайнен Т.* Введение // Там же. С. 9–14; *Он же.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е–1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // Там же. С. 15–41.

² Всекарельский съезд... С. 38.

³ Там же.

конференции по ликвидации неграмотности (август 1920 г.). Так как создать в сжатые сроки необходимые учебные пособия для бесписьменного карельского языка было невозможно, конференция приняла решение о приобщении южных карел к грамоте на русском языке. В Кемском уезде, учитывая близость северного диалекта карельского языка и финского языка, обучение предполагалось вести на финском языке¹.

При отсутствии карельской письменности, ориентациях южных карел на русский язык в результате длительных и постоянных контактов двух народов решение конференции выглядело весьма логичным. В основе попыток идентифицировать карел по финскому языку как родному лежала иллюзорная посылка о том, что карелы якобы понимают финский язык не хуже, чем говоры других карел. Такое утверждение одного из идеологических проводников политики финнизации А. Нуортева о языковом единообразии карел и финнов, быстро идущих к этническому слиянию, широко тиражируемое в 1920–1930-е гг., не корректно по сути².

В резолюции Всекарельского съезда Советов (февраль 1921 г.), принятой по докладу отдела народного образования, курс языкового строительства был определен весьма жестко: «возрождение карельской грамоты является ненужным и невыполнимым делом». Основной целью работы отдела народного образования объявлялось «поднятие духовного, культурного уровня населения коммуны на тех культурных языках, посредством которых это наиболее легко достижимо». И далее утверждалось: «такими языками в коммуне для русских является русский язык, для карел – русский и финский языки в зависимости от того, на каком языке карелы тех или других мест хотят обучаться». В то же время съезд признал, что «русский язык является для большинства карел родным культурным языком, а финский язык – языком национального меньшинства среди коммуны, преимущественно в западной части Кемского уезда»³.

Принятые съездами решения на долгие годы определяли трудности и непоследовательность проводимой языковой политикой. Формально за народами признавалось право развивать свою народную культуру на родном языке, подчеркивалась необходимость соблюдения принципа добровольности при выборе карельским населением

¹ *Афанасьева А. И.* Великий Октябрь и становление советской культуры Карелии. 1918–1927. Петрозаводск, 1983. С. 35.

² *Нуортева А.* Проблемы карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1928. № 2. С. 1–3.

³ Всекарельский съезд... С. 224.

того или иного языка, но фактически проводилась политика массовой финнизации карельского населения.

Вести широкую агитационно-пропагандистскую работу или быстрыми темпами ликвидировать почти всеобщую неграмотность карел, когда большинство из них не знали ни русского, ни финского языка, не представлялось все же возможным. Предпринимаемые попытки использования карельского языка в школе, где педагогами работали карельские учителя, были свернуты, и в системе начального школьного образования прочные позиции заняли русский и финский языки. «Карелизация» школ стала проводиться путем увеличения численности финских школ в районах традиционного расселения карел. С 1921 г. в волостях с компактным карельским населением открываются первые школы с обучением на финском языке. К 1923 г. в средней и северной Карелии (Паданском, Ухтинском, Кемском районах) действовало 35 начальных финноязычных школ, в 1924/25 учебном году – уже 39. К 1927/28 учебному году в 129 школах дети учились на русском, а в 95 школах – на финском языке. В 1923 г. в Петрозаводске открывается 7-летняя школа с преподаванием только на финском языке¹. Под флагом поощрения национальных языков стала, таким образом, осуществляться карелизация в духе финнизации.

В целях укрепления позиций финского языка руководство республики добилося того, что треть бюджетных средств, направляемых на нужды просвещения, можно было использовать на развитие финноязычной школы².

Несмотря на противодействие ряда местных руководителей из числа карел (Куджиев и др.), финнизация проводилась на фоне постоянных и жестких оценок возможностей развития карельского языка на письменной основе. Показательны в этом отношении решения первой областной партийной конференции, охарактеризовавшей саму идею создания карельской письменности «как шовинистическую», направленную якобы на одурачивание темных масс. Фракции исполкома КТК предписывалось ввести использование русского и финского языков в сферу законодательства, судопроизводства и администрации³, что означало дальнейшее укрепление официальных позиций и статуса финского языка.

¹ *Афанасьева А. И.* Указ. соч. С. 208; *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 11.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 447.

³ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 8–9.

Вторая областная партийная конференция (28 сентября – 2 октября 1922 г.) рекомендовала ударную культурно-просветительную работу среди карел Ухтинского района вести на финском языке. По карельским районам южной и средней Карелии было принято более компромиссное решение: «считать целесообразным удовлетворение нужд в русской и финской культуре»¹.

Чтобы как-то соблюсти принцип языковой лояльности и отвести критику за явную политику насильственной финнизации, финноязычное руководство Карелии нашло весьма оригинальный выход. В тексте декрета ВЦИК, подготовленного в связи с преобразованием КТК в КАССР, было зафиксировано равенство русского и «карело-финского» языков².

Хотя невнятность термина «карело-финский язык» очевидна, решение ВЦИКа в какой-то мере соответствовало общесоюзному курсу укрепления союза русского пролетариата с инонациональным крестьянством, провозглашенному в 1923 г. XII съездом РКП(б). Этот курс более известен как курс «коренизации». В административном отношении коренизацию финское руководство Карелии проводило как политику выдвижения на руководящие посты карел, вепсов, финнов, содействовала притоку в Карелию тверских карел.

Введение термина «карело-финский язык» можно расценить поразному: и как официальное признание паритета этих двух языков, и как промежуточный этап в реализации руководством Карелии политики финнизации карел. Примечательно, что этот термин стал использоваться и в качестве признака этнической идентификации. Он фигурирует, например, в резолюции Президиума Совета национальностей ЦИК СССР по докладу правительства КАССР и в отчете правительства Карельской АССР III съезду Советов о карелизации советского аппарата (1928 г.). В отчете правительства КАССР, в частности, сообщается, что «через средние и профессиональные учебные заведения за 1927/28 г. пропущено 464 чел. „карело-финна“»³.

Иной позиции по языковым вопросам придерживалась центральная власть. В 1924 г. ВЦИК принял постановление «О национальной политике Карелии», обязывающее местные органы власти в работе властных структур и культурно-просветительных учреждений

¹ 2-я Всекарельская областная конференция РКП(б) // Красная Карелия. 1922. № 3. С. 1–23.

² Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921–1925. Документы. Петрозаводск, 1979. С. 61, 99; Советы Карелии. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 100.

³ Советы Карелии. С. 124, 128.

использовать карельский язык в местах с преобладающим карельским населением. В государственных учреждениях предписывалось иметь работников, умеющих говорить на карельском, финском и русском языках¹.

Руководство Карелии не могло полностью игнорировать обязательное условие Центра о том, что при проведении «коренизации» следует использовать местные диалекты. Как уступку Центру, очевидно, можно рассматривать решение Президиума КарЦИКа от 9 августа 1924 г., обсудившего циркулярное письмо ВЦИКа о работе советского аппарата в национальных республиках. Президиум КарЦИКа обязал «все исполкомы волостей с преобладающим карельским населением, чтобы разговорным языком с гражданами был карельский язык, с сохранением русской и финской грамоты, а равно и съезды Советов по возможности проводить на карельско-финском языке». В системе образования признавалось «необходимым, чтобы объяснение предметов в школе первой ступени в карельских волостях проводилось на карельском языке, с сохранением русской и финской грамоты».

Этим решением предусматривалось расширить функции карельского языка в сфере управления. Так, Президиум КарЦИКа объявил разговорным языком всех отделов и учреждений Олонецкого и Паданского уездных исполкомов карельский язык. Петрозаводскому и Кемскому уездным исполкомам, всем наркоматам республиканских учреждений предписывалось «организовать работу аппарата своего уезда так, чтобы граждане, обращающиеся в учреждения уезда на карельском языке, могли получать разъяснения на этом языке. Причем КарЦИК подтвердил постановление СНК о ведении «судоговорения на карельском языке в карельских волостях». В то же время должности в наркоматах и учреждениях Карелии рекомендовалось заполнять лицами, владеющими русским и финским, но не карельским языком².

Однако финское руководство Карелии, намереваясь придать легитимность финскому языку, в проект Конституции 1926 г. внесло статью, по которой государственными языками объявлялись русский и отсутствующий как таковой «карело-финский» язык с соответствующим их использованием в работе структур власти и управления. В системе школьного образования предписывалось использовать язык

¹ Сборник важнейших для АКССР действующих постановлений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР, РСФСР и АКССР. 1924. № 8–9. С. 71–72.

² Советы Карелии. С. 111–112; История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 417.

большинства населения в отдельных местностях республики или вести преподавание на двух государственных языках «по определению ЦИК»¹.

Вторая половина – конец 1920-х гг. прошли под знаком усиленной финнизации, которая преподносилась как «исправление исторической несправедливости» на пути приближения карельских диалектов к финскому языку, который в перспективе войдет в повсеместное употребление. Считалось, что тем самым финский язык исполнит свою историческую миссию – обеспечит карелам «быстрый культурный подъем и подготовку к выполнению задач социалистического строительства, и поэтому было бы реакционным „изобретать“ особую карельскую письменность»².

В 1929 г. областной комитет партии одобрил основные положения «коренизации». Согласно им, предусматривалось значительное пополнение рядов рабочих, членов партии, управленческих структур за счет «националов» (карел, финнов, вепсов), дальнейшее увеличение сети финских школ, расширение издательской деятельности финской редакции, открытие национального театра и т. д.³

Оценивая систему этих мер, финский исследователь М. Кангаспуро приходит к заключению, что реализация такой программы в полном объеме «превратила бы Карелию сначала в финско-русскую, а затем все более в финскую республику», а русским бы «угрожала опасность постепенного превращения в национальное меньшинство»⁴.

В сфере народного образования политика финнизации, имеющая явную антикарельскую направленность, проводилась наиболее последовательно вплоть до второй половины 1930-х гг. Если в 1925 г. обучение на финском языке велось в 30,7 % карельских школ, в 1929 г. – в 72 %, то к 1931 г. – во всех 278 начальных и семилетних школах с карельским контингентом учащихся. Таким образом, финноязычному руководству республики удалось на 100 % охватить обучением карельских детей в так называемой «национальной» школе⁵.

Финны получили возможность обучать своих детей в системе школьного образования на родном языке и одновременно приобщать их к русскому языку и русскоязычной культуре. Именно эта тенденция, характеризующая этноязыковое и этнокультурное развитие

¹ См. подробнее: Сборник важнейших для АКССР действующих постановлений и распоряжений... С. 71–72.

² В семье единой... С. 134.

³ Левкоев А. А. Национально-языковая политика... С. 16–19.

⁴ Кангаспуро М. Указ. соч. С. 136.

⁵ Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 143.

финнов в 1920–1930-е гг., – распространение национально-русского двуязычия и культурного дуализма вширь – постепенно набирала силу, превратившись в последующие десятилетия в ведущую тенденцию.

Некоторые итоги политики внедрения финского языка в среду карел, вепсов и русских могут быть продемонстрированы данными переписей населения 1926 и 1933 гг.

К середине 1920-х гг. уже почти четвертая часть карельского населения, точнее 23,5 %, ликвидировала свою неграмотность на финском или на финском и русском языках. Финнизация практически не затронула русских и вепсов. К началу 1930-х гг. ситуация заметно изменилась: финнизация карел в системе общеобразовательных учреждений в городах и на селе приобрела массовый масштаб. В то же время возрастал удельный вес финнов, освоивших грамоту на двух языках (на русском и финском языках) и русском языке. Практически вне политики финнизации остались вепсы-горожане, а в сельской местности менее чем у 10 % вепсов языком грамоты стал финский или одновременно два языка – финский и русский (табл.).

Распространение финского языка как языка грамотности среди карел, вепсов, финнов Карелии

	Грамотных (чел.)	Язык грамоты					
		финский		русский и финский		русский	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
		1926 г.					
Финны	1763	1039	58,9	539	30,6	184	10,5
Карелы	35 211	3240	9,2	5028	14,3	26 905	76,4
Вепсы		3607	60,2	–	–	3601	99,8
Русские	88 325	438	0,5	14	0,01	87 873	99,5
		1933 г.					
Финны	10 085	6488	64,3	2045	20,3	1552	15,4
Карелы	51 979	13 168	25,3	11 457	22,0	27 188	52,3
Вепсы	4147	159	3,8	170	4,1	3789	91,4

Расчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. М., 1928. С. 114, 135; Перепись населения АКССР 1933 г. Народность, возраст, грамотность, язык, самодеятельность. Вып. 1. Петрозаводск, 1934. С. 18–19, 24–25, 42–43. В таблице не учтены грамотные на других языках.

О массовом внедрении финского языка в карельскую среду можно судить также по таким данным: к 1933 г. доля карел в возрасте 8–9 лет, получивших грамоту на финском, возросла до 75,4 %, на финском и русском языках составила 8,9 %, на русском – 15,7 %. Карельские дети несколько чаще получали грамоту на финском языке (75,4 %), чем дети финнов (73,5 %).

Вместе с тем уже перепись 1926 г. фиксирует и другую тенденцию – начало языковой ассимиляции финнов Карелии: почти у 20 % из них национальная принадлежность не совпадала с родным языком. Проживая в карельской среде, из 511 финнов родным назвали карельский язык почти 43 %¹.

Начало 1930-х гг. ознаменовалось, образно говоря, «войной языков», о чем свидетельствует развернувшаяся на страницах газет и журналов дискуссия между сторонниками и противниками финского и карельского языков².

В апреле 1931 г. Президиум Совета Национальностей России поручил финскому руководству КАССР приступить к созданию карельской письменности. Газета «Правда» расценила такое решение как «политическую необходимость». Такое поручение полностью соответствовало языковой политике начала 1930-х гг., когда основной упор стал делаться на создание условий для этнокультурного развития народов, не имеющих письменности.

Однако областной комитет партии Карелии, ссылаясь на диалектные различия в карельском языке, тягу южных карел к русскому языку, а северных – к финскому языку, отстоял курс финнизации. При поддержке Политбюро ЦК ВКП(б) финскому руководству Карелии удалось добиться отмены решения Совета Национальностей, согласному которому в национальных районах местный диалект возводился в ранг официального языка³.

Не нашло поддержки и предложение наркома просвещения республики И. П. Гришкина о создании «карело-финского языка», который представлял бы собой смешение финского литературного языка с ливвиковским диалектом карельского языка как особый «советский» вариант финского языка в отличие от языка «буржуазной Финляндии». В новописьменный язык предлагалось ввести массу «интернационализмов», «советизмов», «карелизмов». По мнению И. П. Гришкина, сплав двух генетически родственных языков сформирует в конечном итоге обогащенный революционной терминологией и карельскими словами литературный язык⁴. Завершились эти поиски неудачей, так как «реальных условий для карелизации финского языка в начале 30-х годов не было»⁵.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. С. 114, 135.

² См. *Баранцев А. П.* Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 101.

³ *Левкоев А. А.* Карельская автономия... С. 18.

⁴ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 7–8.

⁵ *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 212–213.

Однако и планам полной финнизации карельского населения не суждено было сбыться. Над финским руководством сгустились ре-прессионные тучи. Объявленная в 1933 г. по всей стране борьба с местным национализмом как главной опасностью социалистических преобразований нанесла мощный удар политике финнизации. Республиканское руководство стало обвиняться в проведении политики буржуазии Финляндии, направленной на создание так называемой «Великой Финляндии».

В декабре 1933 г. областной комитет партии определил основные задачи борьбы с местным национализмом. 5 марта 1934 г. ЦИК и СНК Карелии, рассматривая итоги и задачи проведения национальной политики, отметил, что «работа по ликвидации фактического неравенства национальностей и построению бесклассового социалистического общества проходит в условиях ожесточенной классовой борьбы». И следовало заключение: «направить главный удар против местного национализма», против «националистических элементов, смыкающихся с агентами финских фашистских кругов, с национал-шовинистическими и великодержавными пережитками». Проявления местного национализма виделись в издании ряда книг «национально-шовинистического характера», в примиренческом отношении к невыполнению неоднократных решений о преподавании русского языка в школах северных районов Карелии и финского языка в русских районах, в выдвижении кадров по национальному признаку и т. д.¹

Практически в это же время развернулась усиленная кампания по распространению русского языка в карельской среде. Велась она параллельно с расширением функций южнокарельских диалектов.

С конца 1936 г. был взят новый курс — курс на создание карельского литературного языка для всех карел Советского Союза. В соответствии с установками Д. В. Бубриха, «для литературного языка отобраны и связаны в единую систему явления, наиболее устраивающие всех карелов, к каким бы наречиям они не принадлежали»².

За основу письменной формы карельского языка были взяты собственно-карельские говоры Карелии и Калининской области. Для передачи особенностей карельской речи в кириллический алфавит были введены дополнительные буквы (знаки). Эти правила поддержал Центрисполком РСФСР и одобрил Наркомпрос Российской Федерации. В срочном порядке были подготовлены и опубликованы фонетические и морфологические нормы литературного языка, правила

¹ Советы Карелии. С. 170–172.

² Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка. Петрозаводск, 1937. С. 3.

правописания, опубликован список терминов общественно-политической жизни. 1937/38 учебный год начался с обучения на карельском языке¹.

Однако политика ускоренного внедрения новой письменности вскоре потерпела полный провал из-за недостатка учебных пособий, преподавательских кадров и т. д. Не последнюю роль в этом провале сыграли аресты и репрессии, обвинения карел в непродуманно быстром введении новой письменности, возникшие в связи с этим неурядицы, а подчас и хаос в организации обучения.

Новый поворот в языковой политике был вызван началом разработки литературного языка для карел Карелии на основе ливвиковского диалекта. Руководство республики, сторонники единого для всех карел СССР литературного языка стали обвиняться в финнизации карельской письменности, что расценивалось как проявление буржуазного национализма².

В апреле 1938 г. Карельский обком партии с грифом «Совершенно секретно» направил письмо Сталину о необходимости исключения финского языка из числа государственных языков Карелии. Включение финского языка в Конституцию республики 1937 г. расценивалось как «наглядное доказательство враждебной работы контрреволюционеров троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических элементов, проникших к руководству партийными и советскими органами КАССР». В республике начались массовые этнические чистки, обвинения в шпионско-националистической деятельности. Использование финского языка категорически запрещалось. В июне 1938 г. были «разоблачены» и сняты с работы как «враги народа» 56 руководящих работников ЦИКа, СНК, наркоматов, РИКов и сельсоветов³.

Тем не менее в Конституции КАССР, принятой Чрезвычайным XI Всекарельским съездом Советов 17 июня 1937 г., финский язык, наряду с русским и карельским, признавался официальным языком республики. На трех языках следовало публиковать законы, принятые Верховным Советом КАССР (ст. 24), оформлять герб и флаг (ст. 111, 112). Граждане республики имели право обучать своих детей в школе на родном языке (ст. 88)⁴.

¹ См. подробнее: *Керт Г. М.* Очерки по карельскому языку. Исследования и размышления. Петрозаводск, 2000. С. 52–53.

² *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 216–218.

³ *Советы Карелии.* С. 200–201.

⁴ Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1937.

С завершением «зимней войны» 1939–1940 гг. запрещенный финский язык вновь приобрел легитимность. Преподавание карельского языка повсеместно отменялось. Выступая с отчетным докладом обкома на I съезде КП(б) Карело-Финской ССР, Г. Н. Куприянов такое решение обосновывал практическими политическими (финский язык станет основой межнационального сотрудничества в деле упрочения социализма) и культурно-языковыми (финский язык, высоко развитый литературный язык, легко понятный карельскому населению, должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы и искусства и создания кадров интеллигенции) соображениями. Создание в конце 1930-х гг. карельской письменности не осуждалось, так как это «не было движением назад», ибо «рост культуры карельского народа шел за эти годы значительно быстрее, чем за годы, когда орудовали буржуазные националисты». Однако подчеркивалось, что «культурное развитие карельского народа пойдет быстрее именно на финском языке», обеспечивая сближение карел и финнов и облегчая борьбу с буржуазным национализмом¹.

В приветствии к И. Сталину и В. Молотову в связи с образованием КФССР вновь появляются термины «карело-финский народ» и «карело-финская национальность»².

Этноопределитель «карело-финский народ» был включен в ст. 2 Конституции (Основного Закона) Карело-Финской ССР, принятую Верховным Советом республики 9 июля 1940 г., но исчезло понятие «карело-финский язык». Конституция не провозглашала статус государственных языков. На официальных языках – финском и русском – следовало публиковать принятые Верховным Советом республики законы (ст. 25), вести судопроизводство. Для лиц, не владеющих этими языками, для полного ознакомления с материалами судебного дела предоставлялся переводчик и право выступать на суде на родном языке (ст. 84). Символика республики (герб, флаг) оформлялась на финском и русском языках³.

В республике началась очередная фаза финнизации, в ходе которой уже к началу 1941/1942 учебного года планировалось все карельские школы перевести на финский язык обучения. Подготовка и переподготовка учителей была организована через систему курсов, к

¹ Отчетный доклад Карельского обкома на I съезде КП(б) Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940.

² В семье единой... С. 269–271.

³ Конституция (Основной Закон) Карело-Финской Советской Социалистической Республики. М., 1940.

преподавательской работе привлекались ранее работавшие в школах и репрессированные в 1937–1938 гг. Однако из-за нехватки учителей, слабого знания или незнания детьми финского языка, противодействия родителей, не отпускавших детей в финские классы, внедрение финского языка происходило с большими трудностями. К началу 1941 г. из 806 школ республики в 206 преподавание велось на финском языке. Расширение общественных функций финского языка затронуло и средства массовой информации: с 1 января 1941 г. на финском языке стали издаваться газеты в Ведлозерском, Олонецком, Петровском и Пряжинском районах; на финский язык было переведено издание газет в северных районах республики. С июля 1940 г. вместо карелоязычного журнала «Карелия» на финском языке стал издаваться журнал «Punalippu» («Красное знамя»). Увеличился объем передач на финском языке по радио. Летом 1940 г. начался перевод на финский язык делопроизводства в советских, партийных, судебных, хозяйственных и других учреждениях республики, был образован Государственный финский театр, переименовывались улицы и т. д.

По оценкам современных исследователей, «программа финнизации выполнялась по инерции, так как руководство республики не верило в скорое решение „финского вопроса“», хотя такая политика «помогла выжить уцелевшему в годы репрессий финскому населению новой союзной республики»¹.

* * *

Подводя некоторые итоги исследования проблемы внедрения финского языка среди различных этнических групп населения республики, особенно среди карел, обратим внимание на многоаспектность языковой политики и ее результатов. Они не сводимы только к политической составляющей, несмотря на то, что финнизация проводилась «сверху», преимущественно по политическим соображениям. Однако такой вывод носит ограниченный характер, хотя, как неоднократно отмечалось в статье, он чаще всего фигурирует и в отечественных, и в зарубежных исторических исследованиях.

Одна из существенных особенностей языковой политики 1920–1930-х гг. действительно состояла в том, что языковые права народов решались в условиях ограниченного выбора альтернативных вариантов. Ориентация на финский язык как средство внутрирегиональной и межрегиональной (межгосударственной) коммуникации изначально была предопределена политическими установками.

¹ *Килин Ю.* Указ. соч. С. 221–228.

Разрешение языковой проблемы осложнялось тем, что язык меньшинства (финский), претендующий на ведущую роль в общественно-политической и культурной жизни республики, неизбежно сталкивал принципы правовой несправедливости по отношению к карельскому языку как к языку титульного народа республики. Партийное руководство страны в своих решениях исходило из задач, диктуемых потребностями времени. Возникающая разновекторность языковых устремлений Центра и республики неоднократно вызывала корректировку и крутые повороты в языковой политике.

Следует иметь в виду также и то, что при отсутствии карельской письменной традиции знание карелами финского языка открыло новые возможности и перспективы социально-культурного развития. Подтверждением этого является формирование в карельском этносе определенного слоя финноязычной гуманитарной интеллигенции (учителей, актеров, работников СМИ, культурно-просветительных учреждений и т. д.). Их профессиональная деятельность, безусловно, оказывала непосредственное влияние на масштабы функционирования финского языка и поддержание его престижа. В этой связи уместно напомнить о плодотворной работе таких известных карельских писателей и поэтов, писавших на финском языке, как А. Тимонен, Н. Яккола, Я. Ругоев, О. Степанов, Н. Лайне.

Финский язык для финнов был и остается языком внутринационального общения и этнической самоидентификации, фактором социально-этнического и культурного развития, т. е. важнейшим условием сохранения самого финского этноса. Для карел финский язык являлся преимущественно фактором социально-профессионального развития личности в гуманитарной сфере, но он не выполнял этнических функций и не был этноопределителем, не являлся средством активного общения среди карельского населения. Распространение карельско-финского двуязычия как вектор языковых перемен оказывало слабое влияние на речевое поведение карел или тем более вепсов, не говоря уже о выборе родного языка, которым для карел и вепсов оставался язык своей национальности.

Русский язык для всех трех этнических образований предоставлял значительно большие возможности социальной мобильности (в широком смысле этого понятия), позволял использовать приобретенный профессиональный потенциал знаний в расширяющейся социальной практике: в сфере науки, техники, здравоохранения, медицины, в различных отраслях промышленного производства, сферы обслуживания и т. д. Знание русского языка, учитывая становление в республике многоотраслевого производства, развитие среднего специально-

го и высшего образования на основе русского языка, формирование принципиально новой социально-профессиональной структуры, распространение новых образцов русскоязычной культуры и т. д., существенно расширяло адаптационный социально-профессиональный и культурный потенциал народов к быстро меняющимся условиям и требованиям времени.

И еще один аспект «взаимоотношений» карельского и финского языков. До сих пор бытует мнение о том, что финский язык якобы «спас карельский язык от „растворения“ в русском языке». Не умаляя роли финского языка в развитии культуры, особенно литературы Карелии, и допуская, что финский язык в определенной мере был фактором, сдерживающим языковую ассимиляцию карел, следует учитывать численное соотношение карел и финнов (в 1926 г. их соотношение равнялось примерно 40 : 1, в 1939 г. — почти 12 : 1¹), рассеянное расселение финского населения в сельской среде и др. Отсюда вероятнее заключить: наличие карельской среды обеспечило более активное функционирование финского языка и его сохранение в республике.

Репрессии второй половины 1930-х гг. нанесли набирающей силе финноязычной культурной традиции и финскому языку такой удар, что стало невозможно противостоять общей тенденции языковой ассимиляции «вширь». Данные переписи 1939 г. подтверждают начавшиеся перемены: доля финнов с несовпадающей национальностью и родным языком возросла в Карелии до 19,2 %, среди финнов-горожан достигла 22,9 % и среди финнов, проживающих в сельской местности, — 18,7 %². В последующие десятилетия эта тенденция лишь последовательно усиливалась.

¹ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. М., 1928. С. 114–116; Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51.

² НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51.

Александра Беликова

Финский язык в Карелии в 20–30-е годы XX века: попытки языкового моделирования

Финский язык в Карелии имеет давнюю традицию, и возможности его использования в сравнении с карельским языком были многократно шире уже даже потому, что он не нуждался в создании литературной формы. Политическим руководством страны перед лингвистами в соответствии с требованиями времени ставились конкретные цели: с одной стороны, предупредить расширение влияния финских эмигрантов, ввести в употребление, преимущественно путем заимствования из русского языка, лексику, соответствующую возникающим советским реалиям и отличающуюся от неологизмов буржуазной Финляндии, с другой стороны, сохранить язык понятным для финского пролетариата, поскольку реализация идеи мировой революции оказалась бы невозможной без общего языка.

*В первой части статьи рассматриваются основные этапы в развитии финского языка в Карелии в 20–30-е годы. Во второй части внимание уделяется деятельности Терминологической комиссии по финскому языку Карельского научно-исследовательского института, занимавшейся разработкой и внедрением лексики для обозначения новых явлений политической, социальной и культурной жизни республики. Некоторые результаты работы комиссии были опубликованы в газете «*Runainen Karjala*» незадолго до того, как ее деятельность была прекращена.*

Но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галоши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет!

В. Г. Белинский (1841)

I. Ситуация с финским языком в Карелии в истории языковой политики СССР уникальна уже лишь потому, что из всех языков, используемых в качестве государственных за пределами Советского Союза, только в Карелии финский язык имел статус официального языка республики, и это несмотря на то, что в СССР имелись гораздо более многочисленные, чем финны, этнические группы (немцы, гре-

ки, поляки, корейцы)¹, язык которых никогда не рассматривался в качестве претендента на такое высокое положение.

В начале XX в. национальная карта Карелии была довольно пестрой. В течение очень непродолжительного времени соотношение групп населения, представляющих разные национальности, сравнительно быстро менялось: как в сторону прироста, так и в сторону убывания. Так, на момент создания Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г. карелы составляли 66 % населения республики, соответственно, оставшиеся 34 % приходились на русских, финнов, ингерманландцев, вепсов и другие этносы². Доля карел, финнов и русских в общей численности населения колебалась в начале века как вследствие административно-политических преобразований (к примеру, расширение границ территории Карелии в 1922–1924 гг. и приобретение таким образом экономического преимущества за счет присоединения русскоязычных территорий, платой за которые стало сведение к меньшинству доли национального населения³), так и в силу социально-экономических изменений (вербовка финнов из Северной Америки, Финляндии и Ингерманландии на работу в Карелию, кризис НЭПа 1927–1928 гг., переход к форсированной индустриализации, общеевропейский экономический кризис). Абсолютное число финнов прирастало заметно: по данным И. Р. Такала, к середине 1930-х гг. их численность составила почти 15 тыс. чел., т. е. около половины численности русской диаспоры, при этом две трети из них были выходцами из Финляндии⁴. И эта часть населения занимала все более верхние строчки в статистических таблицах, отражающих этноязыковую ситуацию в Карелии. В 1923 г. в Карелии проживал 1051 финн, из них в Петрозаводске — 548 чел., в 1926 г. их число возросло до 2894⁵. В общей сложности с 1920 по 1933 г. доля финнов в республике увеличилась с 0,6 до 3,2 %, т. е. от 900 до 12 100 чел. при общей численности населения 142 950 и 372 500 чел. в 1920 и 1933 гг. соответственно⁶. Массовая трудовая

¹ Austin P. M. Soviet Finnish: The End of a Dream // East European quarterly. 1987. N 2. P. 183.

² Raunio M.-L. Soutamalla ja huopaamalla päämäärään. Itä-Karjalan kansallisen kulttuurin ja kielen vaihteita // Joka puulla juurensa. Helsinki, 1991. S. 122.

³ Барон Н. Региональное конструирование Карельской автономии // Ab imperio. Казань, 2002. № 2. С. 306.

⁴ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 170.

⁵ Austin P. M. Op. cit. P. 188.

⁶ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 268. См. также таблицы, составленные на основе Всесоюзной переписи населения 1926 г. М., 1928. Т. I, Переписи населения АКССР 1933 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1934; архивных данных в кн.: Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 25, 30, 134–135; Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 44.

иммиграция неминуемо вызывала уменьшение удельного веса коренного карельского населения. В 1928–1929 гг. в республику прибыло 25 тыс. сезонных рабочих, в 1929–1930 гг. — более 60 тыс. чел.¹

Во второй половине 20-х гг. условия для развития и массового внедрения финского языка складывались, на первый взгляд, достаточно благоприятно. «Масштабная работа по языковому строительству была частью общей национально-культурной политики в стране»². Развернутая в это время «коренизация» предусматривала использование национальных языков для осуществления местного самоуправления, в результате чего началось введение финского языка, который должен был стать объединяющим элементом для всех карел. Тем более, эмигранты-коммунисты, составившие ядро руководства Карелии, разделяли точку зрения на карельский язык, согласно которой все карельские диалекты считались частью финского языка³. В 1921–1924 гг. благодаря активному и широкому обсуждению на партийных конференциях, всекарельских съездах, съездах были определены основные принципы языкового строительства в Карелии: в республике были официально введены «два литературных языка – русский и финский при условии добровольности выбора одного из них карельским населением». Однако в условиях предоставленной свободы карельское население в большинстве случаев отдавало предпочтение русскому языку⁴.

В опубликованной в 1926 г. Конституции АКССР в главе о государственных языках, которыми провозглашались русский и «карело-финский», отсутствовало упоминание о добровольности выбора языка в карельской среде⁵. В 1929 г. руководством Карелии было принято решение об обязательном введении финского языка в качестве языка просвещения и образования для карел⁶. На финском языке велось делопроизводство, издавались законы, печатались газеты и журналы (в разные годы с 1918 по 1937 г. выходило 29 наименований разных

¹ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России). Петрозаводск, 1987. С. 53.

² *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 48.

³ *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 272. *Анттикоски Э.* «Языковое строительство» на Северо-Западе России (20–40-е годы) // *Modernisation in the Russian Provinces. Studia Slavica Finlandensia.* Tomus XVII. Helsinki, 2000. С. 117.

⁴ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии... С. 52–53.

⁵ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 10.

⁶ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии... С. 56–57.

финских, газет, журналов и т. п.¹⁾, работали собственное финноязычное издательство и Национальный театр, осуществлялось преподавание в школе (к 1932 г. практически все карельские дети были охвачены начальным образованием на финском языке, а в конце 1930-х гг. более 85 % детей в возрасте девяти лет были грамотными²⁾). Общая грамотность населения Карелии в возрасте 9–49 лет с 31,3 % в 1897 г. выросла до 71,4 % в 1926 г., в том числе грамотность карел увеличилась с 10,4 до 36,9 %³⁾, что свидетельствует в целом о верном направлении в решении языкового вопроса на первом этапе осуществления национальной политики, когда было необходимо в короткие сроки обеспечить культурное развитие населения Карелии. Однако повсеместное внедрение финского языка все же выглядело несколько насильственным, так как для южнокарельского населения, тем более для вепсского, финский язык был малопонятен, и использование русского языка было для него более естественным, поскольку русский язык имел безусловное преимущество перед прочими языками как с точки зрения продолжения образования, так и с точки зрения дальнейшей интеграции на рынке труда в большом советском обществе, где основным языком и языком межнационального общения был, безусловно, русский. При этом носители финского языка оказались в Карелии в лингвистической изоляции, поскольку связи с Финляндией, все больше утрачивавшей доверие центральной власти СССР, сходили на нет.

В результате отношение к финскому языку в качестве официального языка республики довольно быстро менялось. В 1930 г. АН СССР в лице сотрудников Института языка и мышления (ИЯМ) В. Б. Аптекаря и С. Н. Быковского обвинила политическое руководство Карелии в осуществлении финнизации и извращении принципов национальной политики⁴⁾. Сталинское руководство все больше опасалось предполагаемого сопротивления контролю центра, который постепенно начинает «определять себя в категориях русской националистической географии с имперскими наклонностями, что особенно проявлялось в противопоставлении „буржуазному“

¹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 272. Подробнее см.: Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989.

² Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 272.

³ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 53.

⁴ Аптекарь В. Б., Быковский С. Н. Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов языковедов. Известия государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. X, вып. 8–9. С. 16–17. Цит. по: Anttikoski E. Neuvostoliiton kielipolitiikka ja Karjalan kirjakielen suunnittelu 1930-luvulla. Opinnäyte. Joensuu, 1998. Luku 7.1. S. 1 (доступно в Интернете: <http://www.geocities.com/Athens/4280/lisuri7.html>).

национализму народов, оказавшихся по обе стороны государственной границы»¹. Так постепенно вызревает идея выведения на первый план карельского языка.

Первая половина 1930-х гг. стала пиком языкового строительства². Среди прочих была предпринята и попытка создания литературного карельского языка. Под руководством профессора Д. В. Бубриха был разработан проект карельской письменности на основе латинского алфавита для карел Тверского округа Московской области. За основу были взяты карельские тверские говоры, которые в сравнении с языковой ситуацией в Карелии, были относительно едины. К сожалению, созданный вариант литературного карельского языка развития не получил, и на этом процесс «карелизации» в Московской области постепенно затух. Руководство Карельской АССР было вынуждено следовать предложенной стратегии, но ему удалось на некоторое время отложить введение карельской письменности в Карелии. На этом этапе концепция так называемого «карело-финского» языка, суть которой заключалась в обогащении финского языка карельскими элементами, переживает очередной всплеск, но вскоре и этот вариант решения языкового вопроса был признан неудачным.

Руководству республики удалось несколько отсрочить введение в Карелии карельского языка в качестве официального, несмотря на серьезное обсуждение с обвинениями в задержке развития народного карельского языка, осуществлении в Карелии искусственной финнизации, в проведении общей с заграничной буржуазией политики создания «Великой Финляндии». Правительству Карельской АССР было рекомендовано приступить к созданию карельского литературного языка с учетом опыта подобного введения для тверских карел, о чем шла речь на заседании Президиума Совета Национальностей 25 апреля 1931 г.³ Менять политическую линию в языковом вопросе было необходимо, поэтому возникает идея «карелизации» финского языка через искусственное введение в него карельских элементов. На совещании Карельского обкома ВКП(б) нарком просвещения Карелии И. П. Гришкин при обсуждении опыта введения карельского языка в Тверской области поддержал Г. Ровио в том, что бесконтрольное заимствование русских слов приведет вновь созданный карельский язык в тупик, поскольку при таком развитии он звучит как исковер-

¹ Барон Н. Указ. соч. С. 307.

² Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 74.

³ Стенограмма заседания Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР // *Ab imperio*. Казань, 2002. № 2. С. 361—413.

канный русский язык, что не может не вызывать комического эффекта. И. П. Гришкин предлагал проводить начальное обучение на карельских диалектах, а впоследствии начать издавать и литературу на диалектах. При этом язык этих изданий он предлагал максимально приблизить к финскому языку, заменяя русские слова, использующиеся в карельских диалектах, на понятные карелам финские. Наряду с этим «карельским процессом» должна была идти работа и по усовершенствованию финского языка. Пролетарский финский язык должен был «отмежеваться» от «буржуазного» языка Финляндии. Его следовало развивать таким образом, чтобы в нем нашли отражение все достижения революции и советской культуры, а также сблизить его лексику с карельской. Подобные языковые трансформации должны привести к возникновению карело-финского языка, который на следующей ступени культурного развития станет финским литературным языком, обогащенным революционной терминологией и карельской лексикой¹. Только что созданному Карельскому научно-исследовательскому институту вменялось в обязанности проведение планомерного и систематического исследования финского литературного языка и его социалистическое развитие, введение определенных терминов, создание новых слов, заимствование новых слов в соответствии со структурой и законами финского языка².

После прихода к власти в Германии в январе 1933 г. Гитлера Финляндия в глазах центральной советской власти встала в один ряд с фашистскими государствами. Карельское национальное руководство, «стребившееся к созданию в Карелии плацдарма для будущей финской революции» и до сих пор пользовавшееся сначала большей, затем меньшей поддержкой центральной власти, в 1935 г. было отстранено от руководства республикой, а позднее и уничтожено (Э. Гюллинг погиб в июне 1938 г., Г. Ровио – в апреле 1938 г.³), финский язык объявлен «вражеским», культурная среда очищена от финского влияния. Финский язык в этот период отождествляется исключительно с бело-финским фашистским правительством Финляндии, само слово «финский» используется исключительно в негативном значении⁴. Началось распространение так называемой «диалектной письменности». В основном она развивалась на ливвиковском наречии с введением отдельных элементов финской орфографии,

¹ Национальный архив Республики Карелия, ф. 3, оп. 2, д. 558, л. 2–30.

² Punainen Karjala. 1931. 8 декабря. S. 2.

³ Кирккунен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 256.

⁴ Austin P. M. Op. cit. P. 193.

финских и русских лексических заимствований и синтаксических конструкций¹. С января 1938 г. в Карелии запрещается использование финского языка в образовательной, просветительской и издательской деятельности². После 1938 г. оставшиеся в живых старались скрыть свое финское происхождение, вплоть до изменения национальности, и максимально растворялись в национально-языковом большинстве. На этом в истории Карелии завершается эпоха «красных финнов», а с ней и первый этап функционирования финского языка в СССР.

Решение о смене финского языка карельским в конце 1930-х гг. создало серьезную проблему на всех уровнях. Финский язык, имевший давнюю литературную традицию, хоть и был чужим для карел, но все же был им понятен и справлялся с возложенной на него функцией официального языка. Теперь же, когда его место предстояло занять карельскому языку, обслуживавшему только бытовую сферу карелоязычного населения, сразу же встал вопрос о создании литературной формы карельского языка. Перед лингвистами встала практически нереальная задача, поскольку три наречия, разобщенные еще к тому же и территориально, невозможно было искусственно объединить в рамках одного литературного языка. Трудно отказать Г. Ровио в справедливости его утверждения, что «создание литературного языка потребует громадных научных и пр. трудов и усилий, не говоря о средствах (особенно это актуально для только формирующейся экономики республики. – А. Б.). Притом процесс создания языка – процесс длительный, требующий времени, чтобы его внедрять постепенно в массу населения, обогащать, изменять в самом процессе его внедрения и в процессе развития экономически-культурной и общественной жизни края, который этот язык призван обслуживать»³.

Государственным языком Карельской АССР карельский язык официально стал в 1937 г., когда использование финского языка практически прекратилось из-за массовых гонений и репрессий в отношении финской эмиграции, достигших к этому моменту своего пика. Безусловно, принять решение о создании единого литературного языка для всех карел гораздо проще, чем непосредственно создать та-

¹ Анттикоски Э. Проблема карельского литературного языка в 1930-е и 1990-е годы // www.geocities.com/Athens/4280/rus_doklad.html.

² Клементьев Е. И. Финны в зеркале переписи 1989 года // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 116.

³ Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 18.

кой язык, и вопрос о реалистичности поставленной задачи вряд ли обсуждался со специалистами. Несмотря на то что «языковое строительство – прежде всего социологическая задача, а роль лингвистов хоть и важна, но она скорее техническая», им приходилось без всякой помощи социологов, которых попросту не существовало, и часто при некомпетентном вмешательстве властей «решать выходявшие за пределы лингвистики проблемы, действуя методом проб и ошибок»¹. В таких условиях началась работа над новым литературным языком. Для него, вновь под руководством профессора Д. В. Бубриха, была создана орфография, уже на кириллической основе (что можно расценивать и как «чисто политическое мероприятие», дополнительный способ маскировки реальных интересов, лежащих вне лингвистики, хотя в пользу этого приводились и лингвистические аргументы, например, что в кириллице 33 буквы, а в латинице лишь 26²), и разработана грамматика, опирающаяся в целом на южные и тверские говоры собственно-карельского наречия с отдельными чертами ливвиковского наречия. Целый ряд вновь вводимых норм шел вразрез с привычными языковыми традициями большинства диалектов, что не могло не вызвать недовольства у носителей языка, которым предстояло переучиваться собственному языку из-за введения этих новшеств. Следует отметить, что вплоть до осени 1937 г. вопрос о нормировании карельского языка вообще не стоял. Орфография всех опубликованных текстов на карельском языке была исключительно на совести самих авторов, пытавшихся по мере сил, зачастую очень произвольно, подверстать свой диалект под морфологические и синтаксические нормы финского языка³. С осени 1937 г. в советской Карелии начинается поэтапное введение карельской письменности, «которая вытеснила финский из общественной жизни, школ и печати»⁴. По данным А. И. Афанасьевой, в 1936–1937 гг. языком обучения в школах в большинстве национальных районов республики становится русский (карельский при этом используется в качестве вспомогательного), однако в северо-западных районах Карелии обучение все еще ведется на финском языке⁵. Э. Анттикоски же пишет о том, что финский язык перестал использоваться в школах Средней и Южной Карелии несколько позже – лишь с осени 1937 г.⁶

¹ Алпатов В. М. 150 языков и политика. С. 79.

² Там же. С. 61–62, 90.

³ Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 4.

⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 257.

⁵ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 53.

⁶ Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 3.

В Конституции Карелии, принятой в 1937 г., за карельским языком был закреплен статус официального языка республики¹. Вместе с тем из языка изымаются финские заимствования, а также исключается «как неблагонадежная» исконно карельская лексика, являющаяся общей в карельском и финском языке. Этот процесс был обусловлен марровской идеей о классовом характере языка и создании в будущем интернационального языка, который должен возникнуть в результате смешения всех языков². В результате официальный карельский язык для карел стал малопонятным. Такой карельский язык, на который в 1937 г. успели перевести даже Конституцию, производит довольно комическое впечатление. Смесь русской лексики и карельской грамматики больше понятна носителю русского языка, нежели карелу, тем более финну: *Karjalan Avtonomoin Sovetskoin Sotsialistiitseskoin Respublikan Konstitutsia (Osnovnoi zakona). ... Respublikka on rabootshoilojen i krestjuanojen sotsialistiitsheskoj gosudarstva*³.

Через год, осенью 1938 г., начинается очередной этап моделирования литературного карельского языка, и к весне 1939 г. разрабатываются новые правила, уже на основе ливвиковского наречия. Пополнение словарного запаса предполагается проводить за счет русских заимствований.

После войны с Финляндией в апреле 1940 г. официальным языком вновь созданной Карело-Финской ССР снова становится финский. Обоснованием такого решения служил политический тезис о том, что «финский язык станет основой межнационального сотрудничества в деле упрочения социализма», и использованное вновь утверждение прежнего, уже уничтоженного, руководства республики, что этот «высокоразвитый литературный язык, легко понятный карельскому населению, должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы и искусства и создания кадров интеллигенции»⁴. Тем более что дальнейшие колебания и «эксперименты с введением единого литературного карельского языка могли бы лишь задержать культур-

¹ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 201.

² Н. Я. Марру, в конце 1920-х гг. объявившему свое учение «марксизмом в языкознании», удалось добиться поддержки партийно-государственного аппарата и установить практически монопольное господство в советском языкознании вплоть до 1950 г. См.: *Анатом В. М.* История лингвистических учений. М., 1998. С. 228–229; *Он же.* 150 языков и политика. С. 56–58.

³ *Austin P. M.* Op. cit. P. 193–194.

⁴ Прибалтийско-финские народы России. С. 535.

ное развитие карельского населения»¹. Так в Карелии начинается второй этап функционирования финского языка. В этот период новых споров о создании карельского литературного языка или об особом развитии финского языка уже не возникало, поэтому с точки зрения принципов языкового моделирования этот этап истории финского языка в Карелии уже не так интересен, как 1920–1930-е гг.

II. В окружении русскоговорящего населения, многократно превосходившего по численности финноязычное, финский язык не мог не испытать сильнейшего влияния со стороны языкового большинства. В начале XX в. под воздействием русского языка, лексика которого в связи с масштабными изменениями общественно-политической и культурной жизни страны и появлением новых понятий значительно пополнилась новыми словами, в основном советизмами², в финский язык хлынул поток новых слов, что создало целый ряд проблем чисто лингвистического характера, касающихся, в основном, источников, направления и принципов пополнения лексического запаса. Для создания терминологии имеется четыре основных пути: заимствование из языков традиционной культуры, из русского языка, внедрение интернационализмов и использование собственных ресурсов³. На страницах финноязычных советских газет и журналов развернулось бурное обсуждение этого вопроса, зачастую с взаимными обвинениями и упреками авторов в ошибочном понимании развития финского литературного языка в Карелии, с одной стороны, в великорусском шовинизме⁴, с другой стороны, в финском буржуазном национализме⁵, ориентации на «фашистскую Финляндию»⁶. Авторы публикаций в основном склоняются к трем возможностям развития финского литературного языка. Одни полагают, что для обозначения новых явлений, возникающих в результате социалистического строительства, следует использовать лексические заимствования из русского (*kolhoosi, sovhoosi, kollektivisti*)⁷, а также предлагают активнее привлекать лексику карельских диалектов⁸. Другие утверждают, что язык

¹ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 66.

² Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 156.

³ Аллатов В. М. 150 языков и политика. С. 76.

⁴ Helo L. Voiko suomenkieli olla vallankumouksellista // Rintama. 1932. N 17. S. 15–16.

⁵ Vilmi O. Edelläolevan kirjoituksen johdosta // Punainen Karjala. 1932. 6 ноября. S. 2.

⁶ I. N. Siitä, miten terminologinen komissi jarrutti suomenkielen rikastuttamista // Punainen Karjala. 1937. 11 ноября. S. 3.

⁷ A. T. Kieltämme rikastuttamaan // Punainen Karjala. 1931. 14 декабря. S. 2.

⁸ Salo V. Suomenkielisen terminologian nykyyhetken kysymyksiä // Punainen Karjala. 1932. 11 мая. S. 4.

следует развивать не так, как это делается в капиталистической Финляндии, где «буржуазия использует язык в своих интересах», а языковая политика носит профашистский характер¹. Финский язык следует обогащать интернациональными словами, что будет способствовать его сближению с другими языками, а «в использовании терминологии стремиться к четкости и революционной последовательности»². Третьи высказывали опасения, что неразумное заимствование может привести к чрезмерной русификации финского языка, который окажется совершенно непонятным финноязычному рабочему классу Финляндии, Швеции и Америки³. Некритичное отношение к использованию иноязычной лексики уродует финский язык, включение в лексический корпус литературного языка слов, вошедших в активное словоупотребление карел и ингерманландцев, превращает его в малопривлекательный русско-финский микс⁴. Такая точка зрения характерна для финских иммигрантов, в том числе и для политического руководства Карелии. Все они оказались пуристами, строго следовавшими языковым традициям Финляндии и стремящимися к последовательному использованию собственных языковых средств даже для номинации советских реалий: *Neuvostoliitto* – Советский Союз, *vallankumous* – революция, *pikkuporvaristo* – мелкая буржуазия, *puolue* – партия⁵.

По наблюдениям Э. Анттикоски, говорить о чрезмерной интернационализации или русификации финского языка первой половины 1930-х гг. нет оснований, так как для обозначения многих вновь возникших реалий в финноязычной прессе использовались собственные языковые резервы и, несмотря на ставший несколько более активным процесс калькирования, лексические заимствования встречались в текстах довольно редко⁶. При этом общая картина в стране была такова, что русские заимствования в языках народов СССР составляли в среднем 70–80 % новых терминов⁷. Сильные изменения социально-экономической и общественной жизни требовали новых наименований. Процесс введения в обиход новых слов ускорялся благодаря развитию международной терминологии. Это особенно важно, когда

¹ *Hämäläinen M.* Suomen kirjakielen vallankumouksen henkeä // Punainen Karjala. 1932. 12 апреля. S. 3.

² *Salo V.* Op. cit. S. 4.

³ *Rautio H.* Suomenkielen runtelijoita vastaan! / Vast. toim. E. Parras. Petroskoi, 1932. S. 59–61; *P. N.* Huomio kirjakielemme // Kirja. 1932. N 1. S. 18–20.

⁴ *Helö L.* Op. cit. S. 16.

⁵ *Austin P. M.* Op. cit. P. 189.

⁶ *Anttikoski E.* Op. cit. Luku 7.2. S. 12.

⁷ *Алланов В. М.* 150 языков и политика. С. 92.

носители разных языков живут бок о бок на одной территории в одних и тех же условиях.

Финские исследователи Э. Анттикоски и М. Юликангас¹, рассуждая о постепенном оттеснении финского языка с первых позиций в 1935–1937 гг. под нажимом центральных властей, незадолго до введения в качестве официального карельского языка, упоминают о деятельности Терминологической комиссии по финскому языку при Карельском Научно-исследовательском институте как об одном из важных событий в истории функционирования финского языка в Карелии. В газете «Punainen Karjala» («Красная Карелия») 11 марта 1936 г. появилась небольшая заметка «Karjalan Tieteellisen Tutkimusinstituutin terminologiselta komissilta» («От терминологической комиссии Карельского Научно-исследовательского Института»), в которой сообщалось о ее создании и целях деятельности, а именно «...для закрепления в финском языке новых слов и терминов, возникших в процессе социалистического строительства в СССР и революционного движения международного пролетариата, и для унификации уже имеющейся терминологии, использование которой было непоследовательным, а также для введения в финский язык слов карельского языка». Для успешной работы комиссии широкой советской общественности предлагалось «активно вносить предложения по введению в финский язык отдельных слов, обращать внимание комиссии на неудачные или даже ошибочные переводы слов и предложений и обращаться в комиссию с вопросами терминологического характера»². Сообщалось также, что терминологическая комиссия намерена ежемесячно публиковать информационные сообщения. Ниже прилагался список из 40 слов, представляющих собой пары лексем, состоящие из русских интернационализмов и советизмов и их финских эквивалентов. Несмотря на обещание Терминологической комиссии, следующее информационное сообщение вышло впоследствии еще только один раз — 4 июня 1936 г.³, хотя в соответствии с планом работы только до конца года должно было быть опубликовано четыре таких сообщения⁴. Во втором сообщении содержалось 32 слова и выражения.

¹ Anttikoski E. Op. cit.; Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004.

² Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 1 // Punainen Karjala. 1936. 11 марта. С. 4.

³ Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 2 // Punainen Karjala. 1936. 4 июня. С. 4.

⁴ Научный архив Карельского НЦ РАН (далее — НА КарНЦ РАН), ф. 1, оп. 3, д. 182, л. 36–37.

В первом информационном сообщении терминологическая комиссия предупреждала читателей, что предлагаемые финские слова лишь рекомендуются к употреблению¹. Такой рекомендательный характер словоупотребления привел, по мнению скрытого за инициалами I. N. автора статьи о негативном влиянии деятельности терминологической комиссии на обогащение финского языка, к тому, что слова не только не закреплялись в языке, но вызывали еще большую путаницу и непоследовательность в использовании терминологии². Во многих случаях для русских слов предлагалось как собственное финское слово, так и русское заимствование: *deno* – *depo*, *varikko*, *индустриализация* – *industrialisointi*, *teollistuttaminen*, *нация* – *naisio*, *kansakunta*, *план* – *plaani*, *suunnitelma*, *район* – *rajoni*, *piiri*, *революция* – *revolutsio*, *vallankumous*, *резолюция* – *resolutsio*, *päätöslauselma*, *совет* – *sovetti*, *neuvosto*, *советская власть* – *sovettivalta*, *nauvostovalta*, *темн* – *tempno*, *vauhti*, *ударник* – *udarnikka*, *iskuri*, *агентство* – *toimisto*, *edustus*, *журнал* – *zhurnaali*, *aikakausjulkaisu*, *aikakauslehti*, *привилегия* – *privilegio*, *etuokeus*, *принцип* – *prinsiippi*, *periaate*. Иногда количество финских эквивалентов доходило до трех-четырех: *сельсовет* – *selsovetti*, *kyläsovetti*, *kyläneuvosto*, *база* – *pohja*, *perustus*, *baasa*, *baasis*, *приказ* – *prikaasi*, *päiväkäs्य*, *määräys*, *käs्य*.

Среди лексических заимствований сразу бросается в глаза их слабая фонетическая освоенность. В словах *zhurnaali*, *depo*, *privilegio*, *batrakkii*, *deputaatti*, *agentuuri* сохраняются звонкие согласные. Лишь на месте русского *з* регулярно появляется *s*: *baasa*, *resolutsio*, *industrialisointi*, *patriotismi*, *natsionalismi*, *shovinismi*.

В ряде случаев при заимствовании из русского языка лексемы подвергались частичному словообразовательному калькированию, т. е. полукалькированию: *ударничество* – *udarnikkuus* (-*uus* – продуктивный собственно финский суффикс абстрактных существительных с общей семантикой ‘свойство’), *индустриализация* – *industrialisointi*, *комплектование* – *komplektointi* (-*ointi* – суффикс отглагольных существительных). Иногда интернационализмы, т. е. слова, «совпадающие по своей внешней форме, с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках, с полно или частично совпадающим смыслом, выражающим понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующим в разных, прежде всего неродственных (не ме-

¹ Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 1 // Punainen Karjala. 1936. 11 марта. S. 4.

² I. N. Op. cit. S. 3.

нее чем в трех) языках»¹, не претерпевали серьезной морфологической трансформации, а лишь подвергались минимальной ассимиляции: *демонстрация* – *demonstratsio*, *капитуляция* – *kapitulatsio* (наряду с указанным предлагался и другой словообразовательный вариант – *kapitulointi*), *нация* – *natsio*, *революция* – *revolutsio*. Такой путь освоения заимствований имел к моменту нового всплеска применения в начале XX в. уже давнюю историю в языке: латинские и греческие заимствования начали входить в лексикон еще на этапе формирования финского литературного языка (*akvaario*, *depressio*, *eroosio*, *evoluutio*, *konservatorio* и т. п.). Морфологически эта довольно продуктивная модель накладывается еще и на производные слова, использовавшиеся ранее в диалектах и вошедшие в литературный язык в XIX в. (*kuvio*, *kansio*, *häiriö*, *hirviö* и т. п.)².

Русские слова, заканчивающиеся на согласную, все-таки в подавляющем большинстве случаев подвергались при заимствовании некоторой морфологической адаптации: к последней согласной (*k*, *p* и *t* при этом геминировались) добавлялась гласная *i*, что заметно облегчало склонение новых слов: *sovetti*, *kulakki*, *kolhoosi*, *bolshevismi*, *prikaasi*, *plaani*, *deputaatti*, *rajoni*, *rekordi* и т. п. Этот способ, самый продуктивный и давно используемый в финском языке при освоении заимствований³, в полной мере позволял таким словам беспрепятственно встраиваться в морфологическую систему наряду с уже давно вошедшими в язык лексемами иноязычного происхождения, в основном латинского и греческого происхождения, например, оканчивающимися на *-isti*, со значением представителя конкретной профессии или носителя определенной идеологии, такими как *pianisti*, *statisti*, *fasisti*, *natsionalisti*, *optimisti*, *pessimisti*, *kommunisti*, и лексемами на *-ismi*, обозначающими сферу деятельности человека, идеологическое направление или мировоззрение: *fasismi*, *nationalismi*, *optimismi*, *pessimismi*, *kommunismi*⁴. В этом ряду находятся как ранние заимствования, которые уже даже не воспринимаются как иноязычные (*tuoli* ‘стул’, *lasi* ‘стекло’, *kaali* ‘капуста’, *naapurit* ‘соседи’), так и более молодые и даже совсем новые (*brändi* ‘бренд’, *keissi* ‘кейс’, *netti* ‘интернет’).

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 197.

² Iso suomen kielioppi / Päätoim. A. Hakulinen. 3. painos. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 950. Helsinki, 2005. S. 187.

³ Iso suomen kielioppi. S. 176.

⁴ *Lepämaa A.-L., Lieko A., Silfverberg L. Miten sanoja johdetaan. Suomen kielen johtopöytä.* Helsinki, 1996. S. 78.

Однако в газетах 1930-х гг. обнаружился целый ряд слов, которые по некоторым параметрам невозможно встроить в известные словообразовательные модели. Среди них несколько слов, обозначающих человека по роду занятий или характеру деятельности: *kolhosnikka*, *udarnikka*, *otlitsnikka*. Несмотря на общий формант *-kka*, оформляющий многие неличные существительные (*etikka* ‘уксус’, *kapakka* ‘кабак’, *lusikka* ‘ложка’, *piirakka* ‘пирог’, *silakka* ‘салака’, *urakka* ‘сдельная работа’, *almanakka* ‘календарь’, *klinikka* ‘клиника’¹), *kolhosnikka*, *udarnikka* и *otlitsnikka* семантически совсем не соотносятся с приведенным в скобках рядом слов. Довольно странно выглядит и слово *utshastika* ‘избирательный участок’ из-за комбинации трех разных по месту и способу образования согласных *stk*, что вообще не характерно для фонетической системы финского языка². Это говорит о том, что при создании газетных текстов переводчики и редакторы в силу ограниченных сроков на подготовку материалов при отсутствии четких рекомендаций в отношении формирования языковых норм были вынуждены прибегать к прямым заимствованиям, поскольку большинство национального населения было двуязычным, и этот способ пополнения лексического запаса был в таких условиях самым простым.

В финноязычной прессе в большом количестве печатались переводы русских газет. Наиболее интенсивным этот процесс становится в 1934 г., а к 1936 г. положение еще больше усугубляется. К примеру, объем переводных материалов в журнале «*Rintama*» в 1936 г. превосходил объем оригинальных (т. е. на финском и карельском языках) в три раза³. Любая газета должна оперативно реагировать на события, поэтому перевод выполнялся в сжатые сроки. Нехватка времени и квалификации, а также жесткий цензурный надзор заставляли переводчиков и редакторов заимствовать, кроме внушительного объема лексики, еще и синтаксис⁴, превращая текст на финском в языке в банальный подстрочник. Примером «цензурной бдительности», доходящей порой до абсурда, может служить письмо секретаря Карокружка И. Беякова от 11.03.1938 г. секретарю Каробкома ВКП(б) Смирнову, где адресант сообщал о прямо контрреволюционных формулировках в сигнальном экземпляре журнала «Карелия» № 1–2: «В речи товарища Сталина, строки 7–10, где употребляется термин *ил-*

¹ Iso suomen kielioppi. S. 176–177.

² Исключение составляют комбинации согласных (кластеры), одна из которых гемината, обозначаемая на письме двойной буквой, другая, как правило, — сонорная (*harppi*, *voltti*, *punkki*).

³ *Анто Э. Л.* Указ. соч. С. 80.

⁴ *Anttikoski E.* Op. cit. Luku 7.2. S. 10.

ман, подразумевающее (по-вашему) русские слова *без, нет*, можно было заменить термином *эй оле* или просто *эй*. <...> Понятие фразы *мейен фабрикойсса и заводойсса руатах илман капиталистоя* по-нашему такое: *на наших фабриках и заводах работают мировые капиталисты*. Прошу это учесть и видимо ускорить работу по рассмотрению терминологии¹. Такое толкование приведенной фразы выглядит более чем натянутым, поскольку здесь цензор принял за подрывную работу обычное языковое явление. Слово *илман* в отрыве от контекста может быть воспринято как предлог со значением ‘без (кого-л., чего-л.)’, а также как генитивная форма существительного *илма* ‘сторона, край, мир’. Однако в обсуждаемом случае контекст настолько однозначен, что данная грамматическая омонимия, т. е. омоформия, не может быть интерпретирована читателем иначе, как в значении ‘без (кого-л., чего-л.)’.

Не менее абсурдным выглядит привлечение к ответственности целого ряда сотрудников газеты «Вапаус» за «контрреволюционное извращение» приказа наркома обороны Ворошилова об увольнении из рядов РККА: вместо *морских сил* в газете было напечатано *кровавых сил*². А дело-то было всего в ошибке линотиписта, который в слове *merivoimat* вместо буквы *m* вставил букву *v* (*meri* ‘море’, *veri* ‘кровь’). Оценка подобных оплошностей находилась в самой прямой зависимости от политических установок. Безусловно, такие случаи не были единичными и зачастую имели самые плачевные последствия для «виновников».

Поскольку терминологическая комиссия была создана при научной организации, нет сомнения, что в ее состав должны были войти ведущие специалисты того времени. К сожалению, в статье не были названы их фамилии, однако по некоторым газетным публикациям ряд имен восстановить все-таки удалось. На страницах газеты «Punainen Karjala», журналов «Kirja» («Книга»), «Kevätvyöry» («Весенний поток») и «Rintama» («Фронт») в течение нескольких лет появлялись статьи о языковых проблемах, возможности их решения, а также чуть позднее, после начала репрессий в отношении финских эмигрантов, о «вредительской» деятельности терминологической комиссии.

Работа комиссии завершилась летом 1937 г. арестом ее руководителей – Павла Хюппенена, Карла Венто, Германа Лаукканена. В статье I. N. «Siitä, miten terminologinen komissi jarrutti suomenkielen

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. П-7209, т. 1, л. 12.

² Смирнова Т. М. О цензуре советской прессы на национальных языках в Ленинграде // Цензура и доступ к информации: история и современность. СПб., 2005. С. 80.

rikastuttamista» («О том, как терминологическая комиссия тормозила процесс обогащения финского языка») сообщалось об «изобличении буржуазных националистов», ориентирующихся в решении языкового вопроса на фашистскую Финляндию. Терминологическая комиссия обвинялась в проведении двойственной националистической политики, искусственном торможении развития финского языка, неверном толковании новых советских терминов, что лишало финноязычного читателя возможности участвовать в процессе социалистического строительства¹. Но несмотря на недовольство автора статьи, нельзя не признать, что количество заимствований в сравнении с языком первой половины 1930-х гг. заметно возросло: уже ставшие привычными собственные выражения заменяются русизмами и интернационализмами: *administratsia, deputaatti, ekspeditsija, industria, konstitutsio, komsomol, litfronti, susetti, loosunki, rajoni, respublikka, roodina, selsovetti, sheema, studentti, transportti, zhurnaali* и др. При этом русский язык выполнял роль посредника при заимствовании интернациональных слов. Безусловно, этот процесс был обусловлен политическими и идеологическими факторами².

Члены Терминологической комиссии оказались в числе жертв политических репрессий. Работать в условиях, когда научные взгляды и убеждения необходимо постоянно подверстывать под непрерывно меняющиеся политические установки, безусловно, очень тяжело. Финское происхождение, высокий для того времени уровень образования и профессиональная принципиальность, вероятнее всего, лишь ускорили печальную развязку истории их жизни. Вот некоторые выдержки из архивных справок УФСБ России по РК, составленных по материалам уголовных дел:

Венто Карл Эвертович, 09.01.1897 г. р., уроженец д. Питкяярви Финляндии, финн, (...) бывший редактор газеты «Пунайнен Карьяла», был арестован 26 октября 1937 г. НКВД КАССР и обвинен в том, что являлся участником шпионско-диверсионной организации, проводил финнизацию литературы, протаскивал контрреволюционные националистические идеи в газете «Пунайнен Карьяла» (...). По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 20 декабря 1937 г. Венто К. Э. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 28 декабря 1937 г. в окрестностях г. Петрозаводска. По определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 сентября 1956 г. дело на Венто К. Э. за отсутстви-

¹ I. N. Op. cit. S. 3.

² Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 7.

ем состава преступления производством прекращено. Венто К. Э. реабилитирован посмертно¹.

Хюппенен Павел Адамович, 21.04.1906 г. р., уроженец д. Тиховицы Красногвардейского района Ленинградской области, финн-ингерманландец, (...) работавший зав. отделом школ и культурпросветработы Карельского обкома ВКП(б) (...) был арестован 29 июля 1937 г. НКВД КАССР и обвинен в том, что являлся членом шпионско-повстанческой националистической организации, в школах разрешал использование завезенной из заграницы контрреволюционной литературы, проводил внедрение финского языка и финской буржуазной литературы. По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 04 января 1938 г. Хюппенену П. А. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 14 января 1938 г. в окрестностях г. Петрозаводска. По определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 15 декабря 1956 г. дело на Хюппенена П. А. за отсутствием состава преступления производством прекращено. Хюппенен П. А. реабилитирован посмертно².

Сало Виктор Викторович, 21.02.1892 г. р., уроженец Финляндии, финн, (...) бывший преподаватель Пед. института (...) был арестован 03 февраля 1938 г. НКВД и обвинен в том, что проводил шпионскую деятельность в пользу Финляндии, работая до 1936 г. деканом факультета языка и литературы Петрозаводского пединститута, не принимал мер по разоблачению националистического характера составленных программ на финском языке, игнорировал русский язык и русских классиков. По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 28 марта 1938 г. Сало В. В. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 22 апреля 1938 г. По определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 сентября 1956 г. (...) дело на Сало В. В. за отсутствием состава преступления производством прекращено. Сало В. В. реабилитирован посмертно³.

Хямяляйнен Матвей Михайлович, 1903 г. р., уроженец д. Лукаши Красногвардейского района Ленинградской области, финн, б/п, из крестьян, образование – высшее, окончил Ленинградский педагогический институт им. Герцена, работавший научным сотрудником Карельского научно-исследовательского института. Хямяляйнен М. М.

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. арх. № П–3307.

² Там же, уг. д. арх. № П–3446.

³ Там же, уг. д. арх. № П–3324.

в 1931–1932 гг. был участником лингвистической экспедиции к вепсам Ленинградской области (цель — создание вепсской письменности), в 1936 г. был участником лингвистической экспедиции по Карелии, возглавляемой профессором Бубрихом. 07.09.1938 был арестован и обвинен в том, что являлся участником антисоветской националистической организации в Карелии, проводил вредительскую работу в области срыва создания карельского литературного языка (...) По постановлению Прокурора КАССР от 26 февраля 1940 г. дело в отношении Хямяляйна М. М. было прекращено производством на основании ст. 204, п. «б» УПК РСФСР¹.

Подобная участь постигла и многих других исследователей, работавших в смежных областях лингвистики. Особенно значительными были репрессии среди национальных кадров². В 1994 и 2002 гг. из печати вышли две монографии, одна из которых была посвящена судьбе славистов («„Дело славистов“: 30-е годы»³), другая — тюркологов («Репрессированная тюркология»⁴). На данном этапе обнаружить среди материалов Научного архива Карельского научного центра РАН, Национального архива Республики Карелия, Архива УФСБ по РК документальных свидетельств деятельности Терминологической комиссии, кроме единственного плана работы комиссии⁵ за подписью Х. Лаукканена, датированного августом 1936 г., к сожалению, не удалось. Возможно, документы (планы работы, протоколы заседаний, отчеты и др.) были изъяты во время арестов или уничтожены. Часть уголовных дел пока еще закрыта для исследователей, хотя в Архиве УФСБ по РК на К. Венто, П. Хюппенена, Г. Лаукканена, В. Сало, М. Хямяляйна, имевших непосредственное отношение к работе терминологической комиссии, что удалось установить по публикациям в республиканской прессе 1930-х гг., имеется в общей сложности десять томов уголовных дел.

Опыт языкового моделирования в СССР в 1920–1930-х гг., который можно считать попыткой прорыва в будущее, к сожалению, оказался не подкреплён реальным уровнем развития общества и характеризовался нестабильностью избранного курса и откатами назад. При этом он оказал заметное влияние на развитие национальных языков,

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. арх. № П–7209.

² Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 88.

³ Ашин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1994.

⁴ Ашин Ф. Д., Алтатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М., 2002.

⁵ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 3, д. 182, л. 36–37.

особенно если сравнить их состояние с дореволюционным¹. Серьезный анализ причин и последствий действий национально-политического руководства республики, возможно, окажет определенный терапевтический эффект на действия тех, кто определяет направление национально-языковой политики сейчас и, возможно, будет определять в будущем.

¹ Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 101, 133.

Микко Юликангас

Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов

В статье представлено краткое изложение причин подъема и упадка финноязычной литературы Карелии предвоенного периода¹.

Зарождение литературного движения в Карелии

В основе всех проблем литературной жизни в Карелии лежало то, что здесь не было собственного национального литературного языка. Карелия является обладательницей богатейшего наследия в виде устного народного творчества и трех карельских диалектов, которые стали тремя разговорными языками. Диалекты карельского языка различались настолько, что их носители иногда испытывали затруднения при понимании друг друга². По этой причине литературная деятельность в Карелии вплоть до создания Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г. практически полностью осуществлялась на русском языке³. Радикальный перелом в литературной жизни Карелии произошел в конце Гражданской войны. Материальные условия периода военного коммунизма были до такой степени тяжелыми, что вероятность появления художественных произведений практически равнялась нулю. Революционный идеализм и связанный с ним литературный подъем в 1921 г. в результате проводившейся новой экономической политики, которая для многих воинствующих революционеров и класса пролетариев была идеологическим ядом, в известной степени потерпели крах. На этот процесс в значительной мере повлияло также и то, что в начале 1920-х гг. республика потеряла многих активистов русскоязычного литературного движения. Большинство писателей, попав в

¹ Статья основывается на монографии, подготовленной в виде докторской диссертации: Rivot suojiksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940 / Равняйся! Политическая цензура в художественной литературе Советской Карелии 1917–1940 гг. Helsinki, 2004.

² Jalava A. Kansallisuus kadoksissa. Neuvosto-Karjalan suomenkielisen epiikan kehitys. Rauma, 1990. S. 19; Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 15.

³ Афанасьева А. Культурные преобразования в советской Карелии (1928–1940 гг.). Петрозаводск, 1989. С. 41.

водоворот революции и в ряды Красной армии, оказались разбросанными по всей территории страны, и многим из них суждено было кануть в безвестность. После окончания Гражданской войны некоторые остались жить и работать вдалеке от родных мест, другие были направлены на работу в разные уголки Советской России по заданию партии¹. Но, несмотря на все эти проблемы, русскоязычные писатели Карелии сплотили свои ряды, и литературная деятельность в период, предшествовавший времени создания Карельской Трудовой Коммуны, начала постепенно возрождаться. В это же самое время начинается подъем и финноязычного литературного движения. Тем не менее в годы НЭПа ни одного крупного прозаического произведения на русском языке в Карелии так и не было опубликовано.

Зарождение финноязычного литературного движения

Советская финноязычная литература развивалась силами авторов, которых условно можно объединить в четыре группы. Первую составляли молодые литераторы, проживавшие в разных уголках Карелии. Вторую группу представляли финские писатели Ингерманландии и Петербурга, которые оказали заметное влияние на литературное движение в Карелии. Третья группа была сформирована литераторами, бежавшими весной 1918 г. в Петербург вместе с красными финнами. Четвертая сложилась из американских финнов, приехавших в 1930-е гг. строить новую Карелию, и красных, покинувших Финляндию во времена экономического кризиса, многие из которых обладали немалым писательским дарованием.

В составе политических эмигрантов, в 1918–1934 гг. бежавших в Россию, было довольно много писателей. Некоторые из них уже успели опубликовать свои произведения в Финляндии и Америке. Среди них Сантери Мякеля, Лаури Летонмяки, Хильда Тихля, Карло Хальме, Эмели Виртанен, Вернер Куусикко, Отто Ойнонен, Людвиг Косонен, Микаэль Рутанен и Тату Вяятыйнен. Кроме группы опытных литераторов, в рядах эмигрантов были и те, кто приступил к литературной деятельности уже в Советской России. Это Оскар Иоганссон, Рагнар Руско (настоящее имя – Рагнар Нюстрем), Лаури Луото (Вяйне Шегрен), Эйнари Лейно, Петри Пало, Урпо Такала, Вяйно Аалто, Аллан Висанен, С. Палерма (Юрье Ярвеляйнен), Сакариас Канкаанпя и Теодор Кеттунен. Вместе со своими родителями в Россию из Турку приехал и восьмилетний мальчик по имени Ульяс

¹ История литературы Карелии. Т. III. Ред. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2000. С. 70.

Викстрем, будущий председатель Карельского союза советских писателей.

Часть финских писателей выбрали в качестве постоянного места проживания Петербург, где они в скором времени создали собственную организацию, которая начала играть определенную роль в поликультурной литературной жизни города. Некоторые же по распоряжению Коммунистической партии Финляндии (КПФ) или ВКП(б) либо по приглашению финского руководства Карелии направились на работу в Карелию. Литературные круги Петербурга и Карелии на протяжении всего времени своего существования были тесно связаны между собой, поэтому литературное движение Карелии невозможно рассматривать без учета роли в нем Петербурга.

Финноязычная литературная деятельность в Карелии началась с издания газет. Большую роль в мобилизации писательских сил Карелии сыграл Ялмари Виртанен. В двенадцатилетнем возрасте он отправился из Падасйоки в Петербург, где застал революционные события 1905 г. Начиная с 1906 г. Виртанен публиковал свои стихи в Финляндии и Петербурге под псевдонимом Юхо Йоутсен. Во время Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Виртанен находился в Петербурге, но в 1918 г. он отправился в Сибирь для создания в Омской области финской сельскохозяйственной коммуны. После этих насыщенных событиями лет он вернулся в Петербург и в 1920 г. приступил к работе в газете «Vapaus» (*Свобода*). Уже в следующем году партия направила его на работу в прокуратуру КТК. При редакции газеты «Karjalan kommuuni» (*Карельская коммуна*), позднее «Punainen Karjala» (*Красная Карелия*), он открыл первый финноязычный литературный кружок. Основной целью создания кружка было обучение и поощрение начинающих литераторов, пишущих на финском языке. Их статьи печатались на страницах газеты «Karjalan kommuuni». В 1921 г. национальный литературный кружок был создан также в Ухте. Среди его членов-основателей был директор Ухтинского рабоче-крестьянского училища Арви Пакаринен (литературный псевдоним – Арви Нумми), а также карелы Николай Яккола, Ристо Богданов и Ииво Никутьев. Кружковцы начали выпускать рукописное издание «Nuori gaataja» (*Молодой труженик*), которое стало первым финноязычным журналом Карелии¹.

Вовлечение творческих сил в организованную деятельность беспрерывно оживляло литературный процесс. В 1924 г. на страницах газеты «Punainen Karjala» было опубликовано 23 стихотворения таких

¹ Punakantele. 1931. N 7. S. 18.

авторов, как Оскар Иоганссон, Лаури Летонмяки, Леа Хело, Матти Пурси, Хильда Тихля и Николай Яккола. Потребность в карельской литературе возросла в середине 1920-х гг. настолько, что литературно-художественных полос в газетах было уже недостаточно, чтобы удовлетворить возросший интерес к этой литературе. Возможности «Punainen Karjala» публиковать произведения художественной литературы были очень ограниченными, поскольку газета не могла размещать на своих страницах произведения более крупных жанров, чем стихи, рассказы и очерки. В таких условиях большим подспорьем оказалось открытое в Петербурге финское издательство «Kirja» (*Книга*), которое все чаще стало публиковать художественные произведения карельских писателей.

Финское политическое и государственное руководство Карелии стремилось сохранить национальный статус Карелии, в том числе и путем значительного расширения издательской деятельности на финском языке¹. В это же время заметно усилился поток иммигрантов, приезжавших в Карелию из США и Канады. Из Финляндии в Карелию прибывали в большом количестве как законные иммигранты, так и нарушители границы – перебежчики. Интересно, что в этот период, когда население Карелии прирастало десятками тысяч русских, заметного подъема русской литературы, который можно было бы сравнить с аналогичным развитием финноязычной литературы, не произошло. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, общий уровень образования и культуры финских иммигрантов был в среднем выше, нежели русскоязычных мигрантов-рабочих, которые зачастую были даже неграмотными. Во-вторых, финское руководство Карелии делало серьезную ставку именно на развитие финноязычной литературы. Действительно, местные карельские и русскоязычные писатели до некоторой степени намеренно не принимались властями во внимание. Вклад финнов в литературу Карелии был значительным, но их ведущая роль оказала деструктивное воздействие на литературный процесс республики.

Финское руководство постоянно стремилось к расширению использования финского языка среди карел в сфере образования, просвещения и культуры. В качестве аргумента, к которому прибегали финны при объяснении необходимости такой языковой политики, чаще всего использовался факт того, что большая часть карел хорошо понимала финский язык². Но, по данным переписи населения 1926 г.,

¹ *Kilin J. Suurvallan rajamaa: Neuvosto-Karjala Neuvostovaltion politiikassa 1920–1941. Jyväskylä, 2001. S. 126.*

² *Нуртеева А. Проблема карельского языка в АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 2. С. 1–3.*

из общего числа грамотных карел умели читать по-фински лишь 23,5 %. Однако Карельский обком партии в августе 1929 г. принял решение, согласно которому в кратчайшие сроки следовало расширить использование финского языка, который должен стать единым языком для всех карел.

Многие участники литературного движения Карелии также считали создание отдельного карельского языка ненужным мероприятием. В феврале 1931 г. на второй конференции Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), во главе которой стояло финское руководство, приняла решение об издании книг на разных карельских диалектах исключительно по необходимости и на тех территориях, где пока еще не используется ни один из официальных языков — финский или русский¹. Профинская языковая, литературная и издательская политика неизбежно вела к тому, что карелоязычная литература не развивалась, а карельский язык при пренебрежительном отношении к нему финской элиты сохранял репутацию народного языка рунопевцев. Карелоязычным писателям было трудно добиться публикации произведений на их родном языке, а на чужом для них финском языке выражать свои мысли и реализовать себя в качестве писателей они даже и не пытались. Финское руководство строго придерживалось принципа сохранения чистого финского языка и не желало предоставлять карельскому языку возможность развития, поскольку создание карельского литературного языка могло бы разрушить основы политики финнизации. Разочарование в отношении верховного представительства финнов, господствующего положения финноязычных писателей и чуждой, в основном финской, тематики в литературе вылилось наружу в 1935 г., когда политическая линия была кардинальным образом изменена.

Финская литература Карелии в эпоху диктатуры пролетариата

Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) была создана в конце 1925 г. Местные отделения Ассоциации работали по всей территории Советского Союза. При ленинградской ассоциации пролетарских писателей 10 февраля 1925 г. было открыто финское отделение², членами которого в конце 1930 г. были около 30 писате-

¹ Отчет Ялмари Виртанена о работе пролетарских писателей Карелии на съезде национальной секции ЛАПП 1931 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 2884, оп. 1, д. 1/19, л. 1.

² Nuori Kaarti. 1928. N 41 (13.10.1928). S. 42.

лей¹. Благодаря деятельности Ассоциации заметно улучшились возможности писателей публиковать свои произведения, поскольку партия активно поддерживала пролетарских писателей и стремилась таким образом «ковать» собственные коммунистические литературные кадры, которые бы вытеснили своими произведениями всю аполитичную «макулатуру», появившуюся во времена НЭПа². Создание РАПП имело важное значение для развития финноязычного литературного движения Петербурга и Карелии в свете партийного курса на поддержку развивающихся национальных литератур в разных регионах СССР³. Финские писатели уже в 1927 г. начали издавать журнал «Soihtu» (*Факел*), который стал первым в Советском Союзе финноязычным периодическим изданием⁴. Через год вышел в свет литературный журнал «Punakantele» (*Красное кантеле*), издававшийся Финским отделением ЛАПП совместно с Карельской ассоциацией пролетарских писателей. Эти два издания в 1931 г. были объединены, однако уже в следующем году название «Punakantele» с крестьянско-калевальской и национальной окраской было заменено на более соответствующее духу культурной революции «Rintama» (*Фронт*)⁵.

Воодушевленные ленинградскими писателями, литературные деятели Карелии полагали, что настало время объединения местных литературных сил. 8 июля 1926 г. в Петрозаводске была создана Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП). Первоначально в состав этого союза входило чуть больше десятка членов. До сих пор неизвестно, кто был инициатором создания КАПП. В российских литературоведческих исследованиях имеется упоминание о том, что съезд, на котором было принято решение о создании КАПП, проходил под председательством Т. К. Трифионовой (Кетлинской)⁶. С другой стороны, Вейно Салми пишет, что Ялмари Виртанен выступил в

¹ Soihtu. 1930. N 10. S. 15.

² Ответ драматургу В. Н. Билье-Белоцерковному (01.02.1929) // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 11. М., 1949. С. 326–329; Из неправленной стенограммы выступления И. В. Сталина на встрече с украинскими литераторами (12.02.1929) // *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг.* Составители: А. Артизов и О. Наумов. Ярославль, 1999. С. 104.

³ Постановление политбюро ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» 18.06.1925 // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. Составитель Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 21.

⁴ *Алто Э. Л.* Указ. соч. С. 29.

⁵ Punakantele. 1930. N 5. S. 1; 1931. N 3. S. 17; Протокол № 27 заседания бюро Карельского обкома ВКП(б) от 27, 09.06.1927 // ГАОПДФ, ф. 3, оп. 2, д. 103, л. 127; *Алто Э. Л.* Указ. соч. С. 46; см. также: Soihtu. 1929. N 10. S. 14.

⁶ Т. К. Трифинова (1904–1962) — известный советский критик и литературовед. См.: *История литературы Карелии*. Т. III. С. 70, 74.

роли той движущей силы, которая способствовала созданию писательской ассоциации в Карелии. Виртанен обсуждал этот вопрос с Гюллингом и Ровио, которые горячо поддержали его инициативу¹. Но самым важным здесь является не то, кто председательствовал на судьбоносном заседании, а то, какое значение имело создание КАПП для развития литературного движения в Карелии вообще.

Создание ассоциации во всех смыслах было значительным этапом в становлении литературного движения. Организация впервые объединила под одной крышей и под общими пролетарскими лозунгами разрозненные литературные силы финнов, русских и карел, поддерживающих власть большевиков. Благодаря КАПП литературное движение Карелии оказалось тесно связано со Всесоюзной ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП), управление которой осуществлялось из Москвы и Петербурга. Литературное движение Карелии получило развитие, но одновременно писатели республики должны были теперь подчиняться руководству «центра», которое диктовало своим членам от Владивостока до Ухты, что, когда и как они должны писать.

Ялмари Виртанен стал первым председателем КАПП. По описанию В. Салми, Виртанен был яркой персоной в организации, приверженцем большевистских идей, широкоплечим, темноволосым и коренастым. «Особенно он любил свою седую большевистскую бороду, которую он иногда, будучи увлеченным какой-нибудь женщиной, сбрасывал и оставлял только усы. У него всегда была точно такая же фуражка, как у Сталина и большевистских руководителей»². В письмах Виртанена конца 1920-х гг. угадывается тонкая чувствительная авторская натура, которой довольно трудно найти равновесие между художником и пролетарием³. В ноябре 1928 г. он писал родственникам, что с удовольствием бы оставил свою работу и стал свободным художником, ведущим бродячую жизнь⁴.

Под руководством Виртанена КАПП вскоре превратилась в организацию, главным образом состоящую из финнов-эмигрантов. При этом финны составляли и значительную часть писателей-активистов. Большинство из них состояло в партии и принимало участие в революционной борьбе как в России, так и в Финляндии. Среди них были

¹ Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 4 BC, Käsikirjoituksesta «Ihmisiä kuohujen keskellä», osa II, s. 138.

² Ibid. S. 142.

³ Письмо Ялмари Виртанена Лауре и (двоюродному брату) Аугусту 18 августа 1928 г. Из личного архива Лаури Саломаа.

⁴ Письмо Ялмари Виртанена в Финляндию 4 ноября 1928 г. Из личного архива Лаури Саломаа.

бывшие красногвардейцы и члены Коммунистической партии Финляндии.

Деятельность КАПП поначалу была довольно скромной. Вайно Салми иронически замечает, что применительно к ассоциации уместнее было бы говорить не о «союзе» или «объединении», а о кружке¹. Во второй половине 1926 г. КАПП провела около 20 литературных вечеров, где читались лекции о литературе, декламировались и обсуждались произведения членов ассоциации. В преддверии десятилетнего юбилея Октябрьской революции КАПП активно принимала в свои ряды новых членов из рабочей среды. Процесс шел вполне успешно, и совсем скоро число членов ассоциации достигло 40 человек². В честь праздника по радио прошла трансляция праздничной кантаты Ялмари Виртанена в нескольких частях, которая была написана в очень типичной для пролетарского искусства манере, имитирующей работу на заводе: патетическую арию сопровождал хор из 80 человек, удары молота, звуки пулемета и выстрелы винтовок³. Стремительный рост числа членов ассоциации привел к тому, что в ноябре 1927 г. КАПП уже была разделена на два отделения: русское и финское, а в декабре кроме них начало работу еще и карельское отделение. Финское отделение в январе 1928 г. возглавили Ялмари Виртанен, Федор Ивачев и Рагнар Руско⁴.

Писатели-члены КАПП стремились сформировать о себе мнение как о настоящих пролетариях, обычных рабочих, которые пишут стихи для воодушевления представителей своего класса. Ялмари Виртанен вынужден был признать, что по социальному составу КАПП не вполне соответствовала требованиям пролетарской организации⁵. Из всех его членов 45 человек принадлежали к «трудовому классу»: 38 — к крестьянам, шесть человек были служащими и один определил свою социальную принадлежность как рыбак. В составе членов КАПП было слишком много представителей крестьянства, чтобы эта организация в полной мере могла быть литературным органом борющегося пролетариата. Кроме того, из числа непосредственных членов ассоциации лишь троих можно было однозначно отнести к рабочим.

¹ Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 4 BC. Из рукописи «Ihmisiä kuohujen keskellä», часть II, с. 138.

² *Анто Э. Л.* Указ. соч. С. 15.

³ Jalmary Virtasen kirje Augustille ja Lauralle Petroskoista 28.11.1927. Lauri Salomaan kokoelma.

⁴ Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961). Составитель: М. Ф. Пахомова. Петрозаводск, 1963. С. 50.

⁵ Отчет Ялмари Виртанена о работе пролетарских писателей Карелии на съезде национальной секции ЛАПП 1931 г., 16.4.1931 // НА РК, ф. 2884, оп. 1, д. 1/19, л. 7–9.

Ситуация в литературных кружках, поддерживаемых КАПП, была не намного лучше. Среди их членов было только 13 рабочих. Большая часть из тех, кто посещал кружки, работала в газетах, госучреждениях, занималась преподавательской деятельностью и партийной работой. Остальные, практически без исключения, были студентами¹.

Пережившая активный подъем, литературная деятельность в Карелии в 1929 г. неожиданно оказывается в глубоком кризисе. Зимой 1929–1930 гг. КАПП вообще не вела в Петрозаводске никакой работы. Произведений, заслуживающих особого внимания, не появилось. Упадок литературной деятельности особо отмечен в обзоре издательства «Kirja» 1929 г., опубликованном в журнале «Punakantele». Положение с литературой называется в нем даже катастрофическим². 1930 г. ситуацию в лучшую сторону не переломил³. Так плачевно в конце года обстояли дела не только с созданием литературно-художественных произведений, но и с работой в массах. Удалось открыть всего четыре литературных кружка, два из которых работали в Петрозаводске⁴. Во многом кризис можно объяснить внутренними конфликтами в РАПП и разгромной критикой творческой работы.

Ситуация, сложившаяся с литературной организацией Карелии, стала предметом обсуждения в Карельском обкоме ВКП (б), поскольку в конечном итоге именно партийная организация несла ответственность за деятельность ассоциации. Обком совместно с руководством КАПП составили программу оздоровления писательской организации и провели Вторую конференцию пролетарских писателей Карелии⁵. В конференции, прошедшей в Петрозаводске 1–4 февраля 1931 г., приняли участие 33 делегата. Было избрано новое руководство ассоциации, в которое от финских литераторов вошли член райисполкома партии Ялмари Виртанен, бывший красногвардеец Оскар Иоганссон, только что приехавший из США Вяйне Аалтонен и поэт-ингерманландец Леа Хело. Представителями карел в правлении КАПП были Ристо Богданов и Федор Ивачев, от русских писателей был Федор Трофимов. Известный писатель Юрий Либединский представлял в руководстве КАПП Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей. Кандидатами в члены правления были избраны карел Сантери Кириллов (Кале Юссила), Герман Лаукканен, Вяйне

¹ Список членов КАПП (составлено в 1931 г.) // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 811, л. 38–39.

² Punakantele. 1929. N 4. S. 1.

³ См.: Punakantele. 1931. N 7 и N 15; *Анто Э. Л.* Указ. соч. С. 54–55.

⁴ Punakantele. 1930. N 8. S. 16.

⁵ Протокол № 27 заседания секретариата Обкома ВКП(б) 28–29.01.1931 // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 1, л. 58.

Салми и И. Петровский. Среди других наиболее заметных фигур в Ассоциации того времени были Б. Леонтьев, ингерманландец Матти Пуроси, Рагнар Руско и Хильда Тихля.

Число членов КАПП в 1931 г. составило 44 человека, из них 27 финнов, восемь русских, восемь карел и один еврей. Кроме того, в литературных кружках Кондопоги, Ребол, Ругозера, Кестеньги, Ухты и Сямозера насчитывалось в целом 46 членов (31 финн, 14 карел и один эстонец). КАПП, таким образом, по составу была преимущественно финским объединением, при этом наибольшее влияние на организацию оказали именно эмигрировавшие финны¹. Заметнее всего это проявилось в тематике, языке произведений и уровне образованности начинающих писателей.

В начале 1930-х гг. в финском литературном движении появились новые имена. Среди иммигрантов, прибывших в Карелию из США и Финляндии, были уже именитые писатели. Поэт и критик Людвиг (Лулу) Косонен в 1930 г. прибыл в Россию после того, как отработал в Таммисаари два года на принудительных работах². В это время он уже был серьезно болен. Поэт и журналист Эмиль (Ээмели) Виртанен приехал в Петрозаводск в августе этого же года после полуторагодичного отбывания наказания за государственную измену. Вайне Аалтонен (псевдоним Эйно Кари), прозаик Сакариас Канкаанпя и писатель-лесоруб Микаэль Рутанен переехали из США в Карелию в 1931 г. Аалтонен возглавил одно из отделений Петрозаводского лесотехникума, Канкаанпя устроился на работу на лыжную фабрику. В результате несчастного случая на лесозаготовительных работах Рутанен погиб уже на следующий год. В это же время в Карелию приехал бывший моряк Эмиль Раутиайнен, которого в шутку называли «пиратом». В 1931 г. из Финляндии в Карелию бежали прозаик Алан Висанен, после трех лет принудительных работ в Таммисаари, и поэт Вейкко Эрвасти (Вальтер Вуокси)³. В 1932 г. прибыл изгнанный правительством США из страны Эмиль Паррас⁴. По заданию партии Э. Паррас, который работал корреспондентом «*Toveri*» («Товарищ») и

¹ Список членов КАПП // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 811, л. 38–39. Доля женщин составляла 17 % от списка членов.

² Л. Косонен родился в Петербурге в 1900 г.

³ Висанен впервые приехал в Россию в 1924 г., однако в 1928 г. был направлен КПФ обратно в Финляндию для подпольной деятельности. Практически сразу был арестован.

⁴ Suomen Washingtonin lähetystön ilmoitukset [Сообщения Посольства Финляндии в Вашингтоне] N 1454, 5.9.1931; N 45, 8.1.1932; Ulkoministeriön arkisto, fb 34: 1, Suomalaiset punakapinalliset ja kommunistit ulkomailla (финские красные повстанцы и коммунисты за границей).

«Tuömies» («Рабочий»), был направлен на работу в Карелию, где его назначили редактором сектора художественной литературы в издательстве «Kirja». В 1934 г. в Карелию приехал поэт Тату Вятяйнен, после четырех лет в Таммисаари, и Отто Ойнонен, бежавший из тюрьмы Суева. Вятяйнен публиковал стихи в Финляндии, в том числе в таких изданиях, как «Nuori työläinen» (*Молодой рабочий*) и «Liekki» (*Пламя*). Он был также одним из основателей Союза рабочих писателей Финляндии¹. По заданию партии он был направлен в Петрозаводск и назначен техническим редактором журнала «Rintama» (*Фронт*). Ойнонен бежал в Россию в 1918 г., у него за плечами, в частности, был опыт службы в Мурманском легионе². После Мурманского легиона он учился на курсах красных офицеров, но был отчислен раньше срока их окончания³. В 1923 г. он вернулся в Финляндию. Ойнонен тоже принял участие в создании Союза рабочих писателей Финляндии, работал секретарем Союза, а также был корреспондентом в газете весной 1929 г. В следующем году он был приговорен к шести годам тюремного заключения за коммунистическую деятельность. По возвращении в Петрозаводск он работал в отделе художественной литературы Карельского радио, в начале декабря 1934 г. устроился на работу в редакцию журнала «Rintama»⁴.

С 1931 г. литературное движение начинает постепенно возрождаться. В этом смысле большое значение имел перенос основной деятельности издательства «Kirja» из Петербурга в Петрозаводск. Это стало настоящим импульсом в развитии финноязычной литературы Карелии. В 1930–1931 гг. в этом издательстве вышли такие книги, как поэтический сборник Германа Лаукканена «*Elettyä*» (*Пережитое*)⁵, песенно-поэтический сборник Эйнари Лейно и Готфрида Хампфа

¹ *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa I: kaksi puoluekirjallisuutta ja muotovallankumous (1918–1930). Juva, 1983. S. 318.

² Мурманский легион был создан британцами одновременно с Карельским легионом летом 1918 г., располагался в районе Кандалакши. — Прим. ред.

³ ЦГАИПД СПб, ф. 3, оп. 6, дело Отто Ойнонена.

⁴ Личные данные: протоколы допросов Государственной полиции (VALPO), личные папки и личные карточки; ГАОПДФ, ф. 3, личные дела; НА РК, личные дела; ЦГАИПД СПб, ф. 3, оп. 6, личные дела; РГАЛИ, ф. 631, оп. 1, д. 139, личные данные членов Карельского союза советских писателей; *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa I: kaksi puoluekirjallisuutta ja muotovallankumous (1918–1930); *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa II: pulan, fasismin ja sodan varjossa (1930–1944). Juva, 1984; *Lahti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan. Venäjänsuomalaiset vainouhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun. Vammala, 2001. См. также письмо Арво Туоминана О. В. Куусинену 21.06.1936 // РГАСПИ, ф. 516, оп. 2 (1936), д. 7, л. 62.

⁵ Здесь и далее в скобках дается буквальный перевод названий.

«*Radan varrelta*» (С железной дороги), поэтический сборник Ялмари Виртанена «*Rivist suoriksi!*» (Равняйсь!), пьеса «*Voitto on meidän*» (Победа будет за нами) и сборник «*Merkkitulet*» (Сигнальные огни) Сантери Кириллова, поэтические сборники Леа Хело «*Nuoret mielet*» (Младые души) и «*Astun yli*» (Перешагну) и «*Kahleissa*» (В кандалах) Рагнара Руско¹. Самым активно публикующимся автором был, однако, Лаури Луото, бывший крестьянин и красногвардеец, приехавший в Карелию в 1930 г., который уже к концу 1920-х гг. издал четыре объемных романа о гражданской войне и бегстве красных финнов. Однако книги вышли не в издательстве «*Kiija*», а в США². Рукописи романов в толстых конвертах пересылались в Америку, где их опубликовало издательство «*Tuomies Society*»³. Часть тиража была отправлена на продажу в СССР. Л. Луото, возможно, даже и не предлагал свои произведения издательству «*Kiija*». Рукописи бы тогда непременно были подвергнуты цензуре, чего Л. Луото из-за своего болезненного отношения к критике, очевидно, всерьез опасался. Отрицательный отзыв цензоров означал бы запрет на отправку его рукописи в США. Не исключено, что Л. Луото, постоянно нуждавшийся в деньгах, рассчитывал и на авторский гонорар в долларах. Авторское вознаграждение он получил в виде двух печатных машинок и денег в пределах 120 долларов. Крестьянское происхождение и активная издательская деятельность Л. Луото за границей не могли не вызвать недовольства и раздражения в писательских и партийных кругах. То, что романы Л. Луото не были подвергнуты цензуре, обернулось для него большими проблемами. Так как цензура и писательский коллектив не смогли «вычистить» его произведения на стадии рукописи, эти романы превратились в настоящий клад для тех, кто занимался поиском политических промахов.

Милитаризация политики РАПП расколола литературный фронт СССР и по сути лишила многих писателей возможности заниматься литературным трудом и участвовать в советском строительстве. В соответствии с рекомендациями партии было решено литературную деятельность СССР вести по-новому. На смену РАПП должно было прийти новое литературное объединение – Союз писателей. В мае 1932 г. Оргбюро ЦК назначило оргкомитет по подготовке к созданию

¹ НА РК, ф. 2884, оп. 1, д. 2/19; *Savolainen Y. Voittomme suomenkielisen kaunokirjallisuuden luomisen alalla // Vapaus. 1935. N 26.*

² Личные папки Вяйно Шегрена и Хильды Шегрен в архиве Государственной полиции (VALPO). Kansallisarkisto, VALPO I; kotelot 133, 128.

³ Письмо Матти Тенхунена из США Юрье Сирале, 16.02.1927 // РГАСПИ, ф. 525, оп. 1, д. 105, л. 16.

Союза советских писателей (ССП). Соответствующие оргкомитеты ССП следовало создать и во всех национальных республиках¹. В Карелии по решению партийного руководства председателем оргкомитета ССП был назначен Ялмари Виртанен, членами оргкомитета — Отто Вильми, Герман Лаукканен и Хильда Тихля. В июле 1932 г. в обкоме был сделан вывод о том, что оргкомитет в течение лета не достиг никаких видимых результатов в работе, и его состав был изменен. Председателем остался Я. Виртанен, секретарем был назначен Топиас Хуттари, а членами оргкомитета стали Николай Яккола, Оскар Йоганссон, Станислав Колосенок и Иосиф Моносов².

Очевидно, и новый состав не удовлетворил руководство, потому что в октябре 1933 г. вместо Ялмари Виртанена на должность председателя Каробкомом был назначен Николай Яккола, на должность секретаря — Станислав Колосенок. Причина смены команды до сих пор остается неясной. По словам Я. Виртанена, он сам слишком поспешно попросил о смене председателя. Но возможно, что за этим решением все-таки стоял обком партии, который оказался недоволен деятельностью Я. Виртанена летом — осенью 1933 г. Не исключено также влияние и национально-политических причин. Во время существования КАПП финское влияние на всю литературу Карелии было очень заметным. В свете проводимой в СССР национальной политики намечались определенные реформы, и в новых условиях вместо председателя финна по происхождению и секретаря-ингерманландца были назначены карел и русский соответственно. Новый председатель Николай Яккола до назначения на эту должность работал редактором газеты «Nuori kaarti» (*Молодая гвардия*)³. В период своего председательствования Н. Яккола параллельно возглавлял местное цензурное ведомство (Карлит), так что его кандидатура рассматривалась, прежде всего, с точки зрения успешного проведения линии партии в литературе⁴.

¹ Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по выполнению постановления политбюро ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», 07 мая 1932 // *Власть и художественная интеллигенция*. С. 175–176.

² Rintama. 1932. N 15–16. S. 16; Об утверждении состава оргкомитета СП Карелии. Протокол № 21 заседания секретариата Каробкома 25 июля 1932 // *НА РК*, ф. 3, оп. 2, д. 694, л. 12.

³ Н. М. Яккола в 1923–1931 гг. жил в Ленинграде, где учился в Коммунистическом университете национальных меньшинств Северо-Запада. В 1929 г. стал редактором финноязычной молодежной газеты «Nuori kaarti». Работал также токарем на заводе «Электросила». См. подробнее: Писатели Карелии. Библиографический словарь. Петрозаводск, 2006. С. 277–279. — *Прим. ред.*

⁴ Из речи Ялмари Виртанена в Москве 03.11.1932 // РГАЛИ, ф. 631, оп. 1, д. 12, л. 54.

Перспективу создания нового литературного издания в Карелии уже когда-то начинали рассматривать, но этот вопрос был закрыт, когда Петрозаводск и Ленинград не сошлись во мнениях по этому поводу. После создания оргкомитета ССП идея собственного издания вновь стала актуальной. Руководитель культпропотдела обкома партии И. Гришник в декабре 1932 г. выступил с официальным предложением о создании финноязычного литературного журнала «Isku» (*Удар*), но секретариат обкома партии его отклонил¹. Несмотря на это, писательский актив пренебрег мнением партии и в октябре 1933 г. создал финноязычное издание «*Uus-salvos*» и второй журнал на русском языке. Однако в конце концов от создания новых изданий вскоре пришлось отказаться.

В 1932–1933 гг. в издательстве «*Kirja*» вышло рекордное количество литературы на финском языке, в общей сложности около 30 художественных изданий. Наиболее значительными из них стали произведения «*Kontipohja-iskutyö*» (*Ударный труд Кондопоги*), «*Jokaiselle ansioiden mukaan*» (*Каждому по заслугам*) и «*Iiro ja Matreena kolhoosi-iskureiden kokouksessa*» (*Ииро и Матрена на собрании ударников колхоза*) Оскара Йоганссона, «*Kuinka Dmitri Fomitsh liittyi kolhoosiin*» (*Как Дмитрий Фомич вступил в колхоз*), сборник рассказов «*Risukarhin alta*» (*Из-под бороны*) и «*Rajalla*» (*На границе*) Торстена Хеймоваара, «*Multalan Heikki ja hänen Miinansa*» (*Хейкки Мултала и его Миина*) Урпо Такала, поэтический сборник «*S*» Юрьё Кивимяки, поэтический сборник «*On suuri iskumme voima*» (*Великая сила нашего удара*) Эйнар Лейно; сборник рассказов на северокарельском наречии «*Lentomassiina*» (*Летающая машина*) Антти Тимонена и «*Neuvostomaata rakentamassa*» (*На строительстве советской страны*) Эмеля Раутиайнена. Преобладали произведения, посвященные событиям Гражданской войны и международному рабочему движению: роман «*Jumyvaaralaiset*» (*Жители Юмюваара*) и пьеса «*Jättiläisvaltimo sykkii*» (*Гигантская артерия пульсирует*) Эмиля Парраса; «*Punaista elämää*» (*Красная жизнь*), «*Nuotio palaa*» (*Костер горит*), пьеса «*Teppojevin keksintö*» (*Изобретение Теппоева*) и книга для детей «*Antero*» (*Антеро*) Алана Висанена; книги «*Nuorta verta*» (*Молодая кровь*), «*Mereltä leipää hakemassa*» (*В море за хлебом*) и «*Antin ja Petrin matka*» (*Путешествие Антти и Петри*) Эмиля Раутиайнена; «*Murrosajan lapset*» (*Дети переломного времени*) и «*Anissa*» (*Анисса*) Петри Пало; сборник рассказов на карельском языке «*Jauhinkivi*»

¹ Об изданиях СП Карелии. Из протокола секретариата Каробкома ВКП(б), 09.12.1932 // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 697, л. 7.

(Жернов) Федора Ивачева; роман Сакариаса Канкаанпяя «*Voittamattomat*» (Непобедимые); роман Хильды Тихля «*Lehti kääntyy*» (Страница переворачивается, I часть). Кроме этих произведений, вышли в свет также «*Muuttolinnut*» (Перелетные птицы) Эмиля Виртанена, «*Virtoja pitkin Vienaan*» (По течению в Северную Карелию) и «*Maine ja kunnia-asia*» (Дело чести и славы) Ялмари Виртанена; книги Леа Хело «*Miten kirja syntyi*» (Как родилась книга), «*Punainen armeija – vartija valpas*» (Красная армия – бдительный страж), «*Jokea voittamassa*» (Побеждая реку) и поэтический сборник Матиаса Рутанена¹.

Рост числа изданий, однако, вовсе не означал, что значительно вырос их уровень. Николай Яккола весной 1934 г. отмечал, что произведения писателей Карелии в художественном отношении еще не достигли высокого качества. Они страдали отсутствием глубины и шаблонным воплощением идеи². Одним из самых серьезных недостатков было то, что в литературе в очень малой степени представляли проблемы Карелии и СССР. По мнению партии, писатели слишком мало писали о Беломорско-Балтийском канале, Кандалакшском химкомбинате, Нивастрое или карельской лесной экономике. Финляндской тематике в их произведениях отводилось гораздо больше места³.

О невысоком уровне художественной литературы говорят и другие факты. Когда в январе 1934 г. издательство «Кирья» объявило конкурс произведений малой прозы, итоги его оказались малоутешительными. Представленные работы были настолько слабы, что оргкомитет принял решение о неприсуждении с первой премии по шестую. Седьмое место в конкурсе занял рассказ Урпо Такала «*Multalan Heikki ja hänen Miinansa*» (Хейкки Мултала и его Мийна). По мнению конкурсной комиссии, большинство из представленных одиннадцати произведений не соответствовали даже минимальным требованиям, предъявляемым к творчеству начинающих писателей. Члены жюри высказались о работах как о скучной, банальной, бесцветной, безжизненной и грубой «писанине». Авторам не удалось передать «живости и полноты переживаемой эпохи». Кроме того, отмечалась элементарная безграмотность и такая общая политическая ошибка всех произведений, как недостаточное внимание ведущей роли партии в жизни общества⁴. Немногим лучше оказались результаты конкурса драмати-

¹ Отчет о работе Карельского оргкомитета Союза советских писателей (20 мая 1932–01 марта 1934) // НА РК, ф. 3, оп. 3, д. 210, л. 4–6.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Rintama. 1934. N 9–10. S. 47.

ческих произведений, который был проведен по инициативе Карельского совнаркома весной этого же года. Вниманию жюри было представлено 15 пьес на финском и одна на русском языке. С первой премии по третьей конкурсная комиссия вновь никому не присудила. Четвертое место разделили между пьесой «*Jättiläisvaltimo sykkii*» (Гигантская артерия пульсирует) Эмиля Парраса и музыкальным спектаклем «*Herra Melpurin sotaanlähti*» (Господин Мальпери идет на войну) Ялмари Виртанена и Лаури Луото¹. Даже лидер карельской литературы Ялмари Виртанен оказался подвергнут критике. В 1933 г. в русском переводе был опубликован его поэтический сборник «*Tuön lomassa*» (Помимо работы), который встретил очень холодный прием у критиков «Литературного Ленинграда» – издания ленинградского отделения ССП. Критик Я. Эйдук похвалил стихотворения за соответствие партийным принципам, однако в качестве недостатка указал отсутствие у автора художественного самовыражения. По его мнению, стихи Я. Виртанена представляют собой не поэтические произведения, а изложение газетным языком сухих фактов, за исключением лишь того, что они облачены в рифмованную форму².

Эпоха советской литературы

11–13 июня 1934 г. в Петрозаводске прошла конференция, на которой было принято решение о создании Карельского отделения ССП. Торжественное открытие состоялось в летнем театре Парка металлистов³. На конференцию съехалось 45 участников из Карелии, а также прибыла группа гостей из Ленинграда. Здесь же было избрано правление в составе семи человек под председательством Ялмари Виртанена. Секретарем был назначен Николай Грибачев. Членами ССП стали, помимо Я. Виртанена, Эмиль Паррас, Хильда Тихля, Рагнар Руско, Оскар Иоганссон и Лаури Луото. Кандидатами в члены были избраны Сергей Норин, Аллан Висанен, Николай Грибачев, Эмиль Виртанен, Федор Ивачев и Виктор Сало. Все они были в прошлом активистами КАПП⁴. Несколько странным выглядит тот факт,

¹ О конкурсе драматургии Совета Народных Комиссаров Карелии // НА РК, ф. 3, оп. 3, д. 210, л. 12.

² Эйдук Я. Поэт советской Карелии // Литературный Ленинград. 1933. 27 июля. С. 3. Стихи Виртанена перевел на русский язык, по всей видимости, Н. Рождественский.

³ *Ruhanen U.* Syytetynä suomalainen. Lilja ja Urho Ruhasen elämäntien kirja / Toim. Juha Virkkunen. Oulu, 1989. S. 200.

⁴ Списки членов правления республик и областей // РГАЛИ, ф. 631, оп. 1, д. 139, л. 15.

что в члены Союза советских писателей Карелии не была предложена кандидатура писателя Вернера Куусикко. Когда он в 1932 г. приехал в Карелию, на его счету было уже пять опубликованных в Финляндии пьес. В Карелии он работал в Республиканском радиокомитете. За время, которое В. Куусикко прожил в СССР, он опубликовал несколько стихотворений, написал два радиоспектакля и две пьесы для Национального театра Республики Карелия — «*Tulivuori*» (Вулкан) и «*Uittokämpellä*» (В избушке сплавщиков). Кроме этого, к шестнадцатой годовщине Октябрьской революции он написал поэму в шестьсот строк «*Kaksi kanavaa*» (Два канала), которая легла в основу первой в истории советской Карелии оперы¹. Его богатое творчество, безусловно, позволяет отнести его к самым плодовитым писателям Карелии, и он, конечно, заслуживал членства в ССП. Поводом отклонения его кандидатуры, очевидно, послужило его исключение в июне 1933 г. из партии, когда в партийных рядах проходили массовые чистки. Исключение мотивировалось тем, что его родственница — Хильда Херрала — была членом социал-демократической партии Финляндии. Затем В. Куусикко был уволен из радиокомитета и в 1934 г. оказался среди лесозаготовителей в Медвежьегорском районе на Челмужском лесопункте².

Закрытие конференции Союза советских писателей Карелии состоялось в гостинице Инснаба на ул. Вытегорской. Как пишет Вяйно Салми, на угощение не поспешили. Сразу же при входе становилось понятно, что такое социалистическое изобилие: «Длинный стол был накрыт по-праздничному. Стояли холодные закуски, разная водка, бутылки красного и белого вина, и вдобавок еще сказали, что каждый может угоститься еще и у стойки». Вечер был очень приятным, при этом речей не произносили, стихов не читали, и никакой другой программы предусмотрено не было. Все это сильно отличалось от всех предыдущих подобных мероприятий РАПП, которые при всей их скромности не были скучными и включали в себя какую-нибудь программу³.

¹ Письма Вернера Куусикко родственникам в Финляндию 15.01, 05.02, 27.03, 16.03, 17.04, 10.05, 25.10. и 25.11.1933 // *Kostiainen A.* Werner Kuusikon Neuvosto-Karjala vuonna 1933 // Turun historiallinen arkisto No 47 / Toim. T. Soikkanen. Turku, 1992. S. 292–339; *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa I: kaksi puoluekirjallisuutta ja muutovallankumous (1918–1930). S. 311–314.

² *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa I: kaksi puoluekirjallisuutta ja muutovallankumous (1918–1930). S. 311–314; *Lahti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaan...

³ Kansan arkisto, Väinö Salmi, käsikirjoituksesta «Ihmisiä kuohujen keskellä», osa II, s. 167.

При выдвижении кандидатов в члены ССП карельское отделение должно было предварительно направлять списки кандидатур в Ленинградский комитет ССП, который после их избрания посылал документы в Москву в приемную комиссию ССП РСФСР на утверждение. В список кандидатов в члены Союза советских писателей Карелии, который был направлен в Ленинград, было включено 28 имен¹. Предварительное решение, полученное из Ленинграда, было несколько неожиданным. К примеру, председатель оргкомитета Союза советских писателей Карелии Николай Яккола не прошел через Ленинградский комитет даже как рядовой член Союза писателей. Я. Виртанен предположил, что кандидатура Н. Яккола не прошла по художественным соображениям, из-за отсутствия необходимых для избрания произведений². Но на этом неприятности не закончились. Комиссия Ленинградского отделения ССП случайно потеряла все заявления вместе с приложениями, посланные из Карелии, и в результате документы в Москву даже не попали. Таким образом, члены Союза советских писателей Карелии не получили официального подтверждения своего членства в Союзе писателей СССР. Им не было выдано членских билетов, и они оказались лишены целого ряда льгот, распространявшихся на членов ССП³. Исключением стал только Я. Виртанен, который как член Карельского ЦИКа проходил процедуру избрания в Москве и автоматически вошел в Центральное управление Союза писателей СССР. Остальным членам и кандидатам в члены Союза советских писателей Карелии пришлось ждать два года, прежде чем приемная комиссия Союза писателей СССР 3 июля 1936 г. рассмотрела вновь представленный от Карелии список кандидатов.

В преддверии конца финского периода

Резкое изменение курса национальной политики СССР в первой половине 1930-х гг. привело к тому, что в конце 1935 г. финское руководство республики было отстранено от дел. После проведения V Пленума Карельского обкома ВКП(б) чистки проводились на всех уровнях. В конце сентября 1935 г. начались аресты, заметно учащившиеся к середине октября. Массовые аресты в Петрозаводске

¹ Отчет Ялмари Виртанена о работе Карельского союза советских писателей 20.03.1936 // РГАЛИ, ф. 631, оп. 5, д. 49, л. 20.

² Там же, л. 21.

³ Отчет Ялмари Виртанена о работе Карельского союза советских писателей 20.03.1936 // РГАЛИ, ф. 631, оп. 5, д. 49, л. 20; Рапорт руководству Союза советских писателей Н. Ф. Рождественского о поездке в Карелию 26.12.1935 // РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, д. 46, л. 53.

начались в ночь на 16 октября¹. Из членов писательской организации были арестованы Лаури Луото, Вяйно Аалтонен, Отто Ойнонен, Айно Керттула и Анни Кукконен². Л. Луото и О. Ойнонен были отправлены в Ленинградский следственный изолятор, в новое здание НКВД на Литейном проспекте. Поэт В. Аалтонен, выходец из Турку, очень чувствительный по натуре человек, был освобожден 11 февраля 1936 г. В тюрьме он заболел туберкулезом³. А. Керттула вышла на свободу в конце февраля – начале марта. Л. Луото пробыл в заключении на ул. Шпалерной одиннадцать месяцев, а О. Ойнонен – девять⁴. Возможно, арест Л. Луото объяснялся тем, что на Пятом пленуме обкома Калле Венто, говоря об ошибках на литературном фронте, особенно делал упор на романы Л. Луото – «*Lakeuksien Aunus*» (На олонецких просторах) и «*Jäämeri ärjyy*» (Бушует Ледовитый океан)⁵. Карельский Союз писателей также ставил на рассмотрение Петрозаводского горкома ВКП(б) вопрос о Л. Луото. Причиной послужило то, что несмотря на запреты, Л. Луото продолжал посылать свои произведения в Америку для публикации⁶. Когда Л. Луото вернулся осенью 1936 г. в Петрозаводск, его с трудом можно было узнать: «...из человека крепкого телосложения он превратился в седого, бледного, сторбленного старика с ввалившимися глазами, в которых посверкивал страх и которые будто хотели провалиться еще глубже. ... казалось, что бледная кожа скрывает, помимо костей, еще очень и очень многое»⁷.

Из-за проводившихся чисток Я. Виртанен при активном содействии обкома партии в конце 1935 г. составил новый список членов Союза советских писателей Карелии. Комитет по приему в члены Союза писателей СССР в июле 1936 г. утвердил в качестве новых

¹ *Kangaspuro M.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000. S. 328.

² Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 4 BC, käsikirjoituksesta ”Ihmisiä kuohujen keskellä”, osa II, s. 345; *ibid.*, kansio 5 BB; *Lehto K.* Vastavallankumouksellinen. Juva, 1995. S. 46; письмо Матти Тенхунена из Петрозаводска Арво Туоминену в Москву, 22.10.1935 // РГАСПИ, ф. 516, оп. 2, д. 27 (1935), л. 109.

³ Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 4 BC, käsikirjoituksesta ”Ihmisiä kuohujen keskellä” II osa, s. 385.

⁴ *Salmi Väinö.* Punaisen sirpin Karjala. Muistelmia ja vastamuistelmia suomalaisten kommunistien kohtaloista Neuvosto-Karjalassa. Jyväskylä, 1976. S. 65, 81.

⁵ K. Vennon puheenvuoro // Punainen Karjala. 9.10.1935. S. 3; НА РК, ф. 3, оп. 4, д. 129, л. 5. См. также: Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 7 BE, käsikirjoituksesta ”Kommunistien katkera valtataistelu 1918–1938 Neuvostoliitossa”, s. 192.

⁶ Доклад Я. Вирганена Пааво Холппонену 7.10.1935 // НА РК, ф. 3, оп. 3, д. 364, л. 35–38.

⁷ Kansan arkisto, Väinö Salmi, kansio 4 BC, käsikirjoituksesta ”Ihmisiä kuohujen keskellä”, osa II, s. 155.

членов следующих литераторов: Я. Виртанена, Х. Тихля, Э. Парраса, О. Иоганссона, Р. Руско, Ф. Ивачева, А. Висанена и У. Руханена. Однако А. Висанен совсем недолго был в рядах Союза писателей – в сентябре 1936 г. в возрасте 33 лет он умер от туберкулеза. Кандидатами в члены ССП были избраны Сергей Норин, Александр Линецкий, Николай Грибачев, Эмиль Раутийнен, Сакариас Канкаанпя, Эмиль Виртанен и Эйнари Лейно¹. В соответствии с национальной принадлежностью список членов ССП, утвержденный в Москве, выглядел следующим образом: финнов – 11, русских – 3, карел – 1. Соотношение «националов» (т. е. финнов и карел) и русских, 12 : 3, оказалось несколько неожиданным для Карельского обкома.

Проблемы адаптации финских писателей

Большая часть финских писателей страдала от чрезмерной перегрузки в работе и недостаточного знания русского языка. Кроме того, они продолжали ощущать сильную привязанность к родной Финляндии, из-за чего они во многом оказывались изолированными от советской действительности. Многие из них в политическом и культурном отношении с трудом приспосабливались к советским условиям. Не стоит забывать и о том, что большая часть активно работающих финноязычных писателей приехала в СССР уже в середине 1930-х гг. Многие еще не слишком хорошо познакомились с обстановкой, чтобы сразу начать создавать актуальные произведения о советской жизни². Они еще не осознали, кто они в этой стране: то ли ожидающие возвращения на родину беженцы, которые должны продолжить развивать традиции рабочей литературы Финляндии за границей, то ли Советский Союз – их родной дом, и им нужно раствориться в большой советской литературе. По мнению Ю. Сирола, финские писатели Карелии должны были поддерживать традиции рабочей литературы Финляндии, которая в начале 1930-х гг. подверглась притеснениям на родине³. Они не предполагали, что их эмиграция и жизнь в СССР так затянется. Большинство из них Советский Союз рассматривался как временная безопасная гавань и плацдарм для подготовки общемировой революции. В 1930-е гг. крепили иллюзии, что уже совсем скоро можно будет вернуться в

¹ Rintama. 1936. No 14.

² См., например: Werner Kuusikon kirje sukulaisille Suomeen, 17.6.1933 // *Kostiainen A. Werner Kuusikon Neuvosto-Karjala vuonna 1933*. S. 330.

³ Письмо Юрье Сирола Урхо Руханену, 15.08.1935 // РГАСПИ, ф. 516, оп. 2 (1935), д. 29, л. 190.

Советскую Финляндию. По этой же причине многие даже не начинали изучать русский язык и предпочитали не выходить в общении за рамки своего узкого круга. Как пишет Кертту Нуортева, круг интересов большинства финских эмигрантов замыкался лишь на революции в Финляндии, которая потерпела неудачу. Многие не испытывали к СССР и в целом ко всему русскому даже поверхностного интереса. Не пытались они развить и собственное, привезенное с собой, культурное наследие, равно как и не прикоснулись к русской культуре¹. Рагнар Руско добавляет, что финноязычная литература была одной из самых отсталых в ряду национальных литератур Советского Союза, потому что финны даже и не пытались создать ничего нового².

Конец финского периода в литературе Карелии

Если взглянуть на план работы Союза писателей, то видно, что 1937 год в издательском отношении должен был стать очень продуктивным. Практически у каждого писателя должна была выйти книга, а у некоторых даже две³. Развитие русскоязычной литературы тоже явно пошло в гору. Но несмотря на это, перевес был на стороне художественной литературы на финском языке. Планировалось к выпуску 95 печатных листов непереводаемой литературы на финском языке, 39 листов на русском языке и 24 — на карельских диалектах. Но 1937 г. все перевернул. Сталинские репрессии, начавшиеся весной, быстро дошли и до писательской среды. Подозреваемые в троцкизме, сторонники Авербаха и прочие чуждые элементы были изгнаны из Союза писателей, а их произведения уничтожены. В Карелии репрессии носили национальный характер. Начальник отдела/управления цензуры Элиас Мякинен 3 июля получил распоряжение Каробкома, в соответствии с которым Карлиту предписывалось в течение одного месяца произвести конфискацию финской контрреволюционной литературы из всех библиотек и магазинов. Составленный в обкоме список литературы, подлежащей конфискации, включал все произведения Л. Луото, О. Иоганссона, А. Висанена и Л. Косонена, а также роман Х. Тихля «*Lehti kääntyy*» (Страница переворачивается), который

¹ *Niemi Irja (Kerttu Nuorteva)*. Neuvostokasvatti. Helsinki, 1944. S. 91–93.

² Punakantele. 1930. N 8. S. 16; *Rusko R.* Kansallisen proletaarisen taiteemme merkitys ja tehtävät // Punakantele. 1931. N 1. S. 1–2; Punakantele. 1931. N 22. S. 16.

³ Информация о работе Союза советских писателей Карелии, 25.03.1937 // НА РК, ф. 3, оп. 4, д. 365, л. 1–9; Творческий план Союза советских писателей Карельской АССР на 1937 г. // Там же, л. 14.

совсем незадолго до этого очень хвалили. В течение осени практически все финны были исключены из Карельского союза писателей. От уничтожения литературы до уничтожения самих писателей прошло совсем немного времени.

Авторы, не входившие в Союз писателей, были арестованы уже летом. Массовые аресты начались в конце августа. О. Ойнонен попал в тюрьму 31 августа. Таким образом, к началу осени все финские писатели-активисты, за исключением Леа Хело и Хильды Тихля, оказались арестованы. Та же участь постигла десятки начинающих писателей по всей Карелии. Лишь немногим посчастливилось после этого вернуться домой¹. Среди конфискованной и впоследствии уничтоженной литературы оказался целый ряд еще не завершенных произведений карельской литературы, в том числе исторический роман о Карелии Эмиля Парраса, роман о жизни колхоза «*Vihreä lakeus*» (Зеленый простор) Сакариаса Канкаанпя, поэтический сборник и сборник рассказов Тату Вятяйнена². Аналогичная судьба была уготована поэме «*Nivastroi*» (Нивастрой) Эмиля Виртанена, пьесе «Клим Соболев» о революционном освободительном движении в Карелии в XVIII веке и роману «*Keltainen merimies*» (Желтый моряк) Эмиля Раутиайнена, сборнику рассказов Хильды Тихля. Нелли Бекман пишет, что одиннадцать стопок рукописных произведений Р. Руско пропали по вине НКВД³. Когда был арестован Я. Виртанен, в его столе осталась рукопись романа Вяйно Салми «*Rintamalta ristikoiden taakse*» (С фронта за решетку)⁴. В момент ареста О. Иоганссона уже в печати находился его последний роман «*Suljettu vuono*» (Закрытый фьорд), который рассказывал о жизни мурманских рыбаков. Из всего романа сохранился только отрывок, который был опубликован в газете «Вапаус» 27 июля 1936 г.⁵ В недрах цензуры погряз также «*Kylväjä*» (Сеятель) Ээро Хаапалайнена. О произведениях В. Куусикко неизвестно ничего, кроме их названий. Возможно, пропавших произведений

¹ *Rugojev J.* Punakantele soi surut synkkähän korpeen... // Punalippu. 1988. N 3. S. 11.

² *Palmgren R.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa I: kaksi puoluekirjallisuutta ja muotovallankumous (1918–1930). S. 318; *Idem.* Kapinalliset kynät. Itsenäisyysajan työväenliikkeen kaunokirjallisuus. Osa II: pulan, fasismin ja sodan varjossa (1930–1944). S. 390.

³ ”Olet heikko ja avuton elämän edessä...” Ragnar Nyströmin 90-vuotispäiväksi // Punalippu. 1988. N 9. S. 107.

⁴ Информация о работе Союза советских писателей Карелии, 25.03.1937; Творческий план Союза советских писателей Карельской АССР на 1937 г.; *Salmi V.* Punaisen sirpin Karjala. S. 105.

⁵ *Vapaus.* 1937. N 171. S. 3; Kalervo ja Kyllikki Jogansonin haastattelu 27.9.2002 Helsingissä.

было еще больше, потому что почти все члены Союза писателей готовили по книге к двадцатой годовщине Октябрьской революции¹. Ни одна из названных книг до печати так и не дошла. Если бы более-менее спокойное время продолжилось хотя бы в течение еще одного года, финская литература оставила бы в Карелии гораздо более богатое наследство.

Вслед за арестом следовал суд, приговор которого для писателей, объявленных врагами народа и обвиненных в шпионаже и контрреволюционной деятельности, был несправедливо жесток. В Карелии были расстреляны Вяйне Аалтонен (10.2.1938), Готфрид Хампф (20.1.1938), Николай Хрисанфов (8.1.1938), Оскари Иоганссон (26.2.1938), Сакариас Канкаанпя (22.9.1938), Герман Лаукканен (22.9.1938), Эйнари Лейно (28.9.1938), Лаури Луото (9.2.1938), Отто Ойнонен (11.7.1937), Виктор Сало (22.4.1938), Иван Сергеев (17.9.1937), Юкка Тойвола (12.4.1938), Эмиль Виртанен (27.11.1937)², Вернер Куусикко (3.10.1938), Тату Вятяйнен (11.10.1938) и Ииво Никутьев (1939). Часть писателей погибла в лагерях. Эмиль Паррас погиб 23.1.1939 в лагере под Печорой, Вальдемар Викман в возрасте 42 лет в 1939 г. Сантери Кириллов был арестован в 1938 г. и умер в ГУЛАГе. По данным ФСБ, Ялмари Виртанен умер 2 апреля 1939 г. от энтероколита в лагере для перемещенных лиц, прожив после ареста немногим более года³. Удивительно, что слабый здоровьем, страдавший сердечными заболеваниями и ревматизмом, Я. Виртанен выдержал такой срок. Уже в 1931 г. в членской карточке КАПП в графе «Должность» он написал: *инвалид*⁴. Рагнар Руско был приговорен к десяти годам лагерных работ и отправлен на Дальний Восток. В лагере он вновь был осужден, уже за антисоветскую пропаганду, и 14.8.1938 расстрелян в городе под названием Свободный⁵.

Из 14 членов Карельского союза писателей десять пали жертвами террора. Та же участь постигла и писательский актив. Из 58 финнов, принимавших участие в деятельности КАПП в 1931 г., 31 человек,

¹ Письмо Ялмари Виртанена секретарю Союза советских писателей Ставскому, 29.9.1937 // РГАЛИ, ф. 631, оп. 6, д. 181, л. 27.

² Виртанен был казнен на территории современного силикатного завода в Петрозаводске вместе с 12 другими финнами. См.: *Virtanen R. Tiltun tarina. Eräs suomalainen elämäntarhanta. Hämeenlinna, 1996. S. 36.*

³ Копия справки об аресте и гибели Я. Э. Виртанена в ГУЛАГе // НА РК, ф. 2884, оп. 1, д. 2/43, л. 1.

⁴ Список членов Карельской ассоциации пролетарских писателей (сост. в 1931 г.) // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 811, л. 38.

⁵ *Авдеев С.* В лагере режиссер театра коллол зекам татуировки // Северный курьер. 1998. 23 декабря.

т. е. более половины, погибли в результате репрессий¹. По всей видимости, эта цифра на самом деле еще больше, поскольку точных данных о судьбах этих людей не сохранилось. Полностью отсутствует информация о 22 карелах, восьми русских, одном эстонце и одном еврее, которые входили в число членов КАПП.

Террор самым радикальным образом сказался на литературном движении в Карелии. Летом 1938 г. в Петрозаводске состоялся съезд, целью созыва которого было восстановить деятельность Союза советских писателей Карелии, оказавшегося в многомесячном кризисе. Список приглашенных на это мероприятие в полной мере отражает перемены в литературном движении Карелии, произошедшие всего за год: среди 91 человека не было ни одного финна². Издательский план «Каргосиздата» на 1938 г. тоже достаточно выразителен. Издательство планировало публикацию 180 книг на карельском языке и 81 книги на русском. Публикаций на финском языке в плане издательства нет совсем³.

О влиянии, которое оказали финские писатели на литературную жизнь Карелии в предвоенный период, в послевоенный период говорить было не принято. Лишь в 1940 г. в Союз писателей вновь были приняты финноязычные авторы. Первыми «новыми членами» ССП стали Леа Хело и Хильда Тихля. В советском литературоведении долгое время не признавался тот факт, что в Карелии до войны существовало литературное движение, заслуживающее какого-нибудь упоминания. После знакомства со статьей Ульяса Викстрема, опубликованной в «Punalippu» за 1947 г., может создаться впечатление, что круг финноязычных писателей с довоенного времени совсем не изменился⁴. В то же время член ССП Виктор Чехов, в свою очередь, уверяет читателя, что в Карелии до войны вообще финноязычных писателей не было⁵. Оба эти высказывания далеки от истины. В книге «Очерки литературы Карело-Финской ССР» (1954) тоже не дается практически никакого представления о предвоенном десятилетии. Однако в книге «Карельская литература», выпущенной под редакцией В. Иванова в 1959 г., уже ощущается дух «оттепели». Но лишь спустя десятилетия благодаря политическим переменам финская литература Карелии предыдущего поколения стала непредвзято анализироваться исследователями и может быть оценена публикой по достоинству.

¹ Список членов Карельской ассоциации пролетарских писателей (сост. в 1931 г.) // НА РК, ф. 3, оп. 2, д. 811, л. 38–39. Большую помощь в выяснении судеб финских писателей оказал мартиролог жертв террора, составленный Лахти-Аргутиной (2001).

² НА РК, ф. 3, оп. 5, д. 155, л. 15.

³ О работе Каргосиздата 1937 и 1938 // НА РК, ф. 3, оп. 5, д. 149, л. 1–2.

⁴ *Vikström U. Uudelle tasolle // Punalippu. 1947. N 3. S. 115.*

⁵ *Tshehov V. Karjalais-suomalaisen SNT:n kirjallisuus 25 vuoden aikana // Punalippu. 1948. N 7. S. 121.*

Елена Сойни

Поэзия-утопия финской иммиграции в России. 1920–1930-е годы

Весомый вклад русской эмиграции в мировую культуру заставил говорить об эмиграции как о самом мощном феномене «посредничества» в межнациональных связях. Не умаляя значения русской эмиграции, надо признать, что и вклад финской эмиграции в литературу был весьма ценным. И хотя исследователи справедливо считают, что для финских писателей-иммигрантов было характерно стремление интегрироваться в советскую литературу¹, быть подлинными интернационалистами, на наш взгляд, исключительно важным в поэзии финнов было отстаивание своей «финскости», лучших черт финского менталитета, что проявилось в тематике их произведений и, прежде всего, в идеализации труда.

С победой Октябрьской революции в России и с поражением рабочей революции 1918 г. в Финляндии в истории русско-финских литературных взаимоотношений начался новый и совершенно неожиданный для обеих литератур этап. Полученную в декабре 1917 г. независимость финская буржуазия направила против собственного революционно настроенного пролетариата. От репрессий красные были вынуждены скрываться в Швеции, Америке, Канаде. Масса беглецов устремила на Восток, в советскую Карелию, где их ждала судьба, полная трагических противоречий. В советской Карелии финский язык получил статус государственного, на нем стали издаваться десятки книг, была создана финская литература за пределами Финляндии. Советская Россия финансировала издания финноязычных журналов и газет, открывала для финских иммигрантов педагогические техникумы и даже институты. В судьбах финских иммигрантов в России были не только репрессии и лагеря, но и вполне счастливые годы, искренне воспетые финскими поэтами России.

Финскую поэтическую плеяду в литературе Карелии 1920–1930-х гг. представляли Ялмари Виртанен (1889–1939), приехавший в Карелию в 1921 г. из Ленинграда, Лаури Летонмяки (1886–1935), Сантери Мякеля (1870–1936), Рагнар Руско (1898–1939), Герман Ла-

¹ *Анто Э. Л.* Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии. В 3 т. Т. 2. СПб., 1997. С. 42–48.

укканен (1892–1943), Вальде Викман (годы жизни не выявлены), Оскар Иоганссон (1892–1938), Эмиль Виртанен (1900–1945), Вейкко Эрваста (1913–1947), Людвиг Косонен (1900–1938), Микаэль Рутанен (1883–1932). Их стихи публиковались в ленинградской газете «Vapaus» («Свобода») и в карельских «Karjalan kommuni» («Карельская коммуна»), «Punainen Karjala» («Красная Карелия»), в журналах «Punakantele» («Красное кантеле»), «Soihtu» («Факел»), в альманахе «Kevätvyöry» («Весенний поток»). С 1926 г. Я. Виртанен, О. Иоганссон, Р. Руско были членами карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), а позже были приняты в Союз писателей СССР. Лаури Летонмяки, Юрьё Сирола, Хильда Тихля, Ялмари Виртанен, Микаэль Рутанен, Сантери Мякеля приехали в Карелию уже состоявшимися писателями, а Рагнар Руско, Эмиль Паррас, Людвиг Косонен, Герман Лаукканен и многие другие впервые здесь вступили на литературную стезю.

Финноязычная поэзия и проза России 1920–1930-х гг. — одна из своеобразных страниц в истории словесного искусства. Это была литература, возникшая на перекрестке литературных традиций разных народов, стран и даже полушарий. Советская Карелия в 1920-х — в начале 1930-х гг. поистине стала Новым Светом для тысяч финнов, приехавших сюда из Финляндии, Соединенных Штатов Америки, Канады. С одной стороны, они перенесли в Россию культуру, в которой были воспитаны. И читателю, знакомому с финляндской и американской поэзией, не составит труда увидеть общие черты в творчестве Уолта Уитмена и российского финна Лаури Летонмяки, видной финской поэтессы Катри Вала и приехавшего в Карелию Микаэля Рутанена. С другой стороны, условия, в которых пришлось жить финнам в советской России, идеалы человеческих взаимоотношений были совершенно иными, чем в покинутых ими странах. И финноязычная поэзия, естественно, стала выражать во многом иные ценности. С советской Россией финны связывали мечту о социализме. Участники революционного финляндского движения, спасшиеся в России от тюрем белофиннов, смогли создать жизнеутверждающую, молодую по своему мироощущению поэзию.

Карельскими литературоведами Э. Г. Карху и Э. Л. Алто проанализирована эволюция финноязычной поэзии Карелии как ветви советской литературы. Э. Л. Алто отмечает в поэзии финнов излишнюю агитационность, декларативность, песенно-маршевый стиль. Все это справедливо. Мы постараемся взглянуть на отличительные черты поэзии финских эмигрантов как на особенность, полученную в наследство от Уолта Уитмена и эстетики финского экспрессионизма.

Будучи подготовленными культурной атмосферой Америки и после-революционной Финляндии, финские иммигранты встретились в советской России с поэзией Владимира Маяковского, а через него с эстетикой русского футуризма, почувствовали ее близкой своим поэтическим устоям.

В Ленинграде и Петрозаводске сначала в переводах, а вскоре и в оригиналах финны познакомились с многоголкой, противоречивой русской поэзией 1920-х гг. Игнорировать ее – значило обречь себя на неизбежный провинциализм. Этого не случилось, как не было и другой крайности – слепого подражания Владимиру Маяковскому, Сергею Есенину, Демьяну Бедному. Также в Карелии финны встретились с народом, давшим миру богатейший фольклор и сохранившим традиционную материальную культуру. Материальная культура карел, их национальные традиции, язык, природа, не могли не влиять и влияли на начинающих и опытных писателей, приехавших в Карелию, и в результате появилась уникальная финская поэзия России, в которой пересеклись различные литературные и фольклорные традиции. И эта поэзия была востребована, читаема как финским, так и всеми народами Карелии 1920–1930-х гг., однако критикой эта поэзия до сих пор не оценена по достоинству.

Критика не раз снисходительно писала о «скромных дарованиях» финских поэтов Карелии, что, на наш взгляд, явно несправедливо. Для новой, молодой, появившейся в столь необычных условиях литературы эти дарования были вполне серьезны.

Первый поэтический сборник «Kumouksen kuohuista» («Из бурных волн революции»), объединивший стихи трех поэтов – С. Мякеля, Г. Лаукканена и В. Викмана, вышел в ленинградском издательстве «Kirja» («Книга») в 1925 г. К этому времени Сантери Мякеля уже успел опубликовать отдельной книжкой рассказ «Linda» («Линда») о войне 1808–1809 гг. и роман «Elämä ikuisessa yössä» («Жизнь в вечной ночи», 1911). Обе книги вышли в США, куда девятнадцатилетний Сантери уехал из Финляндии в «поисках золота <...>, снабженный едой и хорошими советами»¹. «Жизнь в вечной ночи» – роман о шахтерах. Американские шахты Мякеля знал не понаслышке. Изю дня в день он туда опускался не один год. Америка, которая была для шахтеров, финских переселенцев, описываемых в романе, последней любовью, с которой они связывали свои последние надежды, обманула, не принесла эмигрантам ни денег, ни счастья, не смогла заставить финнов забыть родину:

¹ Lepola K. Kynätyösaralla, puhujalavalla ja apajilla // Kevätvyöry. 1934. N 6. S. 141–142.

Jäi kauvas kotiranta
Pois pohjantaivaan alta
Me matkattiin
En sinne koskaan palaa
Vaikk sydän itkee, hallaa ...
On siellä mulla kulta,
Min maailma ryösti multa
Jo harmaa hapsinen.
Se kulkee sauvaan nojaten
Ja leipää keräten¹.

(«Остался вдали родной берег, мы уехали из-под северного небосклона и никогда туда не вернемся, хотя сердце плачет и страстно желает ... Там мое золотце, ее украл у меня мир. Уже седая, белая как лунь, ходит она, опираясь на палку и прося кусок хлеба...»²). Для шахтеров оставался старый, но верный способ утешения – вино, и о нем пел свои песни один из героев романа Яска. Мякеля вкладывает в уста шахтера ироничные строки, которые могли бы произносить золотоискатели Клондайка:

Käy vinhasti käyrä
Ja katkea kieli
Ja tanssios sormeni sukkelaa
Ja helkkyös lasi
Ja innostu mieli
Saa, viuluni, poytäki tanssimaan
Koska valtio viinaa myö!
Huil vahtoa viini
Ja samppanja kuuhu!...
Ja kastele märjäksi taivahankansi!

Ja sammuta tähtien tuikkiva loisto...
Koska valtio viinaa myö!
Juo, ihminen, kurja!
Kuoletan kerran —...
Juo, ihminen, kurja
Sun henkes verran —...
Koska kirkkokin viinaa myö!³

(«Играй, мой смычок. Рвитесь, мои струны, и живо танцуйте, мои пальцы, пусть дрожат стаканы и возвышается дух. Заставь, скрипка, и стол танцевать, раз государство торгует вином! Закипай, шампанское ... И замочи небесную твердь, и погаси мерцающий блеск звезд ... Раз государство торгует вином! Пей, презренный человек, все равно когда-нибудь умирать ... Пей, презренный, от души ... раз и церковь торгует вином!»)

¹ *Mäkelä S. Elämä ikuisessa yössä. Michigan, 1911. S. 69.*

² Здесь и далее перевод на русский язык с финского выполнен автором, за исключением особо оговоренных в тексте случаев.

³ *Mäkelä S. Elämä ikuisessa yössä. S. 72.*

Поэзия Мякеля была изначально социальна. Его поистине антиалкогольные призывы «Пей... раз государство торгует вином!» полностью лишены романтической окраски, это скорее прямой протест, нежели желание утешить свое горе.

Демократичность, обращение к согражданам, активное использование индустриальной лексики, противопоставление пролетариев и господ — все это оставил в наследство американской поэзии начала XX в. Уолт Уитмен. Уитменовское направление, представленное Карлом Сэндбергом, Эдгаром Ли Мастерсом, было в 1910-е гг. самым заметным, определяющим в поэзии Соединенных Штатов. Яркой чертой этого направления по праву считается публицистичность, социальность. Приверженцем уитменовского направления стал и Мякеля. Социальная заостренность, в некоторых случаях излишняя, присущая вообще американской поэзии начала века и ранее — самому Уитмену, доминирует в творчестве молодого финна. Реалии времени становятся реалиями его поэзии. В 1903 г., по свидетельству критика Калле Лепола, среди американских финнов приобрела огромную популярность «Песня шахтера» Мякеля, где поэт говорит для шахтеров и от имени шахтеров:

Niin musta, niin musta on ikuinen yö
Ja kello lyö kaksitoista.
Torkkujen toverit istuskelee
Hikikarpalot kulmillahan.

Так черна, так черна эта вечная ночь,
когда часы бьют двенадцать.
Дремля, сидят товарищи,
Капли пота, как ягоды клюквы
на бровях.

Niin musta, niin musta on
manalan työ,
Josta mä leipäni hain.
Kapitaali mun orjakseen ostanut on
Käsivarten ja verenikin.

Так черна, так черна работа,
В аду Маналы, дающая мне хлеб.
Капитал купил меня в рабство,
Купил и руки мои и даже кровь.

Armaani, armaani kalpea, oi,
Mi syömmeni syttymään sait:
Nyt valkeella vuoteellas lepäjät kait
Ikivuori mun peittävi vain...

О любимая, любимая бледнолицая,
Ты заставила биться мое сердце.
Сейчас ты, наверное, блаженствуешь на
Белой постели, а надо мной
вечная гора...

Vapaus, vapaus, vapaus suur
Sun nimies on jumalainen!
Jos verelläin sinut vain ostaa voisiin
Ilmielin sen uhraisin...

О свобода, свобода, свобода великая,
Твое имя божественно!
Если бы я мог тебя выкупить кровью,
Я бы с радостью принес ее в жертву...

Мякеля удачно избегает прозаизации поэтического текста, его песня потому и была любима среди финских шахтеров, что каждая ее строка содержала в себе образ и эмоциональный накал.

В «Песне шахтера» есть привычная для пролетарской поэзии тех лет лексика: «пролетарий», «тиран», «борьба», «свобода», есть призывы к борьбе и жажда «кровавых роз»:

Oi luoja, oi luoja, sua kiroa en,
En kiroa kohtaloain.
Minä kiroan valtoja tyrannien
Ja vapauttain ikävöitsen...

Minä ikävöin vapautta ihmiskunnan,
Proletaarien sorrettujen.
Minä ikävöin taistohon kuumimpahan,
Veriruuksuja katsomahan!¹

(«О создатель, создатель, я не кляню ни тебя, ни свою судьбу, я поднимаю голос на тиранов и тоскую по свободе человечества, угнетенных пролетариев. Я тоскую по горячей борьбе, я хочу видеть кровавые розы».)

Но при всей жажде борьбы и даже «кровавых роз» Мякеля мечтает, чтобы свобода пролетариата была достигнута не ценой тотального разрушения. Трагизм класса — это не трагизм бытия, он преодолим. Мякеля не осуждает Бога и его создания, не осуждает бледнолицую любимую, живущую на верхнем этаже, за ее видимое благополучие. Образ создателя, как и образ любимой, остаются незыблемыми идеалами в его поэзии. Калле Лепола и позже Тайсто Сумманен² справедливо писали в своих статьях о Мякеля, что на мирозерцании поэта сказывалась его принадлежность к древнему крестьянскому роду с вековыми традициями и ценностями.

Служение гуманистическим идеалам было характерно для поэзии Мякеля и в новой для него советской действительности. Свой гуманизм, широту литературных взглядов Мякеля подтвердил в статье «О пролетарском искусстве», опубликованной в журнале «Сойхту»: «Писателю нельзя... упрямо отвергать всякое произведение буржуазного искусства. Надо не бояться учиться у буржуа. ... Если классовое чувство, точнее, классовая ненависть станет столь слепой, что мы безоговорочно осудим все, произведенное буржуазией, как мусор, как ересь,

¹ *Mäkelä S. Kaivostyömiehen laulu // Lepola K. Op. cit. S. 144–145.*

² *Сумманен Т. [Без названия] // Очерк истории литературы Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 63–74.*

достойную костра, то это будет равносильно выплескиванию ребенка из ванны вместе с водой»¹. В стихотворении «*Taistelua ja kuolemaa*» («Борьба и смерть», 1919), посвященном финским красногвардейцам, поэт с проклятьем и благословением одновременно вспоминает родную землю, где они погибли:

Kiroten muistamme maata,
Missä on kruunattu rikos
Ja veljien murha.

Siunaten muistamme maata,
Missä on veljiemme hauta,
Joidenka keralla kerta,
Nojaten olkahan olka
Riveissä seisomme
Uhmaten lahtarivaltaa!²

(«С проклятьем вспоминаем землю, где могилы наших предков, где короновано преступление и братоубийство. И все же с благословением вспоминаем землю, где могилы наших братьев, где плечом к плечу стояли в рядах, сопротивляясь власти лахтарей».)

Поражение финляндской революции, участником которой был поэт, оставило тяжелый след в его душе. Болью и душевной горечью пронизаны строки «*Jaakko Ikan kirous*» («Проклятье Якко Илкки», 1924). В этом стихотворении не осталось места ни прощению, ни благословению, только чувство гнева и вера «жгучая в... правду». От Якко Илкки достается и самому Богу, и священнослужителям.

К черту речи поповские
и перезвон колокольный!
Нам не в братской могиле лежать,
а в холодном песке.

Бледнолицые девушки из шахтерских песен раннего Мякеля превращаются в этом стихотворении в «истеричных господских шлюх». Лирический герой проклинает землю, «что несет бедняку лишь оковы», проклинает «генералов, сборщиков разных налогов», «тюрьмы и мрачный топор палача». Что же остается идеальным? Что остается, когда потеряна родина? В чем видит неизменные ценности автор «Проклятья Якко Илкки»? В чем, наконец, истина? И во имя чего происходили сражения, столь образно описанные Мякеля:

¹ *Mäkelä S. Proletaarisesta taiteesta // Soihtu. 1929. N 10. S.10.*

² *Mäkelä S. Taistelua ja kuolemaa // Kumouksen kuohuista. Leningrad, 1925. S. 11.*

Мы сшибались с врагом —
так сшибается пахарь с камнями,

Что встают из борозд
и о лемех скрежешут стальной.
Мы громили господ всем народом, а не в одиночку.
Не страшны кандалы нам,
ни холод,
ни голод,
ни смерть¹.

(Перевод Р. Такала)

На эти сложные вопросы поэт дает простой, но, пожалуй, единственно верный ответ: неизменной ценностью для поэта остается труд землепашца, и вообще труд, который не обманет, не предаст. Русские писатели, потерявшие родину, ответили бы иначе: «Бог и Она» (Юрий Бессонов. «26 тюрем и побег с Соловков»), «Бог и музыка» (Иван Савин. «Лимонадная будка»). Награда за труд, по мнению Мякеля, должна принадлежать лишь человеку труда.

Мы — рабы. Но сильны мы одною заветною верой.
Что прекраснее утра и чище багряной зари.
Тот хозяин лесов, что стволы заскорузные валит,
Хлеб — того, кто его своим потом растит².

(Перевод Р. Такала)

Из всех стихотворений Мякеля, написанных в Карелии, наибольшую известность получило его поэтическое обращение «Молчаливым борцам» («Mukille jokoille», 1922). Оно было востребовано, переводилось, о нем тепло отзывалась современная поэту критика. Оно выдержало и проверку временем, было опубликовано в «Антологии карельской поэзии» в 1963 г., в сборнике «Rakettu on gaudalla» («Сталью закаленная...», 1976) и в юбилейном издании «Песнь Октября» (1987).

«...Молчаливые массы говорили языком своих великих дел»³, — писал о стихотворении Калле Лепола. Оппозиция слова и дела у Мякеля приобретает новый смысловой оттенок — словам противопоставляются не только подвиги и великие дела, но и шрамы («Молчите — но раны за вас говорят»⁴, перевод М. Тарасова) и могилы бойцов

¹ Мякеля С. Проклятье Якко Илкки // Антология карельской поэзии. Петрозаводск, 1963. С. 124.

² Там же.

³ Lepola K. Op. cit. S. 148.

⁴ Мякеля С. Молчаливым борцам // Антология карельской поэзии. С. 121.

(«Могилы среди бесконечных снегов / Холмов неподвижные волны»). Повествуя о судьбе «молчаливых бойцов», поэт останавливает свое внимание на событиях Гражданской войны («Громил ты и Врангеля и Колчака...»), и создается такое впечатление, что на вопрос, поставленный в самом начале стихотворения, поэт не может найти ответа:

О люди, кто был молчаливым в борьбе,
Откуда вы – кто вы, ответьте?
И кто нам расскажет о вашей судьбе,
О том, что давно вы храните в себе,
Что вы повидали на свете¹.

Т. Сумманен высказывает предположение, что Мякеля адресует вопрос скорее к себе, чем к погибшим финским красногвардейцам. И то, что вопрос остается открытым, придает стихотворению драматичность и трагическое звучание. Мякеля не сказал и не мог сказать всего, что тревожило его сердце. Пафос его лирики уступает место поэзии полунамеков с чертами обреченности. Но если герой ранних стихотворений Мякеля находил утешение в вине, то герой его поэзии 1920-х гг. находит утешение в труде.

Другой автор сборника «Из бурных волн революции» – Герман Лаукканен – представлен двумя стихотворениями «Inkerin kyntäjä» («Ингерманландский пахарь», 1923) и «Käy juhlaan» («Настал твой праздник», 1923). Герман Лаукканен – выходец из города Савонлинна, жил с 1915 г. в Петрограде, участвовал в боях с колчаковской армией, в 1929 г. переехал в Петрозаводск. Здесь в 1931 г. выпустил поэтический сборник «Elettyä» («Прожитое»). Поэзия Лаукканена – ярко жизнеутверждающая и молодая по мироощущению, каждое стихотворение наполнено ожиданием будущего, которое представлялось поэту почти исключительно в розовых тонах.

Если он пишет о мученической жизни раба, то непременно обещает, что будет возмездие, придет час отмщения («Te kuuletteko», «Вы слышите», 1926), что старый мир будет разрушен и наступит новое утро:

Silloin
Syksy-yöhön
orjantyöhön
Karjahtaa kutsu kerran...
Iskee kuin teräs terävä,
Viiltää kuin pakkasvihuri,

¹ Мякеля С. Молчаливым борцам.

(«...весной объездим земли, вот тогда у нас будет высокий дом, полный всего. Дом, как церковь; хлев, как крепость, и развевающийся флаг сверху... Совместным трудом поднимается новая жизнь».)

Сейчас это стихотворение-утопия Лаукканена вызывает улыбку. Но его мечта была мечтой многих современных поэтов, и он смог ее выразить искренне. В поэтическом мироощущении Лаукканена мало ненависти, злобы, много юмора, причем юмора доброго. Даже говоря о «старых временах», он скорее смеется над ними, чем проклинает:

Tuumin, mistä tulla voisi,
ett on kaikki ollut toisin,
onneen jos sä suunnit tiesi,
onnettomuuden olit miesi.
Pyrit, missä valon valta,
Löysit itses vuoren alta;
<...>

Päätin: siin on jokin taika,
Ratkaiskohon sen siis aika...
Muuttui aika...
...nyt jos valoon tiesi sääsit,
niin myös kävi, valoon pääsit ...
Silloin mulle selvis taika!
Sehän ol'kin herrain aika.
Tieten...
Olimme me hullu kansa.

(«Viisaat ja hullut» / «Глупые и умные», 1920. С. 5–6)

(«Думал я, почему так выходит, что все в жизни наоборот. Направишь свой путь к счастью – будешь горемыкой. Устремишься в державу Света – отыщешь себя под горой <...> И решил я, все это – колдовство, пусть время его объяснит <...> Изменилось время <...> теперь если отправишься к свету, то, оказывается, дойдешь <...> И открылась мне тайна колдовства! Тогда было время господ <...> а мы, понятное дело, были глупым народом».)

Герман Лаукканен в отличие от Мякеля был более восприимчив к карельской природе, детали карельского пейзажа присутствуют во многих его стихах. Поэт не ищет в природе Карелии экзотики, тайн, древней истории, того, чем привлекал Север русских поэтов, особенно дореволюционных. Лаукканен слышит в карельском лесу не столько шум сосен и песни птиц, сколько шум лесоповала и песню рабочих.

Поэта справедливо можно упрекнуть в некотором «потребительском» отношении к природе. Но это позиция именно человека труда. Он размышляет, какую выгоду принесут народу Карелии сосновые «бревнышки», ранее никому не нужные, как эти бревнышки будут обмениваться на машины и как будет расти благосостояние народа, и все же в чувстве искренней любви к природе Карелии Лаукканену отказать нельзя:

Soi solkihongat vierellä veen,
harjujen harjanteillä,
nuokkuvat notkeina hiljallen
tuulissa tuntureilla.
Kattavat kauniin Karjalan maan
vihreiden salojen syliin. —
Onnipa kulkevi kasvustaan
Karjalan köyhiin kyliin.

(«Karjalan hongat» / «Карельская сосна», 1930. С. 43)

(«Поют сосновые шпильки на холмистых склонах над водой, обвеваемые горными ветрами, и словно дремлют в тишине. Обнимая скалы, они покрывают собой прекрасную карельскую землю. Они растут и вместе с ними растет счастье в бедных карельских деревнях».)

Микаэль Рутанен прожил в Карелии всего около двух лет, но именно ему довелось стать певцом этого края. Столь восторженно и восхищенно, как Рутанен, о Карелии финноязычные поэты в начале тридцатых годов не писали. И даже его трагическая смерть на лесоповале от удара падающего дерева была окрашена в некие символические карельские тона.

Рутанен приехал в Карелию в 1931 г. из Соединенных Штатов Америки, где жил с 1908 г., меняя в поисках работы города: Детройт на Нетанн, Миннесоту на Пенсильванию — и где он успел прославиться как рабочий поэт. Микаэль Рутанен явно вышел из романтиков, романтическое, а точнее, неоромантическое мироощущение характерно для его ранних стихотворений. Образы света, вестника, звезд, идея красоты как высшей ценности мира — вот реалии поэтического мира молодого Рутанена. Поэт был всего на пять лет моложе Эйно Лейно, лидера финского неоромантизма. И часто цитируемые стихи Лейно «Когда стоят часы» («Kun kello seisoo», 1896), несомненно, были известны молодому Рутанену, бравшему книги в рабочей библиотеке¹. Лейно пишет о той неразберихе, что возникла в народе, когда остановились часы на городской башне; поэт верит, что должно быть наконец восстановлено истинное время:

Jos tääll ois mies, jos yksikin
Niin itse nousis tornihin
Ja voiman oikeudelle hän
Sen kellon vetäis käymähän
Ja huutais: ”Häin on aika maan!”²

¹ См. об этом: *Luoto L. Joonas Mikael Rutanen // Rutanen M. Työn laulu. Leningrad, 1933. S. 3—5.*

² *Leino E. Tarina Suuresta Tammesta u.m. Porvoo, 1896. S. 62.*

(«Если бы нашелся хоть один мужчина и сам поднялся на башню и со всей силой пустил бы ход часов и крикнул бы: «Вот какое время на земле!»)

Стихотворение Рутанена «Глашатаю счастья» («Onnen airueelle», 1908, опубликовано в 1933 г.) — это такой же, в традиции неоромантиков, поиск человека, героя, вестника, кто мог бы предсказать великий день, кто мог бы восстановить истинное время:

Suomen taivas synkkä, musta,
poissa kevät, eessä syys,
sydamessä kansan tuska,
raivoo ajan kylmekkyys.
<...>
Saavu tänne onnen airut,
Päivää suurta ennusta,
joka poistaa surun vaurut
pohjolani taivaalta¹.

(«Мрачное темное небо Финляндии. Ушла весна. На подходе осень, в сердце народа тоска, холод времени тревожит небо. <...> Прибудь сюда, глашатай счастья, предскажи великий день, когда исчезнет с моего северного неба печаль. Зажги в измученном сердце пробуждающуюся жизнь. Дай в сумерках времени высокую власть солнцу».)

Неоромантическая традиция проявилась в творчестве Рутанена не только в стремлении создать образ романтического героя-спасителя и в поэтической жажде света, она прослеживается во внимании поэта к внутреннему миру человека, в некотором психологизме и мягкости его политической лирики. Мягкость и условность ранней поэзии Рутанена отметил еще в 1933 г. Лаури Летонмяки. В своей статье «О творчестве Микаэля Рутанена» Летонмяки писал, что эти качества «будут характерны для поэта в течение десятилетий»².

В 1930 г. в Америке, в Сьюперииоре, где жил Рутанен, вышел сборник его стихов «Песни борьбы» («Taistelun säveliä»). Рутанен был близок уитменовскому направлению своим демократизмом и пролетарской тематикой, но со стихами Уитмена поэзия Рутанена перекликается не часто.

У финского поэта в его «американских» стихах нет ни открытого обращения к согражданам, ни отождествления себя с окружающим миром, ни «индивидуальной» лексики, ни пристального внимания к

¹ *Rutanen M.* Työn laulu. S. 10.

² *Letonmäki L.* Mikael Rutasen tuotannosta // *Rutanen M.* Työn laulu. S. 11.

конкретным деталям быта. Конечно, для «Песен борьбы» характерно сочувствие рабочему движению, темы гражданской войны в Финляндии и революции в России, однако эта тематика используется для постановки вечных вопросов бытия, братской любви (в ее романтическом, а не экспрессионистском варианте), отцов и детей, человека и общества, жизни и смерти. Поэзия Рутанена 1920-х гг. более тесно переплетается с романтической ветвью американской поэзии XX в., давшей миру Роберта Фроста и Эмили Дикинсон.

Книга Рутанена начинается стихотворением «Памяти русской революции» («Venäjän vallankumouksen muistolle»), в котором воспоминания о «кричаще нищенском существовании» простого человека в царской России завершаются призывом, звучащим как послание высших сил:

Näki kansa kuin ilmestyksen
Ja HUUTAVAN ÄÄNEN kuuli:
– Jo nouskaa...¹

(«Увидел народ явление и услышал КРИЧАЩИЙ ГОЛОС: – Поднимайтесь...»)

И хотя «кричащий голос» убеждает угнетенных людей, что им поможет не «жалость богов, а только сила и воля масс», все же именно богиня счастья проявляет благосклонность к рабочему люду и берет под свою опеку.

В стихотворении «Братья» («Veljekset») поэт пытается разобраться в чувствах красноармейца, встретившего на поле боя раненого родного брата, сражавшегося на стороне белых. О близких людях, оказавшихся по разные стороны баррикад, написано в мировой литературе немало. Вспомним Б. Лавренева, М. Булгакова, М. Шолохова. Каждый писатель предлагает свой вариант человеческого поведения в сложнейшей ситуации. Рутанен ставит красного героя перед мучительным выбором между идеей революции и братской любовью. Финал стихотворения остается открытым, незавершенным, красногвардеец отказывается быть судьей собственному брату: «Добрые чувства заполняли сердце героя... и стал он как в детстве».

Поэту важнее раскрыть психологию своих героев, показать, что любовь к родному дому, к матери, к братьям – это высшее проявление нравственности, абсолютная ценность, которая выше социальных, политических разногласий:

¹ *Rutanen M. Taistelun säveliä. Superior, 1930. S. 4.*

Taistelu se oli sisäisintä
Kahden voiman: vihan, rakkauden. <...>
Muistui mielehensä äiti raukka,
Äiti köyhä, äiti surusilma,
Ryppyhuuli, puutteen näännyttämä.
Sama sydän sykki molemmille,
Molempia ruokki sama rinta,
Sama kohtu molempia kanto!¹

(«Внутри у него кипела битва между ненавистью и любовью. <...> Вспомнил он свою мать, мать бедную и печальную, не знавшую радости. Одно сердце билось навстречу братьям, одна грудь кормила обоих, одно чрево вынашивало».)

В Карелии лира Рутанена зазвучала по-новому. Можно говорить если не о разных поэтах в лице Рутанена, то о разных подходах Рутанена к творчеству. В Карелии поэта интересует не столько движение души героев, не их внутренний мир и психология, сколько события, окружающая действительность, опять же труд.

От внутреннего мира личности поэт обращается к миру внешнему и воспевает его. Более того, главными героями стихов Рутанена становятся топоры, гвозди, машины, пилы, порой создается впечатление, что все это приходит в действие само по себе, без участия человека.

Sihisevät sahat,
Iskevät kirveet.
Kaatuvat jymisten
Solakat männyt;
Luisuvat järvien
Jokien uomaa
Karjalan sahojen
Sirkkeliteriin
Laudoiksi, lankuiksi
Leikattavaksi².

(«Свистят пилы, бьют топоры, падают с шумом крепкие сосны, скользят по отлогим берегам озер и рек. Они падают, чтобы быть распиленными лезвиями карельских циркульных пил». «Песня труда».)

Если в сборнике Рутанена, вышедшем в 1933 г., и появляется человек, то это человек работающий, что-то строящий, пилящий, рубящий, и, точнее, не один человек, а массы.

¹ *Rutanen M.* Taistelun säveliä. S. 18.

² *Rutanen M.* Työn laulu. Leningrad, 1933. S. 16. (В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках указываются страницы.)

Iskurit iskevät yhteisin voimin
Tietävät:
Maailman proletariaatti
Katsoo meitä...

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Сообща трудятся ударники, знают, мировой пролетариат смотрит на нас...». «Лесные ударники».)

Женщина в поэзии Рутанена представлена прежде всего как человек труда, работница. Причем работает она наравне с мужчинами.

Rohkeena astuu hän
Miesten rinnalle
Työhön ja toimeen...
Aika kun vaatii ja —
Työn tasavalta.

(«Karjalan nainen». С. 25)

(«Смело вступает она вместе с мужчинами в работу, как требует время и трудовая держава». «Карельская женщина».)

Поэт слишком бегло сравнивает жизнь женщины в старой и новой Карелии. «Что раньше она знала, неся свой тяжелейший груз, будучи рабыней?», — спрашивает себя поэт. И отвечает: «Угнетение и рабство», словом — тяжелый труд. А на вопрос: «Что она знает теперь, в современные поэту дни?», — Рутанен отвечает опять же: «Труд». Правда, труд одухотворенный, осмысленный.

Arvonsa tuntien nyt
Työn äärehen astuu,
Kun kutsuvi työväen maa...

(«Зная себе цену, она идет работать, когда призывает ее рабочая страна...»)

В финноязычной поэзии Карелии не было создано образов женщин, подобных блоковской «прекрасной даме», «небожительниц», «незнакомок». Вероятно, их не было и в действительности, да и не могло быть. Если даже поэт требовал от своей лирической героини, чтобы она «трудилась, как могла и направляла свой удар глубже в сердце... старого, исчезающего кулацкого класса...», чтобы она «сокрушая старое, создавала новое», то действительность требовала от женщины куда больше.

В чем видел поэт цель самозабвенной работы своих героев? Во имя чего они трудятся? Во многих стихотворениях на эти вопросы Рутанен отвечает однозначно:

Nousevi Karjalan
Köyhien onni
Sosialismia luovasta työstä.

(«Työn laulu». С. 17)

(«Да возникнет счастье карельских бедняков из созидającego социализм труда». «Песня труда».)

Metsien iskurit osansa täyttää <...>
hyödyksi työväen, työn tasavallan,
turvaksi maailman proletariaatin.

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Лесные ударники исполняют свой долг <...> на благо рабочего люда, республики труда, на поддержку мирового пролетариата». «Лесные ударники».)

Teräsmoukari nousee, laskee, lyö,
Väen köyhän onnea laulaa työ.

(«Työn laulu»)

(«Стальной молот поднимается, опускается, бьет, труд поет песню счастья бедному люду». «Песня труда».)

Итак, работа по имя счастья карельских бедняков, блага рабочего люда, рабочей республики, во имя созидания социализма и победы мирового пролетариата. Однако работа, по мнению поэта, сама по себе счастье. «Благо рабочего люда» было идеалом, далеким, прекрасным, но все же условным. А труд был реален, воплощал в себе все идеалы, придавал утопии черты подлинной жизни. Труд спасал, заменял веру:

Poissa on silmiltä
Uskonnon luomat
Pimityspeitteet,
Jotka on estäneet valon.
Poissa on kirkkojen valheet,
Pappien tai'at...

(«Karjalan nainen»)

(«Прочь с глаз завесы религии, застилавшие свет, прочь церковная ложь и поповские сказки...». «Карельская женщина».)

Труд одновременно становился верой, счастьем, смыслом жизни и, соответственно, жизнью, он был одухотворен и идеализирован. И, пожалуй, ключевой в поэзии Рутанена, созданной в Карелии, является строка:

Uppoa, kirves! Saha, syö puutta!
Metsien iskurit toivo ei muuta.

(«Metsän iskurit». С. 20)

(«Врубайся, топор! Грызи, пила, дерево! Лесные ударники ни о чем другом не мечтают». «Лесные ударники».)

Рутанен не называет работу любимой или нелюбимой. Работа, по мнению поэта, может быть только счастливой. Чтобы воспеть такой труд, поэт призывает появиться знаменитого Элиаса Лённрота, составителя «Калевалы», «ожить» в советской России. Поэт обещает Лённроту, что здесь он услышит песни труда, которые и Финляндии могли бы принести вечное счастье. Эпические руны, по словам поэта, меркнут по сравнению с этими песнями, создающимися не воображением:

Työn Suomi, laita Lönnrotisi meille,
Hän parhaimmat nyt laulut koota saa.
Ne vanhat – ennen laulamamme teille –
Nää uudet Kuultunsa unohtaa.

(«Työn laulu»)

(«Рабочая Финляндия, пошли нам своего Лённрота, он сможет лучшие песни собрать сейчас, и те, старые, что мы пели прежде, он забудет, услышав нас». «Песня труда».)

Каждое поколение преувеличивает значение своей эпохи, это естественно. Микаэль Рутанен ставил свою действительность выше эпической древности совершенно искренне. Погибшему в 1932 г., ему не пришлось ни разочаровываться в своем времени, ни оправдываться «ничегонезнанием». Он не участвовал в гражданской войне. От самых тяжелых вопросов человеческого бытия судьба его уберегла. Он был рабочим человеком, и его поэзия – ценное свидетельство того, что происходило в душах рабочих, во что они верили, что было их идеалом. Он трудился на самых тяжелых работах и был счастлив этим. А когда человек созидает, когда, говоря словами Вольтера, он «возделывает наш сад», то каково бы ни было его мировоззрение и какова бы ни была эпоха, он остается в ладу с собственной совестью и будет достоин самого искреннего уважения потомков.

В отличие от Микаэля Рутанена Людвиг Косонен (1900–1938) был профессиональным политиком, революционером. Выходец из семьи петербургских финнов, Косонен с 1918 г. жил в Финляндии, еще не успевшей залечить раны гражданской войны. Молодой хельсинкский рабочий вступил в Коммунистическую партию и за участие в подпольной деятельности Социал-демократического союза молодежи был в 1926 г. арестован и приговорен к трем годам заключения. Почти все стихи Косонена были написаны в тюрьме. В 1930 г. Косонен эмигрировал в СССР.

«Тюрьма белых лахтарей не была тем местом, где поэт мог бы отдавать себя во власть фантазии, — вспоминал Косонен, — надо было думать прежде всего о том, как обойти цензуру. Тюрьма вынуждала прибегать к большому количеству сравнений, использовать метафорический язык»¹.

И все же стихи, написанные Косоненом в финской тюрьме, в какую бы метафорическую форму ни пытался облечь их поэт, были яркими, откровенными призывами к борьбе:

Tulkaa, tulkaa taistelun päivät
Jo jälleen miehelle mulle.
Ah, miten rakkaina rintaan jäivät
Haavanne haavoiterulle!

Lyökää, lyökää leveät miekat,
Niinkuin löitte jo kerta.
Viekää- juokaa heleät hiekat
Pois multa liikaa verta!

Tulkaa, tulkaa voittojen teitä
Työläiset miljoonaluvut
Hymyilkää huoleti hulluja meitä
Tulevat sankarisuvot! (С. 7)

(«Придите, придите, дни борьбы, ко мне опять! О, как любимы ранеными ваши раны! Бейте, бейте, мечи, как вы уже однажды били. Уносите, ясные песни, из меня лишнюю кровь! Пройдите, пройдите победной дорогой, миллионы рабочих. Улыбнитесь беспечно над нами, глупыми, будущие героические поколения!» «Человек из батальона смертников».)

¹ *Kosonen L. Marssimme eteenpäin. Leningrad, 1932. S. 3.* (В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках указываются страницы.)

Идеал, смысл жизни героев Косонена иной, нежели у героев Рутанена, это не только труд, но и борьба за возможность выбирать труд, за возможность свободно, весело трудиться.

Часто в стихах Косонена кто-либо погибает, проливается чья-либо кровь: «...jokainen askele / taistoa tuskien tiellä» («Kumpi on suurempi». С. 8) («Каждый шаг был полон борьбы на пути испытаний». «Кто величественнее?»); «Ja sankariveri se kasteli Neuvosto-Venäjän multaa» («Trotski». С. 19) («Героическая кровь окропляла землю Советской России». «Троцкий».)

Не умирать естественной смертью, а погибать советует поэт пролетарию:

Elämänarvoitus
On selvä proletaarille,
Joka on ratkaissut kantansa
Luokkien väliseen taisteluun:
Elä iloisesti,
Tee paljon työtä,
Kaadu kuin mies!

(«Elämänprobleemi». С. 25)

(«Тайна жизни открылась пролетарию, тому, кто выбрал путь в классовой борьбе: живи весело, много работай, погибай, как мужчина». «Проблема жизни».)

В сборнике, изданном в СССР, «Шагаем вперед» («Marssimme eteenpäin») жажда боя, стремление «пролить» свою или чужую кровь странным образом совмещались у поэта с чисто философским отношением к жизни. Сказать «Живи весело и... погибай» мог человек, который не очень дорожил жизнью, или жизнь не дорожила им. Поэт был тяжело болен и, может быть, поэтому старался не отдавать себя во власть страданий, не преувеличивать их значения. В стихотворении «Тюремный сонет для себя самого» («Vankila sonetti itselleni») поэт приходит к выводу, что глупо жалеть себя, думая, что горькие муки – участь человека: «Разве возможна жалость там, // где в вечном огне // сгорают сомнения и догадки?»

В вечный спор о роли личности в истории Косонен вписывает свою страницу. К 1929 г. относится стихотворение «Человек за трибуной» («Mies puhujalavalla»), в котором поэт поначалу восхищен оратором, его якобы смелостью говорить о правде и лжи, осуждать все низкое, все плохое. Но вскоре почти по-толстовски Косонен обращается к оратору:

Siittenkin, vaikkapa itse kerta
Kääntyisit luokkasi vastaan
Ja roskana lentäisit ”ylikse laidan”
Ei ole kysymys yhdestä meihestä
Puhujalavalla.
Miljoonista on kysymys, ...
Ne täyttävät sen, mitä unelmoi,
Mitä julisti mies
Mies Puhujalavalla. (С. 18)

(«И все-таки если хотя бы раз ты повернулся против своего класса, то, как мусор, вылетел бы за борт. Суть не в одном человеке, суть в миллионах. ... Они исполняют то, о чем мечтает, что провозглашает человек за трибуной». «Человек за трибуной».)

Массы решают и судьбу лидера, и в конечном счете историю, считает поэт. В стихотворении «Троцкий» Косонен говорит об этом наиболее ярко, афористично.

Niin ristillä riiput nyt, Trotski,
Varoituksena, esimerkkinä kaikille niille
Suurille lapsille, itserakkaille hounille,
Jotka luulevat, että työväenluokka kumarta heitä,
Silloin, kun se kumartaa – oikeata tekoa. (С. 19)

(«Теперь ты распят, Троцкий, в назидание тем великим сынкам, которые думают, что рабочий класс кланяется им, когда он кланяется правому делу».)

Рассуждая, что не только отдельным людям, но и классам порой свойственно ошибаться, поэт задается вопросами: «Что есть правое дело? А что нет?». Косонен словно постоянно в чем-то сомневается. В его стихах много пессимизма и даже отчаяния. Некоторые стихи Косонена не совсем вписываются в поэзию 1920–1930-х гг. с ее пафосом, агитационностью, декларативностью, уверенностью.

Niin monta epäilystä, arvoitusta,
Niin monta sieluntuskaa, suurta hätää.
Niin vähän miestä, miehen uskallusta,
Niin paljon alhaisuutta, saastaa, mätää.

...
Ei yhtä tuumaa lahjaks kuljettua,
Viimeiseen pennin maksoit koko hinnan.

(«Erään rajapyykin vierrellä». С. 9)

(«Так много сомнений, загадок, душевной боли, больших несчастий, так мало людской веры, так много низкого, мерзкого, гнилого. ... Ничто не давалось даром, все оплачено полной ценой». «У вехи».)

Однако выводы, к которым приходит поэт в итоге своих размышлений, явно оптимистичны. Душевной боли, сомнениям Косонен противопоставляет борьбу:

Näin vuodet ahjossansa aina miestä
Ne taistotehtäviä varten valaa.
Ain yhä tietoisammaks tulet tiestä,
Ain yhä polttavammin rintas palaa. (С. 9)

(«Так годы в своем горне отливают человека для борьбы. И всегда более знающим становится он на этом пути, и более сильно пылает огонь в твоей груди». «У вехи».)

Смысл жизни героев Косонена, их идеал — это борьба за право свободно и радостно трудиться, если герои не обретают возможности трудиться, они погибают, но не приспособляются.

Перу Людвиг Косонена принадлежит также повесть «Знаменный марш» («Lippulaulu», 1932), рассказывающая о перипетиях рабочего движения в Финляндии в 1920-е гг. Предательство и приспособленчество среди левых. Как могло такое случиться? Как предатели становятся лидерами партии? «Войти в редколлегию газеты Tiedonantaja! Как такое возможно? — Очень просто...»¹. Вопросы, встававшие перед Паве Кивилаhti, главным героем повести, постоянно задавали себе и ее читатели. «Знаменный марш» был почти сразу же переведен на русский язык и вышел в 1934 г. в Ленинграде в государственном издательстве художественной литературы. Книгу оформлял ученик Павла Филонова, иллюстратор «Калевалы» Михаил Цыбасов (1894–1967), входивший в коллектив Мастеров аналитического искусства. «Читал „Знаменный марш“, <...> обдумывал, что бы нарисовать на обложке, делал эскизы, все никак не удовлетворяет, очень мучительно работать на заказ, зная, что если сделаешь хорошую вещь со своей точки зрения, там лучше и не показывай. Однако делать буду именно со своей точки зрения, т. к. иначе ничего не сделать»², — вспоминал художник (12 марта 1934 г.). Цыбасов привнес в оформление повести свое видение происходящего в Финляндии. С обложки на нас смотрят не просто участники событий послереволюционной Финляндии, это

¹ *Kosonen L. Lippulaulu. Leningrad, 1932. S. 48.*

² *Цыбасов М. П. Дневник // Сойна Е. Г. Финляндия в литературном и художественном наследии русского авангарда. М., 2009. С. 178.*

эпические герои, трагические и обреченные, но которым введома суть высоких идей, ясен смысл жизни и смерти. Тот факт, что Цыбасов оформлял книгу Косонена непосредственно после работы над иллюстрациями к «Калевале», сказался и на композиции обложки и на портретах героев. Прежде всего, художник добивается эпического звучания в оформлении. Суровые мужские лица, сосредоточенные умные взгляды, мускулистые руки, держащие знамя. Складки на полотнище знамени повторяются на лицах мужчин в сдвинутых бровях, в линиях сжатых губ. Никакой этнографии. Только головные уборы – жокейские кепи, шляпы английского покроя, популярные в Хельсинки 20-х годов, – говорят, что перед нами финские рабочие. Лица, «сделанные» точечным методом, раскрывают глубину человеческих характеров, подчеркивают понимание героями значимости происходящих событий, величия их «знаменного марша».

Высказывания главного героя «Знаменного марша» Паве Кивилаhti удивительно схожи с дневниковыми записями Цыбасова. Художник полностью согласен с позицией Людвиг Косонена по отношению к дельцам от комсомола, чиновникам, прикрывающимся именем пролетариата. Пролетарским искусством управляют враги пролетариата, «работай как все, делай слабые вещи на пролетарский рынок, а революцию в искусстве брось, по-ихнему – все это чепуха» (6.XI.1933)¹. «Администранты искусства, развивают вкус у пролетариев в духе мещанского благополучия, совсем такого, даже хуже того, с которым пытались бороться русские футуристы» (20.XII.1933)².

Идеалы финских поэтов-иммигрантов носили черты утопии, но их вера, искренность, жажда созидания были неподдельны. Своим воспеванием труда приехавшие в Россию финны развивали традиционную для литературы Финляндии тему созидания. Труд был излюбленным предметом изображения в финском искусстве и литературе, начиная с эпических рун о Вяйнямейнене. Известные стихи Эйно Лейно «Землю пустынную дал нам Господь / Мы превратили ее в виноградники» подкрепились художественными образами ударников и ударниц в финской поэзии России. Помимо всякой идеологии писать о труде было для финнов естественно. Эта тема была любима. Поэтизацией труда и необычным отношением к нему финские поэты-иммигранты привлекли внимание к своим произведениям читателей новой родины и вписали своеобразную страницу в русскую литературу 1920–1930-х гг. Через поэзию финских иммигрантов русские

¹ Цыбасов М. П. Указ. соч. С. 143.

² Там же. С. 154.

читатели знакомились с традицией финской культуры, финским менталитетом, финским национальным характером в эпоху катаклизмов, когда граница между Финляндией и Россией была практически закрыта.

Финские писатели-иммигранты в СССР разделили судьбу многих русских литераторов, погибших в годы репрессий. В то же время они выпустили здесь свои книги, заявили о себе яркой поэзией. Это была поэзия-мечта, поэзия-утопия, поэтические идеалы так и остались идеалами, но они являются реальными доказательствами той искренности, с которой создается подлинная поэзия.

Пекка Суутари

Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии

Исследуя музыкальную культуру финских иммигрантов, музыковеды учитывают специфику конкретной общественно-политической ситуации и этнокультурный контекст. В зависимости от причин и условий иммиграции музыка покинутых финнами территорий продолжила свою жизнь в новом окружении, которое, с одной стороны, оказало некоторое влияние на ее собственную традицию, с другой стороны, само повлияло на музыкальную жизнь нового окружения. Часто исследователи задаются вопросом, какую именно музыку иммигрантам удалось сохранить в своей среде. При этом влияние иммигрантов на возникновение новых стилей нередко является одной из важных задач исследований¹.

В публикациях, посвященных этому вопросу, отмечается, что основной составляющей музыкальной культуры иммигрантов является продолжение ранее усвоенных музыкальных традиций, а также ностальгия по привычному музыкальному миру. Однако то, что иммигранты продолжали петь, танцевать и играть на музыкальных инструментах, объясняется не только тоской по родине, скорее, это была попытка самовыражения, а также желание продолжать и поддерживать социальные связи посредством такой музыки, которая, будучи усвоенной в детстве, заметно выделялась на фоне господствующей культуры новой страны². Поддерживая собственную музыкальную культуру, иммигранты передавали культурную традицию своим детям, а также искали новые способы приспособиться и изменить свою жизнь.

В названии данной статьи имеется отсылка к понятию «иммиграция», поэтому автор предполагает рассмотреть музыкальную жизнь финских иммигрантов первого поколения. В основе музыкальной деятельности финнов, переехавших в Российскую Карелию, лежала работа в пределах собственной диаспоры, особенно до 1937 г. Однако отличительной чертой музыкальной жизни финнов в Карелии была их ответственность за строительство национальной культуры и включение ее в качестве одной из составляющих в культурную политику,

¹ Nettl B. The Study of Ethnomusicology. Twenty-nine Issues and Concepts. University of Illinois, 1983. P. 226.

² Keil Ch., Keil A. Polka Happiness. Philadelphia, 1996.

поддерживаемую государством. Поэтому финны играли ведущую роль в развитии музыкальной жизни Петрозаводска, а через него и всей Карелии, и прежде всего в 20–30-е гг. XX в.

С позиций устной истории

Основным материалом для данной статьи послужили записанные в 1993 г. в Петрозаводске интервью, когда автор приезжал в Карелию в рамках студенческого обмена. Целью стажировки было знакомство с переломным моментом в музыке и, в первую очередь, с популярной музыкой Петрозаводска 1930-х гг. Автор побеседовал с 17 респондентами пенсионного возраста и записал 20 интервью, которые содержали рассказы о музыкальной жизни 20–30-х гг., любительской деятельности и вообще роли финнов в строительстве музыкальной культуры Карелии¹. Все опрошенные родились в первой трети XX в. (самый пожилой респондент – в 1902 г., самый молодой – в 1930 г.), поэтому собранный материал затрагивает в основном 1930-е и отчасти послевоенные годы. Одиннадцать респондентов были родом из Северной Америки. Ключевой фигурой среди них является Вяйно Ринтала (род. в 1910 г.), который приехал в Петрозаводск из Бостона в 1932 г. Он был кларнетистом в симфоническом оркестре при Радиокomitee, а также играл на саксофоне и кларнете в различных ансамблях, оркестрах, ресторанах и джаз-бандах. У В. Ринтала и его жены Импи Ваухко автор записал четыре интервью. О музыкальной истории 1920-х гг. больше всего рассказал Урхо Руханен, который был музыкантом-любителем и преподавал с 1926 г. в педагогическом училище.

Все интервью были необычайно полезны. Момент записи (1993 г.) был для этого очень подходящий, поскольку после распада Советского Союза в журналах «Carelia» и «Verso» было много публикаций об

¹ Выражаю благодарность всем информантам: Орво Бьёрнинену, Санни Бочарниковой, Эрнсту Хаапаниemi, Руфи Нисканен, Эльмеру Ноусайнену, Эйле Раутио, Аарне Рикка, Вяйно Ринтала, Милдред Росси, Пентти Росси, Урхо Руханену, Лилиан Сало, Лиисе Севандер, Алану Сихвола, Хейди Сихвола и Импи Ваухкойнен. Многие интервью записывались вместе с сотрудником Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН Карлом Раутио, которому автор выражает глубокую признательность. Радиокорреспондент Арто Ринне также оказал автору большую услугу, познакомив его с несколькими американскими финнами, с которыми затем были записаны интервью. Более-менее регулярно погружаться в изучение музыкальной деятельности автору удавалось благодаря собранным в библиотеке университета Йёэнсуу финноязычным газетам и журналам. Кроме того, при подготовке статьи были привлечены некоторые данные о музыкантах из фондов Карельского государственного архива новейшей истории (КГАНИ) и коллекций Национального архива Республики Карелия (НА РК).

американских финнах и финнизации перед Второй мировой войной¹. Тема арестов и репрессий конца 1930-х гг. также была в то время у всех на устах, так как в начале 1990-х гг. часть невинно осужденных была реабилитирована. В это же время появляется много новой информации о событиях тех лет. В этом смысле устные воспоминания – бесценный материал, отражающий значение конкретных событий прошлого в судьбе респондентов. Подобные сведения нечасто удастся почерпнуть в архивных источниках².

Люди рассказывали о музыкальных буднях и музыкальной деятельности финнов, переехавших в Карелию, в самом широком контексте. Они вспоминали места, где танцевали, ансамбли и оркестры, в состав которых входили финские музыканты. Не остались без внимания и те изменения, которые коснулись музыки и культурной жизни в 1930-е гг. Часто обсуждались репертуары, исполнительские и танцевальные стили, ключевые фигуры в музыке того периода. Несмотря на то, что проблема музыкальной жизни в Карелии в 30-е гг. XX в., являвшаяся целью исследования, по-прежнему оставалась для автора не проясненной, у него на основе интервью накопился довольно цельный материал. История советской повседневности была мне мало знакома, но многие респонденты с необычайным терпением объясняли значение тех или иных реалий и понятий, от НКВД до так называемых политических вальсов (политические вальсы были частью программы танцевальных вечеров. Разрешение танцевать получали лишь те, кто правильно отвечал на вопросы политической викторины). Легче всего взаимопонимание достигалось при обсуждении музыкальных стилей и разновидностей танца, поскольку ранее автор успел познакомиться с музыкально-танцевальной деятельностью финских эмигрантов в Швеции. В интервью, кроме информации о наиболее важных местах с точки зрения музыкальной деятельности, содержались сведения и о том, как русские и финны общались между собой, а также как исполнялась музыка в разных местах города.

Предшествующий исследовательский опыт сформировал мой интерес прежде всего к такой стороне музыкальных и танцевальных занятий, как увлеченность людей музыкой, которая определялась именно их собственным, внутренним желанием, что как раз важно с точки зрения идентитета и социализации. Официальные профессиональные учреждения тоже попали в поле зрения, и автор настойчиво выяснял, какую роль играли в жизни людей клубы, как они работали,

¹ См. например: *Vauhkonen I.* He rakensivat kulttuuria // Carelia. 1993. N 3.

² Ср.: *Koivunen P.* Eksotiikkaa ja neuvostoluksusta: kansainvälisiä kohtaamisia nuorisofestivaaleilla 1940–60-luvuilla // Historiallinen aikakauskirja. 2007. S. 123–138.

чем там занимались, почему музыкальная деятельность была на особом положении. Помимо материалов, содержащихся в интервью, для исследования так называемой структурной истории музыки¹, оркестровой и композиторской деятельности автор использовал также и опубликованные источники. Кроме того, Карл Раутио помог нам организовать встречу с четырьмя композиторами, работающими в Республике Карелия, которые предоставили ценнейший материал из своих собраний.

Финны-иммигранты как представители национальной культуры

Финны, эмигрировавшие в советскую Карелию, сыграли важную роль в становлении современных форм искусства, особенно в развитии музыкальной жизни. Если учесть, что в южных районах республики (Олонец) после революции финнов практически не было, а по уровню музыкальной жизни Петрозаводск почти не отличался от других провинциальных городов Российского Севера², то на этом фоне влияние иммигрантов, устремившихся туда в 20–30-е и в 40-е гг., было особенно заметным. Из всех финнов, прибывших в Карелию, больше всего «любителей и любителей музыки» было среди американских финнов. Они внесли существенный вклад в развитие музыки, и это несмотря на то, что никого из них не приглашали непосредственно на работу в музыкальной сфере, а вербовали для работы на лесозаготовках, в строительстве и т. д.

В том, что было создано на музыкальном поприще усилиями финнов, частично нашла отражение также идея ленинской национальной политики и ее реализация. На политическом уровне финны стали считаться теперь национальным населением Карелии, хотя их связь, к примеру, с южными карелами, говорящими на ливвиковском наречии, была довольно опосредованной. Доля финнов в общей массе немногочисленного населения Карелии была очень небольшой, но внутри диаспоры их связывали очень тесные отношения, равно как и во многих общественных сферах, где они сумели добиться заметного влияния.

Финны занимали лидирующее положение в искусстве уже лишь потому, что их финский язык был востребован в разных профессиональных сферах. Вдобавок, многие иммигранты имели музыкальное

¹ *Sarjala J. Miten tutkia musiikin historiaa? Helsinki, 2002. S. 136.*

² *Бутур Л. М. Симфоническая музыка Карелии // Профессиональная музыка Карелии: Очерки / Ред.: Кон Ю. Г., Гродницкая Н. Ю. Петрозаводск, 1995. С. 9.*

образование, опыт организации мероприятий и обладали другими навыками, дефицит которых остро ощущался в Карелии, когда после революции стали открываться первые художественные учреждения. Финны умели действовать согласованно и хорошо подходили на роль носителей национальной культуры – особенно до волны террора 1937 г., когда они на время оказались почти полностью стерты с национально-политической карты Карелии. После создания в 1940 г. Карело-Финской Советской Социалистической Республики финны вновь стали рассматриваться как потенциальные строители культурной жизни, однако того официально санкционированного высокого статуса, который финны имели при Э. Гюллинге, больше они уже никогда не добились.

Музыкальная жизнь вокруг педагогического училища

Финноязычный педагогический техникум стал средоточием музыкальной жизни, в то время как многие городские музыкальные школы и оркестры, созданные после революции, из-за нехватки денег закрывались¹. В 1922 г. в техникум пригласили на преподавательскую должность Карла (Калле) Раутио (1889–1963), приехавшего в Карелию из Соединенных Штатов. Он родился в Финляндии, в Эстерботнии, а работал музыкальным руководителем рабочего клуба в Америке и обучался композиторскому и хормейстерскому искусству в Калифорнии. У Раутио был превосходный педагогический дар, и очень быстро он стал художественным руководителем хора и двух оркестров Петрозаводского педагогического техникума: студенческого и преподавательского. В преподавательском оркестре было около десяти музыкантов, и все говорили либо на финском, либо на карельском языке. Оркестр часто давал концерты для горожан за пределами техникума, а также исполнял на танцевальных вечерах вальсы и другие легкие пьесы из классического репертуара.

Вместе с Раутио в Карелию из США с той же рыбацкой артелью приехал композитор и скрипач Лаури Йоусинен (1899–1948). Это не такая заметная персона, как Раутио, который создал и возглавил несколько ансамблей, однако как скрипач-альтист он достиг положения одного из ведущих музыкантов в республике, выступая и как солист, и как камерный исполнитель, и позднее как концертмейстер симфонического оркестра радио. Его композиторское наследие со-

¹ *Портной В.* Фортепианная культура Карелии. [Рукопись]. Консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова. Л., 1985. С. 61; *Лапчинский Г. И.* Музыка Советской Карелии. Петрозаводск, 1970. С. 23.

ставляют многочисленные песни и оркестровые пьесы. Жизненные пути Раутио и Йоусинена долгое время шли параллельно: сначала из Америки в Карелию и педагогическое училище, оттуда в симфонический оркестр и Союз композиторов. Вместе они писали музыку для Петрозаводского Финского театра¹, и в разное время оба возглавляли оркестр и хор в Ухте: Йоусинен – в 1926–1931 гг., а Раутио – перед войной.

Наряду с небольшими оркестровыми пьесами, в 20-е гг. XX в. в республике было создано довольно много песенной музыки и особенно хоровых композиций. По мнению профессора Виктора Портного (1985, 76), аранжировка народных мелодий и чуть позже – авторская музыка для вокала стали первым этапом в развитии собственного композиторского искусства в республике. Песни печатались в газетах и журналах. Нотные тексты десятков песен, и прежде всего написанных Калле Раутио на стихи поэтов Карелии, публиковались в газетах на протяжении ряда лет. В 30-е гг. в Петрозаводске художественным руководителем финских хоров и автором многих песен, так же как и Раутио, был Микко Виркки, родом с Карельского перешейка.

Перед Второй мировой войной вышло в свет множество песенных сборников, из которых следует назвать опубликованные под редакцией Раутио «Koulun laulukirja» (*Песенник для школы*, 1930) и «Sekakuorolauluja» (*Песни для смешанного хора*, 1932), а также сборник Ахти и Эмиля Парраса «Proletaarilauluja» (*Пролетарские песни*, 1933). В последний были включены международные песни рабочих в переводе Парраса, финские школьные песни и четыре новых произведения Раутио и Ристо Сирени. Часть материалов, подобранная и написанная Раутио, представляла народную песенную традицию Западной Финляндии. Доля переводов советских произведений, включенных в сборники, неожиданно невелика, так что они скорее сближают представителей народной школы и пролетариат Карелии с Финляндией и международным рабочим движением, нежели с Россией и Советским Союзом.

Публикация финноязычных песенных сборников является одним из проявлений того, что вся национальная политика Карелии в значительной мере выстраивалась на основе финноязычной культуры. Поскольку многие финские музыканты были родом из Западной Финляндии, в их творчестве ощущались западнофинские народные мотивы, которые были известны также и в Беломорской Карелии, где они были даже сильнее восточнофинской народной песенной

¹ Ими написан, к примеру, единственный в 1930-е гг. музыкальный спектакль «Herra Melperi lähtee sotaan».

традиции¹. Карелоязычные песни, напротив, в первой половине 1930-х гг. не публиковались. Выходившие издания подчеркивали политическое положение финнов Карелии, а именно то, что они были у власти. В 1926 г. начали выходить в эфир передачи Карельского радио, в которых наряду с инструментальной музыкой часто звучали пролетарские песни. Из анонсов программ Карельского радио, которые публиковались в газетах, следует, что приехавший из США Юкка Ахти почти ежедневно исполнял сольные партии в передачах Петрозаводской радиостанции. Его вторая жена Катри Ламми тоже была популярной исполнительницей.

Выход оркестровой деятельности на профессиональный уровень

Расширяющаяся деятельность радиокomiteта предполагала увеличение количества музыкальных программ и профессиональных музыкантов. Калле Раутио было поручено создать на основе оркестра финского педагогического техникума более крупный профессиональный оркестр, что и было сделано в 1931 г. Чуть позже, в 1933 г., на место художественного руководителя оркестра был приглашен Леопольд Теплицкий, и с этого года начинается отсчет истории коллектива. Начав играть в оркестре Педагогического техникума, музыканты, среди которых были Пааво Тиайнен, Тауно Хеглунд и Лаури Йюусинен, продолжили свою карьеру в оркестре Карельского радио. Его состав заметно обогатился в 1931–1932 гг., когда в него влились американские финны, недавно переехавшие в Карелию и начавшие полноценную музыкальную деятельность. В их числе были молодые, младше 30 лет, музыканты Олави Дальберг, Вяйно Ринтала, Олави Холтти, Тойво Эскола, Лео Ахола, Хейкки Янсон, Альфред Мериля, Арви Меси, Аапели Ютунен, Аарре Койвуниemi, Ниило Куула, Альберт Мартиила, Аксели Мойсио, Арнольд Ненонен, Ялмари Паасио, Эллис Ранта и Олави Рантала. Работавший в оркестре тромбонистом Тойво Кохонен уехал до начала репрессий в Москву, где был принят в известный джазовый оркестр Эдди Рознера. После 1935 г. состав оркестра Карельского радио пополнился еще несколькими именами: Милтона Севандера, Олави Салми, Олави и Эдвина Рантала, Ээро Ояла и Гельмера Синисало.

¹ Эйла Раутио рассказала, что Калле Раутио с тех пор, как она помнит, сочинял музыку и подбирал песни на рояле. Она поясняла: «Он жил тем временем, когда был ребенком в Финляндии».

Помимо обычных симфонических концертов и радиовыступлений, деятельность оркестра включала в себя также многочисленные концерты на предприятиях и в других городах Карелии. В летнем саду, по сведениям Вяйно Ринтала, оркестр в послевоенные годы выступал раз в неделю. В репертуаре оркестра под управлением Леопольда Теплицкого были даже симфонические джазовые концерты, в которые включались американские шлягеры и мелодии из оперетт¹. Молодых американских финнов приглашали в оркестр уже даже потому, что у них было базовое музыкальное образование и они владели нотной грамотой, которую выучили еще в американской школе, а некоторые из них даже учились в консерватории. Другой причиной для работы в этом коллективе было наличие у иммигрантов музыкальных инструментов или даже потенциальная возможность заказать их из-за границы, в то время как качественные инструменты были тогда в СССР в остром дефиците.

Произведения карельских композиторов составляли основу репертуара симфонического оркестра. В 1920-е гг. появилась серия аранжировок Калле Раутио «Karjalaiset häät» (*Карельская свадьба*), которая исполнялась очень активно. В числе популярных в предвоенное время оркестровых пьес были также произведения петрозаводчанина Рувима Пергамента «Aino» (*Айно*, 1935), Йоусинена «Revontulet» (*Северное сияние*, 1936), Теплицкого «Sarja karjalaisiin teemoihin» (*Карельские мотивы*, 1936) и Гельмера Синисало «Huilukonsertt» (*Концерт для флейты*, 1940). Как видно даже из названий, практически все произведения основывались на традиционной народной музыке (финских, карельских, вепских или поморских мелодиях) и во многих из них ощущались национальные мотивы, в большинстве случаев – калевальские. Тематически народные песни строились явно на народных элементах, одни из них носили ярко выраженный фольклорный характер, другие – не столь очевидный.

В работе оркестра возникали некоторые трения и даже конфликты, которые были связаны с разницей в размере жалования и с недисциплинированностью музыкантов. Музыканты жаловались также на тяжелые условия для репетиций и многочисленные концерты в парках. Все это отразилось в документах отдела культуры Петрозаводского горкома партии. В оркестре была довольно большая текучка, и часть исполнителей, например, Ринтала, Кохонен и Хеглунд, в 1937 г.

¹ Программу 1933 г. см.: НА РК, ф. 3668, оп. 1, д. 6/88. Теплицкий по направлению Луначарского изучал джаз и кинематографическую музыку в США в 1920-е гг. Это сыграло роковую роль в его дальнейшей судьбе: он был задержан и позднее оказался в Карелии, сначала работал в трудовом лагере, а затем был руководителем оркестра.

покинули оркестр. Это спасло им жизнь, поскольку однажды ночью в июле 1938 г. сотрудники НКВД арестовали, забрав прямо из квартир в разных частях города, половину исполнителей оркестра, состоявшего из 42 музыкантов¹.

Аресты не были случайными, так как уже в течение года в партийных органах (а также в газетах и по радио) обсуждалось численное преимущество финнов в писательской, актерской и музыкальной среде. Они обвинялись в буржуазном национализме. Финский театр было решено закрыть, финны-писатели были исключены из Союза писателей, финны-музыканты, составлявшие большую часть коллектива симфонического оркестра, были арестованы². Заметная часть членов Союза композиторов тоже была финнами (двое из семи членов в 1938 г.), но ни один из них не был арестован, так что композиторы Йоусинен, Раутио и Синисало (пришел годом позже) смогли продолжить работу в оркестре.

Музыканты-любители и танцевальная музыка

Музыкальная жизнь в СССР стала намного свободнее, после того как была ликвидирована Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), а на ее месте в 1932 г. было решено создать Союз советских композиторов³. В последующие годы в Карелии заметно увеличилось количество музыкальных жанров (как в композиторской, так и в концертной деятельности). В 1935 г. был создан важный для республики любительский центр – Республиканский дом народного искусства. Он размещался в здании на том месте, где сейчас находятся Музыкальный и Русский драматический театры⁴. В Доме народного искусства (который информанты часто называют Домом просвещения) располагались различные коллективы. Там работали симфонический оркестр, ансамбль кантелистов, хор Дома народного искусства под руководством С. Н. Озерова, музыкальное училище, а также основанная в 1939 г. Республиканская филармония. К сожалению, при отступлении из Петрозаводска в 1941 г. этот дом был уничтожен советскими войсками.

В 1920-е гг. в Петрозаводске действовало большое количество клубов, где предлагались разнообразные вечерние программы с

¹ КГАНИ, ф. 1230, оп. 18, д. 141, л. 19.

² Там же, л. 17.

³ О первых годах работы Союза композиторов см.: *Mikkonen S. State Composers and Red Courtiers. Music, Ideology and Politics in the Soviet 1930s.* Jyväskylä, 2007.

⁴ Здание Музыкального и Русского драматического театров (архитектор – С. Бродский) построено в 1955 г.

танцевальной музыкой. Оркестр Педагогического техникума часто выступал во Дворце труда, который располагался на площади Кирова и в котором имелся зал профсоюзов. В театре «Триумф», кроме концертов, исполнялись отрывки из пьес на финском языке. Режиссером любительского театра была Санни Нуортева (жена Сантери Нуортева). Нарком просвещения Сантери Нуортева в рамках театральных выступлений часто читал лекции, целью которых было просвещение слушателей и интерпретация классических произведений с пролетарских позиций. В концертах также принимали участие оркестр под руководством Калле Раутио, небольшие петрозаводские коллективы камерной музыки или приглашенные деятели искусства из Ленинграда¹. Неподалеку от порта, на месте современного Парка культуры и отдыха, располагался кинотеатр «Красная звезда», где также проходили вечера, танцы и выступления оркестра педагогического техникума.

Для финских иммигрантов в 1930-е гг. такие клубы служили очень важным местом встречи, где можно было потанцевать под ритмы современной джазовой музыки. По традиции, возникшей в XIX в., в ресторанах и на танцплощадках танцевали под музыку салонного или духового оркестра, в основной репертуар которых включалась легкая классическая музыка, соответствующая эпохе, романсы в ритме вальса или марши. Огромную общемировую популярность завоевала афроамериканская музыка и парные танцы, такие как фокстрот и танго, которые не обошли и Петрозаводск. Произошло это не позднее начала 1930-х гг. В конце 1933 г. в газете «*Punainen Karjala*» в рубрике объявлений упоминается более 20 клубов, предлагающих разнообразную программу, в заключение которой были танцы. Оркестры оставались самыми привычными коллективами, исполнявшими танцевальную музыку, однако, кроме них, в программы стали включаться выступления танцевальных ансамблей. На небольших площадках в центре и тем более на окраинах танцы проходили под аккомпанемент гармони, иногда – гармони и скрипки. При неимении лучшего в качестве музыкальных инструментов использовались ложки, пилы и даже расчески. В 1920-е гг., особенно в молодежной среде, как вспоминают Урхо Руханен и Лириан Сало, еще были очень распространены танцы в хороводе. При этом участники пели финские рифмованные народные песни и исполняли различные танцевальные фигуры, которые, по словам Урхо Руханена, «сейчас можно увидеть только на выступлениях коллектива Виолы Мальми».

¹ *Лапчинский Г. И.* Указ. соч. С. 22, 28.

Среди многочисленных мест, где проходили танцы, для тех ин-формантов, чья молодость пришлась на 1930-е гг., самым важным был клуб Урицкого. Он был построен американскими финнами на перекрестке улиц Мерецкого и Урицкого, напротив так называемого района барачов, где жили иммигранты. В клубе располагались разные кружки и любительские коллективы, где можно было учиться, заниматься искусством и спортом. Большой популярностью пользовался духовой оркестр для мальчиков 15–17 лет – «Penikkabändi» (Щенячий ансамбль) – под руководством Эмиля Кауппи. Молодые активные музыканты очень нравились слушателям и привлекали еще большее внимание к работе клуба. Печально, что все они в период репрессий были арестованы. На лыжном комбинате, который начал работать в 1932 г., трудилось много финнов. На предприятии был финский хор, который возглавлял Вайно Кяярйнен, и оркестр, работавший под руководством Элиаса Ранта.

Вайно Ринтала в свое время учился в США в Бостонской консерватории и также возглавлял джазовый ансамбль, который соответствовал идеальному оркестру начала 1930-х гг. Воплощением идеала того времени были такие музыканты, как Луи Армстронг, а также белые дирижеры развлекательного джаза – Пол Уайтман и Гай Ломбардо. В бостонском коллективе Ринтала было две трубы, два саксофона, тромбон, банджо и фортепьяно. Басовые партии исполняла туба, а сам Ринтала, помимо саксофона, играл ногой на турецком барабане и тарелках. Аналогичные коллективы выступали по петрозаводским клубам и в некоторых ресторанах, где было принято танцевать. В Карелии, правда, в джазовые группы с целью расширения репертуара были включены еще скрипка и гармонь, что придавало поначалу музыке некоторый местный колорит.

Карельские джазовые группы предлагали разнообразную программу, однако их отличительной чертой были американские мелодии, которые исполнялись по нотам, привезенным иммигрантами из Америки. Позднее ноты получали уже по почте. Особой популярностью в среде музыкантов пользовался скрипач Вальтер Маннер, который в течение многих лет регулярно получал посылки с нотами, отправляемые ему по договору с одним магазином из Нью-Йорка. Под ритмы американского регтайма, мюзиклов и хитов парные танцы исполнялись шагом фокстрота, тустепа, танго и слоуфокса. На танцах можно было послушать даже женщин-музыкантов. К примеру, в Финском театре, а также в клубе на Голиковке на рояле играла Лайла Салми, известная прекрасной музыкальной образованностью. Милдред Росси рассказывала, что джазовая музыка в то время резко осуждалась, а

в газетах писали о том, что вместо этого лучше исполнять рабочие песни. Так, учитель Сюкияйнен на одном из танцевальных вечеров настоятельно требовал, чтобы все водили только финские хороводы или занялись русскими танцами. Однако, как только он ушел, все под аккомпанемент фортепьяно снова стали танцевать джаз. Кроме Лайлы Салми, в коллективах, исполнявших танцевальную музыку, на пианино играли Мари Микконен, Майла и Милдред Эклунд, на саксофоне – Хилкка Мяки.

Конечно, коллективы исполняли не только американскую танцевальную музыку. В их репертуар входили также финские народные мелодии – польки, мазурки, вальсы, а также популярные в России падекатр, падеспань и краковяк. Одно время танцевальная музыка, привезенная финнами из Америки, была в моде, а подобного исполнения в Карелии раньше никогда не слышали. Поэтому русские тоже с удовольствием ходили с финнами на танцы в клубы Урицкого, лыжной фабрики, строителей и на Голиковке. Многие информанты говорили, что из-за того, что представители разных национальностей не владели языком друг друга, их общение в 1930-е гг. было минимальным, а возможность иммигрантов отовариваться в Инснабе и питаться в особых ресторанах вызывала сильное недовольство в среде местного населения. На танцах, правда, напряжение несколько спадало, и общение становилось чуть более оживленным. Во время парных танцев общим стремлением девушек и молодых людей было создание дружеской атмосферы. Часто устраивались танцевальные конкурсы, и информанты вспоминают случаи, когда финско-русская или русско-карельская пара становились победителями. Милдред Росси вспоминала, что у них было принято устраивать общие купания в Лососинке после полуночи, когда в клубе Урицкого заканчивались танцы. Последним номером всегда играли «*Hom! Sweet Home!*»¹.

Клубы часто содержались на средства профсоюзов, и большой популярностью пользовались среди них клуб при Лыжной фабрике, «Онега» и клуб железнодорожников. Там были свои оркестры, которые играли и на танцах. Клуб Урицкого, как сообщают информанты, был независимым, т. е. созданным силами его посетителей, которые сами организовывали кружки и прочую клубную деятельность. Музыканты играли бесплатно, вход на танцы также был для всех свободным. Репертуар никто особенно не контролировал, исполнители для музыкальной и прочей кружковой работы отбирались в соответствии со способностями и возможностями. Танцы же, где исполнялась

¹ Английский оперный шлягер XIX в. Генри Бишопа.

джазовая музыка и где вместе танцевали русские, карелы и финны, были организованы, по данным информантов, не только в Петрозаводске, но также в Кондопоге, Интерпоселке, Матросах. Однако из-за арестов и репрессий работа многих клубов была нарушена.

В послевоенный период Ринтала и еще несколько опрошенных нами музыкантов продолжили свою работу, исполняя танцевальную музыку в ресторанах и городском летнем саду. Джаз они по-прежнему играли, однако в программах эти композиции не отражались. Маннер получил из Америки новые ноты и переписал их на бумагу, чтобы не вызвать подозрения и избежать конфискации. Иногда случалось так, что весь оркестр состоял из музыкантов финского происхождения, как это было в начале 1950-х гг., когда на танцевальной сцене Парка отдыха играли Алан Сихвола, Эльмер Ноусиайнен, Милтон Севандер, Эско Пелтонен, Олави Салми, Вяйно Ринтала, Вальтер Манер и Вальтер Мяки.

Финский театр, кроме того, что создал серьезную художественную площадку для иммигрантов, сплотил их также в социальную группу. Внутри нее организовывался досуг, причем к этому, помимо театральных работников, привлекались и другие петрозаводчане. После войны театр был единственным местом, где у финнов сохранялся свой коллектив для танцев. В 1945–1950 гг. театр работал в Олонце, где музыкальное сопровождение спектаклей обеспечивали свои театральные музыканты, возглавляемые Калле Раутио. Трое сыновей Раутио — Эрик, Хейно и Ройне, тоже исполняли танцевальную музыку. Вокруг них сложился оркестр из 6–8 участников, которые в галстуках-бабочках с изяществом¹ исполняли модные мелодии того времени, финскую и русскую танцевальную музыку и, конечно, джаз. В Олонце со времен финской оккупации осталось довольно большое количество нотных записей, в том числе особенно популярные в Финляндии того времени тетради Даллапэ². Хранить их было запрещено, однако Эрик Раутио написал на их основе несколько аранжировок для своего оркестра танцевальной музыки. Так, в 40-е гг. после театральных представлений проводились танцевальные вечера в Олонце, а в Петрозаводске они сохранялись вплоть до конца 50-х. В 1960 г. двое братьев Раутио трагически погибли, утонув во время несчастного случая на Онежском озере. После этого танцы больше не проводились.

¹ Многие респонденты вспоминали костюмы, сшитые портным Мозесом Сорму-сом, которые, несмотря на некачественную ткань, смотрелись очень стильно.

² Нотные сборники, выходившие в 1930-х гг. в Финляндии, в которых печатались новые наиболее популярные музыкальные произведения.

Ансамбль «Кантеле» и подъем народного искусства

Переоценка народного искусства произошла в советской России в начале 1930-х гг. С момента революции оно считалось пережитком прошлого, который препятствовал развитию пролетарского искусства, но благодаря статьям Максима Горького отношение к нему поменялось: народное творчество оценили и даже стали считать образцом литературы и сценического искусства. Все искусство должно было быть народным. В пример прочим коллективам ставился оркестр «Кантеле», созданный Виктором Гудковым, в котором модернизация инструмента стала величайшей в XX в. историей успеха.

Реформатором хроматического кантеле стал русский поэт и партийный деятель Виктор Пантелеймонович Гудков (1899–1942), приехавший в Карелию еще в молодости. Впервые он увидел кантеле в Кандалакше, хотя интерес к этому инструменту через знакомство с «Калевалой» возник у него уже давно.

В течение очень короткого времени Гудкову удалось составить чертежи четырех разных по размеру кантеле, на которых можно было исполнять хроматические гаммы. Вообще его конструкция и звучание очень напоминали карельский народный инструмент, у которого струны крепились к колодке. Идея создания оркестра возникла благодаря оркестру балалаечников Василия Андреева, однако идеологической предпосылкой послужила идея коллективного искусства и социалистического труда¹.

Гудков особо подчеркивал, что развитие карельского кантеле происходит иначе, нежели развитие буржуазного сольного инструмента в Финляндии, где кантеле сохранило свой диатонический характер, увеличилось в размерах, звучание сгладилось, но звук по-прежнему оставался тихим. Модернизированные инструменты Гудкова не были такими крупными, но они сложились в целое семейство музыкальных инструментов, на которых можно было исполнять даже классическую оркестровую музыку с вариациями и модуляциями. Более серьезной, чем модернизация конструкции инструмента, трансформацией стало изменение традиции исполнения, когда от принятой в народе игры на слух произошел переход к классическому оркестровому исполнению по нотам. Гудков, как для настоящего симфонического оркестра, писал аранжировки для разных голосов, которые затем исполняли свои партии, повинувшись взмаху дирижерской палочки.

¹ Гудков В. Живое кантеле // Красная Карелия. 1933. 16 октября; Звучит Кантеле // Красная Карелия. 1934. 16 апреля.

Музыкантов, которые бы умели играть на кантеле и при этом владели нотной грамотой, не было, так что, занимаясь модернизацией, Гудков одновременно начал обучать группу молодых музыкантов игре на новом инструменте. Осенью 1932 г. он был приглашен в Петрозаводск в Научно-исследовательский институт, где в подведомственном Институту финском детском доме создал детский оркестр кантелистов. В этой группе оказались впоследствии известные и заслуженные кантелисты Керту Вильянен и Милдред Линдстрем (Росси). По мнению Гудкова, у детей были прекрасные музыкальные данные, к которым прилагалось еще владение языком и культурой, что уже с самого начала могло лечь в основу развития исполнительского искусства на кантеле. Гудков собирал материал по деревням Олонецкого района, писал аранжировки для своего оркестра, а также приглашал из деревень народных музыкантов для участия их в концертах в качестве солистов. Их сольная музыка, основывающаяся на импровизации, заметно отличалась от оркестрового исполнения по нотам. Гудкову удалось заинтересовать своим инструментом композиторов, и они стали активно писать аранжировки и мелодии для оркестра кантеле.

Оркестр, сформированный из школьников, быстро совершенствовался, однако, когда дети оканчивали школу, они автоматически выбывали из оркестра. Весной 1936 г. под руководством Гудкова работал секстет, и после его успешных выступлений райком партии поручил Гудкову организовать профессиональный оркестр кантеле буквально в этом же году. Коллектив сформировался довольно быстро и к началу 1940-х гг. насчитывал уже 25 оркестрантов, а в 1950-е гг., уже после смерти Гудкова, число музыкантов возросло до сотни. Гудков отбирал себе учеников из финской и карельской среды, в их числе оказалась и Наталья Кондратьева, участница карельского хора Петровского района под руководством Ивана Левкина. В оркестр также были приглашены и многие студенты Петрозаводского музыкального училища. Среди тех, кто на протяжении долгого времени играл в этом оркестре, были Людвиг Каргулев, Тюуне Пуллкинен, Тойво Вайнонен и Максим Гаврилов.

Решающим поворотом в музыкальной жизни республики стала декада Карельского искусства, проходившая в Ленинграде в марте 1937 г. Искусство Карелии демонстрировалось в лучших залах Ленинграда. В декаде принимали участие профессиональный симфонический оркестр, Национальный театр, оркестр «Кантеле», а также любительские хоровые коллективы колхозов Шелтозерского и Петровского районов, танцевальный ансамбль и оркестр Кондопожского бумагоделательного комбината, хор Республиканского дома народного

искусства и группа карельских рунопевцев. Народное искусство и приобщение к нему людей ставилось в пример: в газетах много писали о хористах и колхозных хорах Шелтозерского и Петровского районов. Оркестр кантеле своими песнями и танцами также привлек большое внимание посетителей концертов.

В декаде приняли участие десятки финских артистов, входивших в состав разных профессиональных и любительских коллективов. Творческую группу возглавлял поэт Ялмари Виртанен. При этом декада носила антифинский характер, и основной упор был сделан на карельское и вепсское искусство в ущерб финской культуре. Декада продемонстрировала, каким образом следовало в дальнейшем развивать «самодеятельное искусство» в деревнях. Изначально от Петрозаводска должны были ехать два финских хора, а именно хор клуба Урицкого и Лыжной фабрики, но в итоге в Ленинград их так и не взяли. Вскоре в газетах стали появляться заметки, в которых осуждалось финское искусство республики как националистическое и высоко оценивались новые возможности карел поднять свою культуру на новый уровень, после того как все финны были сняты с руководящих постов в сфере искусства. После арестов в симфоническом оркестре и Национальном театре «воронки» стали увозить людей с Лыжного комбината. Арестованы были и активисты клуба Урицкого. Руководитель хора Кууно Севандер спасся, спрятавшись в лесу. После смещения финнов с руководящих должностей культурное строительство было переориентировано на карельскую народную культуру¹. Эпоха национального романтизма в искусстве, который принесли с собой финны, была завершена, ей на смену пришел период популярного самодеятельного народного искусства, воплощающего народную культуру.

Финны в послевоенной музыкальной культуре Карелии

Музыкальные коллективы финских иммигрантов в конце 1930-х гг. распались, но при этом многие из них продолжали занимать видное место в музыкальной жизни республики. В 1950-е гг. число финнов в Карелии возросло. Это произошло благодаря приезду ингерманландцев, хотя наиболее заметную роль в музыкальной жизни по-прежнему продолжали играть иммигранты и их дети, приехавшие в Карелию из Америки и Финляндии. Но и карел в музыкальном сообществе тоже заметно прибавилось. Так, в конце 1950-х гг. в составе ансамбля «Кантеле» более половины музыкантов были финнами и карелами. В

¹ См., например: *Ylikangas M. Rivit Suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940.* Helsinki, 2004. S. 394.

коллективе симфонического оркестра Карельского радио и телевидения даже в 60-е еще работало около десяти духовиков, финнов по национальности. Самым значительным композитором Карелии послевоенного времени стал Гельмер Синисало (1920–1989), самыми популярными произведениями которого были симфония «Богатыри леса» (1949), балет «Сампо» (1959) и «Kizhin legenda» (*Кижская легенда*, 1972). Очень многообещающе звучали композиции молодого композитора Ройне Раутио (1934–1960): симфония (1960, не имеет названия) и сюита по мотивам «Калевалы» (*Sarja kalevalaisiin teemoihin*). Большую славу снискала певица Сиркка Рикка, исполнявшая и записавшая на грампластинки финские народные песни и другие популярные произведения в классической (академической) певческой манере. Работавший в театре Кууно Севандер руководил финским смешанным любительским хором. Очень большую роль в жизни театра и ансамбля «Кантеле» сыграла семья Раутио.

Самым известным финским коллективом стал вокальный ансамбль «Манок», начавший свою деятельность в 1960-е гг., солидная часть произведений которого была позаимствована из репертуара квартета «Kipparikvartetti» (финский вокальный ансамбль, Хельсинки), особенно популярного в 1950-е гг. «Манок» основали молодые актеры (родившиеся в 1920–1930-е гг.), начавшие свою деятельность с театральных вечеров и мюзиклов. Идея заключалась в исполнении мужских песен на несколько голосов с быстрым вживанием в сценический образ. Успех сопровождал ансамбль на протяжении тридцати лет, и это несмотря на то, что основным их занятием работа в вокальном ансамбле никогда не была.

Мастерство ансамбля «Кантеле» в годы войны так возросло, что его участники уже могли предложить слушателям целую тематическую программу. В то же время репертуар строился по образцу западных эстрадных представлений и варьете, все дальше отходя от народных песен, притом что исполнительская манера ансамбля отличалась от стиля народных исполнителей уже изначально¹. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. внутри ансамбля выделилось несколько специализированных групп. Так возникли оркестр, танцевальная группа и хор. Теперь ансамбль мог выступать в деревенских домах культуры и клубах меньшим составом. После успеха ансамбля «Манок» в «Кантеле» тоже была создана вокальная группа «Vanhat pojat» (*Старые парни*), в репертуар которой было включено несколько композиций «Манка»².

¹ *Rugojev J. Katsaus Kanteleen toimintaan // Totuus. 1944. 15 joulukuu. Cp. также: Olson L. J. Performing Russia. Folk Revival and Russian Identity. London; New York, 2004. P. 67.*

² *Karp S. M. Kantele. Karjala-kustantamo, Petroskoi, 1971. S. 23.*

Финские иммигрантские коллективы сокращались, попытки сохранить финскую национальную идентичность все больше перемещались в сферу частной жизни. Официальная «национальная» культура государства все заметнее отдалялась от всего финского и национального. Однако роль музыки и искусства, безусловно, была велика как с точки зрения облегчения адаптации и повышения культурной жизнеспособности приезжих финнов, так и с точки зрения общественной модернизации и повышения музыкального профессионализма в республике. Финны заложили основы многих форм деятельности, которые, в том числе и под руководством финнов, пережив свой расцвет, продолжают развиваться в искусстве республики и по сей день.

Выводы: Ностальгия и ответственность

Как и в любой другой иммигрантской музыкальной жизни, центральное место в культуре финнов, приехавших в Карелию, занимала ностальгия. Однако одной из особенностей роли финских иммигрантов было осознание их ответственности за развитие музыкальной жизни Карелии в духе господствовавшей тогда национальной политики. В их случае ностальгия заключалась в воспроизведении не только финской музыки, но и американской, поскольку многие любители довольно серьезно занимались музыкой в «домах культуры» и музыкальных школах еще в США и Канаде. Танцевальная музыка в разных ее проявлениях, как например полька и американский джаз, для информантов-иммигрантов были самыми важными музыкальными формами. Особенности музыкальной культуры, обнаруженные автором в интервью, не были частными случаями: уже упоминались факты, о которых автору было сообщено как минимум в двух, а чаще всего и в большем количестве интервью.

Ностальгию не стоит понимать только как эмигрантскую тоску, это еще и использование знакомой музыки, отличающейся от принятой в государственной культуре и свойственной только своей группе. Стремление приехавших в Карелию финнов создать социальные структуры особенно интенсивно проявилось в музыке и театре, поскольку общение происходило там на интуитивном уровне и зачастую опиралось на те коммуникативные средства, которые были усвоены ими в детстве. В то же время музыка объединяла американских финнов, ингерманландцев и всех приехавших из Финляндии; все они нашли общее увлечение и общую культурную основу для своей деятельности. Их связывали танцы, песни, юмор, городская жизнь, уровень образования. Благодаря танцам налаживались контакты с русскими,

хотя поначалу такое общение было минимальным¹. По данным интервью, карелы до периода политической акции по подъему «национального искусства», начавшейся в 1937 г., почти не принимали участие в музыкальной жизни Петрозаводска, в центре которой были финны. Но после этого культура республики пополнилась целым рядом известных карельских хормейстеров, певцов и авторов-песенников, таких как Иван Левкин, Анна Колмык, Вейкко Пяллинен и группа «Айно» ансамбля «Кантеле». Ристо Сирени (Никитин), закончивший Педагогическое училище, добился известности как музыкант еще раньше, так как руководил оркестром и проработал музыкантом в Ухте и Кестеньге до самой смерти в 1937 г.²

Финские музыканты взяли на себя большую ответственность перед обществом и играли важную роль в реализации национальной политики Карелии до 1935 г. Финны работали в сфере политики и просвещения (участие в преподавании и инструктаже для учителей народных школ), составляя элиту республики, но также очень активно участвовали и в музыкальной жизни. Их центральное положение в этой сфере объяснялось не только музыкальной образованностью (уровень выпускника Ленинградской консерватории был большой редкостью и в среде финских иммигрантов), – скорее это можно было объяснить общим музыкальным образованием, общей активной позицией и стремлением повлиять на музыкальную жизнь республики. Десятки или даже сотни финнов входили в состав Петрозаводских оркестров, ансамблей, хоров и других музыкальных коллективов – и это не считая тех, кто жил в сельской местности. Большинство из них были любителями, но для многих увлечение переросло в профессию. Практически все интервью, содержащие рассказы о жизни финнов в 1930-е гг., передавали оптимизм того времени и переживание за судьбу культуры в Карелии. Страна и республика шли путем перемен, и казалось, что каждый мог быть полезен в этих реформах, общественном строительстве и развитии культурной жизни.

¹ Samaa ulkopuolisuutta on myös Arvi Perttu kuvannut romaanissaan *Papaninin retkikunta*. Jyväskylä, 2006. Такая же отчужденность описана в романе Арви Пертту «Экспедиция Папанина» (*Papaninin retkikunta*). Jyväskylä, 2006.

² *Напеев Б. Д.* Ты, серпа и молота вольная отчизна. Петрозаводск, 1982. С. 70.

Память о войне

Елена Дубровская

Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья

До недавнего времени вне поля зрения российских исследователей оставались сложные и интересные вопросы как исторического и этнического развития Беломорской Карелии, так и повседневной жизни населения пограничных с Великим княжеством Финляндским карельских волостей Кемского уезда Архангельской губернии. В конце XIX – начале XX в. жители этих западных волостей карельского приграничья и карельское население Повенецкого уезда Олонецкой губернии традиционно сохраняли тесные экономические связи с соседними территориями и испытывали огромное влияние финской культуры.

Вступление России в Первую мировую войну в августе 1914 г. не только повлияло на активизацию памяти об имперском расширении и завоеваниях, изменилось восприятие Карелии как места противостояния Востока и Запада. Актуальным представляется исследование на материале Карелии феномена исторической памяти населения приграничья во время Первой мировой войны, включая переломные для истории Российского государства 1917–1918 годы – период российской революции и Гражданской войны. Территория населенных карелами уездов Олонецкой губернии и западных волостей Кемского уезда Архангельской губернии оказалась тогда вовлечена в орбиту международной политики и прежде всего – в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников по антигерманской коалиции.

В июле 1918 г. территория Российской Карелии оказалась театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения сюда войск Германии и ее союзника – Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие здесь необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охраны военных грузов, однако скоро стали очевидными их цели – борьба с большевизмом и укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской

железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии¹.

Вопрос о роли финского фактора в истории края можно исследовать на основе опубликованных источников и документальных материалов, в частности, «Рассказов о Гражданской войне», хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН, документов из фондов Национального архива Финляндии, Национального архива Республики Карелия, публикаций в периодике того времени. Представляется интересным проследить, как в первые десятилетия советской истории Карелии действовали механизмы сохранения, передачи, актуализации памяти населения карельско-финляндского приграничья о событиях прошлого².

Поскольку в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии (Кемского уезда Архангельской губернии) стали англичане, под покровительством интервентов командование белых сформировало для борьбы с большевиками Российскую народную армию. Главные силы интервентов и белогвардейцев действовали в зоне Мурманской железной дороги. Станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района³. Сложилась критическая ситуация, при которой Север России оказался в руках англо-

¹ *Голдин В. И.* Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000; *Гусев К. В.* К истории Карельского мятежа (По материалам Комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71—84; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 343—440; *Мусаев В. И.* Весенне-летняя кампания 1919 г. на Северо-Западе // Интервенция на Северо-Западе России: 1917—1920 гг. СПб., 1995. С. 236—254; *Он же.* Олонецкая экспедиция и позиция западных держав // Там же. С. 230—235; *Осинов А. Ю.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Материалы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 86—89; *Он же.* Финляндия и гражданская война в Карелии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006; Петрозаводск: Хроника трех столетий. Петрозаводск, 2002; *Шумилов М. И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992.

² «Финнизаторы» и «обрусители». Документы по истории борьбы за влияние в Карелии (конец XIX — начало XX вв.) / Сост. и вступ. ст. В. И. Мусаева // Нестор. № 10; Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 47—71; Документы периода подполья национально-демократического движения в Беломорской Карелии (1905—1922 гг.). Составление и вступительная статья Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева // Финно-угорские народы России... С. 17—46.

³ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 404, Управление Кемского уездного военного коменданта, оп. 1, д. 2, л. 1—19.

французских интервентов, а в Ухтинской волости оставались так называемые «белые финны», готовившие новое вторжение в Карелию.

«Мурманский легион», с мая 1918 г. размещенный в Княжьей Губе, состоял из «красных финнов», главным образом, эмигрировавших в Советскую Россию после поражения финляндской революции¹. Он выступал против финских белых во взаимодействии с силами союзной интервенции на севере, поскольку вторжение белофинских отрядов в Карелию вызвало серьезные опасения у союзников.

Этот отряд финской Красной гвардии создавался участниками собрания, проведенного в Кандалакше 3 февраля 1918 г. по инициативе И. Ахава. На нем были представители от финских рабочих, трудившихся на постройке Мурманской железной дороги и на лесозаготовках в северной Карелии. На лесопильных заводах Поморья было занято около тысячи финских рабочих, их представители и присутствовали на собрании, как и делегаты от первых рабочих-беженцев из Финляндии.

Примечательна мотивация вынесенного на этом собрании решения о создании красногвардейского отряда, о которой свидетельствует Ээро Хаапалайнен. Собравшиеся оказались единодушны в том, что начатую в Финляндии «революцию рабочих необходимо поддержать, т. к. урочная работа в это время ничего ожидаемого не обещала», и сочли, что «образование красной гвардии будет единственной задачей, чем можно спастись от затруднительного положения»². Участники собрания выбрали ответственных за вооружение и за обеспечение продовольствием и направили через Петроград в Гельсингфорс (Хельсинки) четырех представителей. Делегированным было поручено добиться разрешения советских властей на организацию в северной Карелии ударной группы в тылу у «белых финнов».

Главный штаб руководства финляндской Красной гвардией, действовавший в Хельсинки, принял предложение рабочих Кандалакши и сразу же приступил к организации экспедиции для сопровождения оружия и продовольствия в Карелию и в Мурманск. В середине марта по ходатайству правительства «красных финнов» из Петрограда на Север был отправлен вагон с оружием. Экспедиция, направлявшаяся через Петроград и Петрозаводск, прибыла в Кандалакшу 18 марта,

¹ *Nevakivi J.* Murmannin legioona. Suomalaiset ja liittoutuneitten interventio Pohjois-Venäjällä 1918–1919. Helsinki, 1970.

² *Хаапалайнен Э.* Из истории Карельского полка. Общий обзор // Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 114, л. 138–139.

доставив тысячу винтовок, миллион патронов, четыре пулемета системы «Максим» и 120 лент пулеметных патронов¹.

К этому времени в Кандалакше собралось до 900 чел. рабочих – финнов и карел, готовых вступить в ряды Красной гвардии, в основном рабочих, а также карельские крестьяне. Ииво Ахава получил назначение на должность начальника фронта как человек, имевший боевой опыт участия в сражениях Первой мировой войны. Начальником его штаба стал финн-портной Алексей Туорила².

То обстоятельство, что командование отрядом финской Красной гвардии принял на себя карел Ииво Ахава, оказалось весьма важным для успеха начинания. По меркам Беломорской Карелии этот отряд составлял серьезную силу, тем более что вскоре численность и боеспособность красногвардейцев увеличились за счет притока финских эмигрантов, которые перешли границу, спасаясь от преследований белых в Северной Финляндии.

Сын переехавшего из Ухты в Куусамо известного коммерсанта Пааво Ахава, одного из руководителей созданного в 1905 г. Союза беломорских карел, прозванного «Карельским Пааво», Ииво Ахава мог избежать призыва на военную службу. Познакомившись с социалистическими идеями в городском рабочем союзе, куда он вступил с разрешения отца, Иво скептически относился к сообщениям с фронта, появлявшимся в официальной печати. «Во время мировой войны, – вспоминает один из красногвардейцев Антти Кангасниemi, знавший И. Ахава с детства, – он читал газеты, подводил по ним итоги, иногда ругаясь, что все врут», и решил «пойти сам посмотреть», для чего вступил добровольцем в российскую армию, участвовал в сражениях³.

За личную храбрость, проявленную во время военных действий в чине унтер-офицера, 19-летний Ииво Ахава дважды был награжден Георгиевским крестом. Во время гражданской войны в Финляндии он был на стороне красногвардейцев, в 1918 г. командовал финскими красногвардейцами в Северной Карелии, затем вступил в «Мурманский легион», а в сентябре 1918 г. перешел в Карельский отряд, возглавив его вместе с другим бывшим фронтовиком Григорием Лежеевым.

А. Кангасниemi, служивший курьером в штабе «Мурманского легиона», однажды встретился с И. Ахава в д. Кананен недалеко от

¹ Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 139.

² Там же.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 125, л. 1–3: Кангасниemi А. Ахава Иван (Афанасьев). Воспоминания о своем земляке, участнике Первой мировой войны.

финляндской границы во время отступления отряда из Кандалакши. Начальник фронта пожаловался на то, как трудно управлять необученной частью, ведь далеко не в каждой роте было хотя бы несколько бойцов, получивших военную подготовку. Сам автор воспоминаний, прошедший военную службу, получил упрек от И. Ахава за то, что согласился на должность посыльного при штабе и не пошел на фронт¹.

Свидетельства мемуаристов, собранные в 1930-х гг. и позже, проливают свет лишь на обстоятельства тех военных столкновений, участниками которых были они сами². По словам одного из них, во время вооруженных действий осени 1918 г. шюцкоровские отряды, организованные из местных крестьян, почти все отказывались принимать участие в боях против Карельского отряда. Исключение составили лишь два человека из Вокнаволока, пятеро уроженцев Пирттигубы и нескольких ухтинцев. Несмотря на это, были расстреляны «наиболее активные» из карел, служивших в шюцкоре. Заняв д. Толлорека, бойцы Карельского отряда расстреляли четырнадцать «местных шюцкоровцев», ушедших туда из Вокнаволока на время боев. Так же поступали и в других деревнях: в Войнице были расстреляны двое крестьян исключительно за то, что они поддерживали белых финнов. Проявляя такую жестокость по отношению к «своим», бойцы отряда тем более не щадили «чужих» – интервентов. Об этом можно судить по выдержке из воспоминаний жителя д. Контокки Алексея Петрова, рассказавшего о первой встрече с противником на панозерском направлении: «С большим воодушевлением продолжали путь в Сопосалму, а часть отправилась по другой дороге в Соповаракку», где оказалось «12 человек белых. Отправив одного человека из них в Кемь, остальных прикончили»³.

Страницы воспоминаний С. И. Леттиева рисуют картину страшного озлобления той и другой противостоявшей стороны – вскоре это психологическое состояние станет определять не только взаимоотношения с «соседями» из-за кордона, но и с собственными односельчанами: «Осенью 1918 г. первые банды белофиннов отступали из карельских деревень (из г. Кеми) только по р. Кемь до д. Вокнаволока, т. к. карельские разведчики выгоняли их из всех деревень по тракту к

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 125, л. 2об.

² Подробнее см.: *Дубровская Е. Ю.* Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива Карельского научного центра РАН) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 102–106.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 31, д. 220, л. 12: *Петров А.* Борьба с белофиннами в северо-западных районах Карелии. Создание Карельского полка в 1918 г. Изгнание белых из дер. Юшкозера, Ухты.

Финляндии, не давая нигде остановиться на отдых. Когда финны осенью уходили из с. Ухты к д. Вокнаволок, то в отместку карелам за их „негостеприимство“ почти во всех домах, где жили финны, разбивали рамы и окна. На это и жители карельских деревень отвечали финнам тем, что в деревнях никого из финнов не пускали в свои избы глубокой осенью»¹.

Особенностью складывавшегося в эти годы образа беспощадного противника стало то, что в восприятии карел — участников Гражданской войны как с той, так и с другой стороны враждебными оказывались Финляндия и финны: либо «белогвардейцы», либо «красные финны», сражавшиеся в рядах «Мурманского легиона», а позже — в 6-м финском полку в составе частей Красной армии. О последних один из героев повествования «Водораздел» восклицает с досадой: «Ох уж эти руочи [презрительный этноним, дословно „швед“, использовавшийся карелами для обозначения финнов — *Е. Д.*]... Не удалось прийти в Карелию белыми, так они пришли красными»².

За два летних месяца 1918 г. «Карельский легион», сформированный карельскими добровольцами и командованием британских интервенционистских войск, сумел разбить финских интервентов, рассредоточенных в деревнях к югу от Ухты, так что тем едва удалось выйти из окружения, оставив убитыми две трети своего состава. Пользуясь хорошим знанием местности, отряд в течение июля — октября 1918 г. вел успешные боевые действия против финнов, вытесняя их к границе³.

подавляющее большинство исследуемых архивных документов сохранило мужское видение событий Гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг. в глубинке Олонецкой губернии или в северокарельской деревне. Однако в свидетельствах очевидцев происходившего в эти годы женщины не остаются лишь безликим фоном для деяний (или злодеяний) мужчин⁴.

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 142, л. 12: *Леттнев С. И.* Белокарельское правительство «Тоймикунта». Борьба «карельского добровольческого отряда» с белофиннами вместе с красногвардейцами 6-го финского полка.

² *Яккола Н. И.* Водораздел. Петрозаводск, 1985. С. 538.

³ *Голубев А. В.* «Карельский дневник» Филиппа Вудса как источник для изучения северокарельского приграничья в годы Гражданской войны // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск, 2008. С. 37—44; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. — 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 200—210.

⁴ См. об этом: *Дубровская Е. Ю.* На перекрестных волнах истории: повествование Н. Яккола «Водораздел» о событиях революции и Гражданской войны в Карелии // Художественная литература как историко-психологический источник. Материалы XVI Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14—15 дек. 2004 г. СПб., 2004. С. 291—296.

Рядовой боец «Карельского полка», родом из д. Суднозеро (Венехъярви) Вокнаволоцкой волости, Ф. А. Лесонен вспоминает о том, что перед рейдом из Кеми вглубь Беломорской Карелии у командования отряда «зародилась идея обучить и взять с собою женщин-карелок, которых собралось в городе около сорока человек». Такой отряд сформировали, старшими в нем были назначены батрачка из д. Ладвозера С. П. Перттунен и жена одного из младших командиров полка, уроженка д. Важонвара, Т. В. Карху. Но когда ее муж Вилле Теппи (Миттоев) приступил к обучению женщин военному делу, вмешалось английское командование, не допустившее этого. Вместо привлечения карелок к участию в боевых действиях англичане заняли их «стиркой белья, уборкой мусора и грязи в своих госпиталях и квартирах, пока те к лету 1919 г. не разбежались по домам»¹.

Тем не менее карельские женщины посодействовали успеху рейда «Карельского легиона», занимаясь более привычным для себя трудом лодочных гребцов. Один из первых исследователей истории полка Ээро Хаапалайнен, анализируя в начале 1930-х гг. содержание незадолго перед тем увидевших свет мемуаров британского генерала Чарльза Мейнарда, особо отметил участие женщин в перевозках грузов для отряда по р. Кеми, так поразившее британцев.

Мейnard, командовавший союзными войсками на Мурмане и описавший этот период своей биографии в книге «Мурманское предприятие» (Лондон, 1928), восторженно отозвался об увиденном в Карелии: «Во время переправы через реку был один случай, подобного которому не знает история нашей войны. Карельские женщины без боязни взялись обеспечить гребцами продовольственные лодки, и этому никто не возражал. Они превосходно двигались по воде, желая помочь мужьям прогнать бандитов из Карелии. Они поодиночке или коллективно объясняли это тем, что в мирное время научились грести на лодках, чтобы переправлять мужьям продукты, когда те находились далеко от дома. Теперь их работа была особенно важна, поскольку мужья находились на фронте»².

Явление, так поразившее британского генерала, не знакомого с традиционной культурой карел, вовсе не было чем-то из ряда вон выходящим для жителей Архангельской и Олонецкой губерний. Обычай, характерный, к примеру, и для русских жителей Водлозерья в Пудожском уезде, предполагал, что именно женщины и девушки

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 140, л. 20. Лесонен Ф. А.

² Цит по: Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 117–118.

должны сидеть на веслах во время переправы на лодках вместе с мужчинами. Н. Яккола пишет о том, что даже беременность женщины не освобождала ее от этой обязанности, которая самими северянками воспринималась как норма: «по карельским обычаям сидеть за веслами следовало женщине». Одна из героинь «Водораздела» отказывается от помощи мужа, решившего было сесть рядом с женой, чтобы помочь ей грести: она «не могла нарушить этот обычай, тем более в присутствии чужих мужиков»¹.

Мейнард рассказал еще об одном событии, связанном с поведением карелок в боевой обстановке, когда «двое женщин, составлявшие группу гребцов, пошли грести впереди своей эскадры». Э. Хаапалайнен включил в свое исследование перевод из воспоминаний «Мурманское предприятие», которое в русскоязычном изложении выглядит следующим образом: «Три белобандита внезапно хотели арестовать их, и тут возник морской бой. Белобандиты были вооружены, и они начали стрелять, но были плохими стрелками. Эти карельские женщины никогда не слыхали о Нельсоне, но в действительности они делали так, как сделал бы он. Вдруг повернули лодку и крепко стали грести, ударяя на середину лодки противника. Белофинны были поражены этим внезапным и неожиданным наступлением женщин, и все усилия им нужно было сосредоточить на том, чтобы не опрокинуться из лодки. Женщины использовали их растерянность и начали лупить их веслами. Все трое были выведены из строя, а двое из них прыгнули через край лодки и утонули»².

Командующий войсками союзников отметил своего рода «тактическую находку», продемонстрированную участницами этого «морского боя»: «по-видимому, нет заранее выработанных правил без исключения, и такой интересный факт не мог не заслужить награды». Узнав об этом событии, Мейнард наградил обеих женщин медалями. Впоследствии он писал: «Мне кажется, что в этот день в Северном Беломорье не было таких гордых женщин, как они, награжденные крестами»³.

Однако воспоминания, оставленные непосредственными очевидцами другого женского «подвига», проливают больше света как на обстоятельства события, попавшего на страницы мемуаров британского генерала, так и на мотивы героического поведения карельских женщин, весьма далекие от ориентиров на боевой опыт легендарного английского флотоводца.

¹ Яккола Н. И. Указ. соч. С. 390.

² Цит по: Хаапалайнен Э. Указ. соч. Л. 118.

³ Там же.

Боец «Карельского полка» уроженец д. Ладвозеро Вокнаволоцкой волости Р. В. Лесонен вспоминал в 1959 г. о том, что он участвовал в разведке, проводившейся по обоим берегам р. Кеми. Заметив две лодки в местечке Спирейкенгя, разведчики предупредили командование отряда и устроили засаду. В первой из лодок находились трое белофиннов и учительница из Вокнаволока с двумя маленькими сыновьями. В другой лодке сидели три белофинна и сестра учительницы. Как выяснилось позже, финские интервенты, останавливаясь в пути, изнасиловали сестру учительницы и заставили ее грести всю дорогу. Разведчикам «удалось сразу же перебить белофиннов во второй лодке», но в первой были дети, и они не решились стрелять. Двое финнов бросились из нее в воду и попытались овладеть лодкой разведчиков, в которой гребцами были крестьянки из д. Панозеро Ульяна Попова и Акулина Никулина. (Автор, правда, упоминает двух Поповых — Ульяну Филипповну и Ульяну Ивановну.) По свидетельству Р. В. Лесонена, «женщины не пустили белофиннов в лодку, а веслами били их по голове. Один пошел ко дну, а другого настигла наша пуля. Третьему удалось доплыть до берега и бежать, но наши разведчики схватили и его»¹.

Безусловно, женщины — участницы описанных событий — имели своё видение мира, свою систему ценностей, отличную от мужской². Их отвага была вызвана стремлением спасти незащищенных детей и женщин, оказавшихся заложниками в вооруженных столкновениях взрослых мужчин. Это особенно чувствуется при сопоставлении приведенного рассказа с упоминанием о том же происшествии, сделанным другим бойцом «Карельского отряда» И. Ф. Лежоевым.

В воспоминаниях, записанных в 1959 г., Лежоев свидетельствовал о первой встрече отряда с противником, «который двигался на 4–5 лодках», недалеко от д. Панозеро: «Помню, что в одной лодке ехали с продовольствием крестьянки Никулина Акулина и Попова Ульяна. Когда началась перестрелка, то в их лодке двое из белофиннов пытались найти убежище. Но сильные и молодые крестьянки прикончили гадов своими веслами»³.

¹ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 141, л. 2–3, 14–15: *Лесонен Р. В.* Выступление «Карельского добровольческого отряда» против белофиннов в Калевальском районе в 1918–1919 гг.

² Подробнее о проблеме исследования истории повседневности с точки зрения гендерного анализа см.: *Пушкарева Н. Л.* Гендерная методология в истории // *Гендерный калейдоскоп*. М., 2001. С. 52–76.

³ Архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 20, д. 139, л. 99: Воспоминания И. Ф. Лежоева.

Событие, которое в первом из рассказов предстает во всем драматизме и заставляет задуматься над моральной ценой, в какую обошлась женщинам одержанная победа над конкретным врагом – убийцей и насильником, во втором фрагменте воспоминаний становится чуть ли не обычным происшествием военной повседневности.

Источниковедческий анализ воспоминаний бойцов «Карельского легиона» открывает перспективы дальнейшего исследования проблемы трансформации исторической памяти населения карельского приграничья – современников и участников общественно-политических перемен в Карелии в начале XX в., прежде всего – очевидцев событий периода иностранной интервенции и Гражданской войны на Севере России. Благодаря их свидетельствам можно проследить, насколько глубоким ко времени окончания Первой мировой войны оказался раскол в традиционном карельском обществе, какие из черт прежнего патриархального уклада оставались неизменными, а какие стороны повседневной жизни карел подверглись трансформации, в том числе и под влиянием иноэтничного финского окружения.

Татьяна Никулина
Ольга Киселева

Противостояние СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны: взгляд гражданского населения Карелии

Первую половину XX в. в российской истории можно без преувеличения назвать временем войн, в том числе и военных противостояний с Финляндией. В современных исследованиях о военном времени актуализируется изучение «человеческого измерения войны», стали широко разрабатываться социально-психологические проблемы, что повысило интерес к источникам личного происхождения. Несмотря на то, что все виды автобиографических материалов, в том числе и личных свидетельств, обладают нередуцируемой глубиной¹, исследовательские практики, связанные с устной историей, позволяют более активно использовать как коллективную, так и индивидуальную память каждого отдельного представителя того поколения, на долю которого выпало испытание войной².

Войны трагически преломлялись в судьбах не только солдат на фронтах, но и гражданского населения. В основе данной работы лежат биографические интервью представителей всех этнических групп гражданского населения Карелии. Работа с респондентами проводилась в 2000–2007 гг. Интервью записывались у людей, родившихся на протяжении 20-х – середины 30-х гг. XX в. и являвшихся первым поколением жителей Карелии, выросшим в советское время. Таким образом, мы имеем дело с индивидуальной и коллективной памятью молодежи республики применительно к периоду Второй мировой

¹ Голофаст В. Б. Концепции индивида и пространство биографий // Право на имя: биографии XX века. Биографический метод в социальных и исторических науках. СПб., 2004. С. 9.

² Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006; *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 5–21; *Хмелевская Ю. Ю.* О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 7–21; *Шайде К.* Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945 гг.) // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 119–141.

войны. Это воспоминания детско-юношеской поры со всеми преимуществами непосредственной эмоциональной реакции на события, запечатленной в долговременной памяти, и недостатками, связанными с отсутствием должного жизненного опыта, необходимого для оценки происходивших событий.

«Народная» репрезентация памяти о войне, основанная на методах устной истории, предопределяет, что каждый индивидуум в рамках собственной социальной среды, в контексте личного переживания событий пытается самостоятельно осмыслить свой исторический опыт и сконструировать воспоминания¹. Дискурс может быть инициирован властью, которая формирует официальный образ военного времени, или личными мотивациями. Именно эти потребности частного человека поделить личным историческим опытом создают многочисленные нити межпоколенных связей, и метод делегированного опроса, когда интервью записывалось близким человеком, оказался при опросах наиболее эффективным.

Выявленные различия и совпадения в биографических интервью определяются культурно-историческим контекстом военного времени: особенностями условий проживания в городе или сельской местности, спецификой регионального положения населенного пункта (степенью удаленности от границы, а значит от места боевых действий, нахождением на оккупированной территории), социальной средой, этнической принадлежностью, реалиями межнациональных отношений, историческим опытом взаимодействия с властными структурами. Необходимо учесть, что 30-е гг. XX в. — это время массовых политических репрессий в стране, которые создали специфическую общественную атмосферу и явились травматическими событиями для значительной части респондентов.

Территория советской Карелии занимала особую позицию в геополитической стратегии 20–30 гг. XX в., и финский фактор как существенное обстоятельство неминуемо оказал воздействие на жизнь и судьбу жителей Карелии, прежде всего в связи с событиями Второй мировой войны. Она изменила жизнь республики с момента начала «Зимней войны». Советско-финляндская война 1939–1940 гг., как показывают результаты опросов, явилась войной «неизвестной» для многих респондентов: у них не было четких представлений о причинах противостояния двух государств, о развитии военных действий на

¹ См. подробнее: *Гринченко Г.* «Устные истории» и проблемы их интерпретации // Век памяти, память века... С. 213–219; *Безрогов В. Г.* Память текста: автобиографии и общий опыт коллективной памяти // Сотворение Истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001. С. 26–28.

фронте. Вместе с тем в памяти сохранились многие черты изменившихся реалий повседневности, вызванных близостью нахождения территории республики к театру военных действий.

Согласно официальной версии событий, отраженной в публикациях советской прессы зимой 1939–1940 гг., главной целью войны являлась помощь борющемуся народу Финляндии¹. Именно эта идея, по замыслу власти, должна была стать стержневой в пропагандистской кампании. Однако правдивой информации о военных действиях на фронте средства массовой информации не давали. Респонденты подчеркивали, что об обстановке на фронте они преимущественно узнавали из разговоров, слухов, рассказов раненых, находившихся в госпиталях, или вернувшихся с войны бойцов (интервью, пп. Пряжа, Эссойла, Шуньга, г. Петрозаводск).

В воспоминаниях о суровой зиме 1939–1940 гг. в биографических интервью преобладают образы-символы тех изменений окружающего пространства, которые были связаны с особенностями военного времени. Они преимущественно носят яркий, картинный характер. Все респонденты были очень внимательными наблюдателями и не упускали из виду новые черты в облике того населенного пункта, где жили: большое число госпиталей, много военного транспорта, войск. Запоминаются красивые офицеры и солдаты; вкусная еда, которой угощают из солдатской походной кухни, и ощущение праздничности и приподнятости в настроении, потому что изменения военного времени в тылу воспринимались молодежью как интересное событие, которое нарушило монотонность, рутину жизни (интервью, гг. Петрозаводск, Олонец, д.д. Салминичи, Ведлозеро, Видлица). «Я тогда танк впервые увидел. Меня даже на броне прокатили. Я аж онемел от счастья. Со мной говорят, а я молчу», «А как интересно на вокзале было! Эшелоны с войсками шли и шли. Мы все бегали с ребятами смотреть» (интервью, п. Эссойла, г. Петрозаводск).

Типичные высказывания той поры среди молодежи Карелии, зафиксированные в интервью, были продиктованы этой обстановкой: «Когда мы в классе обсуждали войну, то все были уверены, что победим за пару недель», «Родители говорили, что к Новому году война кончится». «Всем нам хотелось быстрых победных атак, как в кинофильмах тех лет. Натиск и враг побежден!» (интервью, гг. Петрозаводск, Беломорск).

Однако внимательный взгляд наблюдателя подмечал многие детали, которые вызывали тревогу. Респонденты вспоминали о том

¹ Правда. 1939. 1 декабря, 2 декабря; Красная Карелия. 1939. 6 декабря, 8 декабря, 10 декабря, 15 декабря.

непонимании, которое вызывала у них самих и у окружающих их взрослых родственников и знакомых плохая экипировка войск: легкие шинели, тонкие белые маскхалаты, ботинки с обмотками на ногах. Дома открыто это обсуждали и ругали руководство войсками. Именно плохо одетые войска для многих, кто давал интервью, стали символом надвигающейся беды. «Когда стали приходить сведения о неудачах на фронте, и, прежде всего о том, что, замерзая, гибнут целые дивизии, я сразу вспоминал солдат в легких шинелях и ботинках с обмотками. В духе времени мы с друзьями говорили о вредительстве в армии. Иначе просто было не понять, почему это происходит» (интервью, г. Петрозаводск).

С началом военных действий власть пыталась воздействовать на морально-психологическую атмосферу в обществе, чтобы как можно более полно использовать мобилизующие факторы. Вместе с тем серьезного всплеска патриотизма в период войны 1939–1940 гг. по материалам интервью в Карелии не было. Респонденты говорили о том, что к финнам относились как к военному противнику, но сильной ненависти не проявляли.

Вне зависимости от пропагандистских усилий власти образ врага как образ, наделенный негативными качествами, в годы войны неминуемо стихийно конструируется на уровне обыденного восприятия происходящего каждым отдельным человеком, в результате «образ врага» часто опирается в коллективной и индивидуальной памяти на мифы военного времени, в которых своеобразно преломляется официальная информация о действиях противника, его облике и т. д. Например, и в городе, и в сельской местности в Карелии широко бытовали рассказы о тотальном минировании местности финскими солдатами перед их отступлением или о коварстве финских снайперов – «кукушек». Как правило, респонденты предваряли свои воспоминания об этом словами: «Тогда все об этом говорили...» или «Все это обсуждали...».

Однако мифологизация каких-то сюжетных линий в индивидуальной памяти постоянно переплетается с воспоминаниями о конкретных реалиях повседневности. И у значительного числа женщин, дававших интервью, память о небывалых холодах неразрывно спаяна с воспоминаниями об их работе в госпиталях, где было огромное количество обмороженных. Так как наши респондентки были тогда подростками, то они оказывали посильную для их возраста помощь: ухаживали за ранеными и обмороженными в палатах и писали письма родственникам солдат. Рассказывая об этом, они отмечали, что приходилось писать очень много писем не потому, что люди были неграмотны, а «сплошь руки у всех отморожены были» (интервью, г. Петрозаводск).

Как показывают материалы периодической печати и архивные данные об идеологической работе среди населения, официальная пропаганда, в силу сложившейся политической обстановки, не успела до лета 1941 г. разработать и реализовать программу действий по формированию официальной памяти о «Зимней войне». Как следствие своеобразного невнимания (скорее всего следует вести речь о намеренности невнимания) официальной пропаганды к этим событиям, мы можем констатировать возникновение феномена, когда гражданское население Карелии сохранило в своей памяти непосредственные, не прошедшие через сито цензуры, индивидуальные реакции, которые тем важнее для нас, что дополняют, корректируют, тестируют на истинность многие документы официального происхождения. Конформность позиции подавляющего числа жителей приводит к тому, что официальные оценки ослабляют или совсем стирают независимые личные представления и реакции. В нашем случае присутствует живая ткань памяти, сформировавшаяся преимущественно только под воздействием индивидуального исторического опыта. Вместе с тем необходимо особо отметить, что советско-финляндская война вписывается в индивидуальную память поколения молодых современников событий как явление, которое не было до конца осознано и понято. Память о последующих военных испытаниях Великой Отечественной войны во многом заслонила исторический опыт, приобретенный зимой 1939–1940 гг.¹

В официальной памяти о Великой Отечественной войне на территории Карелии закономерно обозначались те памятные сюжеты, которые содействовали героизации военного прошлого и создавали образ всенародной борьбы за освобождение Родины. Вследствие этого собирались и делались достойным гласности воспоминания подпольщиков, партизан, узников концлагерей, т. е. той части населения, которая активно противостояла финской оккупационной власти, боролась с ней с оружием в руках или серьезно пострадала от нее. Однако коллективная и индивидуальная память о пространстве оккупации, личный исторический опыт отдельного частного лица, которое принадлежало к большинству обычного гражданского населения, попавшего в жернова военного времени и стремившегося в этих экстремальных условиях просто выжить, сохранить близких, дожидаться мира, мало изучены².

¹ Никулина Т. В., Киселева О. А. Советско-финляндская война в памяти гражданского населения Карелии (по материалам устных опросов) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 327–328.

² Объем статьи не позволяет в полной мере использовать материалы биографических интервью той группы населения, представители которой проживали в годы войны на неоккупированной территории Карелии. Финский фактор наиболее серьезно преломился в судьбах тех, кто оказался в оккупации. Это предопределило структуру представленной работы. Необходимо уточнить, что в данной статье мы не останавливаемся также на вопросах положения гражданского населения, оказавшегося в концлагерях. Эта особая тема, требующая своего специального освещения.

Подобное положение объясняется определенной дихотомией социальной памяти различных этнических групп населения республики. Индивидуальный и коллективный исторический опыт карел, вепсов и финнов-ингерманландцев, приобретенный в годы оккупации, настолько серьезно отличался по своим параметрам, что приходил в противоречие с утверждениями официальной пропаганды и не мог быть востребован для формулирования официальной памяти об этом периоде времени. Социальная память карел и вепсов о времени оккупации 1941–1944 гг. оказалась вне сферы научных интересов историков. Следствием невнимания к историческому опыту данной группы населения явилось отсутствие такого важного источника, как воспоминания об этом периоде. В исследовательской литературе отмечалось, что «история знает немало примеров торжества устности, когда она была единственной и полноценной формой циркуляции знания, и это относится не только к древней истории. Императив устной истории и традиции (как метода исследования и фиксации памяти) обнаруживается всюду, где невозможна письменная история»¹.

Реконструкция оккупационной политики финской власти на захваченной территории КФССР на основе биографических интервью ставит перед нами определенные проблемы, определяющиеся особенностью коммуникативной подачи материала. Селективные особенности памяти и уровень социализации часто не позволяли респондентам обрисовать сложную по структуре, целям и задачам политику оккупантов. На захваченной территории, которая в официальных финских документах именовалась Восточной Карелией, где компактно проживало финно-угорское население, осуществлялась политика, нацеленная на создание условий для вхождения ее в состав Великой Финляндии². Русские, белорусы, украинцы (славянское население) именовались «инонационалами» и рассматривались как чужеродный элемент на занятой территории. Их предусматривалось после окончания войны выселить с захваченных земель. Во время военных действий значительная часть «инонационалов» содержалась в концлагерях, другие проживали преимущественно в сельских районах Заонежья³. Расхождения в основных принципах проведения оккупационной политики финскими властями создали основу для формирования двух

¹ *Хубова Д.* Память для забвения, забвение для памяти? // Век памяти, память века... С. 77.

² *Лайне А.* Национальный вопрос в финской оккупационной политике Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 100.

³ *Рогаткин Д. Ф.* Финская оккупация Карелии в 1941–1944 годах. Петрозаводск, 1994. С. 15.

различных по своим доминантам комплексов воспоминаний. Коллективная и индивидуальная память финно-угорского и славянского населения о пережитом в годы оккупации имеют свои объективные разночтения. Вместе с тем экстремальные условия военного времени предопределили и многие общие компоненты индивидуального исторического опыта, а значит, и повторяемость в основных сюжетнообразующих линиях личных свидетельств.

Объявление войны Советскому Союзу фашистской Германией, а затем Финляндией предопределило крушение мирного строя жизни для жителей советской Карелии. В республике разворачивается работа в соответствии с утвержденными мобилизационными планами, и осуществляются первоочередные мероприятия, продиктованные военным временем. В Петрозаводске и других городах республики проводятся митинги, начинается массовый призыв в армию, формируются партизанские отряды и истребительные батальоны. Эти события в короткий срок создали для населения новое символическое пространство существования. Военное время властно обозначило изменения в практиках и кодах поведения, разрушив систему партикулярных устремлений мирной жизни.

Анализ привлеченных биографических исторических нарративов показывает, что для представителей всех этнических групп населения республики, вне зависимости от места их проживания, объявление войны 22 июня 1941 г. и все, что затем сразу последовало, явились ярко детализированным первособытием. Оно лежит в основе реинтерпретации отдельным человеком тех исторических событий, которые изменили весь ранее существующий мир повседневности. Респонденты всех возрастных групп вне зависимости от места своего проживания подчеркивали, что с началом войны в их жизнь вошло ощущение тревоги и беды. «Нас собрали, и гонец из сельсовета сказал про войну. Бабы сразу завыли, запричитали. До сих пор как вспомню, так не по себе, будто вчера было. Не ослабевает память, много чего забыл, а это помню» (интервью, Медвежьегорский р-н, д. Паданы). «Повестку отцу из сельсовета быстро принесли, чуть ли не в первый же день. Помню только, что мать плачет, да отца собирает, ходит по дому. А мы тихо сидели и смотрели. Хорошо еще, что никто не знал, какой ужас нас ждет» (интервью, Заонежский р-н, д. Шуньга). В Заонежье во время проводов на фронт стихийно возобновилась старинная традиция причитаний, казавшаяся уже ушедшей из повседневной практики, но не забытая. «Отец послушал причати и сказал, что также и на Германскую войну провожали» (интервью, Заонежский р-н, д. Ламбасручей). Подробные детализированные картины проводов на войну

близких зафиксированы в интервью, собранных в Беломорске, Нючче, Сумском Посаде.

Эвакуация гражданского населения КФСР стала осуществляться с первых дней войны и производилась на местах с огромным напряжением сил партийных и советских органов. Всего из республики было эвакуировано свыше 500 тыс. чел.¹ Особенно сложно было организовать эвакуацию населения в сельской местности советской Карелии. Разбросанность деревень, плохая связь, отсутствие достоверной информации о продвижении противника, недостаток транспортных средств и людей, которых можно было привлечь к организационной работе, — все это осложняло ситуацию. Личные свидетельства показывают, что события этого времени, вызывавшие сильное эмоциональное воздействие, усилили процесс их запечатления в памяти людей: «Так и вижу, как мы собираться стали», «Все перед глазами стоит», «Хорошо помню, как к эвакуации готовились».

Быстрое продвижение финских войск в Приладожье не позволило подавляющей части населения уйти от неприятеля. Единственный возможный маршрут для эвакуации — река Свирь, Подпорожье, Волховстрой — был перерезан финскими войсками в августе 1941 г. Население Олонецкого и Шелтозерского районов и г. Олонца вынуждено было вернуться в родные места. О той нервозности и элементах паники, которые тогда наблюдались, говорят многие детали воспоминаний: «Помню, прискакал бригадир на лошади, и сразу орет матери: „Ты еще здесь. Финны рядом, дура, уходи немедленно!“ Мать в ответ ему, что никуда не пойдет. Тут все хозяйство, корова, две овцы. Бригадир видно хотел все же заставить ее уйти и давай пугать нас, детей. Мне было 13 лет, братьям 10 и 5. Говорит: „Ты пионерка, вот финны тебе нос да уши отрежут сразу, да и братьев не пожалеют“. Я в рев! Кинулась к матери, а она говорит, что пешком от финнов все равно не уйти. Да и зачем мы финнам нужны. Им и без нас дел хватит» (интервью, Олонецкий р-н, д. Погранкондуши). Типичность этих сюжетных повествований подтверждается данными, которые были собраны зафронтовой разведкой: «Накануне дня оккупации под вечер в деревне стали носиться слухи, что финны находятся за 25 км. А поздним вечером посыльный из сельсовета обходил все дома с приказанием готовиться к эвакуации. Вся деревня всю ночь не спала, готовили необходимые вещи, пекли хлеб на дорогу. Приказали выходить ранним утром и гнать с собой скот. Но с дороги все вернулись обратно в деревню. Не успели уйти. Финны нас опередили»².

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 603.

² Архив Управления ФСБ Российской Федерации по Республике Карелия (далее — Архив УФСБ РФ по РК), КРО, оп. 1, пор. 98, л. 648.

При приближении неприятельских войск населением повсеместно использовался прежний опыт поведения во время военных действий. Воспоминания о Гражданской войне подсказывали, что процесс смены власти – самый опасный и непредсказуемый. Материалы интервью показывают, что в этой обстановке символически спасительными воспринимались прежде всего лесные урочища и водное пространство. По горячим следам событий зафронтовой разведкой были записаны воспоминания жителя Ведлозерского района о захвате его родной деревни финскими войсками в августе 1941 г.: «Со стороны деревни Гижозеро слышалась сильная артиллерийская стрельба. Снаряды рвались рядом у нашей деревни. Жители скрывались в подвалах и картофельных ямах, некоторые рыли убежища. Так продолжалось два дня. На третий день к артиллерийскому обстрелу деревни добавились непрерывные бомбежки с самолетов. Население покинуло деревню и ушло в лес. Но финны, опасаясь, чтобы население не примкнуло к Красной Армии, выгнали всех из леса»¹. Материалы современных устных опросов подтверждают стремление местных жителей летом – осенью 1941 г. именно в лесу как наиболее доступном убежище и вдали от разворачивающихся событий пережить захват своих деревень неприятелем: «Многие из наших деревенских в лес побежали, чтобы под горячую руку не подвернуться. Кто их знает, какой у финнов приказ. Они же нас всех коммунистами считали» (интервью, Занежский р-н, д. Вирандозеро). Многие жители сельской местности при приближении врага попытались «схорониться» на островах, где и пережидали возможные боевые действия. «А война была, так на большом острове сидели неделю, потом я пошла на берег и лодка с финнами пришла. Я даже села, так испугалась. А финн говорит: „Идите в свои дома, живите“» (интервью, Ведлозерский р-н, д. Юргалица). «Как бомбить стали – мы все на острова кинулись. Нас бабушка тоже повезла. Долго там жили. С коровами, овцами. Потом вернулись, а дома пожжены. Это наши жгли, когда отступали, чтобы врагу не досталось. Так землянки вырыли, в них и жили» (интервью, Олонецкий р-н, д. Мегрега). «Велено эвакуироваться было, мы на лодках и поплыли. Много народа собралось на озере Суднозеро. Вдруг стали говорить, что все, не успели уехать. Финны уже на берегу. Мы все на островах попрятались, не знали что делать. Боялись! А дым-то от костров все равно видно. Решили отрядить нашего деда с финнами договариваться. А те велели всем возвращаться, что не тронут, мол» (интервью, Калевальский р-н, д. Вокнаволок).

¹ Архив УФСБ РФ по РК, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106.

Финским войскам удалось к концу 1941 г. значительно продвинуться вглубь территории советской Карелии. По оперативным данным по состоянию на май 1944 г. из 26 районов, входивших в состав КФССР, были оккупированы полностью территории 17 районов и 9 городов. Территории 4 районов были заняты финскими войсками частично. Кроме того, на оккупированную территорию советской Карелии финские власти переселили 2000 человек из Подпорожского и Вознесенского районов Ленинградской области в целях очистки прифронтовой полосы на Свирском участке фронта¹.

Утрата мирной жизни в воюющем государстве негативно сказывается на положении всего гражданского населения. Однако участь той его части, которая оказалась в оккупированных врагом районах, по настоящему катастрофична из-за резкого системного крушения ранее существовавших регулятивных норм и изменения привычных жизненных реалий. Начало оккупационного периода в биографических нарративах обозначается как первый опыт взаимодействия с финскими солдатами. Подобные ситуации описывались как в карельских, так и в русских деревнях: «Впервые я увидела финнов, полоская белье на речке. Они приехали на велосипедах, были очень доброжелательны с нами. Каждого чем-нибудь одарили: кому перчатки, кому карамель» (интервью, Олонецкий р-н, д. Печная Сельга). «Отец на улице столярничал и объявил, мол, вон финны идут. Все попрятались, а отец как работал, так и работал. Ну, финны к нему в дом и завалили. Дом-то самый красивый, просторный. Отца-то особо и не спрашивали, можно или нет. Вошли в дом, мамке говорят: „Мать, ставь самовар!“ Мать, значит, ставить пошла. Финны танцы захотели устроить под граммофон. Ко мне финн подходит с коробкой конфет. Протягивает, а я не дура, не беру. Думаю, вдруг отравленные. Он тогда расхохотался, понял видно, и сам конфетку съел, не бойся, мол» (интервью, Заонежский р-н, д. Селецкая). Эти впечатления совпадают с донесениями зафронтовой разведки о первых контактах финских солдат с населением карельской деревни Панила Ведлозерского района. Информатор сообщил, что «в деревне все собрались эвакуироваться, только не знали по какой дороге. Вся жизнь в колхозе почти замерла, на работу в поле никто не выходил. Ухаживали только за скотом да работали на огороде. Все это время финны в деревню не приходили, но мы слышали, что в соседней деревне Кинерма они уже появились. Все дни до прихода финнов мы вместе всей деревней ходили на полях убирать сено. Узнав, что в деревню вошли финны, мы бросили

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 49.

работу на сенокосе и отправились домой. Едва я успел войти в дом, как в деревню въехали финские солдаты. Они стали ходить по домам и говорить, что теперь будет свободная жизнь без колхозов, без большевиков. Они обещали населению, что через несколько недель война будет окончена. ... Объявили, что пришли освобождать карельский народ от большевиков. Поэтому в первые дни после своего прихода они никого не трогали, хорошо обращались с населением, а продукты от населения брали только за деньги»¹.

Однако режимные правила существования для гражданского населения финские власти начинали оформлять без промедления. Прежде всего, был произведен учет оставшегося на захваченной территории населения². Сохранилось подробное описание одного из очевидцев, каким образом выдавались финские паспорта: «В деревню Панила приехали полицейские руководители из штаба и объявили, что начинается выдача паспортов и хлебных карточек. Они поместились в школе и стали вызывать к себе семьями. И меня вызвали на комиссию. Я пришел в школу и зашел в комнату, где находилась комиссия. В маленькой комнате за двумя столами сидело 6 человек полицейских чиновников, двое были женщины. Меня спросили год рождения, фамилию, имя и отчество, а также измерили мой рост, определили цвет глаз и волос. У всех людей, которые получали финские паспорта, полицейские отбирали советские, но я решил им паспорт не отдавать и уменьшил себе год рождения, чтобы на следующий год не забрали в финскую армию»³. После переписи русскому населению были выданы паспорта красного, а карелам, вепсам и финнам – голубого цвета. По сведениям зафронтовой агентуры достаточно было доказать при помощи родословной, что твой дед или прадед – карел, вепс или финн, как сразу выдавался голубой паспорт, который ставил человека в привилегированное положение⁴.

Эти мероприятия положили начало оккупационной политике, имевшей четкие разграничения по этническому признаку. До переписи и выдачи паспортов в биографических нарративах русского, карельского и вепского населения наблюдалась общность в зафиксированных событийных моментах, выявлялась типика жизнеописательного материала. После переписи начинали формироваться два отличных друг от друга вида коллективной памяти, два тематических поля, основанных на национально-региональных отличиях оккупа-

¹ Архив УФСБ РФ по РК, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106.

² Там же, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 56.

³ Там же, КРО, оп. 1, пор. 93, л. 106об.

⁴ Там же, ф. 6, литерное дело 11, л. 126.

ционной политики¹. Групповой и индивидуальный опыт, приобретенный славянским населением в ходе этнического размежевания, четко позиционируется в биографических интервью: «Мы ведь с соседями, карелами, жили хорошо, дружно. Когда по финским паспортам мы стали вроде бы как люди второго сорта, то они и общаться перестали. И паек у них был больше, и оплата труда у них выше и всякие другие права. А скоро нас вообще ни за что, ни про что выселили в другую часть города, отобрав все имущество. Затем направили в концлагерь. Как к карелам после этого относились? Да уж любви не было, хоть и понимали, что все это финские власти творят» (интервью, г. Петрозаводск); «Нас учили, что наши враги финские буржуи, а финские рабочие и крестьяне наши друзья. Никто о национальностях тогда не думал. Все национальности были хороши. Получилось, что нас можно мучить за то, что мы не карелы» (интервью, г. Петрозаводск). Раскол населения по этническому принципу крайне болезненно воспринимался «инонационалами». Эмфатические интонации высказываний у многих респондентов свидетельствуют, что само это название воспринималось как унижающее клеймо, и внутренне смириться со своей неполноценностью люди не могли. В интервью спонтанно происходило эмоционально-экспрессивное акцентирование как раз той части текста, которая касалась сегрегации.

Проведенная перепись позволила установить усиленное наблюдение за гражданским населением. В населенных пунктах создавались полицейские участки, которые следили за выполнением установленных правил чрезвычайного положения, при котором ограничивалось право передвижения из одного населенного пункта в другой, и для этих целей вводились специальные пропуска, вводился комендантский час, запрещалось предоставлять ночлег лицам, не прописанным в данном доме. Ужесточение контроля над населением дополнялось усилением репрессивных мер. Систематически проводились обыски и облавы. Малейшее нарушение правил влекло за собой жесточайшие наказания, вплоть до расстрела². Военная полиция через свою агентуру выявляла людей, настроенных лояльно к советской власти или оказывавших какую-либо помощь партизанам или разведчикам³. Для тысяч людей, оставшихся на захваченной территории, оккупационный режим трансформировал привычный ритм повседневности в ситуацию, когда жизнь человека постоянно оказывалась на грани смерти.

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литерное дело 11, л. 127.

² Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны. Петрозаводск, 1983. С. 79.

³ Архив УФСБ РФ по РК, ф. 6, литерное дело 11, л. 217.

Повседневность в пространстве оккупации характеризуется в интервью, прежде всего, личной незащищенностью человека. Особенно жестоко оккупационные власти расправлялись с людьми, помогавшими или просто вступавшими в контакт с партизанами, диверсионными и разведывательными группами. Картины постоянных, часто ежедневных обысков, допросов родных или соседей, рассказы очевидцев о расстрелах и издевательствах над заключенными в тюрьмах запечатлелись в памяти жителей Заонежского района как определяющие, знаковые моменты того времени: «Финны партизан и разведчиков боялись так, что готовы были всех нас в концлагерь заключить, и старых и малых. Еду отбирали, вещи, чтобы только мы лишним с партизанами не поделились. Ведь молодежи из Заонежья много ушло в партизаны. Зайдут к родне, а те кроме слез ничем поделиться и не могут, сами голодают. Да и финны-то как жестоки были, как наказывали страшно за связь с партизанами. И порку устроят, и всех в арстантские будки сажают, а то и тюрьму. Целыми деревнями в лагерья посылали, потом всех с побережья Онежского озера выселили. Не могу и вспоминать!» (интервью, Заонежский р-н, д. Усть-Яндома).

Для управления захваченной территорией был создан разветвленный военно-административный аппарат. В исследовательской литературе отмечалось, что «опыт организации работы с мирным населением был получен еще в период событий 1918–1922 годов»¹. Властная система выстраивалась таким образом, что основная работа с населением приходилась на волостное и районное начальство, «проводящее все военно-административные мероприятия через сельских старост»². Комендантами и старостами в волостях с карельским или вепским населением преимущественно становились люди с антисоветским прошлым или пострадавшие от советской власти, имевшие родственников в Финляндии³.

В Заонежском районе с русским населением социальный портрет старосты был несколько иной. Некоторые старосты до оккупации работали председателями колхозов, другие до войны состояли в рядах ВКП(б), но были оставлены финской властью на свободе, и их авторитет использовался в организационных целях⁴. Они оказались на завоеванной территории по разным причинам и, по воспоминаниям

¹ *Йокини М.* Основные этапы экономического и политического развития Карельской республики // Прибалтийско-финские народы. Ювяскюля, 1995. С. 368.

² Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 53.

³ Там же, л. 54.

⁴ *Гущин Б. А.* Кижы во время оккупации (1941–1944 гг.) // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 50.

своих односельчан, стремились в создавшихся условиях обеспечить относительную безопасность существования деревни, «занимались откровенным выживанием, всеми силами старались особо не подличать и не унижаться перед оккупантами»¹. Однако подобная ситуация была скорее исключением из правил, временным компромиссом, связанным с планами финских властей в перспективе освободить Заонежский район от русского населения и переселить сюда выходцев из Финляндии. На время войны финской власти необходимы были опытные управленческие кадры, для того чтобы на местах организовать работу в аграрном секторе региона и на лесозаготовках. Этим и определялась подобная терпимость. В то же время старосты других заонежских деревень преданно служили финским властям. Так, «по доносу старосты Сонникова И. полицией был арестован председатель Великогубского сельсовета Редькин Ф. А., член ВКП(б), его задержали и заключили в Космозерскую тюрьму, где он сидел трое суток без еды, на 4 суток без суда и следствия Редькин был расстрелян лично начальником полиции, который особенно зверски относился к населению». Подобные случаи были распространенным явлением². По донесениям зафронтовой агентуры, значительная часть провалов в деятельности подполья и партизанских групп была связана с предательством именно старост³.

Старосты являлись главными информаторами властей о жизни населения и его настроениях⁴. От их позиции зависело благополучие многих людей, поэтому в памяти у респондентов отложилось та настороженность, которую испытывали односельчане в отношениях с человеком, облеченным опасной властью. В личных свидетельствах фигура старосты не менее значима, как символ нового оккупационного пространства, чем образ финского солдата: «Старостой у нас был мой дядька. Но я его всегда боялась. Страшно было что-то говорить при нем. Мама просила, чтобы я в дом к ним не бегала и не надоедала. Теперь-то понимаю, чего мама боялась. Я болтливая была и прямодушная. Все расскажу, что на душе» (интервью, Ведлозерский р-н, д. Мишина Сельга). «Староста был из наших деревенских, а никому не помогал. Думаю, что и доносил на нас финнам. Ведь собираться-то при финнах нельзя было в домах, даже по-дружески на вечерки. Так ходил, гад, и подслушивал. Нет ли у кого гостей» (интервью, Заонежский р-н, д. Типиницы).

¹ Гуцин Б. А. Указ. соч. С. 50.

² Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 67.

³ Там же, КРО, оп. 1, пор. 84.

⁴ Там же, ФСДП, оп. 1, пор. 93, л. 116.

При финском оккупационном режиме для всего гражданского населения вводилась обязательная трудовая повинность. Чаще всего это были лесозаготовки, работы на строительстве дорог, рытье окопов, сельхозработы и т. д. Принудительный труд в условиях оккупации – это особая, остро обозначенная тема мемуаров, связанная с приобретением травматического опыта военного времени. Тексты, описывающие трудовую повинность во время оккупации, отличаются высокой степенью детализации и повышенной эмоциональностью общего фона информации: «Работу на финнов никогда не забуду. Почему-то в памяти только холод, ветер. И голод конечно. Меня не били, потому что женщинам не так доставалось от их злости. А как били парней – видела. Да чего уж, за рабов держали»; «Финны как у нас в Селецком поселились, так нас, молодежь, сразу на лесозаготовки отправили. Финны там всем руководили, распорядок дня был четкий. Так-то не обижали, но в плену есть в плену. Чуть замешкаешься, так орет на тебя и плеткой еще ударит. А то и сапогом пнет. Потом нас финны окопы копать заставили. Два года я их окопы рыла, так хоть бы что заплатили. Вместо этого галеты давали, а с них разве наешься. У нас даже частушку пели, когда охрана не слышала:

Сталин подал телеграмму
Норму дать по килограмму,
Маннергейм кричит: „Не дам!

Финска норма 300 грамм“» (интервью, Заонежский р-н, д. Селецкое).

Память заонежан о трудовой повинности у всех без исключения респондентов дополняется воспоминаниями об изнуряющем чувстве голода, который преследовал население Заонежья на протяжении всего оккупационного периода: «На работе отупеешь, уже ничего не соображаешь, как заведенная дробись камень, делаешь щебенку, а живот от голода так и подводит, аж до колик»; «Помню, так есть хотелось, что я все жевала: траву, молодые побеги сосны, хвою. От них потом такая горечь во рту была, но голод стихал. Конечно же, весной ели крапиву и лебеду, да и много еще чего. Не дай Бог и попробовать!» (интервью, Заонежский р-н, д. Космозеро); «Финны на строительстве дороги все время кричали на нас и плеткой махали, что мы лентяи. Подгоняли. А мы так ослабели от их кормёжки, что еле ползали. Мне даже все равно было, будут они меня бить или нет. Быстрее шевелиться я все равно не могла» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя).

Личные свидетельства рисуют трагическую картину происходившего на оккупированном пространстве 1941–1944 гг. в Заонежье. Однако, стремясь к объективности в своих рассказах, заонежане, тем не

менее, подчеркивали, что за три года «при финской власти» попадали в разные ситуации, в которых финны проявляли себя с неожиданной стороны: «Один финский солдат тебя за человека не считает и это тебе показывает, всячески унижает, а другой галеты твоим детям сунет» (интервью, Заонежский р-н, д. Шуньга). Одна из респонденток запомнила, как ее, маленькую, лечил финский доктор: «Все думали, что помру, а военный финский врач вылечил и лекарство дал бесплатно» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя). Приводятся примеры доброжелательного отношения финнов в отношении детей: «Я маленькая пела хорошо. Иду с речки с водой и пою во весь голос, а финны кричат: „Катюша, Катюша!“ Заказывают, чтобы я им „Катюшу“ спела. Я и пела, а они мне за это галеты давали. Кормилицей семьи была» (интервью, Заонежский р-н, д. Вирандозеро). В интервью нашли свое отражение истории, повествующие о приездах и работе финских архитекторов, которые занимались обмерами деревянных часовен и церквей, отдавали распоряжения о починке на них кровель, вели учет и реставрацию икон. Свою личную судьбу в оккупации каждый респондент из Заонежья воспринимал только в контексте общих событий, описывая ее на высоком эмоциональном уровне. Жизнь на захваченной территории откорректировала повседневные практики, видоизменила партикулярные смыслы существования. «Все делали только то, что приказывали, иначе было не уцелеть. В неволе жили» (интервью, Заонежский р-н, д. Толвуя).

Войны, как и другие социальные явления, основанные на групповом опыте взаимодействия, играют особую роль в выработке упрощенных и эмоционально окрашенных представлений о себе и других. Подобные стереотипы общественного сознания, отражая конформизм по отношению к членам своей группы и неприятие по отношению к чужим общностям, определенным образом структурируют и интерпретируют информацию о внешнем мире¹. Само выделение «чужих», в данном случае финских военных, еще не предполагает откровенной враждебности, они сначала могут осознаваться лишь как носители иной культурной традиции. Но в условиях оккупационного режима, когда любое нарушение установленного порядка таило реальную опасность, возникала экстремальная ситуация, при которой у населения включались механизмы психологической защиты. Враг своими карательными действиями начинал вызывать ненависть и

¹ Кринко Е. Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004... С. 239.

страх, он наделялся такими качествами, как жестокость и варварство. Всем его действиям приписывались самые неблагоприятные мотивы, а победа над врагом рассматривалась как победа над злом¹.

Подавляющее большинство финно-угорского населения Карелии проживало в сельской местности, и биографические интервью показывают сложную и неоднозначную картину обыденной жизни карельской и вепсской деревни. Личные свидетельства говорят о том, что существование было достаточно сурово уже по одному тому, что оно было подчинено чрезвычайной обстановке военного времени и режимные условия распространялись и на них. С началом оккупации финно-угорское население столкнулось с проблемой переосмысления ценностных ориентиров. Финская пропаганда многое сделала для того, чтобы внушить каждому идею о позитивных целях национальной политики, проводимой на захваченной территории, главными из которых являлись воссоединение родственных народов и развитие культуры и экономики². Традиционно тесная связь карельского населения приграничья с Финляндией еще с дореволюционного периода, наличие у многих там родственников и знакомых не могло не повлиять на восприятие финских властей и их действий, предопределив лояльное отношение. Финская власть не воспринималась как власть, навязанная врагом. При отсутствии связей местного населения с партизанами и подпольем жесткость чрезвычайного режима военного времени не ощущалась в той мере, как на территории Заонежья. Политика патронирования содействовала относительному улучшению жизненного уровня финно-угорского населения. Респонденты отмечали при опросах этот факт как определяющий их отношение к финскому правлению. Многие считали, что финская организация труда была гораздо перспективнее, чем при советской власти.

Характеризуя финскую политику в области экономики, респонденты отмечали, что восстанавливались основы традиционной национальной культуры, опираясь на которую можно было эффективно решать проблемы переустройства хозяйственно-трудовых практик. В условиях преобразований исторический опыт старшего поколения, не утратившего память о жизни доколхозной деревни, стал особенно востребованным: «Я думала, что дед с бабкой уж отжили свое. На печке им место. Такая боевая была пионеркой. Мне указ – только

¹ Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 251–257.

² По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. С. 100.

учительница. А война началась, так только на деде с бабушкой все и держалось. Они все понимали, что да как делать надо» (интервью, Олонецкий р-н, д. Крошнозеро).

Решение аграрного вопроса в Восточной Карелии связывалось с созданием самостоятельных крестьянских хозяйств. В конце января 1942 г. по приказу Маннергейма жителям Восточной Карелии земли выделялись во временное пользование бесплатно. Это было воспринято населением положительно. Респонденты отмечали, что тогда появились новые возможности для развития крестьянского хозяйства: взять ссуду, получить скот в личное пользование, арендовать необходимое количество земли. Воссоздавались старые доминирующие до коллективизации социальные практики и нормы поведения. По воспоминаниям в семьях широко использовали возможность аренды, земельная политика финнов активно поддерживалась: «Родители говорили, что взяли только свое, то, что у них до колхоза было. Правда, еще и луга арендовать стали, так как отец решил коров разводить» (интервью, Олонецкий р-н, д. Нурмолица); «Дед мой сразу арендовал участок под пашню, говорил, что земля там хорошая. И большой урожай с него взял» (интервью, Олонецкий р-н, д. Тукса).

Всеобщая трудовая повинность финно-угорским населением не воспринималась с таким трагизмом, как в Заонежье, по причине относительно хорошей оплаты труда. Карельское и вепсское население не испытывало таких систематических голодовок, как русское. Оно не знало изнуряющего повседневного существования на грани выживания. Это подтверждается текстами меморатов и личными свидетельствами, зафиксированными в письмах, направленных сразу после освобождения родственникам и знакомым в 1944 г.: «Мы три года работали индивидуально под владением Финляндии. Жили ничего, с хлебом, были сыты. Издевательства со стороны финнов над нами не было и обращение было хорошее»; «При финнах жили на ихние марки, работа спорилась, и жили хорошо. Работали свободно»; «Нюра, мы уже два года жили на своем единоличном хозяйстве, имели 2,5 га земли, 2 лошади, имели свинью, корову и работали для своей потребности, ... у нас прекрасно жилось»¹.

В ноябре 1941 г. на оккупированной территории, где проживало финно-угорское население, были открыты первые народные школы, призванные воспитывать местную молодежь как истинных граждан Великой Финляндии. «В школе мы все сами делали: и полы мыли, и на кухне работали, и на пришкольном участке, где выращивали овощи для

¹ По обе стороны Карельского фронта. 1941–1944. С. 520.

школьной столовой. Никто ничего не воровал, Боже упаси! За это неминуемое наказание — розгами секли. Конечно, мы боялись, а затем приучены были к порядку» (интервью, Олонецкий р-н, д. Улялега). В финской школе восстанавливалась такая система моральной регуляции, при которой наблюдалась непосредственная апелляция к страху-стыду. Это становилось нормативным регулятором при выработке поведенческих стратегий ученика. Одновременно в учебных заведениях вводилась и система поощрений. Это различного рода подарки и поездки на экскурсию в Финляндию. «У нас класс небольшой был — 11 учеников. И учительницу свою мы любили... Она придумала свозить нас в Хельсинки. ...Мы туда на три дня ездили после окончания 3 класса. Правда, после войны я и заикнуться об этом боялся» (интервью, Ведлозерский р-н, п. Ведлозеро); «Мне нравилось, что в финской школе очень много уделялось внимание трудовому обучению. Я там столлярничать хорошо научился» (интервью, Олонецкий р-н, д. Верховье). Активную роль в школьном образовании должна была играть церковь.

Финские власти уделяли роли церковной жизни в создании «нового порядка» на территории Восточной Карелии большое внимание. Всех детей до 10 лет на оккупированной территории священники должны были крестить, без этого не выдавались продовольственные карточки. Респонденты вспоминали о том, что бывали ситуации, когда на всякий случай крестили уже ранее крещенного ребенка: «Надо мной потом отец все подсмеивался, ну, ты у нас дважды крещенная, тебе ничего не страшно» (интервью, Заонежский р-н, д. Космозеро). Причем иногда крещение по православному образцу производил лютеранский священник в связи с недостатком православных священников, которые могли бы организовать приходскую жизнь на оккупированной территории¹. После церковных гонений 20–30-х гг. XX в. в СССР происходило восстановление приходов. «Как мы все радовались, когда церковь открыли. Особенно бабушка и мама. Нас, детей, с собой на службу обязательно брали и молитвам стали учить» (интервью, Олонецкий р-н, д. Верховье). Стойкая приверженность большинства карел и вепсов исконной для них православной вере не допустила «лютеранизации местного населения, несмотря на то, что военные пасторы спонтанно начали в 1941 году просвещение... в духе лютеранской веры. Православные в Финляндии, однако, выступали против. ... Этот вопрос разрешил Маннергейм, запретив 24.4.1942 г. обращение в лютеранство православных»².

¹ Архив УФСБ РФ по РК, ФСДП, оп. 1, пор. 117, л. 63.

² *Йокитии М.* Указ. соч. С. 368.

В меморатах затронута и тема личных отношений с финскими солдатами. Не только в карельских или вепсских, но и русских деревнях имели место любовные связи молодых женщин и девушек с финнами. О подобных отношениях респонденты говорили без осуждения, некоторые во время интервью делились пережитым с поразительной искренностью. Случаи насильственных сексуальных домогательств были редки, и, как отмечалось в интервью, «если поступала на солдат жалоба, то в суде должно дело разбираться. Нам финский офицер об этом объявил. Насильничать финнам не разрешалось. У них тут был порядок» (интервью, Заонежский р-н, д. Вирандозеро).

Для всего без исключения гражданского населения в условиях оккупации усилилось значение малой Родины и семьи. В научной литературе усиление сплоченности семьи перед лицом невзгод признается типичной практикой для времени «катастроф»¹. В биографических интервью подробно описывается, как съезжались семьи, как возвращались в деревню уехавшие в город члены семьи. Многие респонденты отмечали возросшую роль в семье старшего поколения как наиболее умудренного в различных жизненных коллизиях. Семья становилась для жителей на оккупированной территории убежищем от жестокой действительности, и отношения между людьми ограничивались преимущественно узкими рамками контактов между близкими родственниками. Увеличивалась закрытость семьи не только в материальной, но и в эмоциональной и духовной сферах. Крепкие семейные узы становятся доминантой, определяющей устойчивость мира повседневности.

Содержание и формы репрезентации войны – это явление многомерное². Биографические интервью, полученные в ходе опросов людей, оказавшихся в оккупации на своей «малой» Родине, сложны и разнослойны по структуре текста. В повествованиях о травматическом опыте военных лет воедино спрессованы и современные умонастроения, господствующие в обществе, и элементы коллективной памяти, и личное видение прошедших событий с его индивидуальным пониманием, толкованием и соотносением с жизненными коллизиями последующих лет жизни. Это означает, что личные свидетельства вбирают в себя все новые и новые интерпретации прошлого. «Здесь нет исходной интерпретации отправителя сообщения и конечной его интерпретации дешифровщиком, но одновременно присутствует множество интерпретаций получателя и отправителя»³.

¹ Человек в мире чувств. М., 2000. С. 66.

² *Ashplant T., Dawson G., Popper M.* The Politics of War Memory and Commemoration. London, 2000. P. 6–8.

³ *Вансина Я.* Устная традиция как история // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 108.

Содержание биографических интервью свидетельствует, что, несмотря на регионально-национальные отличия, общие узловые пересечения в них однотипны применительно только к первому этапу войны и атмосфере тех дней, когда проводилась массовая мобилизация, эвакуация населения, происходило отступление Красной Армии и появление финских войск. В целом в биографических интервью, посвященных существованию в пространстве оккупационного режима 1941–1944 гг., обозначаются резкие расхождения и определяются базовые отличия, вызванные той национальной политикой, которую финские власти проводили на захваченной территории. Это повлияло и на речевые предпочтения в текстах интервью. Так, карельское и вепсское население, рассказывая о событиях оккупации, преимущественно говорит: «когда пришли финны», «при финской власти», «когда финны заняли деревню», у русского населения преобладают вербальные формулы: «когда мы в плен попали», «когда финны оккупировали», «в оккупации у финнов», «в финской неволе». Это свидетельствует об изначальном несовпадении оценок и трактовок пережитого в годы оккупации, которые предопределили стратификацию и основные сегменты индивидуального и коллективного опыта финно-угорского и славянского населения¹.

Биографические интервью современников Второй мировой войны, проживавших в тот период на территории Карелии, создают возможность увидеть в каждом респонденте участника диалога, с которым мы вступаем в коммуникативный процесс в ходе рождения живой ткани непосредственного воспоминания². Это помогает воссоздать стереоскопичность исторического контекста и интерпретировать приобретенный личный исторический опыт современника событий в общем пространстве военного противостояния.

¹ Киселева О. А., Никулина Т. В. Гражданское население и оккупационный режим / Советская Карелия в пространстве оккупации: 1941–1944 годы. Круглый стол // Отечественная история. 2006. № 4. С. 81.

² Хауманн Х. Переосмысление насилия эпохи сталинизма в личных свидетельствах (методические замечания) // Век памяти, память века... С. 206.

Алексей Голубев

Идеология и повседневность: женщины в политике финского оккупационного режима и практике повседневной жизни в Карелии (1941–1944 годы)

В исторической памяти населения России Великая Отечественная война является самым значимым событием XX в. и, как следствие, одним из основных факторов, формирующих идентичность современного российского общества¹. Востребованность знания и памяти о ней неминуемо приводит к их политизации, манипуляциям с ними, и, таким образом, изучение истории Великой Отечественной войны неизбежно подразумевает и изучение как памяти, так и репрезентации исторического знания о войне, будь то знание личное (свидетельства очевидцев) или научное (исследования ученых). Это в полной мере касается и повседневной жизни женщин на территориях, оккупированных в годы войны Германией и ее союзниками.

Изучение повседневной жизни женщин в Карелии, большая часть которой в 1941–1944 гг. была оккупирована Финляндией, до сих пор оставалось практически вне внимания исследователей². Препятствия к изучению этой темы следует искать именно в социальных и политических функциях памяти о войне. В советский период использование исторической памяти о войне для формирования идентичности советского общества подразумевало ее героизацию. Это в полной мере относилось и к женской истории Великой Отечественной войны, в

¹ См., например, *Афанасьева Л. И., Меркушин В. И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22; *Саралиева З. Х., Балабанов С. С.* Отечественная война в памяти трех поколений // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 29–36; и др.

² Некоторые вопросы повседневной жизни женщин на советских территориях, оккупированных Финляндией, были рассмотрены в работе Антти Лайне: *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. В 2007 г. вышел в свет третий выпуск серии «Устная история в Карелии», посвященный, в первую очередь, вопросам повседневной жизни населения Карелии во время финской оккупации: Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. При подготовке данного сборника (в частности, при работе с респондентами, чьи интервью легли в его основу) особое внимание уделялось вопросам повседневной жизни женщин под финской оккупацией. В нем также опубликован перевод главы о заключении браков в Карелии во время финской оккупации из указанной монографии А. Лайне.

частности, к формированию образа советской женщины на оккупированной врагом территории. Так, например, в сборнике «В грозные годы», опубликованном в 1970 г. в Петрозаводске и посвященном подвигам женщин в годы Великой Отечественной войны, героизации подвергаются не столько собственно героические, сколько трагические истории. Примечательной в этом является история Л. Тумановой: «По одному свидетельству, Люба, не желая сдать врагу, взорвала себя и рацию гранатой, по другим данным – застрелилась. Но главное не в деталях. До последней минуты своей короткой жизни комсомолка Люба Туманова оставалась сильным и мужественным человеком, верной дочерью своей страны»¹. Несмотря на изменение идеологической атмосферы со второй половины 1980-х гг., в современном обществе героизация событий военных лет остается доминантой исторического дискурса о Великой Отечественной войне, и отход от данной модели репрезентации воспринимается большинством участников дискурса крайне негативно².

Кроме того, гендерная история как научная дисциплина лишь недавно начала развиваться в рамках отечественной исторической науки. Как следствие, многие интересные сюжеты, включая повседневную жизнь женщин в разные исторические периоды, остаются нераскрытыми еще и в силу того, что названный подход еще находится в процессе формирования в отечественной исторической науке.

В данной работе предпринимается попытка обратиться к проблеме повседневной жизни женщин в годы Великой Отечественной войны на территориях Карелии, оккупированных Финляндией. Это подразумевает изучение стратегии поведения и выживания оккупированного населения, роль официальных нарративов (советского и финляндского) в его жизни в годы войны, этнический фактор и фактор нужд экономики военного времени в судьбах людей и многие другие. Объектом исследования является свободное население оккупированных территорий Карелии, так как именно на него, в первую очередь, была направлена пропаганда и культурно-просветительская работа финских властей.

¹ В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск, 1970. С. 73.

² Данная тенденция особенно ярко проявляется в Интернете, например, в статье интерактивной энциклопедии Wikipedia (<http://ru.wikipedia.org>), посвященных различным аспектам Великой Отечественной войны. По теме финской оккупации можно указать рецензию проф. Н. И. Барышникова на книгу В. С. Лукьянова: *Барышников Н. И.* [Рецензия] // *Лукьянов В. С.* Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004. С. 208–209.

Изучение проблемы, поставленной в данном исследовании, предполагает обращение к широкому кругу источников. Из источников личного происхождения были использованы воспоминания и интервью с людьми, которые жили в Карелии в период финской оккупации. Воспоминания о финской оккупации опубликованы в нескольких специальных сборниках, а также в большом количестве газетных, журнальных и научных изданий¹. Как правило, в них описываются судьбы людей, оказавшихся в годы оккупации в финских лагерях. Совершенно новой группой источников, использованных в исследовании, являются интервью, собранные с использованием методов устной истории студентами и преподавателями Петрозаводского государственного университета в 2005–2007 гг. и опубликованные в сборнике «Финская оккупация Карелии» в серии «Устная история в Карелии». Помимо этого были использованы материалы полевых экспедиций 2005 и 2006 гг. филологического факультета ПетрГУ, часть которых также относится к периоду финской оккупации Карелии².

Письменные источники представлены материалами Национального архива Республики Карелия из фондов Военного управления Восточной Карелии (Ф. Р-804) и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских захватчиков на территории Карело-Финской ССР (Ф. Р-792), документами региональных парткомов, датированными 1944–1945 гг., из фондов Шелтозерского (Ф. П-20), Пряжинского (Ф. П-21), Кондопожского (Ф. П-33), Кестеньгского (Ф. П-36) и Петрозаводского (Ф. П-1230) райкомов, газетой «Северное слово», издававшейся финскими оккупационными властями для русскоязычного населения, а также опубликованными источниками³.

В результате быстрого наступления, предпринятого финскими войсками, и ошибок, допущенных при эвакуации гражданского населения, к концу 1941 г., когда линия фронта стабилизировалась, на территориях, оккупированных финнами, оставалось около 86 000 человек⁴. Финские оккупационные власти разделили население Карелии на две примерно равные части на основе этнического фактора. К привилегированному («родственному» финнам) населению относились представители финно-угорских национальностей, а

¹ Лукьянов В. Указ. соч.; Пленное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; и др.

² Автор хотел бы выразить признательность С. В. Федоровой, предоставившей доступ к полевым записям, сделанным в фольклорных экспедициях филологического факультета ПетрГУ в 2005–2006 гг.

³ По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

⁴ *Laine A.* Op. cit. S. 487.

к непривилегированному («неродственному») – все остальные¹. Первоначальные планы финнов в отношении захваченных территорий подразумевали их дальнейшее будущее в составе Финляндии. Была отменена колхозная система, сформирована новая структура управления захваченными территориями. «Неродственное» население предполагалось выселить на территорию РСФСР, оккупированную Германией, для чего еще 8 июля 1941 г. главнокомандующий финляндскими войсками Маннергейм отдал приказ о его заключении в концентрационные лагеря². Нужно отметить, что этот приказ был выполнен не до конца, что видно из статистики численности населения концентрационных и трудовых лагерей, которая достигла своего пика (23 984 человека) в апреле 1942 г. и снизилась до 14 917 к январю 1944 г.³ Необходимо учесть то, что в это число входили примерно 10 000 жителей севера Ленинградской области, переселенные от линии фронта в концлагеря, в основном петрозаводские⁴. Таким образом, большая часть «неродственного» населения Карелии, несмотря на приказ, оставалась на свободе.

В составе населения оккупированных территорий количественно женщины превышали мужчин на 68 %⁵. Демографическая структура населения оккупированных территорий привела к ситуации, характерной для всех воюющих стран, когда женщины активно привлекались к традиционно мужским сферам деятельности. Финские оккупационные власти использовали женщин на традиционно «мужских», физически тяжелых работах: в лесной промышленности, в строительстве, для прокладки дорог и пр. Так, в лесной промышленности доля женщин, занятых на производстве, превышала 60 %⁶, а в других сферах экономики была еще выше⁷. Для более эффективного использования представителей «неродственных» национальностей в качестве рабочей силы финские власти организовывали трудовые лагеря по гендерному признаку: мужские, женские и смешанные (семейные).

¹ *Laine A.* Op. cit. S. 106.

² *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 10.

³ *Laine A.* Op. cit. S. 489.

⁴ *Seppälä H.* Suomi miehittäjänä. 1941–1944. Helsinki, 1989. S. 40.

⁵ Сведения финских военных властей о численности и нац. составе населения на оккупированной ими территории Советской Карелии на 31 декабря 1941 г. // По обе стороны... С. 153.

⁶ Ежегодный отчет Военного управления Восточной Карелии за 1943 г. // По обе стороны... С. 414.

⁷ *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006. С. 138.

Финские планы по аннексии советской Карелии подразумевали непростую работу по изменению норм и ценностей местного населения, которое, как предполагалось, должно было стать будущими жителями Великой Финляндии. Как следствие, сразу после оккупации советской Карелии финские власти начали проводить работу по пропаганде нового порядка среди местного населения. Одной из основных функций пропаганды и просветительской деятельности среди местного населения была контрпропаганда советской идеологии, которая воспринималась финскими лидерами как исключительно враждебная их государственному строю и традиционным ценностям¹.

Принимая во внимание преобладание женщин в структуре населения оккупированных территорий, неудивительно, что именно женщины были выбраны как проводники финского влияния среди населения республики. В 1942 г. именно среди женщин Военное управление Восточной Карелии развернуло активную кампанию по вербовке представителей «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы или на временную работу в Финляндии. Оккупационные власти подчеркивали важность этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы, в частности на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике ознакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство. [...] Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»². Для подобного оптимизма у финских властей были все основания, поскольку он основывался на результатах поездок предыдущих групп: «В течение февраля – мая с. г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучались примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили

¹ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava: suomalaisen kansakoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944. Joensuu, 2006.

² Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции Финляндии по вопросу о направлении карельских девушек на работу в крестьянские хозяйства Финляндии от 20.11.1942 // По обе стороны... С. 292.

значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии, и, таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»¹.

О том, что после подобных поездок в Финляндию многие девушки из советской Карелии действительно возвращались с профинскими настроениями, свидетельствуют и документы советских органов власти, которые сразу после освобождения оккупированных территорий Карелии изучали политические настроения среди местного населения. Так, осенью 1944 г. после освобождения Шелтозерского района начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для них были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Здесь молодежь воспитывалась в антисоветском духе. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против Советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны – наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в фашистскую газету „Северное Слово“ о своей поездке в Финляндию. Статья была направлена против Советского Союза»². А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942–1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия потерпит поражение в войне³.

Важную роль в гендерной составляющей политики финских оккупационных властей играло моральное воспитание. Под пристальное внимание финской администрации оккупированных территорий попали вопросы, связанные с семейными отношениями. Как пишет А. Лайне, финские власти настаивали на обязательной регистрации отношений, формы гражданского брака не признавались (исключение делалось для районов с преимущественно русским населением, таких как Заонежье), и вопросы, связанные с браком, играли особую роль в финской культурно-просветительской политике на оккупиро-

¹ Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции по вопросу о направлении карельских девушек на учебу в финские народные училища от 8.10.1942 // По обе стороны... С. 288.

² Отчет начальника Шелтозерского РОНКГБ в Шелтозерский райком о политических настроениях в районе, октябрь 1944 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. П-20, оп. 1, д. 282, л. 19.

³ Из воспоминаний жительницы РК А. Громовой об учебе в Финляндии в годы войны // По обе стороны... С. 406.

ванных территориях¹. Для предотвращения внебрачных отношений финские власти официально запрещали карельским девушкам посещать вечеринки, устраиваемые финскими солдатами². Финские солдаты не имели свободного доступа к предприятиям, где работали женщины, и в бараки женских трудовых лагерей³. Особое внимание моральному воспитанию девушек уделялось в школе. Согласно свидетельству В. Е. Кемляковой, девочек, в том числе и ее, в финской школе «учили, как жить, как замуж выходить, [...] что надо подготовиться к свадьбе, чтобы плохо не было, надо по-хорошему выйти, чтобы девочка родителей мужа слушала, звать „отец“ и „мать“, как своих родных»⁴. Важно также отметить, что для финской школы на оккупированной территории советской Карелии было характерно повышенное внимание к практическим занятиям. Для девочек это была различная домашняя работа: вышивание, приготовление еды и пр.⁵ — та деятельность, которая готовила из них, в первую очередь, жен и матерей, что значительно контрастировало с советской школой, где внеучебная деятельность была посвящена формированию «коллективных» черт (летние лагеря, военные игры и пр.).

Осознавая возможности визуальной пропаганды, финские власти создали образ «новой» карельской женщины, которая широко использовалась в финской прессе и была резко противопоставлена довоенному образу советской женщины. Если советские плакаты 1930-х гг. изображали женщин, в первую очередь, как работниц, членов трудовых коллективов, будь то колхоз или завод, то образ женщины, который использовали в своей пропаганде финские власти, ориентировался на семью, на традиционные религиозные ценности и социальные роли⁶.

¹ Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 17–22.

² Интервью с О. М. Молодиной, 1927 г. р., записано 15.01.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 69; Интервью с В. С. Яршиным, 1929 г. р., записано 19.03.2007 // Там же. С. 88; Из протокола допроса финского военнопленного Э. Импонена от 24.10.1943 // По обе стороны... С. 382–383.

³ Интервью с А. Т. Николаевской // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 170; Из письма финского военнослужащего другу с фронта // По обе стороны... С. 285; Показание Е. М. Федосевой о жизни при финском оккупационном режиме // Там же. С. 494.

⁴ Интервью с В. Е. Кемляковой, 1927 г. р., записано 19.03.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 51.

⁵ Интервью с В. В. Харитоновой, 1929 г. р., записано 19.03.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 94; Интервью с В. Е. Кемляковой // Там же. С. 51; Интервью с О. В. Молодиной // Там же. С. 71; Лонин Р. Детство, опаленное войной. Петрозаводск, 2004. С. 27–28.

⁶ См., например, иллюстрации к газете «Северное слово»: 1942. № 17. С. 3; 1942. №. 51–52. С. 4; 1943. №. 16–17. С. 5; 1943. №. 26. С. 2–3.

Приведенные наблюдения об усилиях финских оккупационных властей в сфере идеологической работы с населением советской Карелии позволяют сделать вывод о том, что в отношении свободного населения общая тенденция финской идеологической работы была направлена на формирование традиционного общества, которое бы более легко поддавалось управлению. Гендерная политика финских оккупационных властей была, таким образом, довольно консервативной. Школа и другие социальные институты в перспективе должны были вновь четко разделить гендерные роли, которые в советском обществе значительно смешались после 1917 г. Представляется, что общество, которое планировалось создать в Восточной Карелии в результате планомерной идеологической работы, должно было стать значительно более традиционным, чем финское общество 1940-х гг. Это можно объяснить как преобладанием в Военном Управлении Восточной Карелии военнотрудовых, которые занимали более консервативные политические позиции, так и господствовавшим среди финнов в целом образом Восточной Карелии как территории традиционной, «старой» финской культуры, где были совершенно неуместны любые социальные эксперименты.

Однако условия военного времени вносили свои коррективы в идеологическую деятельность финских оккупационных властей. Несмотря на всю важность идеологической работы с местным населением, прагматические соображения, диктуемые нуждами войны, имели приоритет над идеологическими. Военная экономика подразумевала интенсивную эксплуатацию всех ресурсов советской Карелии, включая трудовые ресурсы. Хотя обычно тяжелые условия труда ассоциируются с финскими трудовыми и концентрационными лагерями, свободное население также рассматривалось как важный источник рабочей силы, которая широко использовалась в системе военной экономики, построенной финнами в оккупированной Карелии.

Трудовая повинность на оккупированных территориях была введена уже в 8 июля 1941 г. манифестом, подписанным Маннергеймом¹. К трудоспособному населению, обязанному работать, относились все жители Карелии от 15 до 60 лет². Трудовая повинность, в первую очередь, ложилась на женщин, которые составляли большинство трудоспособного населения. Старшие женщины и женщины с детьми, как правило, оставались работать по месту жительства, в то время как незамужних девушек и женщин биржи труда часто направляли на

¹ Манифест к населению Карелии // *Куломаа Ю.* Указ. соч. С. 8–9.

² *Куломаа Ю.* Указ. соч. С. 9.

работы в более крупные населенные пункты на заготовку леса и на строительство дорог. В Кондопожском районе, например, девушки из отдаленных деревень направлялись на биржу труда и оттуда обычно на лесозаготовки¹. В Шелтозерском районе многие вепские девушки посылались в Вознесенье на различные работы в тылу финской армии², в то время как другие работали либо в сельском хозяйстве, либо на дорожном строительстве³. На строительстве дорог были заняты женщины и в Заонежье⁴.

Условия работы, как правило, определялись принадлежностью к «родственному» или «неродственному» населению. В регионах с родственным населением они были относительно мягкими: так, некоторые из опрошенных свидетелей оккупационного режима даже отмечали, что они были лучше, чем условия труда в послевоенной Карелии⁵. В карельских районах была схожая ситуация⁶. Более того, именно в них после войны были отмечены выступления за сохранение финских форм хозяйствования, против восстановления колхозов⁷. Однако в целом условия труда в военное время на оккупированных территориях оставались для женщин (особенно для молодых девушек) довольно тяжелыми⁸.

Война оказала большое влияние на такую важную сферу повседневной жизни, как питание. Даже в национальных (карельских и вепских) районах, население которых снабжалось продовольствием лучше, чем «неродственное», в первый год оккупации ситуация с продуктами питания была плохой. Многие свидетели оккупации вспоминали специфические рецепты военного времени. Мука, выдаваемая

¹ Интервью с А. Г. Зинатовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 127; Интервью с О. В. Молодиной // Там же. С. 65–66.

² Интервью с Т. И. Максимовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 77; Интервью с Е. А. и Т. А. Кильпилайнен // Там же. С. 44.

³ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 51; Интервью с Т. И. Максимовой // Там же. С. 77.

⁴ Интервью с А. И. Пименовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 122.

⁵ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 52; Интервью с Т. И. Максимовой // Там же. С. 81.

⁶ Протокол допроса Воташевой Марии Павловны, 1925 г. р., д. Рышкала Туксинского сельсовета Олонецкого района КФССР от 9.09.1944 г. // НА РК, ф. Р-792, оп. 1, д. 4, л. 71–72; Интервью с А. Г. Зинатовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 127–128. А. Г. Зинатова во время интервью постоянно смешивала различные эпизоды из своей трудовой деятельности, относящиеся к финской оккупации и к послевоенному времени, объясняя это тем, что условия работы до и после освобождения ничем не различались.

⁷ Доклад секретаря Пряжинского райкома Н. Анхимова партактиву Пряжинского райкома от 29.09.1944 // НА РК, ф. П-21, оп. 1, д. 299, л. 25–26.

⁸ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 56–57.

финскими властями, смешивалась с корой, соломой и опилками, а также с высушенным мхом и борщевиком. Важной добавкой к ежедневному рациону была крапива и клевер¹. Весной в пищу шла мороженая картошка, которую искали на полях, едва сходил снег, после чего пропускали через мясорубку, смешивали с суррогатной (например, клеверной) мукой и пекли из получившейся массы лепешки². Эти рецепты не были новым изобретением населения Карелии — в связи с северным расположением республики и зависимостью от внешних поставок продовольствия местные жители на протяжении первой половины XX в. не раз сталкивались с угрозой голода. Будучи, таким образом, частью традиционной (причем женской) культуры, эти рецепты помогли многим семьям пережить первый год финской оккупации.

Из всех вопросов, связанных с повседневной жизнью женщин во время финской оккупации советской Карелии, тема взаимоотношений между местными женщинами и финскими мужчинами до сих пор остается, пожалуй, наиболее табуированной. Во время войны любые контакты подобного рода рассматривались как предательство. Д. Гусаров в своей повести «За чертой милосердия» приводит характерный эпизод о том, как восемнадцатилетний партизан посланный на разведку в родную деревню, сочинил историю, как он задушил родную сестру за то, что та гуляла с финским солдатом. В самом партизанском отряде этот выдуманный случай сделал его героем, и на его основе офицер, ответственный за политработу, подготовил лекцию «Нет пощады предателям»³. Подобные настроения сохранились и после войны. В одном из наших интервью приводится свидетельство о том, как женщина, родившая ребенка от финна уже после освобождения Карелии, задушила его, чтобы скрыть этот факт⁴. В другом интервью житель села Шелтозеро рассказал, что его односельчанин, рожденный во время войны от финна, из-за упреков по поводу своего происхождения спился и в конечном итоге совершил самоубийство⁵. Он же вспоминал, что после возвращения советской власти три жительницы Шелтозера, ожидавшие детей от финнов и боявшиеся последствий этого, сделали аборт, и допускал, что таких случаев могло

¹ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 53; Интервью с К. И. Осиповой // Там же. С. 141.

² Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 53; Интервью с Е. А. и Т. А. Кильпиляйнен // Там же. С. 48; Воспоминания Н. Абрамовой // Лукьянов С. Указ. соч. С. 79.

³ Гусаров Д. За чертой милосердия. Петрозаводск, 1977. С. 20–23.

⁴ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 55.

⁵ Интервью с В. С. Яршиным // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 91.

быть и больше¹. Учитывая царящие в обществе настроения, неудивительно, что после войны подобные эпизоды замалчивались населением бывших оккупированных территорий.

Тем не менее на основании устных и архивных данных можно составить представление о том, что контакты между финскими военными и женщинами не были редким явлением, особенно в национальных районах, что видно из интервью с жителями вепсских территорий Карелии. Так, Т. И. Максимова вспоминала о своей работе в тылу финской армии в Вознесенье: «Старшие девки, конечно, гуляли, и всё такое...», и на вопрос об их дальнейшей судьбе отвечала: «Сколько уехало! Счета не знаю, но многие уехали. Особенно девушки из Рыбреки, Каскесручъя, с той стороны... Девки были зрелые уже, они и уехали. Начинили гулять, потом жили вместе с финнами и потом уехали»². Аналогичные случаи (сожителство, родившиеся дети, аборт) приводят и другие свидетели³. Неудивительно, что в списке вопросов, подготовленных населением освобожденных территорий, одним из первых шел вопрос о дальнейшей судьбе женщин, родивших детей от финнов⁴.

В 1944 г. вместе с отступавшими финскими войсками из Карелии уехали 1264 женщины в возрасте старше 15 лет⁵. Можно лишь гадать, сколько из них последовало в Финляндию или уже будучи замужем за финнами, или собираясь выйти замуж в Финляндии. Антти Лайне указывает, что число браков между финнами и местным населением было значительным (97 браков в 1942–1943 гг., число браков, заключенных в 1944 г., остается неизвестным, но, по мнению исследователя, оно было сопоставимым с числом браков, заключенных в первые два года оккупации)⁶, к тому же многие карельские женщины вышли замуж в Финляндии. Информация из архивных источников и устных свидетельств позволяет предположить, что еще больше женщин, поддерживавших тесные отношения с финнами во время оккупации, остались в Карелии. Таким образом, среди свободного населения отношения местных женщин с финскими мужчинами были относительно распространены (хотя статистически никогда не превышали несколь-

¹ Интервью с В. С. Яршиным. С. 91.

² Интервью с Т. И. Максимовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 79, 80.

³ Интервью с В. С. Яршиным // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 91; Интервью с В. В. Харитоновой // Там же. С. 96; Интервью с Р. П. Лониным // Там же. С. 106.

⁴ Справка о вопросах населения, находившегося на оккупированной финнами территории КФСР... // По обе стороны... С. 521.

⁵ Из отчета финских властей об эвакуации населения Восточной Карелии в Финляндию... // По обе стороны... С. 553.

⁶ Лайне А. Указ. соч. С. 19–20.

ких процентов от общего числа женщин, живших на оккупированных территориях). В советской Карелии в условиях ненормальной демографической структуры, характеризовавшейся малочисленностью мужского населения брачного возраста, финские мужчины заполнили образовавшийся вакуум, и в населенных пунктах со свободным населением образ финна как потенциального брачного партнера постепенно заменил образ финна как врага. Это означало неэффективность довоенной советской пропаганды, отрицавшей всякое сотрудничество с врагом. Отношения между женщинами, жившими на оккупированных территориях, и финскими мужчинами, таким образом, развивались не по идеологическим шаблонам, а по нормальным (несмотря на условия военного времени) социальным моделям.

Подводя итоги, можно отметить, что жизнь женщин на оккупированных территориях характеризовалась противоречиями между практиками повседневной жизни и идеологическим воздействием оккупационных властей. Как позволяют предположить сделанные наблюдения, женщины «родственных» национальностей в представлении финских властей были той частью общества, через которую было возможно наиболее эффективно провести «финнизацию» советской Карелии. Для этого именно в отношении женщин, особенно молодых девушек, велась активная пропаганда финского образа жизни. Они, в свою очередь, виделись финским властям как посредники, которые должны были распространить этот образ жизни (подразумевавший финские нормы и ценности) на все общество Восточной Карелии. В культурно-просветительской деятельности финны апеллировали к традиционным гендерным ролям женщин, характерным для довольно консервативного сельского общества.

В то же время практики повседневной жизни в значительной степени не совпадали с идеологическим вектором финской оккупационной администрации. Нужды военного времени привели к использованию женского труда в традиционно мужских сферах экономики (дорожное строительство и лесная промышленность). В домашнем хозяйстве женщины также были вынуждены брать на себя когда-то исключительно мужские обязанности, что отмечают многие из опрошенных свидетелей. Это неизбежно вело к «размыванию» традиционных социальных ролей. С другой стороны, контакты и взаимодействие между финскими мужчинами и женщинами из свободного населения Карелии (вопрос, по которому финская администрация так и не выработала определенную точку зрения) осуществлялись согласно традиционным социальным нормам. Наконец, нельзя недооценивать и влияние довоенной советской идеологии, особенно на молодежь,

родившуюся и выросшую при советской власти. Для многих жителей Карелии (особенно для русского населения) финны все-таки воспринимались как представители чужой культуры, как захватчики (так, практически все свидетели финского оккупационного режима вспоминают, с какой радостью они встречали возвращающиеся советские войска). Как следствие, свободное население оккупированных территорий Карелии в целом и женщины в частности в годы войны имели относительно широкий выбор из возможных стратегий поведения при существовании доминантной стратегии, сформированной нормами местного общества и заключавшейся в отказе как от сопротивления оккупационным силам, так и от чрезмерного сближения с ними.

Проблемы межкультурной коммуникации

второй половины XX века

Лариса Захарова

Соотношение финского и русского факторов в процессе национального строительства в Карелии в первые послевоенные десятилетия: циклы коренизации и особенности коммуникации и репрезентации¹

После окончания Зимней войны 1939–1940 гг. количество республик Советского Союза увеличилось до 16 за счет превращения КАССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Повышение статуса аргументировалось увеличением ее размеров и численности населения в результате аннексирования территорий Финляндии². В действительности большинство финских жителей, за исключением 2000 человек, спаслись бегством вглубь Финляндии с этих присоединенных территорий³. Но официально этнические пропорции населения республики считаются измененными, в связи с чем встает задача определения национального профиля Карелии по примеру и в сравнении с другими республиками Советского Союза. Вступление СССР во Вторую мировую войну временно откладывает поиск практического решения этого вопроса. И только после войны руководители Карелии решают заняться проблемой определения национального профиля их республики. Реконструкция хозяйства является бесспорным приоритетом, и нехватка рабочих рук компенсируется за счет массовых кампаний переселения жителей России, Белоруссии и Украины в Карелию⁴. Но вместе с тем с конца 1940-х до

¹ Исследование было выполнено в рамках проекта Жюльет Кадио по языковой политике в России и СССР, финансируемого Национальным Агентством Исследований Франции (contrat post-doctoral CNRS – ANR). Спешу выразить глубочайшую признательность Грегори Дюфо за теоретические ориентации и советы, а также Ольге Илюха за библиографические рекомендации, ценные вопросы и уточнения.

² *Лайне А.* Карело-Финская Советская Социалистическая Республика и финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 228.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 590.

⁴ В соответствии с распоряжением СМ СССР от 18 мая 1949 г. № 7371р, председатель СМ РСФСР Б. Черноусов отдал распоряжение № 1177-р от 4 июня 1949 г., которое требовало «Переселить в 1949 г. на добровольных началах в КФССР 2200 семей колхозников и другого сельского и городского населения для работы на предприятиях Министерства лесной и бумажной промышленности СССР и в колхозах КФССР, в том числе из Воронежской области 500 семей, Владимирской – 200, Горьковской – 300, Московской – 300, Башкирской АССР – 150 и дополнительно к количеству семей, переселяющихся согласно постановлению СМ СССР от 11 февраля 1949 г. № 589 из Курской области – 300 семей, Рязанской – 150 и Чувашской АССР – 300 семей. Дать людям скот» (ГАРФ, ф. А 259 «СМ РСФСР», оп. 6, д. 5681, л. 70).

апреля 1950 г. в республику перемещают 21–22 тыс. финнов-ингерманландцев¹, и местные власти возобновляют политику коренизации, утверждая, что процесс реконструкции хозяйства должен опираться в первую очередь на национальные кадры². Таким образом две первоочередные задачи сводятся к одной – определить национальный профиль Карелии, язык и культуру, обучить и продвинуть представителей титульной национальной группы на ключевые посты во всех областях хозяйства, вверив им задачу его восстановления, создать пространство для коммуникации внутри этой группы посредством изданий на национальном языке и, наконец, найти формы репрезентации этой группы художественными средствами.

Изложив последовательно попытки введения каждого из указанных компонентов «воображаемого сообщества»³, предлагаемое исследование ставит своей целью выявление специфики процессов национального строительства в послевоенной Карелии, тенденции мимезиса и гибридности⁴ (то есть процессов подражания, смешения и заимствования элементов финской и русской культуры, соотношения финского и русского факторов) при изобретении и насаждении «высокой культуры»⁵ и распространении национального языка через печать и систему образования. В центре внимания окажутся следующие вопросы: какие меры принимались для социального продвижения представителей титульных национальных групп; подразумевало ли понятие «национальные кадры» владение национальным языком; какие этапы национального строительства в Карелии можно выделить в указанный период?

Выбор составляющих национального профиля Карелии после войны определялся двумя важными факторами – наследием национальной политики довоенных лет и отношениями с соседней

Всего предусматривалось переселение в республику 40 тыс. семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Мордовской, Татарской и Чувашской АССР, Вологодской, Калининской, Кировской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей (История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 592; *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920–1950-е годы и судьба карельской и финской национальностей // В семье единой... С. 36).

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 672; *Суни Л.* Ингерманландские финны // В семье единой... С. 80.

² В 1945 г. Нарком Просвещения КФССР И. С. Беляев говорил заместителю Председателя СНК КФССР В. В. Стефанинину о «громадной потребности подготовки национальных кадров для нужд народного хозяйства и культуры республики» (Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 1).

³ *Anderson B.* L'imaginaire national. Réflexions sur l'origine et l'essor du nationalisme. Paris, 2002.

⁴ *Bhabha Homi K.* Les lieux de la culture. Une théorie post-coloniale. Paris, 2007. P. 147–157.

⁵ *Gellner E.* Nations et nationalisme. Paris, 1983. P. 78.

Финляндией. Послевоенная волна коренизации опирается на три кита: национальную группу, кадры и образование. Финноязычная литература и пресса были призваны укоренить в сознании людей на повседневном уровне «воображаемое сообщество» и его ценности, популяризируемые системой образования. И, наконец, театр, благодаря визуальным средствам, позволяет инсценировать национальную специфику. Даже партийные власти осознавали опасность постановки подобного требования перед Мельпоменой.

1. Финнизация или карелизация?

В соответствии с ленинскими принципами национальной политики каждая нация в составе советского государственного образования имела право на самоопределение. В большинстве случаев на практике этим «определением» занимались местные руководители и элиты. Советская формула нации, выведенная Сталиным в его работе «Марксизм и национальный вопрос» (общность территории, языка, культуры), перенимала некоторые элементы предшествующих общеизвестных теорий, в частности, идею Гердера о необходимости общего языка для создания нации. В случае с Карелией (поскольку письменности на карельском языке не существовало) создание национального языка должно было сводиться к нормализации и официализации одного или нескольких диалектов, выбранных за их доминирующее положение с точки зрения социальных и экономических критериев¹. Таких крупных диалектов на территории Карелии было три: ливвиковский, людиковский и собственно-карельский. Появление на политической сцене Карелии финских коммунистов-иммигрантов обусловило возникновение особой интерпретации карельского языкового разнообразия: карельские диалекты были объявлены местными вариантами финского языка, что послужило предлогом для возведения последнего в ранг национального. Кремлевским иерархам не хотелось вдаваться в подробности и докапываться до истины в момент, когда перспектива мировой революции тревожила их умы.

Так работа по национальному строительству в Карелии была возложена на плечи представителей иностранного государства. Видение Карелии как пьемонта для экспорта революции способствовало утверждению национальной специфики и решению проблемы дискриминации в масштабе СССР. Официальная ориентация на развитие

¹ *Thiesse A.-M.* La création des identités nationales, Europe, XVIII-e–XX-e siècles. Point Histoire. Paris, 1999.

национальной специфики каждого административно-территориального образования Советской России была истолкована финскими иммигрантами как их право на цивилизаторскую миссию в Карелии, под прикрытием заявлений о единстве происхождения карельского и финского народов. На первоначальном этапе работа по национальному строительству в Карелии проводилась с минимумом затрат, сводясь в основном к экспорту финского языка и попыткам его внедрения в систему образования и в администрации. Подобное упрощенное видение национального строительства было возможно благодаря притязаниям советских руководителей на включение Финляндии в их зону влияния. Традиционная эволюционистская схема поглощения менее развитого народа и языка более развитым сменила в данном контексте одну составляющую: место русского народа занял финский, который затем в свою очередь должен был испытать на себе советский эксперимент. Очевидный двуступенчатый имперский характер этой политики камуфлировался противопоставлением прямой русификации¹. Мимезис и введение финского компонента стали основополагающими чертами национального строительства в Карелии. При этом этнический состав населения имел явно второстепенное значение (табл.).

Тем не менее, по постановлению ЦИК КАССР от 9 августа 1924 г., разговорный карельский язык также получил официальный статус: он должен был использоваться во всех устных формах деятельности образовательных учреждений, в работе госаппарата. В качестве литературных языков предлагалось использовать русский и финский языки, и официально провозглашалась свобода выбора населением

¹ Э. Гюллинга активно поддержал секретарь Севзапбюро ЦК РКП (б) Б. Позерн. В основе его теоретических выкладок лежали решения VIII съезда партии по национальному вопросу. В дискуссии на съезде Ленин настаивал на сохранении в партийной программе лозунга «Право наций на самоопределение», доказывая, что он важен для отпора великорусскому шовинизму, а также для пропаганды мировой революции на Западе. Решительно отвергнув обвинения в насильственной финнизации, Позерн указал русским оппонентам красных финнов, что именно они, проводя русификаторскую политику, разжигают национализм. Он подчеркивал: чтобы автономия не была просто вывеской, в ней необходимо обеспечить наибольшие гарантии тем народам, которые прежде не были равноправными, причем особое значение он придавал тому, что самим фактом своего успешного развития Карельская Трудовая Коммуна послужит примером для рабочего движения Финляндии: «Угнетаемые рабочие массы Финляндии знают, что рядом с ними есть область, где свободно живут их братья финны, имеют свои учреждения, организации, школы и т. п., свои руководящие органы, во главе которых стоят опять-таки сами финны, работа которых во всех отношениях процветает. Это побуждает их добиваться того же, то есть побуждает их на борьбу со своими угнетателями — со своей буржуазией» (см.: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 451—452).

одного из них¹. Этим постановлением закреплялась иерархия между языками через разграничение сфер и способов их использования. Финский литературный язык, как более развитый и совершенный, призван был вытеснить и заменить множество диалектов и способствовать консолидации национальной группы, став средством общего инструмента коммуникаций.

Национальный состав населения Карельской АССР
(по переписи, в % к итогу)

	На 28.01.1897	На 17.12.1926	На 17.01.1939	На 15.01.1959
Русские	53	56,2	63,2	63,4
Карелы	42,3	38,2	23,2	13,1
Финны	0,9	1,0	1,8	4,3
Вепсы	3,4	3,3	2,0	1,1
Белорусы			0,9	11
Украинцы			4,5	3,6
Другие национальности	0,4	1,3	4,4	3,5

Примечание. Источник: Карельская АССР за 50 лет. Статистический сборник. ЦСУ РСФСР. Стат. управление КАССР. Петрозаводск, 1967. С. 10. По переписям 1897 и 1926 гг. белорусы и украинцы включены в «другие национальности».

В противоречие постулату о самоопределении наций, карелы подверглись финнизации жесткими административными методами, не оставлявшими им право голоса: в постановлении Карельского ОК ВКП (б) об «Очередных задачах национальной политики в АКССР», изданном в августе 1929 г., закреплялся отказ от принципа свободы выбора русского или финского языков для карел. Во всех районах с преобладанием карельского населения началось ускоренное введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, использование его в деятельности просветительных учреждений, советских и партийных органов. Так карельская «несхожесть» форматировалась по образцу и средствами финской «высокой» культуры.

Однако со второй половины 1930-х гг., когда мечты о мировой революции отходят на задний план и уступают место атмосфере обвинений в местном буржуазном национализме, престиж финского языка и его центральное место в профиле КАССР сводятся на нет. Все финское руководство заменяется новыми ставленниками. В 1935 г. стали исключаться из состава студентов и преподавателей приехавшие из-за

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 452; Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 9.

границы финны. Кампания «по очищению от враждебных, националистических и не внушающих доверия элементов» набирала силу. В первой половине 1930-х гг. преподавание в Карельском государственном педагогическом институте велось на двух языках — русском и финском. Затем началось «изгнание финнизма»¹. В ситуации растущего политического размежевания в Европе, связанного с возвышением национал-социализма, знание финского языка жителями Карелии стало рассматриваться как риск потенциальной восприимчивости к «западной» пропаганде. Необходимо было найти альтернативу финскому языку, не нарушив при этом идею национальной специфики. Так финнизация уступила место карелизации, благодаря созданию карельского письменного языка Дмитрием Бубрихом². В 1936 г. карельский язык получил статус третьего официального языка республики. Но уже в сентябре 1937 г. Политбюро постановляет заменить в школах финский язык карельским. В 1938 г. использование финского языка было окончательно запрещено. Мобилизация ученых на национальную стройку соответствовала смене концепций изобретения национального сообщества: имперская модель была вытеснена постимперской. Однако новая парадигма оказалась недолговечной: карельский язык не стал фундаментом новой «высокой» культуры.

2. Послевоенная волна коренизации

После войны проблема языковой основы «национального строительства» в Карелии снова стала актуальной. Карельский литературный язык страдал незавершенностью: не хватало терминологии, было много грамматических расхождений и затруднений. Включение финского компонента в название республики символизировало реабилитацию финского языка. К тому же геополитические планы Советского Союза вновь опирались на идею расширения его влияния в мире. Карелии вернули имидж пьемонта, для которого финский язык был необходимой составляющей. Миметические тенденции снова заняли центральное место в национальном строительстве Карелии. Финский язык призван был стать средством профессионального и социального продвижения местных кадров, усвоивших идеалы национальной культуры через систему образования. Карело-Финская республика, как все другие республики СССР, стремилась укоренить развитый литературный язык среди населения.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 561.

² *Austin Paul M. Soviet Karelian: The Language That Failed // Slavic Review. 51. N 1 (Spring 1992). P. 16–35.*

Национальная политика Карелии отличается удивительной циклическостью. Послевоенные и «оттепельные» годы воспроизводят механизмы коренизации 1920-х – начала 1930-х гг. с поразительной точностью. Сталинские репрессии представляются временной ломкой изначально избранных механизмов изобретения советских национальных групп. До войны усилия по созданию национальной интеллигенции проявлялись в привилегиях, предоставляемых карелам и финнам при поступлении в вузы: «В начале 1930-х годов СНК КАССР установил специальные квоты: представители карельской, финской, вепсской национальностей должны были составлять не менее 50–60 % общего числа принимаемых на учебу. Фактически студентов финно-угорских национальностей было более 40 % общей численности студентов в учебных заведениях Карелии, 30 % – вне Карелии. Прежде всего на националов ориентировались подготовительные курсы и отделения. В 1930-е годы 50–68 % рабфаковцев в Карелии являлись карелами, финнами, вепсами. При приеме карельской и вепсской молодежи в техникумы несколько понижались требования к уровню образовательной подготовки абитуриентов»¹.

Эта тенденция продвижения националов находит продолжение после войны. Так, в 1945–1946 гг. были открыты подготовительные отделения для поступающих в вузы карел, финнов, вепсов. Политическая практика этого периода опирается на традиции 1930-х гг., когда стало нормой привлекать к учебе работающую молодежь из числа карельского, вепсского и финского населения. В то же время использование старых испытанных методов эксплицитно указывало на неудачи в школьном образовании националов: после войны выпускников нерусских школ Карелии принимали в вузы других республик вне конкурса, так как они плохо сдавали вступительные экзамены. В 1944–1956 гг. республике было предоставлено около 650 мест по внеконкурсному приему, из них подавляющее большинство приходилось на медицинские специальности вузов Москвы, Ленинграда, Ярославля, а остальная часть – на технические вузы. Однако планы набора учащихся по внеконкурсному приему систематически не выполнялись, многие студенты не заканчивали учебу².

В отличие от 1920-х гг., коренизация послевоенных лет инициировалась местными руководителями. Дополнительные места «выбивались» с помощью личных ходатайств. Так, секретарь Карельского обкома партии Л. И. Лубенников обратился к ЦК 29 марта 1958 г. с

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 559.

² Там же. С. 742.

просьбой увеличить количество выделенных карельским националам мест в вузах РСФСР, мотивируя это следующим образом: «В Карельской АССР, с нашей точки зрения, сложилось ненормальное положение, когда в ведущих отраслях народного хозяйства работает крайне незначительное количество специалистов с высшим образованием из местного населения, в том числе карел, финнов и вепсов. Из 816 медицинских работников, имеющих высшее образование, имеется только 3 врача карела. Незначителен процент карел, финнов и вепсов в составе учителей. Такое положение объясняется неудовлетворительной постановкой среднего образования (недостаточной сетью средних школ), кроме того, до последнего времени не обращалось должного внимания подготовке кадров из местного населения. Потребность в специалистах с высшим образованием в Карелии в основном удовлетворялась за счет выпускников, направляемых из центральных вузов страны. Но направляемые специалисты по истечении некоторого времени стремятся выехать из республики, поэтому ежегодно наблюдается большая текучесть кадров. В целях создания устойчивых кадров, Карельский обком КПСС просит дать указание Министерству высшего образования о внеконкурсном приеме ежегодно в течение 5 лет по 250 чел. из местного населения Карелии в следующие вузы страны...»¹.

Коренизация была нужна для преодоления перемещения и постоянного обновления кадров, затрудняющих задачи модернизации республики. Советологи утверждали, что частая смена и передвижение кадров из республики в республику были стратегиями хрущевской экономической и миграционной политики, преследующими русификаторские цели². Однако положительный ответ секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова на просьбу Л. И. Лубенникова, поддержанного заведующим сектором вузов отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР А. Маховым, позволяет усомниться в этом утверждении. Карельская АССР получила 70 дополнительных внеконкурсных мест к 50 уже выделенным на 1958/1959 учебный год³.

Признание в неспособности республики обучить кадры собственными силами свидетельствует о слабости или полном отсутствии официальной национальной «высокой» культуры. Университетские чистки довоенного сталинизма объясняют это положение вещей. Но в таком случае специалисты, получившие образование за пределами республики, не могли служить векторами распространения национальной куль-

¹ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 57, л. 1–2.

² *Nahaylo B., Svoboda V. Après l'Union soviétique. Les peuples de l'espace post-soviétique.* Paris, 1994. P. 141.

³ РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 33, л. 45.

туры в Карелии. Получившие образование в чужом национальном контексте, они были носителями универсалистских советских ценностей. Что же в таком случае скрывалось за понятием «национальные кадры»? Означал ли этот термин простую этническую принадлежность? Было ли знание языка символическим маркером националов? Как эти люди приближались к официальной национальной культуре?

Первое послевоенное десятилетие отмечается явными усилиями со стороны республиканских властей вооружить национальные кадры знанием финского языка. Расчет на финноязычные кадры не был совершенно утопичным. Считалось, что молодежь, учившаяся в национальных школах до войны и в годы финской оккупации, могла теперь вступить в активную профессиональную жизнь. Следовало обеспечить ей возможность получения высококвалифицированного профессионального образования. В то же время дети, возвращавшиеся в Карелию из эвакуации, продолжали обучение на русском языке. Но планы руководителей были далеко идущими. В начале 1945 г. нарком просвещения И. С. Беляев предлагал решить проблему образования финноязычных национальных кадров путем введения финского языка как самостоятельной дисциплины с четвертого класса начальных, неполных средних и средних школ, для классов с национальным составом учащихся, обучающихся на русском языке. Признавая, что в национальных школах преподавание должно вестись на финском языке с первого по десятый класс, он предлагал сделать исключение: «...в ближайшие два-три года, из-за отсутствия национальных кадров, преподавание отдельных дисциплин в 8–10 классах национальных школ проводить на русском языке»¹.

На подготовительных курсах и национальных отделениях при средних и высших учебных заведениях, «готовящих кадры для нужд народного хозяйства и культурного строительства республики», преподавание должно было проходить на финском. Национальный язык как обязательный предмет включался в программу всех факультетов и курсов государственного университета и учительского института. В 1945–1946 учебном году планировалось открытие при учительском институте отделения финского языка и литературы для националов, обучающихся на других отделениях. Предполагалось также «форсировать» подготовку национальных кадров для высших учебных заведений на основе аспирантуры при государственном университете, отводя для националов не менее 50 % мест².

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 1–2.

² Там же, л. 2.

Однако, по сравнению с первым постреволюционным десятилетием, в послевоенной Карелии не осталось прослойки культурной финноязычной элиты, уничтоженной в ходе репрессий второй половины 1930-х гг. Таким образом, следовало найти новых агентов продвижения финского литературного языка и контроля над соблюдением его норм. Именно в отсутствии необходимого количества специалистов и заключался провал послевоенной волны коренизации посредством финнизации. Учителей, способных преподавать финский язык и на финском языке, не хватало катастрофически. Некоторые области РСФСР, например Челябинская, Свердловская, Ярославская и частично Архангельская и Вологодская, несмотря на приказ Наркома Просвещения РСФСР В. П. Потемкина не отпускали карельских учителей, прибывших к ним в результате эвакуации¹. В условиях послевоенной разрухи не было возможности обеспечить национальные школы учебниками. Подготовка педагогических кадров для нерусских школ требовала времени, но была в конечном счете задачей меньшей сложности, чем создание условий для среднего и высшего профессионального образования на финском языке из-за нехватки профессоров.

Несмотря на то, что усилия властей были сосредоточены на улучшении работы нерусских школ, ситуация на этом фронте в начале 1950-х гг. оставалась катастрофической. Наркомат Просвещения признавал, что «успеваемость в этих школах остается очень низкой, и качество знаний учащихся плохое. Уровень работы нерусских школ остается низким даже там, где руководителями школ работают опытные люди и школы неплохо укомплектованы учительскими кадрами. Успеваемость учащихся нерусских школ по итогам весенних экзаменов за 1952/1953 учебный год составила 72,4 %. Учащиеся русских классов, в том числе карелы и финны, значительно грамотнее, чем учащиеся нерусских школ. В нерусских школах из 526 учителей 204 человек не имеют соответствующего образования»².

Слабость учителей в нерусских школах Карелии объяснялась отсутствием средств для подготовки предметников, кроме учителей финского языка. После войны из десятых классов нерусских школ в 1952 г. был первый выпуск в количестве 21 человека, и в 1953 г. было выпущено 30, а в 1954 – 27 человек³. Поступив в университет и пед-

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 2, д. 493, л. 74.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 1, 5. Таким образом, успеваемость в школах с финским языком обучения упала по сравнению с 1949/1950 учебным годом, когда она достигала 80 %. См.: *Вавулинская Л. И.* Национальная школа в Карелии 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 272.

³ НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 5.

институт, эти дети столкнулись с отсутствием преподавания на финском языке¹. В такой ситуации учащиеся, окончившие нерусские семилетние школы на финском языке, могли продолжать образование только в школьном и дошкольном педучилищах. А учащиеся, окончившие десять классов нерусских школ, могли получить образование на финском языке в университете и пединституте только на отделении финского языка. Таким образом, «продвижение» финноязычных националов замыкалось на систему нерусских школ, что явно не соответствовало амбициям руководителей.

Сеть нерусских школ в республике сокращалась из года в год, что неминуемо сопровождалось уменьшением в них количества учащихся. Так, в 1950 г. в нерусских школах учились 9,1 % детей республики, в 1954 – 6,8 %. Школы и классы были чрезвычайно маленькими: в 1953/1954 учебном году в 34 школах насчитывалось по 3–10 детей и в 20 школах – по 11–20 учащихся. В 330 начальных классах было от 1 до 5 человек. Если средняя наполняемость в первых–четвертых классах республики равнялась 21 человеку, то в нерусских классах было в среднем по 5 человек².

К нехватке педагогических кадров как причине уменьшения сети национальных школ добавлялись отказы родителей карел, финнов и вепсов отдавать своих детей в учебные заведения, которые сокращали возможности профессионального развития³. При данной перспективе национальная культура теряла значение символического капитала в глазах карельской интеллигенции. 18 февраля 1958 г. инструктор отдела школ и вузов Карельского обкома КПСС В. Доля констатировал это несоответствующее устремлениям властей положение: «Касаясь изучения финского языка в школах района, надо сказать, что дети интеллигенции не все изучают финский язык. Например, из 20 членов РК КПСС и депутатов райсовета (карелов и финнов по национальности), у которых имеются дети школьного возраста, финский язык изучают только дети 8 человек. Не изучают финский язык и дети 12 учителей (карелов и финнов по национальности)»⁴.

¹ *Вавулинская Л. И.* Национальная школа в Карелии во второй половине XX века: исторический опыт и проблемы развития // Региональная и национальная политика: исторический опыт и критерии оценки эффективности. Материалы междунар. конф. Кемерово, 2003. С. 183.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 480, л. 3.

³ Л. И. Вавулинская приводит примеры саботажа нерусских школ учениками и родителями: *Вавулинская Л. И.* Общеобразовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – в 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 169–170.

⁴ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 98, л. 52.

Такие решения принимались подчас родителями, пережившими психологическую травму военного противостояния, по политическим соображениям. Карел, будущий дипломат, Стуйгуев Владимир, родившийся в 1936 г. в селе Паданы Медвежьегорского района, проведя военное детство «среди сибиряков» и вернувшись из эвакуации в 1944 г., пошел в первый класс финской школы, не понимая ни одного слова по-фински. Его отец, придя домой с фронта, считал, что «сын участника двух войн с Финляндией, к тому же инвалида войны, не должен изучать язык этой страны»¹.

Обучение на финском языке стало, таким образом, препятствием для коренизации и модернизации в республике. Неспособность обеспечить профессиональное обучение националов на финском языке мешало продвижению представителей титульной национальной группы на ключевые посты. Пытаясь сделать язык символическим маркером национальной идентичности, руководители республики тем самым ограничили карьерные возможности карел, поскольку обязательным условием для поступления в вузы Москвы, Ленинграда или Архангельска являлось знание русского языка.

В этой связи 1954 г. стал переломным, так как, не отказываясь от целей коренизации, республиканские власти решили исправить положение. 12 августа 1954 г., после проведения Министерством просвещения ряда инспекций в национальных школах и констатации удручающих результатов обучения детей на финском языке, Совет Министров КФССР принял постановление о переходе на русский язык преподавания². Таким образом, появляются заведения-гибриды: нерусские школы, где все предметы преподавались на русском языке. Они сохраняли свое название благодаря сохранявшимся в них до 1958 г. урокам финского языка, а также благодаря национальной принадлежности детей, для которых они предназначались. Эти заведения превратились в своего рода анклав-наборники национального контингента, которому пророчилось великое будущее. С 1954 г. начинается период русскоязычной коренизации. После принятия этого постановления карельские студенты, обучающиеся в других республиках, не имели никаких оснований заявлять себя носителями особой национальной культуры. Благодаря нивелирующей роли образовательной системы, они возвращались в республику носителями универалистских советских ценностей и ориенти-

¹ Карельское землячество в Москве. Москва, Институт предпринимательства и ин-вестиций, 2002. С. 285–287.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 583, л. 60.

ров. Финский язык перестал быть символическим маркером национальной принадлежности. Социальное продвижение местных кадров не обозначалось больше никаким видимым национальным знаком.

Это постановление подтвердило имперский характер процессов национального строительства в Карелии: «высокая культура» на финноязычной основе должна была быть переведена на русский язык. Аргументы для объяснения такого решения кажутся заимствованными из идеологии великорусского шовинизма: «Это законное и прогрессивное стремление карел и финнов основательно изучать русский язык и как следует приобщаться к культуре великого русского народа имеет очень глубокую основу. Основой стремления карельского и финского народа нашей республики быть ближе к передовой в мире культуре русского народа, изучать русский язык как можно лучше является вековая общность карело-финского народа с великим русским народом, их совместная борьба против иноземных захватчиков с давних времен вплоть до недавнего прошлого, исключительно большая помощь русского народа, которую он всегда оказывал и сейчас оказывает народу нашей республики в деле строительства коммунизма. В этом стремлении быть ближе к русской культуре сказывается крепкая дружба нашего народа с великим русским народом. Благодаря ленинско-сталинской национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства дружба народов в нашей стране постоянно укрепляется и впредь мы должны ее всемирно укреплять. Финский язык в республике не имеет достаточного практического применения потому, что и местное население не употребляет финский язык, поэтому этот язык не прививается и не развивается. Например, у нас нет на финском языке новой, единой терминологии по основам наук. При переводе школьных учебников на финский язык, каждый переводчик выдумывает свою терминологию, поэтому качество учебников очень низкое. Учитывая, что многие учителя, ведущие преподавание на финском языке, слабо владеют этим языком, от преподавания в школе предметов на финском языке по существу нет пользы в смысле овладения финским языком, как предметом»¹.

Из-за незавершенности процессов финноязычного мимезиса и резкого перехода на новую языковую основу послевоенная политика коренизации в Карелии с треском провалилась и не смогла достигнуть количественных результатов продвижения националов 1920-х гг., когда доля карел, финнов, вепсов достигала от 46 до

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 3, л. 480, л. 3–4.

76 % среди выдвиженцев. В середине 1930-х гг. карелы, финны, вепсы составляли 44–47 % работников советского аппарата. В органах ГПУ Карелии в это же время 33,8 % служащих составляли националы: 26,2 % – в центральном аппарате и 48 % – в районном. В 1933 г. удельный вес рабочих-националов составлял почти 22 %. Особенно много их было на предприятиях бумажной, лесозаготовительной, деревообрабатывающей промышленности. В начале 1948 г. в номенклатуру ЦК КП(б) республики входило 1335 должностей в госаппарате и общественных организациях, а в номенклатуру горкомов и райкомов партии – 7150 должностей, из них карелы, финны и вепсы занимали соответственно 25 и 30 % должностей. В национальных районах республики карелы, финны и вепсы составляли 68 % среди руководящих работников¹. В 1954 г. только 14 % руководителей партийных организаций были представителями титульных наций. Их количество в СМ КФССР приравнивалось к 20 %, в ЦК комсомола и министерствах республики – к 13 %, а в руководящем составе республиканских управлений и ведомств – всего 6 %².

Эти показатели даже в сопоставлении с низким процентом националов в общем срезе населения республики (19 %) позволяют заключить, что националы остались на периферии культурной жизни и так и не смогли стать воплощением успешной социальной мобильности. Всесоюзные переписи населения 1959 и 1970 гг. показали, что по доле лиц с высшим образованием среди коренных национальностей 11 автономных республик РСФСР карелы занимали одно из последних мест. Вытеснение родного языка на периферию общественной жизни стимулировало тенденцию к сокращению его использования и на семейно-бытовом уровне. Об этом свидетельствовали данные о росте численности и удельного веса карел, финнов, вепсов, у которых родной язык и национальная принадлежность не совпадали. Если в 1959 г. называли язык своей национальности в качестве родного языка 80,9 % карел, 74,2 % финнов и 38,6 % вепсов, то в 1970 г. – соответственно 71,7, 61,1 и 31,9 %³.

Если язык не стал структурирующим элементом карельской нации после войны, можно ли проследить другие попытки консолидации нации на основе «высокой» национальной культуры, которая наделяется нормализующей функцией?

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 494, 670.

² РГАНИ, ф. 5, оп. 31, д. 30, л. 75–79.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 740.

3. Средства коммуникации для укоренения национальной культуры

С момента образования республики в Карелии пресса и художественная литература на финском языке стремились подтолкнуть карел к осознанию их национальной и языковой специфики, создав пространство для общения и позволяя вообразить многочисленность финноговорящего сообщества. На прессу и литературу возлагалась роль повышения статуса финского языка как медиума коммуникаций.

Первые постановления советской власти в этой области (июнь 1925 г.) делали акцент на поддержке национальной литературы в постимперском духе. Появившаяся в 1926 г. Карельская ассоциация пролетарских писателей была призвана воплотить авангард национальной культуры, активно распространяя свои идеи на страницах журнала «Пунакантеле», выходявшего с 1928 по 1932 г. на финском языке¹. Это печатное издание отражало процесс появления национальной финноязычной интеллигенции, в которой связь поколений должна была гарантировать преемственность «высшего» знания о нормах национальной культуры. Идея продвижения национальных кадров на высшие посты остается незыблемой для области литературы, где они служат эмблемой национальной специфики Карелии. Так, председателем Карельского отделения Союза писателей на протяжении всего советского периода назначали представителя «коренной» национальности².

«Национальное присутствие» должно было чувствоваться и в издательствах. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. карелы составляли около половины рабселькоров финноязычной и четверть рабселькоров русскоязычной республиканских газет³. В 1959 г. среди работников финноязычного издательства «Кирья» свыше 80 % сотрудников составляли «представители коренной национальности и коренных жителей Карелии»⁴. Но подобные уступки принципу национального соответствия вредили качеству редакционной работы. Так, в конце 1959 г., учеба «по совершенствованию редакторами финского языка» не была организована, «хотя многие из них в этом очень нуждались»⁵.

¹ Колосенок С., Моносов И. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1967. С. 85–86.

² Карельское землячество в Москве. С. 24.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 493.

⁴ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 7.

⁵ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 8.

До 1957 г. в Карелии издавалась республиканская газета «Ленинская правда», форматом «Правды», печатавшаяся одновременно на русском и финском языках¹. В 1957 г. она выходила с периодичностью 6 раз в неделю и тиражом в 60 тыс. экземпляров, в том числе 5 тыс. экземпляров на финском языке. Такое количественное неравенство подчеркивает символический характер финноязычного издания, которое являлось простым переводом русского образца. Секретарь Карельского обкома КПСС Лубенников, радевший за реальное, а не формальное решение национальных вопросов, обратился в Бюро ЦК КПСС по РСФСР с просьбой реформировать издание прессы на финском языке. Утверждая, что «дублирование русского текста на финский язык недостаточно удовлетворяет запросы финского населения республики» и что «переводной экземпляр газеты на финском языке по существу никто не читает», он предложил удовлетворить желание «отдельных представителей финского населения, особенно из числа интеллигенции», организовать издание самостоятельной республиканской газеты на финском языке². Однако либерализм этого предложения едва ли можно назвать радикальным, так как новая газета получила название «Советская Карелия». Периодичность нового издания была реже предыдущей — два раза в неделю, а неизменная цифра тиража (5 тыс.) казалась строго вымеренной количественной потребностью читающих по-фински жителей Карелии. Интерес нововведения мотивировался бюджетными сокращениями: «Образование указанной газеты позволит сократить государственную дотацию на издание газеты на финском языке на 300 тысяч рублей в год, а также уменьшить число редакционных работников, занятых на издании русской и финской газет, в сравнении с ныне существующим штатом редакции „Ленинской Правды“ на 16 человек»³.

Однако ЦК КПСС, разрешив появление нового печатного органа, решило сохранить издание финского варианта «Ленинской правды». Этой переменной Лубенников пытался усилить коммуникативную связь между членами национального сообщества, которое теряло интерес к предназначенным ему информативным ресурсам. Причины подобной апатии были связаны со многими факторами. Но кроме проблемы национальной идентификации через язык, большое значение имело литературное качество газеты. По оценке писателя А. Н. Тимонена, персонал редакций не обладал достаточным уровнем лингвистической квалификации: «Газета „Советская Карелия“

¹ Колосенок С., Моисов И. Указ. соч. С. 74.

² НА РК, ф. 3, оп. 8, д. 49, л. 34.

³ Там же, л. 34.

(Неувосто Карьяла) сравнительно молодая, но в ней работает ряд квалифицированных и опытных газетных работников, такие как Кондратьев Ф. Т., Лайтинен И. И., Ранта К. И., Пакканен И. П. и Пертту Т. Э. Основная работа редакции и *держится* на этих товарищах. Большой опыт работы имеет также тов. Тайпале В. М., но ему мешает низкий общеобразовательный уровень и плохое знание русского языка для самостоятельной учебы. Молодые газетчики гг. Сунделин А. Э. и Машин В. Т., имеющие высшее образование, пока не владеют финским языком и у них еще нет опыта газетной работы. В Петрозаводске газета имеет 244 корреспондента, в Олонецком районе 52, районе Калевалы 34, Кондопожском р-не 31, Пряжинском 42, Медвежьегорском 10, в других р-нах меньше. Специального отдела писем нет, переписку с корреспондентами и с организациями ведет секретарь редакции т. Ранта К. И. Он также добивается действенности писем и устранения недостатков, о которых сигнализируют корреспонденты. Особое значение для работников газеты „СК“ имеет изучение финского языка, но такой учебы не организовано. Справедливы упреки в том, что в газете часто встречаются неграмотные обороты, неряшливости стиля, влияние русского синтаксиса и т. д., но кстати сказать, в этих упреках, особенно идущих из Финляндии, иногда есть предвзятость и излишняя придиричивость»¹.

Таким образом, догоняющий характер построения национальной культуры на основе процессов мимезиса сказывался на характере печатных средств коммуникации.

Практическая работа по форматированию национальной культуры Карелии возлагается на плечи лингвистов-переводчиков. Фольклоризация национальной культуры изначально касалась содержания: карельский эпос считается ее квинтэссенцией. Процессы мимезиса и гибридности затрагивают языковую форму изложения этого эпоса. Карельские народные сказания перерабатываются и излагаются в соответствии с нормами финского литературного языка. Но этот фольклор идеализируется и представляется утопией, которая должна отражать первобытную мудрость и счастливое состояние карельского народа. Кроме того, отсутствие советскости в содержании текстов влечет за собой риск сопоставления фольклоризации с буржуазно-националистским уклоном. Во избежание этого риска тексты советских писателей, переведенные с русского на финский язык, постепенно вытесняют карельский фольклор. Из протокола учебно-методического Совета Министерства просвещения КФССР, 1950 г.: «Хаттунен С. С.

¹ НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 113, л. 37–39.

Хрестоматия должна обеспечить учащимся коммунистическое воспитание в духе советской национальной гордости, но рукопись не соответствует этим требованиям. Большая часть текстов пессимистичны, показывают тяжелое положение финского народа. Эти произведения не соответствуют воспитательным задачам советской школы, а поэтому их следует снять и заменить советскими современными произведениями. Не имеют воспитательной ценности и сказки. Часть пословиц устарела. Не соответствует нашей действительности. В заданиях неуместные увязки с современностью. Песни также устарели. Хотелось бы дать детям жизнерадостных содержательных песен»¹.

Языковой мимезис сопровождается процессами гибридизации при форматировании национальной культуры: определением «правильных» пропорций и дозировок текстов русского, советского, финско-коммунистического и карельско-фольклорного содержания. Но соблюдение этих идеальных пропорций оказывается задачей, непосильной для малочисленного штата переводчиков: они не успевают перевести с русского на финский массу произведений советских писателей. В результате начальник управления школ Министерства просвещения КФССР Талонпойка объявляет: «Из-за отсутствия переводов на финский язык ряда произведений русских классиков, Министерство просвещения КФССР предлагает во втором полугодии 1953–54 учебного года в 8-х классах литературу на финском языке не преподавать. Эти произведения должны быть изучены на русском языке на уроках русской литературы. Один час в неделю, предусмотренный учебным планом на изучение карело-финской литературы, рекомендуется использовать на развитие речи и письмо сочинений на финском языке»².

Таким образом, русификация и советизация корпуса литературы влекла за собой исчезновение даже внешних, языковых проявлений национальной культуры. Продолжающаяся издаваться масса печатных изданий на финском языке не имеет никакой реальной культурной ценности для жителей Карелии. В соответствии с негласным консенсусом, власти не ждут от населения прочтения выпущенных в свет на финском языке 40 томов сочинений В. И. Ленина или двух томов «Капитала» К. Маркса³. Эти издания носят афишированный пропагандистский характер и предназначаются для отправки в соседнюю

¹ НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 205а, л. 36–37.

² НА РК, ф. 1192, оп. 3, д. 410а «Программы для нерусских школ. 1951 г.», л. 43.

³ Колосенок С., Моносов И. Указ. соч. С. 76; НА РК, ф. 3, оп. 8, д. 26 «Приложение к протоколу № 35, п. 4 заседания бюро обкома КПСС – гранки перевода на финский язык 16 тома собрания сочинений В. И. Ленина, 31 октября 1957 г.». 251 л.

буржуазную Финляндию. С теми же целями Карельским книжным издательством печатаются в 1945–1957 годах 923 названия произведений советских авторов на финском языке¹. С 1945 по 1959 г. было выпущено на финском языке 1067 названий книг, тиражом 3674 тысяч экземпляров. Директор Госиздата КАССР И. Осипов с гордостью отчитывался о том, что «финский читатель получил многие отдельные произведения классиков марксизма-ленинизма, материалы XX и XXI съездов КПСС, учебник Политэкономии, серию брошюр по философии в помощь партийному просвещению, двухтомник воспоминаний о Ленине. Готовится выпуск учебников основ марксизма-ленинизма, Основ марксистской философии. Вышла из печати книга „Жить в мире и дружбе“, о поездке Хрущева в США. Издается также художественная и детская литература»².

С января 1961 г. издание книг на финском языке перешло к специально созданной финской редакции издательства «Прогресс». Планы этого издательства поражали грандиозностью, а их осуществление требовало огромных затрат.

По содержанию художественная литература, предназначенная на экспорт, отвечает требованиям эпохи и выступлению Хрущева на XX съезде КПСС «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Карельские писатели старательно подчеркивают роль народных масс как творцов истории, чем вызывают одобрение заведующего отделом пропаганды и агитации Карельского обкома КПСС Л. Колмовского³. Книгообмен через В/О «Международная книга» и Торгпредства СССР в Финляндии проходит через строгую процедуру контроля в Карельском обкоме партии, функционеры которого чувствуют себя экспертами не карельской национальной, а советской культуры в ее экспортируемом выражении. Так, секретарь обкома В. Смирнов дает рекомендации в ответ на письмо финляндского почитателя советской литературы:

«Общедоступную библиотеку по философии, о которой говорится в письме товарища В. Песси, обком партии считает целесообразным

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 755.

² НА РК, ф. 3, оп. 11, д. 142 «Программа и состав делегации Компартии Финляндии в Карелию, справка изд-ва КАССР об издании книг на финском языке на экспорт за 1945–59 гг., переписка об издании монографии И. И. Сюкияйнена „Революция 1918 г. в Финляндии. 7 июня 1960 – 1 января 1961 г.“», л. 19.

³ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 58 «Справка обкома о состоянии литературы в Карелии, переписка с ЦК КПСС, министерствами и ведомствами СССР по вопросам подготовки декады литературы и искусства Карелии в Москве, издания политической литературы на финском языке, завершении строительства телецентра и др. 21 марта – 30 декабря 1958 г.», л. 2–3.

несколько разнообразить по тематике и увеличить количество брошюр до 12 названий. Госиздату Карельской АССР дано указание начать немедленно работу над этими брошюрами. Издательство имеет возможность перевести и издать к концу года следующие шесть брошюр:

1. Богуславский „В чем состоит основной вопрос философии“
2. Друянов „Материя и формы ее существования“
3. Платонов „Всеобщая связь и развитие в природе и обществе“
4. Шершенко „Борьба материализма и идеализма в наши дни“
5. Каммари „Что такое базис и надстройка“
6. Глезерман „Общественное бытие и общественное сознание“

Учитывая просьбу тов. Песси о высылке им ряда брошюр, которые могли бы быть рекомендованы для перевода в Финляндии, обком партии считает целесообразным рекомендовать следующие брошюры:

1. Фурман „Что такое материалистическая диалектика“
2. Тугаринов „Законы природы и общества“
3. Молодцов „Что такое возможность и действительность“
4. Цамерян „Что такое исторический материализм“
5. Глезерман „Способ производства и его роль в развитии общества“
6. Фишер „Как человек познает и преобразует мир“»¹.

Низкая популярность финноязычных изданий наводит на мысль о том, что радио- и телепередачи на финском языке также должны были носить чисто символический или пропагандистский характер. 5 часов 25 минут в неделю (46 минут в день)² радиовещания на финском языке гарантировало минимум звукового присутствия финской речи в публичном пространстве Карелии в 1959 г. Позволяет ли все вышесказанное сделать вывод об атрофированной функции финского языка в Карелии и национальной культуре этой поры? Несколько размышлений о роли финноязычного театра в республике предостерегут от поспешных выводов.

4. Театральные репрезентации национальной культуры Карелии

По словам Анн-Мари Тьес, изобретение/конструирование наций сопровождается интенсивным развитием литературных и художественных жанров с новыми эстетическими формами репрезентации. В послевоенной Карелии, в контексте очередного этапа «изобретения нации», театр получает особенно важное значение.

¹ НА РК, ф. 3, оп. 9, д. 58, л. 8–9.

² НА РК, ф. 3, оп. 10, д. 112, л. 4–5.

Как и в случае с литературой, открытие в Петрозаводске в 1932 г. театра на финском языке соответствовало установкам партийных лидеров на расцвет национальных культур. Этот факт позволил некоторым историкам утверждать, что «финская культура, до начала 1920-х годов не имевшая никакой базы в Карелии, в начале 1930-х гг. приобрела широкое влияние»¹. В чем заключалось это широкое влияние? Не имеем ли мы дело с выдачей желаемого руководителями за действительное?

Набор труппы происходил по принципу выявления скрытых талантов в народе: работники искусств отправились на их поиски в карельские деревни, где якобы ключом была художественная самодеятельность. Всех жаждающих отправили учиться в Ленинградскую художественную студию, где было организовано карельское отделение. Подкованная на самодеятельности и академически натасканная молодежь вошла в актерский состав Государственного финского драматического театра. Первым официальным успехом театра, отмеченным в «Правде», стала постановка комедии народного поэта и драматурга Карелии Я. Виртанена «Мальбрук в поход собрался», музыку к которой написали композиторы Л. Йоусинен и К. Раутио². Финская культура таким образом оказывается финской только по языковой и этнической принадлежности авторов пьесы и актеров. Национальная культура, инсценируемая на подмостках этого театра, несла зрителю в гибридной форме советскую идейную направленность.

По всей видимости, актеры решили не терять связь со средой происхождения: зимой 1936 г. труппа совершила лыжное турне по глухим деревням и лесным поселкам с программой, в которую входили чеховские водевили, пьесы о лесорубах и колхозниках, музыкальные номера, народные пляски³. Так «высокая» национальная культура Карелии предстала перед глазами местных забытых крестьян – в виде симбиоза русской классики, карельского фольклора и советского реализма, в строго выдержанных пропорциях.

В послевоенные годы к этому культурному калейдоскопу добавились постановки пьес финляндской классической и современной драматургии: «Бабье лето» и «Мудрая дева» М. Лассила, «Четвертый позвонок» М. Ларни, «Мы господ» Хярмя⁴. Однако оригинальных пьес на финском языке было недостаточно, чтобы заполнить и периодически обновлять репертуар театра. Как и в случае с литерату-

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 494.

² Там же. С. 106.

³ Там же. С. 107.

⁴ Колосенок С., Моносов И. Указ. соч. С. 105–148.

рой, в 1957 г. финский театр перерабатывает переводные пьесы советских авторов и русскую классику: «Финским драматическим театром поставлены пьесы „Васса Железнова“ Горького, „Любовь Яровая“ Тренева, „Сын рыбака“ Лациса, „Персональное дело“ Штейна. Впервые на советской сцене театр осуществил постановку пьес „Люди с Дангора“ Нексе и „Женщины Нискавуори“ Вуолийоки. Музыкально-драматическим театром поставлены „Кремлевские куранты“ и „Сонет Петрарки“ Погодина, „Разлом“ Лаврениева, „Золотая карета“ Леонова, „Деньги“ Сафронова, „Последняя жертва“ Островского, „Испанцы“ Лермонтова. В репертуаре этого театра имеются музыкальные спектакли — „Вольный ветер“ и „Белая акация“ Дунаевского, „Свадьба в Малиновке“ Александрова, оперетты „Нищий студент“ Миллекера, „Фиалка Монмартра“ Кальмана, „Летучая мышь“ Штрауса»¹.

Приверженность финскому языку в 1957 г., после решения о русификации системы образования в Карелии, кажется пережитком и неадаптированностью театра к новым языковым практикам времени. По всей вероятности, языковое выражение национальной культуры театральными средствами оставалось последним форпостом высокой, пусть и гибридной, национальной культуры Карелии. Потеря этого инструмента национальной дистрикции символизировала смерть «воображаемого сообщества». Тем не менее публика финского театра не состояла исключительно из носителей исчезающего из публичной сферы финского языка. Система синхронного перевода, впервые введенная в этом театре в масштабе СССР, помогала новым русскоязычным зрителям приобщаться к образчикам национальной культуры². Если издание советской литературы на финском языке подчинялось целям международной пропаганды, пьесы на финском позволяли сохранить минимум видимости национальной специфики Карелии, выставляемой на общесоюзное обозрение в рамках декад Карелии в Москве³.

Связанная с внешнеполитическими факторами ориентация на финскую языковую основу при воссоздании/обновлении национальной культуры Карелии в первое послевоенное десятилетие заводит в тупик новую волну коренизации, ограничивая образовательные и карьерные возможности представителей титульных наций. Отсутствие финноязычной культурной элиты сводит на нет попытки финнизировать систему образования и приводит к некоторому культурному

¹ НА РК, ф. 3, оп. 8, л. 49, л. 41–42.

² *Кирвесмиес II*. Карелия глазами финских друзей. Петрозаводск, 1962. С. 68.

³ НА РК, ф. 3, оп. 8, л. 49.

вакууму. Когда попытки создания национальной финноязычной культуры оканчиваются провалом, понятие национальных кадров лишается своей языковой основы, категория «национальность» отрывается от родного языка и оказывается увязанной исключительно с происхождением. При этом миссианство русского народа оправдывает потерю языкового компонента в карельской национальной культуре. Русификация на втором этапе коренизации представляется как результат эволюционистского процесса поглощения менее развитого народа более развитым. Властные структуры поощряют подражательные тенденции карел в отношении русского языка и культуры. Финноязычная пресса не обладает достаточной цементирующей силой, чтобы сплотить «воображаемое сообщество» и служить его коммуникативным инструментом. Выхолощенная национальная культура, рискующая потерять последние признаки отличия на общесоюзном уровне, зиждется на элементах фольклора и переводных постановках советских авторов. В этой ситуации оживление туристических контактов с Финляндией в годы «Оттепели» влечет за собой меньше риска подпадания жителей Карелии под влияние чуждой им идеологии. Вряд ли эта «дружественная» политика была рассчитана на реальное общение на одном и том же языке. После принятия решения о русификации, убедившись в слабом уровне владения финским языком местного населения, карельские руководители организуют в 1957 г. в Петрозаводске фестиваль финляндских фильмов, которые посетило более 30 тыс. человек¹. За 1960 год карельские кинотеатры показали 12 финских фильмов...²

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 754.

² *Кирвесмес П.* Указ. соч. С. 71.

Людмила Вавулинская

Культурные связи между Карелией и Финляндией в 1950–1970-е годы

В современных условиях значительно возрос интерес мирового сообщества к проблемам культуры и ее роли в развитии международных отношений. В связи с углублением экономической, политической интеграции различных регионов культура приобретает огромное значение в сохранении и развитии национальной самобытности как целых государств, так и национальных общин¹. Значительный научный интерес представляет изучение исторического опыта межкультурной коммуникации в диалоге сопредельных регионов – Карелии и Финляндии, имеющих давние традиции приграничных экономических и культурных связей. Межкультурные контакты этносов-соседей приобрели новое политическое и социальное наполнение в 1950–1970-е гг., когда период идеологической конфронтации и культурного изоляционизма в советско-финляндских межгосударственных отношениях (1917–1944 гг.) сменился курсом на сближение обеих стран, закрепленным договором 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

В развитие Договора в последующие годы был заключен ряд соглашений, регулирующих разнообразные стороны взаимодействия двух стран, в частности, Соглашения о научно-техническом (16.08.1955 г.) и о культурном сотрудничестве (27.08.1960 г.), способствовавшие обмену делегациями литераторов, журналистов, кинематографистов, деятелей театра, ученых, музыкантов. Соглашение о культурном сотрудничестве в дальнейшем конкретизировалось межправительственными Программами сотрудничества в области культуры, науки и образования на очередные пять лет. В 1970–1980-е гг. были заключены Соглашения о сотрудничестве в области туризма (26.04.1974 г.), о сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией Финляндии (15.05.1980 г.) и др.² Международные культурные связи СССР в этот период, как и в 1920–1930-е гг., широко использовались для решения

¹ Шукина Т. А. Международные инициативы Канады в области культурной политики // США. Канада: Экономика. Политика. Культура. 2002. № 2. С. 68.

² Советско-финляндские отношения. 1948–1983. Договор 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в действии. Документы и материалы. М., 1983. С. 22–23, 82, 249–250, 388–392.

пропагандистских, политических, дипломатических и экономических задач. Руководство Советского Союза рассматривало Финляндию как посредника в установлении широких экономических и культурных отношений с североевропейскими странами для достижения успеха в борьбе с капитализмом мирными средствами.

Переход к более широким культурным контактам двух стран происходил постепенно. Для начала 1950-х гг. было характерно сохранение жесткого администрирования и строгого цензурного контроля, чрезмерная идеологизация литературы и искусства. 14 июня 1951 г. бюро ЦК КП(б) республики (с 1940 по 1956 г. – Карело-Финская ССР) рассмотрело вопрос о недостатках и мерах улучшения республиканской газеты «Totuus», выходявшей на финском языке. Редакции газеты было поставлено в вину «слабое освещение успехов СССР, недостаточная пропаганда преимуществ социалистической системы хозяйства, руководящей роли партии в коммунистическом строительстве»¹. На собрании актива работников искусств республики, состоявшемся 14 января 1952 г., в качестве положительного момента в работе ансамбля «Кантеле» отмечалось создание ряда новых современных песен и отказ от песен, «несущих в себе черты западно-финляндской музыкальной культуры»².

В феврале 1952 г. бюро ЦК партии республики рассмотрело вопрос о репертуаре драматических театров Карело-Финской ССР. Руководству Финского драматического театра был высказан упрек в увлечении произведениями писателей буржуазной Финляндии. В постановлении бюро подчеркивалось, что советскому зрителю чужды «человеконенавистническая направленность» главного героя трагедии А. Киви «Куллерво», «отсутствие стремления к изменению окружающей действительности и утверждение идеала финской буржуазии» в романе А. Киви «Семеро братьев». Не отвечающими задачам идеологического воспитания трудящихся были названы и поставленные театром пьесы финского писателя М. Лассила «Мудрая дева», «Молодой мельник», инсценировка повести того же автора «Воскресший из мертвых». Управлению по делам искусств было предложено усилить контроль за осуществлением репертуарных планов театров, улучшить работу художественных советов при учреждениях и театрах, подвергая глубокому и обстоятельному критическому разбору новые пьесы и театральные постановки³.

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. П-8, оп. 82, д. 29, л. 178–182.

² Там же, ф. Р-2150, оп. 1, д. 262, л. 4.

³ Там же, ф. П-8, оп. 86, д. 82, л. 55–58.

Видные писатели республики А. Тимонен и У. Викстрем выразили свое несогласие с оценкой произведений финских писателей и подготовили письмо «Против вульгаризации наследия прошлого», направленное в редакцию газеты «Правда». В нем подчеркивалось, что передовые финские писатели не отказались от национальных традиций, а обратились к темам «Калевалы», творчески переосмысляя их. Так, в трагедии А. Киви «Куллерво», построенной на заимствованном из «Калевалы» сюжете, показана борьба против рабства и угнетения, но герой пьесы одинок в своей мести и гневе. А. Тимонен и У. Викстрем считали, что партийные органы республики допустили вульгаризацию образа Куллерво, проявив тем самым нигилистическое отношение к лучшим достижениям культуры прошлого¹. Вопрос о письме писателей А. Тимонена и У. Викстрема в газету «Правда» был рассмотрен на заседании бюро ЦК партии республики 27 сентября 1952 г. Авторы письма обвинены в некритическом отношении к литературе буржуазной Финляндии и попытке поставить культуру финской нации в привилегированное положение по отношению к культуре других народов². Спустя почти три месяца А. Тимонен был освобожден от обязанностей Председателя Правления Союза писателей республики, а У. Викстрем – от обязанностей зам. секретаря партийной организации ССП КФССР.

В республике в широких масштабах осуществлялось издание книг на финском языке, в первую очередь, произведений классиков марксизма-ленинизма. В 1950–1952 гг. в Карелии были изданы на финском языке 149 тыс. экземпляров трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина³. Госиздатом республики за это время выпущено 579 наименований книг, в том числе 348 – на финском языке. В республике издавались 3 газеты и 1 журнал на финском языке⁴.

В 1953 г. Секретариат ЦК КП Карело-Финской ССР принял следующие постановления: «О дополнительном издании на финском языке сочинений И. В. Сталина», «Об издании на финском языке материалов сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК КПСС», «Об издании на финском языке учебных пособий для слушателей начальных комсомольских политекружков», «О проведении подписки на 4-е издание сочинений В. И. Ленина на финском языке», «О демонстрировании фильмов на финском языке», «О комиссии по переводу кинофильмов на финский язык»⁵.

¹ НА РК, ф. П-8, оп. 99, д. 472, л. 10–25.

² Там же, оп. 86, д. 87, л. 2–3.

³ Там же, ф. П-1230, оп. 62, д. 13, л. 191.

⁴ Там же.

⁵ Там же, ф. П-8, оп. 93, д. 68, л. 23; д. 70, л. 8; д. 71, л. 54, 90, 91.

Однако в середине 1950-х гг. изменилась внешнеполитическая ситуация, и началась подготовка к преобразованию Карело-Финской ССР в Карельскую автономную республику (1956 г.), что обусловило ряд дискриминационных мер в отношении финского языка. В 1954 г. перестала выходить финноязычная газета «Totuus», выпуск которой возобновился спустя два года в виде перевода на финский язык газеты «Ленинская правда». В связи с переводом школ на русский язык обучения (1954 г.) была свернута подготовка учителей на финском языке, в 1955 г. ликвидированы финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, позднее, в 1958–1962 гг., было закрыто финское отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. Таким образом, финский язык был фактически исключен из общественно-политической и культурной жизни республики. Функционирование финского языка поддерживалось в той мере, которая создавала определенную видимость государственной заботы о финском языке и о традициях культуры местных финнов.

Общественно-политический подъем, вызванный XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездами партии, и некоторые послабления в руководстве литературой и искусством способствовали оживлению культурной жизни в стране. С середины 1950-х гг. расширились культурные связи СССР с зарубежными странами. Культурный обмен, по замыслу советских лидеров, должен был способствовать пропаганде успехов социализма, росту числа друзей СССР в мире и играть вспомогательную роль в решении внешнеполитических задач¹.

Расширению культурного сотрудничества способствовало и преобразование республиканских обществ культурной связи с заграницей в общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, открытие в союзных республиках, ряде краев и областей РСФСР отделений этих обществ. Эти акции были предприняты на основе решения ЦК КПСС от 2 августа 1958 г. «в целях дальнейшего улучшения работы по развитию дружественных связей советского народа с народами зарубежных стран»². Расширение разнообразных культурных контактов на межгосударственном и межличностном уровнях в 1960-е гг. явилось реальным проявлением «оттепельных процессов», а также начавшегося периода так называемой «финляндизации», «неотъемлемой частью которой были хорошие и даже замечательные отношения с Советским Союзом. Финляндизация была популярной в народе

¹ Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–60-е годы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2000. С. 27.

² XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991. С. 345.

политикой, и с ней в действительности было связано не только соглашательство с Советским Союзом, но и положительное отношение ко всему русскому. В международном ракурсе ситуация была уникальной, и даже с российской стороны финнов считали „почти что нашими“¹.

Большую работу по укреплению культурных контактов между двумя странами проводило организованное 1 декабря 1962 г. Карельское отделение общества «СССР – Финляндия». В 1965 г. были установлены побратимские отношения столицы Карелии – Петрозаводска – и города Варкауса (Финляндия). Вошли в традицию взаимные гастроли театральных и концертных коллективов, обмен режиссерами, художественными выставками.

В 1960-е гг. в Карелии побывали на гастролях известный в Финляндии ансамбль песни и танца «Кийкурит», хоры из гг. Турку, Куопио, Хельсинки, духовой оркестр из г. Коккола, финский народный театр г. Ювяскюля, ансамбль песни и музыки г. Тампере и др. В 1961 г. по просьбе ЦК КП Финляндии для обслуживания митингов, посвященных выборам президента Финляндии, выезжала бригада карельских артистов в составе 18 человек. Бригада выступала в 16 городах и рабочих поселках, на рабочих собраниях в течение трех недель².

В 1968 г. группа артистов республики побывала в северной Финляндии. В одном только округе Каяни состоялось 18 выступлений, на которых присутствовало более 15 тыс. зрителей³. Во многих населенных пунктах мастера искусства из Карелии были первыми советскими артистами, выступавшими перед финскими зрителями. В Финляндии показывали свое мастерство артисты балета Петрозаводского музыкально-драматического театра, группы артистов ансамбля песни и танца «Кантеле» и филармонии. В 1968 г. балетмейстер В. Мальми в течение месяца консультировала самодеятельные танцевальные коллективы Финляндии. В Карелии побывал главный редактор журнала «Ajan kuvat», органа общества «Финляндия – СССР», О. Хелин, подготовивший ряд интересных очерков о Карелии, а также документальный фильм, который демонстрировался по финскому телевидению. Премия Союза журналистов Карелии за 1968 г. была присуждена Т. Э. Пертту за цикл очерков о Финляндии «У наших соседей», опубликованном в ноябре 1968 г. в газете «Neuvosto-Karjala»⁴.

¹ *Вихавайнен Т.* Из «рюсса» в «советикусы» – из «советикусов» в русские. Революция в представлении соседей // Два лика России / Под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2007. С. 319.

² НА РК, ф. Р-243, оп. 1, л. 45, л. 11.

³ Ленинская правда. 1968. 21 сентября.

⁴ Там же. 1969. 1 мая.

25 сентября 1969 г. в Петрозаводске состоялась встреча руководителей Министерства культуры и Совета профсоюзов Карельской АССР с представителями общества «Финляндия – СССР», на которой обсуждались вопросы культурного обмена между Карельской АССР и Финляндией. Финская сторона выдвинула ряд интересных предложений: об организации в Петрозаводске выставки экспонатов театрального музея, посвященного 50-летию истории финского театра, выставки произведений художников г. Рованиеми в Петрозаводске, об обмене актерами, режиссерами, дирижерами, балетмейстерами, хормейстерами для участия в спектаклях театров Карелии и Финляндии. В свою очередь, участники встречи – представители Карелии – предложили принять у себя один из народных театров Финляндии, один из хоровых коллективов, одного из режиссеров, а также установить контакты между музеем «Кижы» и финским музеем на острове Сеурасаари с целью сохранения этих памятников деревянной архитектуры¹. В протоколе встречи было зафиксировано: «Поскольку общая линия на укрепление культурных связей нашей республики с вашим обществом ясна и поддержана Москвой, мы также их горячо поддерживаем»². В рамках достигнутых договоренностей в Финляндию в октябре 1969 г. выезжал директор Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории Г. И. Лапчинский для ознакомления с постановкой музыкального образования в Финляндии и сбора материалов о советско-финских музыкальных связях.

С 16 по 27 июля 1970 г. в Финляндии прошли гастроли Государственного ансамбля песни и танца КАСР «Кантеле». Было дано 10 концертов, на которых присутствовало 7590 зрителей. «Несмотря на сложность нынешней политической обстановки в Финляндии по отношению к нам мы не чувствовали никаких враждебных выпадов, никаких попыток к провокационным выступлениям, – подчеркивал руководитель делегации и гастролей, инспектор по искусству Министерства культуры Карельской АССР С. В. Колосенок. – В Финляндии мы встречались с различными людьми, представителями разных слоев общества: с рабочими, интеллигенцией, молодежью, служащими, руководителями городов и поселков. Все они выражали симпатии к нашей стране, одни восторженно, другие – холодно, но вежливо»³.

Несмотря на то, что «свобода художественного творчества и при Хрущеве оставалась весьма стесненной, ограничивалась не только идеологическими, но и эстетическими догмами прошедшего времени,

¹ НА РК, ф. Р-243, оп. 1, д. 45, л. 22.

² Там же, л. 23.

³ НА РК, ф. Р-243, оп. 1, д. 45, л. 35, 37–38.

это было для нашей культуры героическое и радостное время освобождения от искусственных грубых ограничений, энергичного и невероятного быстрого творческого развития. Появилась возможность читать книги зарубежных авторов – и новые, и накопившиеся за годы „холодной войны“, видеть на наших экранах фильмы крупнейших режиссеров мира, в выставочных залах – современную живопись, графику и скульптуру Запада¹.

Постепенно в СССР, в том числе в Карелии, становились известными произведения финляндских писателей. В обстановке доверия оживилась переводческая деятельность. В СССР были переведены произведения Ю. Ахо, А. Бундестам, К. Вала, Э. Диктониуса, А. Осканен, И. Каллио, Б. Карпелана, Э. Сяйся, С. Кекконен, А. Киви, М. Ларни, М. Лассила, Э. Лейно, И. Линнанкоски, В. Мери, А. Нурдгрэн, В. Хувинен, З. Топелиуса, А. Туури, П. Хаанпяя, Х. Юлитало, К. Чильмана и др.

В 1961 г. издательство «Прогресс» открыло в Петрозаводске финскую редакцию, главной целью которой являлось знакомство читателей Финляндии с произведениями классиков марксизма-ленинизма, пропаганда общественно-политической литературы и произведений советских писателей. Вся литература издавалась по заказу финской фирмы Демократического Союза народов Финляндии «Kansan kulttuuri» («Народная культура») и направлялась в Финляндию через организацию «Международная книга», находившуюся в ведении Министерства внешней торговли СССР.

Издательство осуществило выпуск на финском языке собрания сочинений В. И. Ленина, избранных произведений В. И. Ленина в четырех томах, ряда ленинских тематических сборников. Карельские писатели и литературоведы вели большую работу по переводам лучших произведений русской классики, современной советской литературы на финский язык. За первые четыре года существования издательство «Прогресс» выпустило 105 названий книг советских авторов на финском языке². Позднее увидели свет произведения К. Симонова, Ю. Германа, О. Гончара, В. Пановой, Ч. Айтматова, А. Фадеева и других советских писателей.

Регулярно знакомили советского читателя с произведениями финских писателей в переводе на русский язык Карельское книжное издательство и журнал «На рубеже» (затем «Север»). Популярными для советского читателя книги финских писателей М. Ларни, В. Линна,

¹ Герчук Ю. Искусство «оттепели». 1954–1964 // Вопросы искусствознания. VIII (1/96). С. 51, 73.

² Комсомолец. 1964. 28 ноября.

П. Хаанпяя и других впервые увидели свет на русском языке в Карелии. В свою очередь, финский читатель имел возможность познакомиться с произведениями писателей Карелии. В 1967–1969 гг. издательство «Карелия» выпустило из печати 13 названий книг местных авторов на финском языке общим тиражом около 16 тыс. экземпляров¹. В журнале «На рубеже» стали чаще появляться переводы из классической и современной финской литературы на русский язык, обзорные критические статьи и книжные рецензии.

В то же время возрос интерес к Советскому Союзу в Финляндии, где переводились на финский язык книги советских писателей. В течение 1945–1970 гг. в Финляндии вышло 158 советских книг в финских переводах², в том числе произведения М. Горького, М. Шолохова, В. Распутина, В. Белова и др.

Большую работу по укреплению творческих связей проводила редакция органа Союза писателей Карелии, финноязычного журнала «Punalippu» (ныне «Carelia»), который начал выходить на финском языке в качестве альманаха вскоре после войны, став позднее ежемесячным журналом. В нем публиковались как произведения, переведенные с русского на финский язык, так и ряд оригинальных произведений местных авторов, пишущих на финском языке. С начала 1960-х гг. наблюдался стабильный рост тиража журнала, распространяемого по подписке в Финляндии, что обуславливалось официальной линией руководства страны, нацеленной на упрочение соседских отношений с СССР, а также необычайно высоким интересом к нашей стране в послевоенной Финляндии³. В 1965 г. более 5 тыс. подписчиков в Финляндии получали журнал «Punalippu», а в 1980 г. — уже 8,5 тыс. Тираж газеты «Советская Карелия», издававшейся в республике на финском языке, составил более 7 тыс. экземпляров⁴.

Новые возможности творческого роста открылись в 1950–1970-е гг. для Финского драматического театра. В репертуар единственной за пределами Финляндии профессиональной финноязычной труппы театра входили произведения мастеров финской драматургии А. Киви, М. Лассила, Т. Паккала и др. Основной творческий коллектив театра

¹ НА РК, ф. Р-690, оп. 11, д. 351/1731, л. 84.

² Карху Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 77–78.

³ Черненкова Е. И. Партийно-государственная идеология и гуманистическая парадигма в сфере межгосударственного сотрудничества творческих союзов Карелии в конце 50-х — середине 80-х годов // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации: Материалы науч. конф., посвященной 10-летию РГНФ 29 июня — 2 июля 2004 г. Петрозаводск, 2004. С. 178.

⁴ НА РК, ф. Р-460, оп. 1, д. 1952а, л. 153; ф. Р-690, оп. 11, д. 3424, л. 31.

состоял из артистов, прибывших в СССР из Финляндии и Канады. В 1953 г. в составе театра работали 26 человек, прибывших из Финляндии. Из 86 работников театра финнов было 51 человек, карел – 11, русских – 21, других национальностей – 3 человека. В составе национального ансамбля «Кантеле» работали 28 финнов, 38 русских, 10 карел, 3 вепса, 7 – других национальностей. Прибывших из Финляндии было 10 человек, из США – 6 человек¹.

В 1966 г. Финский драматический театр был выделен из состава Объединенной дирекции театров в самостоятельный Государственный финский драматический театр. Репертуар театра включал пьесы драматургов Финляндии: «Женщины Нискавуори» Х. Вуолийоки, «На сплавной реке» Т. Паккала, «Семеро братьев» и «Куллерво» А. Киви, «За спичками», «Молодой мельник» и «Воскресший из мертвых» М. Лассила, «Кража со взломом» М. Кант.

В 1971 г. в 10 городах Финляндии была показана пьеса А. Тимонена «Примешь ли меня, земля карельская?». Финские режиссеры приглашались для постановки спектаклей в театрах республики. Курт Нуотио поставил в Финском драматическом театре спектакль по пьесе А. Миллера «Охота на ведьм» (1968 г.), Сакари Пурунен осуществил постановку спектакля по пьесе Ж. Ануя «Жаворонок». Многого пришлось осваивать: и незнакомый быт, и поиск своеобразных характеров персонажей, и трудность общения с режиссером через переводчика. Петрозаводские зрители высоко оценили новые творческие удачи театрального коллектива.

Заслуженная артистка Карелии, зав. труппой Финского драматического театра Е. Корнилова вспоминала: «Критики из Москвы и Санкт-Петербурга всегда отмечали, что наш театр – это театр единомышленников, театр очень высокой европейской культуры. Как удавалось Национальному театру производить такое впечатление, не объяснить. Видимо, это было в крови у основателей театра, приехавших в Карелию из Финляндии и Америки, а они сумели передать это следующим поколениям актеров. Театр приглашал режиссеров из Ленинграда и Финляндии. Первым к нам приехал Курт Нуотио. Он поставил пьесу Миллера «Охота на ведьм». Великолепный был спектакль. Но, к сожалению, в репертуаре театра он не задержался. Когда начались гонения на Солженицына, с которым был очень тесно связан Курт, нам запретили играть «Охоту на ведьм». Вообще в то время была жуткая цензура. Прежде, чем худсовет утвердит пьесу, аннотацию на нее относили в обком партии... Мы ничего не могли сделать.

¹ НА РК, ф. Р-2994, оп. 1, д. 29, л. 41.

Репертуар диктовался обкомом партии. К финским комедиям меньше придирались – там политики-то не было. Страдала обычно советская драматургия... Хорошо, что у нас работали финские режиссеры – они, как доноры, вливали новую кровь в театр. Глотком свежего воздуха в 1960–1970-х годах для нас были также гастроли, особенно в Ленинград, в Эстонию и Финляндию»¹.

В 1960-е гг. в Карелии побывали на гастролях народные театры из гг. Пиетарсаари и Ювяскюля. «Мы очень довольны тем взаимным культурным обменом между Карелией и Финляндией, который в последние годы принял довольно широкие масштабы» – подчеркнул Армас Мало, член правления Демократического культурного центра, руководитель гастролей рабочего театра из Пиетарсаари². В 1972 г. в Петрозаводске впервые побывал на гастролях ком-театр из Финляндии. Зрители столицы Карелии познакомились с политическим спектаклем-памфлетом «Финляндский король». В 1974 г. во время новой гастрольной поездки гости из Финляндии представили программы «Песни борьбы», включавшей революционные песни и произведения советских композиторов, и «Все изменится», посвященную чилийскому народному певцу Виктору Хара, казненному фашистами на стадионе Сантьяго в сентябре 1973 г.

В 1977 г. петрозаводский режиссер Тойво Хайми был приглашен в Финляндию для постановки пьесы «Сталеваары» Г. Бокарева в театре г. Оулу. В финской прессе было много откликов на премьеру спектакля. В частности, газета «Kaleva» писала: «...Несмотря на то, что в пьесе изображен иной общественный строй, „Сталеваары“ не являются экзотическим приветом из-за границы. Они дают нам много материала для размышлений о рабочей морали и профессиональной этике»³. В 1977 г. в Петрозаводске побывал на гастролях театр из г. Куопио. Об укреплении творческих связей театральных коллективов двух стран свидетельствовал тот факт, что 1978 г. был объявлен в Финляндии годом советской драматургии. 15 профессиональных театров Финляндии включили в свой репертуар произведения советских драматургов.

Динамично развивались в 1960–1970-е гг. контакты представителей творческой интеллигенции Карелии и Финляндии по организации и обмену художественными выставками. В декабре 1966 г. в г. Варкаусе – побратиме Петрозаводска – прошла выставка произведений карельских художников, на которой представлено 49 произведе-

¹ Театр, который выжил...// Губерния. 2002. 23–29 октября.

² Во имя общего дела. Интернациональные связи Карелии. 1917–1977 гг. Документы и материалы. Петрозаводск, 1980. С. 240.

³ Ленинская правда. 1978. 22 марта.

дений живописи, графики и скульптуры. Выставка, как вспоминал один из руководителей муниципалитета, бывший мэр города Пууттонен, вызвала много разговоров, споров и дискуссий в общественных кругах, внесла определенное брожение в умы некоторых художников города¹.

В 1967 г. в Петрозаводске была организована выставка работ художников из Варкауса, на которой представлено более 70 картин. В день открытия выставку посетило более 700 человек. Состоялись встречи с художниками, обмен мнениями, критический разбор произведений². Всего выставку посетили 3746 человек, в том числе туристы из разных городов СССР. В числе отзывов на выставку были следующие: «Выставка интересна. Благодарим за большой труд по устройству выставки. Культурный обмен между городами-побратимами Петрозаводском и Варкаутом следует широко развивать и дальше», «...Сердечно благодарю художников г. Варкауса и работников Музея изобразительных искусств г. Петрозаводска... Когда нельзя сказать словами, то это можно сделать искусством – картины сами могут рассказать, для этого не требуется переводчика. Чаше устраивайте выставки»³.

Во время проведения Дней Петрозаводска в Варкаусе (3–9 июля 1972 г.) Карельское отделение Союза художников СССР организовало две выставки: произведений художников республики, на которых было представлено 130 работ, и выставку детского рисунка. Одновременно экспонировалась выставка фотографий, рассказывающих о жизни г. Петрозаводска. Выставки вызвали положительные отзывы горожан Варкауса. По просьбе руководства города и общества финско-советской дружбы их экспонирование было продлено на 20 дней. Большой интерес у жителей Варкауса вызвала и премьера кинофильма «Советская Карелия», выпущенного к 50-летию образования Карельской АССР. На премьере присутствовало около 300 зрителей. Было высказано пожелание о дублировании текста фильма на финский язык и его показе в различных городах Финляндии через центральное общество финско-советской дружбы⁴. На встречах и концертах во время Дней Петрозаводска в Варкаусе присутствовало около 10,5 тыс. человек, или почти каждый второй житель Варкауса⁵.

¹ НА РК, ф. Р-460, оп. 1, д. 116/10426, л. 20.

² Там же, д. 115/1042а, л. 4.

³ Там же, д. 116/10426, л. 155.

⁴ Там же, д. 173/1312, л. 53.

⁵ Ленинская правда. 1976. 25 сентября.

Культурные обмены плодотворно осуществлялись между музыкальными коллективами Карелии и Финляндии. В 1975 г. группа преподавателей и студентов Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова посетила Финляндию, где выступила с концертами. Финскому слушателю были представлены произведения советских композиторов, обработки русских народных песен. Поездке предшествовала переписка с консерваторией г. Ювяскюля, завязавшаяся в конце 1974 г. Сотрудники консерваторий обменивались информацией, рассказывали об истории и традициях учебных заведений. В апреле 1976 г. в Петрозаводске состоялись гастроли концертной группы Союза демократической молодежи Финляндии «Молодые товарищи Куопио», в репертуаре которой были песни революционной тематики, песни протеста, народные и современные песни. С этими песнями солисты ансамбля выступали на митингах, рабочих праздниках, собраниях финских левых организаций.

Карельские композиторы К. Раутио, Г. Синисало, Р. Пергамент, Л. Теплицкий создали обработки многих финских народных песен, вошедших в репертуар как профессиональных, так и самодеятельных коллективов республики.

В 1960 г. возник финский мужской вокальный ансамбль «Манок», основу репертуара которого составили финские и карельские народные песни, песни советских и финляндских композиторов. Участниками популярного в 1960–1970-е гг. в стране и за рубежом вокального ансамбля были актеры Национального театра. Ансамбль являлся неоднократным победителем городских и республиканских смотров, лауреатом всероссийских и всесоюзных фестивалей самодеятельного творчества, неоднократно гастролировал в Финляндии.

Разносторонние связи осуществлялись между финским и карельским радио. В 1959 г. в объеме ежедневного вещания Карельского радио редакции вещания на финском языке отводилось в среднем 46 мин. в день, в то время как редакции «Последних известий» – 13 мин., редакции пропаганды и передач для молодежи – 30 мин., экономической редакции – 17 мин. Значительная нагрузка на редакцию финского вещания объяснялась тем, что она в основном переводила материалы, подготовленные на русском языке¹. С 1967 г. между Государственным комитетом Совета Министров СССР по радиовещанию и телевидению и Финляндским радио действовало соглашение о сотрудничестве. На его основе происходил регулярный обмен

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 10, д. 112, л. 4.

радио и телевизионными программами, документальными, научно-популярными и художественными фильмами, сценариями, передачами концертного плана.

В 1968 г. в Финляндию выезжали редакторы карельского радио Т. Макарова и И. Никитин, подготовившие передачу «По ленинским местам Финляндии». В том же году с работой финского радио и телевидения познакомился председатель Комитета телевидения и радиовещания при Совете Министров республики П. Сепсяков и редактор Х. Мартикайнен. Несколько раз приезжал в Петрозаводск радиожурналист Унто Миэттинен, подготовивший два цикла передач о Карелии, которые транслировались по финскому радио. Журналисты финского радио произвели в Петрозаводске несколько записей спектаклей в исполнении артистов Финского драматического театра, в том числе «Егерь» А. П. Чехова, «Примешь ли меня, земля карельская?» А. Н. Тимонена и др. В 1969 г. в Петрозаводск приезжала группа финских радиожурналистов, встречавшаяся с журналистами Карелии и интеллигенцией Петрозаводска, а также глава финского радио Э. Репо, ознакомившийся с работой карельского радио и телевидения.

Одним из важных направлений сотрудничества Карелии и Финляндии в области культуры стал обмен и совместные постановки кинофильмов. В 1958 г. зрители республики увидели цветной широкоэкранный советско-финляндский фильм «Сампо», созданный кинематографистами студии «Мосфильм» (режиссер А. Птушко) в сотрудничестве с финскими коллегами студии «Суоми-фильм». В основу фильма «Сампо» положены руны «Калевалы». В нем снимались актеры Финского драматического театра Т. Ромпайнен, К. Севандер, Э. Хиппилайнен, Е. Мюрюляйнен. Фильм с успехом шел во многих городах СССР, Финляндии и других государств. На экранах республики демонстрировались художественные фильмы Финляндии: «Дерзкая девчонка», «За спичками», «Правосудие», «Прекрасная Инкери», «Соперницы», «Молочница Хилья», «Молодой мельник» и др.

В 1955 г. возобновились туристские поездки из Финляндии в СССР (поездки советских туристов в Финляндию начались спустя три года — в 1958 г.)¹. Открылась немыслимая прежде возможность туристских поездок советских граждан за границу — только групповых, под строгим надзором, но все-таки позволивших пережить чудо непосредственного соприкосновения с иными мирами, иным строем

¹ Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Образ Финляндии в советской прессе «хрущевского десятилетия» // Многоликая Финляндия... С. 353.

человеческой жизни. Все это вместе создавало совершенно новую для нашей страны культурную ситуацию, оказывало чрезвычайно сильное влияние на общую духовную атмосферу времени¹. В 1966 г. в Финляндии в организованном порядке побывало 110 туристов из Карелии. Кроме того, по вызовам родственников и другим причинам в Финляндию выезжало около 300 частных лиц. За то же время Карелию посетили около 300 туристов из Финляндии². Сотрудничество в сфере туризма достигло расцвета к концу 1980-х гг., когда количество побывавших друг у друга туристов по обе стороны границы достигало 500 человек в год³.

Однако нередко международное сотрудничество сдерживалось факторами политического порядка и бюрократическими препонами. Во главу угла при этом ставились идеологические задачи. В культурной политике 1950–1970-х гг. сохранялись жесткая партийная регламентация и утилитарно-идеологический подход к искусству. Осуществлялся строгий контроль за составом делегаций, выезжавших за границу. В условиях, когда советские граждане не имели возможности свободного выезда из страны, разрешение на заграничные поездки являлось существенным рычагом воздействия на интеллигенцию.

Развитию культурного обмена препятствовали не только политические, правовые, но и финансовые преграды. 23 сентября 1966 г. комиссия Президиума Совета Министров РСФСР по текущим делам рассмотрела вопрос о сокращении расходов в иностранной валюте на временные командировки за границу, в частности, по линии культурного сотрудничества с зарубежными странами, включая связи породненных городов. Было предложено в каждом отдельном случае при подготовке предложений о командировании за границу исходить из целесообразности поездок, сокращения состава делегаций и срока их пребывания за границей, а также ограничения расходов в иностранной валюте на устройство приемов от имени делегаций и т. д. В связи с этим в письме министра иностранных дел РСФСР председателю Петрозаводского горисполкома И. Н. Гришкину (1967 г.) предписывалось принять меры по экономному расходованию иностранной валюты и регулярно представлять Министерству иностранных дел РСФСР отчеты о поездках делегаций в зарубежные страны и об их эффективности, а также о приемах делегаций из породненных зарубежных городов⁴. При составлении плана мероприятий по сотрудни-

¹ Герчук Ю. Указ. соч. С. 51, 73.

² НА РК, ф. Р-689, оп. 17, д. 839, л. 85.

³ Петрозаводск – Варкаус – города-побратимы. Петрозаводск, 2005. С. 26.

⁴ НА РК, ф. Р- 460, оп. 1, д. 116/10426, л. 7.

честву зарубежных и советских городов на 1968–1969 гг. рекомендовалось «включать в план лишь наиболее эффективные и оправдавшие себя в политическом отношении мероприятия, не требующие больших финансовых затрат»¹.

На культурное взаимодействие оказывали влияние социально-классовые различия. Взаимодействие культур Карелии и Финляндии было вписано в более широкие рамки международного сотрудничества, мирового культурного взаимодействия. Во второй половине 1960-х гг. в СССР была выдвинута идея об обострении идеологической борьбы между социализмом и капитализмом. В связи с этим усилился контроль за осуществлением международных культурных контактов со стороны партийных организаций, органов цензуры. На совещании цензоров в Управлении по охране государственных тайн в печати при Совете Министров КАССР, состоявшемся 25 декабря 1968 г., подчеркивалось, что в ходе подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина необходимо строго контролировать журнал «Punalippu» и газету «Neuvosto-Karjala», а также телевизионные передачи через Таллин на Финляндию².

Функции идеологического контроля все больше передавались творческим организациям и их руководителям. Так, постановление Секретариата ЦК КПСС от 7 января 1969 г. «О повышении ответственности руководящих органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» фактически возложило цензуру на руководство органов информации, учреждения культуры и искусства.

В постановлении Комиссии по иностранным делам Верховного Совета РСФСР о развитии дружественных связей исполкомов городских советов депутатов трудящихся РСФСР с муниципальными органами городов зарубежных стран (1970 г.) особое внимание обращалось на повышение практической отдачи развивающихся связей и более эффективного ведения за рубежом работы по пропаганде наших достижений³.

С целью налаживания добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества в 1970-е гг. при активной поддержке советского руководства был инициирован общеевропейский процесс, который нашел выражение в созыве и деятельности Совещания по безопасно-

¹ Там же, д. 10426, л. 92.

² Там же, ф. Р-757, оп. 4, д. 32, л. 39–40.

³ Там же, ф. Р-690, оп. 11, д. 379/1850а, л. 6.

сти и сотрудничеству в Европе. Разрядка оказала большое влияние на развитие взаимодействия СССР со странами Скандинавского полуострова. Интенсивность двухсторонних связей в 1970-е – первой половине 1980-х гг. достигла за всю историю этих взаимоотношений наивысших показателей во всех сферах сотрудничества. В 1970-е гг. значительно расширились контакты между Карелией и Финляндией в области культуры, спорта и туризма по линии профсоюзных, молодежных, женских и других организаций. Был налажен обмен культурными ценностями путем организации выставок, концертов, демонстрации фильмов, издания литературы. Осуществлению взаимодействия в данной области способствовала активная деятельность обществ дружбы.

Важным направлением работы Карельского отделения общества «СССР – Финляндия» являлась организация культурного обслуживания финских строителей, участвовавших в строительстве Костомукшского ГОКа и Пяозерского леспромпхоза. В спортивном зале финских строителей в г. Костомукше почти ежемесячно проводились массовые мероприятия с участием членов правления общества, художественной самодеятельности и профессиональных артистов. Были организованы выставки произведений самодеятельных художников Карелии, работала передвижная библиотека.

Таким образом, несмотря на определенные идеологические установки, в 1950–1970-е гг. расширялись культурные связи Карелии и Финляндии. Эти контакты позволяли лучше узнать жизнь населения других стран, познакомиться с их экономикой, политикой, культурой. Сосуществование и взаимодействие культур, отличных по своим социальным признакам и традициям, содействовало их взаимообогащению и дальнейшему развитию.

Улучшение взаимоотношений между странами составляли важное условие и предпосылку для развития сотрудничества в разных сферах. В свою очередь, международные обмены в области культуры стали инструментом формирования благоприятного международного климата, способствовали снижению степени конфронтации, разрядке международной напряженности, обогащению содержания международного развития на Европейском Севере. Практически начинавшиеся с обменов официальными делегациями культурные связи все больше переводились на уровень сотрудничества между отдельными предприятиями, учреждениями и организациями, а также прямых контактов между рядовыми гражданами, что способствовало формированию культурно-психологической атмосферы, содействующей сотрудничеству и взаимопониманию.

Евгений Клементьев
Александр Кожанов

Финский язык в Карелии в новейший период

В истории функционирования финского языка в Карелии после окончания войны и до настоящего времени условно могут быть выделены три основных периода.

При выделении периодов мы исходили из того, что сочетание и сила воздействия комплекса факторов, определявших положение финского языка в течение указанного времени менялась, отражаясь на изменении его функциональных ролей.

В рассматриваемый период финский язык в республике выполнял следующие основные функции: национального языка, т. е. языка, обеспечивавшего этнокультурную и языковую идентичность финского населения Карелии, официального языка республики, иностранного языка в системе образования и языка межгосударственного общения с соседней Финляндией.

Первый период

В течение первого периода (с середины 1940-х до конца 1950-х гг.) в республике продолжалась политика «мягкой финнизации» 1940–1941 гг., прерванная войной. Эта политика выражалась в массовом открытии так называемых «карело-финских» школ, в массовом издании на финском языке общественно-политической и художественной литературы, издании газеты «Totuus» и журнала «Punalippu», работе Финского драматического театра и т. д.

Сразу после войны в районах проживания карел было введено обязательное школьное обучение на финском языке. Уже в начале 1946 г. в республике работало 118 финноязычных школ; в 1947/1948 учебном году из 579 школ республики в 106 обучение велось на финском языке, еще в 20 школах имелись классы с русским и финским языком обучения. Массовое переселение финнов-ингерманландцев в конце 1940-х гг. стимулировало рост их числа.

В марте 1949 г. бюро ЦК ВКП (б) Карело-Финской ССР приняло постановление «О мерах по улучшению работы нерусских школ республики». Значительные средства были вложены в строительство новых школьных зданий, издание учебников и учебных материалов.

Началась подготовка педагогических кадров для национальных школ, постоянно испытывавших недостаток в квалифицированных преподавателях. В 1949 г. финский язык преподавался уже в 164 школах. Большинство из них находилось в сельской местности, в районах с преимущественно карельским населением. Были открыты средние школы с финским языком обучения в г. Олонце, селах Ухта и Ведлозеро¹.

В середине 1950-х гг. политика в отношении финского языка в республике меняется. В 1954 г. правительство Карелии приняло постановление «О мерах по улучшению обучения детей в нерусских школах республики». В постановлении отмечались низкий уровень общеобразовательной подготовки учащихся по ряду предметов (математике, биологии, истории и т. д.), случаи массового отказа учащихся изучать финский язык. Сеть «карело-финских школ» и численность учащихся в них стала заметно сокращаться. С 1954 г. преподавание всех предметов в них было переведено на русский язык, а финский язык стал изучаться как предмет в 130 школах ряда районов республики. В правительственном постановлении эта мера объяснялась тем, что национальные школы «не обеспечили подготовки всесторонне развитых будущих специалистов во всех областях народного хозяйства»².

Изменения в языковой политике второй половины 1950-х гг. были вызваны двумя причинами: готовившимся преобразованием Карело-Финской ССР в Карельскую АССР (1956 г.) и начавшимся в стране переходом к всеобщему обязательному среднему образованию на основе русского языка. Этот курс закреплялся законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958 г.)³.

В возникшей ситуации политика государственного патернализма в отношении финского языка существенно ослабла. В 1955 г. были закрыты финские отделения в школьном и дошкольном педагогических училищах, в 1958 г. в Петрозаводском государственном

¹ См. подробнее: *Федорович Г. А.* Восстановление и развитие системы народного образования в Карелии в 1946–1950 гг. // Вопросы истории Европейского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1970. С. 161–171; *Вавулинская Л. И.* Образовательная школа и вопросы языковой политики в Карелии во второй половине 1940-х – 1950-е годы // Вопросы истории Европейского Севера. Проблемы развития культуры: вторая половина XIX–XX вв. Петрозаводск, 2002. С. 161–173; *Она же.* Проблемы национальной школы в Карелии во второй половине 1940–1960-х годов // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 271–274; Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 535–536.

² *Вавулинская Л. И.* Проблемы национальной школы... С. 275.

³ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 740

университете были упразднены кафедра финского языка и специальность «финский язык и литература». С 1958/59 учебного года изучение финского языка в школе полностью прекратилось¹.

В то же время по Конституции КАССР, принятой Верховным Советом республики 20 августа 1956 г., финский язык сохранил ряд функций официального языка республики. На нем наряду с русским языком следовало вести судопроизводство. Лицам, участвующим в судебных заседаниях, но не владеющим этими языками, согласно ст. 78 предоставлялись услуги переводчика. Кроме того, финский язык использовался при оформлении республиканской символики – флага и герба (ст. 111–112)².

В конце периода использование финского языка было сосредоточено в основном в сфере внутриэтнического общения, хотя и здесь его позиции стали постепенно ослабевать в связи с развитием процессов языковой ассимиляции. Увеличение общей численности финского населения с 6671 в 1939 г. до 27 829 чел. к 1959 г., или почти в 4,2 раза, происходило на фоне снижения удельного веса финнов с родным финским языком (с 80,2 до 74,2 %), что было особенно заметно в сельской местности (с 82,3 до 74,7 %). К 1959 г. примерно 50–55 % финнов в возрасте до 20 лет родным считали уже русский язык³.

Второй период

В течение второго периода (1960–1980-е гг.) функции финского языка в системе среднего и высшего образования были отчасти восстановлены. В 1960-е гг. финский язык стал возвращаться. В 1963 г. «в связи с возросшей потребностью КАССР в кадрах, владеющих финским языком», Петрозаводский государственный университет возобновил подготовку специалистов⁴.

В 1966 г. постановлением правительства республики было разрешено ввести в общеобразовательных школах республики изучение финского языка как предмета при условии наличия соответствующего контингента учащихся и согласия родителей⁵.

¹ *Старшова Т. И.* Финский язык в системе подготовки специалистов в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения. Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. С. 5–11.

² Конституция (Основной Закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1957.

³ Рассчитано по: Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 46; НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 51.

⁴ *Старшова Т. И.* Указ. соч. С. 7.

⁵ *Вавулинская Л. И.* Проблемы национальной школы... С. 276.

К 1980/1981 учебному году преподавание финского языка в разных формах (углубленно, факультативно или вместо иностранного языка) велось в 30 школах республики с общим контингентом 2717 учащихся. Вопрос о мерах улучшения преподавания финского языка в школах рассматривался в 1981 г. на специальном заседании Карельского областного комитета КПСС и Совета министров республики. Однако принятое постановление носило в традициях тех лет общий характер.

Статус финского языка как официального языка республика подтвердила новая Конституция КАССР, принятая в 1978 г.¹, хотя в сфере управления он практически не использовался.

В то же время приданный языку статус и наличие значительной группы его этнических носителей и профессиональных кадров делали необходимым и возможным сохранять такие традиционные культурно-языковые институты, как театр, пресса, радио-, телевидение, литература, обеспечивать подготовку специалистов. Наличие культурно-языковой инфраструктуры, безусловно, было важным условием сохранения и использования финского языка, однако ее значение не стоит преувеличивать. При этом действие негосударственных институтов поддержки финской этнокультурной идентичности, каким являлась, например, лютеранско-евангелическая церковь, всячески ограничивалось².

Однако ни официальный статус, ни наличие элементов национально-культурной инфраструктуры, ни изучение финского языка в школах и вузе все же не обеспечивали его выход за пределы финской этнической среды. Возможности его использования вне семьи оставались ограниченными. Знание финского языка реализовывалось прежде всего в сфере профессиональной культуры, искусства, литературы, образования и науки.

Развитие в 1970–1980-е гг. экономических отношений с Финляндией повысило востребованность в финском языке и привело к расширению сфер его использования, но по причине ограниченности контактов не особенно сказалось на росте числа его носителей.

Функции языка во внутриэтнических связях под воздействием целого ряда факторов неуклонно сужались. Численность финнов в Карелии в течение второго периода стала быстро сокращаться, причинами чего были падение темпов естественного воспроизводства,

¹ Конституция (Основной закон) Карельской Автономной Советской Социалистической Республики. Петрозаводск, 1978.

² См. подробнее: Яловицкая С. Э. Финская евангелическо-лютеранская церковь в Карелии // Прибалтийской финские народы России. С. 544–552.

которое сдерживалось низкой рождаемостью, не компенсирующей естественную убыль населения, увеличением доли пожилых возрастных групп, старением населения и ростом смертности¹.

Неблагоприятное соотношение половозрастных групп в составе финского населения, сложившееся уже в 1950-е гг., дало толчок широкому распространению национально-смешанной брачности в последующие десятилетия, как свидетельствуют данные этносоциологического обследования 1994–1995 гг.²

Интенсивное межэтническое смешение в брачной сфере наращивало темпы от поколения к поколению. К середине 1990-х гг. около трети респондентов являлись выходцами из национально-смешанных семей, среди 15–24-летних их было более 84 %, среди 25–34-летних – более двух третей, среди 35–44-летних – одна треть. В национально-смешанных браках на момент обследования состояли более 70 % опрошенных финнов, при этом почти все возрастные группы (за исключением старшего поколения) в этом отношении практически не отличались друг от друга³.

Национально-смешанная брачность стала одним из наиболее существенных факторов, повлиявших на языковую компетентность и использование финского языка. Среди родившихся в национально-смешанных семьях доля свободно владевших финским языком была в 5–9 раз ниже, чем у выходцев из этнически-однородных семей, а доля не владевших финским языком – более чем в 2 раза выше.

К середине 1990-х гг. каждый четвертый финн уже не владел языком своей национальности, при этом по языковой компетенции и

¹ См. *Клементьев Е. И.* Финны в зеркале переписи 1989 года // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. Вып. XVI. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории (Сборник статей и докладов). С. 217–227; *Бирин В. Н.* Население Карелии в XX веке (формирование этнического состава) // *Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности): Материалы междунар. науч.-практ. конф.* (6 июня 2000 г., Петрозаводск). Петрозаводск, 2000. С. 114–115.

² Обследование проводилось среди финского населения республики методом стандартизованного интервью. В выборку вошли 16 населенных пунктов (3 города, 4 поселка городского типа и 9 сельских населенных пунктов), расположенных на территории четырех административных районов, где проживало около 80 % финского населения Карелии. Общее число опрошенных составило 1431 чел., в том числе в городских поселениях 1297 чел., в сельских – 134 чел. См. подр.: *Клементьев Е. И.* Организация выборки на примере этносоциологического изучения финнов в Республике Карелия // Карелии смотрят друг на друга (Материалы российско-финляндского методологического семинара в г. Петрозаводске 17–19 мая 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 25–29; *Кожанов А. А., Яловицына С. Э.* Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // *Финны в России: история, культура, судьбы*. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

³ *Кожанов А. А., Яловицына С. Э.* Указ. соч. С. 157–158.

речевому поведению молодое (15–34 года), среднее (35–44 года) и старшее (55 лет и старше) поколения резко различались. Из поколения в поколение доля хорошо знающих финский язык сокращалась примерно в два раза (табл. 1).

Таблица 1
Степень владения финским языком по возрастным группам
(в самооценках опрошенных), %

Возрастная группа, лет	Свободно владеют	Владеют с затруднениями	Не владеют
15–24	18,6	30,0	51,3
25–34	9,7	42,2	48,1
35–44	22,6	40,3	37,1
45–54	30,5	48,7	20,7
55–64	51,5	39,1	13,4
65 и старше	76,5	20,5	0,0
Средняя по выборке	39,8	34,9	25,2

Одновременно доля свободнее владевших русским языком росла: 75 % опрошенных выше оценили знание русского языка и лишь 6,7 % – финского. Абсолютное большинство среди последних составляли лица в возрасте старше 45 лет¹.

Степень знания финского языка предопределяла его использование во внутрисемейном общении. Молодежь (15–24 и 25–34 года) дома на языке своей национальности говорила только с родителями (9–12 % ответов). Во всех остальных случаях (в общении супругов, с детьми, детей между собой) в семьях представителей этих возрастных групп абсолютно доминировал русский язык. Шире использовался финский язык в семьях респондентов в возрасте старше 45 лет, но только в общении со сверстниками и представителями старших поколений². В течение второго периода произошли постепенное вытеснение финского языка из сферы семейного общения и переход финского населения от национально-русского двуязычия к русскому одноязычию и по языковой компетенции, и в речевом поведении.

Масштабная замена финского языка русским сужала сферу функционирования финноязычной культуры. Так, например, телепередачи на финском языке регулярно смотрели 45 %, от случая к случаю – более 29 %, почти столько же слушали финские радиопередачи (45 и 23 %). Значительно ниже были показатели чтения газет, журналов и художественной литературы. Газеты на финском языке читали

¹ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Указ. соч. С. 164.

² Там же. С. 161–162.

37 % респондентов, журналы – 43 %. Около 62 % опрошенных имели в своих домашних библиотеках книги на финском языке, но лишь 5 % читали их. Для подавляющего большинства (80 %) языком приобретения к литературе являлся русский язык¹.

Низкий уровень знания финского языка и снижение его функциональной нагрузки привели к массовой смене родного языка. Темпы языковой ассимиляции стали заметно опережать темпы сокращения численности финнов, особенно в сельской местности. И чем быстрее сокращалась численность финского населения, тем чаще возникали расхождения между национальностью и родным языком (табл. 2).

Таблица 2

Родной язык финнов Карелии в городских и сельских поселениях (по данным переписей населения)

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Динамика ² , +/-
Всего финнов, чел.	27 829	22 174	20 098	18 420	-33,8
Родной язык финский, чел.	20 643	13 548	10 026	7 524	-63,6
%	74,2	61,1	49,9	40,8	
Городские финны, чел.	19 964	17 635	16 998	16 096	-19,4
Родной язык финский, чел.	14 768	10 827	8 366	6 467	-56,2
%	73,9	61,4	49,2	40,9	
Сельские финны, чел.	7 865	4 535	3 100	2 324	-70,5
Родной язык финский, чел.	5 875	2 721	1 660	1 057	-82,0
%	74,7	60,0	53,5	45,5	

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, 19/114; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990. С. 17.

Характерной особенностью и важнейшим результатом второго периода стал массовый переход от развития языковой ассимиляции «вширь» (увеличения числа финнов с родным русским языком) к ее развитию «вглубь» (преимущественный выбор русского языка в качестве родного). К концу 1970-х финны перешли так называемый «пороговый» показатель утраты родного языка, когда более 50 % представителей этноса признают родным язык другой национальности. В последующее десятилетие ориентации финнов на русский язык в качестве родного языка заметно усилились.

Дифференциация населения по возрастным группам существенно уточняет и расширяет представления о масштабах и темпах языковых перемен (табл. 3). По мере замещения поколений доля ассимилированных в языковом отношении финнов неуклонно росла. В 1970 г.

¹ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Указ. соч. С. 165.

² 1989 г. по сравнению с 1959 г.

этническая и языковая идентичности не совпадали у большинства финнов в возрасте до 30 лет, в 1979 г. – в возрасте до 45 лет, а в 1989 г. – уже в возрасте до 55 лет.

Таблица 3

Динамика языковой идентичности финнов по возрастным группам (по данным переписей населения), %

Возраст	Считают родным финский язык									
	1959 г.		1970 г.		1979 г.		1989 г.		Динамика ¹	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
До 10 лет	59,5	59,6	25,4	22,1	9,9	9,9	7,9	0,8	-41,6	-58,9
10–19	48,5	54,9	28,1	26,0	12,7	15,5	9,3	2,5	-39,2	-52,4
20–29	62,9	66,4	39,3	37,6	25,1	20,8	12,4	10,4	-50,5	-56,0
30–39	80,3	81,3	56,5	54,2	32,1	34,1	20,8	16,3	-59,5	-65,0
40–49	86,6	89,5	74,9	72,3	49,5	34,5	32,7	33,5	-53,9	-56,0
50–59	90,2	92,9	83,0	85,1	71,1	70,6	53,1	53,1	-37,1	-39,8
60 лет и старше	95,1	94,0	92,9	89,0	86,0	86,3	81,4	81,2	-14,7	-12,8

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 46; д. 13/76, 19/102, 19/114, 24/150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III... С. 17. По 1970 и 1979 гг. приведены данные по возрастным группам до 11 лет, 11–19 лет.

Сводные данные, приведенные в табл. 4, показывают, что темпы языковой ассимиляции у финнов в 1970–1980-е гг. были выше, чем у карел и вепсов, языки которых не имели письменной формы и не пользовались никакой поддержкой со стороны государства (табл. 4).

Таблица 4

Динамика языковой идентичности карел, вепсов и финнов

	1959–1970 гг.	1970–1979 гг.	1979–1989 гг.
Карелы			
Изменение численности, %, +/-	-1,7	-3,5	-3,9
Изменение численности с родным карельским языком, %, +/-	-14,3	-16,6	-19,0
Разность, %, +/-	-12,8	-12,9	-15,1
Вепсы			
Изменение численности, %, +/-	-20,1	-7,3	+1,0
Изменение численности с родным вепским языком, %, +/-	-27,3	+3,9	+6,6
Разность, %, +/-	-7,2	-3,4	+7,6
Финны			
Изменение численности, %, +/-	-20,3	-9,4	-9,2
Изменение численности с родным финским языком, %, +/-	-34,4	-26,0	-25,0
Разность, %, +/-	-14,1	-16,6	-15,8

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5, л. 46; д. 13/76, 19/102, 19/114, 24/150; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сборник III... С. 17. По 1970 и 1979 гг. приведены данные по возрастным группам до 11 лет, 11–19 лет.

¹ 1989 г. по сравнению с 1959 г.

Таким образом, комплексное воздействие различных факторов определяло главное содержание второго этапа – этапа последовательной утраты финским языком важнейшей этнической функции, функции, обеспечивающей консолидированность финского населения. К концу 1980-х гг. языковая ассимиляция финнов приобрела уже общенациональный масштаб¹.

Третий период

Демократизация общественной жизни определила условия и перспективы развития финского языка в Карелии в течение третьего периода. Начавшаяся по всей стране «языковая революция» завершилась принятием в 1990-е гг. ряда законов, защищающих культурно-языковые права народов России.

Выход СССР из международной изоляции, расширение международных культурных, деловых и т. д. контактов, изменение условий выезда за границу позволили финскому языку перешагнуть этнические рамки, расширив его социальные функции. Финский язык, сохраняя в известной степени роль средства внутриэтнического объединения, превращался в важный фактор международной и межгосударственной интеграции.

В 1990-е гг. изучение финского языка пережило настоящий бум. Финский язык стал изучаться на различных курсах, число которых постоянно росло. Карельское телевидение организовало цикл учебных программ по изучению финского языка для всех жителей республики. В помощь школе, для желающих совершенствовать знания финского языка с 1990 по 2000 г. в республике были изданы учебники, методические рекомендации для учителей, авторские программы для общеобразовательных школ, англо-финско-русский словарь, несколько сборников стихов общим объемом свыше 25 тыс. экземпляров. На многих факультетах Петрозаводского государственного университета финский язык стал преподаваться в качестве иностранного языка. Заметно возрос конкурс при поступлении в университет на специальности, связанные с профессиональным знанием финского языка².

Активную работу по расширению общественных функций финского языка вели члены Ингерманландского союза финнов Карелии.

¹ См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Финны в зеркале переписи 1989 года. С. 225; *Он же.* Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // *Финно-угроведение.* 1994. № 1. С. 41–60.

² *Старшова Т. И.* Указ. соч. С. 10.

Союз, объявив сохранение самобытной финской культуры и языка одним из основных направлений своей деятельности, регулярно организовывал кружки по изучению финского языка (в отдельные годы их число достигало 15–20), поездки молодежи в Финляндию для изучения финского языка и культуры, стажировку воспитателей дошкольных учреждений, проводил языковые олимпиады и конкурсы среди студентов и школьников. Общее число освоивших язык за эти годы составило 3–4 тыс. чел.¹

Республиканская власть поддержала инициативы карельской, вепсской и финской общественности, направленные на сохранение языка и культуры этих народов. «С целью проведения единой государственной политики в области национального развития» в 1990 г. при Верховном Совете республики была образована Постоянная комиссия по национальной политике, культуре, языку и охране исторического наследия, в 1991 г. – Комитет по национальной политике и межнациональным отношениям при Совете министров республики. В 1990-е гг. в республике были приняты законы «О статусе национального района, национального поселкового и сельского Совета» (1991 г.), «О культуре» (1994 г.), «Об образовании» (1997 г.). По Конституции (Основному Закону) Республики Карелия, принятой в 2001 г., республика гарантирует народам, проживающим на ее территории, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ст. 11). Согласно ст. 21, в республике осуществляются меры по возрождению, свободному развитию карел, вепсов и финнов, проживающих на ее территории. Перечень этих мер был закреплен в законе «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» (2004 г.) и программе к ней (2005, 2008 г.).

В конце 1980-х гг. началось изучение карельского, вепсского и финского языков в общеобразовательных учреждениях Карелии.

Основой для развития национальной школы стали принятые в республике в 1990–2000-е гг. «Программа обновления и развития национальной школы на 1991–1995 гг.» (1990 г.), «Концепция возрождения и развития языка и культуры карел, вепсов и финнов Республики Карелия» (1993 г.), «Программа возрождения и развития языков и культуры карел, вепсов, финнов Республики Карелия» (1995 г.), «Концепция развития финно-угорской школы Карелии» (1997 г.), целевая программа «Этнокультурное образование в Республике Карелия на 2003–

¹ Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов, З. И. Стрoгальщикова. Петрозаводск, 2006. С. 179, 191–193, 225.

2005 годы» (2002 г.), программы к закону «О государственной поддержке карельского, вепсского, финского языков в Республике Карелия (2004–2008 годы)»¹.

В 1990-е гг. сеть школ с изучением финского языка быстро увеличилась: в 1989/90 учебном году он изучался в 43 школах (5052 ученика), к 1995/96 г. их численность достигла максимума (103 школы, 134 223 ученика). Во второй половине 1990-х гг. численность школ в силу причин демографического характера стала сокращаться, и к 2006/07 учебному году их осталось 56 (5573 ученика)².

Расчеты показывают, что уже в конце 1980-х гг. число школ с преподаванием финского языка с избытком обеспечивало реализацию языковых прав финского населения. Так, по данным переписи 1989 г. в республике насчитывалось 290 финнов в возрасте 7–19 лет. Фактически же число изучавших финский язык было больше в 17,4 раза. Ситуация не изменилась и через десять лет. По данным переписи населения 2002 г., число финнов в возрасте 7–17 лет составляло 1360 чел. Финский язык в школе изучали 5573 чел.³

Очевидно, что большую часть учеников финноязычных школ составляли и составляют дети других национальностей. Массовый приток учащихся в финноязычные школы стал ответом на вызовы времени. По данным Министерства образования, в 2006/07 учебном году такие школы имелись почти во всех районах республики (за исключением Лахденпохского, Сегежского и Сортавальского районов), в том числе в местах компактного расселения карел. Особенно показательны данные, относящиеся к Калевальскому, Лоухскому и Олонецкому районам. В Калевальском районе, например, число изучавших финский язык в школах в 86 раз превышало численность детей-финнов, в Олонецком районе – в 41 раз, в Лоухском районе – в 16 раз⁴.

¹ См., например: Отчеты Министерства Республики Карелия по национальной политике и связям с религиозными объединениями за 1993–2005 года // Текущий архив Миннаца РК; *Клементьев Е.* Правовая защита национальных интересов: миф или реальность? // Сеть этнического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень № 40. Ноябрь–декабрь. 2001. С. 32–39; *Клементьев Е. И.* В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия. М., 2003. С. 3–60; *Строгалыщикова З. И.* Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Буржиховские чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 270–288; Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Республиканской науч.-практ. конф. 26–27 июня 2007 года. Петрозаводск, 2008.

² Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

³ Рассчитано по: Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник В. Петрозаводск, 2005. С. 4, 33; Данные Министерства образования Республики Карелия за 2006/2007 учебный год.

⁴ Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

Опросы учителей финского языка, проведенные в 1996 и в 2002 гг., показали, что и по доле хорошо знающих финский язык, и по динамике языковой компетенции изучающие финский язык опережали своих сверстников, которым преподавался ливвиковский или северокарельский диалект карельского языка¹.

Во многом это было связано с тем, что в финноязычных школах, в отличие от карелоязычных, была организована система непрерывного изучения языка².

О роли школы в сохранении финского языка и организации непрерывного обучения финскому языку в республике можно судить по текущим сведениям Министерства образования Карелии за 2006/07 учебный год. С 1 по 11 класс финский язык изучался в 3 школах (1163 ученика), со 2 по 11 класс – в 10 школах (1722 ученика), с 3 по 11 класс – в 2 школах (284 ученика), с 4 по 11 класс – в 3 школах (292 ученика), с 5 по 11 класс – в 9 школах (947 чел.). В группу школ с непрерывным изучением финского языка следует отнести также школы, в которых он преподавался со 2 по 9 класс и с 3 по 9 класс. В ряде школ финский язык продолжает изучаться с 5 по 9 класс. Иными словами, непрерывным обучением финскому языку была охвачена большая часть учащихся³.

¹ См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Современная языковая ситуация и национальная школа // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия. Материалы науч.-практ. конф. 31 октября 2002 г. Петрозаводск, 2004. С. 15–21.

² В начале 2000-х гг. Министерством образования республики разработаны требования, предъявляемые к изучающим финский язык в зависимости от длительности изучения. По действующим нормативам, ученик, оканчивающий начальную школу, должен понимать на слух речь учителя, участвовать в этикетном диалоге, рассказывать о себе, своей семье, друге, любимом животном, игре, занятии, составлять небольшие описания предмета, картинки, понимать содержание прочитанного и т. д. (Финский язык в начальной школе. Из опыта работы учителей финского языка гимназии № 17 г. Петрозаводска. Петрозаводск, 2004; Финский язык в начальной школе. Петрозаводск, 2005. С. 14). Более высокие требования предъявляются к учащимся, получающим основное общее образование. Выделим лишь наиболее важные (с точки зрения коммуникативных возможностей) требования. Это умение переходить с позиции спрашивающего на позицию отвечающего, умение целенаправленно расспрашивать, интервьюировать, приглашать к действию и взаимодействию, выражать свою точку зрения и т. д. (Региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования Республики Карелия. Петрозаводск, 2006. С. 36–63). Заканчивающие полную среднюю общеобразовательную школу должны уметь вести диалоговую (участвовать в беседе, выражать свое отношение к высказываниям партнера и др.) и монологическую речь (делать сообщения, рассказывать о своих планах, рассуждать о фактах, описывать особенности жизни и культуры России, Карелии и Финляндии и т. д.) (Там же. С. 65–71).

³ Текущий архив Министерства образования Республики Карелия.

Поэтому нас не должны удивлять следующие данные переписи 2002 г. Согласно переписи, финским языком в республике владели 22 813 человек, в том числе 9197 карел, 6958 русских, 5770 финнов, 252 белоруса, 227 вепсов, 173 украинца, 228 лиц других национальностей. По общей численности владеющих иностранным языком финский язык уступает английскому языку (49 078 чел.), но значительно превосходит численность знающих немецкий язык (12 306 чел.)¹.

Вместо заключения

В 1990-е гг. финский язык потерял статус официального языка республики. Но созданная в предыдущие годы финноязычная культурная инфраструктура не только была сохранена, но и получила дальнейшее развитие. В середине 1990-х гг. академик П. Виртаранта на вопрос о месте финского языка в Карелии ответил, что положению финского языка в Карелии «ничто не угрожает»².

Своеобразие современной языковой ситуации заключается в том, что перспективы сохранения и функционирования финского языка связаны не столько с его этническими носителями, какими являются финны, сколько с иноязычным населением республики. Если принять всех владевших в 2002 г. финским языком за 100 %, то на долю карел приходится 40,3 %, русских – 30,5 % и только 25,3 % на долю финнов³.

Возможность свободного выбора языка обучения, когда сам выбор определяется реальными жизненными потребностями, – характерная особенность настоящего времени. В этом главное, принципиальное отличие современной ситуации от ситуации 1920–1930-х гг. и первого послевоенного периода. Изменившиеся условия и новые языковые потребности, увеличив численность носителей финского языка, вывели его из сферы преимущественно внутриэтнического общения в сферу внешних, постоянно расширяющихся связей, вызванных развитием приграничного экономического, культурного, информационного сотрудничества, туризма и т. д.⁴

¹ Рассчитано по: Всероссийская перепись 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. С. 27–28.

² Карель: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2005. С. 131–132.

³ Рассчитано по: Всероссийская перепись 2002 года. Национальный состав населения Республики Карелия. Стат. сб. V. С. 27–28.

⁴ Необходимость в знании финского языка может быть проиллюстрирована таким примером: по сообщению пресс-службы Костомукшской таможни с 24 декабря 2007 г. по 8 января 2008 г. через российско-финскую границу проследовало 21 170 чел. По сравнению с новогодним периодом 2006–2007 г. число людей, пересекающих границу с Финляндией, возросло на 40 % (Курьер Карелии. 2008. 24 января).

Туулиikki Курки

Локальная, внелокальная или полилокальная литература? Финноязычная литература в Карелии во второй половине XX – начале XXI века

Фон исследования

Финноязычная литература Карелии с позиций мирового литературного процесса представляется маргинальным и малозначительным явлением, носящим локальный характер. Говорящее по-фински население представляло собой в Карелии меньшинство; литературная и издательская деятельность на финском языке были сосредоточены на очень ограниченной территории СССР¹. На протяжении всего времени своего существования, с начала 1920-х гг. до XXI в., финская литература оставалась литературой языкового меньшинства. В соответствии с данными переписи населения 2002 г., все население Карелии составляло около 700 тыс. чел., тогда как финноязычных жителей насчитывалось всего 22,8 тыс. чел.² Финноязычную литературу с некоторой долей условности можно сравнить с литературой на языках народов СССР, хотя следует сделать оговорку, что финский не являлся родным языком наиболее крупных писателей Карелии. На характер этого литературного явления, а также на его восприятие оказало влияние приграничное расположение Карелии, где за исключением отдельных периодов шло активное трансграничное взаимодействие как на уровне социальных институтов, так и на обычном бытовом уровне. Кроме того, на протяжении длительного времени эта территория была объектом территориальных и культурных споров, да и поныне она составляет предмет политических, культурных, исследовательских и туристических интересов для представителей обеих сторон³. Для кого-то финноязычная литература Карелии может

¹ *Jalava A.* Kansallisuus kadoksissa Neuvosto-Karjalan suomenkielisen epiikan kehitys. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, 1990. S. 15–16; *Kurki T.* Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // *Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M.* (eds.). Texts and Communities. Helsinki, 2007.

² Финно-угорские и самодийские народы России: статистический сборник / Ред. В. П. Марков. Сыктывкар, 2006. С. 143.

³ *Paasi A.* The Changing Meanings of the Finnish-Russian Border // *Eskelinen H., Oksa J., Austin D.* (eds.). Russian Karelia in Search of a New Role. Joensuu, 1994. С. 26–40.

показаться до некоторой степени окраинным продуктом литературы Финляндии: ведь их язык примерно один и тот же, и они связаны давними взаимоотношениями и общей историей, особенно на этапе становления литературы в Карелии в 1920-е гг., а также в период 1960-х¹.

В статье представлены размышления о том, можно ли о финноязычной литературе говорить как о локальной, и если да, то в какой степени. Не разрушится ли эта «локальность», если взглянуть на нее более пристально? Следует также помнить, что финноязычная литература, будучи одной из составляющих советской литературы, подчинялась общим законам и тенденциям. Локальность литературы можно оценивать с разных точек зрения. Она может проявляться, к примеру, в виде языковых особенностей, стиля или привязки сюжетных линий произведений к событиям местной истории и эпизодам из жизни реальных людей. Автор рассматривает локальность, с одной стороны, с точки зрения территориально ограниченной литературы, с другой стороны, понимает ее как сконструированную – т. е. сформировавшуюся при написании и при чтении². Далее будут представлены некоторые трансформации понятия «локальность», которые проникли в литературный дискурс постсоветского периода.

Используя термин *локальность*, автор апеллирует к достаточно популярным с 1990-х гг. определениям *места/локуса*, принятым в сфере культурно-антропологических и гуманитарных исследований³. В социологических и гуманитарных исследованиях *локус* понимается в том числе и как локальность (англ. *locale*), т. е. как своеобразное обрамление будничных занятий и социальных взаимоотношений, с точки зрения восприятия и соотнесенности с местом, а также как релятивистский, многоголосый концепт, который для его жителей оказывается по-разному значимым⁴. В статье автор обращается также к нарративной стороне *локуса* и локальности. На *локус* и локальность можно взглянуть и как на некие конструкции, параллельные нарративы, связанные с местами, которые могут противоречить друг другу и конкурировать между собой. Таким образом, *локусы* не только содер-

¹ Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Kuhmo; Petroskoi, 2004.

² См. также: Kurki T. Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M. (eds.). Op. cit.

³ Agnew J. A., Duncan J. S. Introduction // Agnew J. A., Duncan J. S. (eds.). The Power of Place. Bringing together geographical and sociological imaginations. London, 1989.

⁴ Rodman M. C. Empowering Place: Multilocality and Multivocality // Low S. M., Lawrence-Zúñiga D. (eds.). Anthropology of Space and Place. Locating Culture. Malden, Oxford, Victoria, 2005. P. 206–212; Hakamies P. Introduction // Hakamies P. (ed.). Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness. Helsinki, 2005.

жаты в нарративах, они сами по себе являются созданными, зафиксированными и воспринятыми нарративами¹. В таком понимании *локус* и локальность представляют собой многомерные социальные конструкции, в которых за физической территорией закрепляются политические, культурные и социальные континуумы.

С формированием локальности связан также вопрос власти, который в истории советской Карелии очень любопытен и привлекателен для исследователя. Локальность всегда предполагает некий отбор и с определенной точки зрения конструирование, когда отдельные черты культуры отбираются для репрезентации локальности, а все другие оказываются исключенными из круга этой выстроенной и поддерживаемой локальности². Локальность всегда относительна, поскольку она поддерживается в отношении чего-либо центрального или общего. И потому локальность всегда способна распадаться на более мелкие составляющие.

Финноязычные писатели Карелии

Литературная деятельность первого поколения писателей Карелии, чье творчество осуществлялось на финском языке, началась в 1920-х гг. Это поколение составили карелы, ингерманландцы, а также финские иммигранты, приехавшие из Финляндии и США. Большинство финских писателей-иммигрантов прибыло в Карелию после гражданской войны 1918 г. и позднее, в 20–30-е гг. Переселение ингерманландцев со своих территорий началось в 1920-е гг. Вновь созданную карельскую автономию возглавили финские политические эмигранты. В языковом отношении они отдавали предпочтение финскому языку и использовали его как одно из средств политики финнизации в Карелии³.

В 1930-е гг. произошло ужесточение национальной политики СССР. В конце десятилетия в результате репрессий, направленных против представителей малых национальностей, литературная деятельность на финском языке была прекращена. Финский язык утратил свой официальный статус, в употребление был введен карельский язык. Финское политическое руководство Карелии также было смещено. Многие писатели, финны, карелы и ингерманландцы по

¹ Low S. M., Lawrence-Zúciga D. Locating Culture // Low S. M., Lawrence-Zúciga D. (eds.). Op. cit. P. 16–20.

² Bhabha H. The Location of Culture. London; New York, 2007. P. 2.

³ Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004. S. 255.

рождению, стали жертвами политических репрессий. Однако финскому языку довольно быстро был возвращен статус второго литературного языка, после того как в 1940 г. была создана Карело-Финская Советская Социалистическая Республика¹. Так же быстро возродилась и издательская деятельность. Например, в 1940 г. начал выходить финноязычный литературный журнал «Пуналиппу». Его издание прервала Вторая мировая война, но выпуск журнала возобновился в 1946 г. Следующее кардинальное изменение положения финского языка было связано с понижением статуса республики до автономии в 1956 г., вместе с чем финский язык ушел из официальной сферы. На этот раз уже окончательно.

По тематике, национальному духу и этнокультурной составляющей начальный период финноязычной литературной деятельности характеризуется как более гетерогенный, нежели период после Второй мировой войны. По мнению Майи Пахомовой, писатели-иммигранты находились под влиянием раннего финского реализма и рабоче-крестьянской литературы². Вместе с писателями-карелами они создали основу для развития литературы Карелии. Безусловно, русскоязычная проза также не могла не оказать влияния на еще только формирующуюся литературу. Пестрый состав писательского сообщества и разные культурные исходные позиции сказывались и на выборе тематики произведений. Эйно Карху подтверждает, что тема Карелии была наиболее близкой для писателей-карел, тогда как ингерманландцы предпочитали писать о своем родном крае, а финны чаще затрагивали вопросы рабочего движения в Финляндии и гражданской войны 1918 г.³

После Второй мировой войны финноязычную литературу Карелии пришлось по сути создавать заново, поскольку в результате репрессий и войны из предыдущего писательского поколения мало кто уцелел. С конца 1940-х гг. на вершине литературной популярности в Карелии оказались писатели-карелы: Николай Яккола, Яакко Ругоев, Пекка Пертту и Антти Тимонен, последний из которых вскоре стал председателем Союза писателей Карелии. В последующие десятилетия одними из центральных фигур в литературе Карелии стали также ингерманландские писатели и поэты: Пекка Мутанен, Унелма Конкка, Матти Мазаев и Армас Хийри (Олег Мишин), а также финны по происхождению: Урхо Руханен, Ульяс Викстрем, Йюуко Корхонен, Тайсто

¹ *Ylikangas M.* Op cit. S. 445–448.

² *Pahomova M.* Karjalaiset tekijät tasavaltamme kirjallisuudessa // Punalippu. 1982. N 12. S. 100.

³ *Карху Э. Г.* Финляндская литература и Россия. М.; Л., 1964. С. 6–142.

Сумманен и Тайсто Хуусконен. Таким образом, финноязычную литературу Карелии представляла очень неоднородная в этническом и культурном отношении группа писателей, состоявшая из карел, ингерманландцев и финнов. В сравнении с первым писательским поколением представители второго поколения были уже в основном профессиональными литераторами и являлись членами Карельского регионального отделения Союза писателей. Однако число тех, кто пользовался финским языком, свободно писал и читал тексты на нем, было небольшим¹. В 1960–1980-х гг. число членов Регионального отделения Союза писателей, пишущих на финском языке, едва достигало 20 человек². Это было закономерным следствием того, что в 1950-е гг. в Карелии уже практически была ликвидирована сколько-нибудь приемлемая для финского языка «среда обитания». По словам писателя Матти Мазаева, в 1960-е гг. писавшие по-фински могли пользоваться языком только в общении между собой, другой возможности применения финского языка не было³.

Потенциальная читательская финноязычная аудитория тоже была немногочисленна, неоднородна и, кроме того, рассеяна по довольно обширной территории. О количестве потенциальных читателей в Карелии говорит тот факт, что в послевоенный период тиражи произведений на финском языке достигали нескольких тысяч экземпляров. Об этом же свидетельствует тираж литературного журнала «Пуналиппу». В 1950–1960-е гг. он достигал 5000 экземпляров, половина из которых отсылалась в Финляндию⁴. Численность финноязычных читателей резко сократилась в конце XX – начале XXI в. По оценке писателя Арви Пертту, данной в 1994 г., количество читателей финноязычной литературы в Карелии едва ли превышало несколько сотен человек, среди которых преобладали пенсионеры и изучающие язык школьники⁵.

В 1950–1980-е гг. произведения, признанные лучшими, переводились на русский язык и языки других советских народов. Тиражи русскоязычных книг были несопоставимо большими, чем финноязычных, доходя до десятков, а иногда и до сотен тысяч экземпляров. Это и понятно: по-русски читали гораздо больше, нежели по-фински⁶. Однако самые выдающиеся произведения финноязычной литературы

¹ Kurki T. Historical Prose and Emergent Community in Soviet Karelia // *Baschmakoff N., Fryer P., Ristolainen M.* (eds.). Op. cit. P. 40–42.

² Mazajev M. Satakymmenen elämäkertaa // *Carelia*. 1998. N 12. S. 86–87.

³ Hännikäinen I. Kerro mulle tarina // *Carelia*. 2001. N 4. S. 76–82.

⁴ Письмо Ульяса Викстрёма Вили Бергману // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1075, оп. 2, д. 202.

⁵ Perttu P. Op. cit. S. 87–91.

⁶ Интервью 16.4.2007.

переводились даже на другие европейские языки, такие как английский и испанский. Например, роман Антти Тимонена «Родными тропами» в 1959 г. был издан на русском языке тиражом 75 тыс., а в 1960 г. переиздан уже в объеме 115 тыс. экземпляров¹. Произведение А. Тимонена «Белокрылая птица» в 1961 г. в переводе на русский язык издано тиражом 100 тыс., в переводе на эстонский язык — 30 тыс. книг². Охотно читали эти произведения и в Финляндии, где литературу из Советского Союза начали активно распространять начиная с 1960-х гг. Антти Тимонен, в течение долгого времени являвшийся председателем Союза писателей Советской Карелии, с начала 1960-х гг. поддерживал тесные связи с финскими писателями, любителями литературы и издательствами литературных журналов. Переписка и личные встречи способствовали распространению литературы. А. Тимонен получал письма с откликами на произведения карельских писателей как от советских читателей, так и от финской читающей аудитории³.

Несмотря на то что финский язык был в Карелии языком меньшинства и не имел естественной среды использования, финноязычная литературная деятельность была довольно активна вплоть до конца 1980-х гг. Она была довольно локальна в том смысле, что профессиональная писательская и издательская деятельность были в основном сосредоточены в Петрозаводске, где были расположены редакции основных газет, Союз писателей и издательства. С 1950-х по 1980-е гг. в обществе о финноязычной литературной жизни Карелии сложилось представление как о довольно однородном явлении: это была литература Карелии, существовавшая как на русском, так и на финском языке. Ее развитию способствовал национально-политический курс СССР, в рамках которого государство поддерживало мероприятия по сохранению местных национальных языков, литературы и форм культуры, наряду с активной поддержкой русской культуры.

Крах локальности и единства

В 1991 г. распался Союз советских писателей, одновременно разрушилось представление об однородности литературы и развеялся так называемый «миф о карельской литературе»⁴, понимаемый нами как

¹ Письмо Антти Тимонена Антти Сеппе 5.10.1959 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202; Письмо Антти Тимонена Тойво Карвонену 1.1.1961 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

² Письмо Антти Тимонена Сайми и Антти Хейнонен 17.10.1962 // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

³ НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 202.

⁴ *Perttu A. Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta. Mietteitä Karjalan suomenkielisestä sanataiteesta Suomen kirjallisuuden osana // Carelia. 1994. N 1. S. 87–91.*

репрезентация некоего единообразия в литературе, достижение которого осуществляется в соответствии с установками языковой и национальной политики. Однако за этим единообразием стоял многоголосый и разнообразный ряд литератур, гетерогенность которого стала очевидной лишь по окончании советского периода. В 1993 г. на руинах бывшего Союза писателей оформились две организации. Наследником прежнего союза стало Карельское отделение Союза писателей Российской Федерации, параллельно с которым был еще создан Союз писателей Карелии¹. В последующий период времени литературная площадка продолжила дробиться. Помимо уже упомянутых на этом поприще параллельно существует небольшая писательская группа, переместившаяся в Москву, а также функционирующее с 1998 г. Объединение писателей, пишущих на карельском языке, — «Карьялайне Сана»². Определенным свидетельством разрозненности было также и то, что в 1990–2000-е гг. публиковались статьи с размышлениями писателей о том, частью какой литературы является финноязычная карельская литература: собственно Карелии, России или Финляндии. Или она скорее относится, как и ряд других, к группе миноритарных литератур мира?³

Сейчас в Карелии активно работают 3–5 писателей, пишущих на финском языке (к их числу автор статьи относит лишь тех, кто публикует самостоятельные художественные произведения и является членом Союза писателей. В Карелии наверняка найдутся и другие авторы, пишущие, к примеру, статьи или тексты для газет и сборников произведений). Из современных писателей Матти Мазаев (род. в 1926 г.) и Армас Хийри (род. в 1935 г.) являются представителями того поколения писателей, которые начали свою деятельность приблизительно в середине XX в. Более молодое писательское поколение представляют Э. Якобсон (он же Евгений Богданов), Аниса Кеттунен и Кристина Коротких. Между этими двумя поколениями писателей существует своего рода демографический разрыв, так как представители «среднего поколения», такие как Тойво Флинк, Арви Пертту и другие, покинули Карелию и продолжили свою писательскую карьеру в Финляндии. Однако некоторые из них не утратили связи с карельской литературой.

¹ *Öispuu J.* Runoista romaaneihin: Karjalaisuutta ja karjalankielistä kirjallisuutta Karjalassa. Tallinna, 2006. S. 16.

² *Ibid.*

³ См.: *Perttu A.* Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta... S. 87–91; *Perttu A.* Pohjanlaan kirjailijat liittykää yhteen // *Carelia*. 1996. N 4. S. 81–84; *Kolomainen R.* Arvi Perttu — Karjalan kirjallisuuden ”puuttuva rengas” // *Carelia*. 1998. N 12. S. 89–93; *Kolomainen R.* Luova kirjoittaminen — vähemmistökielen elinehto // *Carelia*. 2001. N 2. S. 3–5.

В первые годы XXI в. литература Карелии приобрела некоторые новые интересные черты. Сейчас, к примеру, большую часть статей, публикуемых в литературном журнале «Carelia», составляют переводы русскоязычных текстов. На литературной арене появляются молодые писатели, у которых финский язык является выученным, но они избрали его средством своего художественного выражения. Будущее покажет, составит ли эта молодежь новое писательское поколение (в отличие от прежних не так тесно связанное с финским языком), представители которого по профессиональным или другим причинам выучили язык и решили использовать его в своем творчестве. Для молодого поколения авторов издание произведений на финском языке имеет иную культурную ценность и особое значение, отличное от целей и представлений предшествующих поколений писателей.

В постсоветский период границы литературы Карелии изменились: в настоящее время литературный процесс Карелии строится на взаимодействии русскоязычной и карелоязычной литературы Карелии, литературы России и Финляндии, осуществляются контакты с малыми литературами других национальных меньшинств в самых широких географических пределах, а также с литературами северных регионов. Говоря о функциональном аспекте проблемы, следует отметить, что финская сторона, и в первую очередь общество «Юминкеко» (г. Кухмо, Финляндия), принимает активное участие в переиздании избранных произведений карельской литературы. В 2002 г. совместно с Государственным комитетом по делам национальной политики РК общество приступило к подготовке и выпуску серии «Классики карельской литературы». Это сотрудничество, в свою очередь, оказывает влияние на то, какая именно «локальность» или «локальности» вовлекаются в современный литературный процесс.

К новым локальным проявлениям, которые появились и получили поддержку в карельской литературе в XXI в. и с которыми в тесной связи она развивается, можно отнести также литературу других национальностей постсоветского пространства, а также все другие литературы языковых и этнических меньшинств. К примеру, Э. Якобсон (Евгений Богданов), представляющий молодое поколение поэтов, обращается к этнофутуризму, основной задачей которого является встраивание собственного национального культурного генома в современные условия, что может способствовать сохранению малых национальностей и исчезающих языков¹. Это движение распространя-

¹ *Õispuu J.* Op. cit. S. 20.

лось в молодежной интеллигентской среде от Прибалтики до Урала¹. Конкретная сеть, в которую оказались вовлечены представители карельской литературы в постсоветский период, создавшие отдельные виртуальные локальности, это сеть писателей Баренц-региона². Кроме того, довольно активно работает сеть финно-угорских писателей, которая в 2006 г. провела в Петрозаводске съезд своих членов.

С точки зрения региональности финноязычная литература Карелии в конце XX – начале XXI в. как будто бы утратила свою территориальную привязку. Писатели оказались разрознены и разобщены между собой как в смысле связи поколений, так и в географическом отношении. Все это привело к такой же ситуации, которая сложилась во многих других локальных объединениях вне зависимости от границ и языков.

Запечатленная локальность

Во второй половине XX в. одним из основных понятий в литературе было понятие местного колорита. В советский период локальный колорит указывал на типичные (даже уникальные), свойственные конкретной национальности художественные средства выражения, языковые и стилистические особенности, а также тематику³. В соответствии с разработанными программами по литературе эти местные черты, свойственные каждой национальности советского государства, должны были обогатить советскую литературу и искусство в целом. Местный колорит финноязычной литературы Карелии явно нес на себе отпечаток северной устной традиции Беломорской Карелии: калевальский фольклор и эпические песни, а также карельский язык, на котором говорили в Беломорской Карелии. Работая в рамках метода социалистического реализма, писатели должны были ездить в экспедиции по деревням и заводам, чтобы собранный там материал помог придать их произведениям более достоверный местный колорит. Но в какой степени деревни и исторические события, описанные в литературе, можно назвать местными (локальными), когда все это представляется как часть некоей целостности советской литературы?

¹ *Saxell J.* Etnofuturismi elvyttää. *Yliopisto-lehti*. 2002. N 16 (URL: http://yliopistolehti.helsinki.fi/2002_16/).

² *Perttu A.* Pohjolan kirjailijat liittyykää yhteen.

³ *Elämän vaatimusten tasolle* // *Punalippu*. 1954. N 3. S. 6–7; *Jaakkola N.* Eräistä karjalais-suomalaisen kirjallisuuden ja kirjallisuusarvostelun kysymyksistä // *Punalippu*. 1955. N 4. S. 135–136; *Mišin Armas.* Kansanrunous ja nykyrunous // *Punalippu*. 1974. N 5. S. 91–94.

Многие писатели-карелы были родом из северных деревень Беломорской Карелии. Они привнесли свой жизненный опыт и традиции в финноязычную литературу Карелии. Рост литературной популярности писателей именно из Беломорской Карелии объяснялся тем, что диалект, на котором говорили в Беломорской Карелии, больше других диалектов был близок к финскому языку, что облегчало освоение этими писателями финского языка для использования его в качестве средства художественного выражения¹. Хотя на литературном поприще трудились писатели, представляющие разные культурные контексты и разные регионы, в публичных разговорах о литературе основы финноязычной литературы Карелии связывались с устной традицией Беломорской Карелии. Кроме того, литературные журналы и пресса называли писателей из Беломорской Карелии теми, кто переносит устную поэтическую традицию калевальского стиха и эпические песни в письменную художественную форму². Например, в 1967 г. писатель Антти Тимонен представил свои размышления о взаимосвязях «Калевалы», устной поэзии и литературы советской Карелии на семинаре по фольклору в университете г. Йоэнсуу. По его мнению, устное народное творчество и поэзия являются существенной составляющей родины и менталитета северокарельских писателей, которая оказала заметное влияние и на развитие литературы: «Ухта, Войница, Вокнаволок, Юшкозеро, Паанаярви, Хайколя, Рехо, Луусалми и т. д. (я называю самые крупные деревни) на протяжении долгого времени были и остаются сокровищницей, полной стихов, сказок, ёйг, плачей, пословиц, загадок, легенд (преданий)... Родом из песенного края Калевалы и современные финноязычные писатели Карелии... Мы относимся к той возрастной группе карельских финноязычных писателей, чье детство прошло в атмосфере сказок, калевальских стихов и других фольклорных жанров. „Калевалу“ нам не преподавали в школе, она осталась у нас в душе точно так же, как родной край, знакомые тропинки и березы на берегу»³.

Связь литературы (художественной культуры) с народной традицией носила отчасти исторический характер, но отчасти была искусственно создана в советском искусстве и была важна по идеологическим причинам. Связь советской литературы и искусства с народом была существенной особенностью в определении литературы и искусства, точно так же, как и партийность литературы и искусства, т. е.

¹ *Tšikina N.* Karjalankielisen kirjallisuuden nykytila // Carelia. 2006. N 12. S. 100.

² *Pahomova M.* Op. cit. S. 100.

³ Антти Тимонен, выступление на семинаре по сотрудничеству в университете Йоэнсуу в 1967 г. // НА РК, ф. 1075, оп. 2, д. 123.

зависимость от господствовавшей в определенный период времени идеологии (народность, партийность)¹. Степень местного колорита в литературе определялась и контролировалась политическим течением в литературе и шире – национальной политикой. Локальность строилась в тесной связи с общим (общесоветским), и ее проявление в литературе и искусстве тоже контролировалось «центром». В целом описания событий локальной истории и особенностей народной жизни должны были стать частью большого повествования о советской истории и рассказа о советском обществе и культуре, соответственно, далеко не все что угодно должно было отразиться в литературе².

На практике в публичных обсуждениях литературы избранные элементы устной традиции Беломорской Карелии, такие как калевальская поэзия и эпические песни, стали выразителями локальности в финноязычной литературе Карелии и даже более – ее основополагающими элементами. Как заметил Э. Г. Карху в предисловии к «Сказанию о карелах» (*Karjalainen tarina*) Яакко Ругоева, «одной из особенностей всех упомянутых карельских писателей, и в том числе Яакко Ругоева, является то, что их творчество тесно связано с жизнью народа и устными преданиями родного края. Они писали о своих земляках, их прошлом и настоящем, образе жизни и испытаниях, выпавших на их долю.

Читатель ощущает в произведении прочную связь автора с жизнью и фольклором своего народа... Произведение очень близко к эпическому жанру, „Калевале“, народной героической поэзии. Такая эпичность возможна лишь на относительно раннем этапе развития национальной поэзии. Молодая карельская литература пережила этот этап в послевоенное десятилетие. Тогда по сути только зарождались эпические жанры, и их близость к народному эпосу была естественной»³.

Публикуемая в послевоенный период советская проза и поэзия являлись локальной литературой в том смысле, что основной писательский состав, ставший ее создателем, был родом с довольно ограниченной территории в Беломорской Карелии. Деревни и события (даже вымышленные) большинства произведений тоже зачастую локализируются в Беломорской Карелии. Локальность, следовательно, становится объектом изображения и повествования. Диалоги персонажей произведений тоже строятся в основном на разговорном языке Беломорской Карелии. Кроме того, язык, которым пользовались

¹ Hingley R. Russian Writers and Soviet Society 1917–1978. London, 1979. P. 199.

² Kurki T. Neuvostohistorian ja paikallisuuden tulkinnat Neuvosto-Karjalan proosassa // Kulttuurintutkimus. 2006. N 2. S. 39–49.

³ Karhu E. Esipuhe // Rugojev J. Karjalainen tarina. Petroskoi, 1975. S. V–VI.

писатели, был так называемым «местным» финским, который называют петрозаводским финским языком, и языком, который отличается от современного финского языка и лексически, и стилистически. Литература являлась нелокальной в том смысле, что деревни и районы, которые описывались в произведениях, были вымышленными, хотя их прообразы прочитываются между строк. Кроме того, проявление локальности регулировалось общими законами советской литературы. Язык тоже носил нелокальный характер, потому что никто по-настоящему не говорил на том языке, на котором говорили герои произведений карельской финноязычной литературы¹.

Новое прочтение локальности в XXI в.

Локальность в литературе в 90-е гг. XX в. и начале XXI в., естественно, представлена более многосложно и разрозненно, нежели в предшествовавшие этому периоду десятилетия. Сейчас голоса, оказывающие определенное влияние на формирование локальности, стали слышны гораздо отчетливее, и это несмотря на то, количество писателей сократилось кратно. Сегодня они несинхронны и опираются на разные дискурсивные традиции.

Одинаковую структуру локальности в литературе формируют переизданные произведения, впервые опубликованные в советское время: «*Kotikunnan tarina*» (Родичи) (2002) Ортъе Степанова, «*Kivenä koskessa*» (Камень в пороге) (2003) Яакко Ругоева, «*Väinämöisen venehen jälki*» (След лодки Вяйнямейнена) (2004) Пекки Пертту, «*Pirttijärven rantamilla*» (На берегах Пирттиярви) (2005) Николая Яккола и «*Huökyaallon harjalla*» (На гребне волны) (2006) Николая Лайне. Они поддерживают образ аграрной локальности, территориально соотносимой с Беломорской Карелией и прочно связанной с прошлым, а также с северокарельской устной фольклорной традицией. И хотя произведения созданы в советскую эпоху, с соблюдением всех идеологических требований того времени, они воспринимаются читателями как своеобразная квинтэссенция карельской культуры и образа жизни. Следовательно, локальность строится еще и на восприятии произведений, а сейчас толкование текста оторвалось от дискурсов, из которых складывалась локальность советского периода. Действительно, публичные высказывания о значении произведений, формирующих локальную историю и культуру, начинают появляться со вто-

¹ *Perttu A. Myytti Karjalaisesta kirjallisuudesta...; Pronina G. Olemmeko keksimässä uutta kieltä? // Punalippu. 1986. N 4. S. 124–125.*

рой половины 1960-х – начала 1970-х гг.¹ Например, молодая исследовательница литературы Наталья Чикина пишет, что в коллективной монографии «Карелы КАССР», вышедшей в 1983 г., имя Н. Яккола упоминается именно в связи с тем, что в своем произведении он соединяет народную традицию с письменной и вводит в литературу карельский народ в образе героя, который выступает в роли носителя традиций и самобытной духовной культуры². Литературовед Тамара Старшова также в своей статье 2005 г. о многотомном романе Николая Яккола писала именно как о произведении, отражающем карельскую культуру в широком смысле этого слова: «„На берегах Пирттиярви“ (*Pirttijärven rantamilla*) – первый объемный эпос, который указал дальнейший путь развития литературы, став примером национального романа. Он принес в литературу карельский дух, что проявляется в возникшем интересе к истории и характеру народа, его верованиям и образу жизни, к родной природе, культуре, традициям, языку, осознанию национальной самобытности»³.

К литературе, пронизанной карельским духом и локальностью, ассоциируемыми с крестьянским прошлым, молодое поколение писателей добавило альтернативный вариант, предложив читателям урбанистические тексты, связанные с современной локальностью. Арви Пертту в 2001 г. опубликовал «*Petroskoin symposiumi*» (Петрозаводский симпозиум), Евгений Богданов – «*Mielentiloja*» (Настроения, 2004), самым последним примером может служить сборник стихов Анисы Кеттунен и Кристины Коротких «*Pidätä hetkeksi hengitystä*» (Задержи на минуту дыхание, 2007). Произведения демонстрируют очевидный разрыв с ранней «национальной» литературой, отражающей сельскую локальность⁴.

В историческом романе «*Papaninin retkikunta*» (Папанинская экспедиция, 2006), созданном представителем более молодого писательского поколения Арви Пертту, по-новому описываются события локальной истории в Карелии. Вымышленный персонаж – американский финн, писатель-эмигрант Яакко Петтерссон – от первого лица рассказывает о репрессиях в Карелии в конце 1930-х гг., направленных против малых народов. Произведение отличается от того, что писалось о локальной истории в советский период, прежде всего, тем, что

¹ Kurki T. Kirjoitettu ja luettu kylä Neuvosto-Karjalan kirjallisuudessa // Seppo Knuuttila, Pekka Laaksonen, Ulla Piela (toim.). Paikka. Eletty, kuviteltu, kerrottu. Kalevala-seuran vuosikirja 85. Helsinki, 2006. S. 266–267.

² Tšikina N. Op. cit. S. 100.

³ Staršova T. Kansallisen kirjallisuuden klassikko // Carelia. 2005. N 4. S. 84.

⁴ Mishin A. Tuore tuulahdus Karjalan kirjallisuuteen // Karjalan Sanomat. 2007. 10 октября.

история предстает в нем более противоречиво и оценивается с разных позиций, а местное население изображается менее однородным и сплоченным, нежели прежде. Роман А. Пертту входит в тот ряд произведений литературы России и бывших советских республик, которые публиковались в постсоветский период и в которых рассматриваются и критически переоцениваются события недавней истории, в результате чего и формируется современный идентитет¹. По мнению критика Роберта Коломайнена, сквозь образы персонажей проступают героизм и предательство, жизненные идеалы и антиидеалы: «Так название „*Rapaninin retkikunta*“ (*Папанинская экспедиция*) полностью отражает содержание романа. В первой части дан образец героического „папанинского“ поведения... в другой, большей по объему, части, представлено поведение, противоположное этому образцу... Названием „*Rapaninin retkikunta*“ (*Папанинская экспедиция*) автор попадает в самую точку и в другом смысле: описанная в романе финская диаспора Петрозаводска – это своего рода „экспедиция“, оказавшаяся в чужой стране, в крайних условиях незнакомого общества „чужая группа“. Это общество даже суровее Арктики: карельских писателей-финнов расстреливали и гноили в лагерях...

„*Rapaninin retkikunta*“ (*Папанинская экспедиция*) создана на высоком художественном уровне, исторически и психологически правдивый роман о реальных людях под вымышленными именами... Повествование от первого лица, исповедь Петтерссона не мешая объективному представлению действительности. Он видит и осознает свое неприглядное существование. Несмотря на дефицит совести и малодушие, он оказался способен критически мыслить. Появление в романе такого рассказчика представляется наиболее удачным решением в сравнении со всезнающим повествователем... В жизни всегда есть место обоим. Для папанинской экспедиции и для диаспоры. Для подвига и для подлости. Для героя и антигероя. Для чести и бесчестья»².

Финноязычная литература Карелии в советский период представляла собой некий форум, в котором писатели и читатели могли представить свой взгляд (правда, под контролем) на некоторые вопросы, в том числе на локальную историю, особенности местного (карельского) языка, народную жизнь, своеобразие повседневной жизни и культуры. Это был даже некоторым образом локальный форум, по крайней мере, в том смысле, что после 1950-х гг. финский язык все более

¹ *Brown D.* The Last Years of Soviet Russian Literature. Prose-Fiction 1975–1991. Cambridge, 1993. P. 5, 18.

² *Kolomainen R. E.* Elämässä on aina tilaa kummallekin... // *Carelia*. 2006. N 12. S. 110–111.

уходил из повседневной практики, однако установки национальной и языковой политики диктовали писать на финском языке и поддерживать финноязычную литературу наряду с русскоязычной. Благодаря государственной поддержке она продолжала довольно активное существование в Карелии вплоть до конца 80-х гг. XX в.

Именно сейчас, в начале XXI в., мы оказались свидетелями интересной ситуации, когда финский язык утратил роль «обязательного» в литературе. Она перестала быть объектом политической поддержки и уже явно потеряла свой статус форума, где бы обсуждались особенности локальности и даже проблемы национального самосознания. Интересно было бы узнать, возьмут ли на себя эти функции карелоязычные издания? Роберт Коломайнен в колонке главного редактора журнала «Carelia» в 2001 г. писал, что финский язык больше не является для карел необходимостью и они не считают его признаком национального своеобразия или средством национального самовыражения¹. С другой стороны, небезынтересно было бы проследить и альтернативный вариант развития финской литературы в Карелии, возможно, уже в какой-нибудь новой форме. Любопытно, какие функции и какая роль в культуре уготована ей в будущем?

¹ *Kolomainen R.* Luova kirjoittaminen – vähemmistökielen elinehto.

Елена Маркова

Роль женщин-писательниц Финляндии в становлении женской литературы на Европейском Севере России

Начало диалога

С 28 апреля по 31 мая 1989 г. в Петрозаводске проходило Первое совещание женщин-литераторов Северо-Запада¹, положившее начало развитию женской профессиональной литературы. Хотя имена женщин-писательниц изредка встречались на страницах русского регионального журнала «Север» и издававшегося на финском языке журнала «Пуналиппу», на обложках книг местных издательств, женской литературы как явления не существовало, и сама возможность его возникновения большинством писателей-мужчин воспринималась негативно². Уже в процессе его подготовки стала очевидна необходимость в объединении творческих усилий, потребность в создании организации, которая к началу Творческой встречи в Костомукше (февраль 1990) уже оформилась в ассоциацию женщин-литераторов Северо-Запада России «Мария». Не ставя целью возможности охарактеризовать деятельность ассоциации в целом³, все же укажем, что, помимо названных мероприятий, были проведены совещание в Вологде и Международная конференция в Пушкинских Горах, изданы четыре литературных сборника. Презентация последнего (Москва, март 1996 г.), по сути, подвела черту под начальным периодом развития женской словесности Европейского Севера России.

На этом этапе ее становления, безусловно, сказалось благотворное влияние финских писательниц. Хотя русская литература и отметила свое тысячелетие, но вошла она в историю мировой литературы име-

¹ Заметим, что Учредительная конференция Федерации женщин-литераторов Советского Союза проходила спустя полгода.

² Например, в Союзе писателей КАССР в 1989 г. работали две женщины-переводчицы, два критика, принятые в 1988 г. поэтесса Е. Николаева и прозаик Р. Мустонен. См.: Писатели Карелии. Библиографический словарь / Авт.-сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 1994.

³ *Маркова Е. И.* Ассоциация женщин-литераторов Северо-Запада «Мария» (1989–1995) как стимулятор творческой активности женщин-писательниц и как фактор нового распределения ролей на литературной арене Европейского Севера России // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России. Петрозаводск, 2005. С. 68–75.

нами великих писателей-мужчин. И, наоборот, сравнительно молодая литература Финляндии, страны Европейского Севера, насчитывала в своем ряду немало известных писательниц. Сложилось парадоксальная ситуация: представительницы великой страны и великой литературы чувствовали себя по отношению к коллегам из маленькой северной страны младшими. Поэтому на долю финских писательниц выпала важная миссия: способствовать становлению женской литературы в Карелии.

Надо сказать, что знакомство с творчеством писательниц Финляндии в Советском Союзе произошло еще в середине 50-х гг. Так, в Петрозаводске в Финском драматическом театре в 1956 г. состоялась премьера пьесы Х. Вуолиёки «Женщины Нискавуори». Трагические характеры, остро психологические коллизии драмы были настолько впечатляющи, что в 1957 г. пьеса была представлена в Москве на сцене Малого театра.

С начала 60-х гг. стихи, рассказы и повести финских писательниц публикуются в изданных в Москве и Ленинграде сборниках: «Мечта о доме» (М., 1962), «Поэзия Финляндии» (М., 1963), «Современная финская повесть» (Л., 1976). Разумеется, в этих изданиях превалировало творчество писателей-мужчин. И только в 1990 г. в Москве в издательстве «Художественная литература» вышла в свет книга «Осенняя пастораль и другие романы финских писательниц». Выделив женское творчество в самостоятельную область словесности, издатели, во-первых, отдали должное вкладу писательниц Финляндии в общеевропейскую культуру, во-вторых, пошли навстречу требованиям как современных читательниц, желающих познакомиться с женским взглядом на мир, так и писательниц, которые, отстаивая свои права в литературе, хотели опереться на авторитет западных коллег и, разумеется, поучиться у них мастерству.

Произведения финских писательниц печатались также в ведущих советских журналах: «Иностранная литература», «Звезда», «Нева». Но в данной статье важнее подчеркнуть то, что с середины 60-х гг. их тексты публиковались в журнале «Север» (главном литературно-художественном и общественно-политическом журнале Северо-Запада России, пользовавшемся заслуженным авторитетом в СССР)¹. Благодаря ему российские писательницы-северянки могли познакомиться с

¹ Заметим, что финские писательницы публиковались и в журнале на финском языке «Punalippu», выходившем в Карелии. Что касается русских писательниц, то до 1985 г. их произведения в обоих журналах печатались крайне редко. В год могло появиться одно-два женских имени, причем предпочтение отдавалось литературоведам и искусствоведом.

произведениями таких известных писательниц, как Катри Вала (кстати, ее книга «Далекий сад» в 1960 г. вышла в Москве), Х. Вуолиёки, Э. Сёдергран, и с новыми именами в финской литературе: М.-Л. Миккола, А. Оксанен, Э. Пеннанен и др. Отдельным изданием вышла в Петрозаводске повесть М.-Л. Миккола для детей «Анни Маннинен» (1982)¹.

Если вести речь о гендерном аспекте финских текстов, то стоит выделить произведения, написанные, казалось, на традиционную для советской литературы военную и производственную тематику. Но поставленные в них проблемы имеют не характерную для советского читателя женскую доминанту.

Так, в автобиографической повести Хеллы Вуолиёки (1886–1954) «Нет, я не была узницей» рассказывается о духовном противостоянии писательницы властям, приговорившим ее сначала к смерти, а затем к пожизненному заключению за антифашистскую деятельность, описывается подвиг политзаключенной Мартты Коскинен. Именно на этот – героический – тип повествования и настраивается читатель.

Но, как ни странно, основной акцент падает на характеристику совсем негероических женских судеб. Перед читателем предстает целая галерея осужденных: воровок, абортниц², женщин, осужденных за измену мужу.

В советской литературе встречались образы женщин, пострадавших от криминального или легального аборта, но прерывание беременности как проблема никогда не рассматривалась во всей полноте ее социальных и личностных аспектов. Насколько неприложимы ценности западной демократии к судьбе женщины, показано и в главе «Мама – кенгуру», где описывается, как на глазах у осужденных и надзирательниц мать кормит грудью младенца. Она осуждена на полгода за измену мужу, причем 36 дней она должна быть на хлебе и воде. У нее присыхает молоко, но властям нет дела до ребенка, непрошено появившегося на белый свет. Голодный, он начинает кричать. «Это его протест против тюрьмы, сердитый, раздирающий душу протест.

¹ Следует отметить и мемуары Айно Куусинен «Господь низвергает своих ангелов». Воспоминания. 1919–1965 (Петрозаводск, 1991), бывшей жены видного лидера коммунистического движения в Финляндии О. В. Куусинена, ставшего впоследствии одним из руководителей советского государства. Несмотря на высокое положение мужа, она была репрессирована. Ее книга – приговор не только сталинской тоталитарной системе, но и предателю-мужу. После смерти супруга ей было разрешено вернуться на родину, где она и написала свою книгу.

² В число абортниц входили не только сами жертвы, но и подпольные акушерки, повитухи и посредники.

Хоровод (осужденных на прогулке. – *Е. М.*) торжествует. Ага! А по-пробуйте сказать ему: „Крича-ать запрещен-о-о!“»¹

Женское, материнское начало, восстающее против любого насилия над живой жизнью, подчеркнуто и кольцевой композицией произведения: в начале и в финале появляется образ маленькой девочки – внучки писательницы.

Книга Марьи-Леены Миккола «Тяжелый хлопок» была отмечена в 1972 г. Государственной премией Финляндии как произведение, несущее широкую социальную информацию², которой писательница добилась за счет того, что свела к минимуму авторские комментарии и предоставила слово фабричным работницам: монолог следует за монологом. Ее героини рассказывают не только о своей работе на фабрике акционерного общества «Финлайсен-Форсс», но и о своей жизни в целом. Рассказывают женщины, покоровшиеся судьбе, и женщины, отстаивающие свои права, пессимистки и оптимистки. Автор не оценивает их жизненные установки, а стремится понять позицию каждой. Создав сложную и многообразную палитру представлений о жизни финской работницы, М.-Л. Миккола удалось доказать, что конфликт технократической цивилизации и природно-материнского начала является одним из центральных в современном мире.

В произведениях, посвященных частной жизни, женское начало также является доминантным. Так, неприхотливый, на первый взгляд, рассказ Аулиikki Оксанен «Ужин» поражает непривычным для советского читателя началом: «Лейла забеременела не ко времени. Лучших времен, правда, и не ожидалось»³.

Уже в первых строках заявлен основной конфликт: у женщины начался новый – материнский – отсчет времени, но он не совпадает ни с временем отца будущего ребенка, ни с временем социума.

Даже беглая характеристика творчества финских женщин-писательниц свидетельствует о том, что их подход к воссозданию действительности не мог не заинтересовать читательскую аудиторию в Финляндии. Они также добились уважительного отношения со стороны издателей и читателей соседней страны, что не могли не заметить женщины-литераторы Карелии.

Не случайно в работе Первого совещания женщин-литераторов Северо-Запада приняли участие известные финские писательницы Марья-Леена Миккола и Эйла Пеннанен. Они руководили секцией финноязычной литературы и выступили на пленарном заседании с

¹ *Вуолиёки Х.* Нет, я не была узницей. Перевод Т. Викстрем // Север. 1968. № 5. С. 80.

² Опубликована в журнале «Север» в 1978 г. (№ 7, 8).

³ *Оксанен А.* Ужин / Перевод Г. Прониной // Север. 1984. № 9. С. 50.

докладами, в которых рассказали о своем пути в литературу. М.-Л. Миккола также участвовала в работе Вологодского совещания (сентябрь 1990). И, наконец, в 1993 г. в Пушкинских Горах состоялась Международная конференция «Женщины пушкинской поры – женщины пушкинской земли», в которой приняли участие литераторы обеих стран. Тогда же прошла презентация сборника прозы русских и финских писательниц «Жена, которая умела летать»¹.

Уже после первой встречи завязались знакомства, которые повлекли за собой новые контакты как на личностном, так и на официальном уровне. Например, когда финских писательниц пригласили на II Женский Форум, который проходил в Дубне (ноябрь 1992), они инициировали приглашение своих коллег из ассоциации «Мария».

Разумеется, успешная литературная карьера финских писательниц послужила для русских коллег женщин-литераторов положительным примером и стимулировала их не только на продолжение поисков, но и на преодоление препятствий в издании произведений. В условиях перестройки и постсоветского периода, ломки плановой экономики и перехода к рыночным отношениям книгу надо было написать, самой издать, самой презентовать и распродать тираж. Постепенно большинство писательниц освоили все эти функции.

Финские писательницы на встречах вели себя, с одной стороны, доброжелательно, на равных, с другой – с четким осознанием своей миссии: быть наставником своих новых подруг. В устных докладах и аналитических публикациях они были предельно информативны: стремились не к подробному анализу одного из аспектов проблемы «женщина и творчество», а к тезисному изложению большого круга вопросов: представить историю финского (шире – европейского) феминизма, обозначить роль женщины в истории, охарактеризовать путь финских женщин в литературу, показать поиски ею *своего*, отличного от писателей-мужчин, языка и в связи с этим дать представление о «мужском» (отцовском) и «женском» (материнском) языке вообще и, наконец, признать, что даже успех на литературном поприще не отменяет извечного сомнения в своей правоте, не снимает чувства вины перед детьми, время общения с которыми сокращается из-за творческих амбиций матери. Мало того, финские писательницы открыли своим коллегам из России историю неизвестной в России русской женской литературы и высказали свое отношение к образам женщин, созданным русскими классиками. Показав, насколько мно-

¹ Жена, которая умела летать. Проза русских и финских писательниц / Ред.-сост. Г. Г. Скворцова, при участии М.-Л. Миккола. Петрозаводск, 1993.

го они знают о России и русских женщинах, финские писательницы вновь возвращаются к вопросу: кто же они, русские женщины?

В рамках статьи невозможно рассмотреть заявленную тему во всей ее полноте, поэтому остановимся на финской новеллистике, представленной в коллективном российско-финляндском сборнике «Жена, которая умела летать», являющемся вехой в становлении женской литературы северо-западного региона России. Чтобы полнее представить мировоззренческие и эстетические поиски финских писательниц, уместно предварить анализ текстов характеристикой программных заявлений их авторов, опубликованных в сборниках «Мария» (статья М.-Л. Миккола «Ужасное совершенство») и «Мария 2» (эссе М.-Л. Миккола «Я и русские женщины»; Р. Пааланен «Встречи в Михайловском»), в журнале «Север» (статья А. Конкка «В поисках утраченного языка»)¹. Поскольку писательницы упоминали о рефлексии на их творчество в критике, о важности исследовательских трудов по истории женской литературы, то в ряд с их работами мы поставим и статью Л. Хухтала «Голос женщины в литературе Финляндии», опубликованную в упомянутом сборнике.

Сборник прозы «Жена, которая умела летать» включает художественные произведения двадцати пяти писательниц, а также блок критических статей. Редактором-составителем является Г. Г. Скворцова, в работе над финской частью ей помогала М.-Л. Миккола. В сборнике есть краткое вступление «Литература без границ», в роли эпиграфа к русскому и финскому разделам книги выступают стихи Натальи Ванхонен и Эйлы Стенберг. В обоих стихотворениях есть образ зеркала. Он намекает на то, что в этой книге, как в зеркале, отразилось женское представление о мире. В критический блок вошли статьи Ирины Савкиной «Да, женская душа должна в тени светиться...» и Елены Марковой «Жизнь без любви». Первая работала на русском, финском и скандинавском материале, указала на общие для этих литератур темы и мотивы. Вторая проанализировала севернорусский материал, привлекая и общерусский. Название ее статьи дало название разделу критики, только составители заменили точку на знак вопроса: «Жизнь без любви?». Лийзи Хухтала в статье «Голос женщины в Финляндии» кратко охарактеризовала вклад в национальную литературу основоположниц женской финской литературы. Тексты

¹ Миккола М.-Л. Ужасное совершенство // Мария. Литературный альманах / Сост. Г. Г. Скворцова. Петрозаводск, 1990. С. 261–267; Миккола М.-Л. Я и русские женщины // Мария 2. Литературный альманах. Петрозаводск, 1995. С. 130–134; Пааланен Р. Встречи в Михайловском // Там же. С. 144–148; Конкка А. В поисках утраченного языка // Север. 1994. № 3. С. 89–92.

финских литераторов перевели Т. Джафарова, Э. Машина, Г. Прони-на, А. Хурмеваара.

По возрастному составу писательницы из России моложе. Их финские коллеги по жизненному опыту (среди них – женщины 1916, 1921, 1939–1944, а также 1947–1957, 1965 г. р.) старше русских писательниц, которым на момент издания сборника было за сорок-тридцать (1947–1959 г. р.). Но в восприятии финских коллег как старших сыграли роль не возрастные соотношения литераторов, а, как уже говорилось, представление о финской женской литературе как старшей.

Путешествие в себя

Встреча русских и финских писательниц на пушкинской земле невольно заставляет вспомнить поэму «Руслан и Людмила» (1820). В первом эпическом произведении Пушкина в роли главных героинь представлены финка Наина и русская княжна Людмила. Несмотря на то что женщины-литераторы не хотят видеть свои творения в зеркале мужского слова, проецирование пушкинской архетипической модели на их тексты не бесполезно для расстановки акцентов в осмыслении роли полов в современном обществе.

В поэме Наина предстает в качестве злой ведьмы, помогающей карле погубить русскую девушку-невесту. Но отчего она пылает мстостью к ни в чем не повинной Людмиле? Только потому, что ее бывший поклонник Финн (имя означает не только этническую принадлежность, но и принадлежность к носителям тайного знания)¹ решил помочь Руслану. Обычно чудесный помощник богатыря воспринимается как сугубо положительный герой.

Так ли это в данном случае? Ведь, не получив ответа Наины, прекрасной и гордой финки, на свою пламенную страсть ни в роли пастуха, ни в роли воина, он постиг тайное знание и прибегнул к колдовству (иными словами – к насилию). Когда увидел результат своего деяния: влюбленную в него дряхлую старуху (забыл за время странствий, что ход времени необратим и для его красавицы-невесты), то отшатнулся от нее. Обиженная Наина стала мстить, что для нее было делом несложным: ведь она – ведьма по рождению и призванию.

В контексте данного исследования образ ведьмы – это образ ведуньи, языческого божества, ставшего в эпоху христианства демонологическим. В пушкинской героине просвечивают и первоначальные

¹ Финн (от ирл. *fin*, тайное знание), в ирландской мифо-эпической традиции: герой, мудрец и провидец. См. Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М., 1991. С. 574.

(прекрасная Наина), и вторичные (злая ведьма) черты этого образа. Важно и значение ее имени, восходящее, «по-видимому, к финскому слову “*painen*”»¹. Это подчеркнутое женское начало чрезвычайно значимо в произведениях, героини которых живут, в основном, в последние годы XX столетия, но возвращаются «к началу своему» — к началам «материнской» культуры.

Начнем с того, что героиня редко названа по имени, она — именно «*painen*», женщина. Мало того, ее образ проецируется в большей или меньшей степени на древнюю колдунью, потому что речь идет о раскрытии возможностей женщин, позволяющих им по-другому взглянуть на жизнь, изменить свою поведенческую модель, т. е. реализовать свой творческий потенциал, у которого особые истоки.

Размышляя об истоках женской гениальности, М.-Л. Миккола цитирует английскую писательницу Вирджинию Вульф, полагающую, что она идет от женщин, которых называли ведьмами за их связь с нечистой силой, и от знахарок, лечивших травами и мазиями². Добавим: и познавших магическую силу слова.

Финские новеллы по-своему представляют оппозицию «мужского» (отцовского) и «женского» (материнского) языков. По убеждению Аниты Конкка, женщина-писательница проходит через усвоение отцовского языка, что означает применительно к литературе наличие следующих компонентов в тексте: «объективной реальности, целостности образов, сюжетных коллизий»³. Отличие женского стиля от мужского «линейного» заключается, прежде всего, в ассоциативном способе писания, который как бы обращен вовнутрь, поэтому писательница, перейдя на материнский язык, широко использует такие приемы, как поток сознания, внутренний монолог, медитацию, самоанализ⁴.

Разумеется, соображения А. Конкка не бесспорны, но определенную тенденцию в развитии женской литературы они отражают, о чем свидетельствуют и опубликованные в сборнике новеллы. Так, если произведение М.-Л. Миккола и А. Оксанен отражают переплетение обоих стилей, то тексты других писательниц тяготеют к материнской манере написания.

Если рассматривать опубликованные в сборнике новеллы как единый текст, то его основной сюжет можно охарактеризовать как

¹ Карху Э. Пушкин о финнах и финны о Пушкине // Север. 1999. № 6. С. 102.

² Миккола М.-Л. Ужасное совершенство. С. 262.

³ Конкка А. Указ. соч. С. 90.

⁴ Там же. Правда, автор понимает, что ее разделение весьма условно и делает оговорки, рассматривая, например, творчество Джеймса Джойса как синтез обоих языков.

путешествие в себя (обращение вовнутрь). И началось это путешествие в женской литературе Финляндии, по свидетельству Лийзы Хухтала, еще в 30-е гг. XX в., когда «писательницы показали, что наибольшим препятствием в духовной свободе женщины служит ее потребность в любви и счастье. Чтобы погрузиться в себя, надо бросить возлюбленного»¹.

Но если в 30-е гг. эта проблематика разрабатывалась в романистике, то в конце XX в. она исследуется в новеллистике, жанре «достаточно эластичном и выразительном» [428]. Хотя новелла не рассматривает процесс ухода детально, она фиксирует главное, а именно: процесс перехода из одного внутреннего состояния в другое, смену собственной идентичности. Чтобы рассмотреть данный момент наиболее отчетливо, выстраивается «сюжет» суммарного текста так, чтобы в начале показать максимальную зависимость «я» женщины от мужчины, а в конце — ее максимально полное освобождение.

Художественное исследование не просто пути к себе (объекту мироздания), а в себя (субъекту мироздания) влечет актуализацию важнейших архетипических моделей, усиление мифологического компонента и, как следствие, ослабление социально-бытового начала. Именно это мы и попытаемся доказать.

Nainen

Раздел финской прозы открывается новеллой Марьи-Леены Миккола (1939) «Туман» (1979), героиней которой является маленькая девочка. Писательница описывает ее ранний и горький переход из детства в отрочество. Он совпадает с переходным состоянием в природе, стране и семье, которое характеризуется амбивалентными образами смерти/рождения. В природе царит ранняя осень: с деревьев облетает листва, но их ветви гнутся от созревших плодов. Страна уже не воюет (имеется в виду Вторая мировая война), но мир еще не воцарился в душах людей (свел счеты с жизнью отец Сильи, в состоянии глубокой депрессии находятся его жена и брат), семья еще не успела отойти от похорон Аулиса, как Айно произвела на свет Божий его сына.

Переход в иную возрастную категорию в случае с Сильей характеризуется не физическими изменениями (внешне она — дитя), а эмоционально-психологической перестройкой внутреннего мира девочки. Она чувствует себя изгоем: круглая сирота при живой матери,

¹ Хухтала Л. Голос женщины в литературе Финляндии // Жена, которая умела летать. С. 17. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в квадратных скобках номер страницы.

пришибленные войной дядя с тетей также не могут отогреть ее душу. Она – чужая для других внуков бабушки, что они подчеркивают, разрушая ее сотворенный из песка городской дом. А они – чужие для нее, что также обозначается в символическом жесте: она нарочно разбивает куриное яйцо, которое они искали.

Не принимая сельскую среду, героиня, тем не менее, чувствует себя защищенной, только находясь в лоне (в лоне – а не на лоне!) природы – в зарослях большого смородинного куста на опушке леса.

Погружение в природу и означает начало пути к себе как объекту мироздания. Этапы духовной инициации Сильи¹ проецируются на этапы, которые проходит иницируемый герой фольклорной сказки в лесном доме². Этим домом для нее является смородиновый куст, прячась в котором она постигает новое знание о человеке. Сельский мир наполнен круглыми плодами, олицетворяющими мироздание. Девочка будто обыгрывает их, познает их силу, постигая сердцевину вещей.

Круглые плоды приобретают роль символа. Круг обозначает не только сотворенный Богом мир, но и самого Бога. Старое выражение гласит: «*deus est circulus, cuius centrum est ibique, cuius circumferentia vero nusquam* (Бог – центр которого повсюду, а окружность – нигде)»³. Иными словами этот символ обозначает божество (колесо) судьбы. Постигая тайны мироздания, героиня пытается осознать и свое предназначение в этом мире.

Иницируемому ведомо и таинство вешего слова. Оно пока не дано Силье, но звук, предшествующий слову, уже слышим ею. Когда девочка забиралась в свою прятку в смородиновом кусте, то «всегда молча пела, одну единственную мелодию... но ее никто не слышал» [271].

Как и положено иницируемому, у Сильи есть учитель. В этой роли выступает бабушка. Чувствуя в Силье свою преемницу, она водит ее в гости к учительнице. В молодости бабушка сама научилась читать и писать, обучилась шведскому языку. Сочиненное ею стихотворение «Как высок и прозрачен вечерний купол» девочка знает наизусть.

Но от отца она слышала, что небо – это не купол, который можно проткнуть и перейти в другой, лучший мир. «Нет, без конца и края – пустой воздух, чем выше, тем холоднее, и в конце концов человек в своем вечном одиночестве замерзает насмерть» [274].

¹ Не является ли имя «Силья» производным от имени «Сильва», означающего в переводе с латинского языка «лес».

² *Пропн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 114–116. См. также: с. 62–66; 169–170 и др.

³ *Юнг К.-Г.* Один современный миф. О вещах, наблюдаемых на небе. М., 1992. С. 23.

Когда мать увозят в родильный дом, Силья «идет к отцу»: «бежит к скотному двору, отодвигает щеколду и ящерицей проскальзывает в сарай» [273], где до сих пор находятся кузлы, на которых стоял гроб с телом ее отца. Отождествление героини с ящерицей не случайно. Согласно финской мифологии в ящерицу оборачиваются подземные души — маахисы¹. Именно контакт с подземным миром, где находится отец, и нужен сейчас Силье.

Но если он уже в холодной пустоте? Как вернуть его оттуда?

В народной сказке отец-покойник посылает в дар сыну коня. Этот мотив по-своему трансформирован в новелле. Силья видит сквозь щель в заборе коня, вытканного из тумана, ей «кажется, что она сумеет его догнать, и бросается вслед. ...погружается в молоко тумана» [281].

Героиня уходит из мира грёз (или из состояния временной смерти, характерного для сказочного персонажа) и начинает действовать. Правда, в ее сознании действительность сливается с воображаемым миром, но так или иначе она совершает поступок. Иными словами: она воскресла для новой жизни.

Последние слова в произведении — «Она совсем одна» [281] — предполагают неоднозначное толкование. Чем обернется для нее в конечном счете поиск отца — нравственной победой или поражением, сказать трудно. На фольклорно-мифологическом уровне ее новая — воздушная — ипостась воспринимается позитивно: здесь всадница из тумана ассоциируется с облачком, в которое перевоплотилась Снегурочка, и с девой воздуха Ильматар, которая в «Калевале» становится впоследствии матерью воды, сотворяет землю и рождает вешего певца Вайнямейнена.

Новеллу Ауликки Оксанен (1944) «Была звездой вечерней...» (1986) в рамках единого финского текста можно рассматривать как повествование о возможном варианте судьбы Сильи. Героине Оксанен сопутствует тот же символический ряд (воздух, куст, песня, деревенский дом, глина), но данный в несколько иной последовательности. Главным ее поступком также является бегство к мужчине.

На языке символов путь Сильи можно охарактеризовать так: выйдя из тумана, она стала звездой Эсси благодаря тому, что звучавшая в ее душе мелодия стала песней для всех. На языке реального повествования это означает, что Эсси стала эстрадной певицей, добившейся в 50-е годы определенной популярности и попавшей в разряд «звездочек». Особенно полюбилась публике песенка о звезде вечерней, что озаряет сердце, горит в нем, освещает путь влюбленному.

¹ Мифологический словарь. С. 331.

На вопрос, почему Эсси сошла со сцены, почему превратилась в выпивающую женщину, погруженную в мир грез (именно такой она предстает перед читателем), ответить нелегко. Новелла в отличие от повести и романа не дает образ в его развитии, но по отдельным деталям можно реконструировать духовную эволюцию героини.

В тексте в качестве постоянного рефрена звучат две песни Эсси: уже названная о звезде вечерней и «Скупая девушка». С образом последней идентифицировала певицу ее публика, так называет ее давний поклонник Рауно Томпери, и сама Эсси мысленно зачастую сливается с этим образом. Скупая девушка не ответит на любовь бедного парня, она в лучшем случае «...подарит Ему воздушный поцелуй» [302].

Сценический образ Эсси – это девушка «стройная, в легкой юбке, с талией, тонкой, как ножка бокала с шампанским» [283]. «Воздушный» образ (не с иной ли планеты?!) пришелся по душе зрителям 50-х и даже 60-х годов и сыграл злую шутку с его создательницей. «Имидж» стал ее сущностью, подлинное чувство вытеснил воздушный поцелуй. Она – «кумир», «идеал», обладающий магией привлекать юные сердца, современная Наина. Она замкнулась на своем «я»: своем творчестве, своем успехе.

И, наоборот, у ее вечного рыцаря Рауно Томпери жизнь наполнена проектами: он, судя по письмам, то художник, то замышляет написать книгу «Человеческие Мысли». Он болен (у него бывают приступы шизофрении), но, как известно из классических текстов, герою-безумцу, герою-идиоту свойственны удивительные прозрения. Томпери – это современный Финн. Как и тот, он тоже преданно любит, но соединяет свою «магию» с верой в Христа. Увы, в душе его избранницы нет ни любви, ни веры.

Героиня находится в состоянии временной смерти. По-прежнему идентифицируя себя в грезах со «звездой вечерней», Эсси понимает, что на самом деле она – звезда потухшая: плоть расплзается, желание жить утрачено. Она «навсегда закрыла от соседей свою дверь на замок, спрятав в четырех стенах свою гордую, страдающую душу» [285].

Как и в молодости, Эсси ведет вечерний образ жизни, но не в качестве звезды подмостков, а завсегдатая гриль-бара «Райку», где происходит ее реанимация (искусственное возрождение к жизни), которая и привела ее однажды в индустриальный район, на склад ее нового знакомого Бёрье. Его территория соответствовала представлениям Эсси об аде. В числе товаров игрушки. Видя их, Эсси ощущает себя куклой, которую в отличие от настоящей не продадут со скидкой, а оставят здесь навсегда.

В помещении «ада» под звуки иступленной музыки и грохот барабанов разыгрывается драка, спровоцированная ревнивой женой Бёрре. Этот шабаш является метафорой современного мира, что находится в состоянии войны всех против всех, поэтому в схватке как бы сошлись вещи и звери, птицы и люди.

Однако выйдя из этого общего «гроба» невредимой, Эсси не воскресла для жизни новой, а окончательно загнала себя в тупик – стала пить в одиночестве. Её спасителем стал Рауно Томпери из Пиетаанмяки, он-таки заманил Скупую девушку в свою «пещеру». Он прислал ей завещание на земельный участок «площадью две тысячи квадратных метров в красивейшем уголке – на берегу озера Пиеттаанъярви с чистойшей, незамутненной водой» [308] и ключ от избушки с сауной, у самого угла которой «рос розовый куст, тот самый, что цветет в Иванов день, очень старый, с редкими бутонами» [304].

Поскольку Эсси была родом из этих мест, то мгновенно представила, какой землей будет владеть, и собралась в дорогу. Когда она, «вытаращив глаза, гримасничая и фыркая, в диком экстазе... хватала, загребала землю обеими руками» [306], в ней заговорила не только собственница, но очнулась ее, казалось, навсегда уснувшая крестьянская душа.

На следующий день, когда Эсси почти вошла в роль хозяйки, объявились дальние родственники Томпери и вернули ее к суровой действительности: участок уже продан – бывший владелец по состоянию здоровья лишен права распоряжаться имуществом.

Разрешив женщине остаться до утра, они уехали, оставив ее не просто униженной, а в состоянии, близком к самоубийству. Резко меняется самоидентификация Эсси. Она ощущает себя не уверенной в себе, богатой хозяйкой, а дырявым кожаным мешком.

Но Эсси приехала на остров в июне, очевидно, в канун праздника Ивана Купалы (дня Рождества Иоанна Крестителя), не случайно автор отмечает, что именно в этот день расцветает куст у избушки. В европейской традиции центральным актом купальского обряда является уничтожение ведьмы: ее сжигали, сплавляли по воде, выбрасывали в канавы и т. д. Шабаш ведьм проходил на Лысой горе или в месте, эквивалентном для конкретной локальной традиции, например, просто на уединенной полянке. Туда, приняв «зелье» и обернувшись соколами, прилетают ведьмы¹.

В свете этих представлений становится понятным мифологический подтекст финала. Чтобы забыться, Эсси выпивает пару бутылок

¹ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза. Т. II. Петрозаводск, 2000. С. 48, 53.

пива («зелье») и погружается в сон, где видит глинистое поле, в центре которого островок, поросший травой. Глина как первородная почва, поляна – остров – элементы сакрального пространства, куда слетаются сороки, «и у каждой была какая-то болезнь или беда...» [311]. Все, «нахохлившись, застыли от страха», «...глинистое поле начало вдруг намокать, пузыриться, лопаться, разбрызгивая черную магму» [311]. Состояние почвы свидетельствует о наступлении Хаоса, земля будто уходит из-под ног.

Проснувшись, Эсси захотелось «слиться с водой и камышами. Это казалось вполне возможным, ибо она была одновременно и легкой и тяжелой как вода, и колышущейся и просвечивающейся, как камыши» [311].

Ведьминское, бесовское начало уничтожено в Эсси пузырями земли, в Эсси-женщине – чистой озерной водой. Бесовство вошло в нее смолоду, когда она выбрала образ не утреннего светила, а вечерней звезды, Скупой девушки, которая, обольщая, не дарила парню любовь.

Но исцеление больной души полностью произошло в бане, которая всегда «осмыслялась в качестве сакрального пространства, включающего в себя огонь, дерево, камень, воду (возможно, в какой-то мере и воздух: пар) – основные элементы природы и человекотворения»¹.

Хотя в финской национальной традиции функцию баенника обычно выполняет маленькая девочка, в данном случае Томпери – и баенник, и учитель, наставляющий иницилируемую: «...иди в сауну и попарься как следует» [312]. Он заменил заранее камни в каменке, «достал на кладбище в мастерской у того человека, который делал надгробие для матери» [300]. Эта деталь еще более подчеркивает переходный характер омовения: перехода из состояния смерти в жизнь природную, в ее материнское лоно.

Как и Финну, Рауно не нравится постаревшая Эсси, и он решительно заявил, что его свадьбе с Эсси не бывать. Женщина не обиделась на то, что даже крестьянин-безумец отверг ее. Впервые героиня совпала сама с собой. Ушла из своих грез, где она пребывала в качестве молодой девушки, к себе, сегодняшней, что является знаком исцеления.

«Вода шипела, каменка трещала, стены, казалось, дышали, и ее охватило то особое чувство, которое бывает у выздоравливающего после тяжелой болезни» [312]. Этой фразой завершается новелла. Что будет с Эсси после исцеления, после воскрешения?

¹ *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза. Т. I. СПб., 2001. С. 57.

Героиня Райи Сиеккинен (1953) «Вкус металла» (1992), как и Эсси, находится на пути к исцелению/воскрешению. Она также совершила побег, но это не переход в другое пространство, а, наоборот, выпадение из внешнего мира. Это – полное погружение в себя, что влечет отторжение «другого», поэтому Элиса отключала телефон, никому не открывала дверь.

Ее состояние продиктовано постоянным страхом, который овладел молодой женщиной в момент, когда государство достигает силы. Становясь обществом потребления, города меняют свой облик: ремонтируют дома, строятся стоянки для машин. Но наступление нового воспринимается, как война: выбрасывают еще хорошие рамы и крепкие двери, взрывают скалу и вырубают большую липу.

Однако этот процесс – исчезновение до смерти – у многих порождает беспокойство и страх. По мнению Элисы, подобное обновление города влечет за собой разрушение ее личного и общего прошлого, обезличивание пространства. На освободившихся местах строилось «что-то такое, что есть везде и что забываешь, едва увидев» [347]. Даже сама природа изменила свой привычный лик: «...зима не зима, кругом только коричневый цвет мертвой травы и серый – деревьев» [346].

Типичный в XX в. конфликт цивилизации и национальной культуры, цивилизации и природы в новелле истолковывается, прежде всего, как конфликт мужского и женского начал. После гибели старого дерева женщины, сажая в дальнем углу двора сирень, время от времени цедили сквозь зубы всего два слова: «машины» или «мужчины».

Но эта война старого, но живого, природного и нового, но безликого, мертвенного, природного с механическим идет повсюду. Так, знакомый лесоторговец рассказал, как при заключении сделки в Африке он отдал в ресторане фирменное блюдо – мозги шимпанзе, поданный в черепе обезьяны. И он их съел, невзирая на то, что на его глазах снесли кривой саблей затылок животному и залили его мозги кипящим маслом; съел, несмотря на ужасный крик обезьяны.

Именно тогда Элиса поняла кардинальное различие мужского и женского миров. Мужчины всему находят рациональное объяснение: старые рамы дешевле и быстрее заменить новыми, «мозги» необходимо съесть, чтобы заключить сделку. Но даже они не в состоянии преодолеть страх, который становится движущей силой общества.

Эту экзистенциальную проблему героиня осознала на онтологическом уровне: мужчины мира стоят перед неразрешимой задачей – «привнести порядок в мир, рожденный из хаоса» [353]. Так, однажды они с мужем чуть не погибли в море: «заглох мотор, и волны понесли

лодку на камни». Если она тогда пережила страх смерти, то муж даже не успел испугаться: ему «надо было срочно завести мотор» [349].

Муж ощущает себя победителем, когда знает, что и как надо делать, когда может объяснить то или иное явление. Но преодолевая страх путем постоянной перестройки жизни, не порождают ли мужчины еще больший хаос, не создают ли ложный порядок, который не устраивает почти всех...

Как же решает для себя героиня вопрос, что есть истинный порядок, что есть гармония? В воспоминаниях и снах она все время путешествует по Европе. Она вновь видит «автомобильные туннели альпийских ущелий», которые для нее, что складской лабиринт для Эсси. Это — ад. К Элисе возвращается вкус к жизни, когда она соприкасается с ее алогизмами, ее парадоксами. Она вспомнила корчму на берегу Эльбы, хозяин которой рассказал, «как спасают цветущие яблони от ночных заморозков: как ни странно, цветки замораживают», потому так «красив яблоневый сад утром, когда солнце начинает постепенно растапливать образовавшийся на цветках лед и его лучи падают на тысячи, нет, миллионы цветков, в которых тающий лед блестит ярче, чем стекло» [350–351].

В этом контексте ключевым словом является глагол «спасают». Женщина подсознательно цепляется за него и повторяет, как молитву: «Миллионы целых и невредимых яблоневых цветков во льду» [350–351].

Вслед за образом сада в памяти всплывают «и цвет речного ила, и запах мокрых овец, и что пастух был одет в черную накидку, а в руке у него был длинный посох» [351]. Иными словами: райский сад, божий агнец и пастырь — архетипическая модель Космической гармонии. Если ранее ее пугал во сне образ черного илистого мелководья (ср.: «пузыри земли» во сне Эсси), то постепенно этот символ первоначального Хаоса сливается с гармоничным образом мира.

В финале новеллы Элиса опять вспоминает алогичное природное явление: «однажды жарким безветренным днем мимо острова катились в море большие волны. Она спросила мужа, помнит ли он, и он вспомнил и стал объяснять причину этого явления, но Элиса видела только туманный горизонт и жаркий день, ощущала запах разогретой солнцем и запах своей кожи — чудо, которое не поддается объяснению» [354].

Не таится ли за ключевым словом «чудо» подсознательное ощущение женщины своей миссии прародительницы... Мужчина подчиняет море (Хаос) своей воле с помощью машины (рукотворного механизма), а она создает из Хаоса (из алогизмов, которыми насыщена при-

рода и она сама) скалу — «сушу, землю». Не случайно в ее воспоминаниях запах камней сливается с запахом ее собственной кожи.

Это открывшееся Элисе *чудо* (признание логики и парадокса как равноправных начал жизни) и завершило этап ее болезни (временной смерти) и позволило ей начать новую жизнь. Возможно, даже не подозревая этого, этот процесс смерти / рождения (инициации) вместе с ней пережил и ее муж, которого она втягивала в свои страхи, сны, воспоминания. Не случайно новелла обретает эпическую концовку: «Так они сидели очень долго, и у каждого были свои слова, как будто эти двое еще только учились говорить» [354].

В новелле Сиеккинен сказано, что рабочий кабинет героини находится дома, но читателям неясно, чем она занимается, кто она — писательница или исследователь-гуманитарий. И это понятно: страх лишает женщину речи. Да, в финале она обретает язык, но пока она вступает в диалог с одним человеком — своим мужем, к разговору с миром она еще не готова.

В отличие от Элисы героиням Сумари и Конкка есть что сказать человечеству по поводу вечной проблемы борьбы полов.

Повествование в новелле Анни Сумари (1965) «Когда я была молодой женщиной» ведется от первого лица. Героиня не называет себя по имени, предпочитая индивидуальному знаку родовую (молодая женщина) и сакральную (ведьма) самоидентификацию. Иными словами, перед нами Наина конца XX в. Представительница саамского народа, сохранившего культуру шаманизма, она покинула резервацию, чтобы поступить в Университет. По окончании его она вернулась домой, чтобы сразиться с шаманом.

Признавая с младенчества власть шамана и каждого мужчины, молодая женщина, благодаря изучению антропологии, поняла, что эта власть в древности принадлежала женщинам. Их связь с природой, особенно возросшая с появлением земледелия, пугала мужчин. Потребность в защите и породила шаманизм.

Носитель тайного знания (Финн = шаман) увиден в новелле с двух точек зрения: глазами любопытной юной женщины, собирающей для него плоды, и глазами скептически настроенной женщины, исследовавшей природу его знания.

Любопытной молодой женщине известно: чтобы получить верховную власть, надо пройти через испытание (инициацию). Если сначала молодая женщина считает, что от шамана зависит благополучие ее племени, то затем его власть ассоциируется у нее со смертью, с распадом, хаосом. Так, своим полетам, разясняет она, он обязан наркотическим снадобьям.

Природное знание молодой женщиной было впитано сызмальства, но, чтобы понять его сакральный смысл, ей необходим был учитель. Им стал Университет, где она поняла главное. «Связь женщины с природой была ритуальна и общественна, связь шамана – элитарна, индивидуалистична. Злейшими врагами шамана стали женщины, ведьмы, к которым, видимо, надо было причислить и меня, вернись я из университета, вооруженная всеми этими враждебными знаниями» [385].

Возвращение из университета знаменуется ее переездом в новую ипостась – она должна стать подругой шамана (ведьмой): ее «омыли, помазали, одели в ритуальные одежды, украшенные ракушками, костями животных и тому подобным» [385].

Ритуальному совокуплению предшествовал диалог. Шаман задал провокационный вопрос: «Когда ты была маленькой девочкой, испытывала ли ты когда-нибудь зависть к пенису?» [385].

Стремление женщины к образованию воспринимается им как желание присвоить мужскую роль. Поняв, что ее хотят сразить научными познаниями – психоанализом Фрейда, приписавшим «постыдную мужскую болезнь» (страх, что у кого-то пенис больше) маленьким девочкам, молодая женщина отталкивает посвященного, который «ровным счетом *ничего не знал* (выделено в тексте мною. – *Е. М.*) о женщинах» (385–386). Уязвленный шаман решил сразиться с ней по-мужски. Но, обученная в большом городе приемам дзюдо, она перехватила удар финки. Поединок завершается победой молодой женщины, ее воскрешением в новом статусе – главы племени. До получения образования она бы удовольствовалась этой ролью, но сейчас ей предстоит пройти еще через одно состязание – через борьбу с собой. Ей не нужна мужская роль, ей необходимо достоинство свободного человека. Но для этого ей надо, как и Элисе, понять сущность войны полов.

И молодая женщина поняла, что сам Фрейд страдал от комплекса Мужчины, присвоившего себе право господства над Женщиной: «Фрейд видит Мадонну и его осеняет: женщина – великая Божья мать, достойная в своей загадочности преклонения, устрашающая своим превосходством!» [386]

Но в отличие от Наины, она не мстит Финну (Фрейду) за прошлое, понимая, что на пути к осмыслению своего предназначения, она не обошлась без мужского знания, ибо «книгами, стоящими на полках, часто определяется тот бунт, через который должен пройти каждый из нас» [386].

В новеллах Сумари и Сиеккинен нашел отражение протест женщин-литераторов против базовых доминант отцовской культуры –

«фаллоса» и «логоса», которые управляют, как пишет А. Конкка, ее официальным, нормативным языком¹. Но так пишет магистр Конкка, а как выражает свое отношение к этой культуре писательница Конкка?

Героиня новеллы Аниты Конкка (1943) «Дорога в рай» (1990) – писательница. Как и молодая женщина Сумари, она оставила родину, предпочтя традиционной роли жены и матери семейства мужской поведенческий сценарий – «жить свободно и независимо», попытаться найти ответ на извечный вопрос: «...есть ли смысл бытия, и если есть – то какой?» [314].

Духовной Меккой мужчин-творцов является Париж, туда она и приезжает и живет близ станции метро «Сталинград», само название которой указывает на специфику мужского мира, постоянно пребывающего в состоянии великих войн, побед и поражений. Как и мужчины, она пытается стать завсегдатаем кафе, но не может преодолеть страх перед официантом. Страх преследует ее дома наяву и во сне.

Возможно, ее ждала бы участь среднего писателя, если бы в городе больших художников она не нашла *свое* место – райское пространство на земле, что и стало началом лиминального периода в ее судьбе. Новой Еве судьба даровала «сакральный роман». Ее полюбили двое мужчин: еврей Дан и ирландец Тан. Они были похожи друг на друга, как близнецы-братья. Медный цвет волос и усов и сопутствующее героям число, означающее в мифологической картине мира «воплощение космической целостности»², характеризует возлюбленных как солнечные божества.

Значимо и место встречи с мужчинами: с одним героиня встретилась в своем райском саду, с другим – в цирке. Последний тоже является знаковым местом. Слово «цирк» происходит от латинского слова «*circus*», что означает «круг». Круглая арена и круглый купол являют собой землю и небо – само мироздание, а канат – аналог лестницы, связующей миры. Цирк притягивает принцев и нищих, потому что они видят здесь жизнь в ее праздничном блеске и смерть в ее отвратительной наготе. Здесь все вместе: птицы и звери, воздушные гимнасты и шуты, иллюзионисты и музыканты. Они представляют свое мастерство так, что в восприятии зрителей создается «образ победителя, демонстрирующего возможности человека, решающего „сверхзадачу“»³.

¹ Конкка А. Указ. соч. С. 89.

² Мифологический словарь. С. 672.

³ Боров Ю. Эстетика. М., 1969. С. 295.

Почему А. Конкка выбрала в качестве возлюбленных чудесных персонажей близнецных мифов? Да, они являются воплощением разных начал. Почему бы не найти образ, объединяющему все лучшие мужские качества в одном лице? Их вполне достаточно в мифологии. Видимо, это невозможно потому, что некоторые финские писательницы категорически против любых монистических концепций (ср.: у Сумари взаимозаменяемы Иисус и Фрейд).

Мужчины выступают не только «в роли возлюбленных», но и в роли учителей иницируемой. Первая встреча для героини, «словно факел, упавший с неба», «огненная стрела, яркий свет», что едва ее не испепелила. Но огонь любви сродни огню божественной поэзии, в процессе инициации героиня осознала свое женское и творческое начало. Не умевшая петь, она вдруг запела. После свидания со вторым мужчиной тело ее «излучало свет» [316–317]. Она сама стала посвященной, Солнечной девой.

Понимая, что с точки зрения традиционной нравственности, она уязвима, героиня находит оправдание у Декартезины, утверждавшего, что духовная любовь (героиня воспринимает физическую близость как высшее проявление духовности) не ограничивает число объектов. Однако, зачав ребенка, она боится открыться возлюбленным, так как не может сделать выбор и, пройдя через терзания, обрекает себя на одиночество. Чтобы убежать от любви, она скитается по миру.

В последней части новеллы героиня вновь пребывает в состоянии душевного кризиса: она поняла, что ей не удалось убежать от себя. Ее душевный ритм совпадает с историческим. Рушится государство, в котором она оказалась. Правда, об этом она сообщает, как о чем-то обыденном: «Я смотрю из окна на спину Маяковского (памятник поэту. — *Е. М.*) и на распадающееся государство» [319]. (Любопытно, что и Париж, и Москва в ее сознании соотносимы, прежде всего, с мужской символикой.) Но в противовес распаду мира (разрушение одной из частей губительно для всей Земли) в ней созрело наконец-то стремление к целостности, к брачному союзу.

В мифопоэтической системе произведения брак писательницы с солнечными божествами знаменует то, что мир вновь обрел святое семейство. Сакральный роман завершился сакральным браком, героиня становится Матерью Мира, Ева становится Марией... И ее Сын несет миру благую весть через свою музыку (он — скрипач) и через свою будущую книгу.

Выступая против официальной отцовской религии как исследователь, Конкка-писательница, синтезируя архетипические модели

языческой и христианской культур, создает свое представление о возможной гармонии полов, которую подарит миру сын ее героини.

В новелле Туулы Ринкинен (1957) «Хоть какой-нибудь смысл» (1992) побег героини был уходом не в иное пространство, а в иное время. Его спровоцировала странная дама, владелица шляпного магазина, интересующая проблемами реинкарнации. Она-то и высказала предположение, что Мирьями была в прошлой жизни индийской танцовщицей. Нашла в ней сходство с камеей и Айседорой Дункан. В мифопоэтической системе новеллы дама выступает в функции учителя (колдуньи, ведуньи), что касается героини, то по ходу примерки менялась ее самоидентификация, что сказалось на ее внешнем облике.

Она выбрала красный шарф, который развеялся за нею, когда она, услышав в доме старого доброго знакомого музыку, танцует. В этот момент она напоминает прекрасную птицу.

Реакция ее тайного поклонника Ханнеса была соответствующей: он «почувствовал знакомую дрожь возле пупка, как тогда, когда увидел ту стаю тетеревов. Птицы были совершенны. В каждой все, что нужно, и ничего лишнего. И Мирьями такая же...» [375].

На архетипическом уровне текст воспроизводит ситуацию древнего свадебного ритуала, построенного как охота на птицу. Читатель ощущает: вот-вот наступит свадебная кульминация: охотник должен поймать птицу. Но преображенная Мирьями берет инициативу в свои руки. А Ханнес не отвечает на ее призыв, ибо не может позволить это с *новой* Мирьями. Инициационные ритмы не совпадали.

Не отпустила героиню и ожившая в героине Айседора Дункан. Дома случилось так, что конец шарфа застрял в холодильнике, потянул ее назад и чуть не задушил. Возможно, Мирьями не придавала бы этому значения, если бы она не увидела на газетном листе дату: «14 сентября, суббота» [376]. Именно в этот день погибла Айседора Дункан, задушенная собственным шарфом, попавшим под колесо автомобиля. Совпадение чисел вызвало у героини болезненную реакцию.

Цепочка перевоплощений: «обычная женщина – индийская танцовщица – камей – Айседора Дункан – птица» завершилась смертью Мирьями-Дункан и ее возвращением к прежнему статусу.

К прежнему ли? На этот вопрос скорее ответит поступок Ханнеса, на первый взгляд, абсолютно бессмысленный. Дома он увидел плавающую в заводи пару гагар (у финно-угорских народов гagara является птицей-демиургом). Затем его взгляд пал на чашку со следами губной помады, «потом на лампу на потолке, а с лампы на табурет, оставленный посреди комнаты». Последний послужил Мирьями партером, так как Ханнес отказался танцевать с ней.

«”Интересно, дотянусь или нет?”

С трудом, взобравшись на табурет, он попытался дотянуться до потолка. Кончики пальцев едва касались досок» [376].

«Соединившись» с табуретом, он стал не просто выше, а будто перевоплотился в эпического героя (в охотника или в птицу-самца), который способен не до потолка с подвешенной на нем лампой — а до самого неба достать, до неба с летящей по нему птицей с ярким опереньем. Инициационные ритмы героев наконец-то совпали. Оба героя совпали со своим «я», тем внутренним, которое спряталось от своих обладателей в сутолоке повседневной жизни. В этой новелле не мужчина (отец, поклонник, Фрейд, солнечные божества) дал женщине крылья, а она разбудила, казалось, навсегда заснувшее в нем творческое начало.

Если героиня Т. Ринкинен похожа на птицу во время танца с шарфом, то героиня Кертту-Каарины Суосалми (1921) летает как птица. Соответственно и название новеллы: «Жена, которая умела летать» (1986). Писательница воссоздает образ женщины, у которой есть дом, семья (муж, дети, внуки), достаток. Но по прошествии многих лет она поняла, что жизнь была лишена чего-то главного — смысла (это слово не раз звучало или подразумевалось в других новеллах), поэтому ей «иногда хотелось заткнуть уши и глаза своей души» [323].

Душа — вот ключевое слово! У героини болит душа, ибо утрачена духовная связь с миром, которую госпожа (так называет ее автор) решила восстановить, пытается разобраться в себе, поскольку вновь, как в юности, начала летать во сне. Будучи образованной женщиной, госпожа пытается разгадать эту загадку с помощью трудов Фрейда и Юнга, народных сказок и картин Шагала. В этом перечне встречается уже знакомый читателю образ первозданного ила, по которому шлепали кожаными крыльями доисторические птицы.

Проводником в другой мир становится в тексте не мудрый старец или ведунья, а воскресшая в душе госпожи память детства. Возвращаясь в свое детство, госпожа будто воскрешает детство человека. Сказочные герои часто переносились из одного царства в другое благодаря кольцу, видели иной мир на тарелочке, по которой каталось наливное яблочко. Функцию чудесного круга в новелле выполнила обыкновенная стеклянная тарелка. Госпожа «по какому-то неясному побуждению осторожно провела указательным пальцем по орнаменту, точно в этом рисунке заключалось тайное значение, код, который необходимо разгадать» [322]. Проснувшись в женщине ведунья заставила ее свершить с круглым предметом магический круг: «С тарелкой в руке госпожа медленно обошла вокруг стола и вдруг увидела

себя шестилетней девочкой, в точности повторяющей все ее нынешние движения» [323]. Разбуженная память детства возросла благодаря появлению внучки: «изящное тонкокостное тельце в вылинявшем платье тихо прильнуло к ней» [329]. После ее ухода ожидаемая метаморфоза произошла: «О чудо! Ноги оторвались от пола! Госпожа поплыла как большая амёба» [324].

Заметим, что цепочка сравнений, характеризующих летающую женщину, будто повторяет этапы земной эволюции: от амёбы до надувной лодки и самолета-истребителя. Она похожа не только на птицу, но и на рыбу, то есть синтезирует в себе свойства водоплавающей птицы – устроительницы мира в мифологии многих народов, в том числе и финно-угорских. Таким образом, ее «побег» есть прорыв в иное время (детство человечества) и иное пространство, которое для других людей (и в этом заключается парадокс Суосалми) остается все тем же настоящим временем и настоящим пространством.

Как и положено ведунье, способной перевоплощаться в птицу, она выбрала для приземления перекресток: здесь заканчивается город и начинается пространство живой природы. Она открывается женщине во всей своей первозданной мощи, со всем комплексом первоэлементов: глиняная яма и ели, ягоды и ручей, и поляна и скала, на вершине которой застрял обломок валуна, занесенный сюда в ледниковый период [325]. Картина первозданного мира в тексте эквивалентна райскому саду. Полет из привычного мира повлек чудесную встречу и новый брак госпожи с сапсаном. На сакральное предназначение птицы указывают «знаки властелина»: «широкий хвост, белое пятно на груди» [325].

Брак женщины и птицы для фольклорно-мифологических текстов – дело обычное. Автор не описывает брачную игру госпожи и сапсана (она назвала его Фалко) как совокупление. Это – природно-духовная близость, которая так велика, что, «когда Фалко расправлял крылья, госпожа ощущала объятие, хотя сапсан оставался сидеть на вершине скалы. Таким объятием никто не обнимал ее: как будто земля, воздух и вода соединялись и давали ей почувствовать силу этих трех стихий природы» [327]. Она сама будто и создавала, и олицетворяла Космос. Полюбив, она обрела еще один дар: она засвистела, как «лесная птица в самые темные часы туманной летней ночи» [327].

Космическая музыка, звучащая в ней, противоречила ходу ее жизни, ее обязанностям домашней хозяйки и фальшивой близости с мужем.

Переход из реальности в сказку завершился возвращением в реальность. Она еще не определила свое место в реальном мире, но

помнила, что при ее первом полете, когда «сине-зеленые полы халата взметались в такт движениям рук и ног», создавалось ощущение, что «все это было похоже на изображения на старинных священных картинах» [329]. Осознанной женщиной ее сакральный статус подчеркнут заменой сакрального имени на нарицательное: «госпожа», которое звучит у католиков как «Мадонна» (Моя Госпожа). Так они величают Деву Марию.

Финские писательницы уверены, что женщина может осознать свое предназначение в любом возрасте: об этом пишет К.-К. Суосалми, героиня которой в процессе духовной инициации вступила в чудесный брак. А героиню Эйлы Пеннонен (1916) «*Au crépuscule*» (1990) ждет в возрасте бабушки роль матери маленькой девочки.

Но осознание своего предназначения героине далось не легко: она уже привыкла к спокойной жизни пенсионерки. В ее жизни будто зазвучала мелодия пьесы, которую она исполняла в детстве «*Au crépuscule*», что в переводе с французского означает «В сумерках». Этой музыкальной интонации соответствует изобразительный ряд: «В ее комнате даже в ясные дни сумеречно, потому что окна частично закрывает дикий виноград» [342].

Мало того, в стране будто наступили сумерки; молодые люди (племянница Анны и ее муж) пьют и принимают наркотики. Не видя выхода из тупика, они решают покончить счеты с жизнью и отправляют дочь к своей старой тетке. Менее всего думая о душевном состоянии ребенка, они говорят ей о задуманном и передают для Анны письмо с просьбой позаботиться о Миркку.

Новеллу отличает сдержанная реакция героев на происходящее, усиливающаяся сдержанной, даже несколько отстраненной интонацией автора-повествователя, предоставляющего персонажам право самим решать свои проблемы. Хотя диалог с братом занимает целую страницу, они говорят о случившемся как о рядовом событии. Их диалог показывает, что они не только дистанцируются от болевых проблем, от смерти, но, по сути, дистанцируются от полноты жизни.

Коллизия «смерть молодых родителей / сиротство их дочери» высвечивает главную коллизию произведения: духовную смерть Анны и ее воскрешение, которое было подготовлено игрой Анны и Миркку в сказочных героев. Но если первая погружалась в мир своего детства, то вторая возвращала ее к жестокой реальности.

По просьбе Миркку Анна начинает рассказывать сказку. Эта сцена напоминает ритуальное действо: «девочка нацепила на шею Анне бусы из высушенных семян и ягод» [334], привезенные из Рима. Сама она «держала в реках старый веер из черных перьев» [337]. На

символическом языке «материнской» культуры это означает превращение героев в дерево и птенца. Но на дереве нет гнезда...

Сказка превращается в диалог Анны и Миркку. Старуха рассказывает о чудесных героях и событиях, а девочка перебивает ее вопросами: сколько квадратных метров в замке; трахалась ли принцесса с принцем; не является ли волшебный напиток гашишем.

В сказочную идиллию врывается грубая реальность, от которой всю жизнь стремилась уйти Анна и в которой сызмальства живет Миркку. Девочка вывернула наизнанку реальную ситуацию: не родители, приняв «дозу», ушли в мир иной, оставив ее в одиночестве, а она, убив их, осталась с прекрасным принцем. Жестокостью ответила на жестокость.

Только «расправившись» с ними, Миркку вручает злополучный конверт крестной, а затем, глядя ей прямо в глаза, спрашивает: «Ты возьмешь меня? Или меня отправят в сиротский дом? Как Оливера Твиста?» [342]. На этот вопрос героиня сначала отвечает отрицательно, полагая, что ей не по силам поставить на ноги девочку.

Но в новелле есть еще один символический ряд. Каждый раз, перед началом сказки, Анна и Миркку будто становились маленькими жуками Хиппа и Науку, которые сидят под кустом сирени, «под толстым извилистым корнем»¹ [344]. Услышав пожелание девочки жить в этой «ямке» (родильный, пронимальный символ!²) до конца жизни, Анна понимает, что той хочется укрыться, может быть, даже вернуться в живот.

Но Анна знает, что и в чреве матери из-за потасовок родителей Миркку не была защищена. Получив ушиб еще в животе матери, девочка стремится в чрево земли – в гнездо. Но не туда ли стремится и старая женщина, разбуженная воспоминаниями?

Вспомнив, что сама «она – бывшая маленькая девочка» [343], она вновь вернула ребенка в сказку:

«– Сейчас мы Хиппа и Науку и сидим под кустом жасмина.

– Под кустом сирени.

– ... Под кустом сирени, под его корнями. ...» [344].

В гнезде, под кустом сирени сидят два жука – две девочки: настоящая и бывшая. Последняя старше по возрасту, но инфантильна: привыкла «не видеть» проблему, не принимать решение и потому «убежала» от большого мира в тесное пространство своей квартиры. Но по

¹ Ср. с желанием Айно – героини Миккола: «...надо найти что-то такое, за что можно ухватиться, берег, корневища дерева на берегу» (278).

² *Щепанская Т. Б.* Пронимальная символика // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и Азии.* СПб., 1999. С. 150–179.

мере повествования читатель чувствует, что она начинает «взрослеть». Финальная строчка новеллы – «Она вошла в гостиную и посмотрела на спящую девочку» [345] – обещает, что дом Анны станет гнездом, что ее материнство наконец-то состоится. Недаром же, несмотря на пустые мешочки грудей, у нее «соски оставались твердыми, темно-коричневыми и стояли торчком, словно еще чего-то ждали – в зеркале у них был какой-то воинственный вид» [336].

На духовный перелом намекает и имя героини. Анной звали мать Пресвятой Девы, родившую свою Марию (Миркку) будучи старой женщиной. Пока же финской Анне предстоят символические роды и все заботы, которые выпадают матери человеческой.

Если Э. Пеннанен только намекает на сакрализацию образа, то новелла Рауни Пааланен (1947) «Рахиль и лев» почти напрямую отсылает читателя к библейской традиции.

Героиня наречена именем одной из праматерей Дома Израилева – Земли обетованной. Как сказано в Библии, Рахиль встретила будущего супруга Иакова у камня, закрывающего отверстие в колодец. Встреча со львом у финской Рахили произошла у камня, на куртине которого росла земляника. Эта ягода была одним из символов западной иконографии позднего средневековья и Возрождения. Для нее была характерна тема «Мадонны смирения», сидящей на земле среди цветов или на земляничной грядке¹. Таким образом произошло отождествление библейского пространства с Севером, характерное для народного рунопевческого сознания и для «Калевалы» Э. Лённрота. Здесь целомудренная Марьятта «ягодку нашла на горке, краснобокую брусничку, необычную по виду», проглотив которую, затяжелела и разрешилась по истечении срока божественным Младенцем.

От современной Рахили тоже требуется смирение. Ей предстоит приручить льва, который оказался в беде. В цирке он, любимец публики, однажды споткнулся во время представления и был наказан. Он понял, что вторую ошибку ему не простят, и бежал.

Само место действия – цирк (ср. с новеллой Конкка) воссоздает карнавальную ситуацию, в центре которой амбивалентный образ: царь зверей / зверь-раб; актер-премьер / презренный шут. Побег льва из цирка, с одной стороны, является его новым рождением, обретением своего природного статуса царя зверей, с другой стороны, ему грозит смерть: впереди лютая зима.

Пожалевшая его Рахиль позвала зверя перезимовать у нее. Чтобы не вызвать нареkania соседей, она сказала им, что у нее «африкан-

¹ Мифологический словарь. С. 346.

ский пустынный котопёс» [369]. Рахиль перевела льва в разряд домашних животных — друзей человека, и он действительно удивительно преобразился: в природной системе перевоплощений перед нами лев — царь зверей — площадный актер — друг человека.

На уровне библейской символики: он — Иаков, муж Рахили. На это намекает то, что после встречи с ним старая женщина смотрится в зеркало и распускает волосы: «разбегающиеся по плечам пряди были пышны и блестящи» [364]. В следующий раз она идет в лес без косынки, и лев, при встрече с которым она «расцвела в улыбке», галантно замечает: «Я не сразу узнал тебя без косынки. ... У тебя приятная улыбка» [365].

Но лев отождествляется и с Даном, сыном Иакова¹. Мало того: в народной мифологии и в ветхозаветной символике он отождествляется с самим Богом. Природный цвет его шерсти, золотисто-желтые глаза указывают и на образ солнечного божества, и на Бога-Света, имеющего в ветхозаветной традиции эмблему льва. Его рычанию уподоблен глас Божий (Иов. IV, 10–11), потрясающе действующий на сердце людей. Будто подтверждая это предположение, героиня время от времени просит льва порычать, и тогда «в далекой деревушке раздается страшный рев, который поднимается к небесам и отражается эхом в лесу и прибрежных скалах» [370]. Таким образом, перед женщиной в образе льва будто выступает и Бог, и один из прародителей, и его Сын. Но в функции спасителя выступает не мужская «троица», а женщина, воплощающая в современном мире Рахиль (Прародительницу людей), саму Богоматерь и их предшественницу Ильматар, мать воды и земли: не случайно ее дом описан как воплощение Космоса. Он стоял на берегу озера. Озеро было круглым, и в зеркале его отражалось все, что происходило в небе. Рахили казалось, что она живет в мире, нижнюю половину которого составляет озеро, а верхнюю — купол неба.

Мирная жизнь Рахили-«овцы» (ее имя в переводе с древнееврейского означает «овца») с львом в поистине райском уголке ассоциируется с царством Мессии, когда ни зла, ни горя не будет на земле: «Тогда волк будет жить вместе с ягненок, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их» (Исайя, IX, 6).

В книге пророка Исайи есть такие строки: «И не будем делать зла и вреда на всей горе Моей: ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Исайя, XI, 9).

¹ Напомним, что в Библии лев является символическим воплощением Иакова и его сына Дана (Втор., XXXII, 22). Ср.: с Даном — героем новеллы А. Конкка.

Финская писательница в унисон каноническому тексту написала свой: «И земля будет наполнена ведением Госпожи, как воды наполняют море». Ее посвященная (Наина) обрела духовный союз с посвященным (Финном).

Героиня новеллы Ээвы Тикка (1939) «Оранжерея» (1992) – тоже молодая женщина, которая достойно прожила жизнь: была заботливой женой и матерью. Она знает, что неизлечимо больна, и тем не менее она решила построить оранжерею: самой создать свой рай на земле. Казалось, героиня действует алогично: смерть не остановить. Но она убеждена в правильности своего решения.

В момент кризиса ею особенно остро ощущается антагонизм мужского и женского начал. Муж не просто спроектировал вместе с архитектором их дом и участок возле него, а будто вычертил график существования семьи не только в пространстве, но и во времени, который жена нарушила, не умерев ни в марте, ни в апреле и помешав тем самым совершить ему запланированное морское путешествие. Поэтому-то ее оранжерея уже не может стать органической частью их дома. «Наш дом отвергает ее, здесь все готово, все совершенно» [380]. Но в этом ее распавшемся *целом* (в семье) еще жива частичка, которая жаждет слиться с другим целым – целым матери-земли.

Если мужчина предпочитает чертеж, который дает воображению точные параметры, то женщина выбирает рисунок, что позволяет дать полную волю фантазии. Творчество художницы побеждает все инженерные расчеты.

Все шире и шире становится создаваемый ею мир, оранжерея начинает наполняться змеями и лягушками, птицами и животными. И чем больше их, тем меньше остается в живом мире рукотворных предметов, созданных мужчинами.

В этой внезапно открывшейся новой реальности «все величаво, все происходит по общей воле многих других волей: растений и птиц, пресмыкающихся и млекопитающих» [391]. Осознавая себя частью этого мира, героиня ощущает, что она «как бы в стороне от происходящего. Или еще не готова?» [381].

В начале своего «строительства» героиня на подсознательном уровне, видимо, осознавала свою оранжерею как аналог гроба (во всяком случае так думал муж): «...если бы у меня была могила с цветником и стеклянными стенами...» [380]. Когда она нашла стеклянные стены оранжереи излишними, когда слово «Земля» стала писать как имя собственное, то местом последнего пристанища для нее становится «туманный лес» [382].

Девочка Силья слилась с туманом в поисках отца, мечтая о счастливой семье. Героиня Э. Тикка уходит в туман, оставляя свою семью. Парадоксально, но факт: чтобы достойно встретить смерть, необходимо заниматься строительством своей жизни до последнего часа. Поэтому уход героини в небытие есть не побег из жизни, а принятие и ее, и ее оборотной стороны – смерти. Создаваемый ею рай на земле готовит ее к переходу в Сад Господа. Для себя у вечности она просит одно утро: «послушаю звонкие зовущие крики птиц, увижу, как раскрывается бутон орхидеи» [382].

Орхидею героине принес муж, которого, судя по тексту, у героини новеллы Марьятты Шиер (1942), нет. Но она постоянно рисует цветы во время рабочего дня, чтобы заглушить постоянное чувство страха и одиночества. В корпусе финской прозы новелла «Театр» (1991) занимает особое место: в тексте нет намека на счастливое прошлое, будущее тоже не сулит радостных перемен, что касается настоящего, то содержание его наилучшим образом объясняет постоянно повторяющийся сон героини: «... на высоких помостах, под самым потолком работают резиновые куклы: они печатают на машинках... и никто не пытается сбежать с этих кошмарных помостов. Но когда я пытаюсь подняться к ним, то ступени ни на чем не закрепленных лестниц проваливаются или совсем исчезают под моими деревенеющими от ужаса ногами» [356]. Когда героиня поняла, что она и зритель, и действующее лицо этого спектакля, у которого один финал – уход в пустоту, она решила бежать.

Двадцать лет, отданные рутинной работе, сделали свое дело: ее «словарный запас скудеет и воображение скукоживается» [357]: она похожа «на вымазанную нефтью птицу: слипшиеся перья, застывшие веки, последнее трепетание перепонки на лапке» [357]. И даже нарисованные цветочки она начинает рвать.

Процесс медленного угасания духовной жизни героини довершает любопытная деталь. Уходя, героиня уничтожает даже отпечатки своих пальцев. Но куда ей идти? Что хочет сказать писательница, перечисляя ее вещи, которые она забирает? Это – «почтовые открытки: снежные вершины Мак-Кинли, каменистый берег Гаваев, канадские каменные тотемы, рыболовецкая шхуна, пальмы в Тунисе. Засушенный букет, о которого до сих пор пахнет маками. Вышивка крестом, на которой моя подруга вышила год своей смерти» [358]. Была ли она в местах, изображенных на открытках? Но так или иначе они представляют разные ипостаси Космоса (верх/низ, мировое дерево) и символы древней веры (тотемы). Не хранит ли она пойманный на чужой свадьбе букет? Ее брак не случился, но цветы издают настоящий запах. И

даже крестики, обозначающие год смерти, стали реальной датой на могильном кресте. Эти вещи приобретают функцию чудесных предметов, помогающие героине выйти из небытия искусственной жизни в действительность, ибо проводника у нее нет. Глядя на вошедшего курьера, она думает: не принес ли он оливковую ветвь... Этого не случилось. Из потока – к берегу, из тьмы – к свету ей придется выплыть самой. Без проводника. Хватит ли у нее сил?

Единственная новелла не дает читателю твердой надежды на воскрешение героини в новой жизни, ибо прибежав домой, она продолжает чувствовать себя больной (в состоянии временной смерти), у нее кружится голова, она боится споткнуться, удариться о косяк, врезаться в кого-нибудь.

И тем не менее она уходит...

Кто они, русские женщины?

Хотя финские писательницы выступают в роли учителей своих русских коллег, это не означает, что ими познана русская душа.

Как выяснилось, русская классика оказала, по признанию Марьи-Леены Миккола, «глубокое воздействие на весь мир моих духовных ценностей и процесс моего формирования как писательницы»¹. Она стала систематически изучать историю России и ее культуру, начала переводить произведения русских писателей. А ко времени работы над переводом Анны Ахматовой, пишет писательница, «Россия уже полностью пленила меня и настолько завладела моими мыслями, что я лишь с трудом могла заставить себя думать о чем-нибудь другом»².

Р. Паалонен также настолько впитала мысли и образы русской литературы, что они стали органичным субстратом ее творческого сознания. Не удивительно, что, когда она воочию увидела пушкинскую землю, ее охватило «пронзительное чувство» сопричастности этому миру: будто она «была когда-то здесь..., когда совсем молоденькой женщиной – девушкой читала и перечитывала Тургенева и Чехова»³.

В число кумиров финских писательниц попадают и Гоголь, Толстой, Достоевский, причем особо выделяют женские образы: Наташи Ростовы, Настасьи Филипповны (Миккола), Анны Карениной (Конкка). Но именно размышления над художественной трактовкой женских образов и повлекли за собой первые разногласия с великой

¹ Миккола М.-Л. Я и русские женщины. С. 131.

² Там же.

³ Паалонен Р. Указ. соч. С. 144.

литературой, литературой отца. Ее мужское начало особенно остро ощущалось А. Конкка, потому что в мир русской классики ее ввел отец – писатель и переводчик.

Поэтому после освоения мужских стандартов творческого поведения и литературного стиля, о чем уже было сказано, она «отреклась от отца и отцовской власти»¹, написав свой первый женский роман «Врозь». В работе над женскими образами нашел выход ее бунт против канонических образов – бунт против слишком уж приниженных или слишком возвышенных образов женщин в русской литературе»².

К этому же мнению постепенно, не без помощи исследования американского литературоведа Барбары Хельдт «Terrible Perfection», пришла и М.-Л. Миккола, находя, что мистифицированные и идеализированные женские образы русских классиков дают не только ложное представление о реальных женщинах, но и фиктивную историю их существования. Она согласна и с тем, что рецидивы этой «болезни» проявились и в советской литературе. Так, например, Валентин Распутин «законсервировал в поразительно чистом виде двудесятилетние стереотипы представлений прошлого века о женственности, которые не имеют под собой почвы в обыденной жизни советской женщины»³.

Изменение взгляда на женщину возможно при одном условии: обязательной смене исторических предпочтений. В центре внимания историков всего мира должны быть, по мнению М.-Л. Миккола, «не мужские деяния, породившие институты высокой культуры и науку ведения войны, а повседневная жизнь женщины, ее из поколения в поколение продолжавшийся труд по формированию и воспроизводству жизни»⁴.

Желая обратить внимание русских писательниц на новый подход к истории, финские литераторы на конференции в Пушкинских Горах использовали любую возможность. например, на реплику экскурсовода: «Все Ганнибалы были воины», – Арья Розенхолм вопрошает: «И женщины тоже?»

Известно, что новое историческое мышление особенно характерно для скандинавской интеллигенции, но и финскими писательницами оно усвоено достаточно прочно, что позволило Л. Хухтала начать статью о женской литературе в Финляндии с главы со значимым названием – «Мелодия будней».

¹ Конкка А. Указ. соч. С. 92.

² Там же.

³ Миккола М.-Л. Ужасное совершенство. С. 267.

⁴ Там же. С. 265.

Р. Паалонен, обращаясь к своим русским подругам, выразила желание – обратить внимание на «плодотворные БУДНИ», полагая, что это бы обогатило жизнь литераторов, «углубило бы и обострило их мировосприятие, как в плане человеческих отношений, так и в профессиональном – писательском плане»¹.

Хотя на Западе русская женская литература (преимущественно XIX в.) исследована более чем за сто лет, это не означает для финских писательниц, что ими познана тайна современной русской женщины. В качестве примера Миккола сослалась на свой рассказ 1962 г. «Русские женщины», где описано, как сталкиваются две системы ценностей: одну – западный либерализм и протестантскую этику – олицетворяют финские женщины, другую – «странную», не поддающуюся объяснению и определению – символизирует главная героиня рассказа Ольга, русская по происхождению.

Хотя финкам, желающим наставить ее на путь истинный, не понять, почему она не гонит вон пьяницу-сожителя, почему равнодушна к их ответам и деньгам, тем не менее они усомнились в своей, казалось бы, бесспорной правоте. Ольга для них теперь воплощала не только русское начало, «а нечто гораздо широкое и глубокое. Она была Иная»².

Осознавая инаковость как базисный принцип европейской (континентальной) философии, Миккола и предлагает начать финским писательницам диалог с русскими коллегами, чтобы наконец понять: «Кто такие русские женщины? откуда они пришли? И куда они держат путь?»³. На этот вопрос им и нам еще предстоит ответить.

¹ Паалонен Р. Указ соч. С. 148.

² Миккола М.-Л. Я и русские женщины. С. 133–134.

³ Там же. С. 134.

Виктор Бирин

Основные тенденции развития брака и семьи у финнов Карелии во второй половине XX века

В начале XX в., а также в 1930–1940-е гг. финны по уровню брачности, брачному и семейному состоянию мало чем отличались от остальных этнических групп Карелии¹. В то же время они имели упрощенный состав семьи: у них преобладали в подавляющем большинстве семьи нуклеарные, состоявшие из супругов с детьми, что типично для иммигрантов. К сожалению, данные статистики, которые могли бы это проиллюстрировать, отсутствуют². Однако воспоминания, касающиеся довоенных лет, однозначно подтверждают преобладание таких семей.

Уже в 1950-е гг. финны отличались повышенной долей вдов и пониженной долей замужних в брачной структуре населения. Эта ситуация на протяжении послевоенных лет продолжала углубляться: к высокой доле вдов добавилась категория разведенных.

По переписи населения 1979 и 1989 гг., доля замужних у финнов была значительно ниже, чем среди остальных этнических групп. По данным этносоциологического исследования 1995 г., в браке состояли 59 % опрошенных, в том числе 67 % мужчин и 51 % женщин. В то же время каждый пятый в возрасте 25–34 лет и каждый десятый в возрасте 35–54 лет в официальном браке не состоял (см. табл. 1).

Самый высокий уровень брачности характерен для возрастной группы 35–44 лет. Достаточно высок этот показатель и среди 45–64-летних. Доля разведенных в средних и старших возрастных группах примерно одинакова и составляет 11–13 %, с повышением возраста она снижается. Доля вдовых, напротив, с возрастом нарастает: среди 45–54-летних это почти каждый десятый, в группе 55–64 лет – каж-

¹ Возникновение новой семьи, как правило, связано с образованием супружеской пары. Процесс образования таких пар называется брачностью. Брачность обычно характеризуется долей вступивших в брак по отношению как ко всей этнической группе, так и к тому или иному поколению. На показатель состояния в браке решающее влияние оказывают: среди мужчин – доля молодых бракоспособных холостяков, среди женщин – доля вдов. При этом уровень брачности мужчин всегда превышает уровень брачности женщин (см.: Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 46).

² Демографическая статистика указанного периода достаточно скромна, при этом финнов в текущей демографической статистике практически не отражали: их фиксировали только по некоторым отдельным позициям.

дый пятый, среди 65-летних и старше – каждые двое из пяти. Подавляющее большинство вдовых составляют женщины.

Таблица 1

Брачное состояние (по данным этносоциологического исследования), %

Возрастная группа (лет)	Никогда не состояли в браке	Состоявшие в браке	В том числе повторном		Вдовые	Разведенные
			после развода	после смерти супруга		
15–24	79,3	17,8	0,5	0,0	1,3	1,6
25–34	20,7	57,4	9,7	0,6	1,2	11,6
35–44	9,9	75,7	7,9	0,6	2,3	11,9
45–54	9,1	67,6	8,5	1,2	9,7	13,4
55–64	6,9	66,7	6,3	2,2	17,7	8,5
65 и более	8,9	45,0	3,5	2,8	40,4	5,7

Разводимость, как процесс, противоположный брачности, активизировалась в 1970–1980-е гг. Она примерно в равной степени затронула все этнические группы республики. Одновременно с ростом числа разводов резко возросло число повторных браков, в определенной мере компенсировавших негативные последствия разводимости и частично – вдовства.

Примерно каждый десятый брак финнов среднего и старшего возраста (25–54 года) был повторным, заключенным, как правило, после развода. Повторные браки после смерти одного из супругов редки, поскольку вдовство наступает в основном в старших и пожилых возрастах, когда оставшемуся супругу вступить в новый брак (как правило, это женщины) значительно труднее. С другой стороны, в официальной регистрации повторных браков в этом возрасте часто нет необходимости.

В 1960–1980-е гг. основная масса женщин и значительная часть мужчин вступали в брак в возрасте 20–24 лет. Финны не исключение, хотя их традиционный брачный возраст был несколько выше, чем у проживавшего по соседству русского населения. Данные этносоциологического исследования 1995 г. свидетельствуют о снижении брачного возраста финнов.

В 1940–1950-е гг. и мужчины, и женщины при сохранении традиционного брачного пика уже чаще вступали в брак по достижении 25–29 лет. Нередки были поздние браки в возрасте 30–34 лет и старше. На позднюю брачность старшего поколения помимо традиции более всего повлияла социальная ситуация: люди, вынужденные покинуть свою этническую родину, приехав на новое место жительства, должны были обжиться, немного прийти в себя, оглядеться, наладить

быт. Это было характерно и для других этнических групп мигрантов (белорусов и украинцев), приехавших в Карелию в 1940–1950-х гг. С середины 1960-х гг. брак стал молодеть: сначала девушки, а затем и парни все чаще начинают вступать в брак в возрасте до 19 лет (см. табл. 2).

Таблица 2

Возраст первого брака (по данным этносоциологического обследования), %

Возрастная группа (лет)		Возраст вступления в первый брак (лет)				
		до 19	20–24	25–29	30–34	35 и более
15–24	Мужчины	20	80	–	–	–
	Женщины	48	48	4	–	–
25–34	Мужчины	15	65	20	–	–
	Женщины	35	61	4	–	–
35–44	Мужчины	12	59	21	7	1
	Женщины	23	61	10	5	–
45–54	Мужчины	–	42	40	3	1
	Женщины	16	67	10	3	2
55–64	Мужчины	2	37	51	7	3
	Женщины	10	48	32	7	3
65 и более	Мужчины	2	41	35	17	6
	Женщины	11	44	28	9	7

Ранний брак обычно стимулировался беременностью, ожиданием ребенка. Это же было характерно и для финнов. У подавляющего большинства женщин 15–24 и 25–34 лет, вступивших в брак до 19 лет, в это же время родился и первый ребенок (см. табл. 3). Сразу после вступления в брак рожали также и те, кто выходил замуж поздно, в 30–34 года и более.

Таблица 3

Возраст рождения первого ребенка (по данным этносоциологического обследования), %

Возрастная группа (лет)		Возраст первого ребенка (лет)				
		до 19	20–24	25–29	30–34	35 и более
15–24	Мужчины	–	100			
	Женщины	45	55			
25–34	Мужчины	7	69	24		
	Женщины	26	60	14		
35–44	Мужчины	5	40	46	6	2
	Женщины	8	66	17	6	3
45–54	Мужчины	–	31	37	6	6
	Женщины	6	68	17	7	2
55–64	Мужчины	1	25	47	24	2
	Женщины	3	44	40	10	3
65 и более	Мужчины	–	29	35	25	10
	Женщины	6	34	36	15	8

В 2002 г. в браке состояли 65,5 % мужчин и только 47,7 % женщин. Примерно каждый десятый брак не был зарегистрирован в установленном законом порядке. Вдовы составляли 22,4 %, разведенные – 11,7 %, никогда не состоявшие в браке – 18,2 %. У мужчин, соответственно, – 4,5, 7,5 и 22,3 %¹.

В целом уровень брачности мужчин такой же, как у других народов Карелии, в то время как уровень брачности женщин – один из самых низких. Он примерно такой же, как у карелок и вепсянок, в брачной структуре которых также высока доля вдов. Более поздний брачный возраст и старая половозрастная структура предопределили у финнов повышенную долю незамужних, которая оставалась стабильной на протяжении 1960–1990-х гг. и продолжала сохраняться в начале XXI в.

У финнов Карелии широкое распространение получила межнациональная брачность. По данным этносоциологического исследования, в 1995 г. в межнациональном браке состояло более 73 % опрошенных мужчин и женщин. При этом высокий уровень межнациональной брачности (от 81 до 91 %) был зафиксирован не только у молодежи (15–24 лет), но и среди людей среднего (25–44 лет) и старшего (45–54 лет) возраста. Даже у пожилых (65 лет и старше) почти каждый второй (43 %) состоял в межнациональном браке. Таким образом, почти три четверти всей диаспоры состоит в межнациональном браке, а большую ее часть составляют выходцы из национально-смешанных семей (см. табл. 4).

Таблица 4

Изменение доли национально-смешанных семей в зависимости от возраста респондента (по данным этносоциологического исследования), %

Годы рождения респондентов	Национальный состав семьи			
	родителей		собственной	
	однациональная	национально-смешанная	однациональная	национально-смешанная
1971–1980	17	83	9	91
1961–1970	34	66	13	87
1951–1960	67	33	16	84
1941–1950	78	22	19	81
1931–1940	89	11	32	68
До 1931	96	4	57	43

¹ *Рассчитано по:* Национальный состав населения Республики Карелия. Статистический сборник V. С. 39.

Процесс интенсивного смешения финнов в брачной сфере начался в 1950-е гг., когда межнациональная брачность в республике приобрела массовый характер. Многочисленные потери мужского населения, обусловившие ощутимую половозрастную диспропорцию, миграция инонационального населения, усложнившая этническую ситуацию, проникновение прибывших на территорию, прежде заселенную преимущественно карелами, и расселение их там в создаваемых в большом количестве лесопромышленных поселках, с самого начала отличавшихся полиэтничностью, — вот основные факторы резкого увеличения числа межнациональных браков в послевоенные годы¹.

Диспропорция полов у финнов среди лиц активного брачного возраста была небольшой. В конце 1950-х почти каждой потенциальной невесте теоретически имелся жених своей национальности. Однако в местах постоянного проживания финнов потенциальный круг брачных партнеров был все же ограничен: в городах, например, не хватало женихов, а в сельской местности — невест. Тем не менее это обстоятельство не имело существенного значения для брачности. На протяжении всего послевоенного периода подавляющее большинство финской молодежи (как юношей, так и девушек) вступали в межнациональный брак, ставший обычным явлением для Карелии.

Об интенсивности этого процесса можно судить по следующему моменту: в 1960 г. у карел, проживавших в сельской местности, браки с финнами занимали третье место (после браков с русскими и белорусами) и составляли 9,2 % у мужчин и 10,9 % у женщин. Особенно часто такие браки встречались в местах компактного проживания карел и финнов, в первую очередь в Пряжинском районе².

Основной причиной углубления смешанной брачности в 1970–1980-е гг. явилась высокая степень интеграции народов в пределах одного поселения, в которых формировалась смешанная или многонациональная среда. Это формировало такую систему родственно-соседских связей, в которой были задействованы практически все проживающие в данном месте национальности³. Так, согласно исследованию 1995 г., у 72 % финнов близкие родственники (дочь, сын, брат, сестра) состояли в браке с людьми другой национальности.

Среди брачных партнеров доминирующее положение занимают русские как основное население республики. Затем, в порядке убывания частоты упоминаний, следуют карелы, белорусы, украинцы,

¹ Подробнее об этом см.: *Бирин В. Н.* Брак и семья сельского населения Карельской АССР в 1950–1970-е годы. Петрозаводск, 1992. С. 118.

² Там же. С. 134–135.

³ Там же. С. 121.

вепсы (см. табл. 5). Убывание происходит прямо пропорционально численности данных этнических групп в населении республики. Финны вступают в брак с представителями всех проживающих в республике национальностей. При этом 70 % респондентов считают, что национальность супругов не сказывается на их взаимоотношениях.

Таблица 5

Национальность супруга в национально-смешанных семьях респондентов различного возраста (по данным этносоциологического исследования), %

Возрастная группа (лет)	Национальность супруга					
	Русский	Карел	Белорус	Украинец	Вепс	Другая
15–24	18,9	9,1	3,0	3,0	6,0	0,0
25–34	73,6	14,2	2,8	2,8	0,9	5,7
35–44	75,9	11,6	5,2	1,3	0,4	2,6
45–54	68,5	12,1	9,7	2,4	2,4	4,8
55–64	66,5	15,2	10,7	3,6	2,0	2,0
65 и более	74,8	10,6	6,5	3,2	1,7	3,2
Итого	72,1	12,6	7,1	3,4	1,6	3,2

Молодежь, а также представители среднего возраста (15–44 года) чаще вступают в брак с русскими и реже с белорусами и украинцами, а также вепсами, чем их родители – люди старшего и пожилого возрастов. Это связано прежде всего с сокращением численности женихов и невест этих национальностей. В то же время карелы остаются стабильным брачным партнером финнов во всех возрастных группах (поколениях).

При нарастающих темпах межнациональной брачности число однопородных семей сокращалось, а национально-смешанных увеличивалось от поколения к поколению. Сейчас смешанные семьи у финнов являются основными и преобладают абсолютно, что не может не сказаться на процессах их культурной и этнической ассимиляции.

Традиционная семья у финнов-ингерманландцев была большой, «в одном дворе могли проживать 20–30 человек», и сохранялась достаточно долго. Несмотря на бедность, семьи были многодетными. Часто, наряду со своими детьми, были взятые на воспитание дети из петербургских приютов¹.

¹ Шлыгина Н. В. Ингерманландские финны: этнографический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 78; Она же. Финны-ингерманландцы // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 373.

Война, репрессии и депортация разрушили традиционную семью финнов-ингерманландцев. Каждая семья, прибывшая в Карелию в конце 1940-х гг., испытала потери как в численном, так и в родственном составе. Особенно заметно это отразилось на детности семей.

Материалы переписи 1970 г., единственный раз за все послевоенное время зафиксировавшие и отразившие родственный состав семьи у основных этнических групп Карелии (см. табл. 6), позволяют проследить происшедшие в этом плане изменения.

Таблица 6

Распределение семей по типам у отдельных этнических групп (по материалам переписи 1970 г.), %

Родственный состав семьи		Карели	Русские	Белорусы	Вепсы	Финны	Прочие	НСС
Супружеская пара без детей	Город	16,2	12,7	13,0	22,4	21,5	21,2	12,9
	Село	16,5	17,5	13,2	15,4	31,5	22,5	14,4
Супружеская пара с детьми	Город	40,3	50,8	57,1	26,8	34,2	49,6	59,7
	Село	43,4	49,1	63,5	38,0	23,7	53,7	65,5
Супружеская пара с детьми, одним из родителей супругов, с др. родственниками	Город	10,7	9,7	7,3	4,7	9,8	6,9	13,1
	Село	14,3	9,3	6,3	12,4	6,2	4,4	10,9
Супружеская пара без детей, с одним из родителей супругов, с др. родственниками	Город	1,8	2,0	1,0	—	3,0	0,6	2,2
	Село	1,6	1,3	0,7	3,8	1,6	1,4	1,8
Мать (отец) с детьми	Город	21,7	17,7	17,4	35,0	21,8	16,8	6,5
	Село	18,1	16,7	13,8	28,8	22,8	15,3	4,9
Мать (отец) с детьми и одним из родителей	Город	5,9	3,7	2,2	6,3	3,7	2,5	2,2
	Село	3,2	3,5	2,0	0,8	4,7	1,7	2,0
Прочие	Город	3,5	3,5	1,9	4,7	5,9	2,3	3,3
	Село	2,9	2,6	0,5	0,8	9,5	1,0	1,5

Расчитано по: ЦГА РК, ф. 659, оп. 14, д. 19/116, л. 6–7. НСС – национально-смешанная семья.

В послевоенные годы у всех народов Карелии преобладали семьи двух типов: супружеская пара с детьми (или простая нуклеарная) и один из супругов (в основном мать) с детьми (или неполная двухпоколенная), доли которых были примерно равными. Основная причина бытования таких семей – война, вызвавшая большие потери мужского населения. Со временем последствия войны сглаживались, доля нуклеарных семей стала нарастать, а неполных – снижаться, трансформируясь в трехпоколенную (как полную, так и неполную). Перепись 1970 г. зафиксировала у финнов самую низкую долю простых нуклеарных семей, особенно в сельской местности, которые были в то время наиболее типичными для всех этнических групп.

Одновременно финны имели самую высокую долю семей, состоящих из супружеской пары без детей. В основном это были пожилые супруги, так называемые вторичные брачные пары. В сельской местности семья этого типа даже преобладала, вдвое превышая долю таких семей у других этнических групп. Неполная семья обоих типов (т. е. двух- и трехпоколенная) также была характерна для финнов, хотя в этом плане они были похожи на карел и вепсов. Сохранялась и полная трехпоколенная семья, особенно в городах, что сближало их с местными карелами, вепсами и русскими. Финны имели самую высокую долю «прочих» семей, объединявших несколько супружеских пар и боковых родственников, а также двух (и более) сестер пожилого возраста.

Процесс преобразования семей, состоящих из супружеской пары с детьми, в семью, состоящую из пожилых бездетных супругов, — характерная черта послевоенного развития семьи в Карелии¹. На протяжении всех 1970–1980-х гг. доля этих семей стремительно нарастала. У финнов этот процесс начался раньше и проходил более быстрыми темпами, чем у других народов. Не случайно, в начале XXI в. (2002 г.) семья из двух человек у них превалирует не только в сельской местности, но и в городах, значительно опережая другие этнические группы. Решающий вклад в это вносят именно вторичные супружеские пары.

Детность финских семей в Карелии также была далека от традиционной. Уже в конце 1960-х гг. типичной для финнов стала семья с одним ребенком. В городах чаще встречалось двое детей, но доля бездетных супружеских пар уже превысила долю этих семей. В сельской местности заметно превалировала бездетная семья. Третий ребенок у финнов встречался в полтора-два, а четвертый — в два-четыре раза реже, чем у других этнических групп (см. табл. 7).

Показательно, что финны, приехавшие в Карелию в начале 1950-х гг., имели трех-четыре, а нередко — и пять детей. Семьи, возникшие в Карелии, такой детностью не отличались. По данным этносоциологического исследования, у лиц старше 55 лет (тех, кто вступил в брак в 1950-е гг.) четыре-пять детей были уже большой редкостью. Однако три ребенка встречались еще достаточно часто. У вступивших в брак в 1960–1970-е гг. (35–54 года) более половины имели двух детей, а третий ребенок присутствовал примерно в каждой двенадцатой семье. Для вступивших в брак в 1980–1990-е гг. был уже характерен один ребенок, второго имели 30 % семей, а третьего — единицы (см. табл. 8).

¹ *Бирин В. Н.* Брак и семья... С. 156.

Уменьшение детности финских семей – логичный результат снижения рождаемости. По этому показателю финны далеко опережали другие этнические группы.

Таблица 7

Количество детей в семьях отдельных этнических групп
(по материалам переписи 1970 г.), %

Тип семьи		Наличие детей в семье					
		0	1	2	3	4	5 и более
Карельская	Город	21,0	35,6	26,7	9,7	4,1	2,8
	Село	20,4	27,9	22,0	14,9	7,7	4,6
Русская	Город	16,9	42,2	30,4	7,5	2,0	1,0
	Село	20,4	30,7	25,9	13,1	5,5	4,3
Белорусская	Город	15,9	32,8	31,6	13,0	3,7	2,9
	Село	14,2	26,6	32,9	16,8	6,4	3,1
Финская	Город	29,8	35,6	24,2	7,3	1,2	0,8
	Село	41,0	31,5	16,5	7,0	3,1	0,8
Вепсская	Город	27,2	39,8	23,6	6,3	3,4	—
	Село	20,0	35,7	29,6	10,9	2,3	1,5
Национально-смешанная	Город	16,1	35,0	33,8	10,8	2,8	1,4
	Село	15,8	24,6	32,3	16,2	6,6	4,4

Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 19/116, л. 6–7.

Таблица 8

Количество детей у финнов-респондентов разного возраста
(по данным этносоциологического исследования), %

Возрастная группа (лет)	Количество детей					
	0	1	2	3	4	5 и более
15–24	84,4	14,1	1,0	0,5	0,0	0,0
25–34	26,9	38,3	29,8	2,5	2,5	0,0
35–44	11,5	23,8	54,3	9,2	0,9	0,0
45–54	8,5	30,4	51,8	8,5	0,0	0,6

Основная тенденция изменения численного состава семьи в 1960–1980-е гг. в Карелии – резкое сокращение ее среднего размера. Уже в 1970 г. у финнов как в городе, так и в сельской местности был самый низкий показатель среднего размера семьи (см. табл. 9–10). Прозизошло это за счет снижения детности и упрощения родственного состава семьи. Семьи из шести и более человек встречались редко (реже – только у вепсов). В городе и в сельской местности преобладающей стала семья из двух человек.

К концу 1980-х гг. ситуация усугубилась. Редкостью стала семья из пяти человек, в то время как из шести вообще перестала встречаться. Резко снизилась доля семей из четырех человек. Семья из двух человек стала не просто типичной, а преобладающей: каждые четыре из пяти – на селе и каждые две из трех – в городах.

Таблица 9

Распределение семей отдельных этнических групп по размеру (по материалам переписи 1970 г.), %

Тип семьи		Размер семьи (число человек)					Средний размер семьи
		2	3	4	5	6 и более	
Карельская	Город	33,8	24,6	20,4	11,8	9,3	3,4
	Село	28,8	18,4	18,1	14,9	18,3	3,9
Русская	Город	26,4	31,3	26,9	10,7	4,7	3,4
	Село	28,8	23,0	22,5	13,4	12,4	3,7
Белорусская	Город	26,5	23,7	27,9	14,3	7,5	3,6
	Село	21,2	21,2	30,7	16,2	10,8	3,8
Финская	Город	41,9	25,4	18,1	10,2	4,4	3,1
	Село	55,1	19,8	13,4	5,4	6,3	2,9
Вепсская	Город	54,0	17,7	17,8	6,3	3,2	2,9
	Село	36,4	21,0	22,5	15,5	4,6	3,3
Национально-смешанная	Город	17,4	28,6	31,4	15,2	7,4	3,3
	Село	16,1	22,6	29,3	18,2	13,9	3,5

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. VII. С. 314–315.

Таблица 10

Распределение семей отдельных этнических групп по размеру (по материалам переписи 1989 г.), %

Тип семьи		Размер семьи (число человек)					Средний размер семьи
		2	3	4	5	6 и более	
Карельская	Город	48,0	24,8	20,1	5,8	1,4	2,9
	Село	51,4	23,5	16,7	6,2	2,2	2,9
Русская	Город	33,6	30,1	27,3	6,8	2,2	3,1
	Село	38,2	26,3	24,4	8,0	3,1	3,1
Белорусская	Город	56,5	24,4	15,3	3,0	0,8	2,7
	Село	62,6	21,6	12,1	2,2	1,5	2,6
Украинская	Город	42,3	30,9	22,7	3,3	0,7	2,9
	Село	44,6	29,4	22,3	2,9	0,8	2,9
Финская	Город	65,0	22,1	9,9	2,3	0,6	2,5
	Село	82,1	13,4	3,4	1,1	—	2,2
Вепсская	Город	71,2	18,1	8,4	1,8	0,4	2,4
	Село	64,6	19,8	11,0	4,0	0,6	2,6
Национально-смешанная	Город	27,8	29,8	29,6	9,3	3,6	3,3
	Село	33,0	26,0	27,1	9,5	3,3	3,3

Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. VII. С. 314–315.

К началу 2000-х гг. в республике сложились две группы этнических общностей, различающиеся размерами своих семей: более многочисленная семья (три-четыре человека) характерна для карел, русских и белорусов; маленькая семья, состоящая в основном из двух человек, — для украинцев, вепсов и финнов.

В целом семья у финнов претерпела видимые изменения, характерные для всего населения республики. Семья изменилась как под воздействием социально-экономических условий, так и в силу внутренних процессов своего развития.

Вследствие снижения рождаемости и ассимиляции финны заметно постарели. По данным переписи 2002 г., доля лиц в возрасте 60 лет и старше составляет у них 26 %, а доля детей в возрасте 0–14 лет – 10 % (0–19 лет – 16 %). (Для сравнения: в 2004 г. в Финляндии доля детей в возрасте от 0 до 14 лет составляет 17,6 %, а доля лиц 65 лет и старше – 15,6 % при критерии «старения» в 7 %¹.) Индекс детности, по сравнению с 1959 г., снизился вдвое и составил 0,44².

Уже в конце 1980-х гг. низкая рождаемость не обеспечивала даже простого замещения поколений. Их половозрастная пирамида приобрела устойчивые очертания урны, символизирующей убыль населения. Одновременно осуществляется эмиграция финнов за рубеж, главным образом в Финляндию. Это означает стремительное исчезновение финской диаспоры в Карелии, темпы которого очень высоки и нарастают с каждым годом.

В итоге демографический кризис, продолжающийся последние 25–30 лет, усугубившийся эмиграцией конца 1980-х – начала 1990-х гг., привел к депопуляции финского населения Карелии, которая проходила более быстрыми темпами, чем можно было ожидать. При сохранении существующих тенденций финны как этническая группа могут исчезнуть с этнической карты Карелии уже через два поколения.

¹ Культуры лицом к лицу. Жизнь в России и в Финляндии. Каяни, 2005. С. 159.

² Подробнее см.: *Бирин В. Н.* Этнодемографическая ситуация в Карелии // Вестник Карельского филиала СЗАГС – 2006. Сб. статей. Ч. 1. С. 3–20.

Евгений Клементьев

Социально-профессиональная структура финского населения Карелии: тенденции развития, современное состояние

Вплоть до середины 1960-х гг. в отечественной литературе социальная структура рассматривалась в понятиях «класс», реже «слой». Во второй половине 1960-х гг. с помощью метода распознавания образов и других специальных исследований стали выделять социально-профессиональные группы по серии показателей: профессия, уровень квалификации, уровень общеобразовательной и специальной подготовки, уровень дохода, участие в управлении и ряд других. Эти показатели называли «стратообразующими». По характеру труда работники объединялись в одну группу, если они выполняют сходный по содержанию и социально-экономической оценке труд, имеют сходный уровень образования, квалификации, размер дохода, условия труда и быта, социальные связи и др.¹

Для описания изменений в социальной структуре работники дифференцировались на пять групп:

1) неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда, производственная деятельность связана с выполнением стереотипных занятий, не требующих специальной профессиональной подготовки;

2) работники высококвалифицированного физического труда, работа которых сопряжена с выполнением значительного объема умственных операций, требующих специальных профессиональных знаний и высокого исполнительского мастерства;

3) служащие-неспециалисты – это группа работников, к которым обычно относят делопроизводителей, учетно-счетный персонал, секретарей и т. д., чья производственная деятельность связана с умствен-

¹ См., например: *Арутюнян Ю. В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. Глава IV; *Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р.* Социальные перемещения. М., 1970; *Шкаратан О. И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (Историко-социологическое исследование). М., 1970. Глава III; *Шкаратан О. И., Рукавишников В. О.* Социальные слои в классовой структуре социалистического общества // Социологические исследования. 1977. № 5 и др. О новых подходах к изучению социальной структуры постсоветских наций см. подробнее: *Беляева Л. А.* Трансформация социальной структуры российского общества // Динамика ценностей реформируемой России. М., 1996; *Арутюнян Ю. В.* Постсоветские нации. По материалам серии «Этносоциология в цифрах». М., 1999.

ной работой, которая не требует длительного профессионального обучения;

4) руководители и специалисты среднего звена. Выполнение ими своих функциональных обязанностей требует, как правило, среднего специального образования;

5) руководители и специалисты высшего звена. Их производственная деятельность основана на длительной профессиональной подготовке, требует высшего образования.

Переход работников от одной социальной группы в другую представляет собой социально-трудовую мобильность¹.

В настоящей статье используются следующие типы мобильности: внутривозрастная и межвозрастная в двух аспектах – восходящей и нисходящей. Перемещения в период трудовой карьеры из более «низкой» социальной группы в более «высокую» расцениваются как случаи восходящей мобильности. Противоположный процесс – процесс нисходящей трудовой мобильности. У части населения социальный статус в период трудовой карьеры может не изменяться. Такая дифференциация населения по социально-профессиональным группам и типам мобильности позволяет описать изменения, которые произошли в различных группах населения за период трудовой карьеры, сравнить динамику социальных сдвигов между разными поколениями.

Финны всегда отличались от других этнических групп населения Карелии повышенным удельным весом грамотных. В конце XIX в. удельный вес грамотных среди финнов Олонецкой губернии составлял 66,4 %, в том числе мужчин – 68,6 % и женщин – 64,1 %, русских соответственно – 23,9, 38 и 11,3 %, вепсов – 13,7, 26,1 и 2,4 %, карел – 10,4, 18,6 и 3,2 %².

Производственная деятельность финского населения чаще была связана с отраслями промышленного производства, ремеслами, а не с сельским хозяйством³.

В 1926 г. грамотных среди финнов в Карелии было почти 70 %, русских – 57,4 %, вепсов – 42,0 %, карел – 34,9 %⁴. К 1933 г. почти абсолютное большинство финнов (96,9 %) являлись грамотными, в том числе 99,1 % горожан и 95 % сельского населения⁵.

¹ Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов. Новосибирск, 1974.

² *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 111.

³ *Бирин В. Н.* Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991. С. 23–27.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 1. М., 1928. С. 114.

⁵ Перепись населения АКССР 1933 г. Народность, возраст, грамотность, язык, самодетальность. Вып. 1. Петрозаводск, 1934. С. 42–43.

Существенную роль в формировании социально-профессиональной структуры финского населения республики сыграла миграция.

В первой волне финнов, прибывших в Карелию на рубеже 1920-х гг., преобладали участники подавленной в Финляндии революции 1918 г. В Карелию многие политэмигранты заняли важные посты в советских, партийных, государственных органах республики, стали руководителями предприятий, учреждений и организаций, были заняты в системе образования, науки и культуры. Много было среди них и кадровых военных. При всем социальном разнообразии этой миграционной волны большую часть в ней, вероятно, составляли работники преимущественно умственного труда. В более поздних потоках мигрантов доля работников физического труда была явно преобладающей. Причем в составе прибывающих удельный вес рабочих из года в год увеличивался – с 28,9 % в 1920 г. до 25,0 % в 1927 г., 30,1 % в 1930 г. и 51,1 % в 1932 г. Из 10 236 финнов, переселившихся в Карелию с 1920 по 1932 г., доля рабочих составила 45,6 %¹.

Вторую группу переселенцев составили так называемые финны-перебежчики, массово прибывающие в Карелию с начала 1930-х гг., из северо-восточных провинций Финляндии. Они пополняли в основном ряды лесозаготовителей, рабочих лесопереработки, строительных организаций, многие из них использовались на вспомогательных работах².

Производственная деятельность североамериканских финнов-переселенцев, составивших третью волну миграции (1930-е гг.), в основном была связана с лесозаготовками и работой на лесоперерабатывающих предприятиях республики. Среди них было много электротехников, механиков, токарей, слесарей, электриков, строителей и т. д. В начале 1930-х гг. в тресте Кареллес насчитывалось почти 20 % финнов-переселенцев – высококвалифицированных рабочих (шоферы, токари, автомеханики, машинисты и т. д.), 69 % работали лесорубами³.

В отличие от других этнических групп населения республики, финны выделялись повышенным удельным весом городского населения.

С 1926 по 1939 г. общая численность финнов в республике возросла в 3,6 раза (с 2327 до 8322 чел.), а в городах – в 3,7 раза. За эти годы

¹ *Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 155.

² Там же. С. 159, 161.

³ *Такала И. Р.* Указ. соч. С. 157; *Лаврушина Н. В.* Из истории появления североамериканских финнов в Карелии // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. С. 176–189.

доля финов-горожан в общей численности финского населения возросла с 35,1 до 40,6 %¹.

Городская среда, естественно, предоставляла более благоприятные условия для социально-профессиональной мобильности финского населения. Анализ данных мартиролога 1937–1938 гг. показал, что среди репрессированных финнов г. Петрозаводска были представители самых разных социальных слоев и групп населения: руководители высшего звена и специалисты высшей квалификации (20 %), руководители и специалисты среднего звена (5,7 %), служащие-неспециалисты (10,8 %), квалифицированные рабочие (17,5 %), работники физического труда средней квалификации (17,5 %), неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие (28 %)².

Судя по соотношению занятых преимущественно физическим (63,5 %) и преимущественно умственным трудом (36,5 %), значительному удельному весу руководителей и специалистов разного уровня подготовки, квалифицированных рабочих социально-профессиональная структура финнов конца 1930-х гг. может быть охарактеризована как весьма продвинутая и развернутая.

Репрессии 1930-х гг. нанесли чувствительный удар по социально-профессиональной структуре финнов. В общей численности репрессированных в Петрозаводске (почти 1200 человек) их доля составила 31,2 % (372 человека). К 1939 г. по сравнению с 1933 удельный вес финнов в столице республики снизился с 7,3 до 2,9 %³.

Некоторые итоги борьбы центра с «национал-шовинизмом» в регионах можно также проследить, сравнив данные 1927 г., характеризующие представительство карел и финнов в Карелревкоме, Карел-исполкоме, КарЦИКе, в уездных и в волостных исполнительных комитетах, с данными 1939 г. по численности и доле карел и финнов в составе руководства партийных организаций республики, государственных, кооперативных и общественных учреждений и предприятий. В итоге к 1939 г. по сравнению с 1927 г. удельный вес карел и финнов здесь сократился примерно до 8 % с 47 %, т. е. почти в восемь раз⁴.

К 1939 г. по сравнению с 1933 г. общая численность финского населения республики уменьшилась с 12 028 до 8322 человек.

¹ Рассчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. С. 114–116, Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1532, д. 128/1390, л. 197–200.

² Рассчитано по данным газ. «Петрозаводск» за март – май 1996 г.

³ Рассчитано по: Список населенных мест. По материалам переписи населения 1933 г. С. 86; НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390.

⁴ Рассчитано по: Советы Карелии. 1993. С. 502–503; НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 161–162.

В конце 1930-х гг. по доле работников, занятых в различных производственных и непроизводственных сферах, социально-профессиональная структура финнов-горожан имела значительные черты сходства с сельской структурой. Наиболее многочисленную группу работников умственного труда в финском населении республики и в городе и на селе составляли главным образом культурно-просветительные кадры (почти 32 %). Значительная часть финского населения работала в сфере учета. В 1939 г. финны практически не были представлены в юриспруденции, низким стал их удельный вес в составе руководящих кадров республики (табл. 1).

Таблица 1

Распределение работников умственного труда по сферам занятости, чел.

Категория работников	Город		Село		Всего		
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	оба пола
Руководители партийных, государственных, кооперативных, общественных учреждений и предприятий	24	7	31	30	45	37	82
Технический персонал	29	15	43	9	72	24	96
Медицинские работники	2	24	1	29	3	53	56
Культурно-просветительные работники	47	70	97	119	144	189	333
Работники искусства	11	7	1	1	12	8	20
Юридический персонал	1	—	—	—	1	—	1
Работники охраны безопасности	4	4	6	1	10	5	15
Работники связи	—	8	1	6	1	14	15
Торговля, заготовки, складское хозяйство	5	26	10	15	15	41	56
Планово-контрольные работники	7	10	10	6	17	16	33
Работники учета	27	72	34	67	61	139	200
Делопроизводители	4	26	1	11	5	37	42
Прочие служащие	11	26	21	58	32	84	116
Всего	172	295	256	321	428	616	1044
%	40,2	59,8	41,6	48,4	41,0	59,0	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 161–162, 167–168.

В городах республики финны-мужчины обычно работали строителями и металлстами, женщины — производственными рабочими, работниками сферы обслуживания. В сельской местности основной сферой приложения труда и мужчин, и женщин являлись лесозаготовка и сплав леса. Значительная часть мужчин работала на транспорте, являлись металлстами и строителями. Как и городское население, сельские женщины чаще всего были заняты в сфере хозяйственного обслуживания, работали «прочими производственными рабочими» (табл. 2).

Таблица 2

Распределение работников физического труда по сферам занятости, чел.

	Город		Село		Город и село		%	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.		
Сельскохозяйственные рабочие	4	9	69	89	73	98	171	5,2
Лесозаготовки, сплав	71	51	476	251	547	302	849	25,6
Рыболовство, рыбоводство	—	—	1	1	1	1	2	0,06
Металлисты	192	7	185	6	377	13	390	11,7
Деревообработка	90	25	56	8	146	33	179	5,4
Рабочие силовых установок	15	12	13	13	28	25	53	1,6
Строители	193	24	105	15	298	39	337	9,2
Железнодорожный транспорт	2	3	7	2	9	5	14	0,4
Автотранспорт	64	2	125	8	189	10	199	6,0
Прочие на транспорте	50	10	194	80	244	90	334	10,1
Общественное питание	1	32	1	65	2	97	99	3,0
Прочие производственные рабочие	47	153	47	132	94	285	379	11,4
Хозяйственное обслуживание	8	134	26	141	34	275	309	9,3
Всего	737	462	1305	811	2042	1273	3315	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 1532, оп. 1, д. 128/1390, л. 163–166, 169–171.

В послевоенные годы, вместе с третьей миграционной волной, с переселением ингерманландских финнов, общая численность финнов в республике к началу 1959 г. увеличилась до максимального значения – до 27 829 чел., из них 71,7 % – горожане¹.

К концу 1950-х гг. в Карелии сложилось три региона по доминирующему производству: 1) аграрный (Кондопожский, Олонецкий, Прионежский и Сортавальский районы. Лахденпохский и Питкярантский районы входили в состав Сортавальского района, Пряжинский район был в составе Прионежского района); 2) промышленный (Беломорский, Кемский, Лоухский, Сегежский и Суоярвский. Калевальский и Муезерский районы входили соответственно в состав Кемского и Сегежского районов) и 3) аграрно-индустриальный (Медвежьегорский и Пудожский районы)².

И независимо от того, в каком регионе финны проживали, они чаще являлись жителями поселков городского типа и городов (примерно 54–57 %), чем сельских поселений. В ряде лесных поселков доля

¹ НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5.

² См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Основные тенденции развития сельской поселенческой сети в послевоенные годы. Петрозаводск, 1988. С. 16–20.

финского населения была существенной (Кяснясельга, Лоймола, Пийтсийёки, Матросы, Кудама, Соддер и др.)¹.

Финны-ингерманландцы, став первопоселенцами будущего поселка лесозаготовителей Койвусельга, приняли активное участие в строительстве².

В конце 1950-х гг. производственная деятельность большинства финнов была связана с промышленным производством. В различных отраслях хозяйства республики работало 14 391 чел., или 51,7 % всех финнов, в том числе преимущественно умственным трудом занимались 1506 чел., или 10,5 % от общей численности работающих. По сравнению с концом 1930-х гг. доля этой группы сократилась более чем в два раза³.

Самую многочисленную группу среди работников умственного труда составляли инженерно-технические кадры. Другая большая группа финнов работала педагогами, воспитателями и научными сотрудниками. Часть финнов, особенно городских женщин, работали в сфере здравоохранения и искусства, являлись культпросветработниками (табл. 3).

Таблица 3

Распределение финнов, занятых преимущественно умственным трудом по отраслям хозяйства, чел.

Категория работников	Город		Село		Город и село		оба пола
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	
Руководители органов государственного управления	4	2	4	2	8	4	12
Руководители предприятий ИТР	37	16	13	9	50	25	75
Агрономы, зоотехники, ветработники, лесничие	219	212	64	90	283	302	585
Медицинские работники	5	6	6	4	11	10	21
Научные работники, педагоги, воспитатели	3	156	—	48	3	204	207
Работники литературы, печати	83	236	42	153	125	389	514
Культпросветработники	18	33	1	—	19	33	52
Работники искусства	10	40	2	16	12	56	68
Юридический персонал	50	30	2	—	52	30	82
Всего	4	1	1	—	5	1	6
%	333	732	135	306	468	1038	1506
	31,3	68,6	28,8	71,2	31,1	68,9	100

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 2/10.

¹ НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 3/13, д. 599/4527.

² См. подробнее: *Klementjev J. Yksityistämisen seuraukset ja arkipäivän selviytyminen transitiossa // Koivuselkä — metsätyökylä Venäjän Karjalassa. Joensuu, 1998. S. 86–103.*

³ НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 2/10, л. 2, 3, 17–18.

Финские женщины, независимо от места проживания, имели более высокое образование, чем мужчины. К концу 1950-х гг. женщины примерно в два раза чаще заканчивали средние специальные учебные заведения, больше среди женщин было специалистов и с вузовским дипломом. По длительности обучения сельские финны незначительно отличались от жителей городских поселений (табл. 4).

Таблица 4

Уровень образования финнов по переписи 1959 г., %

	Высшее и незаконченное высшее	Среднее специальное	Среднее общее	Неполное среднее	Начальное	Ниже начального	Продолжительность обучения (лет)
Город и село							
Мужчины	3,9	4,7	4,2	20,1	66,2	0,9	5,8
Женщины	4,4	9,1	5,4	22,7	53,3	5,2	6,2
Оба пола	4,3	7,2	4,9	21,6	58,7	3,4	6,0
Город							
Мужчины	4,3	4,6	4,6	21,0	64,6	0,8	5,9
Женщины	4,8	8,4	6,3	22,4	53,1	5,0	6,2
Оба пола	4,5	6,9	5,6	21,9	57,9	3,2	6,1
Село							
Мужчины	2,9	5,1	3,1	17,8	70,0	1,1	5,6
Женщины	3,2	11,1	2,7	23,7	53,4	5,9	6,1
Оба пола	3,1	8,3	2,9	20,8	61,3	3,6	5,8

Примечание. Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/7.

Существенную роль в социальной мобильности играли различные формы обучения. По данным на начало 1959 г. ими было охвачено 3972 чел. (1959 мужчин и 2013 женщин). В общеобразовательных школах училось 3283 чел. Более 110 чел. старше 20 лет совмещали работу с учебой в общеобразовательной школе. В высших учебных заведениях училось 262 чел., в основном городские жители (233 чел.), в средних специальных учебных заведениях – 205 чел. (201 горожанин), в училищах и школах трудовых резервов – 56 чел. (47 горожан). Сравнительно широкое распространение получила и курсовая подготовка: ею было охвачено 165 чел. (124 горожанина). Среди студентов высших учебных заведений доля женщин составляла почти 70 %, в средних специальных учебных заведениях – 56,9 %. Мужчины преобладали среди учащихся училищ, школ трудовых резервов (около 70 %) и обучающихся на различных курсах – 62,6 %¹.

¹ Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5.

На начало 1970 г. в различных отраслях хозяйства работало 12 403 финна, или 55,9 % всего финского населения республики. Подавляющая часть занятых проживала в различных типах городских поселений – 9920 чел., или 80 %. Из занятых преимущественно умственным трудом (3283 человека) абсолютное большинство составляли горожане – 85,3 %. Самые многочисленные группы работников умственного труда – это инженерно-технический персонал (24,9 %), работники планирования и учета (22,8 %). Научными работниками, педагогами и воспитателями работали 552 чел., 312 чел. – медицинскими работниками. В государственных органах и их структурных подразделениях работала небольшая по численности группа финнов (0,3 %). В городах на долю служащих приходилось 28,1 %, в сельской местности – 18,2 %.

В сельской местности самый большой отряд работников преимущественно умственного труда – это педагоги и воспитатели (25,8 %), работники планирования и учета (24,4 %), инженерно-технический персонал (более 14 %), каждый десятый работал в системе здравоохранения. Рабочими чаще являлись мужчины (86 %), особенно в сельской местности (92,3 %), чем женщины (соответственно 63,2 и 71 %). Должности служащих, наоборот, обычно занимали женщины (26,8 % во всем занятом населении, 38,6 % среди горожан и 29 % среди сельских финнов, у мужчин – соответственно 14, 13,8 и 7,8 %¹).

Большая часть (свыше 78 %) занятых физическим трудом являлись жителями городов и поселков городского типа. Из них 20,3 % работали в отраслях машиностроительной и металлообрабатывающей индустрии, 14,9 % на транспорте, 9,7 % в сфере коммунального обслуживания, 8,7 % в строительных организациях, 6,9 % являлись рабочими лесной промышленности, 5,4 % на предприятиях деревообработки, 4,6 % в аграрном секторе, 4,2 % в сфере торговли, 2,1 % обслуживали силовые установки.

Для горожан основной отраслью занятости финского населения являлись машиностроение и металлообработка, а также транспорт, для сельского населения – транспорт, коммунальное обслуживание, строительство и лесная промышленность.

В социально-профессиональной структуре 1970-х гг. был значителен удельный вес высококвалифицированных рабочих, особенно в городах (машиностроителей, металлообработчиков, рабочих коммунальной сферы, строителей). В сельской местности финны чаще всего работали в лесной промышленности (каждый четвертый) и на

¹ Рассчитано по: НА РК, ф. 659, оп. 14, д. 1/5.

транспорте (почти каждый пятый), реже в сельском хозяйстве (примерно каждый десятый).

Материалы массового опроса финнов в 1995 г.¹ показали: два поколения (родители и их дети) значительно отличались друг от друга длительностью обучения (табл. 5). Если средний уровень родителей составил менее семи лет обучения, то у их детей он был близок рубежу среднего образования. На момент опроса свыше 50 % отцов и матерей опрошенных окончили шесть классов и менее, средние специальные и высшие учебные заведения — около 18 %. Их дети на «старте» (начале) трудовой карьеры чаще всего имели аттестат зрелости (каждый пятый) или диплом об окончании техникума или вуза (каждый третий).

Таблица 5
Динамика уровня образования поколений, %

Уровень образования	Образование родителей		Образование опрошенных	
	матери	отцы	«старт»	«финиш»
Менее 4 классов	20,1	18,8	3,9	3,4
4–6 классов	33,4	35,4	19,4	15,6
7–9 классов	14,7	20,2	23,1	16,7
Среднее	6,9	7,5	20,4	16,4
Среднее специальное	11,3	10,6	23,8	28,3
Высшее, незаконченное высшее	7,6	7,6	9,3	19,5
Средний уровень образования (лет обучения)	6,4	6,9	9,0	9,4

Рост уровня образования детей по сравнению с родителями имеет следующий динамический ряд: образование повысилось у 67,5 % опрошенных, осталось на том же уровне, как и у родителей, у 21,4 % и было ниже, чем у отцов и матерей, у 11 %. За время трудовой карьеры общеобразовательный потенциал повысило большинство опрошенных (74,4 %). Это прежде всего те, кто до начала трудовой карьеры получил неполное среднее образование или закончил среднюю общеобразовательную школу.

¹ См. подробнее: *Клементьев Е. И.* Организация выборки на примере этносоциологического изучения финнов Карелии в Республике Карелия // Карелии смотрят друг на друга (Материалы российско-финляндского методологического семинара в г. Петрозаводске 17–19 мая 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 25–29; *Кожанов А. А., Яловицына С. Э.* Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174. Специальный раздел этой статьи посвящен проблемам социально-профессиональной структуры и социальной мобильности. С. 149–157.

В возрасте 55 лет и старше к моменту опроса длительность обучения составила около 7,5 года. Несмотря на массовые аресты и репрессии, время военного лихолетья, они «перешагнули» рубеж начальной школы, часть – и семь лет обучения. Около 15 % финнов старшего поколения закончили средние специальные учебные заведения, каждый десятый – вуз. Примерно каждый восьмой-девятый не имел начального образования.

По ряду образовательных характеристик близки к ним 45–54-летние. Среди них повышена доля проучившихся 7–9 лет. По сравнению с финнами старшего поколения они вдвое чаще становились дипломированными специалистами, заканчивали техникумы и высшие учебные заведения. Длительность обучения финнов данной возрастной группы составила в среднем 8,7 года.

Среди 16–44-летних мало лиц с неполным средним образованием. У значительной части из них имелся диплом об окончании техникума (от 32 % в возрастной группе 16–24 года почти до 45 % у 25–34-летних). Примерно каждый четвертый в возрасте 25–44 года получил вузовский диплом. Уровень образования финнов этой большой возрастной группы колеблется от 11,2 года обучения у 35–44-летних до 11,9 у 25–34-летних. По длительности обучения финны этой возрастной группы стояли на рубеже массового перехода к среднему специальному образованию. Примечательно, что чем выше был уровень образования матерей, тем быстрее рос уровень образования детей (ср. табл. 6 и 7). Среди тех опрошенных, чьи отцы или матери не имели даже начального образования, почти 92 % повысили его, в том числе каждый четвертый из них стал дипломированным специалистом.

Таблица 6

Влияние уровня образования отцов на уровень образования детей, %

Образование отцов	Образование детей			Имеют образование среднее специальное и выше	Длительность обучения (лет)
	не изменилось	повысилось	понижилось		
Ниже начального	8,4	91,6	—	25,1	8,1
Начальное	2,2	68,9	19,8	45,5	9,7
Неполное среднее	10,0	87,0	3,0	67,1	11,5
Среднее общее	30,2	53,6	16,2	53,5	11,1
Среднее специальное	32,5	37,4	30,1	70,0	12,0
Незаконченное высшее, высшее	49,4	—	50,6	75,8	12,4

Таблица 7

Влияние уровня образования матерей на уровень образования детей, %

Образование матерей	Образование детей			Имеют образование среднее специальное и выше	Длительность обучения (лет)
	не изменилось	повысилось	понижилось		
Ниже начального	8,2	91,8	—	26,3	8,0
Начальное	14,4	83,7	1,9	51,1	10,2
Неполное среднее	12,2	86,8	1,0	62,3	11,4
Среднее общее	31,0	56,4	12,6	56,3	11,2
Среднее специальное	42,0	33,6	24,5	75,6	12,1
Незаконченное высшее, высшее	48,5	—	51,5	71,3	12,4

Значительная часть опрошенных в период трудовой деятельности продолжала учебу: одни в общеобразовательной школе, другие — в средних специальных и высших учебных заведениях (табл. 8). Окончание неполной средней школы открывало дорогу к среднему специальному и среднему образованию. Наличие аттестата зрелости являлось важнейшим условием и стимулом к длительной профессиональной подготовке: почти половина финнов, окончивших общеобразовательную школу до начала работы, продолжила учебу в средних специальных и высших учебных заведениях. Заметим также, что сочетали работу и учебу в 1980–1990-е гг. значительно реже, чем в первые два послевоенных десятилетия. Абсолютное большинство современной молодежи предпочитает не прерывать учебу после окончания общеобразовательной школы, если такая возможность предоставляется.

Таблица 8

Изменение уровня образования за время работы, %

Образование на «старте»	Образование в момент опроса					Образование		
	ниже начального	начальное	неполное среднее	среднее общее	среднее специальное	незаконченное высшее, высшее	не изменилось	повысилось
Ниже начального	90,4	9,6	—	—	—	—	90,4	9,6
Начальное	—	85,1	6,3	2,4	3,5	3,1	85,1	14,9
Неполное среднее	—	—	69,1	10,7	16,0	4,2	69,1	30,9
Среднее общее	—	—	—	51,7	24,0	24,3	51,7	48,3
Среднее специальное	—	—	—	—	15,5	84,5	15,5	84,5

Современное поколение финнов «прошло» по сравнению с родителями не только значительную социально-культурную, но и заметную социально-профессиональную дистанцию.

Общая тенденция развития социально-профессиональной структуры проявлялась в сокращении удельного веса работников, занятых физическим трудом, при увеличении доли занятых различными видами преимущественно умственной деятельности (табл. 9). Внедрение научно-технических достижений усложняло социально-профессиональную структуру, существенно уменьшая удельный вес неквалифицированных и малоквалифицированных рабочих при росте доли высококвалифицированных рабочих. Пополнялись и ряды служащих-неспециалистов, но все же не так динамично, как увеличивалась доля дипломированных специалистов и руководителей. Возможности трудовых перемещений объективно ограничивались структурой вакантных рабочих мест, уровнем развитости сфер производства, обслуживания, социально-культурной развитостью самих работников. Повышенная доля высококвалифицированных кадров физического и умственного труда – свидетельство значительного социально-культурного потенциала финского населения Карелии. Опрос 1995 г. показал, что почти 75 % финнов республики имели среднее общее, среднее специальное и высшее образование.

Таблица 9

Социально-профессиональная структура поколений, %

Социально-профессиональные группы	Мать	Отец	Опрошенные	
			«старт»	«финиш»
Работники физического труда				
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	62,4	48,8	52,3	26,6
Высококвалифицированные рабочие	6,8	35,8	15,5	26,4
Работники умственного труда				
Служащие-неспециалисты	6,5	1,5	9,0	7,1
Руководители и специалисты среднего звена	17,6	7,3	16,2	20,4
Руководители и специалисты высшего звена	5,7	6,6	7,0	19,5

От этой общей характеристики социальных изменений перейдем к более подробному анализу межпоколенных социально-профессиональных сдвигов. Рассмотрим, в частности, как влияет и влияет ли социальное положение родителей на «стартовые» социально-профессиональные позиции детей.

Нередко социальное положение отцов повторяли те, у кого отцы занимались неквалифицированным и малоквалифицированным физическим трудом. Однако и в этой группе начинающих свою

трудовую карьеру простыми рабочими повысили свой социально-профессиональный статус по сравнению с отцами более 37 %. Чаще всего дети разнорабочих пополняли ряды высококвалифицированных рабочих (каждый четвертый). Еще чаще высококвалифицированными рабочими становились дети руководителей и специалистов среднего и высшего звена (примерно каждый второй). Реже всего социально-профессиональный статус своих отцов повторяли служащие-неспециалисты – всего 1,7 %. И, наконец, высококвалифицированные кадры финнов, занятые преимущественно умственной деятельностью (руководители и специалисты, работающие на должностях, требующих среднего специального или высшего образования), формировались из самых различных по происхождению социально-профессиональных групп, преимущественно из работников физического труда.

Приведенный ряд свидетельствует об открытости социальной структуры, когда социальное положение детей не сильно зависит от социального статуса родителей (табл. 10).

Таблица 10

Влияние социального статуса отцов на социально-стартовые позиции детей, %

Социальный статус опрошенных на «старте»	Социально-профессиональный статус отцов к началу трудовой деятельности детей					Доля мобильных
	неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	рабочие высокой квалификации	служащие-специалисты	руководители и специалисты среднего звена	руководители и специалисты высшего звена	
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	62,7	25,6	1,5	6,4	4,5	37,3
Высококвалифицированные рабочие	43,9	40,7	2,4	7,3	5,7	15,4
Служащие-неспециалисты	45,0	40,0	1,7	10,8	3,3	14,1
Руководители и специалисты среднего звена	33,3	50,8	1,5	7,6	6,8	6,8
Руководители и специалисты высшего звена	25,4	47,5	–	6,8	20,3	–

Слабую корреляцию между социальным статусом опрошенных и социально-профессиональной принадлежностью их матерей подтверждают и данные табл. 11. Этот общий вывод в меньшей мере относится лишь к одной группе – группе финнов, чьи матери к началу трудовой карьеры своих детей занимались неквалифицированным и

малоквалифицированным физическим трудом. Отметим и другое: дети чаще повторяли социально-профессиональный статус своих матерей, чем отцов, если матери работали на должностях, требующих среднего специального или высшего образования. Следовательно, повышение уровня образования женщин весьма позитивно влияет не только на стартовые позиции детей, но и на подвижность социально-профессиональной структуры в целом.

Вывод о том, что высокий социальный статус и уровень образования матерей является важным источником социального и культурного роста нового поколения, подтвердили и материалы конкретно-социологических исследований по карелам¹.

Таблица 11

Влияние социального статуса матерей на социально-стартовое положение детей, %

Социальный статус опрошенных на «старте»	Социально-профессиональный статус матерей к началу трудовой деятельности детей					Доля мобильных
	неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	рабочие высокой квалификации	служащие-специалисты	руководители и специалисты среднего звена	руководители и специалисты высшего звена	
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	77,0	5,9	5,0	10,6	1,5	23,0
Высококвалифицированные рабочие	54,5	12,0	9,8	18,8	5,3	33,9
Служащие-неспециалисты	72,0	2,7	4,0	17,3	4,0	21,3
Руководители и специалисты среднего звена	47,0	5,2	9,7	25,4	12,7	12,7
Руководители и специалисты высшего звена	24,4	9,7	4,8	35,5	25,8	—

Слабая зависимость между социальным положением разных поколений есть свидетельство того, что проблема социального роста и повышения социального статуса в решающей степени зависела преимущественно от самого индивида, его социальных намерений и устремлений.

Важным показателем подвижности социальной структуры, наряду с межпоколенной мобильностью, являются внутривозрастные соци-

¹ Клементьев Е. И. Социально-профессиональная структура карельского сельского населения на современном этапе // Проблемы истории современной деревни. 1946–1973. М., 1975. С. 418–419.

ально-профессиональные сдвиги. Они также фиксируют масштабы, направленность социальных изменений и состояние социальной структуры.

Высокие показатели вертикальной мобильности характеризуют трудовую карьеру всех социально-профессиональных групп опрошенных финнов (табл. 12). Среди начинающих трудовую деятельность неквалифицированными и малоквалифицированными работниками физического труда зафиксирован самый высокий процент мобильного населения. Но чаще всего они изменяли свой социальный статус в пределах занятий физическим трудом. Повышенный удельный вес иммобильных (понизивших социальный статус) оказался среди служащих-неспециалистов, свидетельствуя, очевидно, о не-престижности этих профессий.

Таблица 12

Изменение социально-профессионального статуса за время трудовой карьеры, %

Статус на «старте»	Социальный статус на «финише»					Динамика			
	неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	рабочие высокой квалификации	служащие-неспециалисты	руководители и специалисты среднего звена	руководители и специалисты высшего звена	мобильные	иммобильные	стабильные	
Неквалифицированные и малоквалифицированные рабочие	40,5	33,2	6,2	12,4	7,7	59,5	—	40,5	
Высококвалифицированные рабочие	16,2	46,2	8,1	19,7	9,8	37,6	16,2	46,2	
Служащие-неспециалисты	17,9	10,4	22,6	26,4	22,6	49,0	28,3	22,6	
Руководители и специалисты среднего звена	6,8	7,9	3,2	49,5	31,6	31,6	17,9	49,5	
Руководители и специалисты высшего звена	3,5	1,1	1,2	5,8	88,4	—	11,6	88,4	

В период проведения обследования нередко приходилось сталкиваться с ситуацией, когда подлежащие опросу собирались переехать в Финляндию. Это, как правило, была наиболее образованная часть финского населения республики. Ответ на вопрос: «Какие изменения внесла миграция в социально-профессиональную структуру финнов?» можно получить только при проведении новых исследований.

Светлана Яловицына

Финны-лютеране и межконфессиональные отношения в Карелии 1990-х годов

Краткий исторический экскурс

Большинство современных исследователей настаивают на преимущественно православной истории Карелии¹. Первым и наиболее влиятельным иноконфессиональным элементом на данной территории стало лютеранство. До присоединения Финляндии к Российской империи численность лютеранского населения в Олонецкой Карелии была ничтожна. Как правило, это были немцы, работавшие в горной отрасли, или военные. Некоторое время вблизи Петровских заводов, в районе немецкого кладбища, существовала и небольшая деревянная лютеранская церковь (вероятное время постройки – первая половина XVIII в.). Известно, что в 1780-е гг. она служила храмом для приглашенных в Петрозаводск иностранцев². В 1790-е гг. их духовное призрение в Петрозаводске обеспечивал пастор Фенандер³. В 1793 г. он подал жалобу на майора Олонецкого пешего батальона Шалимова, притеснявшего, по его мнению, военнотружущих нижних чинов в свободном отправлении лютеранской веры и принуждавшего их «к перемене Закона противу воли». Разбирательство по данному вопросу длилось в течение года и завершилось переводом Фенандера на должность учителя немецкого языка, так как выяснилось, что «по общим в батальонах штатам пастора иметь не положено»⁴. Новое назначение

¹ *Филатов С. Б.* Особенности религиозной жизни Карелии // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / Отв. ред. С. Б. Филатов. М.; СПб, 2002. С. 75–90; *Пулькин М. В., Захарова О. А., Жуков А. Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999; *Детчнев Б. Ф., Макуров В. Г.* Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999 и др.

² *Kutjov N.* Satavuotias luterilainen kirkko säilynyt Petroskoissa? // *Verso*. 1994. N 10–11.

³ Fennander Henricus Michaelis. Родился в 1763 г. в Выборге. Сын торговца. Закончил университет в Турку в 1783 г. В сан помощника пастора посвящен в Выборге в 1786 г. Служил в Кексгольме. Одновременно работал там учителем. В 1791–1794 гг. служил пастором в императорском пешем батальоне в Петрозаводске. Отлучен от сана в 1809 г. за безнравственное поведение (*Väänänen K.* Vanhan Suomen papisto. Pappien lukumäärä, alueellinen ja sosiaalinen koostumus // Suomen kirkkohistoriallisen seuran toimituksia 95. Helsinki, 1975. S. 187–188).

⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1, оп. 36, д. 4/16, л. 3–25.

позволяло обойти штатное расписание. Получая учительское жалование, Фенандер продолжал еще некоторое время выполнять пасторские обязанности.

В XIX в. территория Карелии стала играть роль ограничительной линии для проникновения лютеранства в империю. Российские законы обеспечивали необходимый для властей баланс: численность лютеран оставалась небольшой, а их деятельность не носила активного характера. В дополнение к этому существовавшие в России заслоны, установленные против возможного перехода православных в другую веру или крещения детей в конфессионально-смешанных браках в инославие, в данный период были подкреплены законами о совратителях из православия. За «отвлечение» кого-либо из православной веры присуждалось 8–10 лет каторги¹. К тому же власти на местах подходили к вопросу легализации деятельности протестантов осторожно, запрашивая в каждом конкретном случае одобрение высших инстанций.

В таком положении застала Олонецкую Карелию массовая миграция финнов, которые сформировали устойчивую этноконфессиональную группу и вплоть до 1960-х гг. представляли протестантизм на этой территории. Не останавливаясь подробно на истории финнолютеран в регионе (этому посвящено отдельное исследование²), заметим, что в связи с *этноконфессиональным* характером протестантизма в Карелии *проблема межконфессиональных отношений была глубоко включена в контекст политических и этнических взаимоотношений*. Иначе говоря, религиозный вопрос никогда не стоял особо, он всегда был связан с целым комплексом сопутствующих проблем, как до революционных событий 1917 г., так и после них³. Главным действующим лицом в решении «лютеранского» вопроса были не собственно лютеране и даже не православные, оспаривавшие права лютеранской миссии на территории Карелии, а государство, подчас выступавшее в роли арбитра и принимавшее в расчет прежде всего интересы государственной целесообразности.

В советский период из числа неправославных общин официально зарегистрироваться удалось только наиболее активным и многочисленным религиозным группам — баптистам и финнам-лютеранам. В этой связи представляется интересным рассмотреть один частный

¹ Бакаев Ю. Н. История государственно-церковных отношений в России. Хабаровск, 1994. С. 41.

² Яловицына С. Э. История финно-лютеран в Карелии: этноконфессиональный аспект. Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002.

³ См. подробнее: Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников кон. XIX — нач. XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–65 и др.

сюжет, связанный с взаимоотношением этих групп в Карелии в 1920-е гг. Во время заключения лютеранами договора на аренду здания в 1922 г. на это же помещение одновременно претендовала община евангелистов¹, созданная сразу же после Февральской революции. Община евангелических христиан была официально зарегистрирована Центральным административным отделением НКВД 14 марта 1924 г. В предоставлении здания для богослужебных целей им первоначально отказали. Однако в последующем благодаря ходатайству комиссариата просвещения (!) желание баптистов удовлетворили, предоставив им возможность использовать здание лютеранской церкви совместно с лютеранами. На имя старосты лютеранской общины П. Пулकिनена направили письмо, в котором указывалось, что горкомунотдел предлагает «предоставить помещение Соломенской общине евангельских христиан для устройства нравственных и молитвенных собраний в арендованном Вами помещении». В письме содержалась ссылка на жилищный кризис².

По всей видимости, решение о совместном пользовании зданием не удовлетворяло ни ту, ни другую общину. Конфликт сторон стал поводом для начала кампании по закрытию прихода (такие попытки предпринимались еще в 1923 г.). В июле 1924 г. специально созданная комиссия произвела осмотр имущества лютеранской церкви на предмет его сохранности. Приходу было рекомендовано привести здание в порядок³. Осенью – зимой 1924 г. в здании методично стали выбиваться стекла, и все попытки поймать злоумышленников не приводили ни к каким результатам. На основании этого был сделан вывод об отсутствии у лютеранской общины возможностей для охраны здания, и 15 марта 1925 г. КарЦИК принял решение о расторжении арендного договора с лютеранской общиной⁴. Акт об осмотре помещения кирки и заключение проверочной комиссии сообщали, что здание требует наружного и внутреннего ремонта⁵. Вину за неудовлетворительное состояние помещения возложили на членов обеих религиозных групп, но в большей мере на лютеран, вплоть до привлечения виновных к уголовной ответственности⁶. 30 апреля 1925 г. Президиум КарЦИКа передал кирку в ведение Управления коммунального

¹ В разных документах использовались разные наименования, хотя речь шла об одной и той же общине: евангельские христиане, баптисты.

² НА РК, ф. 689, оп. 1, д. 5/47, л. 8, 10, 33–48.

³ Там же, л. 25.

⁴ Там же, л. 3–4.

⁵ Там же, л. 5–6.

⁶ Там же, д. 25/294, л. 42.

хозяйства. Действия властей демонстрировали попытку «столкнуть лбами» представителей разных религиозных групп, в данном случае — лютеран и баптистов. Использовался тот же прием, что и в истории с противостоянием тихоновцев и обновленцев.

Новый период межконфессиональных противоречий на территории Карелии связан со Второй мировой войной и религиозной политикой финляндских оккупационных властей, однако, как и в начале века, характер этих конфликтов носил скорее политический характер¹. Неопределенность будущего Карелии влекла за собой нестабильность решений власти в религиозной сфере, стремление следовать принципу бесконфессиональности.

Послевоенная ситуация в Карелии развивалась в русле новых тенденций, характерных для религиозной истории Советского Союза этого времени. Православная церковь, получив некоторую поддержку со стороны властей, начала, хотя и робко, способствовать возрождению своих приходов. Появившиеся в Карелии группы адвентистов, пятидесятников и «Свидетелей Иеговы» не получили разрешений на свою деятельность². Только лютеране и баптисты сумели добиться регистрации к 1970 г. Мотив всеобщей братской любви, как правило, превалировал во взаимоотношениях этих групп. Главной причиной этому было по сути равное в своем бесправии положение. Несмотря на доктринальные и иные расхождения, в Карелии, особенно в послевоенный период, имело место сотрудничество различных деноминаций³.

Особо следует упомянуть о межконфессиональном взаимодействии карельских лютеран и православного духовенства Карелии, содействовавшего созданию лютеранского прихода (1970 г.), несмотря на то, что сами православные Карелии имели в своем распоряжении лишь четыре церковных здания. В 9 из 11 районов республики православные церкви отсутствовали. Таким образом, межконфессиональная ситуация в Карелии приобрела более мозаичный, чем прежде, характер. Кроме того, впервые встал вопрос о взаимоотношениях между конфессиями, а не между этническими группами и национальностями. Баптисты, как известно, не представляют собой этноконфессиональной группы. К тому же доля национально-смешанных браков среди населения была довольно высокой, что размывало этнический

¹ См. подробнее: *Setälä V. Suomalaista kirkollista idänpolitiikkaa. 1917–1944 // Suomen Kirkkohistoriallisen Seuran Toimituksia 82. Helsinki, 1970. S. 71.*

² НА РК, ф. 310, оп. 1, д. 5/50, л. 161–167; д. 5/57, л. 1.

³ Деноминация — религиозное объединение, находящееся на этапе становления; иногда — синоним слова «конфессия».

характер лютеранской, как, впрочем, и православной религиозной общины в Карелии.

Вынесение проблемы межконфессиональных отношений на общественное обсуждение приходится уже на 1990-е гг. и связано с широкой миссионерской деятельностью разнообразных западных конгрегаций, характерной для всей России. Особенностью религиозной ситуации в Карелии стали новые попытки финского лютеранства закрепиться на территории республики, причем деятельность лютеранской церкви перешагнула пределы привычного этноконфессионального принципа, что послужило поводом для вынесения проблемы межконфессиональной толерантности на арену открытого общественного дискурса. Активизировавшие свою деятельность «универсальные» (не этнические) деноминации, — такие как пятидесятничество, адвентизм, — также способствовали началу обсуждения этой проблемы на страницах прессы, приобретению ею общественного звучания.

Основные тенденции в развитии межконфессиональных отношений, характерных для 1990-х гг., и роль в них лютеранского фактора изложены в следующей части статьи.

Межконфессиональные отношения в Республике Карелия 1990-х гг.

*Межконфессиональные отношения и толерантность:
несколько теоретических замечаний*

Прежде чем мы обратимся к конкретному материалу, характеризующему межконфессиональные отношения в современной Карелии, обозначим некоторые социо-психологические подходы к проблеме толерантности, в частности религиозной, которые легли в основу дальнейшего анализа. Для начала попробуем определиться с понятием «толерантность». Джон Ньюман дал следующую его дефиницию: быть толерантным значит терпеть не вполне приятные нам вещи (мнения, действия и т. п.), воздерживаясь от сильной, негативной реакции в отношении них¹.

Стивен Смит, развивая данное определение, подчеркивает, что термин «толерантность» указывает на комплексное качество индивида, которое может быть отслежено как на поведенческом уровне, так и на уровне саморефлексии. Быть толерантным означает уважать идеи и образ жизни тех, с кем человек не согласен. Однако в то же

¹ *Newman J.* Foundations of Religious Tolerance. Toronto; Buffalo; London, 1982. S. 4.

время толерантность в строгом смысле слова не означает полного принятия и разделения идей другого. Это лишь акт согласия на то, чтобы эти идеи находились рядом с тобой¹.

Толерантность предполагает уважительное отношение по отношению к людям, исповедующим другие ценности. Человеку, который слишком почтительно относится к своим взглядам и ценностям, по всей видимости, трудно принять, что и в позициях других людей могут быть хорошие черты, достойные уважения и доверия. Толерантный человек способен принять хотя бы часть мировоззрения другого, подчас корректируя собственный взгляд на вещи, казавшиеся ему ранее истинными.

Все обозначенные характеристики в равной степени относятся к феномену религиозной толерантности. Тем не менее последняя, пожалуй, является одним из наиболее сложных феноменов среди других. Согласно Ньюману, религиозную толерантность необходимо рассматривать в трех измерениях:

- 1) отношение к религиозной вере как мировоззрению;
- 2) отношение к религиозным ритуалам (поведению);
- 3) отношение собственно к верующим (межличностные отношения).

Глубоким заблуждением многих людей является мнение о том, что религиозная толерантность предполагает «конвертирование» из одной веры в другую. Подчас именно данная позиция составляет основную базу для интолерантности.

В данной статье предпринимается попытка оценить уровень религиозной толерантности населения Карелии на межличностном уровне, абстрагируясь, насколько это возможно, от проблем взаимоотношений церквей как публичных институтов. Принципиальное отличие двух названных перспектив рассмотрения вопроса подчеркивала профессор философии Иоанна Кучуради (Университет Анкары), изучавшая проблему границ толерантности². По ее мнению, на личностном уровне толерантность не может быть чем-либо ограничена, так как «толерантный человек толерантен не радикально противоположному взгляду, мнению, нормам, позициям, поведению, практикам или действиям других верующих, но собственно *существованию* других»³.

¹ *Smith S. D.* Getting over equality. A critical Diagnosis of Religious Freedom in America. New York; London, 2001. S. 96.

² *Kucuradi I.* On Tolerance and the Limits of Toleration // Diogenes 176: Tolerance between Intolerance and the Intolerable / Ed. Ricoeur P. Providence-Oxford, 1996. S. 163–173.

³ *Ibid.* S. 166.

Поведение интолерантного человека связано с необходимостью защиты того, что есть «истина», так как ошибочное представление о правде, по его представлениям, может нанести ему вред. Толерантный человек не связывает свое представление о других со своим личным интересом. Он относится с уважением не к самому различию, а к тому, что идентично для всего человечества, правам человека. С этой точки зрения толерантность не предполагает, что толерантному человеку не следует противостоять и бороться против мнений, с которыми он не согласен. Чтобы быть толерантным, недостаточно относиться с уважением к взглядам, отличным от твоих собственных. Такой подход ведет к индифферентности к любому взгляду. «Толерантность на личностном уровне – это уважение прав тех, кто владеет радикально противоположными взглядами на данный предмет и ведет себя иным путем. При этом он не причиняет вреда их правам, хотя мог бы»¹. Таким образом (ин)толерантность на межличностном уровне носит *ситуативный* характер и непременно *включает оценку не только взгляда другого, но и поведения в отношении другого*.

Итак, попробуем описать объект нашего исследования – межконфессиональные отношения – с точки зрения межличностных отношений, осветив следующий комплекс проблем:

1) отношение карельских верующих² к проблеме религиозного плюрализма: каковы основания для принятия или неприятия оно; отношение карельских верующих к соседствующим религиозным общинам, в частности: в каком измерении (см. выше три измерения Ньюмана) происходит оценка этих деноминаций;

2) отношение к проблемам «традиционная религия», «экуменизм»;

3) религиозное поведение карельских верующих, в частности: соотнесенность поведения декларируемым принципам³.

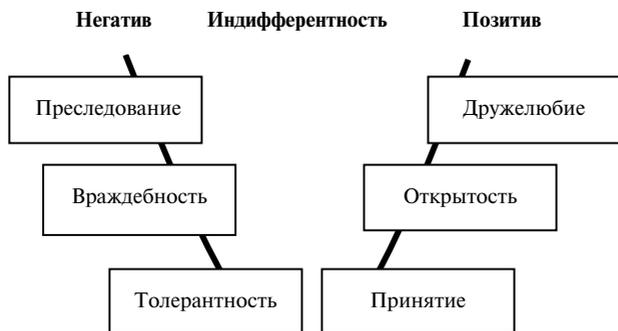
Для оценки степени толерантности и хотя бы частичной формализации наших выводов мы будем использовать оценочную шкалу, предложенную Джеймсом Фоулером (рис.). Она состоит из

¹ Kucuradi I. Op. cit. S. 166–167.

² Интервью проводились автором в 1999–2000 гг. в городах и поселках Карелии (Петрозаводск, Сортавала, Муезерка, Калевала). Интервью предполагали свободный ответ на вопросы стандартизированного опросного листа и записывались на диктофон. Для анализа использовались транскрипты интервью. Использовались также результаты опроса финского населения Карелии (база данных), проведенного в 1995–1997 гг. Лабораторией по проблемам Скандинавских стран и Финляндии ПетрГУ.

³ Kucuradi I. Op. cit. S. 163–168.

континуума в шесть позиций. Вслед за автором концепции представляем графическое изображение этой шкалы с некоторыми комментариями к ней¹.

Оценочная шкала толерантности Джеймса Фоулера

Под *преследованием* (A)² понимается активное давление, *запрет*, искоренение какого-либо взгляда или практики, отличающегося от твоего собственного представления. Человек, находящийся на данной позиции, обычно настаивает на гомогенности собственной группы и соответствии ее нормам и ценностям со стороны аутсайдеров.

Под *враждебностью* (B) понимается *словесное или не словесное выражение нежелательности* присутствия чего-либо, что отличается от твоего собственного убеждения. На этом уровне человек, как правило, воздерживается от каких-либо прямых, агрессивных действий, заменяя их косвенными.

Под *толерантностью* (C) понимается практика мирного сосуществования, которая, однако, предполагает в большей степени *сепаратизм*, нежели кооперацию. Человек, находящийся на этом уровне континуума, не нуждается в соседстве людей с другими убеждения, но способен терпеть их, защищая при этом права собственной группы.

Под *принятием* (D) или согласием принять понимается *убеждение, что другие имеют право разделять с тобой некое пространство, и желание приспособиться*. Принятие предполагает уважение к положительному взгляду и практике другого и даже слабую попытку что-то узнать о них.

Под *открытостью* (E) понимается *наличие связи с представителями другой группы, желание больше узнать о ее характерных убеждениях*

¹ Freeman D. Going Beyond Tolerance A Developmental Task // Religious Traditions and the Limits of Tolerance / Ed. Hammann L. J., Buck H. M., McTighe M. Pennsylvania, 1988. S. 121.

² Далее мы будем использовать данные коды для упрощения повествования.

и практиках. Этот уровень предполагает защиту со стороны закона социального и культурного разнообразия.

Под *дружелюбием (F)* понимается *осознание несовершенства своей собственной практики, поиск взаимного сотрудничества* в надежде достичь взаимного обогащения, защита плюрализма. Предполагается, что на этой стадии человек не просто получает информацию о другой группе, но и учится у ее представителей.

С точки зрения нашего континуума уровни C, D, E будут расцениваться нами как толерантные, или как близкие к норме.

Дональд Фреeman, обсуждая данный континуум, делает ряд дополнительных и весьма существенных замечаний. Движения в рамках этого континуума похожи на движения эквилибриста, балансирующего между обозначенными уровнями¹. Каждая следующая стадия инкорпорирует в себя одну из соседствующих. Полное перемещение на другой уровень никогда не гарантировано. Поэтому при оценке мнений верующих на тот или иной вопрос мы будем определять интервал колебаний, а не точный уровень (ин)толерантности.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на еще один методологический момент. Поскольку предмет нашего исследования «межконфессиональные отношения» столь трудноуловим для каких-либо оценочных суждений, то мы оставили всякие попытки достичь какой-либо репрезентативности в выборке². Представляемая на суд читателя картина будет отражать лишь общие наблюдения в отношении межконфессиональных отношений, которые давались верующими разных общин, среди них значительная доля принадлежит финскому населению Карелии. Конфессиональная принадлежность будет выступать ключевым критерием для группировки респондентов, так как позиция индивида в вопросах, касающихся религиозных практик, не может не зависеть от позиции группы, к которой он принадлежит³.

Для формализации анализа нами использовались следующие критерии: пол, возраст, занятость, этнический тип семьи. Это позволило нам дислоцировать респондентов на социально-демографической, этнической и конфессиональной карте (информация о респонденте размещена в таблице в конце статьи).

Проблема религиозного плюрализма и истинности веры

Необходимым условием религиозной толерантности является способность принять религиозный плюрализм или факт равного сосуще-

¹ Freeman D. Op. cit. S. 123.

² Среди опрошенных отсутствуют мусульмане, так как на момент проведения опросов — середина 1990-х гг. — их доля в населении Карелии была невелика.

³ Mensing G. Tolerance and Truth in Religion. University of Alabama Press, 1971. S. 13.

ствования различных конфессий, деноминаций и церквей¹. Принятие данной точки зрения позволяет перевести решение проблемы в другое измерение (согласно Ньюману, измерение 2 и 3): от терпимости в отношении веры как мировоззрения к терпимости к специфическим случаям веры (практике и людям). В такой перспективе речь будет идти не о поиске ответа на вопрос: «Где есть истина?», а о возможности понимания приверженцев «иных» деноминаций со всем комплексом их убеждений и действий без принятия этих норм как своих собственных. Как показали данные наших интервью, респонденты чаще всего строят свое отношение к другим конфессиям именно исходя из практического опыта. Лишь служители церкви, знакомые с христианской догматикой, строили свое отношение к другим верам на основе своих знаний и убеждений относительно истинности или ложности той или иной веры.

Религиозный плюрализм в ходе нашего исследования изучался при помощи ряда вопросов. Первоначально мы старались выяснить, насколько человек осведомлен в конфессиональной обстановке того населенного пункта, в котором он проживает. Надо сказать, что для большинства респондентов, независимо от конфессиональной принадлежности, было характерно весьма приблизительное представление о соседствующих деноминациях. Речь не идет о православии, которое называлось всеми и всегда, но в отношении других религиозных объединений полной ясности не было у большинства респондентов, которые нередко путали названия и имели весьма поверхностное представление о разнице между ними. Исключение составляли собственно служители этих общин и некоторые из опрошенных, которые имели богатый религиозный опыт.

Ключевым для оценки степени религиозного плюрализма был вопрос об отношении респондента к возникновению новых религиозных общин в населенном пункте, в котором он проживал в момент опроса. Мнения разделились следующим образом.

1. Православные

Абсолютное большинство православных отстаивали идею традиционной церкви², при этом РПЦ, понимаемая как традиционная для

¹ *Newman J.* Op. cit. S. 75.

² Хотим заметить, что такая позиция, связывающая воедино религию и государство или религию и этническую группу, для многих респондентов вполне очевидна. Однако связь такого типа предполагает некую вторичность вопроса о вере. Если я финн, то я, следовательно, лютеранин. В такой постановке вопроса мы не можем обсуждать проблему сугубо религиозной ин(толерантности), так как религиозный выбор совершается вслед за культурным. Реформация привела к возникновению универсальных религий, принадлежность к которым не зависела от культурного выбора. Кроме того, выбор ве-

России, часто противопоставлялась «финской» церкви. Под последним понятием подразумевалась лютеранская или пятидесятническая деноминация, как впрочем, иногда и какая-либо другая протестантская деноминация, так как большинство из них были созданы в результате миссионерской деятельности финляндских проповедников. «Вот я, например, считаю, что вот лютеранскую церковь финны построили хорошо. Но все-таки это финны на нашей территории, на российской. Вот наша церковь, православная, например, проповедует, чтобы были преданы России, чтобы молодежь в армию шла служить, защищать родину. А что они могут, лютеране, потому что они с финской стороны? Это вроде как создает то ли раздор, но пока раздора нет, но может привести к этому. Вот я считаю, что это неправильно... Я считаю, что наша вера (православная) – главная. Во-первых, она весь век была на Руси. Православная – это главная вера. Поэтому, я считаю другие веры, ну, кроме католической. Это у них на Западе своя католическая вера, а у нас на Руси православная. Все должны быть в православной вере. Поэтому я против других вер» (код респондента А001-2).

В данном случае респондент демонстрирует низкую степень толерантности, связывая свое вероисповедание с патриотическими мотивами, с необходимостью сохранять культуру своих предков, по сути, подменяя религиозную веру культурной самоидентичностью. Отрицательная позиция православных в вопросе религиозного плюрализма может быть прослежена и в ряде других вопросов, к примеру, в суждениях об истинности собственной веры. Среди наших респондентов православного вероисповедания не было ни одного, кто бы сомневался в истинности веры и эксклюзивности ее прав на спасение. «Ну, во-первых, я считаю, что это (т. е. лютеранские и другие) не церкви, и, во-вторых, я естественно отношусь к этому негативно, в силу того что они не отвечают тому предназначению, для которого собственно и существуют церкви, т. е. они людей не спасают» (А008), – констатировал один из них. «Православные, в отличие от всех других конфессий, говорят так: да, мы – православные, мы ни на кого не похожи, ни на лютеран, ни на мусульман, ни на католиков. Мы православные. Мы считаем свою веру истинной... В отличие от других, когда представители других конфессий говорят, да у нас почти то же самое, мы так не говорим. К себе мы принимаем всех. Пожалуйста, приходите. Но я, как православный человек, ни в какую другую

ры стал осуществляться индивидуально, что актуализировало вопрос о межконфессиональных взаимоотношениях. Религиозный выбор опрошенных нами верующих осуществляется иногда в соответствии с культурной парадигмой, иногда нет. Это, как мы увидим, напрямую влияет на характер межконфессиональных взаимоотношений.

церковь не пойду» (A004). Данная позиция рождает среди верующих миссионерские усилия по вовлечению «неверных» в орбиту влияния своей церкви и продуцирует интолерантные усилия в отношении представителей других конфессий. Одним из главных основ для формирования такого мнения является религиозный догмат о спасении, который требует от верующих верить в то, что спасение невозможно вне стен церкви, при этом последняя (церковь) часто, если не всегда, понимается, как собственная деноминация¹. При этом протестантским церквям часто отказывается в самом праве называться церковью.

При ответе на вопрос об отношении к соседствующим религиозным группам многие православные отмечали: «Нет вражды, нет и нейтральности. Как и раньше сохраняются отношения, когда не было церквей. С кем были доброжелательные отношения, так они и хотя и в разных церквях, в разных верах, все равно такие же отношения. Мы общаемся, не враждуем, дни рождения вместе отмечаем» (A001-002).

В связи с этим хотим обратить внимание на еще один момент в природе толерантности, на который обращал внимание Густав Меншинг². Любой человек по природе своей может проявлять одновременно толерантные и интолерантные чувства. Это зависит от обстоятельств места, времени и пр. Он выделяет два уровня толерантности и интолерантности, которые он называет формальным и сущностным. Если отношение человека (позитивное или негативное) формируется в зависимости от содержания веры, то речь идет о сущностной (настоящей) (ин)толерантности. Напротив, если вопрос об истинности не стоит, то мы можем говорить о формальном характере (ин)толерантности.

Г. Меншинг констатирует возможность сочетания этих форм.

- 1) формальная (внешняя) и сущностная интолерантность;
- 2) формальная толерантность и сущностная интолерантность;
- 3) формальная интолерантность и сущностная толерантность.

Следуя за этой шкалой, хотим заметить, что среди наших опрошенных православных второй вариант взаимоотношений абсолютно преобладал, что в принципе соответствует выводу Г. Меншинга о сущностной интолерантности этнических религий³.

Формальная толерантность православных в отношении других конфессиональных групп может быть также доказана следующим

¹ *Remer G.* Ha-Me'iri's Theory of religious Toleration // *Beyond the Persecution Society. Religious Toleration before the Enlightenment* / Ed. Laursen C., Nederman C. J. Philadelphia, 1998. S. 73; *Newman J.* Op. cit. S. 81.

² *Mensing G.* Op. cit. S. 12.

³ *Ibid.* S. 17.

примером. Одна из православных верующих обратила внимание на материальные основы прозелитической или миссионерской деятельности: «Не сказать, чтоб я была в восторге от появления новых конфессий, так как завоевание чисто православных территорий представителями других конфессий — это не очень хорошее дело, тем более, когда происходит заманивание какими-то благами православных людей» (A004; то же суждение высказано B010). Таким образом, ею подвергалась сомнению глубина и искренность веры тех россиян, которые вступили в неправославные конфессии. Отношение к таким людям формулировалось в категориях душевной слабости, в то время как вина за это возлагалась скорее на искусителей, чем искушенных. Такая позиция была особенно распространена в интерконфессиональных семьях, где необходимость совмещения родственных чувств и религиозных воззрений заставляла православного человека искать компромиссы. Подобные ситуации не исключают проявлений интолерантных отношений на поведенческом уровне, поскольку толерантность носит вынужденный характер. При изменении условий терпимость такого рода может перерасти в свою прямую противоположность.

Православные верующие часто акцентировали внимание на проблеме гуманитарной помощи, получаемой протестантскими приходами из Финляндии. Они всегда рассматривали ее как способ завоевания душ прихожан. Этому противопоставлялась позиция православной церкви, которая, как считали многие респонденты, прежде всего, является духовным институтом, свободным от каких-либо материальных приманок. Как нам представляется, данная проблема являлась ключевой в межконфессиональных взаимоотношениях в Карелии. Она звучала рефреном во всех интервью, независимо от конфессиональной принадлежности, и, безусловно, оказывала влияние на формирование взаимных позиций. Ясно, что прихожане протестантских общин не соглашались с мнением православных в отношении гуманитарной помощи. Они считали, что даже если человек пришел в церковь благодаря продуктовому пакету или другой помощи со стороны общины и остался прихожанином этой церкви в дальнейшем, то нет причин для какого-либо осуждения подобных действий. Другое дело, что известны случаи ренегатской позиции некоторых людей, бегающих из прихода в приход, в надежде на легкую наживу (B012). Как нам представляется, подобное разделение мнений, скорее всего, связано не с принципиальной позицией православных прихожан в этом вопросе, а со сложившимися обстоятельствами. Православная церковь действительно не имела возможности оказывать материальную

помощь своим прихожанам, но это не значит, что, имея такую возможность, она не делала бы этого. Доказательством этому служит, на наш взгляд, ситуация, которая сложилась в Муезерке, где православный приход (правда, принадлежавший Русской Православной церкви за рубежом) имел возможность оказывать, хотя и небольшую, поддержку своим прихожанам и делал это.

В ходе интервью иногда обсуждался вопрос о возможности сосуществования глубокой религиозной веры и толерантного отношения к другим верам (по типологии Ньюмана, это 1 измерение). Как мы показали выше, респонденты сомневались в возможности такого сочетания. Подобное мнение, на наш взгляд, основано на ложной аксиоме, которая гласит: «если Вы верите во что-либо, Вы уверены, что это – правда, и волей-неволей Вы смотрите на то, во что верят другие, как на ошибку и заблуждение»¹. Некорректность этой аксиомы, на наш взгляд, состоит, прежде всего, в том, что вера в Бога всегда носит иррациональный характер, поэтому она не может быть проверена, доказана, обоснована с привлечением любых форм и способов научного доказательства, существующего в мире. Иррациональный выбор априори подразумевает возможность столь же иррационального выбора, осуществляемого другим человеком. Следовательно, даже при условии глубокой веры толерантное отношение возможно.

Солидарность с такой позицией можно обнаружить среди православных. Чаще всего в основе подобного (нетрадиционалистского) отношения лежит предшествующий религиозный опыт либо интерконфессиональный характер семьи и ближайшего окружения. «Я, конечно, отношусь просто холодно к ним, потому что я думаю, что должна быть одна вера у людей. Ну а поскольку люди разные и тут каких только здесь нет национальностей! Ну, пусть они веруют себе. Я их не буду осуждать, но я приемлю здесь только православную веру» (B008). «Вы знаете, я считаю, что вера одна, вера только Божия. И вся наша вера основывается на Слове Божьем, ни на каком-то другом слове, ни на лютеранском, ни на баптистском, ни на пятидесятническом. А почему тогда Бог допустил существование разных служений? А потому, что Бог есть действительно любовь. Бог дает нам добрую волю, а люди любят власть... У них (неправославных общин) есть деньги, и они могут действовать очень активно, а у православия денег нет... А наши люди бедные, искалеченные, измученные, голодные и поэтому, конечно, они пойдут в первую очередь туда.... И поэтому миссионеры этим как бы пользуются... Разница здесь не между нами

¹ *Smith S. D. Op. cit. S. 45.*

верующими. Мы все люди, мы все творения Божьи, мы все несовершенные... И я люблю любого человека, как творение рук Божиих и я никогда не осужу его, зная, что он относится к той вере или той. Я всегда буду относиться к нему с любовью» (A015). Данный случай является скорее исключением из правил, чем правилом, поскольку предшествующий религиозный опыт данной респондентки включал три другие деноминации.

Таким образом, в нашем континууме православные в вопросе о допустимости плюрализма, как правило, находились в диапазоне В—С.

2. Лютеране

Представители лютеранства, как правило, определяют свою позицию следующим образом: «Бог один. И на Земле, раз уж создали и организовали разные эти конфессии, значит люди считают это необходимым. Пусть они все будут. Только пусть они будут человеческими... Мне кажется, что плохого в этом (в возникновении новых общин) ничего нет. Если он в православной вере, он ничего плохого не сделает, если в лютеранской — также... Любая вера дает основы тому, как должен человек вести себя. Между ними не должно быть никаких недоразумений и несогласия... Вот у нас тут две основные веры: православная и лютеранская, и мне кажется, что в эти веры все и должны вступить и в какие-нибудь там секты. Потому что они жизненно показали себя, хотя, конечно и там были разногласия, когда брат на брата пошел войной, но что поделаешь, жизнь такая...» (Pe2).

Традиционный характер православной веры для России обусловил терпимое отношение к ней со стороны других представителей других деноминаций, которые по разным причинам не посчитали нужным стать ее приверженцами. Их конфессиональный выбор, а значит и отказ стать членом РПЦ, объяснялся самыми разнообразными причинами, среди которых непонимание службы на церковнославянском языке, пожалуй, является наиболее распространенным способом объяснения своего выбора. Наряду с ним, верующие неправославных деноминаций часто ссылались на неприятие форм служения в православной церкви с традиционными для нее многочасовыми службами, в ходе которых нужно стоять, с практикой коленопреклоненной молитвы и т. п. «У них как-то очень много показухи, блеска. Человек как бы присутствует на их богослужении, но не участвует в нем... А вот у нас, мы участвуем, мы слушаем, мы читаем, мы поем, мы отвечаем на вопросы, мы думаем о том, что мы прочитали... У них читают там что-то таким голосом непонятным и не дается никакого разъяснения» (B012). Все эти причины, однако, никак не влияют на переме-

щение верующих по континууму толерантности. Их назначение — объяснить свой выбор, что не всегда сочеталось с какой-либо негативной реакцией в отношении православных. Среди верующих-лютеран мы встретили тех, кто, к примеру, ставит свечи в церквях за упокой душ умерших родственников и даже предлагает использовать православную практику, связанную со свечами, в лютеранской церкви (A017).

Отношение лютеран к другим конфессиям часто находилось в прямой связи с собственным конфессиональным выбором или особенностями выбора, совершаемого другими людьми. «Вот давайте посмотрим. Приезжают сюда, допустим „Свидетели Иеговы“... Ходят по домам, объясняют Библию на свой лад... В конечном итоге они уезжают. Но у человека может быть такая ситуация, когда ему нужна помощь. И вот если эти люди появятся и дадут какое-то утешение ему, то он невольно станет их прихожанином... Он им благодарен просто будет... Вот на этой основе могут возникнуть новые общины» (B006). В данном высказывании, по сути, подчеркивается внерелигиозный характер создания новых общин. Выбор осуществляется не между конфессиями, не в категориях истинности или ложности того или иного вероисповедания, а с точки зрения насущных нужд человека, в которых церковь может оказать помощь, выступив в роли психотерапевта.

В отношении неправославных деноминаций лютеране высказывались в совершенном ином ключе, нежели в отношении православных. «Пусть они (новые религиозные общины) появляются. Но они, те, кто организует эти общины, они должны объяснять людям, чем отличается эта вера, что они должны делать, чтобы они знали основы этой веры» (Pe2). В этих словах звучит некоторое сомнение в отношении новых религиозных групп, которые не известны респондентке доподлинно. Тем не менее она допускает их существование, предлагая людям предварительно ознакомиться с их целями и формой служения.

Среди лютеран весьма частой была позиция, подобная следующей: «Раньше была одна коммунистическая партия, и все, больше ничего. А теперь сколько партий у нас... Так почему нельзя иметь разные конфессии, пятидесятники там или православные или баптисты. Пожалуйста, кому, что нравится. Так ведь можно рассудить. Если раньше нельзя было, а теперь можно, так пусть будет».

Большинство лютеран допускают возможность спасения в другой церкви, и никто из них не считает лютеранскую веру единственно истинной. «Если бы я считал, что лютеранская вера единственно истин-

ная, я бы не был христианином. Человек слаб, он не может рассуждать и вешать ярлык: это истинно верующий, а это нет» (П6).

Лютеранам финского происхождения так же, как и православным, свойственна жесткая апелляция к культуре своего (финского) народа. Их вера служит основой для этнической самоидентификации.

Лютеране нефинского происхождения, не имея оснований для традиционалистского или культурологического обоснования своей позиции в отношении других конфессий, как правило, стоят на полуплюралистической позиции. Иными словами, они имеют аргументы в пользу прав на существование в России как православной, так и лютеранской (или, например, католической) конфессии, поскольку они существовали длительный период времени. В то же время они сомневаются в необходимости создания новых религиозных общин и групп, не имеющих исторических корней. Лютеране нефинского происхождения иногда имеют весьма приблизительное представление об исторических корнях лютеранства, порой затрудняясь объяснить присутствие в названии церкви слова «Ингрия». Многие связывают истоки лютеранства, например, с Америкой (В007).

Используя типологию Меншинга, финны-лютеране, как и православные, интолерантны другим конфессиям на сущностном уровне, так как их принадлежность к данной конфессиональной группе определяется культурными представлениями. Лютеране, не имеющие связи с финской идентичностью, могут проявлять или не проявлять формальную интолерантность, оставаясь по сути толерантными другим религиозным группам. Размещение лютеран на нашем континуме несколько осложнено двойственностью их позиции. В отношении православных они, скорее всего, соответствуют уровню D, в то время как мнение о других церквях может быть дислоцировано на уровне С.

3. Пятидесятники

Верующие-пятидесятники, как правило, еще более лояльны, чем лютеране. Они оставляют поле для существования других вер, апеллируя чаще всего к многообразию человеческих темпераментов. «Мы, конечно, очень приветствуем, очень радуемся, когда создаются новые общины и церкви. Это же хорошо. Не важно через какую церковь ты будешь знать, что Бог живой.... И если есть церковь, то, Слава Богу. Люди вот приходят и говорят: „Вот у Вас нет икон, у Вас не настоящая церковь!“ Слава Богу. Идите к православным. Там есть иконы. У нас некоторые женщины перешли в православную и лютеранскую церкви. Слава Богу! Они, значит, нашли себя там» (В014). Или другое высказывание: «Мне кажется, что это чисто человеческое разделение.

К примеру, спор о проведении богослужения... Вероучение практически одинаковое, а отличаются чисто внешние вещи» (Реб).

Подобный универсалистский подход пятидесятников чаще всего не распространяется на все деноминации без исключения. Как и многие другие, пятидесятники ищут «козла отпущения», или объект для критики. Чаще всего этим объектом становятся «Свидетели Иеговы». «Свидетели Иеговы – это страшное, великое заблуждение. Бог Сущий назвал себя Иегова. Но они не признают, не поклоняются Христу, не поклоняются Духу святому» (П1). Столь же настороженное отношение можно услышать и в отношении мусульман, которые воспринимаются как язычники, которым необходимо проповедовать Евангелие (Реб).

Специфическим содержанием наполнено отношение пятидесятников к православным. Во многих населенных пунктах Карелии церкви пятидесятников появились раньше других. Это стало причиной того, что основная масса новообращенных верующих оказалась в общинах пятидесятников. От этих людей нередко можно было услышать сказанные с некоторой обидой слова о бездействии, безынициативности православной церкви в период, когда стало возможным вести религиозную проповедь. Это мнение, однако, не может быть интерпретировано как «враждебность» (В), поскольку за представителями РПЦ признаются все права, и допускается любое сотрудничество.

Среди пятидесятников практически невозможно встретить человека, настаивающего на истинности только его конфессии. «Я считаю, что нет единственно правильной церкви. Если ты веришь в Иисуса Христа, то ты спасен будешь» (Реб).

Выборочный плюрализм характерен и для пятидесятников, хотя оценка допустимости существования тех или иных групп происходит уже, как правило, не с точки зрения длительности существования той или иной религиозной традиции, а в категориях добра и зла, морали, нравственности, а также понимания Библии. К примеру, в ходе одного из интервью состоялась следующая беседа:

Респондент: «Человек он не желает подчиняться Богу, хочет жить своими страстями, эмоциями, похотями».

Интервьюер: «Т. е. каждая новая церковь – это некая прихоть ее создающих?». Респондент: «Нет, что Вы. Иисус сказал, что идите по всей земле и проповедуете Евангелие (цитирует Евангелие от Матфея). Т. е. Бог желает, чтобы люди учились, крестились и соблюдали то, что Бог заповедал в Слове Божиим. Потому что, какой толк, если люди даже не читают сейчас... Вы вот встаньте вот там, около собора и спросите, Евангелие от Луки это в Новом Завете или Старом и Вы

будете иметь уже определенную картину. Но даже если человек начнет читать, то еще нужно усилие, чтобы, во-первых, понять это, а во-вторых, соблюдать. Они (православные) имеют религию, а не веру... вера должна быть в жизни нашей, а не какой-то работой или религией мертвой, которая не животворит. Вера должна быть в жизни и мир вокруг нас должен меняться через проповедь живой веры» (A018).

Такая позиция, на наш взгляд, все же не может рассматриваться как интолерантная, поскольку этот же респондент видит в православных лишь «заблудших овец», не вполне понимающих, что есть лучшие пути приближения к Богу. Он предлагает и хорошо обосновывает необходимость существования собственной деноминации и ее преимущества в сравнении с другими, не требуя, однако, полного согласия с его точкой зрения от других.

Характеризуя лютеран, пятидесятники опять же обращают внимание на форму служения и степень влияния веры на жизненную позицию верующего. «Лютер то он был огненный такой... Он не соглашался со многим. А тут... крещение детей, иконы... Ну что это такое. В Библии написано, что это мерзко перед Богом. ... И он возмутился и у него, кажется, было 92 артикула против... И он горел, и горели люди и была Реформация, т. е. вот течение таких живых, горячих. Почему оно такое сейчас в лютеранской церкви. Они очень тихие, тихие. Они не были такими... И просто хочу сказать, что Бог всегда будет желать таких людей, как Лютер, чтобы они что-то меняли. У пятидесятников есть свои проблемы тоже. Я не хочу сказать, что мы вот такие хорошие. ... Перед Богом и среди православных может быть возрожденный человек» (A018).

Несмотря на столь либеральную позицию, объект для интолерантного отношения находится и для пятидесятников – «Свидетели Иеговы». Надо сказать, что неприятие «Свидетелей» характерно для всех остальных групп верующих, и в качестве основной причины для подобного отношения выступает опровержение «Свидетелями» догмата Святой Троицы и практикуемый ими стиль миссионерской работы. Как нам представляется, здесь мы имеем дело с так называемой «допустимой толерантностью»¹, формирование которой чаще всего происходит при непосредственном участии и скорее даже благодаря участию государственных структур в религиозной жизни населения. Хотя принцип отделения церкви от государства и религиозного плюрализма и закреплен конституционным образом в России, это отнюдь не означает, что власти на разных уровнях придерживаются нейтраль-

¹ *Smith S. D. Op. cit. S. 98.*

ного отношения ко всем религиям. Более того, уже не раз обсуждался вопрос о некоей «иерархии традиционных для России религий», которая была выработана и закреплена в законе о религиозных объединениях 1997 г.¹ Эта иерархия, которую возглавляет православие, в условиях информационной революции быстро отразилась в умах широкого большинства населения, выстроив ряд допустимого соседства с теми или иными деноминациями. Специфические местные условия вносили коррективы в иерархию: в частности, терпимое отношение православных Карелии к лютеранству может быть объяснено только исходя из исторического присутствия лютеранства на данной территории. В поле допустимой толерантности в Карелии входят, как выяснилось, исключительно христианские деноминации. «Свидетели Иеговы» по ряду причин, в частности из-за их отказа принять догмат о Троице, не рассматриваются как представители христианства (Рсб).

Дискурс «допустимой толерантности» вновь приводит нас к выводу о вторичности межконфессионального взаимодействия в сравнении с межкультурным, точнее о неизбежной коннотации между ними в современной России².

Взаимосвязь культуры и религии формирует в России весьма неожиданные формы религиозной жизни. Сергей Филатов, в частности, подчеркивал, что значительная часть населения России идентифицирует себя не с собственно православной церковью, а с христианством в целом³. Последствием такой ситуации является огромное количество «невоцерковленных верующих», считающих себя православными. Феномен «допустимой толерантности», однако, оказывает влияние не только на православную аудиторию. В такой же степени он относится и к верующим протестантских деноминаций, чьи оценки религиозного плюрализма также подвержены влиянию масс-медиа. В частности, отношение в целом достаточно лояльных пятидесятников к «Свидетелям Иеговы» сформировано в значительной степени негативной установкой, звучавшей в СМИ.

Факт «допустимой толерантности» осознается представителями религиозных меньшинств. К их числу относят иногда и пятидесятников, которые подчас стараются затушевать свою религиозную

¹ *Kaisch K., Linzey S.* The Challenge of Freedom in Russia: An Introduction // *God in Russia. The Challenge of Freedom* / Ed. Linzey S., Kaisch K. University Press of America. Lanham; New York; Oxford, 1999. S. 9–10; *Юззел Л.* Проблема свободы религии в современной России // *Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России.* С. 22.

² *Kaisch K., Linzey S.* Op. cit. S. 9.

³ *Filatov S.* Evangelism and Russian Orthodoxy: The Wall of Alienation // *God in Russia. The Challenge of Freedom.* S. 41, 46.

принадлежность либо не афишировать ее перед широкой аудиторией. В частности, один из наших респондентов на вопрос о конфессиональной принадлежности ответил: «Я отношу себя не только к пятидесятникам. Пятидесятники – это моя земная принадлежность. Какая-то деноминация, которая должна быть, как православие, кальвинизм и т. д. Т. е. я не придаю этой бирке какого-то большого значения, чем то, которое в ней самой заложено. Я считаю себя христианином, последователем Христа...» (С13). Несколько респондентов отметили, что они никогда не говорили о своей принадлежности к той или иной, чаще всего «нетрадиционной» конфессии на работе либо своим друзьям и знакомым (А014).

Таким образом, пятидесятники в нашем континууме располагаются на уровне D–E.

4. Свидетели Иеговы

Свидетели Иеговы, на первый взгляд, занимают наиболее нейтральную позицию в отношении других вер. Вот одно из характерных суждений: «Я считаю, что человек имеет свободу выбора в любом вопросе, в вопросе веры в первую очередь. Поэтому это нормально, что они (новые религиозные общины) возникают». Тот же респондент утверждает, что «мы отражаем точку зрения Библии, что есть одна Истина, один Господь, одна вера. Поэтому мы считаем, что правильно одним образом поклоняться Богу..... В то же время мы уважаем выбор других людей» (С10). Исходя из этой позиции, Свидетели Иеговы отказывают в спасении представителям других деноминаций. Следовательно, они демонстрируют формальную толерантность в сочетании с сущностной интолерантностью. На нашем континууме они располагаются так же, как православные, на уровне B–C.

Таким образом, по вопросу принятия или неприятия религиозного плюрализма, а также отношения к иноконфессиональным группам представители всех религиозных общин занимают колеблющуюся позицию, однако в целом центр тяготения смещен больше в сторону негативных, нежели позитивных реакций. Конфессиональная принадлежность, как мы видели ранее, в некоторой степени влияет на градус этого смещения.

Отношение к экуменизму

Вопрос об отношении к экуменизму был включен нами в интервью как контрольный. Во-первых, предполагалось выяснить, насколько люди знакомы с этим понятием и движением, во-вторых,

какое содержание вкладывается разными конфессиональными группами в это понятие, в-третьих, каково отношение к нему. Главной нашей задачей при анализе ответов на этот вопрос была оценка степени готовности к диалогу.

В ходе интервью выяснилось, что подавляющему большинству респондентов это понятие мало знакомо. Нами было принято решение использовать определение *экуменизма как идеи или движения за объединение всех церквей*. Мы придерживались тактики избегать дальнейших пояснений и предоставляли респондентам возможность самим трактовать данное понятие. Часть из них трактовала экуменизм как сакральное единство церквей, предполагающее содержательное, концептуальное сближение позиций. Другая часть понимала экуменизм как возможность совместных акций церквей против различных проявлений зла (пьянство, наркотики и т. п.). И, наконец, часть интервьюируемых осознавала разницу между двумя названными трактовками экуменизма и, следовательно, высказывалась в отношении обеих.

С точки зрения предмета нашего исследования наиболее толерантной позицией нам представляется готовность к осуществлению совместных акций без объединения на сакральной основе. Посмотрим на реальную картину.

1. Православные

Среди православных экуменизм чаще всего понимается как объединение на единой теологической основе (но на православной, а не на синкретической). Хотя предложение перейти к своей вере, по сути, перечеркивает экуменизм, что, однако, игнорируется подавляющим большинством православных.

Наиболее распространенной позицией являлась следующая: «Вы знаете, это (экуменизм) недостижимая вещь. Все должны прийти к истинной вере, к Православию. Но я не знаю, когда это может случиться. А так, чтобы совместные моления какие-то – это неприемлемо, это же грех. Это бесполезно, это невозможно. Просто каждый будет налагать свое первенство. Вопросов не может быть никаких. Экуменизм – это неосуществимая идея» (П18).

Некоторые православные отвергают возможность объединения церквей даже на основе своей веры, так как считают, что это спровоцирует раздоры и распри между людьми. Отдается предпочтение независимому существованию деноминаций (B004; B008; B010).

Хотя часть православных вполне терпимо относится к организации совместных мероприятий с другими церквями (разумеется, кото-

рые не предполагают таинств), однако на практике никто не участвовал в подобных практиках и не был их инициатором. В целом можно сказать, что православные сторонятся какого-либо взаимодействия с другими общинами. В ходе интервью нами задавался вопрос о возможности посещения верующими православного исповедания службы в других церквях или визитов к друзьям других деноминаций, предположим, в день их Рождества или Пасхи. Такие действия нередко трактовались православными, как неприемлемые (B004). Одна из респонденток уточняла, что, возможно, она бы и сходила из любопытства в другую церковь, но не для того, чтобы молиться, а просто посмотреть (B010).

2. Лютеране

Свойственная православным трактовка экуменизма как выбора православной основы для объединения характерна и для других деноминаций. Представительница лютеранской общины вопрошает: «Объединить? Было бы неплохо, конечно, но все равно я бы в православную не ушла бы» (П8). По всей видимости, респондентка не раз слышала проправославную трактовку экуменизма.

Среди лютеран есть сторонники идеи выборочного объединения некоторых конфессий, в частности православной и лютеранской (B011), или всех христианских деноминаций, что также трактуется как экуменизм (B002). При этом предполагается, что нахождение единой теологической основы не составит труда. Для части лютеран экуменизм ассоциируется с мечтой о единстве и согласии между людьми. В этом случае верующие часто апеллировали к Библии, где, по их мнению, речь идет об одной церкви (B002).

Значительной группе лютеран свойственно взвешенное отношение к возможности сакрального единства. «Люди, наверно, не готовы к этому» (A017). «Не думаю, что это будет хороший вариант... Это каша какая-то будет» (A013). «Мне кажется, что война будет, люди же они... Хоть Бог один, конечно, можно было бы всех объединить, но что из этого выйдет? ...Пусть каждый сам по себе верит в свою веру, и все живут спокойно» (A003). «Всемирный совет церквей... Вообще у нас многонациональная страна. Я не понимаю, как может получиться, что-либо единое. У нас все равно все разное» (П9; B012 – то же мнение). «Экуменизм может трактоваться двояко. Если речь идет о том, что давайте вот все объединимся, то я, конечно же, против этого, да этого и не будет никогда. С другой стороны, если речь идет о какой-либо совместной акции, либо о договоренности не писать друг на друга компроматы и т. п., то тогда поддерживаю» (B006).

Часто не имея базовых знаний о сущности этой проблемы, верующие-лютеране подчас интуитивно догадываются о ее сложности. «Если человек христианин, то какая разница, к какой церкви он принадлежит... Но с другой стороны, вот Вы читали „Поющие в терновнике?“ Вот там же тоже обсуждается вопрос, как можно изменить веру свою или сомневаться в ней немножко. Вот как тут рассудить. Я вот недавно смотрела по телевизору, когда, вот помните, приезжал Папа Римский. Как были против этого православные! Их приняла только Западная Украина, потому что они католики... Верующий человек должен принять доброжелательно все. А тут получается, что есть какие-то разногласия, но вот в чем они, я не знаю» (В003). Свое суждение респондентка подкрепила и собственным опытом взаимоотношений православных и лютеран на селе, которые, по ее мнению, могли бы быть более дружественными, однако не являются таковыми.

Для лютеран более, чем для других конфессий, характерно стремление жить в любви и согласии, иногда граничащее с полной индифферентностью к теологическим различиям между конфессиями. Лишь более или менее знакомые с христианской догматикой респонденты предпочитали демонстрировать некоторый сепаратизм.

3. Пятидесятники

Экуменизм понимается пятидесятниками, прежде всего, как необходимость сотрудничества и взаимодействия между христианскими церквями. «Если бы научились побеждать свою плоть, с ее страстями и похотями, то нам было бы легко договориться. Вот во многих церквях выпивку не считают чем-то зазорным, и называют ее трапезой или посторонние половые связи... Человек не желает отказаться от этого мира. Ну, вот так можно сказать, что вера — это его работа. Но вера должна занимать всю жизнь человека» (А018). Данное высказывание несет в себе двойную нагрузку. С одной стороны, за ним стоит искреннее стремление человека избежать непонимания и вражды между конфессиями и сделать при этом приход людей к вере в Бога более простым и понятным (этот респондент выступил с идеей организации межконфессионального центра по лечению алкоголиков и наркоманов (А018)). С другой стороны, акцент на необходимость достижения соответствия между благими стремлениями человека и его реальной жизнью — это лозунг пятидесятнического движения и камень в огород православных. Таким образом, можно сказать, что речь идет все же о такой теологической основе, которая была бы близка пятидесятничеству.

«Хорошая идея, если она не сотрет вот этот колорит личности и может быть ценность самого этого многообразия — будет очень здорово. Экуменическое движение должно быть в виде шага навстречу друг другу, к пониманию, прежде всего. Люди, конечно, придают какой-то эсхатологический оттенок, что, вот, сначала все должны объединиться под главенством антихриста. Но это неправда» (С13).

Таким образом, с точки зрения готовности к диалогу пятидесятники, хотя и отличались с формальной точки зрения от православных, тем не менее, на сущностном уровне считали свой взгляд на вещи наиболее оптимальным решением вопроса.

4. Свидетели Иеговы

Среди «Свидетелей» не нашлось сторонников идеи экуменизма, который воспринимался в первую очередь как некое синкретическое учение. Поскольку «Свидетели» убеждены в истинности только своей конфессии, то это не позволяет им искать или идти на какие-либо компромиссы с другими.

«Это невозможно, я считаю. Это не даст какого-то положительного результата, потому что Христос не старался провести в I веке объединение всех церквей или существующих в то время учений. Он просто сказал: правильно вот так. И люди старались придерживаться правильного» (П10). «В Библии есть принцип, что народ Бога должен отделяться от всего, что противоречит закону Бога. Поэтому (экуменизм) с точки зрения Библии неприемлем» (П12).

Подводя итоги в отношении вопроса, связанного с экуменизмом, хотим заметить, что явную готовность к диалогу продемонстрировали только лютеране и пятидесятники. Среди православных и Свидетелей Иеговы доминировали позиции, связанные скорее с сепаратизмом, нежели с желанием сотрудничества, что, как нам представляется, обусловлено не разной степенью готовности к диалогу представителей сравниваемых религиозных общин, а обращением православных и «Свидетелей» преимущественно к сущностному (теологическому) аспекту экуменизма, а не к простой кооперации разных религиозных общин при проведении различных мероприятий. Это в целом коррелирует с нашими наблюдениями, сделанными ранее при анализе мнений в отношении религиозного плюрализма, где православные и «Свидетели» проявляли более принципиальную позицию, нежели пятидесятники и лютеране.

Отношение к межконфессиональным бракам

В нашем исследовании предполагалось, что с помощью вопросов о межконфессиональных браках, о внутрисемейных связях между представителями разных деноминаций можно будет обозначить практическую сторону межконфессионального взаимодействия. К сожалению, нам не удалось выявить иного пространства, которое могло бы помочь нам оценить межконфессиональные связи на практическом уровне. Большинство общин в Карелии ведут маргинальный образ жизни, взаимодействуя только в исключительных случаях. Нами были включены в анкету несколько разных вопросов, касающихся этой проблемы. В результате анализа мы получили следующую картину.

1. Православные

Православные чаще всего относятся к интерконфессиональным бракам как к вынужденному шагу, которого нужно стараться избежать. Если такое все же случилось, то наиболее распространенной моделью поведения выбирается смена веры, причем желательно в пользу православия.

«В семье должна быть одна вера. Если все-таки случится так, что моя дочь выберет в мужья не православного, я поговорю с ними, чтобы кто-нибудь сменил веру. Но брак их все же я благословлю» (B008).

«Я нормально отношусь к таким бракам. А почему нет. Если люди истинно верующие, они как-то должны прийти к одному знаменателю. Может быть, к православию, и, скорее всего, это чаще всего и бывает. У нас вот есть такая пара в приходе, мусульманин и православная. Когда у них ребенок тяжело заболел, он пришел в нашу церковь и крестился у нас теперь» (A009).

«Я думаю, что это очень тяжело. С католиком, например. И верующий с неверующим – это тоже трудно... Я бы не хотела, чтобы мои дети вступили в брак с протестантами» (A010). «Я не приму приглашение на протестантское рождество. Я считаю, что это предательство своей веры, православной. Вы знаете, я стараюсь не общаться с людьми инославными. Интервьюер: Вы думаете, что они принесут Вам вред? Респондент: Да, потому что у них другие взгляды на жизнь» (A010).

Такая модель поведения приемлема только для части респондентов, причем радикальный взгляд на эту проблему, который представлен последним высказыванием, скорее исключение из правил.

Среди православных значительную группу представляют и те, кто не ставит вопрос о конфессии во главу угла.

«Что сделаешь, если у нас перепутано все... Я вот считаю, что и дети у меня православные, хоть они не признают ничего» (В004).

«Если есть любовь, то такой брак возможен. Любящие найдут взаимопонимание друг с другом» (Ре5).

«У меня противоречивое отношение к этим бракам, но если есть любовь, то противоречие должно разрешиться. Кто-то должен принять веру другого. Лучше в пользу православия. Причем не обязательно женщина должна сменить веру. У нас на севере эта проблема не так актуальна, а вот на юге это сложно» (Ре4). В данном случае респондентка обращает внимание на возможность брака между представителями христианских деноминаций, в то же время считает невозможным и сложным заключение брака между мусульманином и православным, к примеру.

С точки зрения предмета нашего исследования православные демонстрируют способность к межконфессиональному взаимодействию на практическом уровне. Чаще всего для большинства из них жизненные обстоятельства не позволяют им отстраниться от контактов с верующими иных деноминаций, в частности и на внутрисемейном уровне. В такой ситуации православные стараются избежать каких-либо обсуждений вопросов, связанных с разной конфессиональной принадлежностью.

2. Лютеране

Отношение лютеран к межконфессиональным бракам колеблется от полностью толерантного к сугубо интолерантному, хотя обе эти крайние позиции характерны скорее для тех, кто не имел опыта семейной жизни.

«Я, например, хотела бы, чтобы мой будущий муж был в первую очередь верующим, ну и лучше, чтобы лютеранином.... Но главное, чтобы люди понимали друг друга и в согласии решали все вопросы. ...Детей в таких браках нужно воспитывать в зависимости от того, с чьей стороны большее влияние на ребенка идет» (А012).

Несколько описаний межконфессионального взаимодействия в семьях респондентов убеждают нас во мнении, что лютеране чаще всего толерантны в отношении православных.

«Для нас стариков это уже не имеет значения. У меня муж православный, и я его не уговариваю ходить со мной в лютеранскую церковь. Вот семьям с маленькими детьми – им трудно решить, но у меня дочь православная, и она не препятствует, что я книги детям посылаю» (Ре3).

«Сватья моя захотела покрестить мою старшую внучку в православной церкви, но я не воспрепятствовала. Только однажды я

пригласила внучку в воскресную школу, так сватья сказала: „Я сколько раз тебе говорила, что она православная!“ А я ответила, что тебе-то какая разница, где она будет учиться Библии. Воскресная школа есть воскресная школа. Но я не стала настаивать» (B003).

Так же, как и в обсуждаемом ранее вопросе о религиозном плюрализме, лютеране демонстрируют иное отношение к бракам с неправославными.

«Сложно ответить. Но если люди понимают друг друга, то можно не менять веру. Но это трудно. Допустим между лютеранством и православием есть общие черты и можно найти общий язык. Но в то же время разные дни, разные службы и разная нагрузка идет на человека. А вот, например, со Свидетелями Иеговы я бы не смогла сосуществовать. Мне кажется это невозможно. Очень разные веры» (A013).

Среди недавно воцерковленной лютеранской молодежи можно встретить стремление, могущее быть расцененным как интолерантное. «Я к этому отношусь негативно, так как могут быть скандалы в семье. В конечном счете ведь надо воспитывать детей. И в этом случае я бы рекомендовал супругам сходить и в тот и другой приход и найти какое-то согласие, хотя бы на уровне понравится или не понравится служба и пр.» (B006).

«Один из супругов должен сменить веру. Интервьюер: Если ты встретишь и полюбишь девушку православного исповедания, то это станет для тебя препятствием для брака? Респондент: Препятствием, нет. Надо просто дать ей время привыкнуть к лютеранской вере? Интервьюер: Т. е. ты хочешь обратиться к лютеранству? Респондент: Да, буду стараться» (B007).

3. Пятидесятники

Интерконфессиональный брак не является проблемой для пятидесятников, которые более других конфессий отстаивают принцип возможности присутствия искренне верующего человека в любой христианской конфессии. Именно эти искренне верующие смогут унаследовать Царство Божие на земле.

«Если они оба христиане, то такой брак может существовать. Было бы лучше, если бы это была одна конфессия, но в принципе я думаю, что ничего страшного в этом нет... Вы знаете, в Библии же нет разделения на православных и других. Поэтому, если родители будут показывать своим детям пример христианский, знакомить их с Библией, молиться за них, то в принципе дети сами примут свое решение, какую конфессию им выбрать... Это (брак детей с верующим другой деноминации. — С. Я.), конечно, лучше, чем брак с неверующим. Было

бы лучше, если бы они соединили свою судьбу с человеком одной веры. Хотя главное, чтобы человек искренне верил в Бога, а какой он будет конфессии, в принципе не важно» (Ре6).

«Муж и жена должны как-то договориться. Они должны любить друг друга. Бог есть любовь и вера, и это не что-то такое, что я вот тебе говорю делать так или делать так, я тебе говорю ходить в платочке, и ты должна это делать... Вера создает благоприятную атмосферу для роста человека, для его подъема, для того, чтобы он состоялся в жизни» (А018). Слова данного респондента подтверждаются его собственным семейным опытом. Будучи женатым на неверующей, он в течение нескольких лет своим примером и отношением к жизни демонстрировал полезность и необходимость веры. На момент опроса оба супруга были крещены и воспитывали детей на основах христианства.

4. Свидетели Иеговы

Среди опрошенных «Свидетелей» нами не было встречено семей, где супруги принадлежали бы к разным религиозным общинам. Основные догматические установки Свидетелей Иеговы, по всей видимости, не позволяют им занимать лояльную позицию в этом вопросе:

«Я думаю, что если человек еще не вступил в брак, то лучше заранее принять правильное решение, чтобы потом не было сложностей со сменой веры. Но если произошло так, что кто-то уже, будучи в браке, стал Свидетелем, то это личное дело каждого, он должен сам принимать решение, и мы не имеем права отбирать у человека свободу» (П12).

Принятая у «Свидетелей» установка на свободу выбора человека заставляет их идти на некоторые компромиссы.

«Хорошо, если семья будет объединена духовно.... Вера – это не пиджак, который можно снять и повесить. Вера – это то, что человек приобретает со временем, как правило, это глубокое понимание, взгляды. Поэтому, нет, не должен изменить (веру. – С. Я.). У нас в организации много есть браков, которые религиозно разделены. Часто бывает, что это нормальные семьи... И каждый остается при своих убеждениях, это не препятствует семье...» (П10).

Таким образом, подводя итоги в отношении практического поведения верующих различных деноминаций в сфере интерконфессиональных браков, хотим заметить, что жизненные реалии современной России существенно влияют на канонические представления конфессиональных групп. Понятно, что с точки зрения любой деноминации «чистый» брак позволяет избежать непонимания и конфликтов, в том

числе и в вопросе о крещении детей. Однако основная масса респондентов полагает, что эта проблема не носит принципиального характера, что и без конфессионального единства возможны крепкие, хорошие семьи. Для большинства из них это не просто голословное утверждение, но их собственный, личный опыт.

Православные несколько более принципиальны в этом вопросе, что скорее определяется их доминирующей численностью среди верующих в России, нежели неприятием интерконфессиональных браков в принципе. Для всех остальных, более малочисленных конфессиональных групп жесткая позиция в этом вопросе неприемлема просто потому, что это потенциально создаст сложности с поиском брачного партнера. Вместе с тем для части респондентов, вне зависимости от деноминации, в этом вопросе существуют группы-аутсайдеры, к числу которых часто относятся мусульмане, Свидетели Иеговы, мормоны. Основной причиной для отторжения каких-либо связей с перечисленными сообществами являлась невозможность совместного сосуществования столь разных воззрений в одной семье. Хотя респонденты и приводили подобные примеры как возможные, но чаще всего они рассматривали такой вариант как неприемлемый для себя лично или трактовали его как прозелитический подвиг, совершенный ради большой любви.

Выводы

Приведенный анализ межконфессиональных отношений, уровень религиозной (ин)толерантности, свойственный жителям Карелии, особенности мотивации респондентов, используемой при саморефлексии и оценке связей с представителями других общин, приводят нас к заключению, что в целом уровень религиозности карельского населения неглубок, что процесс приобщения людей к вере только начинается. Конфессиональный выбор осуществляется не по твердому убеждению в истинности той или иной конфессии, а в зависимости от ряда второстепенных факторов. Часть из них лежит в области культуры, как, например, в случае с православием для русских или лютеранством для этнических финнов. Другая часть, как нам представляется, лежит в области человеческой психики, когда религия компенсирует какие-либо потери и утраты, часто возникающие в переходных обществах¹.

¹ См. об этом подробнее: Яловицына С. Э. Религиозная толерантность в Республике Карелия: есть ли причины для беспокойства? // Перекресток культур: междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. М., 2004. С. 375–417.

Представленная на суд читателей картина, безусловно, отличается некоторой эклектичностью, однако, как нам представляется, сам объект нашего исследования имеет весьма рыхлую, ситуативную структуру и не может быть охарактеризован однозначно. Тем не менее мы можем сделать некоторые общие наблюдения.

Процесс приобщения людей к вере, по сути, только начался. Это определяет во многом формальный характер отношения к вере. Она не проникла полностью в сердца людей, она не регулирует везде и всегда их отношение к жизни. «Вы знаете, вот у нас нет в поселке таких вот истинно верующих» (B012; B013). На этом этапе межконфессиональные взаимоотношения строятся достаточно спокойно. Более существенная дилемма, с точки зрения респондентов, возникает между верой и неверием, нежели между разными верами. Это гораздо более существенная проблема, чем какие-либо другие.

Формальный характер отношения к вере, тем не менее, не исключает проявления интолерантности. В этом смысле мы хотим присоединиться к выводу Меншинга: «Мы верим, что основным мотивом интолерантности в религии является не истинность религиозных воззрений; это не имеет ровно никакого значения.... Формальные факторы всегда первичны и идут раньше мотивов, относящихся к содержанию веры»¹. Проявление данных чувств мы видели в отношении Свидетелей Иеговы со стороны всех остальных рассмотренных конфессий (навязчивые формы миссионерства), или в отношении лютеран и пятидесятников со стороны православных (гуманитарная помощь как способ увеличения числа прихожан), или в отношении православных со стороны лютеран и др. (обрядовая религия).

Формальная интолерантность свойственна всем религиозным общинам, которая может быть рассмотрена как способ сохранить единство. Это, безусловно, актуально для недавно родившихся общин, которых в Карелии большинство.

Особого рода интолерантность характерна для этнических религий. Финны-лютеране, как и православные, интолерантны другим конфессиям на сущностном уровне. Усугубляет это и упомянутый нами факт, что проблема межконфессиональных отношений в Карелии была глубоко включена в контекст политических и этнических взаимоотношений. Хотя этническим религиям и их общинам в Карелии и не угрожает распад, но в основе их функционирования часто находятся внерелигиозные факторы культуры, этнической принадлежности и пр. Мы вынуждены в целом согласиться с точкой зрения Меншинга,

¹ *Mensing G. Op. cit. S. 100.*

что «религия, выражающая патриотизм и критицизм, вдобавок, не может быть толерантной»¹, хотя сформулировали бы ее несколько мягче, что представители такой религии не стремятся быть толерантными. Они имеют достаточные обоснования для своего существования и не нуждаются в поддержке других.

Тем не менее факт появления других религиозных общин, особенно основанных на неэтническом признаке, несколько нервнует традиционные этноконфессиональные группы, так как посредством их может быть нарушено единство их сообщества, а точнее, института. «Религиозная история учит нас, что этноконфессиональные коммуны с их институциональной религиозностью дезинтегрируются, когда на сцене появляются универсальные религии... Институциональная религиозность требует соблюдения правил и норм... Институты ищут способ сохранить единство, выступая против любого внешнего влияния, что может быть достижимо с помощью интолерантного исключения всех дезорганизующих факторов»².

Как преимущественно формальный характер оценок межконфессионального взаимодействия, так и существование в Карелии этнических религий, на наш взгляд, потенциально несут в себе опасность усиления интолерантных тенденций среди населения. И то и другое имеет общую причину – отсутствие надлежащего просвещения населения в религиозной сфере. Эта ситуация формирует догматический взгляд на вещи, способствует маргинализации как конкретных людей, так и целых конфессиональных групп.

В данной статье мы рассматривали исключительно взгляды верующих. За пределами нашего исследования осталось огромное количество людей, не причисляющих себя ни к одной из общин и, по всей видимости, имеющих еще более стереотипизированные представления о религиозной жизни, о различиях между конфессиями, о взаимоотношениях между ними. Сложно предположить, как будет развиваться процесс приобщения этих людей к вере, однако хотелось бы, чтобы их выбор осуществлялся на основе реального знания, убеждений, а не на домыслах и стереотипах.

¹ *Mensing G.* Op. cit. S. 100–101.

² *Ibid.* S. 112–113.

Приложение

Сведения о респондентах, интервью с которыми были использованы для подготовки статьи. Мы сгруппировали респондентов по конфессиональному признаку, так как повествование в статье также основывается на нем.

Церковь пятидесятников

1.	A006	Женщина, 69 лет, карелка, церковь пятидесятников, вдова (проживает одна), среднее специальное образование, пенсионерка (ранее работала в исполкоме)
2.	A006-2	Женщина, 63 года, карелка, церковь пятидесятников, вдова (проживает одна), среднее специальное образование, пенсионерка (ранее работала воспитателем в детском саду)
3.	A018	Мужчина, 43 года, русский, церковь пятидесятников, женат (этнически-однородная семья), среднее образование, работает (в церкви)
4.	B002	Женщина, 67 лет, карелка, церковь пятидесятников, замужем (национально-смешанная семья), образование 7 классов, пенсионерка (ранее работала в леспромхозе)
5.	B014	Женщина, 32 года, русская, церковь пятидесятников, разведена (проживает с детьми), среднее специальное образование, работает (в образовательной сфере)
6.	П1	Женщина, 46 лет, русская, церковь пятидесятников, замужем (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает на двух работах (при церкви и по специальности (в сфере культуры))
7.	П13	Женщина, 18 лет, русская, церковь пятидесятников, не замужем, среднее образование, работает (в сфере образования на неквалифицированном труде)
8.	П14	Мужчина, 42 года, еврей, церковь пятидесятников, женат (национально-смешанная семья), среднее образование, работает на двух работах (при церкви и в сфере бизнеса)
9.	П15	Женщина, 51 год, татарка, церковь пятидесятников, замужем (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает по специальности (в сфере финансов)
10.	П16	Мужчина, 42 года, русский, церковь пятидесятников, холост, неполное среднее образование, работает на двух работах (при церкви и на заводе)
11.	П21	Женщина, 48 лет, русская, церковь пятидесятников, разведена, среднее профессиональное образование, работает (по специальности)
12.	П22	Женщина, 48 лет, карелка, церковь пятидесятников, разведена, среднее профессиональное образование, работает (по специальности в сфере транспорта)
13.	П23	Мужчина, 44 года, русский, церковь пятидесятников, вдовец, среднее образование, работает на заводе
14.	П24	Мужчина, 20 лет, русский, церковь пятидесятников, холост, среднее профессиональное образование, работает по специальности
15.	П25	Женщина, 17 лет, карелка, церковь пятидесятников, не замужем (живет с родителями), неполное среднее образование, учится
16.	П26	Мужчина, 17 лет, русский, церковь пятидесятников, холост (живет с родителями), среднее образование, учится в училище
17.	П29	Мужчина, 41 год, русский, церковь пятидесятников, женат (этнически-однородная), неполное среднее образование, работает (в сфере услуг)

18.	П30	Женщина, 37 лет, украинка, церковь пятидесятников, замужем (национально-смешанная семья), среднее образование, работает (неквалифицированный труд в сфере транспорта)
19.	Ре6	Женщина, 24 года, русская, церковь пятидесятников, не замужем (проживает одна), высшее образование, работает (в сфере судопроизводства)
20.	Ре7	Мужчина, 27 лет, карел, церковь пятидесятников, холост (проживает один), среднее профессиональное образование, работает (в церкви)
21.	С12	Мужчина, 31 год, финн, церковь пятидесятников, холост, среднее профессиональное образование, работает (в сфере услуг)
22.	С13	Мужчина, 32 года, украинец, церковь пятидесятников, женат (национально-смешанная семья), высшее образование, работает (в церкви)
23.	С5	Женщина, 38 лет, русская, церковь пятидесятников, замужем (этнически-однородная семья), среднее профессиональное образование, работает (по специальности в сфере медицины)

Лютеранская церковь (ЕЛЦ Ингрии и Карельская Лютеранская церковь)

24.	A003	Женщина, 48 лет, карелка, лютеранка, разведена (проживает одна), неполное среднее образование, работает (неквалифицированный труд)
25.	A005	Женщина, 55 лет, карелка, лютеранка, замужем (этнически-однородная семья), среднее техническое образование, работает (не по специальности)
26.	A007	Мужчина, 70 лет, карел, лютеранин, женат (этнически-однородная семья), образование 7 классов, пенсионер (ранее работал в СМИ)
27.	A011	Женщина, 61 год, русская, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), высшее образование, пенсионерка (ранее работала в сфере образования)
28.	A011-2	Женщина, 61 год, русская, лютеранка, замужем (этнически-однородная семья), среднее техническое образование, пенсионерка (ранее работала в сфере финансов)
29.	A011-3	Женщина, 64 года, карелка, лютеранка, замужем (этнически-однородная семья), высшее образование, пенсионерка (ранее работала ???)
30.	A012	Женщина, 17 лет, не может определить свою национальность, так как родилась в национально-смешанной семье, лютеранка, заканчивает школу
31.	A013	Женщина, 17 лет, русская, лютеранка, не замужем, заканчивает школу
32.	A014	Мужчина, 18 лет, русский, лютеранин, холост, среднее, работает (неквалифицированный труд)
33.	A016	Женщина, 38 лет, русская, лютеранка, вдова (проживает с дочерью), высшее образование, работает (в образовательной сфере)
34.	A017	Женщина, 65 лет, финка, лютеранка, вдова (проживает одна), среднее специальное образование, пенсионерка (работает при церкви)
35.	B001	Женщина, 65 лет, финка, лютеранка, вдова (проживает одна), среднее техническое образование, пенсионерка (ранее работала в области финансов)
36.	B003	Женщина, 66 лет, финка, лютеранка, вдова (проживает одна), среднее специальное образование, пенсионерка (ранее работала в торговле)
37.	B005	Женщина, 71 год, финка, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), образование 7 классов, пенсионерка (ранее работала в сфере финансов)
38.	B006	Мужчина, 29 лет, русский, лютеранин, холост (проживает один), высшее образование, работает (при церкви)
39.	B007	Мужчина, 17 лет, русский, лютеранин, холост (проживает с родителями), незаконченное среднее образование (продолжает учиться)

40.	B011	Женщина, 23 года, белоруска, лютеранка, не замужем (мать-одиночка), среднее образование, работает (неквалифицированный труд)
41.	B012	Женщина, 44 года, белоруска, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), среднее специальное образование, работает (при церкви)
42.	B013	Женщина, 22 года, русская, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), среднее образование, работает (неквалифицированный труд)
43.	П10	Женщина, 66 лет, карелка, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает (по специальности)
44.	П11	Мужчина, 65 лет, русский, лютеранин, вдовец, среднее профессиональное образование, работает (не по специальности; неквалифицированный труд)
45.	П6	Мужчина, 49 лет, финн, лютеранин, женат (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает (в сфере торговли)
46.	П7	Женщина, 70 лет, финка, лютеранка, замужем (этнически-неоднородная семья), среднее профессиональное образование, пенсионерка (ранее работала в сфере строительства)
47.	П8	Женщина, 78 лет, финка, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), начальное образование, пенсионерка (ранее работала в сфере услуг)
48.	П9	Женщина, 91 год, финка, лютеранка, разведена, начальное образование, пенсионерка (ранее работала в сфере транспорта)
49.	Pe1	Женщина, 69 лет, карелка, лютеранка, замужем (этнически-однородная семья), среднее образование, пенсионерка (ранее работала ???)
50.	Pe2	Женщина, 71 год, финка, лютеранка, вдова (проживает одна), среднее образование, пенсионерка (ранее работала ???)
51.	Pe3	Женщина, 67 лет, карелка, лютеранка, замужем (национально-смешанная семья), среднее специальное образование, пенсионерка (ранее воспитатель в детском саду)
52.	C7	Женщина, 50 лет, русская, лютеранка, не замужем, среднее профессиональное образование, работает (в сфере медицины)
53.	C8	Женщина, 64 года, русская, лютеранка, не замужем, высшее образование, пенсионерка (ранее работала в сфере связи)

Православная церковь (РПЦ и русская православная церковь за рубежом)

54.	A001-2	Женщина, 72 года, русская, православная, вдова (проживает одна), высшее образование, пенсионерка (ранее работала на руководящей должности в совхозе)
55.	A004	Женщина, 41 год, русская, православная, замужем (национально-смешанная семья), высшее образование, работает (не по специальности; прошла переподготовку)
56.	A008	Мужчина, 47 лет, русский, православный, женат (этнически-однородная семья), теологическое образование, работает (в церкви)
57.	A009	Женщина, 52 года, русская, православная, не замужем (проживает одна), среднее специальное образование, пенсионерка (ранее работала ???)
58.	A010	Женщина, 22 года, русская, православная, не замужем (проживает с родителями), образование 9 классов, работает (при храме)
59.	A015	Женщина, 50 лет, русская, православная, разведена (проживает одна), высшее образование (дополнительно получила теологическое образование), безработная (работала ранее в сфере финансов на руководящей должности)
60.	B004	Женщина, 75 лет, украинка, православная, вдова (проживает одна), образование 6 классов, пенсионерка (ранее работала в сфере связи)

61.	B008	Женщина, 67 лет, белоруска, православная, вдова (проживает одна), образование 8 классов, пенсионерка (ранее работала в области страхования)
62.	B010	Женщина, 26 лет, русская, православная, не замужем (живет с родителями), высшее образование, работает (в области образования)
63.	П17	Женщина, 73 года, русская, православная, вдова, неполное среднее образование, пенсионерка (ранее работала в сфере транспорта на руководящей работе)
64.	П18	Женщина, 69 лет, русская, православная, вдова, высшее образование, пенсионер (ранее работала в сфере медицины)
65.	П19	Женщина, 70 лет, русская, православная, вдова, неполное среднее образование, пенсионерка (ранее работала на неквалифицированном труде в сельском хозяйстве)
66.	П2	Мужчина, 30 лет, украинец, православный, женат (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает (при церкви)
67.	П27	Женщина, 25 лет, русская, православная, замужем (этнически-однородная семья), неполное высшее образование, работает (по специальности)
68.	П28	Мужчина, 21 год, русский, православный, женат (этнически-однородная семья), среднее образование, учится в вузе
69.	П3	Женщина, 62 года, русская, православная, замужем (этнически-однородная семья), среднее профессиональное образование, пенсионерка (ранее работала в сфере финансов на руководящей должности)
70.	П4	Женщина, 55 лет, русская, православная, вдова, неполное высшее образование, работает (в сфере медицины)
71.	П5	Мужчина, 56 лет, русский, православный, женат (национально-смешанная), высшее образование, работает (в сфере образования)
72.	Ре4	Женщина, 43 года, русская, православная, разведена (живет одна), среднее специальное образование, работает на руководящей работе в области образования
73.	Ре5	Мужчина, 33 года, карел, православный, разведен (в настоящее время гражданский брак; этнически-неоднородная семья), высшее образование, безработный
74.	С1	Мужчина, 34 года, араб, православный, женат (национально-смешанная семья), высшее образование, работает (по специальности в сфере медицины)
75.	С11	Мужчина, 36 лет, русский, православный, холост, высшее образование, работает (при церкви)
76.	С2	Мужчина, 42 года, русский, православный, холост, среднее профессиональное образование, работает (в сфере строительства, по специальности)
77.	С6	Мужчина, 34 года, русский, православный, женат (национально-смешанная семья), неполное среднее образование, работает (неквалифицированный труд)
78.	С9	Женщина, 44 года, русская, православная, замужем (национально-смешанная семья), среднее профессиональное образование, работает (по специальности)

Свидетели Иеговы

79.	П12	Мужчина, 23 года, русский, Свидетель Иегова, женат (этнически-однородная семья), среднее профессиональное образование, работает (в сфере финансов)
80.	С10	Мужчина, 25 лет, русский, Свидетель Иегова, женат (национально-смешанная семья), неполное высшее образование, работает (в сфере строительства)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баданов Вадим — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Карельского филиала Северо-Западной академии государственной службы.

Беликова Александра — кандидат филологических наук, докторант Отделения иностранных языков и переводоведения университета Йёэнсуу.

Бирин Виктор — кандидат исторических наук, начальник отдела по связям с религиозными объединениями Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями.

Вабулинская Людмила — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Голубев Алексей — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

Витухновская Марина — доктор философии, преподаватель и исследователь университета Хельсинки.

Дубровская Елена — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Захарова Лариса — кандидат исторических наук Высшей школы социальных исследований в Париже, исследователь Национального центра научных исследований Франции при Франко-Российском центре гуманитарных и общественных наук в Москве.

Илюха Ольга — кандидат исторических наук, зам. директора по научной работе Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Кауптала Пекка — доктор философии, научный сотрудник фонда Конне при Национальном архиве Финляндии (Хельсинки).

Киселева Ольга — доцент кафедры отечественной истории (послереволюционного периода) Петрозаводского государственного университета.

Клементьев Евгений — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Кожанов Александр — кандидат исторических наук, зав. кафедрой архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского государственного университета.

Кораблев Николай — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Курки Тууликки — доктор философии, старший научный сотрудник Карельского института университета Йёэнсуу.

Маркова Елена — доктор филологических наук, зав. сектором литературы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Никулина Татьяна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета.

Сойни Елена – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Суутари Пекка – доктор философии, директор Карельского института университета Йёэнсуу, профессор.

Такала Ирина – кандидат исторических наук, зав. кафедрой истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета.

Шикалов Юрий – доктор философии, научный сотрудник Карельского института университета Йёэнсуу.

Юликангас Микко – доктор философии, координатор программ Академии Финляндии.

Яловицына Светлана – кандидат исторических наук, доцент кафедры архивоведения и специальных исторических дисциплин Петрозаводского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ФИНЛЯНДИЯ И РОССИЙСКАЯ КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВНУТРИИМПЕРСКОГО СОСЕДСТВА: СВЯЗИ И ПАРАЛЛЕЛИ	15
<i>Пекка Кауппала, Марина Витухновская.</i> Финляндия и Российская Карелия накануне революции: две социально-экономические модели развития	17
<i>Вадим Баданов, Николай Кораблев.</i> Использование агрохозяйственного опыта Финляндии Олонецким земством в начале XX века	41
<i>Марина Витухновская.</i> Финское влияние на национальную мобилизацию в Российской Карелии (1905–1917)	55
<i>Ольга Илюха.</i> Финский фактор в развитии школьного дела в Российской Карелии в начале XX века	73
<i>Юрий Шикалов.</i> Деятельность финской лютеранской церкви в Беломорской Карелии в начале XX века	88
«ФИНСКИЙ ПЕРИОД» СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ	105
<i>Ирина Такала.</i> Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов)	107
<i>Евгений Клементьев.</i> Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы	149
<i>Александра Беликова.</i> Финский язык в Карелии в 20–30-е годы XX века: попытки языкового моделирования	164
<i>Микко Юликангас.</i> Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов	184
<i>Елена Сойни.</i> Поэзия-утопия финской иммиграции в России. 1920–1930-е годы	208
<i>Пекка Суутари.</i> Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии	232
ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ	251
<i>Елена Дубровская.</i> Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья	253
	463

<i>Татьяна Никулина, Ольга Киселева.</i> Противостояние СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны: взгляд гражданского населения Карелии	263
<i>Алексей Голубев.</i> Идеология и повседневность: женщины в политике финского оккупационного режима и практике повседневной жизни в Карелии (1941–1944 годы)	284

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА 297**

<i>Лариса Захарова.</i> Соотношение финского и русского факторов в процессе национального строительства в Карелии в первые послевоенные десятилетия: циклы коренизации и особенности коммуникации и репрезентации	299
<i>Людмила Вавулинская.</i> Культурные связи между Карелией и Финляндией в 1950–1970-е годы	322
<i>Евгений Клементьев, Александр Кожанов.</i> Финский язык в Карелии в новейший период	338
<i>Тууликки Курки.</i> Локальная, внелокальная или полилокальная литература? Финноязычная литература в Карелии во второй половине XX – начале XXI века	351
<i>Елена Маркова.</i> Роль женщин-писательниц Финляндии в становлении женской литературы на Европейском Севере России	366
<i>Виктор Бирин.</i> Основные тенденции развития брака и семьи у финнов Карелии во второй половине XX века	398
<i>Евгений Клементьев.</i> Социально-профессиональная структура финского населения Карелии: тенденции развития, современное состояние	409
<i>Светлана Яловицына.</i> Финны-лютеране и межконфессиональные отношения в Карелии 1990-х годов	425
Сведения об авторах	461

Научное издание

**ФИНСКИЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЕ КАРЕЛИИ XX ВЕКА**

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН*

Художник А. Н. Трифанова

Редактор Л. В. Кабанова
Оригинал-макет Т. Н. Люрина

Сдано в печать 12.10.09.
Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура Newton. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 28,0. Усл. печ. л. 27,0. Тираж 300 экз.
Изд. № 45.

Отпечатано в Копистар Оптима